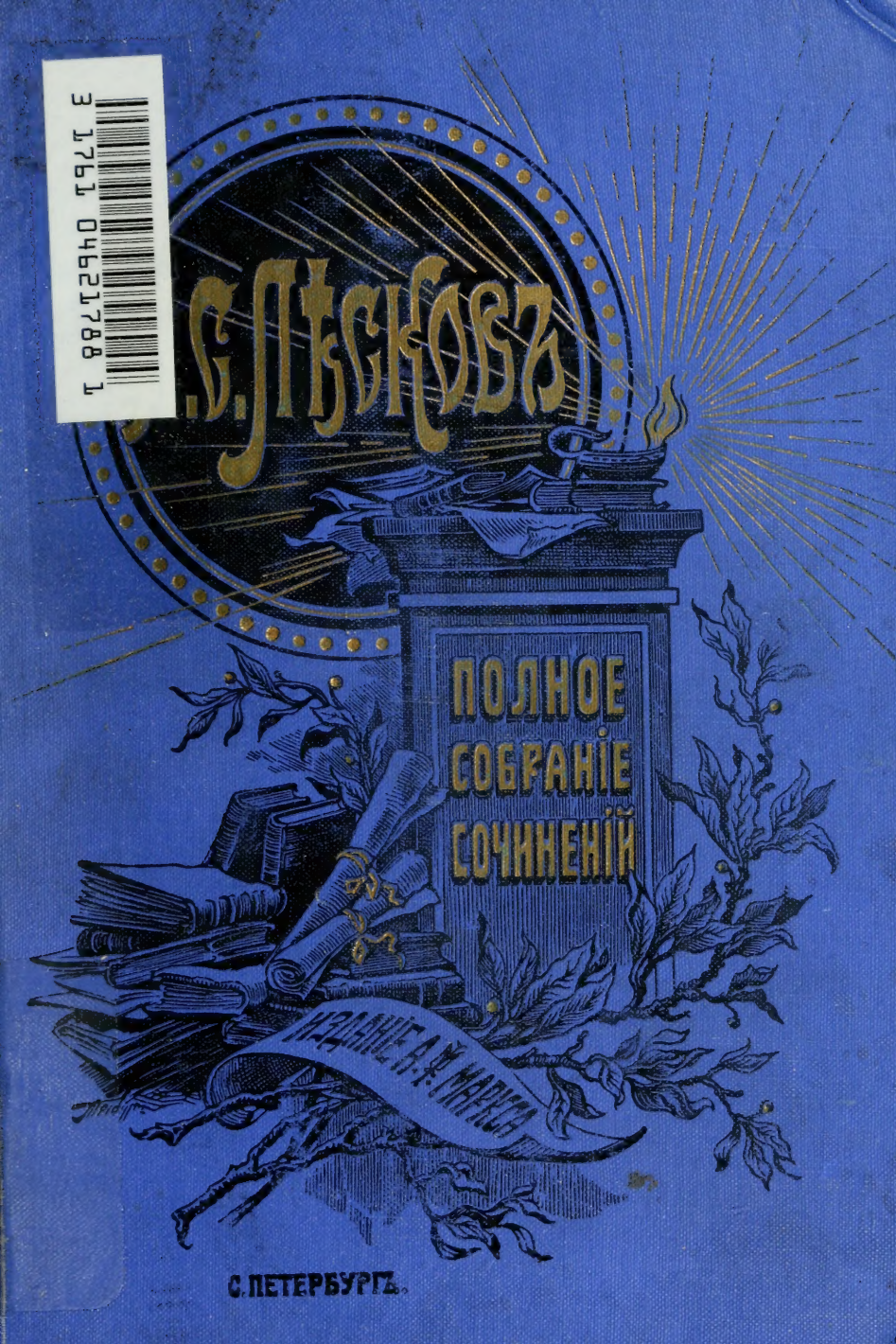

3 1761 04621288 1

Leskov, Nikolai Semenovich
III

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Н. С. ЛѢСКОВА.

Polnoe sobranie sochineny

izd. 3

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

t. 19-21

ТОМЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

551836
27.10.52

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

СТАРЫЙ ГЕНІЙ.

«Геній лѣтъ не имѣетъ—онъ преодолѣваетъ все, что останавливаетъ обыкновенные умы».

Ларошфуко.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Петербургъ пріѣхала маленькая старушка-помѣщица, у которой было, по ея словамъ, «вопіющее дѣло». Дѣло это заключалось въ томъ, что она, по своей сердечной добротѣ и простотѣ, чисто изъ одного участія, выручила изъ бѣды одного великосвѣтскаго франта, заложивъ для него свой домикъ, составлявшій все достояніе старушки и ея недвижимой, увѣчной дочери да внучки. Домъ былъ заложенъ въ пятнадцати тысячахъ, которыя франтъ полностію взялъ, съ обязательствомъ уплатить въ самый короткій срокъ.

Добрая старушка этому вѣрила, да и не мудрено было вѣрить, потому что должникъ принадлежалъ къ одной изъ лучшихъ фамилій, имѣлъ передъ собою блестящую карьеру и получалъ хорошіе доходы съ имѣній и хорошее жалованье по службѣ. Денежныя затрудненія, изъ которыхъ старушка его выручила, были послѣдствіемъ какого-то мимолетнаго увлеченія или неосторожности за картами въ дворянскомъ клубѣ, что поправить ему было, конечно, очень легко,— «лишь бы только доѣхать до Петербурга».

Старушка знавала когда-то мать этого господина и, во имя старой пріязни, помогла ему; онъ благополучно уѣхалъ въ Питеръ, а затѣмъ, разумѣется, началась довольно обыкновенная въ подобныхъ случаяхъ игра въ кошку и мышку. Приходятъ сроки, старушка напоминаетъ о себѣ

письмами, — сначала самыми мягкими, потомъ немножко пожёстче, а наконецъ, и бранится, — намекаетъ, что «это не честно», но должникъ ея былъ звѣрь травленый и все равно ни на какія ея письма не отвѣчалъ. А между тѣмъ время уходитъ, приближается срокъ закладной — и передъ бѣдной женщиной, которая уповала дожить свой вѣкъ въ своемъ домишкѣ, вдругъ разверзается страшная перспектива холода и голода съ увѣчной дочерью и маленькою внучкою.

Старушка въ отчаяніи поручила свою больную и ребенка доброй сосѣдкѣ, а сама собрала кое-какія крохи и полетѣла въ Петербургъ «хлопотать».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Хлопоты ея вначалѣ были очень успѣшны: адвокатъ ей встрѣтился участливый и милостивый, и въ судѣ ей рѣшеніе вышло скорое и благопріятное, но какъ дошло дѣло до исполненія—тутъ и пошла закорюка, да такая, что и ума къ ней приложить было невозможно. Не то, чтобы полиція или иные какіе пристава должнику мирволили — говорятъ, что тотъ имъ самимъ давно надоѣлъ, и что они всѣ старушку очень жалѣютъ и рады ей помочь, да *не смѣютъ*... Было у него какое-то такое могущественное родство, или свойство, что нельзя было его приструнить, какъ всякаго иного грѣшника.

О силѣ и значеніи этихъ связей достовѣрно не знаю, да думаю, что это и не важно. Все равно — какая бабушка ему ни ворожила и все на милость преложила.

Не умѣю тоже вамъ разсказать въ точности, что надъ нимъ надо было учинить, но знаю, что нужно было «вручить *должнику* съ роспискою» какую-то бумагу, и вотъ этого-то никто, никакія лица, никакого уряда — не могли сдѣлать. Къ кому старушка ни обратится, всѣ ей въ одномъ родѣ совѣтуютъ:

— Ахъ, сударыня, и охота же вамъ! Бросьте лучше! Намъ очень васъ жаль, да что дѣлать, когда онъ никому не платитъ... Утѣшьтесь тѣмъ, что не вы первая, не вы и послѣдняя.

— Батюшки мои,—отвѣчаетъ старушка:—да какое же мнѣ въ этомъ утѣшеніе, что не мнѣ одной худо будетъ? Я бы, голубчики, гораздо лучше желала, чтобы и мнѣ, и всѣмъ другимъ хорошо было.

— Ну, отвѣчаютъ, — чтобъ всѣмъ-то хорошо — вы ужъ это оставьте,—это спеціалисты выдумали и это невозможно.

А та, въ простотѣ своей, пристаетъ:

— Почему же невозможно? У него состояніе во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ онъ всѣмъ намъ долженъ, и пусть онъ должное отдастъ, а ему еще много останется.

— Э, сударыня, у кого «много», тѣмъ никогда много не бываетъ, а имъ всегда недостаточно, но главное дѣло въ томъ, что онъ платить не привыкъ, и если очень докучать станете—можетъ вамъ непріятность сдѣлать.

— Какую непріятность?

— Ну, что вамъ разспрашивать: гуляйте лучше тихонько по Невскому проспекту, а то вдругъ уѣдете.

— Ну, извините,—говоритъ старушка:—я вамъ не повѣрю: онъ замотался, но человѣкъ хорошій.

— Да, отвѣчаютъ,—конечно, онъ баринъ хорошій, но только дурной платить; а если кто этимъ занялся, тотъ и все дурное сдѣлаетъ.

— Ну, такъ тогда употребите мѣры.

— Да вотъ тутъ-то, отвѣчаютъ, — и точка съ запятою: мы не можемъ противъ всѣхъ «употреблять мѣры». Зачѣмъ съ такими знались.

— Какая же разница?

А вопрошаемые на нее только посмотрятъ да отвернутся, или даже предложатъ идти высшимъ жаловаться.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ходила она и къ высшимъ. Тамъ и доступъ труднѣе, и разговору меньше, да и отвлеченнѣе.

Говорятъ: «да гдѣ онъ? о немъ доносятъ, что его нѣтъ!»

— Помилуйте,—плачетъ старушка:—да я его всякій день на улицѣ вижу,—онъ въ своемъ домѣ живетъ.

— Это вовсе и не его домъ. У него нѣтъ дома: это домъ его жены.

— Вѣдь это все равно: мужъ и жена—одна сатана.

— Да это вы такъ судите, но законъ судитъ иначе. Жена на него тоже счеты предъявляла и жаловалась суду, и онъ у нея не значится... Онъ, чортъ его знаетъ, онъ всѣмъ намъ надоѣлъ, — и зачѣмъ вы ему деньги давали! Когда онъ въ Петербургѣ бываетъ — онъ прописывается гдѣ-то въ меблированныхъ комнатахъ, но тамъ не живетъ.

А если вы думаете, что мы его защищаемъ, или намъ его жалко, то вы очень ошибаетесь: ищите его, поймайте, — это ваше дѣло,—тогда ему *«вручатъ»*.

Утѣшительнѣе этого старушка ни на какихъ высотахъ ничего не добилась, и, по провинціальной подозрительности, стала шептать, будто все это «оттого, что сухая ложка ротъ деретъ».

— Что ты, говоритъ, — мнѣ ни увѣряй, а я вижу, что все оно оттого же самаго движетъ, что *надо смазать*.

Пошла она «мазать» и пришла еще болѣе огорченная. Говоритъ, что «прямо съ цѣлой тысячи начала», т. е. обѣщала тысячу рублей изъ взысканныхъ денегъ, но ее и слушать не хотѣли, а когда она, благоразумно прибавляя, насулила до трехъ тысячъ, то ее даже попросили выйти.

— Трехъ тысячъ не берутъ за то только, чтобы бумажку вручить! Вѣдь это что же такое?... Нѣтъ, прежде лучше было.

— Ну, тоже, напоминаю ей: — забыли вы, вѣрно, какъ тогда хорошо шло: кто больше далъ, тотъ и правъ былъ.

— Это, отвѣчаетъ,—твоя совершенная правда, но только между старинными чиновниками бывали отчаянные доки. Бывало его спросишь: «можно ли?»—а онъ отвѣчаетъ: «въ Россіи невозможности нѣтъ», и вдругъ выдумку выдумаетъ и сдѣлаетъ. Вотъ мнѣ и теперь одинъ такой объявился и пристаетъ ко мнѣ, да не знаю: вѣрить или нѣтъ? Мы съ нимъ вмѣстѣ въ Маріинскомъ пассажѣ у саечника Василья обѣдаемъ, потому что я вѣдь теперь экономлю и надъ каждымъ грошемъ трясусь, — горячаго уже давно не ѣмъ, все на дѣло берегу, а онъ, вѣрно, тоже по бѣдности или питущій... но преубѣдительно говоритъ: «дайте мнѣ пятьсотъ рублей—я *вручу*». Какъ ты объ этомъ думаешь?

— Голубушка моя, отвѣчаю ей: — увѣряю васъ, что вы меня своимъ горемъ очень трогаете, но я и своихъ-то дѣлъ вести не умѣю и рѣшительно ничего не могу вамъ посовѣтовать. Разспросили бы вы, по крайней мѣрѣ, о немъ кого-нибудь: кто онъ такой и кто за него поручиться можетъ?

— Да ужъ я саечника разспрашивала, только онъ ничего не знаетъ. «Такъ, говоритъ, надо думать, или купецъ притишилъ торговлю, или подупавшій изъ какихъ-нибудь своихъ благородій».

— Ну, самого его прямо спросите.

— Спрашивала — кто онъ такой и какой на немъ чинъ? «Это, говоритъ, въ нашемъ обществѣ разсказывать совсѣмъ лишнее и не принято: называйте меня Иванъ Иванычъ, а чинъ на мнѣ изъ четырнадцати овчинъ,—какую захочу, ту вверхъ шерстью и выворочу».

— Ну, вотъ видите, — это, выходитъ, совсѣмъ какая-то темная личность.

— Да, темная... «Чинъ изъ четырнадцати овчинъ»—это я понимаю, такъ какъ я сама за чиновникомъ была. Это значитъ, что онъ четырнадцатаго класса. А насчетъ имени и рекомендаціи прямо объявляетъ, что «насчетъ рекомендацій», говоритъ, «я ими пренебрегаю и у меня ихъ нѣтъ, а я геніальныя мысли въ своемъ лбу имѣю и знаю достойныхъ людей, которые всякій мой планъ готовы привести за триста рублей въ исполненіе».

— Почему же, батюшка, непремѣнно *триста?*

— «А такъ,—ужъ это у насъ такой прификсъ, съ котораго мы уступать не желаемъ и больше не беремъ».

— Ничего, сударь, не понимаю.

— «Да и не надо. Нынѣшніе вѣдь много тысячъ берутъ, а мы сотни. Мнѣ двѣсти за мысль и за руководство, да триста исполнительному герою, въ соразмѣрѣ, что онъ можетъ за исполненіе три мѣсяца въ тюрьмѣ сидѣть, и конецъ дѣло вѣнчаетъ. Кто хочетъ—пусть намъ вѣритъ, потому что я всегда берусь за дѣла только за невозможныя; а кто вѣры не имѣетъ, съ тѣмъ дѣлать нечего»,—но что до меня касается,—прибавляетъ старушка,—то представь ты себѣ мое искушеніе: я ему почему-то вѣрю...

— Рѣшительно, говорю,—не знаю, отчего вы ему вѣрите?

— Вообрази—предчувствіе у меня, что ли, какое-то, и сны я вижу, и все это какъ-то такъ тепло убѣждаетъ довѣриться.

— Не подождать ли еще?

— Подожду, пока возможно.

Но скоро это сдѣлалось невозможно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Пріѣзжаетъ ко мнѣ старушка въ состояніи самой трогательной и острой горести: во-первыхъ, настаетъ Рождество; во-вторыхъ, изъ дому пишутъ, что домъ на сихъ же дняхъ

поступаетъ въ продажу; и въ-третьихъ, она встрѣтила своего должника подъ-руку съ дамой и погналась за ними и даже схватила его за рукавъ, и взывала къ содѣйствію публики, крича со слезами: «Боже мой, онъ мнѣ долженъ!» Но это повело только къ тому, что ее отъ должника съ его дамою отвлекли, а привлекли къ отвѣтственности за нарушеніе тишины и порядка въ людномъ мѣстѣ. Ужаснѣе же этихъ трехъ обстоятельствъ было четвертое, которое заключалось въ томъ, что должникъ старушки добылъ себѣ заграничный отпускъ и не позже, какъ завтра, уѣзжаетъ съ роскошною дамою своего сердца за границу, — гдѣ навѣрно пробудетъ годъ или два, а можетъ быть и совсѣмъ не вернется, «потому что она очень богатая».

Сомнѣній, что все это именно такъ, какъ говорила старушка, не могло быть ни малѣйшихъ. Она научилась зорко слѣдить за каждымъ шагомъ своего неуловимаго должника и знала всѣ его тайности отъ подкупленныхъ его слугъ.

Завтра, стало быть, конецъ этой долгой и мучительной комедіи: завтра онъ несомнѣнно улизнетъ и надолго, а можетъ-быть и навсегда, потому что его компаньонка, всеконечно, не желала афишировать себя за мигъ иль краткое мгновенье.

Старушка все это во всѣхъ подробностяхъ повергла уже обсужденію дѣльца, имѣющаго чинъ изъ четырнадцати овчинъ, и тотъ тамъ же, сидя за ночвами у саечника въ Маріинскомъ пассажѣ, отвѣчалъ ей:

— «Да, дѣло кратко, но помочь еще можно: сейчасъ пятьсотъ рублей на столъ, и завтра же ваша душа на просторъ; а если не имѣете ко мнѣ вѣры — ваши пятнадцать тысячъ пропали».

— Я, другъ мой, разсказываетъ мнѣ старушка: — уже рѣшилась ему довѣриться... Что же дѣлать: все равно, вѣдь, никто не берется, а онъ берется и твердо говоритъ: «я вручу». Не гляди, пожалуйста, на меня такъ, глаза испытуючи. Я нимало не сумасшедшая, — а и сама ничего не понимаю, но только имѣю къ нему какое-то таинственное довѣріе въ моемъ предчувствіи, и сны такіе снились, что я рѣшилась и увела его съ собою.

— Куда?

— Да видишь ли, мы у сасчника вѣдь только въ одну пору, все въ обѣдъ встрѣчаемся. А тогда уже поздно будетъ, такъ я его теперь при себѣ веду и не отпущу до завтраго. Въ мои годы, конечно, ужъ объ этомъ никто ничего дурного подумать не можетъ, а за нимъ надо смотрѣть, потому что я должна ему сейчасъ же всѣ пятьсотъ рублей отдать и безъ всякой росписи.

— И вы рѣшаетесь?

— Конечно, рѣшаюсь. — Что же еще сдѣлать можно? Я ему уже сто рублей задатку дала и онъ теперь ждетъ меня въ трактирѣ, чай пьетъ, а я къ тебѣ съ просьбою: у меня еще двѣсти пятьдесятъ рублей есть, а полутораста нѣтъ. Сдѣлай милость, ссуди меня,—я тебѣ возвращу. Пусть хоть домъ продадутъ, — все-таки тамъ полтораста рублей еще останется.

Зналъ я ее за женщину прекрасной честности, да и горе ея такое трогательное, — думаю: отдастъ или не отдастъ—Господь съ ней, отъ полутораста рублей не разбогатѣешь и не обѣднѣешь, а между тѣмъ у нея мученія на душѣ не останется, что она не всѣ средства испробовала, чтобы «вручить» бумажку, которая могла спасти ея дѣло.

Взяла она просимыя деньги и поплыла въ трактиръ къ своему отчаянному дѣльцу. А я съ любопытствомъ дожидалъ ее на слѣдующее утро, чтобы узнать: на какое еще новое штукарство изловчаются плутовать въ Петербургѣ?

Только то, о чемъ я узналъ, превзошло мои ожиданія: пассажный геній не постыдилъ ни вѣры, ни предчувствій доброй старушки.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

На третій день праздника, она влетаетъ ко мнѣ въ дорожномъ платьѣ и съ саквояжемъ, и первое что дѣлаетъ,— кладетъ мнѣ на столъ занятые у меня полтораста рублей, а потомъ показываетъ банковую, переводную росписку слишкомъ на пятнадцать тысячъ...

— Глазамъ своимъ не вѣрю! Что это значитъ?

— Ничего больше, какъ я получила всѣ свои деньги съ процентами.

— Какимъ образомъ? Неужто все это четырнадцати-овчинный Иванъ Иванычъ устроилъ?

— Да, онъ. Впрочемъ, былъ еще и другой, которому онъ отъ себя триста рублей далъ, — потому что безъ помощи этого человѣка обойтись было невозможно.

— Это что же еще за дѣятель? Вы ужъ разскажите все, какъ они вамъ помогали!

— Помогли очень честно. Я какъ пришла въ трактиръ и отдала Ивану Иванычу деньги—онъ сосчиталъ, принялъ и говоритъ: «теперь, госпожа, поѣдемъ. Я, говоритъ, геній по мысли моей, но мнѣ нуженъ исполнитель моего плана, потому что я самъ таинственный незнакомецъ и своимъ лицомъ юридическихъ дѣйствій производить не могу». Ѣздили по многимъ низкимъ мѣстамъ и по банямъ — все искали какого-то «сербскаго сражателя», но долго его не могли найти. Наконецъ нашли. Вышелъ этотъ сражатель изъ какой-то ямки, въ сербскомъ военномъ костюмѣ, весь оборванный, а въ зубахъ шпочка изъ газетной бумаги и говоритъ: «я все могу, что̀ кому нужно, но прежде всего надо выпить». Всѣ мы трое въ трактирѣ сидѣли и торговались, и сербскій сражатель требовалъ «по сту рублей на мѣсяцъ, за три мѣсяца». На этомъ рѣшили. Я еще ничего не понимала, но видѣла, что Иванъ Иванычъ ему деньги отдалъ, стало-быть, онъ вѣритъ, и мнѣ полегче стало. А потомъ я Ивана Иваныча къ себѣ взяла, чтобы въ моей квартирѣ находился, а сербскаго сражателя въ бани ночевать отпустили съ тѣмъ, чтобы утромъ явился. Онъ утромъ пришелъ и говоритъ: я готовъ! А Иванъ Иванычъ мнѣ шепчетъ: «Поилите для него за водочкой: отъ него нужна смѣлость. Много я ему пить не дамъ, а немножко необходимо для храбрости: настаетъ самое главное его исполненіе».

Выпилъ сербскій сражатель, и они поѣхали на станцію желѣзной дороги, съ поѣздомъ которой старушкинъ должникъ и его дама должны были уѣхать. Старушка все еще ничего не понимала, что̀ такое они замыслили и какъ исполнятъ, но сражатель ее успокоивалъ и говорилъ, что «все будетъ честно и благородно». Стала съѣзжаться къ поѣзду публика, и должникъ явился тутъ, какъ листъ перетъ травою, и съ нимъ дама; лакей беретъ для нихъ билеты, а онъ сидитъ съ своей дамой, чай пьетъ и тревожно осматривается на всѣхъ. Старушка спряталась за Ивана Иваныча и указываетъ на должника, говоритъ: «вотъ — онъ!»

Сербскій воитель увидалъ, сказалъ «хорошо» и сейчасъ же всталъ и прошелъ мимо франта разъ, потомъ во второй, а потомъ въ третій разъ, прямо противъ него остановился и говоритъ:

— Чего это вы на меня такъ смотрите?

Тотъ отвѣчаетъ: «я на васъ вовсе никакъ не смотрю, я чай пью».

— А-а!—говоритъ воитель:—вы не смотрите, а чай пьете? такъ я же васъ заставлю на меня смотрѣть. и вотъ вамъ отъ меня къ чаю лимонный сокъ, песокъ и шоколаду кусокъ!.. Да съ этимъ—хлопъ, хлопъ, хлопъ! его три раза по лицу и ударилъ.

Дама бросилась въ сторону, господинъ тоже хотѣлъ убѣжать и говорилъ, что онъ теперь не въ претензіи; но полиція подскочила и вмѣшалась: «этого, говоритъ. нельзя: это въ публичномъ мѣстѣ».—и сербскаго воителя арестовали, и побитаго тоже. Тотъ въ ужасномъ былъ волненіи, — не знаетъ: не то за своей дамой броситься, не то полиціи отвѣчать. А между тѣмъ уже и протоколъ готовъ, и поѣздъ отходитъ... Дама уѣхала, а онъ остался... и какъ только объявилъ свое званіе, имя и фамилію, полицейскій говоритъ: «такъ вотъ у меня кстати для васъ и бумажка въ портфелѣ есть для врученія». Тотъ — дѣлать нечего — при свидѣтеляхъ поданную ему бумагу принялъ, и, чтобы освободить себя отъ обязательствъ о невыѣздѣ, немедленно же сполна и съ процентами уплатилъ чекомъ весь долгъ свой старушкѣ.

Такъ были побѣждены неодолимыя затрудненія. правда восторжествовала и въ честномъ, но бѣдномъ домѣ водворился покой, и праздникъ сталъ тоже свѣтелъ и веселъ.

Человѣкъ, который нашелся —какъ уладить столь трудное дѣло. кажется, вполнѣ имѣетъ право считать себя въ самомъ дѣлѣ геніемъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ СЪ НИГИЛИСТОМЪ.

«Кто скачетъ, кто мчится
въ таинственной мглѣ?»
Гете.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Случилось провести мнѣ рождественскую ночь въ вагонѣ, и не безъ приключеній.

Дѣло было на одной изъ маленькихъ желѣзнодорожныхъ вѣтвей, такъ сказать, совсѣмъ въ сторонѣ отъ «большого свѣта». Линія была еще не совсѣмъ окончена, поѣзда ходили неаккуратно, и публику помѣщали какъ попало. Какой классъ ни возьми, все выходитъ одно и то же,— всѣ являются вмѣстѣ.

Буфетовъ еще нѣтъ; многіе, чувствуя холодъ, грѣются изъ дорожныхъ фляжекъ.

Согрѣвающіе напитки развиваютъ общеніе и разговоры. Больше всего толкуютъ о дорогѣ и судятъ о ней снисходительно, что бываетъ у насъ не часто.

— Да, плохо насъ везутъ,—сказалъ какой-то военный:— а все спасибо имъ, — лучше, чѣмъ на коняхъ. На коняхъ въ сутки бы не доѣхали, а тутъ завтра къ утру будемъ и завтра назадъ можно. Должностнымъ людямъ то удобство, что завтра съ родными повидаешься, а послѣзавтра и опять къ службѣ.

— Вотъ и я то же самое,—поддержалъ, вставъ на ноги и держась за спинку скамьи, большой, сухощавый духовный; — вотъ у нихъ въ городѣ дьяконъ гласомъ подунавши, многолѣтіе — въ родѣ какъ пѣтухъ выводитъ. Пригласили меня

за десятку позднюю обѣдню сдѣлать. Многолѣтіе проворчу и опять въ ночь въ свое село.

Одно находили на лошадяхъ лучше, что можно ѣхать въ своей компаніи и гдѣ угодно остановиться.

— Ну, да вѣдь здѣсь компанія-то не навѣкъ, а на часъ,— молвилъ купецъ.

— Однако, иной если и на часъ навяжется, то можно его всю жизнь помнить,—отозвался дьяконъ.

— Чего же это такъ?

— А если, напримѣръ, нигилистъ, да въ полномъ своемъ облаченіи, со всѣми составами и револьверъ-барбосомъ.

— Это сужектъ полицейскій.

— Всякаго это касается, потому вы знаете ли, что отъ одного даже трясенія... пафъ—и готово.

— Оставьте, пожалуйста... Къ чему вы это къ ночи завели. У насъ этого званія еще нѣтъ.

— Можетъ съ поля взяться.

— Лучше спать давайте.

Всѣ послушались купца и заснули, и не могу уже вамъ сказать, сколько мы проспали, какъ вдругъ насъ такъ сильно встряхнуло, что всѣ мы проснулись, а въ вагонѣ съ нами уже былъ нигилистъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Откуда онъ взялся? Никто не замѣтилъ, гдѣ этотъ непріятный гость могъ взойти, но не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что это настоящій, чистокровный нигилистъ, и потому сонъ у всѣхъ пропалъ сразу. Разсмотрѣть его еще было невозможно, потому что онъ сидѣлъ впотемочкахъ въ углу у окна, но и смотрѣть не надо — это такъ уже чувствовалось.

Впрочемъ, дьяконъ попробовалъ произвести обозрѣніе личности: онъ прошелся къ выходной двери вагона, мимо самаго нигилиста, и, возвратясь, объявилъ потихоньку, что весьма ясно примѣтилъ «рукава съ фибрами», за которыми непремѣнно спрятанъ револьверъ-барбосъ или динамидъ.

Дьяконъ оказывался человѣкомъ очень живымъ и, для своего сельскаго званія, весьма просвѣщеннымъ и любознательнымъ, а къ тому же и находчивымъ. Онъ немедленно сталъ подбивать военнаго, чтобы тотъ вынулъ па-

шпроску и пошелъ къ нигилисту попросить огня отъ его сигары.

— Вы, говоритъ,— не цивильные, а вы со шпорою—вы можете на него такъ топнуть, что онъ какъ бильярдный шаръ выкатится. Военному все смѣлѣе.

Къ поѣздовому начальству напрасно было обращаться, потому что оно насъ заперло на ключъ и само отсутствовало.

Военный согласился: онъ всталъ, постоялъ у одного окна, потомъ у другого и, наконецъ, подошелъ къ нигилисту и попросилъ закурить отъ его сигары.

Мы зорко наблюдали за этимъ маневромъ и видѣли, какъ нигилистъ схитрилъ: онъ не далъ сигары, а зажегъ спичку и молча подалъ ее офицеру.

Все это холодно, кратко, отчетисто, но безучастливо и въ совершенномъ молчаніи. Ткнулъ въ руки зажженную спичку и отворотился.

Но, однако, для нашего напряженнаго вниманія было довольно и одного этого свѣтового момента, пока сверкнула спичка. Мы разглядѣли, что это человѣкъ совершенно сомнительный, даже неопредѣленнаго возраста. Точно донской рыбецъ, котораго не отличишь—нынѣшній онъ или прошлогодній. Но подозрительнаго много: грефовскіе круглые очки, неблагонамѣренная фуражка, не православнымъ блиномъ, а съ еретическимъ надзатыльникомъ, и на плечахъ типическій пледъ, составляющій въ нигилистическомъ сословіи своего рода «мундирную пару», но что всего болѣе намъ не понравилось—это его лицо. Не татлатое и воеводственное, какъ бывало у ортодоксальныхъ нигилистовъ шестидесятыхъ годовъ, а нынѣшнее—щуковатое, такъ сказать фальсифицированное и представляющее какъ бы нѣкую невозможную помѣсь нигилистки съ жандармомъ. Въ общемъ это являетъ собою подобіе геральдическаго козерога.

Я не говорю геральдическаго *льва*, а именно геральдическаго *козерога*. Помните, какъ ихъ обыкновенно изображаютъ по бокамъ аристократическихъ гербовъ: посреди пустой шлемъ и забрало, а на него вздымается левъ и козерогъ. У послѣдняго вся фигура безпокойная и острая, какъ будто «счастья онъ не ищетъ и не отъ счастія бѣжитъ». Въ бакенбардахъ и козерогѣ, въ которые былъ окрашенъ нашъ непріятный спутникъ, не обѣщали ничего добраго: волосенки цвѣта гаванны, лицо зеленоватое, а глаза сѣрые и бѣгаютъ

какъ метрономъ, поставленный на скорый темпъ «allegro udiratto». (Такого темпа въ музыкѣ, разумѣется, нѣтъ, но онъ есть въ нигилистическомъ жаргонѣ).

Чортъ его знаетъ: не то его кто-то догоняетъ, — или онъ за кѣмъ-то гонится — никакъ не разберешь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Военный, возвратясь на свое мѣсто, сказалъ, что на его взглядъ нигилистъ немножко чисто одѣтъ, и что у него на рукахъ есть перчатки, а передъ нимъ на противоположной лавочкѣ стоитъ бѣльевая корзинка.

Дьяконъ, впрочемъ, сейчасъ же доказалъ, что все это ничего не значитъ, и привелъ къ тому нѣсколько любопытныхъ исторій, которыя онъ зналъ отъ своего брата, служащаго гдѣ-то при таможнѣ.

— Черезъ нихъ,—говорилъ онъ:—разъ проѣзжалъ даже не въ простыхъ перчаткахъ, а филь-де-помъ, а какъ стали его обыскивать—обозначился шульеръ. Думали смирный — посадили его въ подводную тюрьму, а онъ изъ-подъ воды ушелъ.

Всѣ заинтересовались: какъ шульеръ ушелъ изъ-подъ воды?

— А очень просто,—разъяснилъ дьяконъ: — онъ началъ притворяться, что его занапрасно посадили, и началъ просить свѣчку. «Мнѣ, говоритъ, — въ темнотѣ очень скучно, прошу дозволить свѣчечку, я хочу въ поверхностную комиссію графу Лорисъ-Мелихову объявленіе написать, кто я таковъ, и въ какихъ упованіяхъ прошу пощады и хорошее мѣсто. Но комендантъ былъ старый, мушкетнаго пороху,— зналъ всѣ ихъ хитрости и не позволилъ. «Кто къ намъ, говоритъ,—залученъ, тому нѣтъ пощады», и такъ все его впотьмахъ и томилъ; а какъ этотъ померъ, а новаго назначили, шульеръ видитъ, что этотъ изъ неопытныхъ — навзрыдъ передъ нимъ зарыдалъ, и началъ просить, чтобы ему хоть самый маленькій сальный огарочекъ дали и какую-нибудь божественную книгу: «для того, говоритъ, — что я хочу благочестивыя мысли читать и въ раскаяніе придти». Новый комендантъ и далъ ему свѣчной огарокъ и духовный журналъ «Православное Воображеніе», а тотъ и ушелъ.

— Какъ же онъ ушелъ?

— Съ огаркомъ и ушелъ.

Военный посмотрѣлъ на дьякона и сказалъ:

— Вы какой-то вздоръ разсказываете!

— Нимало не вздоръ, а слѣдствіе было.

— Да что же ему огарокъ значилъ?

— А чортъ его знаетъ, что значилъ! Только послѣ стали вездѣ по каморкѣ смотрѣть — ни дыры никакой, ни щелочки,—ничего нѣтъ, и огарка нѣтъ, а изъ листовъ изъ «Православнаго Воображенія» остались одни корневильскіе корешки.

— Ну, вы совсѣмъ чортъ знаетъ что̀ говорите!—нетерпѣливо молвилъ военный.

— Ничего не вздоръ, а я вамъ говорю — и слѣдствіе было, и узнали потомъ, кто онъ такой, да уже поздно.

— А кто же онъ такой былъ?

— Нахалкиканецъ изъ-за Ташкенту. Генералъ Черняевъ его верхомъ на битюкѣ послалъ, чтобы онъ болгарамъ отъ Кокорева пятьсотъ рублей отвезъ, а онъ, по театрамъ да по баламъ, всѣ деньги въ карты проигралъ и убѣжалъ. Свѣчнымъ саломъ смазался, а съ свѣтилемъ ушелъ.

Военный только рукою махнулъ и отвернулся.

Но другимъ пассажирамъ словоохотливый дьяконъ нимало не наскучилъ: они любовно слушали, какъ онъ отъ коварнаго нахалкиканца съ корневильскими корешками перешелъ къ настоящему нашему собственному положенію съ подозрительнымъ нигилистомъ. Дьяконъ говорилъ:

— Я на его чистоту не льщусь, а какъ вотъ придетъ сейчасъ первая станція — здѣсь одна сторожиха изъ керосиновой бутылочки водку продаетъ,—я поднесу кондуктору бутерпафтъ, и мы его встряхнемъ и что въ бѣльевой корзинѣ есть, посмотримъ... какіе тамъ у него составы...

— Только надо осторожнѣе.

— Будьте покойны — мы съ молитвою. Помилуй мя, Боже...

Тутъ насъ вдругъ и толкнуло, и завизжало. Многіе вздрогнули и перекрестились.

— Вотъ оно и есть, — воскликнулъ дьяконъ: — наѣхали на станцію!

Онъ вышелъ и побѣжалъ, а на его мѣсто пришелъ кондукторъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Кондукторъ сталъ прямо передъ нигилистомъ и ласково молвилъ:

— Не желаете ли, господинъ, корзиночку въ багажъ сдать?

Нигилистъ на него посмотрѣлъ и не отвѣтилъ.

Кондукторъ повторилъ предложеніе.

Тогда мы въ первый разъ услыхали звукъ голоса нашего ненавистнаго попутчика. Онъ дерзко отвѣчалъ:

— *Не желаю.*

Кондукторъ ему представилъ резоны, что «такихъ большихъ вещей не дозволено съ собой въ вагоны вносить».

Онъ процѣдилъ сквозь зубы:

— И прекрасно, что не дозволено.

— Такъ желаете, я корзиночку сдамъ въ багажъ?

— *Не желаю.*

— Какъ же, сами правильно разсуждаете, что это не дозволяется, и сами не желаете?

— *Не желаю.*

Взошедшій на эту исторію дьяконъ не утерпѣлъ и воскликнулъ: — «развѣ такъ можно!» но, услыхавъ, что кондукторъ пригрозилъ «оберомъ» и протоколомъ, успокоился и согласился ждать слѣдующей станціи.

— Тамъ городъ, — сказалъ онъ намъ: — тамъ его и скрутятъ.

И что въ самомъ дѣлѣ за упрямый человѣкъ: ничего отъ него не добьются, кромѣ одного—«не желаю».

Неужто тутъ и взаправду замѣшаны корневильскіе корешки?

Стало очень интересно, и мы ждали слѣдующей станціи съ нетерпѣніемъ.

Дьяконъ объявилъ, что тутъ у него жандармъ даже кумъ и человѣкъ стараго мушкетнаго пороху.

— Онъ, говоритъ, — ему такую завинтушку подъ ребро ткнетъ, что изъ него все это рояльное воспитаніе выскочитъ.

Оберъ явился еще на ходу поѣзда и настойчиво сказалъ:

— Какъ пріѣдемъ на станцію, извольте эту корзину взять.

А тотъ опять тѣмъ же тономъ отвѣчаетъ:

— Не желаю.

— Да вы прочитайте правила!

— Не желаю.

— Такъ пожалуйте со мною объясниться къ начальнику станціи. Сейчасъ остановка.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Пріѣхали.

Станціонное зданіе побольше другихъ и поотдѣланнѣе: видны огни, самоваръ, на платформѣ и за стеклянными дверями буфетъ и жандармы. Словомъ, все, что нужно. И вообразите себѣ: нашъ нигилистъ, который оказывалъ столько грубаго сопротивленія во всю дорогу, вдругъ обнаружилъ намѣреніе сдѣлать движеніе, извѣстное у нихъ подъ именемъ allegro udiratto. Онъ взялъ въ руки свой маленькій саквояжикъ и направился къ двери, но дьяконъ замѣтилъ это и очень ловкимъ манеромъ загородилъ ему выходъ. Въ эту же самую минуту появился оберъ-кондукторъ, начальникъ станціи и жандармъ.

— Это ваша корзина?—спросилъ начальникъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ нигилистъ.

— Какъ нѣтъ?!

— Нѣтъ.

— Все равно, пожалуйте.

— Не уйдешь, братъ, не уйдешь,—говорилъ дьяконъ.

Нигилиста и всѣхъ насъ, въ качествѣ свидѣтелей, попросили въ комнату начальника станціи и сюда же внесли корзину.

— Какія здѣсь вещи? - спросилъ строго начальникъ.

— Не знаю,—отвѣчалъ нигилистъ.

Но съ нимъ больше не церемонились: корзинку мгновенно раскрыли и увидали новенькое голубое дамское платье, а въ это же самое мгновеніе въ контору съ отчаяннымъ воплемъ ворвался еврей и закричалъ, что это его корзинка, и что платье, которое въ ней, онъ везетъ одной знатной дамѣ; а что корзину, дѣйствительно, поставилъ онъ, а не кто другой, въ томъ онъ сослался на нигилиста.

Тотъ подтвердилъ, что они взошли вмѣстѣ, и еврей, дѣйствительно, внесъ корзинку и поставилъ ее на лавочку, а самъ легъ подъ сидѣнье.

— А билетъ? - спросили у еврея.

— Ну, что билетъ,—отвѣчалъ онъ...—Я не зналъ, гдѣ брать билетъ...

Еврея велѣно придержать, а отъ нигилиста потребовали удостовѣренія его личности. Онъ молча подалъ листокъ. взглянувъ на который начальникъ станціи рѣзко перемѣнилъ тонъ и попросилъ его въ кабинетъ, добавивъ при этомъ:

— Ваше превосходительство здѣсь ожидаютъ.

А когда тотъ скрылся за дверью, начальникъ станціи приложилъ ладони рукъ рупоромъ ко рту и отчетливо объявилъ намъ:

— Это *прокуроръ судебной палаты!*

Всѣ ощутили полное удовольствіе и перенесли его въ молчаніи; только одинъ военный вскрикнулъ:

— А все это надѣлалъ этотъ болтунъ дьяконъ! Ну-ка— гдѣ онъ... куда онъ дѣлся?

Но всѣ напрасно оглядывались: «куда онъ дѣлся»,—дьякона уже не было; онъ исчезъ, какъ нахалкиканецъ, даже и безъ свѣчки. Она, впрочемъ, была и не нужна, потому что на небѣ уже свѣтало и въ городѣ звонили къ рождественской заутренѣ.

МАЛЕНЬКАЯ ОШИБКА.

СЕКРЕТЪ ОДНОЙ МОСКОВСКОЙ ФАМИЛІИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вечеркомъ, на святкахъ, сидя въ одной благоразумной компаніи, было говорено о вѣрѣ и о невѣріи. Рѣчь шла, впрочемъ, не въ смыслѣ высшихъ вопросовъ деизма или матеріализма, а въ смыслѣ вѣры въ людей, одаренныхъ особыми силами предвѣдѣнія и прорицанія, а, пожалуй, даже и своего рода чудотворства. И случился тутъ же нѣкто, степенный московскій человѣкъ, который сказалъ слѣдующее:

— Не легко это, господа, судить о томъ: кто живетъ съ вѣрою, а который не вѣруетъ, ибо разные тому въ жизни бываютъ прилоги; случается, что разумъ-то нашъ въ таковыхъ случаяхъ впадаетъ въ ошибки.

И послѣ такого вступленія онъ разсказалъ намъ любопытную повѣсть, которую я постараюсь передать его же словами:

Дядюшка и тетушка мои одинаково прилежали покойному чудотворцу Ивану Яковлевичу. Особенно тетушка, — никакого дѣла не начинала, у него не спросившись. Сначала бывало сходитъ къ нему въ сумасшедшій домъ и посовѣтуется, а потомъ попроситъ его, чтобы за ея дѣло молился. Дядюшка былъ себѣ на умѣ и на Ивана Яковлевича меньше полагался, однако тоже довѣрялъ иногда и носить ему яры и жертвы не пренятствовалъ. Люди они были не богатые, но очень достаточные, — торговали чаемъ и сахаромъ изъ

магазина въ своемъ домѣ. Сыновей у нихъ не было, а были три дочери: Капитолина Никитишна, Катерина Никитишна и Ольга Никитишна. Всѣ онѣ были собою недурны и хорошо знали разныя работы и хозяйство. Капитолина Никитишна была замужемъ, только не за купцомъ, а за живописцемъ,—однако, очень хорошій былъ человѣкъ и довольно зарабатывалъ — все бралъ подряды выгодно церкви расписывать. Одно въ немъ всему родству непріятно было, что работалъ божественное, а зналъ какія-то вольнодумства изъ Курганова «Письмовника». Любилъ говорить про Хаосъ, про Овидія, про Промиѳея и охотникъ былъ сравнивать баснословія съ бытописаніемъ. Если бы не это, все бы было прекрасно. А второе — то, что у нихъ дѣтей не было, и дядюшку съ теткой это очень огорчало. Они еще только первую дочь выдали замужъ, и вдругъ она три года была бездѣтна. За это другихъ сестеръ женихи обѣгать стали.

Тетушка спрашивала Ивана Яковлевича, черезъ что ея дочь не родитъ: — оба, говоритъ, — молоды и красивы, а дѣтей нѣтъ?

Иванъ Яковлевичъ забормоталъ:

— Есть убо небо небесе; есть небо небесе.

Его подсказчицы перевели теткѣ, что батюшка велитъ,— говорятъ, — вашему зятю, чтобы онъ Богу молился, а онъ, должно быть, у васъ маловѣрующій.

Тетушка такъ и ахнула: все, говоритъ, — ему явлено! И стала она приставать къ живописцу, чтобы онъ поисповѣдался; а тому все трынъ-трава! Ко всему легко относился... даже по постамъ скоромное ѣлъ... и притомъ, слышатъ они стороною, будто онъ и червей, и устрицъ вкушаетъ. А жили они всѣ въ одномъ домѣ, и часто сокрушались, что есть въ ихнемъ купеческомъ родствѣ такой человѣкъ безъ вѣры.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вотъ и пошла тетка къ Ивану Яковлевичу, чтобы попросить его разомъ помолиться о еже рабѣ Капитолинѣ отверсти ложесна, а раба Ларія (такъ живописца звали) просвѣтити вѣрою.

Просятъ объ этомъ вмѣстѣ и дядя, и тетка.

Иванъ Яковлевичъ залепеталъ что-то такое, чего и по-

нять нельзя, а его послушныя женки, которыя возлѣ него присидѣли, разъясняютъ:

— Онъ, говорятъ, — нынѣ невнятенъ, а вы скажите о чемъ просите.—мы ему завтра на записочкѣ подадимъ.

Тетушка стала сказывать, а тѣ записываютъ: «Рабѣ Капитолинѣ отверсть ложесна, а рабу Ларію усугубити вѣру.»

Оставили старики эту просительную записочку и пошли домой веселыми ногами.

Дома они никому ничего не сказали, кромѣ одной Капочки, и то съ тѣмъ, чтобы она мужу своему, невѣрному живописцу, этого не передавала, а только жила бы съ нимъ какъ можно ласковѣе и согласнѣе, и смотрѣла за нимъ: не будетъ ли онъ приближаться къ вѣрѣ въ Ивана Яковлевича. А онъ былъ ужасный чертыханщикъ, и все съ присловьями, точно скоморохъ съ Прѣсни. Все ему шутки да забавки. Придетъ въ сумерки къ тестю—«пойдемъ,—говоритъ,—часословъ въ пятьдесятъ два листа читать», то-есть, значитъ, въ карты играть... Или садится, — говоритъ:— «съ уговоромъ, чтобы играть до перваго обморока».

Тетушка, бывало, этихъ словъ слышать не можетъ. Дядя ему и сказалъ: — «Не огорчай такъ ее: она тебя любитъ и за тебя обѣщаніе сдѣлала». А онъ разсмѣялся и говоритъ тещѣ:

— Зачѣмъ вы невѣдомыя обѣщанія даете? Или вы не знаете, что черезъ такое обѣщаніе глава Ивана Предтечи была отрублена. Смотрите, можетъ у насъ въ домѣ какое-нибудь неожиданное несчастіе быть.

Тещу это еще больше испугало, и она всякій день, въ тревогѣ, въ сумасшедшій домъ бѣгала. Тамъ ее успокоятъ,—говорятъ, что дѣло идетъ хорошо: батюшка всякій день записку читаетъ, и что теперь о чемъ писано, то скоро сбудется.

Вдругъ и сбылось, да такое, что и сказать неохотно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Приходитъ къ тетушкѣ средняя ея дочь дѣвица Катечка и прямо ей въ ноги, и рыдаетъ, и горько плачетъ.

Тетушка говоритъ:—что тебѣ—кто обидѣлъ?

А та сквозь рыданія отвѣчаетъ:

— Милая тетенька, и сама я не знаю, что̀ это такое и

отчего... въ первый и въ послѣдній разъ сдѣлалось... Только вы отъ тятеньки мой грѣхъ скройте.

Тетушка на нее посмотрѣла да прямо пальцемъ въ животъ ткнула и говоритъ:

— Это мѣсто?

Катечка отвѣчаетъ:

— Да, тетенька... какъ вы угадали... сама не знаю отчего...

Тетушка только ахнула да руками всплеснула.

— Дитя мое, говоритъ,—и не дознавайся: это, можетъ быть, я виновата въ ошибкѣ,—я сейчасъ узнать съѣзжу,—и сейчасъ на извозчикѣ полетѣла къ Ивану Яковлевичу.

— Покажите, говоритъ, — мнѣ записку нашей просьбы, о чемъ батюшка для насъ проситъ рабѣ Божьей плодъ чрева: какъ она писана?

Присѣдящія поискали на окнѣ и подали.

Тетушка взглянула, и мало ума не рѣшилась. Что вы думаете? Дѣйствительно вѣдь все вышло по ошибочному моленію потому, что на мѣсто рабы Божіей Капитолины, которая замужемъ, тамъ писана раба Катерина — которая еще незамужняя, дѣвица.

Женки говорятъ:—Поди же, какой грѣхъ! Имена очень сходственны... но ничего, это *можно поправить.*

А тетушка подумала:—нѣтъ, врете, теперь вамъ ужъ не поправить: Катѣ ужъ вымолено,—и разорвала бумажку на мелкія частички.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Главное дѣло, боялись: какъ дядюшкѣ сказать? Онъ былъ такой человѣкъ, что если расходится, то его мудрено унять. Къ тому же, онъ Катю меньше всѣхъ любилъ, а любимая дочь у него была самая младшая, Оленька,—ей онъ всѣхъ больше и обѣщалъ.

Думала-думала тетушка и видитъ, что однимъ умомъ ей этой бѣды не обдумать,—зоветъ зятя-живописца на совѣтъ и все ему во всѣхъ подробностяхъ открыла, а потомъ проситъ:

— Ты, говоритъ, — хотя невѣрующій, однако, могутъ и въ тебѣ быть какія-нибудь чувства, — пожалуйста пожалѣй ты Катю, пособи мнѣ скрыть ея дѣвичій грѣхъ.

А живописецъ вдругъ лобъ нахмурилъ и строго говоритъ:

— Извините, пожалуйста, — вы хотя моей женѣ мать, однако, во-первыхъ, я этого терпѣть не люблю, чтобы меня безвѣрнымъ считали, а во-вторыхъ, я не понимаю—какой же тутъ причитаете Катѣ грѣхъ, если объ ней такъ Иванъ Яковлевичъ столько времени просилъ? Я къ Катечкѣ всѣ братскія чувства имѣю, и за нее заступлюсь, потому что она тутъ ни въ чемъ не виновата.

Тетушка пальцы кусаетъ и плачетъ, а сама говоритъ:

— Ну... ужъ какъ ни въ чемъ?

— Разумѣется, ни въ чемъ. Это вашъ чудотворецъ все напуталъ, съ него и взыскивайте.

— Какое же съ него взысканіе! Онъ праведникъ.

— Ну, а если праведникъ, такъ и молчите. Пришлите мнѣ съ Катею три бутылки шампанскаго вина.

Тетушка переспрашиваетъ:—что такое?

А онъ опять отвѣчаетъ: — Три бутылки шампанскаго,— одну ко мнѣ сейчасъ въ мои комнаты, а двѣ послѣ, куда прикажу, но только, чтобы дома готовы были и во льду стояли завернены.

Тетушка посмотрѣла на него и только головой покивала:

— Богъ съ тобою, говоритъ:—я думала, что ты только безъ одной вѣры, а ты святые лики изображаешь, а самъ безъ всѣхъ чувствъ оказываешься... Оттого я твоимъ иконамъ и не могу поклоняться.

А онъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, вы насчетъ вѣры оставьте: это вы, кажется, сомнѣваетесь и все по естеству думаете, будто тутъ собственная Катина причина есть, а я крѣпко вѣрю, что во всемъ этомъ одинъ Иванъ Яковлевичъ причиненъ; а чувства мои вы увидите, когда мнѣ съ Катею въ мою мастерскую шампанское пришлете.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Тетушка думала-подумала, да и послала живописцу вино съ самой Катечкой. Та взошла съ подносомъ, вся въ слезахъ, а онъ вскочилъ, схватилъ ее за обѣ ручки и самъ заплакалъ.

— Скорблю, говоритъ, — голубочка моя, что съ тобою случилося, однако, дремать съ этимъ некогда,—подавай мнѣ скорѣе наружу всѣ твои тайности.

Дѣвица ему открылась какъ спалила, — а онъ взялъ да ее у себя въ мастерской на ключъ и заперъ.

Тетушка встрѣчаетъ зятя съ заплаканными глазами и молчитъ. А онъ и ее обнялъ, поцѣловалъ и говоритъ:

— Ну не бойтесь, не плачьте. Авось Богъ поможетъ.

— Скажи же мнѣ,—шепчетъ тетушка:—кто всему виноватъ?

А живописецъ ей ласково пальцемъ погрозилъ и говоритъ:

— Вотъ это ужъ не хорошо: сами вы меня постоянно невѣріемъ попрекали, а теперь, когда вѣрѣ вашей дано испытаніе, я вижу, что вы сами нимало не вѣрите. Неужто вамъ не ясно, что виноватыхъ нѣтъ, а просто чудотворецъ маленькую ошибку сдѣлалъ.

— А гдѣ же моя бѣдная Катечка?

— Я ее страшнымъ художническимъ заклятьемъ заклялъ,—она, какъ кладъ отъ аминя, и разсыпалась.

А самъ ключъ тещѣ показываетъ.

Тетушка догадалась, что онъ дѣвушку отъ перваго отцова гнѣва укрылъ, и обняла его.

Шепчетъ:

— Прости меня,—въ тебѣ нѣжныя чувства есть.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Пришелъ дядя, по обычаю чаю напился и говоритъ:

— Ну, давай читать часословъ въ пятьдесятъ два листа?

Сѣли. А домашніе всѣ двери вокругъ нихъ затворили и на цыпочкахъ ходятъ. Тетушка же то отойдетъ отъ дверей, то опять подойдетъ, — все подслушиваетъ, и все крестится.

Наконецъ, какъ тамъ что-то звякнетъ... Она поотбѣжала и спряталась.

— Объявилъ,—говоритъ,—объявилъ тайну! Теперь начнется адское представленіе.

И точно: вразъ дверь растворилась, и дядя кричитъ:

— Шубу мнѣ и большую палку!

Живописецъ его назадъ за руку и говоритъ:

— Что ты? Куда это?

Дядя говоритъ:

— Я въ сумасшедшій домъ поѣду чудотворца бить!

Тетушка за другими дверями застонала:

— Бѣгите, — говоритъ, — скорѣе въ сумасшедшій домъ, чтобы батюшку Ивана Яковлевича спрятали!

И дѣйствительно, дядя бы его непремѣнно избилъ, но зять-живописецъ страхомъ вѣры своей и этого удержалъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Сталъ зять вспоминать тестю, что у него есть еще одна дочь.

— Ничего,—говоритъ,—той своя доля, а я Корейшу бить хочу. Послѣ пусть меня судятъ.

— Да я тебя, — говоритъ, — не судомъ стращаю, а ты посуди: какой вредъ Иванъ Яковлевичъ Ольгѣ можетъ сдѣлать. Вѣдь это ужасъ, чѣмъ ты рискуешь!

Дядя остановился и задумался:

— Какой же,—говоритъ,—вредъ онъ можетъ сдѣлать?

— А какъ разъ такой самый, какой вредъ онъ сдѣлалъ Катечкѣ.

Дядя поглядѣлъ и отвѣчаетъ:

— Полно вздоръ городить! Развѣ онъ это можетъ?

А живописецъ отвѣчаетъ:

— Ну, ежели ты, какъ я вижу, — не вѣрующій, то дѣлай, какъ знаешь, только потомъ не тужи и бѣдныхъ дѣвушекъ не виновать.

Дядя и остановился. А зять его втащилъ назадъ въ комнату и началъ уговаривать.

— Лучше, — говоритъ, — по-моему, чудотворца въ сторону, а взять это дѣло и домашними средствами поправить.

Старикъ согласился, только самъ не зналъ, какъ именно поправить, а зять-живописецъ и тутъ помогъ—говоритъ:

— Хорошія мысли надо искать не во гнѣвѣ, а въ радости.

— Какое, — отвѣчаетъ, — теперь, братецъ, веселіе при такомъ случаѣ?

— А такое, что у меня есть два пузырька шипучки, и пока ты ихъ со мною не выпьешь, я тебѣ ни одного слова не скажу. Согласись со мною. Ты знаешь, какъ я характеренъ.

Старикъ на него посмотрѣлъ и говоритъ: — «подводи, подводи! Что такое дальше будетъ?» А впрочемъ согласился.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Живописецъ живо скомандовалъ и назадъ пришелъ, а за нимъ идетъ его мастеръ, молодой художникъ, съ подносомъ, и несетъ двѣ бутылки съ бокалами.

Какъ вошли, такъ живописецъ за собою двери заперъ и ключъ въ карманъ положилъ. Дядя посмотрѣлъ и все понялъ, а зять художнику кивнулъ, — тотъ взялъ и сталъ въ смирную просьбу.

— Виноватъ,—простите и благословите.

Дядюшка зятя спрашиваетъ:

— Бить его можно?

Зять говоритъ:

— Можно, да не надобно.

— Ну, такъ пусть онъ передо мною, по крайности, на колѣна станетъ.

Зять тому шепнулъ:

— Ну, стань за любимую дѣвушку на колѣна передъ батькою.

Тотъ сталъ.

Старикъ и заплакалъ.

— Очень,—говоритъ,—любишь ее?

— Люблю.

— Ну, цѣлуй меня.

Такъ Ивана Яковлевича маленькую ошибку и прикрыли. И оставалось все это въ благополучной тайности, и къ младшей сестрѣ женихи пошли, потому что видятъ — дѣвицы надежныя.

ПУГАЛО.

«У страха большіе глаза».
Поговорка.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Мое дѣтство прошло въ Орлѣ. Мы жили въ домѣ Нѣмчинова, гдѣ-то недалеко отъ «маленькаго собора». Теперь я не могу разобрать, гдѣ именно стоялъ этотъ высокій, деревянный домъ, но помню, что изъ его сада былъ просторный видъ за широкій и глубокій оврагъ, съ обрывистыми краями, прорѣзанными пластами красной глины. За оврагомъ разстилался большой выгонъ, на которомъ стояли казенные магазины, а возлѣ нихъ лѣтомъ всегда учились солдаты. Я всякій день смотрѣлъ, какъ ихъ учили и какъ ихъ били. Тогда это было въ употребленіи, но я никакъ не могъ къ этому привыкнуть, и всегда о нихъ плакалъ. Чтобы это не часто повторялось, моя няня, престарѣлая московская солдатка — Марина Борисовна, уводила меня гулять въ городской садъ. Здѣсь мы садились надъ мелководной Окой и глядѣли, какъ въ ней купались и играли маленькія дѣти, свободѣ которыхъ я тогда очень завидовалъ.

Главная выгода ихъ привольнаго положенія въ моихъ глазахъ состояла въ томъ, что они не имѣли на себѣ ни обуви, ни бѣлья, такъ какъ рубашонки ихъ были сняты и воротъ ихъ съ рукавами связаны. Въ такомъ приспособленіи рубашки получали видъ небольшихъ мѣшковъ, и ребятишки, ставя ихъ противъ теченія, налавливали туда кро-

хотную серебристую рыбешку. Она такъ мала, что ее нельзя чистить, и это признавалось достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы ее варить и ѣсть нечищенною.

Я никогда не имѣлъ отваги узнать ея вкусъ, но ловля ея, производившаяся крохотными рыбаками, казалась мнѣ верхомъ счастія, какимъ мальчика моихъ тогдашнихъ лѣтъ могла утѣшить свобода.

Няня, впрочемъ, знала хорошіе доводы, что мнѣ такая свобода была бы совершенно неприлична. Доводы эти заключались въ томъ, что я — дитя благородныхъ родителей и отца моего всѣ въ городѣ знаютъ.

— Другое дѣло,—говорила няня:—если-бы это было въ деревнѣ. Тамъ, при простыхъ, сѣрыхъ мужикахъ, и мнѣ, пожалуй, можно было бы позволить наслаждаться кой-чѣмъ въ томъ же свободномъ родѣ.

Кажется, отъ этихъ именно сдерживающихъ разсужденій меня стало сильно и томительно манить въ деревню, и восторгъ мой не зналъ предѣловъ, когда родители мои купили небольшое имѣньице въ Кромскомъ уѣздѣ. Тѣмъ же лѣтомъ мы переѣхали изъ большого городского дома въ очень уютный, но маленькій деревенскій домъ съ балкономъ, подъ соломенною крышею. Лѣсъ въ Кромскомъ уѣздѣ и тогда былъ дорогъ и рѣдокъ. Это мѣстность степная и хлѣбородная и притомъ она хорошо орошена маленькими, но чистыми рѣчками.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ деревнѣ у меня сразу же завелись обширныя и любопытныя знакомства съ крестьянами. Пока отецъ и мать были усиленно заняты устройствомъ своего хозяйства, я не терялъ времени, чтобы самымъ тѣснымъ образомъ сблизиться съ взрослыми парнями и съ ребятишками, которые пасли лошадей «на кулигахъ» *). Сильнѣе всѣхъ моими привязанностями овладѣлъ впрочемъ старый мельникъ, дѣдушка Илья, — совершенно сѣдой старикъ съ пребольшими черными усами. Онъ болѣе всѣхъ другихъ былъ доступенъ для разговоровъ, потому что на работы не отлучался, а или похаживалъ съ навозными вилами по плотинѣ, или сидѣлъ

*) *Кулига* — мѣсто, гдѣ срублены и выжжены деревья, чищоба, пережога.

надъ дрожащею скрынью и задумчиво слушалъ, ровно ли стучатъ мельничныя колеса или не сосетъ ли гдѣ-нибудь подъ скрынью вода. Когда ему надокучало ничего не дѣлать,—онъ заготовлялъ на всякій случай кленовыя кулачья или цѣвки для шестерни. Но во всѣхъ описанныхъ положеніяхъ онъ легко отклонялся отъ дѣла и вступалъ охотно въ бесѣды, которыя онъ велъ отрывками, безъ всякой связи, но любилъ систему намековъ и при этомъ подсмѣивался не то самъ надъ собою, не то надъ слушателями.

По должности мельника дѣдушка Илья имѣлъ довольно близкое соотношеніе къ водяному, который завѣдывалъ нашими прудами, верхнимъ и нижнимъ, и двумя болотами. Свою главную штабъ-квартиру этотъ демонъ имѣлъ подъ холостою скрынью на нашей мельницѣ.

Дѣдушка Илья объ немъ все зналъ и говорилъ:

— *Онъ* меня любитъ. *Онъ,* если когда и сердитъ домой придетъ за какіе-нибудь безпорядки, — онъ меня не обижаетъ. Лякъ тутъ другой на моемъ мѣстѣ, на мѣшкахъ,— онъ такъ и сорветъ съ мѣшка и выброситъ, а меня ни въ жизнь не тронетъ.

Всѣ молодніе люди подтверждали мнѣ, что между дѣдушкою Ильею и «водянымъ дѣдкой», дѣйствительно, существовали описанныя отношенія, но только они держались вовсе не на томъ, что водяной Илью любилъ, а на томъ, что дѣдушка Илья, какъ настоящій, заправскій мельникъ, зналъ настоящее, заправское мельницкое слово, которому водяной и всѣ его чертенята повиновались такъ же безпрекословно, какъ ужи и жабы, жившіе подъ скрынями и на плотинѣ.

Съ ребятами я ловилъ пескарей и гольцовъ, которыхъ было великое множество въ нашей узенькой, но чистой рѣчкѣ Гостомлѣ: но, по серьезности моего характера, болѣе держался общества дѣдушки Ильи, опытный умъ котораго открывалъ мнѣ полный таинственной прелести міръ, который былъ совсѣмъ мнѣ, городскому мальчику неизвѣстенъ. Отъ Ильи я узналъ и про домового, который спалъ на каткѣ, и про водяного, который имѣлъ прекрасное и важное помѣщеніе подъ колесами, и про кикимору, которая была такъ застѣнчива и непостоянна, что пряталась отъ всякаго нескромнаго взгляда въ разныхъ пыльныхъ заметахъ,—то въ ригѣ, то въ овинѣ, то на голчеѣ, гдѣ осенью

толки замашки. Меньше всѣхъ дѣдушка зналъ про лѣшаго, потому что этотъ жилъ гдѣ-то далеко у Селиванова двора и только иногда заходилъ къ намъ въ густой ракитникъ, чтобы сдѣлать себѣ новую ракитовую дудку и поиграть на ней въ тѣни у сажалокъ. Впрочемъ, дѣдушка Илья во всю свою богатую приключеніями жизнь видѣлъ лѣшаго лицомъ къ лицу всего только одинъ разъ, и то на Николинъ день, когда у насъ бывалъ храмовой праздникъ. Лѣшій пошелъ къ Ильѣ, прикинувшись совсѣмъ смирнымъ мужичкомъ, и попросилъ понюхать табачку. А когда дѣдушка сказалъ ему: «чортъ съ тобой — понюхай!» и при этомъ открылъ тавлинку, — то лѣшій не могъ болѣе соблюсти хорошаго поведенія и сошкольничалъ: онъ такъ поддалъ ладонью подъ табакерку, что запорошилъ доброму мельнику всѣ глаза.

Всѣ эти живыя и занимательныя исторіи имѣли тогда для меня полную вѣроятность, и ихъ густое, образное содержаніе до такой степени переполняло мою фантазію, что я самъ былъ чуть ли не духовидцемъ. По крайней мѣрѣ, когда я однажды заглянулъ съ большимъ рискомъ въ толчейный амбаръ, то глазъ мой обнаружилъ такую остроту и тонкость, что видѣлъ сидѣвшую тамъ въ пыли кикимору. Она была неумытая, въ пыльномъ повойникѣ и съ золотушными глазами. А когда я, испуганный этимъ видѣніемъ, бросился безъ памяти бѣжать оттуда, то другое мое чувство — слухъ — обнаружило присутствіе лѣшаго. Я не могу поручиться, гдѣ именно онъ сидѣлъ, — вѣроятно, на какой-нибудь высокой ракитѣ, но только, когда я бѣжалъ отъ кикиморы, лѣшій во всю мочь засвисталъ на своей зеленой дудкѣ, и такъ сильно прихватилъ меня къ землѣ за ногу, что у меня оторвался каблукъ отъ ботинки.

Едва переводя духъ, я сообщилъ все это домашнимъ и за свое чистосердечіе былъ посаженъ въ комнатѣ читать священную исторію, пока посланный босой мальчикъ сходилъ въ сосѣднее село къ солдату, который могъ исправить поврежденіе, сдѣланное лѣшимъ въ моей ботинкѣ. Но и самое чтеніе священной исторіи не защищало уже меня отъ вѣры въ тѣ сверхъестественныя существа, съ которыми я, можно сказать, сживался при посредствѣ дѣдушки Ильи. Я хорошо зналъ и любилъ священную исторію, — я и до сихъ поръ готовъ ее перечитывать, а все-таки

ребячій милый міръ тѣхъ сказочныхъ существъ, о которыхъ наговорилъ мнѣ дѣдушка Илья, казался мнѣ необходимымъ. Лѣсные родники оспротѣли бы, если бы отъ нихъ были отрѣшены геніи, приставленные къ нимъ народною фантазіей.

Въ числѣ непріятныхъ послѣдствій отъ лѣшевой дудки было еще то, что дѣдушка Илья, за прочитанные имъ для меня курсы демонологіи, получилъ отъ матушки выговоръ и нѣкоторое время меня дичился и будто не хотѣлъ продолжать моего образованія. Онъ даже притворялся, будто гонитъ меня отъ себя прочь.

— Пошелъ отъ меня прочь, иди къ своей нянькѣ,—говорилъ онъ, заворачивая меня къ себѣ спиною и поддавая широкой, мозолистой ладонью подъ сидѣнье.

Но я уже могъ гордиться своимъ возрастомъ и считать подобное обращеніе со мною несовмѣстнымъ. Мнѣ было восемь лѣтъ, и къ нянькѣ своей мнѣ тогда идти было не зачѣмъ. Я это и далъ почувствовать Ильѣ, принося ему полоскательную чашку вишенъ изъ-подъ слитой наливки.

Дѣдушка Илья любилъ эти фрукты, — принялъ ихъ, смягчился, погладилъ меня своей мозольной рукой по головѣ, и между нами снова возстановились самыя короткія и самыя добрыя отношенія.

— Ты вотъ что,—говорилъ мнѣ дѣдушка Илья:—ты мужика завсегда больше всѣхъ почитай и люби слушать, но того, что отъ мужика услышишь, не всѣмъ сказывай. А не то — прогоню.

Съ тѣхъ поръ я сталъ таить все, что̀ слышалъ отъ мельника, и зато узналъ такъ много интереснаго, что началъ бояться не только ночью, когда всѣ домовые, лѣшіе и кикиморы становятся очень дерзновенны и наглы, но даже сталъ бояться и днемъ. Такой страхъ овладѣлъ мною потому, что домъ нашъ и весь нашъ край, оказалось, находился во власти одного престраннаго разбойника и кровожаднаго чародѣя, который назывался Селиванъ. Онъ жилъ отъ насъ всего въ шести верстахъ «на розновильѣ», т. е. тамъ, гдѣ большой почтовый трактъ развѣтвлялся на два: одна, новая дорога, шла на Кіевъ, а другая, старая, съ дуплистыми ракитами «Екатерининскаго насажденія», вела на Фатежъ. Эта теперь уже брошена и лежитъ взапустѣ.

Въ верстѣ за этимъ розновильемъ былъ хорошій, дубовый лѣсъ, а при лѣсѣ — самый дрянной, совершенно раскрытый и полуобвалившійся постоялый дворъ, въ которомъ, говорили, будто никто никогда не останавливался. И этому можно было легко вѣрить, потому что дворъ не представлялъ никакихъ удобствъ для постоя, и потому, что отсюда было слишкомъ близко до города Кромъ, гдѣ и въ тѣ полудикія времена можно было надѣяться найти теплую горницу, самоваръ и калачи второй руки. Вотъ въ этомъ-то ужасномъ дворѣ, гдѣ *никто* никогда не останавливался, и жилъ «пустой дворникъ» Селиванъ, ужасный человѣкъ, съ которымъ никто не радъ былъ встрѣтиться.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Повѣсть «пустого дворника» Селивана, по словамъ дѣдушки Ильи, была слѣдующая. Селиванъ былъ кромской мѣщанинъ; родители его рано умерли, а онъ жилъ въ мальчикахъ у калачника и продавалъ калачи у кабака за Орловской заставой. Мальчикъ онъ былъ хорошій, добрый и послушный, но только калачнику всегда говорили, что съ Селиваномъ требовалась осторожность, потому что у него на лицѣ была красная мѣтинка, какъ огонь, — а это никогда даромъ не ставится. Были такіе люди, которые знали на это и особенную пословицу: «Богъ плута мѣтитъ». Хозяинъ калачникъ очень хвалилъ Селивана за его усердіе и вѣрность, но всѣ другіе люди, по искреннему своему доброжелательству, говорили, что истинное благоразуміе все-таки заставляетъ его остерегаться и много ему не довѣрять, — потому что «Богъ плута мѣтитъ». Если мѣтка на его лицѣ положена, то это именно для того, чтобы всѣ слишкомъ довѣрчивые люди его остерегались. Калачникъ не хотѣлъ отстать отъ людей умныхъ, но Селиванъ былъ очень хорошій работникъ. Калачи онъ продавалъ исправно и всякій вечеръ аккуратно высыпалъ хозяину изъ большого кожанаго кошелька всѣ пятаки и гривны, сколько выручилъ отъ проѣзжавшихъ мужичковъ. Однако, мѣтка лежала на немъ не даромъ, а до случая (это уже всегда такъ бываетъ). Пришелъ въ Кромы изъ Орла «отслужившійся палачъ», по имени Борька, и сказано было ему: «ты былъ палачъ, Борька, а теперь тебѣ у насъ жить бу-

детъ горько», — и всѣ, насколько кто могъ, старались, чтобы такія слова не остались для отставного палача вотще. А когда палачъ Борька пришелъ изъ Орла въ Кромы, съ нимъ уже была дочь, дѣвочка лѣтъ пятнадцати, которая родилась въ острогѣ, — хотя многіе думали, что ей бы лучше совсѣмъ не родиться.

Пришли они въ Кромы жить по приписке. Это теперь непонятно, но тогда бывало такъ, что отслужившимся палачамъ дозволялось приписываться къ какимъ-нибудь городишкамъ, и дѣлалось это просто, ни у кого на то желанія и согласія не спрашивая. Такъ случилось и съ Борькой: велѣлъ какой-то губернаторъ приписать этого стараго палача въ Кромахъ,—его и приписали, а онъ пришелъ сюда жить и привелъ съ собою дочку. Но только въ Кромахъ палачъ, разумѣется, ни для кого не былъ желаннымъ гостемъ, а, напротивъ, всѣ имъ пренебрегали, какъ люди чистые, и ни его, ни его дѣвочку рѣшительно никто не захотѣлъ пустить къ себѣ на дворъ. А время, когда они пришли, было уже очень холодное.

Попросился палачъ въ одинъ домъ, потомъ въ другой и не сталъ болѣе докучать. Онъ видѣлъ, что не возбуждаетъ ни въ комъ ни малѣйшаго состраданія, и зналъ, что вполнѣ этого заслужилъ.

«Но дитя! — думалъ онъ. — Дитя не виновато въ моихъ грѣхахъ,—кто-нибудь пожалѣетъ дитя».

И Борька опять пошелъ стучаться изъ двора во дворъ, прося взять, если не его, то только дѣвочку... Онъ заклинался, что никогда даже не придетъ, чтобы навѣстить дочь.

Но и эта просьба была такъ же напрасна.

Кому охота съ палачомъ знаться?

И вотъ, обойдя городишко, стали эти злополучные пришельцы опять проситься въ острогъ. Тамъ хоть можно было обогрѣться отъ осенней мокроты и стужи. Но и въ острогъ ихъ не взяли, потому что срокъ ихъ острожной неволи минулъ, и они теперь были люди вольные. Они были свободны умереть подъ любымъ заборомъ, или въ любой канавѣ.

Милостыню палачу съ дочерью иногда подавали не для нихъ, конечно, а Христа ради, но въ домъ никуда не пускали. Старикъ съ дочерью не имѣли пріюта и ночевали

то гдѣ-нибудь подъ кручею, въ глинокопныхъ ямахъ, то въ опустѣлыхъ сторожевыхъ шалашахъ на огородахъ, по долинѣ. Суровую долю ихъ дѣлила тощая собака, которая пришла съ ними изъ Орла.

Это былъ большой, лохматый песъ, на которомъ вся шерсть завойлочилась въ войлокъ. Чѣмъ она питалась при своихъ нищихъ-хозяевахъ—это никому не было извѣстно, но, наконецъ, догадались, что ей вовсе и не нужно было питаться, потому что она была «безчеревная», то-есть у нея были только кости да кожа и желтые, истомленные глаза, а «въ серединѣ» у нея ничего не было, и потому пища ей вовсе не требовалась.

Дѣдушка Илья разсказывалъ мнѣ, какъ этого можно достигать «самымъ легкимъ манеромъ». Любую собаку, пока она щенкомъ, стоитъ только разъ напоить жидко расплавленнымъ оловомъ или свинцомъ, и она сдѣлается *безъ черева* и можетъ не ѣсть. Но, разумѣется, при этомъ необходимо знать «особливое, колдовское слово». А за то, что палачъ, очевидно, зналъ этакое слово, — люди строгой нравственности убили его собаку. Оно, конечно, такъ и слѣдовало, чтобы не давать поблажки колдовству; но это было большимъ несчастьемъ для нищихъ, такъ какъ дѣвочка спала вмѣстѣ съ собакою, и та удѣляла ребенку часть теплоты, которую имѣла въ своей шерсти. Однако, для такихъ пустяковъ, разумѣется, нельзя было потворствовать волшебствамъ, и всѣ были того мнѣнія, что собака уничтожена совершенно правильно. Пусть колдунамъ не удается морочить правовѣрныхъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Послѣ уничтоженія собаки, дѣвочку согрѣвалъ въ шалашахъ самъ палачъ, но онъ уже былъ старъ и, къ его счастію, ему недолго пришлось нести эту непосильную для него заботу. Въ одну морозную ночь дитя ощутило, что отецъ ея застылъ болѣе, чѣмъ она сама, и ей сдѣлалось такъ страшно, что она отъ него отодвинулась и даже отъ ужаса потеряла сознаніе. До утра пробыла она въ объятіяхъ смерти. Когда стало свѣтать, и люди, шедшіе къ заутренѣ, заглянули изъ любопытства въ шалашъ, то они увидѣли отца и дочь закоченѣвшими. Дѣвочку кое-какъ отогрѣли, и когда она увидала у отца странно остолбенѣ-

лые глаза и дико оскаленные зубы, тогда поняла, въ чемъ дѣло, и зарыдала.

Старика схоронили за кладбищемъ, потому что онъ жилъ скверно и умеръ безъ покаянія, а про его дѣвочку немножко позабыли... Правда, не надолго, всего на какой-нибудь мѣсяцъ, но когда про нее черезъ мѣсяцъ вспомнили,— ее уже негдѣ было отыскивать.

Можно было думать, что сиротка куда-нибудь убѣжала въ другой городъ, или пошла просить милостыню по деревнямъ. Гораздо любопытнѣе было то, что съ исчезновеніемъ сиротки соединялось другое странное обстоятельство: прежде чѣмъ хватились дѣвочки, было замѣчено, что безъ вѣсти пропалъ куда-то калачникъ Селиванъ.

Онъ пропалъ совершенно неожиданно, и притомъ такъ необдуманно, какъ не дѣлалъ еще до него никакой другой бѣглецъ. Селиванъ рѣшительно ничего ни у кого не унесъ, и даже всѣ данные ему для продажи калачи лежали на его лоткѣ, и тутъ же уцѣлѣли всѣ деньги, которыя онъ выручилъ за то, что продалъ; но самъ онъ домой не возвращался.

И оба эти сироты считались безъ вѣсти пропавшими цѣлыхъ три года.

Вдругъ, однажды, пріѣзжаетъ съ ярмарки купецъ, которому принадлежалъ давно опустѣлый постоялый дворъ «на розновильѣ» и говоритъ, что съ нимъ было несчастіе: ѣхалъ онъ, да плохо направилъ на гать свою лошадь, и его возъ придавилъ, но его спасъ неизвѣстный бродяжка.

Бродяжка этотъ былъ имъ узнанъ, и оказалось, что это не кто иной, какъ Селиванъ.

Спасенный Селиваномъ купецъ былъ не изъ такихъ людей, которые совсѣмъ нечувствительны къ оказанной имъ услугѣ: чтобы не подлежать на страшномъ судѣ отвѣту за неблагодарность, онъ захотѣлъ сдѣлать добро бродягѣ.

— Я долженъ тебя осчастливить, сказалъ онъ Селивану: у меня есть пустой дворъ на розновильѣ, иди туда и сяди въ немъ дворникомъ и продавай овесъ и сѣно, а мнѣ плати всего сто рублей въ годъ аренды.

Селиванъ зналъ, что на шестой верстѣ отъ городка, по запустѣвшей дорогѣ, постоялому двору не мѣсто, и, въ немъ сидючи, никакого заѣзда ждать невозможно; но, однако,

какъ это былъ еще первый случай, когда ему предлагали имѣть свой уголъ, то онъ согласился.

Купецъ пустилъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Селиванъ пріѣхалъ во дворъ съ маленькой ручной, одноколесной навозницей, въ которой у него мѣстились пожитки, а на нихъ лежала, закинувъ назадъ голову, больная женщина въ жалкихъ лохмотьяхъ.

Люди спросили у Селивана:

— Кто это такая?

Онъ отвѣчалъ:

— Это моя жена.

— Изъ какихъ она мѣстъ родомъ?

Селиванъ кротко отвѣчалъ:

— Изъ Божьихъ.

— Чѣмъ она больна?

— Ногами недужна.

— А отчего она такъ недужаетъ?

Селиванъ, насупясь, буркнулъ:

— Отъ земного холода.

Больше онъ не сталъ говорить ни слова, поднялъ на руки свою немощную калѣку и понесъ ее въ избу.

Словоохотливости и вообще пріятной общительности въ Селиванѣ не было; людей онъ избѣгалъ и даже какъ будто боялся, и въ городѣ не показывался, а жены его совсѣмъ никто не видалъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ ее сюда привезъ въ ручной навозной телѣжкѣ. Но съ тѣхъ поръ, когда это случилось, уже прошло много лѣтъ, — молодые люди тогдашняго вѣка уже успѣли состариться, а дворъ въ розновильѣ еще болѣе обветшалъ и развалился, но Селиванъ и его убогая калѣка все жили здѣсь и, къ общему удивленію, платили за дворъ наслѣдникамъ купца какую-то плату.

Откуда же этотъ чудакъ выручалъ все то, что было нужно на его собственныя нужды и на то, что слѣдовало платить за совершенно разрушенный дворъ? Всѣ знали, что сюда *никогда* не заглядывалъ *ни одинъ* проѣзжающій и не кормилъ здѣсь своихъ лошадей ни одинъ обозъ, а между тѣмъ Селиванъ хотя жилъ бѣдственно, но все еще не умиралъ съ голода.

Вотъ въ этомъ-то и былъ вопросъ, который, впрочемъ,

не очень долго томилъ окрестное крестьянство. Скоро всѣ поняли, что Селиванъ знался съ нечистою силою... Эта нечистая сила и устраивала ему довольно выгодныя и для обыкновенныхъ людей даже невозможныя дѣлишки.

Извѣстно, что дьяволъ и его помощники имѣютъ большую охоту дѣлать людямъ всякое зло; но особенно имъ нравится вынимать изъ людей души такъ неожиданно, чтобы они не успѣли очистить себя покаяніемъ. Кто изъ людей помогаетъ такимъ проискамъ, тому вся нечистая сила, то-есть всѣ лѣшіе, водяные и кикиморы, охотно дѣлаютъ разныя одолженія, хотя, впрочемъ, на очень тяжелыхъ условіяхъ. Помогающій чертямъ долженъ самъ за ними послѣдовать въ адъ, — рано или поздно, — но непремѣнно. Селиванъ находился именно на этомъ роковомъ положеніи. Чтобы кое-какъ жить въ своемъ разоренномъ домишкѣ, онъ давно продалъ свою душу нѣсколькимъ чертямъ сразу, а эти съ тѣхъ поръ начали загонять къ нему на дворъ путниковъ самыми усиленными мѣрами. Назадъ же отъ Селивана не выѣзжалъ никто. Дѣлалось это такимъ образомъ, что лѣшіе, сговорясь съ кикиморами, вдругъ передъ ночью поднимали вьюги и мятели, при которыхъ дорожный человѣкъ растеривался и спѣшилъ спрятаться отъ разгулявшейся стихіи куда попало. Селиванъ тогда сейчасъ же и выкидывалъ хитрость: онъ выставлялъ огонь на свое оконко, и на этотъ свѣтъ къ нему попадали купцы съ толстыми черезами, дворяне съ потайными шкатулками и попы съ мѣховыми треухами, подложенными во всю ширь денежными бумажками. Это была ловушка. Назадъ изъ Селивановыхъ воротъ уже не было поворота ни одному изъ тѣхъ, кто пріѣхалъ. Куда ихъ дѣвалъ Селиванъ, — про то никому не было извѣстно.

Дѣдушка Илья, договорившись до этого, только проводилъ по воздуху рукой и внушительно произносилъ:

— Сова летитъ, лунь плыветъ — ничего не видно: буря, мятель и... ночь матка — все гладко.

Чтобы не уронить себя во мнѣніи дѣдушки Ильи, я притворялся, будто понимаю, что значитъ «сова летитъ и лунь плыветъ», а понималъ я только одно, что Селиванъ — это какое-то общее пугало, съ которымъ чрезвычайно опасно встрѣтиться... Не дай Богъ этого никому на свѣтѣ.

Я, впрочемъ, старался провѣрить страшные разсказы

про Селивана и отъ другихъ людей, но всѣ въ одно слово говорили то же самое. Всѣ смотрѣли на Селивана, какъ на страшное пугало, и всѣ такъ же, какъ дѣдушка Илья, строго заказывали мнѣ, чтобы я «дома, въ хоромахъ, никому про Селивана не сказывалъ». По совѣту мельника, я эту мужичью заповѣдь исполнялъ до особаго страшнаго случая, когда я самъ попался въ лапы Селивану.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Зимою, когда въ домѣ вставили двойныя рамы, я не могъ попрежнему часто видѣться съ дѣдушкой Ильей и съ другими мужиками. Меня берегли отъ морозовъ, а они всѣ остались работать на холоду, причемъ съ однимъ изъ нихъ произошла непріятная исторія, выдвинувшая опять на сцену Селивана.

Въ самъ началѣ зимы, племянникъ Ильи, мужикъ Николай, пошелъ на свои именины въ Кромы, въ гости, и не возвратился, а черезъ двѣ недѣли его нашли на опушкѣ у Селиванова лѣса. Николай сидѣлъ на пнѣ, опершись бородою на палочку и, повидимому, отдыхалъ послѣ такой сильной усталости, что не замѣтилъ, какъ метель замела его выше колѣнъ снѣгомъ, а лисицы обкусали ему носъ и щеки.

Очевидно, Николай сбился съ дороги, усталъ и замерзъ; но всѣ знали, что это вышло не спроста и не безъ Селивановой вины. Я узналъ объ этомъ черезъ дѣвушекъ, которыхъ было у насъ въ комнатахъ очень много и всѣ онѣ, большею частію, назывались Анпушками. Была Анпушка большая, Анпушка меньшая, Анпушка рябая и Анпушка круглая, и потомъ еще Анпушка, по прозванію «Шибаенокъ». Эта послѣдняя была у насъ въ своемъ родѣ фельетонистомъ и репортеромъ. Она по своему живому и рѣзвому характеру получила и свою бойкую кличку.

Не Анпушками звали только двухъ дѣвушекъ — Неонилу да Настю, которыя числились на нѣкоторомъ особомъ положеніи, потому что получили особенное воспитаніе въ тогдашнемъ модномъ орловскомъ магазинѣ мадамъ Морозовой, да еще были въ домѣ три побѣгушки-дѣвочки — Оська, Моська и Роська. Крестное имя одной изъ нихъ было Матрена, другой Ранса, а какъ звали по-настоящему Оську —

этого я не знаю. Моська, Оська и Роська находились еще въ малолѣтствѣ, и потому къ нимъ всѣ относились довольно презрительно. Онѣ еще бѣгали босикомъ и не имѣли права садиться на стульяхъ, а присаживались внизу, на подножныхъ скамейкахъ. По должности онѣ исполняли разныя унизительныя порученія, какъ-то: чистили тазы, выносили умывальныя лаханки, провожали гулять комнатныхъ собачекъ и бѣгали скороходами на посылкахъ за кухонными людьми и на деревню. Въ теперешнихъ помѣщичьихъ домахъ уже нигдѣ нѣтъ такого излишняго многолюдства, но тогда оно казалось необходимымъ.

Всѣ наши дѣвы и дѣвчонки, разумѣется, много знали о страшномъ Селиванѣ, вблизи двора котораго замерзъ мужикъ Николай. По этому случаю теперь вспомнили Селивану всѣ его старыя продѣлки, о которыхъ я прежде и не зналъ. Теперь обнаружилось, что кучеръ Константинъ, ѣдучи одинъ разъ въ городъ за говядиной, слышалъ, какъ изъ окна Селивановой избы неслись жалобные стоны и слышались слова: «Ой, ручку больно! Ой, пальчикъ рѣжетъ».

Дѣвушка, Аннушка большая, объясняла это такъ, что Селиванъ забралъ къ себѣ, во время метели (по-орловски — *куры*), цѣлый господскій возокъ, съ цѣлымъ дворянскимъ семействомъ, и медленно отрѣзалъ дворянскимъ дѣтямъ пальчикъ за пальчикомъ. Это страшное варварство ужасно меня перепугало. Потомъ башмачнику Ивану приключилось что-то еще болѣе страшное и, вдобавокъ, необъяснимое. Разъ, когда его послали въ городъ за сапожнымъ товаромъ, и онъ, позамѣшкавшись, возвращался домой темнымъ вечеромъ, то поднялась маленькая метель, — а это составляло первое удовольствіе для Селивана. Онъ сейчасъ же вставалъ и выходилъ на поле, чтобы вѣяться во мглѣ вмѣстѣ съ Ягою, лѣшими и кикиморами. И башмачникъ это зналъ и остерегался, но не остерегся. Селиванъ выскочилъ у него передъ самымъ носомъ и загородилъ ему дорогу... Лошадь стала. Но башмачникъ, къ его счастію, отъ природы былъ смѣлъ и очень находчивъ. Онъ подошелъ къ Селивану, будто съ ласкою, и проговорилъ: «Здравствуй, пожалуйста», а въ это самое время изъ рукава кольнулъ его самымъ большимъ и острымъ шиломъ прямо въ животъ. Это единственное мѣсто, въ которое

можно ранить колдуна на-смерть, но Селиванъ спасся тѣмъ, что немедленно обратился въ толстый верстовой столбъ, въ которомъ острый инструментъ башмачника застрялъ такъ крѣпко, что башмачникъ никакъ не могъ его вытащить и долженъ былъ разстаться съ шиломъ, между тѣмъ какъ оно ему было рѣшительно необходимо.

Этотъ послѣдній случай былъ даже обидною насмѣшкою надъ честными людьми и убѣдилъ всѣхъ, что Селиванъ, дѣйствительно, былъ не только великій злодѣй и лукавый колдунъ, но и нахалъ, которому нельзя было давать спуску. Тогда его рѣшили проучить строго; но Селиванъ тоже не былъ промахъ и научился новой хитрости: онъ началъ «скидываться», то-есть, при малѣйшей опасности, даже просто при всякой встрѣчѣ, онъ сталъ измѣнять свой человѣческій видъ и у всѣхъ на глазахъ обращаться въ различные одушевленные и неодушевленные предметы. Правда, что, благодаря общему противъ него возбужденію, онъ и при такой ловкости все-таки немножко страдалъ, но искоренить его никакъ не удавалось, а борьба съ нимъ иногда даже принимала немножко смѣшной характеръ, что всѣхъ еще болѣе обижало и злило. Такъ, напримѣръ, послѣ того, когда башмачникъ изо всей силы прокололъ его шиломъ и Селиванъ спасся только тѣмъ, что успѣлъ скинуться верстовымъ столбомъ, нѣсколько человѣкъ видѣли это шило торчавшимъ въ настоящемъ верстовомъ столбѣ. Они пробовали даже его оттуда вытащить, но шило сломалось и башмачнику привезли только одну ничего не стоящую деревянную ручку.

Селиванъ же и послѣ этого ходилъ по лѣсу, какъ будто его даже совсѣмъ и не кололи, и скидывался кабаномъ до такой степени истово, что ѣлъ дубовые жолуди съ удовольствіемъ, какъ будто такой фруктъ могъ приходиться ему по вкусу. Но чаще всего онъ вылѣзалъ подъ видомъ краснаго пѣтуха на свою черную, растрепанную крышу и кричалъ оттуда «ку-ка-реку!» Всѣ знали, что его, разумѣется, занимало не пѣніе «ку-ка-реку», а онъ высматривалъ, не ѣдетъ ли кто-нибудь такой, противъ кого стоило бы подучить лѣшаго и кикимору поднять хорошую бурю и затормошить его до смерти. Словомъ, окрестные люди такъ хорошо отгадывали всѣ его хитрости, что никогда не поддавались злодѣю въ его сѣти, и даже порядкомъ мстили

Селивану за его коварства. Одинъ разъ, когда онъ, скинувшись кабаномъ, встрѣтился съ кузнецомъ Савельемъ, который шелъ пѣшкомъ изъ Кромъ со свадьбы, между ними даже произошла открытая схватка, но кузнецъ остался побѣдителемъ, благодаря тому, что у него, къ счастію, случилась въ рукахъ претяжелая дубина. Оборотень притворился, будто онъ не желаетъ обращать на кузнеца ни малѣйшаго вниманія и, тяжело похрюкивая, чавкалъ жолуди: но кузнецъ проникъ острымъ умомъ его замыселъ, который состоялъ въ томъ, чтобы пропустить его мимо себя и потомъ напасть на него сзади, сбить съ ногъ и съѣсть вмѣсто жолудя. Кузнецъ рѣшился предупредить бѣду: онъ поднялъ высоко надъ головою свою дубину и такъ треснулъ ею кабана по хранѣ, что тотъ жалобно взвизгнулъ, упалъ и болѣе уже не поднимался. А когда кузнецъ послѣ этого началъ поспѣшно уходить, то Селиванъ опять принялъ на себя свой человѣческій видъ и долго смотрѣлъ на кузнеца, со своего крылечка,—очевидно, имѣя противъ него какое-то самое недружелюбное намѣреніе.

Послѣ этой ужасной встрѣчи, кузнеца даже била лихорадка, отъ которой онъ спасся единственно тѣмъ, что пустилъ по вѣтру за окно хинный порошокъ, который ему былъ присланъ изъ горницы для пріема.

Кузнецъ слылъ за человѣка очень разсудительнаго и зналъ, что хина и всякое другое аптечное лѣкарство противъ волшебства ничего сдѣлать не могутъ. Онъ оттеребился, завязалъ на суровой ниткѣ узелокъ и бросилъ его гнить въ навозную кучу. Этимъ было все кончено, потому что какъ только узелокъ и нитка сгнили, такъ и сила Селивана должна была кончиться. И это такъ и сдѣлалось. Селиванъ послѣ этого случая въ свинью уже никогда болѣе не скидывался, или, по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ его никто рѣшительно не встрѣчалъ въ этомъ неопрятномъ видѣ.

Съ проказами же Селивана въ образѣ краснаго пѣтуха было еще удачнѣе: на него ополчился косой мирошникъ Савка, прудалый парень, который дѣйствовалъ всѣхъ предусмотрительнѣе и ловчѣе.

Будучи посланъ разъ въ городъ на подторжье, онъ ѣхалъ верхомъ на очень лѣнивой и упрямой лошади. Зная такой нравъ своего коня, Савка взялъ съ собою, на всякій случай, потихоньку, хорошее березовое полѣно, которымъ надѣялся

запечатлѣть сувениръ въ бока своего меланхолическаго буцефала. Кое-что въ этомъ родѣ онъ и успѣлъ уже сдѣлать, и настолько переломить характеръ своего коня, что тотъ, потерявъ терпѣніе, сталъ понемножку припрыгивать.

Селиванъ, не ожидая, что Савка такъ хорошо вооруженъ, какъ разъ къ его пріѣзду выскочилъ пѣтухомъ на застрѣху и началъ вертѣться, глазѣть на всѣ стороны да пѣть «ку-ка-реку!» Савка не сробѣлъ колдуна, а, напротивъ, сказалъ ему: «Э, братъ, врешь — не уйдешь», и съ этимъ, недолго думая, такъ ловко швырнулъ въ него своимъ полѣномъ, что тотъ даже не допѣлъ до конца своего «ку-ка-реку» и свалился мертвымъ. По несчастію, онъ только упалъ не на улицу, а во дворъ, гдѣ ему ничего не стоило, коснувшись земли, опять принять на себя свой природный человѣческій образъ. Онъ сдѣлался Селиваномъ и, выбѣжавъ, погнался за Савкою, имѣя въ рукѣ то же самое полѣно, которымъ его угостилъ Савка, когда онъ пѣлъ пѣтухомъ на крышѣ.

По разсказамъ Савки, Селиванъ въ этотъ разъ былъ такъ взбѣшенъ, что Савкѣ могло придтись отъ него очень плохо; но Савка былъ парень сообразительный и отлично зналъ одну преполезную штуку. Онъ зналъ, что его лѣнивая лошадь сразу забываетъ о своей лѣни, если ее поворотить домой, къ яслямъ. Онъ это и сдѣлалъ. Какъ только Селиванъ, вооруженный полѣномъ, на Савку кинулся, — Савка вразъ повернулъ коня въ обратный путь и скрылся. Онъ прискакалъ домой, не имѣя на себѣ лица отъ страха, и разсказалъ о бывшей съ нимъ страшной исторіи только на другой день. И то слава Богу, что заговорилъ, а то боялись, какъ бы онъ не остался нѣмъ навсегда.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Вмѣсто оробѣвшаго Савки былъ наряженъ другой, болѣе смѣлый посолъ, который достигъ Кромъ и возвратился назадъ благополучно. Однако и этотъ, совершивъ путешествіе, говорилъ, что ему легче бы сквозь землю провалиться, чѣмъ ѣхать мимо Селиванова двора. То же самое чувствовали и другіе: страхъ сталъ всеобщій; но зато со стороны всѣхъ вообще началось и за Селиваномъ всеобщее усиленное смотрѣніе. Гдѣ бы и чѣмъ бы онъ ни скидывался, его вездѣ постоянно обнаруживали и во всѣхъ видахъ

стремились пресѣчь его вредное существованіе. Являлся ли Селиванъ у своего двора овцою или теленкомъ, — его все равно узнавали и били, и ни въ какомъ видѣ ему не удавалось укрыться. Даже, когда онъ одинъ разъ выкатился на улицу въ видѣ новаго свѣже-высмоленнаго телѣжнаго колеса и легъ на солнцѣ сушиться, то и эта его хитрость была обнаружена, и умные люди разбили колесо на мелкія части такъ, что и втулка, и спицы разлетѣлись въ разныя стороны.

Обо всѣхъ этихъ происшествіяхъ, составлявшихъ героическую эпопею моего дѣтства, мною своевременно получались скорыя и самыя достовѣрныя свѣдѣнія. Быстротѣ извѣстій много содѣйствовало то, что у насъ на мельницѣ всегда случалась отмѣнная заѣзжая публика, пріѣзжавшая за помоломъ. Пока мельничные жернова мололи привезенныя ими хлѣбныя зерна, уста помольцевъ еще усерднѣе мололи всяческій вздоръ, а оттуда всѣ любопытныя исторіи приносились въ дѣвичью Моською и Роською, и потомъ, въ наилучшей редакціи, сообщались мнѣ, а я начиналъ о нихъ думать цѣлыя ночи и создавалъ презанимательныя положенія для себя и для Селивана, къ которому я, несмотря на все, что о немъ слышалъ, питалъ въ глубинѣ моей души большое сердечное влеченіе. Я безповоротно вѣрилъ, что настанетъ часъ, когда мы съ Селиваномъ какъ-то необыкновенно встрѣтимся, и даже полюбимъ другъ друга гораздо болѣе, чѣмъ я любилъ дѣдушку Илью, въ которомъ мнѣ не нравилось то, что у него одинъ, именно лѣвый, глазъ всегда немножко смѣялся.

Я никакъ не могъ долго вѣрить, что Селиванъ дѣлаетъ всѣ свои сверхъестественныя чудеса съ злымъ намѣреніемъ къ людямъ, и очень любилъ о немъ думать; и обыкновенно, чуть я начиналъ засыпать, онъ мнѣ снился тихимъ, добрымъ и даже обиженнымъ. Я его никогда еще не видалъ и не умѣлъ себѣ представить его лица по искаженнымъ описаніямъ разсказчиковъ, но глаза его я видѣлъ, чуть закрывалъ свои собственные. — Это были большіе глаза, совсѣмъ голубые и предобрые. И пока я спалъ, мы съ Селиваномъ были въ самомъ пріятномъ согласіи: у насъ съ нимъ открывались въ лѣсу разныя секретныя норки, гдѣ у насъ было напрятано много хлѣба, масла и теплыхъ дѣтскихъ тулупчиковъ, которые мы доставали, бѣгомъ по-

сили къ извѣстнымъ намъ избамъ по деревнямъ, клали на слуховое окно, стучали, чтобы кто-нибудь выглянулъ, и сами убѣгали.

Это были, кажется, самыя прекрасныя сновидѣнія въ моей жизни, и я всегда сожалѣлъ, что съ пробужденіемъ Селиванъ опять дѣлался для меня тѣмъ разбойникомъ, противъ котораго всякій добрый человѣкъ долженъ былъ принимать всѣ мѣры предосторожности. Признаться, я и самъ не хотѣлъ отстать отъ другихъ, и хотя во снѣ я велъ съ Селиваномъ самую теплую дружбу, но на яву я считалъ не лишнимъ обезпечить себя отъ него даже издали.

Съ этою цѣлію я, путемъ не малой лести и другихъ униженій, выпросилъ у ключницы хранившійся у нея въ кладовой старый, очень большой кавказскій кинжалъ моего отца. Я подвязалъ его на кутасъ, который снялъ съ дядинаго гусарскаго кивера, и мастерски спряталъ это оружіе въ головахъ, подъ матрацъ моей постельки. Если бы Селиванъ появился ночью въ нашемъ домѣ, я бы непремѣнно противъ него выступилъ.

Объ этомъ скрытомъ цейхгаузѣ не знали ни отецъ, ни мать, и это было совершенно необходимо, потому что иначе кинжалъ у меня, конечно, былъ бы отобранъ, а тогда Селиванъ могъ помѣшать мнѣ спать спокойно, потому что я все-таки его ужасно боялся. А онъ, между тѣмъ, уже дѣлалъ къ намъ подходы, но наши бойкія дѣвушки его сразу же узнали. Къ намъ въ домъ Селиванъ дерзнулъ появляться, скинувшись большою рыжею крысою. Сначала онъ просто шумѣлъ по ночамъ въ кладовой, а потомъ одинъ разъ спустился въ глубокій, долбленый липовый наполъ, на днѣ котораго ставили, покрывая рѣшетомъ, колбасы и другія закуски, сберегаемыя для пріема гостей. Тутъ Селиванъ захотѣлъ сдѣлать намъ серьезную домашнюю непріятность,—вѣроятно, въ отплату за тѣ непріятности, какія онъ перенесъ отъ нашихъ мужиковъ. Оборотясь рыжею крысою, онъ вскочилъ на самое дно въ липовый наполъ, сдвинулъ каменный гнетокъ, который лежалъ на рѣшетѣ, и съѣлъ всѣ колбасы, но зато назадъ никакъ не могъ выскочить изъ высокой кади. Здѣсь Селивану, по всѣмъ видимостямъ, никакъ невозможно было избѣжать заслуженной казни, которую вызвалась произвесть надъ нимъ самая скорая Аннушка Шибаенокъ. Она явилась для этого съ

цѣлымъ чугуномъ кипятку и съ старою вилкою. Аннушка имѣла такой планъ, чтобы сначала ошпарить оборотня кипяткомъ, а потомъ приколоть его вилкою и выбросить мертваго въ бурьянъ въ расклеванье воронамъ. Но, при исполненіи казни, произошла неловкость со стороны Аннушки круглой, она плеснула кипяткомъ на руку самой Аннушкѣ Шибаенку; та выронила отъ боли вилку, а въ это время крыса укусила ее за палецъ и съ удивительнымъ проворствомъ, по ея же рукаву, выскочила наружу и, произведя общій перепугъ всѣхъ присутствующихъ, сдѣлалась невидимкой.

Родители мои, смотрѣвшіе на это происшествіе обыкновенными глазами, приписывали глупый исходъ травли неловкости нашихъ Аннушекъ; но мы, которые знали тайныя пружины дѣла, знали и то, что тутъ ничего невозможно было сдѣлать лучшаго, потому что это была не простая крыса, а оборотень Селиванъ. Разсказать объ этомъ старшимъ мы, однако, не смѣли. Какъ простосердечный народъ, мы боялись критики и насмѣшекъ надъ тѣмъ, что сами почитали за несомнѣнное и очевидное.

Черезъ порогъ передней Селиванъ перешагнуть не рѣшался ни въ какомъ видѣ, какъ мнѣ казалось, потому, что онъ кое-что зналъ о моемъ кинжалѣ. И мнѣ это было и лестно, и досадно, потому что, собственно говоря, мнѣ уже стали утомительны одни толки и слухи, и во мнѣ разгоралось страстное желаніе встрѣтиться съ Селиваномъ лицомъ къ лицу.

Это во мнѣ обратилось, наконецъ, въ томленіе, въ которомъ и прошла вся долгая зима съ ея безконечными вечерами, а съ первыми весенними потоками съ горъ у насъ случилось происшествіе, которое разстроило весь порядокъ жизни и дало волю опаснымъ порывамъ несдержанныхъ страстей.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Случай былъ неожиданный и печальный. Въ самую весеннюю ростепель, когда, по народному выраженію, «лужа быка топитъ», изъ далекаго тетушкина имѣнія прискакалъ верховой съ роковымъ извѣстіемъ объ опасной болѣзни дѣдушки.

Длинный переѣздъ въ такую распутицу былъ сопряженъ

съ большою опасностію; но отца и мать это не остановило, и они пустились въ дорогу немедленно. Ѣхать надо было сто верстъ и не иначе, какъ въ простой телѣжкѣ, потому что ни въ какомъ другомъ экипажѣ проѣхать совсѣмъ было невозможно. Телѣгу сопровождали два вершника, съ длинными шестами въ рукахъ. Они ѣхали впередъ и ощупывали дорожные просовы. Я и домъ были оставлены на попеченіе особаго временного комитета, въ составъ котораго входили разныя лица по разнымъ вѣдомствамъ. Анпушкѣ большой были подчинены всѣ лица женскаго пола до Оськи и Роськи: но высшій нравственный надзоръ порученъ былъ старостихѣ Дементьевнѣ. Интеллигентное же руководженіе нами — въ разсужденіи наблюденія праздниковъ и дней недѣльныхъ — было ввѣрено діаконскому сыну Аполлинарію Ивановичу, который, въ качествѣ исключеннаго изъ семинаріи ритора, состоялъ при моей особѣ на линіи наставника. Онъ училъ меня латинскимъ склоненіямъ и вообще приготовлялъ къ тому, чтобы я могъ на слѣдующій годъ поступить въ первый классъ орловской гимназіи не совершеннымъ дикаремъ, котораго способны удивить латинская грамматика Бѣлостина и французская — Ломонда.

Аполлинарій былъ юноша свѣтскаго направленія и собирался поступить въ «приказные» или, по-нынѣшнему говоря, въ писцы — въ орловское губернское правленіе, гдѣ служилъ его дядя, имѣвшій презанимательную должность. Если какой-нибудь становой или исправникъ не исполнялъ какого-нибудь предписанія, то дядю Аполлинарія посылали на одной лошади «нарочнымъ» на счетъ виновнаго. Онъ ѣздилъ, не платя за лошадей денегъ, и, кромѣ того, получалъ съ виновныхъ дары и презенты и видѣлъ разные города и много разныхъ людей разныхъ чиновъ и обычаевъ. Мой Аполлинарій тоже имѣлъ въ виду современемъ достичь такого счастія, и могъ надѣяться сдѣлать гораздо болѣе своего дяди, потому что онъ обладалъ двумя большими талантами, которые могли быть очень пріятны въ свѣтскомъ обхожденіи: Аполлинарій игралъ на гитарѣ двѣ пѣсни: «Дѣвушка крапивушку жала» и вторую, гораздо болѣе трудную — «Подъ вечеръ осенью ненастной» и, что еще рѣже было въ тогдашнее время въ провинціяхъ, — онъ умѣлъ сочинять прекрасные стихи дамамъ, за что собственно и былъ выгнанъ изъ семинаріи.

Мы съ Аполлинаріемъ, несмотря на разницу нашихъ лѣтъ, держались какъ друзья и, какъ прилично вѣрнымъ друзьямъ, мы крѣпко хранили взаимныя тайны. Въ этомъ случаѣ на его долю приходилось немножко меньше, чѣмъ на мою: мои всѣ секреты заключались въ находившемся у меня подъ матрацомъ кинжалѣ, а я обязанъ былъ глубоко таить два ввѣренные мнѣ секрета: первый касался спрятанной въ шкафѣ трубки, изъ которой Аполлинарій курилъ вечеромъ въ печку кисло-сладкіе, бѣлые нѣжинскіе корешки, а второй былъ еще важнѣе — здѣсь дѣло шло о стихахъ, написанныхъ Аполлинаріемъ въ честь нѣкоей «легконосной Пулхеріи».

Стихи были, кажется, очень плохіе, но Аполлинарій говорилъ, что для вѣрнаго о нихъ сужденія необходимо было видѣть, какое они могутъ произвести впечатлѣніе, если ихъ хорошенько, съ чувствомъ прочесть нѣжной и чувствительной женщинѣ.

Это предполагало большую и даже въ нашемъ положеніи непреодолимую трудность, потому что маленькихъ барышень у насъ въ домѣ не было, а барышнямъ взрослымъ, которыя иногда пріѣзжали, Аполлинарій не смѣлъ предложить быть его слушательницами, такъ какъ онъ былъ очень застѣнчивъ, а между нашими знакомыми барышнями водились большія насмѣшницы.

Нужда научила Аполлинарія выдумать компромиссъ, — именно продекламировать оду, написанную «Легконосной Пулхеріи», передъ нашей дѣвушкой Пеонилой, которая усвоила себѣ въ модномъ магазинѣ Морозовой разныя отшлифованныя, городскія манеры и, по соображеніямъ Аполлинарія, должна была имѣть тонкія чувства, необходимыя для того, чтобы почувствовать достоинство поэзіи.

По малолѣтству моему я боялся подавать своему учителю совѣты въ его поэтическихъ опытахъ, но считалъ его намѣреніе декламировать стихи передъ нашею рискованнымъ. Я, разумѣется, сушилъ по себѣ и хотя бралъ въ соображеніе, что молоденькой Пеонилѣ знакомы нѣкоторые предметы городского круга, но едва ли ей можетъ быть понятенъ языкъ высокой поэзіи, какимъ Аполлинарій обращался къ воспѣваемой имъ Пулхеріи. Притомъ въ одѣ къ «Легконосицѣ» были такія восклицанія: «О ты, жестокая!» или «Исчезни съ глазъ моихъ!» и тому подобныя. Пеонила

отъ природы имѣла робкій и застѣнчивый характеръ, и я боялся, что она приметъ это на свой счетъ и непремѣнно расплачется и убѣжитъ.

Но всего хуже то, что, при обыкновенномъ строгомъ домашнемъ порядкѣ нашей домашней жизни, вся эта задуманная риторомъ поэтическая репетиція была совершенно невозможна. Ни время, ни мѣсто, ни даже всѣ другія условія не благопріятствовали тому, чтобы Неонила слушала стихи Аполлинарія и была ихъ первою цѣнительницею. Однако, безначаліемъ, которое водворилось у насъ съ отъѣздомъ родителей, все измѣнилось, и риторъ захотѣлъ этимъ воспользоваться. Теперь мы, забывъ всякую разность своихъ положеній, ежедневно играли по вечерамъ въ короли, а Аполлинарій даже курилъ въ комнатахъ свои нѣжинскіе корешки и садился въ столовой въ отцовскомъ креслѣ, что̀ меня немножко обижало. Кромѣ того, по его же настоянію, у насъ нѣсколько разъ была затѣяна игра въ жмурки, причемъ мнѣ и брату набили синяки. Потомъ мы играли въ прятки, и разъ даже былъ устроенъ формальный фестивалъ, съ большимъ угощеніемъ. Кажется, все это дѣлалось «на шереметевскій счетъ», какъ въ тогдашнее время бражничали многіе неосмотрительные кутилы, по гибельному пути которыхъ направились и мы, увлекаемые риторомъ. Мнѣ до сихъ поръ неизвѣстно, отъ кого тогда были предложены собранію цѣлый мѣшечекъ самыхъ зрѣлыхъ лѣсныхъ орѣховъ, добытыхъ изъ мышиныхъ норокъ (гдѣ обыкновенно бываютъ только орѣхи самаго высшаго сорта). Кромѣ орѣховъ были три свертка сѣрой бумаги съ желтыми паточными грудзиками, подсолнухами и засмоквенной грушей. Послѣдняя очень прочно липла къ рукамъ и не скоро отмывалась.

Такъ какъ этотъ послѣдній фруктъ пользовался особымъ вниманіемъ, то груши давались только въ розыгрышъ на фанты. Моська, Оська и Роська, по существенному своему ничтожеству, смоквъ вовсе не получали. Въ фантахъ участвовали Аннушка и я, да мой наставникъ Аполлинарій, который оказался очень ловкимъ выдумщикомъ. Происходило все это въ гостиной комнатѣ, гдѣ бывало сидѣли только очень почетные гости. И тутъ-то, въ чаду увлеченія веселостями, въ Аполлинарія вошелъ какой-то отчаянный духъ, и онъ задумалъ еще болѣе дерзкое предпріятіе. Онъ захо-

тѣлъ декламировать свою оду въ грандіозной и даже ужасающей обстановкѣ, при которой должны были подвергнуться самому высшему напряженію самые сильные нервы. Онъ нашалъ всѣхъ насъ подговаривать, чтобы отправиться всѣмъ вмѣстѣ въ будущее воскресенье за ландышами въ Селивановъ лѣсъ. А вечеромъ, когда мы съ нимъ ложились спать, онъ мнѣ открылся, что ландыши тутъ одинъ только предлогъ, а главная цѣль въ томъ, чтобы прочитать стихи въ самой ужасной обстановкѣ.

Съ одной стороны будетъ дѣйствовать страхъ отъ Селивана, а съ другой — страхъ отъ ужасныхъ стиховъ... Каково это выйдетъ и можно ли это выдержать?

Представьте же себѣ, что мы на это отважились.

Въ оживленности, которою всѣ мы были охвачены въ этотъ достопамятный весенній вечеръ, намъ представлялось, что всѣ мы смѣлы и можемъ совершить отчаянную штуку безоружно. Въ самомъ дѣлѣ, насъ будетъ много, и притомъ я возьму, разумѣется, свой огромный кавказскій кинжалъ.

Признаться, мнѣ очень хотѣлось, чтобы и всѣ другіе вооружились сообразно своей силѣ и возможности, но я ни у кого не встрѣтилъ къ этому должнаго вниманія и готовности. Аполлинарій бралъ только чубукъ да гитару, а съ дѣвушками ѣхали таганы, сковороды, котелки съ яйцами и чугунокъ. Въ чугункѣ предполагалось варить пшенный кулешъ съ саломъ, а на сковородѣ жарить яичницу, и въ этомъ смыслѣ они были прекрасны; но въ смыслѣ обороны, на случай возможныхъ прорѣлокъ со стороны Селивана, рѣшительно ничего не значили.

Впрочемъ, по правдѣ сказать, я былъ и еще кое за что недоволенъ моими компаньонами, а именно — я не чувствовалъ съ ихъ стороны того вниманія къ Селивану, какимъ я самъ былъ проникнутъ. Они и боялись его, но какъ-то легкомысленно, и даже рисковали критически идти имъ подтрунивать. Одна Анюшка говорила, что она возьметъ перезвую скалку и скалкой его убьетъ, а Шиблеевъ смѣялась, что она его загрызть можетъ, и при томъ показывала свои бѣлые-пребѣлые зубы и перекусывала ими кусочекъ провонки. Все это какъ-то не солидно; въ ѣхъ превалировалъ ритеръ. Онъ совсѣмъ отвергалъ существованіе Селивана, говорилъ, что его даже никогда не было и что онъ

просто есть изобрѣтеніе фантазіи, такое же, какъ Пифонъ, Церберъ и тому подобное.

Тогда я первый разъ видѣлъ, до чего способенъ человѣкъ увлекаться въ отрицаніяхъ! Къ чему же тогда вся риторика, если она позволяетъ поставить на одну ступень вѣроятность баснословнаго Пифона съ Селиваномъ, дѣйствительное существованіе котораго подтверждалось множествомъ очевидныхъ событій.

Я этому соблазну не поддался и сберегъ мою вѣру въ Селивана. Даже болѣе того, я вѣрилъ, что риторъ за свое невѣріе будетъ непремѣнно наказанъ.

Впрочемъ, если не строго относиться къ этимъ философствамъ, то затѣянная поѣздка въ лѣсъ обѣщала много веселости, и никто не хотѣлъ или не могъ заставить себя приготовиться къ явленіямъ другого сорта. А межъ тѣмъ благоразуміе заставляло весьма поостеречься въ этомъ проклятомъ лѣсу, гдѣ мы будемъ, такъ сказать, въ самой пасти у звѣря.

Всѣ думали только о томъ, какъ имъ весело будетъ разбрестись по лѣсу, куда всѣ боятся ходить, а они не боятся. Размышляли о томъ, какъ мы пройдемъ насквозь весь опасный лѣсъ, аукаясь, перекликаясь и перепрыгивая ямки и овражки, въ которыхъ дотлѣваетъ послѣдній снѣгъ, а и не подумали, будетъ ли все это одобрено, когда возвратится наше высшее начальство. Впрочемъ, мы за то имѣли въ виду изготовить на туалетъ мамы два большіе букета изъ лучшихъ ландышей, а изъ остальныхъ сдѣлать душистый перегонъ, который во все предстоящее лѣто будетъ давать превосходное умыванье отъ загара.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Нетерпѣливо дождавшись воскресенья, мы оставили въ домѣ на хозяйствѣ старостиху Дементьевну, а сами отправились къ Селиванову лѣсу. Вся публика шла пѣшкомъ, держась болѣе просохшихъ высокихъ рубежей, гдѣ уже зеленѣла первая изумрудная травка, а по дорогѣ слѣдовалъ обозъ, состоящій изъ телѣги, запряженной старою буланою лошадью. На телѣгѣ лежала Аполлинаріева гитара и взятыя, на случай ненастья, дѣвичьи кацавейки. Правилъ лошадью я, а назади, въ качествѣ пассажировъ, помѣщались Роська и другія дѣвчонки, изъ которыхъ одна бережно везла

въ колѣняхъ кошелочку съ яйцами, а другая имѣла общее попеченіе о различныхъ предметахъ, но наиболѣе поддерживала рукою мой огромный кинжалъ, который былъ у меня подвѣшенъ черезъ плечо на старомъ гусарскомъ шнурѣ отъ дядина этишкета и болтался изъ стороны въ сторону, значительно затрудняя мои движенія и отрывая мое вниманіе отъ управленія лошадью.

Дѣвушки, идучи по рубежу, пѣли: «Распашу-ль я пашеньку, посѣю-ль я ленъ-конопель», а риторъ имъ вторилъ басомъ.

Попадавшіеся намъ навстрѣчу мужики кланялись и спрашивали:

— Куда поднялись?

Аннушки имъ отвѣчали:

— Идемъ Селиванку въ плѣнъ брать.

Мужики помахивали головами и говорили:

— Угорѣлыя!

Мы и дѣйствительно были въ какомъ-то чаду, насъ охватила неудержимая полудѣтская потребность бѣгать, пѣть, смѣяться и дѣлать все очертя голову.

А между тѣмъ часъ ѣзды по скверной дорогѣ началъ на меня дѣйствовать неблагопріятно. — старый буланый мнѣ надоѣлъ и во мнѣ охладѣла охота держать въ рукахъ веревочныя вожжи: но невдалекѣ, на горизонтѣ, засинѣлъ Селивановъ лѣсъ, и все ожило. Сердце забилось и заныло, какъ у Вара при входѣ въ Тевтобургскія дебри. А въ это же время изъ-подъ талой межи выскочилъ заяцъ и, пробѣжавъ черезъ дорогу, понесся по полю.

— Фуй, чтобъ тебѣ пусто было! — закричали вслѣдъ ему Аннушки.

Онѣ всѣ знали, что встрѣча съ зайцемъ къ добру никогда не бываетъ. И я тоже струсилъ и схватился за свой кинжалъ, но такъ увлекся заботами объ извлеченіи его изъ заржавѣвшихъ ноженъ, что не замѣтилъ, какъ выпустилъ изъ рукъ вожжи и, съ совершенною для себя неожиданностію, очутился подъ опрокинувшеюся телѣгою, которую потянувшійся на рубежъ за травкою буланый повернулъ самымъ правильнымъ образомъ, такъ что всѣ четыре колеса очутились вверху, а я съ Роськой и со всею нашею провизіею явились подъ спудомъ...

Это несчастіе съ нами случилось моментально, но по-

слѣдствія его были неисчислимы: гитара Аполлинарія была разломана вдребезги, а разбитыя яйца текли и заклеивали намъ лица своимъ содержимымъ. Вдобавокъ Роська ревѣла.

Я былъ всемѣрно подавленъ и сконфуженъ и до того растерялся, что даже желалъ, чтобы насъ лучше совсѣмъ не освобождали; но я уже слышалъ голоса всѣхъ Аннушекъ, которыя, трудясь надъ нашимъ освобожденіемъ, тутъ же, очень выгодно для меня, разъяснили причину нашего паденія. Я и буланый были тутъ ни въ чемъ непричинны: все это было дѣломъ Селивана.

Это была первая хитрость, чтобы не допустить насъ къ его лѣсу; но, однако, она никого сильно не испугала, а, напротивъ, только привела всѣхъ въ большое негодованіе и увеличила рѣшимость во что бы то ни стало исполнить всю задуманную нами программу.

Нужно было только поднять телѣгу, поставить насъ на ноги, смыть съ насъ гдѣ-нибудь у ручейка непріятную яичную слизь и посмотрѣть, что̀ уцѣлѣло послѣ нашего крушенія изъ вещей, взятыхъ для дневного продовольствія нашей многоличной группы.

Все это и было кое-какъ сдѣлано. Меня и Роську вымыли у ручья, который бѣжалъ подъ самымъ Селивановымъ лѣсомъ, и когда глаза мои раскрылись, то свѣтъ мнѣ показался очень невзрачнымъ. Розовыя платья дѣвочекъ и мой новый бешметъ изъ голубого кашемира были никуда не годны: покрывшія ихъ грязь и яйца совсѣмъ ихъ попортили и не могли быть отмыты безъ мыла, котораго мы съ собой не захватили. Чугунъ и сковородка были расколоты, отъ тагана валялись однѣ ножки, а отъ гитары Аполлинарія остался одинъ грифъ съ закрутившимися на немъ струнами. Хлѣбъ и другая сухая провизія были въ грязи. По меньшей мѣрѣ намъ угрожалъ цѣлоденный голодъ, если не считать ни во что другихъ ужасовъ, которые чувствовались во всемъ окружающемъ. Въ долинѣ надъ ручьемъ свистѣлъ вѣтеръ, а черный, еще не убранный зеленью лѣсъ шумѣлъ и зловѣще махалъ на насъ своими прутьями.

Настроеніе духа во всѣхъ насъ значительно понизилось,— особенно въ Роськѣ, которая озябла и плакала. Но, однако, мы все-таки рѣшили вступить въ Селиваново царство, а дальше пусть будетъ, что̀ будетъ.

Во всякомъ случаѣ, одно и то же приключеніе безъ какой-нибудь перемѣны не могло повториться.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Всѣ перекрестились и начали входить въ лѣсъ. Входили робко и нерѣшительно, но каждый скрывалъ отъ другихъ свою робость. Всѣ только уговаривались какъ можно чаще перекликаться. Но, впрочемъ, не оказалось и большой нужды въ перекличкѣ, потому что никто далеко вглубь не ушелъ, всѣ мы какъ будто случайно безпрестанно скучивались къ краю и тянулись веревочкой вдоль опушки. Одинъ Аполлинарій оказался смѣлѣе другихъ и нѣсколько углубился въ чащу: онъ заботился найти самое глухое и страшное мѣсто, гдѣ его декламація могла бы произвести какъ можно болѣе ужасное впечатлѣніе на слушательницъ; но зато, чуть только Аполлинарій скрылся изъ вида, лѣсъ вдругъ огласился его пронзительнымъ, неистовымъ крикомъ. Никто не могъ себѣ вообразить, какая опасность встрѣтила Аполлинарія, но всѣ его покинули и бросились бѣжать вонъ изъ лѣса на поляну, а потомъ, не оглядываясь назадъ, — дальше, по дорогѣ къ дому. Такъ бѣжали всѣ Анюшки и всѣ Моськи, а за ними, продолжая кричать отъ страха, пронесся и самъ педагогъ, а мы съ маленькимъ братомъ остались одни.

Изъ всей нашей компаніи не осталось никого: насъ покинули не только всѣ люди, но безчеловѣчному примѣру людей послѣдовала и лошадь. Перепуганная ихъ крикомъ, она замотала головою и, повернувъ прочь отъ лѣса, помчалась домой, разбросавъ по ямамъ и рытвинамъ все, что еще оставалось до сихъ поръ въ телѣжкѣ.

Это было не отступленіе, а полное и самое позорное бѣгство, потому что оно сопровождалось не только потерею обоза, но и утратою всего здраваго смысла, причемъ мы, дѣти, были кинуты на произволъ судьбы.

Богъ знаетъ, что намъ довелось бы испытать въ нашемъ безпомощномъ сиротствѣ, которое было тѣмъ опаснѣе, что мы одни дороги домой найти не могли и наша обувь, состоявшая изъ мягкихъ козловыхъ башмачковъ на тонкой рантовой подошвѣ, не представляла удобства для перехода въ четыре версты по сырымъ тропинкамъ, изъ которыхъ еще во многихъ мѣстахъ стояли холодныя лужи. Въ по-

шершеніе бѣды. прежде чѣмъ мы съ братомъ успѣли себѣ представить вполнѣ весь ужасъ нашего положенія. по лѣсу что-то зарокотало. и потомъ съ противоположной стороны отъ ручья на насъ дунуло и потянуло холодной влагой.

Мы поглядѣли за лощину и увидали. что съ той стороны. куда лежитъ нашъ путь и куда позорно бѣжала наша свита. неслась по небу огромная дождевая туча съ весеннимъ дождемъ и съ первымъ весеннимъ громомъ, при которомъ молодыя дѣвушки умываются съ серебряной ложечки, чтобы самимъ стать бѣлѣй серебра.

Видя себя въ такомъ отчаянномъ положеніи, я готовъ былъ расплакаться. а мой маленькій братъ уже плакалъ. Онъ весь посинѣлъ и дрожалъ отъ страха и холода и, склонясь головою подъ кустикъ. жарко молился Богу.

Богъ. кажется. внялъ его дѣтской мольбѣ. и намъ было послано невидимое спасеніе. Въ ту самую минуту, когда прогремѣлъ громъ и мы теряли послѣднее мужество, въ лѣсу за кустами послышался трескъ и изъ-за густыхъ вѣтвей рослаго орѣшника выглянуло широкое лицо незнакомаго намъ мужика. Лицо это показалось намъ до такой степени страшнымъ. что мы вскрикнули и стремглавъ бросились бѣжать къ ручью.

Не помня себя. мы перебѣжали лощину, кувыркомъ слѣтѣли съ мокраго, осыпавшагося бережка и прямо очутились по-поясъ въ мутной водѣ. между тѣмъ какъ ноги наши до колѣнъ увязли въ тинѣ.

Бѣжать дальше не было никакой возможности. Ручей дальше былъ слишкомъ глубокъ для нашего маленькаго роста. и мы не могли надѣяться перейти черезъ него, а притомъ по его струямъ теперь страшно сверкали зигзаги молніи — они трепетали и вились какъ огненные змѣи и точно прятались въ прошлогоднихъ оставшихся водорослях.

Очутясь въ водѣ. мы схватили другъ друга за руки и стали въ оцѣпенѣніи. а сверху на насъ уже падали тяжелыя капли поливнаго дождя. Но это оцѣпенѣніе и сохранило насъ отъ большой опасности, которой мы никакъ бы не избѣжали. если бы сдѣлали еще хотя одинъ шагъ далѣе въ воду.

Мы легко могли поскользнуться и упасть. но. къ счастію, насъ обвили двѣ черныя, жилистыя руки — и тотъ

самый мужикъ, который выглянулъ на насъ страшно изъ орѣшника, ласково проговорилъ:

— Эхъ, вы, глупые ребятки, куда залѣзли!

И съ этимъ онъ взялъ и понесъ насъ черезъ ручей.

Выйдя на другой берегъ, онъ опустилъ насъ на землю, снялъ съ себя коротенькую свитку, которая была у него застегнута у вòрота круглою мѣдною пуговкою, и обтеръ этою свиткою наши мокрыя ноги.

Мы на него смотрѣли въ это время совершенно потерянно и чувствовали себя вполнѣ въ его власти, но чудное дѣло—черты его лица въ нашихъ глазахъ быстро измѣнялись. Въ нихъ мы уже не только не видѣли ничего страшнаго, но, напротивъ, лицо его намъ казалось очень добрымъ и пріятнымъ.

Это былъ мужикъ плотный, коренастый, съ просѣдью въ головѣ и въ усахъ,—борода комкомъ и тоже съ просѣдью, глаза живые, быстрые и серьезные, но въ устахъ что-то близкое къ улыбкѣ.

Снявъ съ нашихъ ногъ, насколько могъ, грязь и тину полою своей свитки, онъ даже совсѣмъ улыбнулся и опять заговорилъ:

— Вы того... ничего... не пужайтесь...

Съ этимъ онъ оглянулся по сторонамъ и продолжалъ:

— Ничего: сейчасъ большой дождь пойдетъ! (Онъ уже шелъ и тогда).—Вамъ, ребятишки, пѣшкомъ не дойти.

Мы въ отвѣтъ ему только молча плакали.

— Ничего, ничего, не голосите, я васъ донесу на себѣ!—заговорилъ онъ и утеръ своею ладонью заплаканное лицо брата, отчего у того сейчасъ же показались на лицѣ грязныя полосы.

— Вонъ нинь, какія мужичьи руки-то грязныя, — сказалъ нашъ избавитель и провелъ еще разъ по лицу брата ладонью въ другую сторону, — отчего грязь не убавилась, а только получила растушовку въ другую сторону.

— Вамъ не дойти... Я васъ поведу, да не дойти, и въ грязи черевички *) спадутъ.

— Умѣете ли верхомъ ѣздить?—заговорилъ снова мужикъ.

Я взялъ смѣлость проронить слово и отвѣтилъ:

— Умѣю.

---

*) *Башмаки*—по-орловски *черевички*.

— А умѣешь, то и ладно! — молвилъ онъ и въ одно мгновеніе вскинулъ меня на одно плечо, а брата — на другое, велѣлъ намъ взяться другъ съ другомъ руками за его затылкомъ, а самъ покрылъ насъ своею свиткою, прижалъ къ себѣ наши колѣна и понесъ насъ, скоро и широко шагая по грязи, которая быстро растворялась и чавкала подъ его твердо ступавшими ногами, обутыми въ большіе лапти.

Мы сидѣли на его плечахъ, покрытые его свитою. Это, должно-быть, выходила пребольшая фигура, но намъ было удобно: свита замокла отъ ливня и залубенѣла такъ, что намъ подъ нею и сухо, и тепло было. Мы покачивались на плечахъ нашего носильщика какъ на верблюдѣ и скоро впали въ какое-то каталептическое состояніе, а пришли въ себя у родника, на своей усадьбѣ. Для меня лично это былъ настоящій глубокій сонъ, изъ котораго пробужденіе наступало не разомъ. Я помню, что насъ разворачивалъ изъ свиты этотъ самый мужикъ, котораго теперь окружали всѣ наши Аннушки, и всѣ онѣ вырывали насъ у него изъ рукъ и при этомъ самого его за что-то немилосердно бранили, и свитку его, въ которой мы были имъ такъ хорошо сбережены, бросили ему съ величайшимъ презрѣніемъ на землю. Кромѣ того, ему еще угрожали пріѣздомъ моего отца и тѣмъ, что онѣ сейчасъ сбѣгаютъ на деревню, позовутъ съ цѣпами бабъ и мужиковъ и пустятъ на него собакъ.

Я рѣшительно не понималъ причины такой жестокой несправедливости, и это было неудивительно, потому что дома у насъ, во всемъ господствовавшемъ теперь временномъ правленіи, былъ образованъ заговоръ, чтобы намъ ничего не открывать о томъ, кто былъ этотъ человѣкъ, которому мы были обязаны своимъ спасеніемъ.

— Ничѣмъ вы ему не обязаны,—говорили намъ наши охранительницы,—а, напротивъ, это онъ-то все и надѣлалъ.

По этимъ словамъ я тотчасъ же догадался, что насъ спасъ не кто иной, какъ самъ *Селиванъ!*

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Оно такъ и было. На другой день, въ виду возвращенія родителей, намъ это открыли и взяли съ насъ клятву, чтобы мы ни за что не говорили отцу и матери о происшедшей съ нами исторіи.

Въ тѣ времена, когда водились крѣпостные люди, иногда

случалось, что помѣщичьи дѣти питали къ крѣпостной прислугѣ самыя нѣжныя чувства и крѣпко хранили ихъ тайны. Такъ было и у насъ. Мы даже покрывали, какъ умѣли, грѣхи и проступки «своихъ людей» передъ родителями. Такія отношенія упоминаются во многихъ произведеніяхъ, гдѣ описывается помѣщичій бытъ того времени. Что до меня, то мнѣ наша дѣтская дружба съ нашими бывшими крѣпостными до сихъ поръ составляетъ самое пріятное и самое теплое воспоминаніе. Черезъ нихъ мы знали всѣ нужды и всѣ заботы бѣдной жизни ихъ родныхъ и друзей на деревнѣ и учились *жалѣть народъ*. Но этотъ добрый народъ, къ сожалѣнію, самъ не всегда былъ справедливъ и иногда былъ способенъ для очень неважныхъ причинъ бросить на ближняго темную тѣнь, не заботясь о томъ, какое это можетъ имѣть вредное вліяніе. Такъ поступалъ «народъ» и съ Селиваномъ, объ истинномъ характерѣ и правилахъ котораго не хотѣли знать ничего основательнаго, но смѣло, не боясь погрѣшить передъ справедливостію, распространяли о немъ слухи, сдѣлавшіе его для всѣхъ *пугаломъ*. И, къ удивленію, все, что о немъ говорили, не только казалось вѣроятнымъ, но даже имѣло какіе-то видимые признаки, по которымъ приходилось думать, что Селиванъ въ самомъ дѣлѣ человѣкъ дурной и что вблизи его уединеннаго жилища происходятъ страшныя злодѣйства.

То же самое произошло и теперь, когда насъ бранили тѣ, на которыхъ состояла обязанность охранять насъ: они не только взвалили всю вину на Селивана, который спасъ насъ отъ непогоды, но даже взвели на него новую напасть. Аполлинарій и всѣ Анпушки разсказали намъ, что когда Аполлинарій замѣтилъ въ лѣсу хорошенькій холмъ, съ котораго ему казалось удобно декламировать,—онъ побѣжалъ къ этому холму черезъ лощинку, засыпанную прошлогоднимъ увядшимъ древеснымъ листомъ, но тутъ споткнулся на что-то мягкое. Это «мягкое» повернулось подъ ногами Аполлинарія и заставило его упасть, а когда онъ сталъ вставать, то увидѣлъ, что это трупъ молодой крестьянской женщины. Онъ разсмотрѣлъ, что трупъ былъ въ чистомъ бѣломъ сарафанѣ, съ краснымъ шитьемъ, и... съ перерѣзаннымъ горломъ, изъ котораго лилась кровь...

Отъ такой ужасной неожиданности, конечно, можно было

и перепугаться, и закричать,—какъ онъ и сдѣлалъ; но вотъ что было непонятно и удивительно: Аполлинарій, какъ я разсказываю, былъ отъ всѣхъ другихъ въ отдаленіи, и одинъ споткнулся о трупъ убитой, но всѣ Анпушки и Реськи клялись и божились, что онѣ тоже *видѣли* убитую...

— Иначе, говорили онѣ, — развѣ бы такъ испугались?

И я о сю пору увѣренъ, что онѣ не лгали, что онѣ были глубоко увѣрены въ томъ, что видѣли въ Селивановомъ лѣсу убитую бабу, въ чистомъ крестьянскомъ уборѣ, съ краснымъ шитьемъ и съ перерѣзаннымъ горломъ, изъ котораго струилась кровь... Какъ это могло случиться?

Такъ какъ я пишу не вымыселъ, а то, что дѣйствительно было, то долженъ здѣсь остановиться и примолвить, что случай этотъ такъ и остался навсегда необъяснимымъ въ домѣ нашемъ. Убитую и лежавшую, по словамъ Аполлинарія, подъ листомъ въ ямкѣ женщину не могъ видѣть никто, кромѣ Аполлинарія, ибо никого, кромѣ Аполлинарія, здѣсь не было. Между тѣмъ всѣ клялись, что всѣ видѣли, точно эта мертвая баба въ одно мгновеніе ока проявилась на всѣхъ мѣстахъ подъ глазами у каждаго. Кромѣ того, видѣлъ ли въ дѣйствительности такую женщину и Аполлинарій? Едва ли это было возможно, потому что дѣло это происходило въ самую росталь, когда еще и снѣгъ не вездѣ стаялъ. Древесный листъ лежалъ подъ снѣгомъ съ *осени*, а между тѣмъ Аполлинарій видѣлъ трупъ въ чистомъ бѣломъ уборѣ, съ шитьемъ, и кровь изъ раны еще струилась... Ничего такого въ этомъ видѣ положительнаго не могло быть, но между тѣмъ всѣ крестились и клялись, что видѣли бабу, какъ разъ такъ, какъ сказано. И всѣ послѣ боялись ночью спать, и всѣмъ страшно было, точно всѣ мы сдѣлали преступленіе. Вскорѣ и я получилъ убѣжденіе, что мы съ братомъ тоже видѣли зарѣзанную бабу. Тутъ у насъ началась всеобщая боязнь, окончившаяся тѣмъ, что все дѣло открылось родителямъ, а отецъ написалъ письмо исправнику—и тотъ пріѣзжалъ къ намъ съ предлинной саблей и всѣхъ разспрашивалъ по секрету въ отцовскомъ кабинетѣ. Аполлинарія исправникъ призывалъ даже два раза и во второй разъ дѣлалъ ему такое сильное внушеніе, что у того, когда онъ вышелъ, оба уха горѣли какъ въ огнѣ и изъ одного изъ нихъ даже шла кровь.

Это мы тоже *всѣ видѣли*.

Но какъ бы то ни было, мы нашими розсказнями причинили Селивану много горя: его обыскивали, осматривали весь его лѣсъ и самого его содержали долгое время подъ карауломъ, но ничего подозрительнаго у него не нашли и слѣдовъ видѣнной нами убитой женщины тоже никакихъ не оказалось. Селивановъ опять вернулся домой, но это ему не помогло въ общественномъ мнѣніи: всѣ съ этихъ поръ знали, что онъ несомнѣнный, хотя и неуловимый злодѣй, и не хотѣли имѣть съ нимъ ровно никакого дѣла. А меня, чтобы я не подвергался усиленному воздѣйствію поэтическаго элемента, отвезли въ «благородный пансіонъ», гдѣ я и началъ усвоивать себѣ общеобразовательныя науки, въ полной безмятежности, вплоть до приближенія рождественскихъ праздниковъ, когда мнѣ настало время ѣхать домой опять непремѣнно мимо Селиванова двора и видѣть въ немъ собственными глазами большіе страхи

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Дурная репутація Селивана давала мнѣ большой апломбъ между моими пансіонскими товарищами, съ которыми я дѣлился моими свѣдѣніями объ этомъ страшномъ человѣкѣ. Изъ всѣхъ моихъ пансіонерскихъ сверстниковъ ни одинъ еще не переживалъ такихъ страшныхъ ощущеній, какими я могъ похвастаться, и теперь, когда мнѣ опять предстояло проѣхать мимо Селивана,—къ этому никто не отнесся безучастно и равнодушно. Напротивъ, большинство товарищей меня сожалѣли и прямо говорили, что они не хотѣли бы быть на моемъ мѣстѣ, а два или три смѣльчака мнѣ завидовали и хвалились, что они бы очень хотѣли встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Селиваномъ. Но двое изъ этихъ были заносные хвастунишки, а третій могъ никого не бояться, потому что, по его словамъ, у его бабушки въ *старинномъ венецейскомъ кольцѣ былъ «таусинный камень»*, съ которымъ къ человѣку «никакая бѣда неприступна» [1]. У насъ же въ семьѣ такой драгоцѣнности не

---

[1] «Таусинный камень» или «таусень» — свѣтлый сапфиръ съ оттѣнкомъ *пасмурнаго неба*, въ старину считался спасительнымъ талисманомъ. У Грановаго былъ такой талисманъ тоже въ кольцѣ или, по-старинному, въ «перстнѣ». Начала золотого жуковинаго (перстнемъ), а въ ней камень *таусень*, а въ томъ муть и какъ бы пузырина зрится».

было, да и притомъ я долженъ былъ совершить мое рождественское путешествіе не на своихъ лошадяхъ, а съ тетушкою, которая какъ разъ передъ святками продала домъ въ Орлѣ и, получивъ за него тридцать тысячъ рублей, ѣхала къ намъ, чтобы тамъ въ нашихъ краяхъ купить давно приторгованное для нея моимъ отцомъ имѣніе.

Къ досадѣ моей, сборы тетушки цѣлые два дня задерживались какими-то важными дѣловыми обстоятельствами, и мы выѣхали изъ Орла какъ разъ утромъ въ рождественскій сочельникъ.

Ѣхали мы въ просторной, рогожной троечной кибиткѣ, съ кучеромъ Спиридономъ и молодымъ лакеемъ Борискою. Въ экипажѣ помѣщались тетушка, я, мой двоюродный братъ, маленькія кузины и няня—Любовь Тимоѳеевна.

На порядочныхъ лошадяхъ, при хорошей дорогѣ, до нашей деревеньки отъ Орла можно было доѣхать въ пять или шесть часовъ. Мы пріѣхали въ Кромы въ два часа и остановились у знакомаго купца, чтобы напиться чаю и покормить лошадей. Такая остановка у насъ была въ обычаѣ, да ее требовалъ и туалетъ моей маленькой кузины, которую еще пеленали.

Погода была хорошая, близкая почти къ оттепели; но пока мы кормили лошадей, стало слегка морозить и потомъ «закурило», т. е. помело по землѣ мелкимъ снѣжкомъ.

Тетушка была въ раздумьѣ: переждать ли это, или, напротивъ, поспѣшить, ѣхать скорѣе, чтобы успѣть добраться къ намъ домой ранѣе, чѣмъ можетъ разыграться непогода.

Проѣхать оставалось съ небольшимъ двадцать верстъ. Кучеръ и лакей, которымъ хотѣлось встрѣтить праздникъ съ родными и пріятелями, увѣряли, что мы успѣемъ доѣхать благополучно—лишь бы только не медлить и выѣзжать скорѣе.

Мои желанія и желанія тетушки тоже вполнѣ отвѣчали тому, чего хотѣли Спиридонъ и Борискá. Никто не хотѣлъ встрѣтить праздникъ въ чужомъ домѣ, въ Кромахъ. Притомъ же тетушка была недовѣрчива и мнительна, а съ нею теперь была такая значительная сумма денегъ, помѣщавшаяся въ краснаго дерева шкатулочкѣ, закрытой чехломъ изъ толстаго зеленаго фриза.

Ночевать съ такимъ денежнымъ богатствомъ въ чужомъ

домѣ тетушкѣ казалось очень не безопаснымъ, и она рѣшилась послушаться совѣта нашихъ вѣрныхъ слугъ.

Съ небольшимъ въ три часа кибитка наша была запряжена и мы выѣхали изъ Кромъ по направленію къ раскольницкой деревнѣ Колчевѣ; но едва лишь переѣхали по льду черезъ рѣку Крому, какъ почувствовали, что намъ какъ бы вдругъ недостало воздуха, чтобы дышать полною грудью. Лошади бѣжали шибко, пофыркивали и мотали головами,—это составляло вѣрный признакъ, что и онѣ тоже испытывали недостатокъ воздуха. Между тѣмъ экипажъ несся особенно легко, точно его сзади подпихивали. Вѣтеръ былъ намъ взадъ и какъ бы гналъ насъ съ усиленною скоростію къ какой-то предначертанной межѣ. Скоро, однако, бойкій слѣдъ по пути сталъ «заикаться»; по дорогѣ пошли уже мягкіе снѣговые переносы,—они начали встрѣчаться все чаще и чаще, наконецъ, вскорѣ прежняго бойкаго слѣда сдѣлалось вовсе не видно.

Тетушка тревожно выглянула изъ возка, чтобы спросить кучера, вѣрно ли мы держимся дороги, и сейчасъ же откинулась назадъ, потому что ее обдало мелкою холодною пылью и, прежде чѣмъ мы успѣли дозваться къ себѣ людей съ козелъ, снѣгъ понесся густыми хлопьями, небо въ мгновеніе стемнѣло, и мы очутились во власти настоящей снѣговой бури.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Ѣхать назадъ къ Кромамъ было такъ же опасно, какъ и ѣхать впередъ. Даже позади чуть ли не было болѣе опасности, потому что за нами осталась рѣка, на которой было подъ горою нѣсколько прорубей, и мы при метели легко могли ихъ не разглядѣть и попасть подъ ледъ, а впереди до самой нашей деревеньки шла ровная степь и только на одной сельной верстѣ—Селивановъ лѣсъ, который въ метель не увеличивалъ опасности, потому что въ лѣсу можно быть даже тише. Притомъ въ глубь лѣса проѣзжей дороги не было, а она шла по опушкѣ. Лѣсъ намъ могъ быть только полезнымъ указаніемъ, что мы проѣхали половину дороги до кому и потому кучеръ Спиридонъ погналъ лошадей пошибче.

Дорога все становилась тяжелѣе и снѣжнѣе: прежняго бесстрого стука подъ полозьями не было и помина, а на-

противъ, возокъ ползъ по рыхлому наносу и скоро началъ бочить то въ одну, то въ другую сторону.

Мы потеряли спокойное настроеніе духа и начали чаще освѣдомляться о нашемъ положеніи у лѣсея и у кучера, которые давали намъ отвѣты неопредѣленные и нетвердые. Они старались внушить намъ увѣренность въ нашей безопасности, но, очевидно, и сами такой увѣренности въ себѣ не чувствовали.

Черезъ полчаса скорой ѣзды, при которой кнутъ Спиридона все чаще и чаще щелкалъ по лошадямъ, мы были обрадованы восклицаніемъ:

— Вотъ Селиванкинъ лѣсъ завидѣлся.

— Далеко онъ?—спросила тетушка.

— Нѣтъ, вотъ совсѣмъ до него доѣхали.

Это такъ и слѣдовало,—мы ѣхали отъ Кромъ уже около часа, но прошло еще добрыхъ полчаса,—мы все ѣдемъ и кнутъ хлещетъ по конямъ все чаще и чаще, а лѣса нѣтъ.

— Что же это такое? Гдѣ Селивановъ лѣсъ?

Съ козелъ ничего не отвѣчаютъ.

— Гдѣ же лѣсъ?—переспрашиваетъ тетушка:—проѣхали мы его, что ли?

— Нѣтъ, еще не проѣзжали,—глухо, какъ бы изъ-подъ подушки, отвѣчаетъ Спиридонъ.

— Да что же это значитъ?

Молчаніе.

— Полите вы свѣтъ! Остановитесь! Остановитесь!

Тетушка выглянула изъ-за фартука и изо всѣхъ силъ отчаянно крикнула: «остановитесь!», а сама упала назадъ въ возокъ, куда вмѣстѣ съ нею ввалилось цѣлое облако снѣжныхъ комковъ, которыя, подчиняясь вліянію вѣтра, еще не сразу сѣли, а тряслись точно рѣющія мухи.

Кучеръ остановилъ лошадей, и прекрасно сдѣлалъ, потому что онѣ тяжело носили животами и шатались отъ устали. Если бы имъ не дать въ эту минуту передышки, бѣдныя животныя, вѣроятно, упали бы.

— Гдѣ ты?—спросила тетушка сошедшаго Бориса.

Онъ былъ на себя не похожъ. Передъ нами стоялъ не человѣкъ, а снѣжный столбъ. Воротникъ волчьей шубы у Бориса былъ поднятъ вверхъ и обвязанъ какимъ-то обрывкомъ. Все это пропушило снѣгомъ и слѣпило въ одну кучу.

Борисъ былъ не знатокъ дороги и робко отвѣчалъ, что мы, *кажется,* сбились.

— Позови сюда Спиридона.

Звать голосомъ было невозможно: метель всѣмъ затыкала рты и только сама одна ревѣла и выла на просторѣ съ ужасающимъ ожесточеніемъ.

Бориска полѣзъ на козла, чтобы потянуть Спиридона рукою, но... ему на это потребовалось потратить очень много времени прежде, чѣмъ онъ сталъ снова у возка и объяснилъ:

— Спиридона нѣтъ на козлахъ!

— Какъ нѣтъ! гдѣ же онъ?

— Я не знаю. Вѣрно сошелъ поискать слѣда. Позвольте и я пойду.

— О Господи! Нѣтъ, не надо,—не ходи; а то вы оба пропадете, и мы всѣ замерзнемъ.

Услыхавъ это слово, я и мой кузенъ заплакали, но въ это же самое мгновеніе у возка рядомъ съ Борисушкой появился другой снѣговой столбъ, еще болѣе крупный и страшный.

Это былъ Спиридонъ, надѣвшій на себя запасной мочальный кулекъ, который стоялъ вокругъ его головы весь набитый снѣгомъ и обмерзлый.

— Гдѣ же ты видѣлъ лѣсъ, Спиридонъ?

— Видѣлъ, сударыня.

— Гдѣ же онъ теперь?

— И теперь видно.

Тетушка хотѣла посмотрѣть, но ничего не увидала, все было темно. Спиридонъ увѣрялъ, что это оттого, что она «необсмотрѣмши»; но что онъ очень давно видитъ какъ лѣсъ чернѣетъ, но... только въ томъ бѣда, что къ нему подъѣзжаемъ, а онъ отъ насъ отъѣзжаетъ.

— Все это, воля ваша, Селиванка дѣлаетъ. Онъ насъ куда-то заводитъ.

Услыхавъ, что мы попали въ такую страшную пору въ руки злодѣя Селиванки, мы съ кузеномъ заплакали еще громче, но тетушка, которая была по рожденію деревенская барышня и потомъ полковая дама, она не такъ легко терялась, какъ городскія дамы, которымъ всякія невзгоды меньше знакомы. У тетушки были опытъ и сноровка, и они насъ спасли изъ положенія, которое, въ самомъ дѣлѣ, было очень опасно.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Не знаю: вѣрила или не вѣрила тетушка въ злое волшебство Селивана, но она прекрасно сообразила, что теперь всего важнѣе для нашего спасенія, чтобы не выбились изъ силъ наши лошади. Если лошади изнурятся и станутъ, а морозъ закрѣпчаетъ, то всѣ мы непремѣнно погибнемъ. Насъ удушитъ буря и морозъ заморозитъ. Но если лошади сохранятъ силу для того, чтобы брести какъ-нибудь, шагъ за шагомъ, то можно питать надежду, что кони, идучи по вѣтру, сами выйдутъ какъ-нибудь на дорогу и привезутъ насъ къ какому-нибудь жилью. Пусть это будетъ хоть нетопленая избушка на курьихъ ножкахъ въ овражкѣ, но все же въ ней хоть не бьетъ такъ сердито вьюга и нѣтъ этого дерганья, которое ощущается при каждомъ усиліи лошадей переставить ихъ усталыя ноги... Тамъ бы можно было уснуть... Уснуть ужасно хотѣлось и мнѣ, и моему кузену. На этотъ счетъ изъ насъ счастлива была только одна маленькая, которая спала за теплою заячьей шубкой у няни, но намъ двумъ не давали засыпать. Тетушка знала, что страшно, потому что сонный скорѣе замерзнетъ. Положеніе наше съ каждой минутой становилось хуже, потому что лошади уже едва шли и сидѣвшіе на козлахъ кучеръ и лакей начали отъ стужи застывать и говорить невнятнымъ языкомъ, а тетушка перестала обращать вниманіе на меня съ братомъ, и мы, прижавшись другъ къ другу, разомъ уснули. Мнѣ даже видѣлись веселые сны: лѣто, нашъ садъ, наши люди, Аполлинарій, и вдругъ все это перескочило къ поѣздкѣ за ландышами и къ Селивану, про котораго не то что-то слышу, не то только что-то припоминаю. Все спуталось... такъ что никакъ не разберу, что̀ происходитъ во снѣ, что̀ наяву. Чувствуется холодъ, слышится вой вѣтра и тяжелое хлопанье рогожки на крышкѣ возка, а прямо передъ глазами стоитъ Селиванъ, въ свиткѣ на одно плечо, а въ вытянутой къ намъ рукѣ держитъ фонарь... Видѣніе это, сонъ или картина фантазіи?

Но это былъ не сонъ, не фантазія, а судьбѣ, дѣйствительно, угодно было привести насъ въ эту страшную ночь въ страшный дворъ Селивана, и мы не могли искать себѣ спасенія нигдѣ въ иномъ мѣстѣ, потому что кругомъ не

было вблизи никакого другого жилья. А между тѣмъ съ нами была еще тетушкина шкатулка, въ которой находилось тридцать тысячъ ея денегъ, составлявшихъ все ея состояніе. Какъ остановиться съ такимъ соблазнительнымъ богатствомъ у такого подозрительнаго человѣка, какъ Селиванъ?

Конечно, мы погибли! Впрочемъ, выборъ могъ быть только въ томъ, что лучше,—замерзнуть ли на вьюгѣ, или пасть подъ ножомъ Селивана и его злыхъ сообщниковъ?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Какъ во время короткаго мгновенія, когда сверкнетъ молнія, глазъ, находившійся въ темнотѣ, вдругъ различаетъ разомъ множество предметовъ, такъ и при появленіи освѣтившаго насъ Селиванова фонаря я видѣлъ ужасъ всѣхъ лицъ нашего бѣдствующаго экипажа. Кучеръ и лакей чуть не повалились передъ нимъ на колѣна и остолбенѣли въ наклонѣ, тетушка подалась назадъ, какъ будто хотѣла продавить спинку кибитки. Няня же припала лицомъ къ ребенку и вдругъ такъ сократилась, что сама сдѣлалась не больше ребенка.

Селиванъ стоялъ молча, но... въ его некрасивомъ лицѣ я не видалъ ни малѣйшей злости. Онъ теперь казался только сосредоточеннѣе, чѣмъ тогда, когда несъ меня на закоркахъ. Оглядѣвъ насъ, онъ тихо спросилъ:

— Отогрѣться, что ли?...

Тетушка оправилась скорѣе другихъ и отвѣтила ему:

— Да, мы замерзаемъ... Спаси насъ!

— Пусть Богъ спасетъ! Въѣзжайте,—изба топлена.

И онъ сошелъ съ порога и сталъ свѣтить фонаремъ въ кибиткѣ.

Между прислугою, тетушкою и Селиваномъ перекидывались отдѣльныя коротенькія фразы, обнаружившія со стороны нашей недовѣріе къ хозяину и страхъ, а со стороны Селивана какую-то далеко скрытую мужичью ироніи и, пожалуй, тоже своего рода недовѣріе.

Кучеръ спрашивалъ:—есть ли кормъ лошадямъ?

Селиванъ отвѣчалъ: — пойдемъ.

Лакей Борисъ узнавалъ, есть ли другіе проѣзжіе?

— Взойдешь — увидишь.— отвѣчалъ Селиванъ.

Няня проговорила: — да у тебя не страшно ли оставаться?

Селиванъ отвѣчалъ:

— Страшно, такъ не заходи.

Тетушка остановила ихъ, сказавши каждому какъ могла тише:

— Оставьте, не перекоряйтесь,—все равно это ничему не поможетъ. Дальше ѣхать нельзя. Останемся на волю Божью.

И между тѣмъ, пока шла эта перемолвка, мы очутились въ дощатомъ отдѣленіи, отгороженномъ отъ просторной избы. Впереди всѣхъ вошла тетушка, а за нею Борисъ внесъ ея шкатулку. Потомъ вошли мы съ кузеномъ и няня.

Шкатулку поставили на столъ, а на нее поставили жестяной оплывшій саломъ подсвѣчникъ съ небольшимъ огаркомъ, котораго могло достать на одинъ часъ, не больше.

Практическая сообразительность тетушки сейчасъ же обратилась къ этому предмету, т. е. къ свѣчкѣ.

— Прежде всего,—сказала она Селивану:—принеси-ка мнѣ, батюшка, новую свѣчку.

— Вотъ свѣчка.

— Нѣтъ, ты дай новую, цѣлую!

— Новую, цѣлую?— переспросилъ Селиванъ, опираясь одною рукою на столъ, а другой о шкатулку.

— Давай поскорѣй новую, цѣлую свѣчку.

— Зачѣмъ тебѣ цѣлую?

— Это не твое дѣло,—я не скоро спать лягу. Можетъ-быть, буря пройдетъ—мы поѣдемъ.

— Буря не пройдетъ.

— Ну все равно, я тебѣ за свѣчку заплачу.

— Знамо заплатила-бъ, да нѣтъ у меня свѣчки.

— Поищи, батюшка!

— Что неположеннаго искать попусту!

Въ этотъ разговоръ вмѣшался неожиданно слабый-преслабый тонкій голосъ изъ-за перегородки.

— Нѣтъ у насъ, матушка, свѣчечки.

— Кто это говоритъ?—спросила тетушка.

— Моя жена.

Лица тетки и няни немножко просіяли.—Близкое присутствіе женщины, казалось, имѣло что-то ободрительное.

— Что она больна, что ли?

— Больна.

— Чѣмъ?

— Хворостью.—Ложитесь, мнѣ огарокъ въ фонарь нуженъ. Надо лошадей ввесть.

И какъ съ Селиваномъ ни разговаривали, онъ настоялъ на своемъ: что огарокъ ему необходимъ да и только. Онъ обѣщалъ принести его снова, —но пока взялъ его и вышелъ.

Исполнилъ ли Селиванъ свое обѣщаніе принести назадъ огарокъ, — этого я уже не видѣлъ, потому что мы съ кузеномъ опять спали, но меня, однако, что-то тревожило. Сквозь сонъ я слышалъ иногда шушуканье тетушки съ няней и улавливалъ въ этомъ шопотѣ чаще всего слово «шкатулка».

Очевидно, няня и другіе наши люди знали, что въ этомъ ларцѣ сокрыты большія драгоцѣнности, и всѣ замѣтили, что шкатулка съ перваго же мгновенія остановила на себѣ алчное вниманіе нашего неблагонадежнаго хозяина.

Обладавшая большою житейскою опытностью тетушка моя видѣла явную необходимость подчиняться обстоятельствамъ, но зато тотчасъ же сдѣлала соотвѣтственныя опасному положенію распоряженія.

Чтобы Селиванъ не зарѣзалъ насъ, рѣшено было, чтобы никто не спалъ. Лошадей велѣно было выпрячь, но не снимать съ нихъ хомутовъ, и кучеру съ лакеемъ сидѣть обоимъ въ повозкѣ: они не должны были разъединяться, потому что по одиночкѣ Селиванъ ихъ перебьетъ, и мы тогда останемся безпомощны. Тогда онъ убьетъ, конечно, и насъ, и всѣхъ насъ зарветъ подъ поломъ, гдѣ зарыто уже и безъ того множество жертвъ его лютости. Въ избѣ съ нами кучеръ и лакей не могли быть оставлены, потому что тогда Селиванъ обрѣжетъ гужи въ коренномъ хомутѣ, чтобы нельзя было запрячь лошадей, или совсѣмъ сдастъ всю тройку своимъ товарищамъ, которые у него пока гдѣ-то припрятаны. Въ такомъ случаѣ намъ не на чемъ будетъ и спасаться, между тѣмъ какъ очень можетъ статься, что метель скоро уляжется, и тогда кучеръ станетъ запрягать, а Борисъ стукнетъ три раза въ стѣнку, и мы всѣ бросимся на дворъ, сядемъ и уѣдемъ. Для того, чтобы быть постоянно наготовѣ, и изъ насъ никто не раздѣвался.

Не знаю, долго ли или коротко шло время для прочихъ, но для насъ, двухъ спящихъ мальчиковъ, оно пролетѣло какъ одно мгновенье, которое вдругъ завершилось ужаснѣйшимъ пробужденіемъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Я проснулся оттого, что мнѣ стало невыносимо тяжело дышать. Открывъ глаза, я не увидалъ ничего ровно, потому что вокругъ меня было темно, но только въ отдаленіи что-то какъ будто сѣрѣло: это обозначалось окно. Но зато, какъ при свѣтѣ Селиванова фонаря я разомъ увидалъ лица всѣхъ бывшихъ на той ужасной сценѣ людей, такъ теперь я въ одно мгновенье вспомнилъ все—кто я, гдѣ я, зачѣмъ я здѣсь, кто есть у меня милые и дорогіе въ отцовскомъ домѣ, — и мнѣ стало всего и всѣхъ жалко, и больно, и страшно, и мнѣ хотѣлось закричать, но это-то и было невозможно. Мои уста были зажаты плотно человѣческою рукою, а на ухо трепетный голосъ шепталъ мнѣ:

— Ни звука, молчи, ни звука! Мы погибли, — къ намъ ломятся.

Я узналъ теткинъ голосъ и пожалъ ея руку въ знакъ того, что я понимаю ея требованіе.

За дверями, которыя выходили въ сѣни, слышался шорохъ... кто-то тихо переступалъ съ ноги на ногу и водилъ по стѣнѣ руками... Очевидно, этотъ злодѣй искалъ, но никакъ не могъ найти двери...

Тетушка прижала насъ къ себѣ и прошептала, что Богъ намъ еще можетъ помочь, потому что въ дверяхъ ею устроено укрѣпленіе. Но въ это же самое мгновеніе, можетъ-быть, именно потому, что мы выдали себя своимъ шопотомъ и дрожью, за тесовой перегородкой, гдѣ была изба и откуда при разговорѣ о свѣчкѣ отзывалась жена Селивана, кто-то выбѣжалъ и сцѣпился съ тѣмъ, кто тихо подкрадывался къ нашей двери, и они вдвоемъ начали ломиться; дверь затрещала, и къ нашимъ ногамъ полетѣли столъ, скамья и чемоданы, которыми заставилась тетушка, а въ самой распахнувшейся двери появилось лицо Борисушки, за шею котораго держались могучія руки Селивана...

Увидавъ это, тетушка закричала на Селивана и бросилась къ Борису.

— Матушка! Богъ спасъ.—хрипѣлъ Борисъ.

Селиванъ принялъ свои руки и стоялъ.

— Скорѣе, скорѣй вонъ отсюда!—заговорила тетушка.— Гдѣ наши лошади?

— Лошади у крыльца, матушка, я только хотѣлъ васъ вызвать... А этотъ разбойникъ... Богъ спасъ, матушка! — лепеталъ скороговоркою Борисъ, хватая за руки меня и моего кузена и забирая по дорогѣ все, что попало. Всѣ врозь бросились къ двери, вскочили въ повозку и понеслись вскачь, сколько было конской мочи. Селиванъ, казалось, былъ жестоко переконфуженъ и смотрѣлъ намъ вслѣдъ. Онъ, очевидно, зналъ, что это не можетъ пройти безъ послѣдствій.

На дворѣ теперь свѣтало, и передъ нами на востокѣ горѣла красная, морозная рождественская заря.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Мы доѣхали до дому не болѣе какъ въ полчаса, во все время безумолчно толкуя о пережитыхъ нами страхахъ. Тетушка, няня, кучеръ и Борисъ всѣ перебивали другъ друга и безпрестанно крестились, благодаря Бога за наше удивительное спасеніе. Тетушка говорила, что она не спала всю ночь, потому что ей безпрестанно слышалось, какъ кто-то нѣсколько разъ подходилъ, пробовалъ отворить двери. Это и понудило ее загромоздить входъ всѣмъ, что попалось подъ ея руки. Она тоже слышала какой-то подозрительный шопотъ за перегородкою у Селивана, и ей казалось, что онъ не разъ тихонько отворялъ свою дверь, выходилъ въ сѣни и тихонько пробовалъ за скобку нашей двери. Все это слышала и няня, хотя она, по ея словамъ, минутами засыпала. Кучеръ и Борисъ видѣли болѣе всѣхъ. Боясь за лошадей, кучеръ не отходилъ отъ нихъ ни на минуту, но Борисушка не разъ подходилъ къ нашимъ дверямъ и всякій разъ, какъ подходилъ онъ, — сію же минуту появлялся изъ своихъ дверей и Селиванъ. Когда буря передъ разсвѣтомъ утихла, кучеръ и Борисъ тихонько запрягли лошадей и тихонько же выѣхали, сами отперевъ ворота; но когда Борисъ также тихо подошелъ опять къ нашей двери, чтобы насъ вывесть, тутъ Селиванъ увидалъ, что добыча уходитъ у него изъ рукъ, бросился на Бориса и началъ его душить. Слава Богу, конечно, что это ему не удалось и онъ теперь уже не отдѣлается одними подозрѣніями, какъ отдѣлывался до сихъ поръ: его злыя намѣренія были слишкомъ ясны и слишкомъ очевидны, и все это происходило не съ глазу на глазъ съ какимъ-ни-

будь однимъ человѣкомъ, а при шести свидѣтеляхъ, изъ которыхъ тетушка одна стоила по своему значенію нѣсколькихъ, потому что она слыла во всемъ городѣ умницею и къ ней, несмотря на ея среднее состояніе, заѣзжалъ съ визитами губернаторъ, а нашъ тогдашній исправникъ былъ ей обязанъ устройствомъ своего семейнаго благополучія. По одному ея слову, онъ, разумѣется, сейчасъ же возьмется разслѣдовать дѣло по горячимъ слѣдамъ, и Селивану не миновать петли, которую онъ думалъ накинуть на наши шеи.

Сами обстоятельства, казалось, слагались такъ, что все собиралось къ немедленному отмщенію за насъ Селивану и къ наказанію его за звѣрское покушеніе на нашу жизнь и имущество.

Подъѣзжая къ своему дому, за родникомъ на горѣ, мы встрѣтили верхового парня, который, завидѣвъ насъ, чрезвычайно обрадовался, заболталъ ногами по бокамъ лошади, на которой ѣхалъ, и, снявъ издали шапку, подскакалъ къ намъ съ сіяющимъ лицомъ и началъ рапортовать тетушкѣ, какое мы причинили дома всѣмъ безпокойство.

Оказалось, что отецъ, мать и всѣ домашніе тоже не спали. Насъ непремѣнно ждали, и съ тѣхъ поръ, какъ вечеромъ начала разыгрываться метель, всѣ были въ большой тревогѣ — не сбились ли мы съ дороги или не случилось ли съ нами какое-нибудь другое несчастье: могла сломаться въ ухабѣ оглобля, — могли напасть волки... Отецъ высылалъ навстрѣчу намъ нѣсколько человѣкъ верховыхъ людей съ фонарями, но буря рвала изъ рукъ и гасила фонари, да и ни люди, ни лошади никакъ не могли отбиться отъ дома. Топочется человѣкъ очень долго, — все ему кажется, будто онъ ѣдетъ противъ бури, и вдругъ остановка и лошадь ни съ мѣста далѣе. Сѣдокъ ее понуждаетъ, хотя и самъ едва дышитъ отъ задухи, но конь не идетъ... Вершникъ слѣзетъ, чтобы взять за поводъ и провести оробѣвшее животное, и вдругъ, къ удивленію своему, открываетъ, что лошадь его стоитъ, упершись лбомъ въ стѣну конюшни или сарая... Только одинъ изъ развѣдчиковъ уѣхалъ немножко далѣе и имѣлъ настоящую дорожную встрѣчу: это былъ шорникъ Прохоръ. Ему дали выносную форейторскую лошадь, которая закусывала между зубами удила, такъ что желѣзо до губъ ея не дотрогивалось, и ей черезъ то ста-

новились нечувствительны никакія удержки. Она и понесла Прохора въ самый адъ метели, и скакала долго, брыкая задомъ и загибая голову къ переднимъ колѣнамъ, пока, наконецъ, при одномъ такомъ вольтѣ, шорникъ перелетѣлъ черезъ ея голову и всею своею фигурою ввалился въ какую-то странную кучу живыхъ людей, не оказавшихъ, впрочемъ, ему съ перваго раза никакого дружелюбія. Напротивъ, изъ нихъ кто-то тутъ же снабдилъ его тумакомъ въ голову, другой сдѣлалъ поправку въ спину, а третій сталъ мять ногами и приталкивать чѣмъ-то холоднымъ, металлическимъ и крайне неудобнымъ для ощущенія.

Прохоръ былъ малый не промахъ,—онъ понялъ, что имѣетъ дѣло съ особенными существами, и неистово закричалъ.

Испытываемый имъ ужасъ, вѣроятно, придалъ его голосу особенную силу, и онъ былъ немедленно услышанъ. Для спасенія его тутъ же, въ трехъ отъ него шагахъ, показалось «огненное свѣтеніе». Это былъ огонь, который выставили на окнѣ въ нашей кухнѣ, подъ стѣною которой пріютились исправникъ, его письмоводитель, разсыльный солдатъ и ямщикъ съ тройкою лошадей, увязшихъ въ сугробѣ.

Они тоже сбились съ дороги и, попавъ къ нашей кухнѣ, думали, что находятся гдѣ-то на лугу у сѣнного омета.

Ихъ откопали и просили кого на кухню, кого въ домъ, гдѣ исправникъ теперь и кушалъ чай, собираясь поспѣть къ своимъ въ городъ ранѣе, чѣмъ они проснутся и встревожатся его отсутствіемъ послѣ такой несчастной ночи.

— Вотъ это прекрасно,—сказала тетушка:—исправникъ теперь всѣхъ нужнѣе.

— Да! онъ баринъ хватскій, онъ Селивашкѣ задастъ!—подхватили люди, и мы понеслись вскачь и подкатили къ дому, когда исправникова тройка стояла еще у нашего крыльца.

Сейчасъ исправнику все разскажутъ и черезъ полчаса разбойникъ Селиванъ будетъ уже въ его рукахъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Мой отецъ и исправникъ были поражены тѣмъ, что мы перенесли въ дорогѣ и особенно въ разбойничьемъ домѣ Селивана, который хотѣлъ насъ убить и воспользоваться нашими вещами и деньгами...

Кстати о деньгахъ. При упоминаніи о нихъ, тетушка сейчасъ же воскликнула:

— Ахъ, Боже мой! да гдѣ же моя шкатулка?

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же эта шкатулка и лежащія въ ней тысячи?

Представьте себѣ, что ея не было! Да, да, ея-то одной только и не было ни въ комнатахъ между внесенными вещами, ни въ повозкѣ, — словомъ нигдѣ... Шкатулка, очевидно, осталась тамъ и теперь — въ рукахъ Селивана... Или... можетъ-быть даже онъ ее еще ночью выкралъ. Ему вѣдь это было возможно; онъ, какъ хозяинъ, могъ знать всѣ щелки своего дрянного дома, и этихъ щелокъ у него навѣрно не мало... Могла у него быть и подъемная половинка, и приставная дощечка въ перегородкѣ.

И едва только опытнымъ въ выслѣживаніи разбойничьихъ дѣлъ исправникомъ было высказано послѣднее предположеніе о приставной дощечкѣ, которую Селиванъ могъ ночью тихонько отставить и черезъ нее утащить шкатулку, какъ тетушка закрыла руками лицо и упала въ кресло.

Боясь за свою шкатулку, она именно спрятала ее въ уголокъ подъ лавкою, которая приходилась къ перегородкѣ, отдѣляющей наше ночное помѣщеніе отъ той части избы, гдѣ оставался самъ Селиванъ съ его женою...

— Ну, вотъ оно и есть!—воскликнулъ, радуясь вѣрности своихъ опытныхъ соображеній, исправникъ.—Вы сами ему подставили вашу шкатулку!.. но я все-таки удивляюсь, что ни вы, ни люди, никто ея не хватился, когда вамъ пришло время ѣхать.

— Да, Боже мой! мы были всѣ въ такомъ страхѣ!—стонала тетушка.

— И это правда, правда; я вамъ вѣрю,—говорилъ исправникъ: — вамъ было чего напугаться, но все-таки... такая большая сумма... такія хорошія деньги. Я сейчасъ скачу, скачу туда... Онъ вѣрно уже скрылся куда-нибудь, но онъ отъ меня не уйдетъ! Наше счастье, что всѣ знаютъ, что онъ воръ, и всѣ его не любятъ: его никто не станетъ скрывать... А впрочемъ, — теперь у него въ рукахъ есть деньги... онъ можетъ дѣлиться... Надо спѣшить... Народъ вѣдь шельма... Прощайте, я ѣду. А вы успокойтесь, примите капли... Я ихъ воровскую натуру знаю и увѣряю васъ, что онъ будетъ пойманъ.

И исправникъ опоясался своею саблею, какъ вдругъ въ передней послышалось между бывшими тамъ людьми необыкновенное движеніе и... черезъ порогъ въ залу, гдѣ всѣ мы находились, тяжело дыша, вошелъ Селиванъ съ тетушкиной шкатулкой въ рукахъ.

Всѣ вскочили съ мѣстъ и остановились какъ вкопанные...

— Укладочку забыли, возьмите, — глухо произнесъ Селиванъ.

Болѣе онъ ничего не могъ говорить, потому что совсѣмъ задыхался отъ непомѣрно скорой ходьбы и, можетъ-быть, отъ сильнаго внутренняго волненія.

Онъ поставилъ шкатулку на столъ, а самъ, никѣмъ не прошенный, сѣлъ на стулъ и опустилъ голову и руки.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Шкатулка была въ полной цѣлости. Тетушка сняла съ шеи ключикъ, отперла ее и воскликнула:

— Все, все какъ было!

— Сохранно,—тихо молвилъ Селиванъ.—Я все бѣгъ за вами... хотѣлъ догнать... не сдужалъ.. Простите, что сижу передъ вами... задохнулся.

Отецъ первый подошелъ къ нему, обнялъ его и поцѣловалъ въ голову.

Селиванъ не трогался.

Тетушка вынула изъ шкатулки двѣ сотенныя бумажки и стала давать ихъ ему въ руки.

Селиванъ продолжалъ сидѣть и смотрѣть, словно ничего не понималъ.

— Возьми, что тебѣ даютъ,—сказалъ исправникъ.

— За что?—не надо!

— За то, что ты честно сберегъ и принесъ забытыя у тебя деньги.

— А то какъ же? Развѣ надо не честно?

— Ну ты... хорошій человѣкъ... ты не подумалъ утаить чужое.

— Утаить чужое!..—Селиванъ покачалъ головою и добавилъ:—мнѣ не надо чужого.

— Но вѣдь ты бѣденъ,—возьми это себѣ на поправку!—ласкала его тетушка.

— Возьми, возьми, — убѣждалъ его мой отецъ. — Ты имѣешь на это право.

— Какое право?

Ему сказали про законъ, по которому всякій, кто найдетъ и возвратитъ потерянное, имѣетъ право на третью часть находки.

— Что такой за законъ,—отвѣчалъ онъ, снова отстраняя отъ себя тетушкину руку съ бумажками. — Чужою бѣдою не разживешься... Не надо!—прощайте!

И онъ всталъ съ мѣста, чтобы идти назадъ къ своему опороченному дворишку, но отецъ его не пустилъ: онъ взялъ его къ себѣ въ кабинетъ и заперся тамъ съ нимъ на ключъ, а потомъ черезъ часъ велѣлъ запрячь сани и отвезти его домой.

Черезъ день объ этомъ происшествіи знали въ городѣ и въ округѣ, а черезъ два дня отецъ съ тетушкою поѣхали въ Кромы и, остановясь у Селивана, пили въ его избѣ чай и оставили его женѣ теплую шубу. На обратномъ пути они опять заѣхали къ нему и еще привезли ему подарковъ: чаю, сахару и муки.

Онъ бралъ все вѣжливо, но неохотно, и говорилъ:

— На что? Ко мнѣ теперь, вотъ уже три дня, все стали люди заѣзжать... пошелъ доходъ... щи варили... Насъ не боятся, какъ прежде боялись.

Когда меня повезли послѣ праздниковъ въ пансіонъ, со мною опять была къ Селивану посылка, и я пилъ у него чай и все смотрѣлъ ему въ лицо и думалъ:

«Какое у него прекрасное, доброе лицо! Отчего же онъ мнѣ и другимъ такъ долго казался *пугаломъ*?

Эта мысль преслѣдовала меня и не оставляла въ покоѣ... Вѣдь это тотъ же самый человѣкъ, который всѣмъ представлялся такимъ страшнымъ, котораго всѣ считали колдуномъ и злодѣемъ. И такъ долго все выходило похоже на то, что онъ только тѣмъ и занятъ, что замышляетъ и устраиваетъ злодѣянія. Отчего же онъ вдругъ сталъ такъ хорошъ и пріятенъ?

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Я былъ очень счастливъ въ своемъ дѣтствѣ въ томъ отношеніи, что первые уроки религіи мнѣ были даны превосходнымъ христіаниномъ. Это былъ орловскій священ-

никъ, Остромысленій. — хорошій другъ моего отца и другъ всѣхъ насъ, дѣтей, которыхъ онъ умѣлъ научить любить правду и милосердіе. Я не разсказывалъ товарищамъ ничего о томъ, что произошло съ нами въ Рождественскую ночь у Селивана, потому что во всемъ этомъ не было никакой похвалы моей храбрости, а, напротивъ, надъ моимъ страхомъ можно было посмѣяться, но я открылъ всѣ мои приключенія и сомнѣнія отцу Ефиму.

Онъ меня поласкалъ рукою и сказалъ:

— Ты очень счастливъ; твоя душа въ день Рождества была—какъ ясли для Святого Младенца, который пришелъ на землю, чтобъ пострадать за несчастныхъ. Христосъ озарилъ для тебя тьму, которою окутывало твое воображеніе—пустырѣчіе темныхъ людей. Пугало было не Селиванъ, а вы сами, —ваша къ нему подозрительность, которая никому не позволяла видѣть его добрую совѣсть. Лицо его казалось вамъ темнымъ, потому что око ваше было темно. Наблюди это для того, чтобы въ другой разъ не быть такимъ же слѣпымъ.

Это былъ совѣтъ умный и прекрасный. Въ дальнѣйшіе годы моей жизни я сблизился съ Селиваномъ и имѣлъ счастье видѣть, какъ онъ у всѣхъ сдѣлался человѣкомъ любимымъ и почетнымъ.

Въ новомъ имѣніи, которое купила тетушка, былъ хорошій постоялый дворъ на проѣзжемъ трактовомъ пунктѣ. Этотъ дворъ она и предложила Селивану на хорошихъ для него условіяхъ, и Селиванъ это принялъ и жилъ въ этомъ дворѣ до самой своей кончины. Тутъ сбылись мои давніе дѣтскіе сны: я не только близко познакомился съ Селиваномъ, но мы питали одинъ къ другому полное довѣріе и дружбу. Я видѣлъ, какъ измѣнилось къ лучшему его положеніе, — какъ у него въ домѣ водворилось спокойствіе и мало-по малу заводился достатокъ; какъ вмѣсто прежнихъ хмурыхъ выраженій на лицахъ людей, встрѣчавшихъ Селивана, теперь всѣ смотрѣли на него съ удовольствіемъ. И дѣйствительно, вышло такъ, что какъ только просвѣтились очи окружавшихъ Селивана, такъ сдѣлалось свѣтлымъ и его собственное лицо.

Изъ тетушкиныхъ людей, Селивана особенно не любилъ лакей Борисушка, котораго Селиванъ чуть не задушилъ въ ту памятную намъ Рождественскую ночь.

Надъ этой исторіей иногда подшучивали. Случай этой ночи объяснялся тѣмъ, что какъ у всѣхъ было подозрѣніе — не ограбилъ бы тетушку Селиванъ, такъ точно и Селиванъ имѣлъ сильное подозрѣніе: не завезли ли насъ кучеръ и лакей на его дворъ нарочно съ тѣмъ умысломъ, чтобы украсть здѣсь ночью тетушкины деньги и потомъ свалить все удобнѣйшимъ образомъ на подозрительнаго Селивана.

Недовѣріе и подозрительность съ одной стороны вызывали недовѣріе же и подозрѣнія — съ другой, — и всѣмъ казалось, что всѣ они — враги между собою и всѣ имѣютъ основаніе считать другъ друга людьми, склонными ко злу.

Такъ всегда зло родитъ другое зло и побѣждается только добромъ, которое, по слову Евангелія, дѣлаетъ око и сердце наше чистыми.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Остается досказать, отчего же, однако, съ тѣхъ поръ, какъ Селиванъ ушелъ отъ палачника, онъ сталъ угрюмъ и скрытенъ? Кто тогда его огорчилъ и оттолкнулъ?

Отецъ мой, будучи расположенъ къ этому доброму человѣку, все-таки думалъ, что у него есть какая-то *тайна*, которую Селиванъ упорно скрываетъ.

Это такъ и было, но Селиванъ открылъ свою тайну одной только тетушкѣ моей и то послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни въ ея имѣніи и послѣ того, когда у Селивана умерла его всегда болѣвшая жена.

Когда я разъ пріѣхалъ къ тетушкѣ, бывши уже юношею, и мы стали вспоминать о Селиванѣ, который и самъ незадолго передъ тѣмъ умеръ, то тетушка разсказала мнѣ его тайну.

Дѣло заключалось въ томъ, что Селиванъ, по нѣжной добротѣ своего сердца, былъ тронутъ горестной судьбою безпомощной дочери умершаго въ ихъ городѣ отставного палача. Дѣвочку эту никто не хотѣлъ пріютить, какъ дитя человѣка презрѣннаго. Селиванъ былъ бѣденъ и притомъ онъ не могъ рѣшиться держать у себя палачеву дочку въ городкѣ, гдѣ ее и его всѣ знали. Онъ долженъ былъ скрывать отъ всѣхъ ея происхожденіе, въ которомъ она была

неповинна. Иначе она не избѣжала бы тяжкихъ попрековъ отъ людей, неспособныхъ быть милостивыми и справедливыми. Селиванъ скрывалъ ее потому, что постоянно боялся, что ее узнаютъ и оскорбятъ, и эта скрытность и тревога сообщились всему его существу и отчасти на немъ отпечатлѣлись.

Такъ, каждый, кто называлъ Селивана «пугаломъ», въ гораздо бо̀льшей мѣрѣ самъ былъ для него «пугаломъ».

ФИГУРА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Когда я еще просвѣщался въ Кіевѣ и въ отдаленныхъ думахъ не имѣлъ заниматься писательствомъ, у меня завязалось одно знакомство съ бѣднымъ, но благороднымъ семействомъ, жившимъ въ маленькомъ собственномъ домикѣ въ самомъ отдаленномъ краю города, близъ упраздненнаго Кирилловскаго монастыря. Семейство состояло изъ двухъ пожилыхъ сестеръ, дѣвушекъ, и изъ третьей—старушки, ихъ тетки,—тоже дѣвушки. Жили онѣ скромно на очень маленькую пенсію и на доходъ отъ своихъ коровъ и отъ своего огорода. Въ гостяхъ у нихъ бывали только три человѣка: извѣстный русскій аболиціонистъ Дмитрій Петровичъ Журавскій, я и еще оригинальный, съ виду совсѣмъ похожій на крестьянина, человѣкъ, котораго фамилія была Вигура, но всѣ называли его «Фигура».

Объ немъ здѣсь и будетъ поминальная рѣчь.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Фигура или, по малороссійскому простому выговору, «Хвыгура» во время моего знакомства имѣлъ лѣтъ около шестидесяти, но обладалъ еще значительною силою и никогда не жаловался на нездоровье. Онъ имѣлъ огромный ростъ и атлетическое сложеніе: волосы у него были густые, коричневые, почти безъ просѣди, но усы «сивые». По собственному его выраженію, онъ «сививъ зъ морды—

якъ песъ», т. е. сѣдѣлъ, начиная не съ головы, а съ усовъ—какъ сѣдѣютъ старыя собаки. Борода у него тоже была бы сѣдая, но онъ ее брилъ. Глаза у Фигуры были большіе, сѣрые съ поволокою, губы румяныя, цвѣтъ лица смуглый и загорѣлый. Взглядъ его имѣлъ выраженіе смѣлое, умное и съ оттѣнкомъ затаенной малороссійской ироніи.

Жилъ Фигура совершеннымъ, настоящимъ подгороднымъ мужикомъ, на предмѣстіи Куриневкѣ, «у своей господі», т. е. въ собственной усадьбѣ и при собственномъ хозяйствѣ, которое велъ въ сотрудничествѣ молодой и чрезвычайно красивой крестьянки Христи. Фигура все работалъ своими собственными руками и все содержалъ въ простомъ, но безукоризненномъ порядкѣ. Онъ самъ «коналъ огородъ», самъ его воздѣлывалъ и засѣвалъ овощами и самъ же вывозилъ эти овощи на Подолъ, на Житній базаръ, гдѣ становился со своею телѣгою въ ряду съ другими пріѣзжими мужиками и продавалъ свои огурцы, гарбузы (тыквы), дыни, капусту, бураки и рѣпку.

Торговалъ Фигура лучше другихъ потому, что его овощи всегда отличались лучшимъ достоинствомъ. Особенно славились его нѣжныя и сладкія тыквы, чрезвычайно большихъ размѣровъ, доходившія иногда до пуда вѣса.

Также и огурцы, и бураки, и капуста — все у Фигуры было самое рослое и самое лучшее.

Перекупки подольскаго Житняго базара знали, что «протъ Хвыгуры вже не учкнешь»,—т. е. лучше его ни у кого не достанешь, — но онъ не любилъ продавать перекупкамъ «щоб людей не мордовали», а продавалъ прямо «людямъ», т. е. прямымъ потребителямъ.

Къ перекупамъ и перекупкамъ Фигура «мавъ зуба» (имѣлъ зубъ), и любилъ проникать хитрости этихъ людей и ихъ выпучивать. Какъ бывало перекупъ или перекупка ни переотѣнутся, или кого ни пошлютъ къ возу съ подсыломъ, чтобы забрать товаръ у Фигуры, — онъ, бывало, это сейчасъ проникнетъ и на вопросъ «почемъ копа» — отвѣчаетъ:

— По деньгамъ, але тыльки шкода що не для твоей милости.

Если же посыльный станетъ увѣрять, что онъ простой

человѣкъ и торгуетъ «для себѣ», то Фигура, не вынимая изъ губъ трубки, скажетъ ему:

— Эге! ну не юлы-бо не покуришь! и больше не станетъ разговаривать.

Фигуру всѣ знали на базарѣ и знали, что онъ якъ бы то не съ простыхъ людей, а тильки опростывся; но настоящаго его чина и званія и того—почему онъ такъ «опростывся»—не знали и узнать этого не добивались.

Я тоже долго этого не зналъ, а настоящаго его чина и теперь не знаю.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Домикъ у Фигуры былъ обыкновенная малороссійская мазанка, раздѣленная, впрочемъ, на комнатку и кухню. Ѣлъ онъ пищу всегда растительную и молочную, но самую простую—крестьянскую, которую ему готовила вышеупомянутая замѣчательной красоты хохлушка Христя. Христя была «покрытка», т. е. дѣвушка, имѣвшая дитя. Дитя это была прехорошенькая дѣвочка, по имени Катря. По сосѣдству думали, что она «хвыгурина дочка», но Фигура на это дѣлалъ гримасу и, пыхнувъ губами, отвѣчалъ:

— Такъ-то оно и есть що моя! Правда, що якъ Богъ мени давъ щасте, що-бъ ее кормить, то тимъ вона теперечки моя,—а кто ее на свитъ бидовать пустивъ, то я вже того добродія не знаю. Але якъ кто хоче — нехай такъ и ліче: якъ моя—то нехай моя,—мени все едино.

Но насчетъ Катри еще немножко сомнѣвались: а что касается самой красавицы Христи, то ее уже считали за «дружину» Фигуры безъ всякихъ сомнѣній.

Фигура и къ этому тоже пребывалъ равнодушенъ, и если ему кто-нибудь Христей подшучивалъ, такъ онъ отвѣчалъ только:

— А вамъ хиба завидно?

Зато же и Фигура, и Христя, да и ни въ чемъ неповинная Катря несли епитимію: изъ нихъ трехъ никто не употреблялъ въ пищу ни мяса, ни рыбъ — словомъ ничего, имѣющаго сознаніе жизни.

Куриневскія жинки знали, за что эта епитимія положена. Фигура же только усмѣхался и говорилъ:

— Дуры!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отношенія у Христи съ Фигурою были премилыя, но такія, что ничего ясно не раскрывали.

Христя держалась въ домѣ не какъ наймычка при хозяйкѣ, а какъ будто своя родная, живущая у родственника. Она «тягала воду» изъ колодца, мыла полы и хату мазала, и бѣлье стирала и шила себѣ, Катрѣ и Фигурѣ, но коровъ не доила, потому что коровы были «мощныя», и ихъ выдаивалъ самъ Фигура соотвѣтственными къ сему великомощными руками. Обѣдали они всѣ трое за однимъ столомъ, къ которому Христя «подносила» и «убирала». Чаю не пили вовсе, «бо це пуста повадка», а въ праздники пили сушеныя вишни или малину—и опять всѣ за однимъ столомъ. Гости у нихъ бывали только тѣ пожилыя барышни, Журавскій, да я. При насъ Христя «бигала и митусилась», т. е. хлопотала, и ее съ трудомъ можно было усадить на минуту: но когда гости вставали, чтобъ уходить, Христя быстро срывалась съ мѣста и неудержимо стремилась подавать всѣмъ верхнее платье и калоши. Гости сопротивлялись ея услугамъ, но она настаивала, и Фигура за нее заступался; онъ говорилъ гостямъ:

— Позвольте ей свою присягу исполнить.

Христя успокаивалась только тогда, когда гости позволяли ей себя «одѣть и обуть якъ слидъ по закону». Въ этомъ была «ея присяга» — ея служебное назначеніе, которому простодушная красавица оставалась преданною и вѣрной.

Въ разговорѣ между собою Фигура и Христя относились другъ къ другу въ разныхъ формахъ: Фигура говорилъ ей «ты» и называлъ ее Христиною, или Христя, а она ему говорила «вы» и называла его по имени и отчеству. Дѣвочку Катрю оба они называли «дочкою», а она кликала Фигуру «татою», а Христю «мамой»... Катрѣ было девять лѣтъ, и она была вся въ мать — красавица.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Родственныхъ связей ни у Фигуры, ни у Христи никакихъ не было. Христя была «безродна сыротина», а у Фигуры (правильно Вигуры) хотя и были родственники, изъ которыхъ одинъ служилъ даже въ университетѣ про-

ессоромъ, —но нашъ куриневскій Фигура съ этими Вигу-
рами никакихъ сношеній не имѣлъ — «бо воны зъ панами
нались», а это, по мнѣнію Фигуры, не то что не хорошо,
«якось не до шмыги» (т. е. не идетъ ему).

— Богъ ихъ церковный знае: они вже може яки ассе-
оры, чи якись таки сяки совѣтники, а мы, якъ и зъ рыла
ачите—изъ простыхъ свиней.

Въ основѣ же своего характера и всѣхъ поступковъ
куриневскій Фигура былъ такая оригинальная личность,
то даже снимаетъ всю нелѣпость съ пословицы, внушаю-
щей цѣнить человѣка битаго—дороже небитаго.

Вотъ одинъ его поступокъ, имѣвшій значеніе для всей
го жизни, которая черезъ этотъ самый поступокъ и опре-
дѣлилась. О немъ едва ли кто зналъ и едва ли знаетъ, а
объ этомъ слышалъ отъ самого Фигуры и перескажу,
акъ помню.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Я жилъ въ Кіевѣ, въ очень многолюдномъ мѣстѣ, между
двумя храмами — Михайловскимъ и Софійскимъ, — и тутъ
ще стояли тогда двѣ деревянныя церкви. Въ праздники
здѣсь было такъ много звона, что бывало трудно выдер-
кать, а внизу по всѣмъ улицамъ, сходящимъ къ Креща-
тику, были кабаки и пивныя, а на площадкѣ балаганы и
качели. Ото всего этого я спасался на такіе дни къ Фигурѣ.
Тамъ была тишина и покой: играло на травкѣ красивое
итя, свѣтили добрыя женскія очи, и тихо разговаривалъ
всегда разумный и всегда трезвый Фигура.

Разъ я ему и сталъ жаловаться на безпокойство, споза-
ранку начавшееся въ моемъ кварталѣ, а онъ отвѣчаетъ:

— И не говорите. Я самъ нашего русскаго праздова-
нія съ дѣтства переносить не могу, и все до сихъ поръ
боюсь: какъ бы какой бѣды не было. Бывало, насъ каде-
тами проводятъ подъ качели и еще говорятъ: «смотрите —
ото народное!» А мнѣ еще и тогда казалось: что тутъ хо-
рошаго — хоть бы это и народное! У Исаіи пророка чи-
тается: праздники ваши ненавидитъ душа Моя», — и я
недаромъ имѣлъ предчувствіе, что со мною когда-нибудь
зъ этомъ разгулѣ дурное случится. Такъ и вышло, да
только хорошо, что все дурное тогда для меня поворотив-
шось на доброе.

— А можно узнать, что это такое было?

— Я думаю, что можно. Видите... это еще, когда вы у бабушки въ рукавѣ сидѣли,—тогда у насъ были двѣ арміи: одна называлась первая, а другая — вторая. Я служилъ подъ Сакеномъ... Вотъ тотъ самый Ерофеичъ, что и теперь еще все акаѳисты читаетъ *). Великій, Богъ съ нимъ, былъ богомолецъ, все на колѣняхъ молился, а то еще на полъ ляжетъ и лежитъ, и лежитъ долго, и куда ни идетъ, и что ни беретъ — все крестится. Ему тогда и многіе другіе въ этомъ въ арміи старались подражать, и записывали, чтобъ онъ ихъ видѣлъ... Которые умѣли — хорошо выходило... И мнѣ это разъ помогло такъ, что я за это до сихъ поръ пенсію получаю. Вотъ какимъ это было случаемъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Полкъ нашъ стоялъ на югѣ, въ городѣ, — тутъ же былъ и штабъ его Ерофеича. И пошло мнѣ идти въ караулъ къ погребамъ съ порохомъ, подъ самое Свѣтлое Воскресенье. Заступилъ я караулъ въ двѣнадцать часовъ дня въ чистую субботу и стоять мнѣ до двѣнадцати часовъ въ Воскресенье.

Со мною мои армейскіе солдаты, сорокъ два человѣка, и шесть объѣздныхъ казаковъ.

Сталъ находить вечеръ, и мнѣ вдругъ начало дѣлаться что-то очень грустно. Молодой человѣкъ былъ, и привязанности были семейныя. Родители еще были живы и сестра... но, самое главное и драгоцѣннѣйшее — мати... мати моя добродѣтельница!.. Чудесная у меня была мати, — преобрая и преспорочная, — добромъ окрытая и въ добрѣ повитая... До того была милостива, что никого не могла огорчить, ни человѣка, ни животнаго, — даже ни мяса, ни рыбы не кушала изъ сожалѣнія къ животнымъ. Отецъ, бывало, спорить: «Помилуй, скажи: сколько-жъ ихъ разродится? Дѣлаться будетъ пекуша». А она отвѣчаетъ: «Ну это еще когда-то будетъ, а я этихъ сама выкормила, такъ они мнѣ какъ родные. Я не могу своихъ родныхъ ѣсть». И у соловей не ѣла: «этихъ, говорила, я живыхъ видѣла: они мнѣ знакомые, — не могу ѣсть своихъ знакомыхъ». А потомъ и незнакомыхъ не стала кушать. «Все равно, го-

*) Акаѳистъ тогда еще былъ живъ.

воритъ, съ ними убійство сдѣлано». Священникъ ее уговаривалъ, что «это отъ Бога показано», и въ требникѣ на освященіе мясовъ молитву показывалъ, но ее не переспорилъ. «Ну, и хорошо,—отвѣчала она:—якъ вы прочитали, то вы и купайте». Священникъ сказалъ отцу, что это все дѣлаютъ какія-нибудь «ныряющія въ домы и прельщающія женщина, всегда учащеся и николи же въ разумъ придти мотущія». А мать говоритъ отцу: «Се пустое: я никакихъ ныряющихъ не знаю, а такъ просто противно мнѣ, чтобы одно другое поѣдало».

Я о моей матери никогда не могу воспоминать спокойно,—непремѣнно разстроюсь. Такъ случилось и тогда. Скучно по матери! Хожу-похожу, соломинку зубами со скуки кусаю и думаю: вотъ она теперь всѣхъ провожаетъ въ село, съ вечера на заутреню, а сама сиротокъ соберетъ, неодѣтыхъ, невычесаныхъ,—всѣхъ сама у печки перемоетъ, головенки имъ вычешетъ и чистыя рубахи надѣнетъ... Какъ съ ней радостно! Если бы я не дворянинъ былъ, я при ней бы и жилъ, и работалъ бы, а не въ караулѣ стоялъ. Что мы такое караулимъ?.. Все для смертнаго бою... А, впрочемъ, что я такъ очень скучаю...—Стыдно!... Я вѣдь жалованье за службу получаю и чиновъ заслуживаю, а вонъ солдатъ—онъ совсѣмъ безнадежный человѣкъ, да еще бьютъ его безъ милосердія,—ему куда для сравненія тяжелѣе... а вѣдь живетъ же, терпитъ и не кусится... Бодрости себѣ надо поддать—все и пройдетъ. Что, думаю, самое лучшее можетъ человѣкъ сдѣлать, если ему самому тяжело? То, другое, третье приходитъ въ голову, и наконецъ опять самое ясное приходитъ отъ матери: она, бывало, говоритъ: «когда самому худо, тогда поспѣши къ тѣмъ, кому еще хуже, чѣмъ тебѣ»... Ну, вотъ, солдатамъ хуже, чѣмъ мнѣ...

«Давай, думаю, я чѣмъ-нибудь солдатъ бѣдныхъ обрадую! Угощу ихъ, что ли, чаемъ напою,—разговѣюсь съ ними на мои гроши!»

Понравилось.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Я позвалъ вѣстового, даю ему изъ своего кошелька денегъ и посылаю, чтобы купилъ четверть фунта чаю, да три фунта сахару, да копу крашенокъ (60 красныхъ яицъ),

да хлѣба шафраннаго на все, сколько останется. Прибавилъ бы еще болѣе, да у самого не было.

Вѣстовой сбѣгалъ и все принесъ, а я сѣлъ къ столику, колю и раскладываю по кусочкамъ сахаръ—и очень занялся тѣмъ: по скольку кусковъ на всѣхъ людей достанется.

И хоть небольшая забота, а сейчасъ, какъ я этимъ занялся, такъ и скука у меня прошла, и я даже радостно сижу, да кусочки отсчитываю и думаю: простые люди — съ ними никто не нѣжничаетъ,—имъ и это участіе пріятно будетъ. Какъ услышу, что отпустный звонъ прозвонятъ, и люди изъ церкви пойдутъ, я поздороваюсь — скажу: «ребята! Христосъ воскресе!» и предложу имъ это мое угощеніе.

А стояли мы въ караулѣ за городомъ, какъ всегда пороховые погреба бываютъ вдалекѣ отъ жилья, а кордегардіей у насъ служили сѣни одного пустого погреба, въ которомъ въ эту пору пороху не было. Тутъ въ сѣняхъ и солдаты, и я, часовые наружи, а казаки—трое съ солдатами, а трое въ разъѣздъ уѣхали.

Изъ города намъ, однако, звонъ слышенъ, и огни кое-какъ мелькаютъ. Да и по часамъ я сообразилъ, что уже время церковной службѣ непремѣнно скоро кончиться,— скоро, должно быть, наступитъ пора поздравлять и потчивать. Я всталъ, чтобы обойти посты, и вдругъ слышу шумъ... дерутся... Я—туда, а мнѣ летитъ что-то подъ ноги, и въ ту же минуту я получаю пощечину... Что вы смотрите? Да — настоящую пощечину и трахъ, — съ одного плеча эполета прочь!

— Что такое?.. Кто меня бьетъ?

И главное дѣло—темно.

— Ребята! кричу,—братцы! Что это дѣлается?

Солдаты узнали мой голосъ и отвѣчаютъ:

— Казаки, ваше благородіе, винница облопались!.. дерутся.

— Кто же это на меня бросился?

— И васъ, ваше благородіе, это казакъ по мордѣ ударилъ. Вотъ онъ и есть — въ ногахъ лежитъ безъ памяти, а двухъ тамъ на погребицѣ вяжутъ. Рубиться хотѣли.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Все вдругъ въ головѣ у меня засуетилось и перепута-

лось. Тягчайшее оскорбленіе! Молодо-зелено, на все еще я тогда смотрѣлъ не своими глазами, а какъ задолбилъ, и разсужденіе тоже было не свое, а чужое, вдолбленное, какъ принято. «*Тебя* ударили — такъ это безчестіе, а если *ты* побьешь на отместку — тогда ничего, — тогда это тебѣ честь»... Убить его, этого казака, я долженъ!.. зарубить его на мѣстѣ!.. А я не зарубилъ. Теперь куда же я годенъ? Я битый по щекѣ офицеръ. Все, значитъ, для меня кончено?.. Кинусь—заколю его! Непремѣнно надо заколоть! Онъ вѣдь у меня честь взялъ, онъ всю карьеру мою испортилъ. Убить! за это сейчасъ убить его! Судъ оправдаетъ или не оправдаетъ, но честь спасена будетъ.

А въ глубинѣ кто-то и говоритъ: «не убій!» Это я понялъ кто! — Это такъ Богъ говоритъ: на это у меня, въ душѣ моей, явилось удостовѣреніе. Такое, знаете, крѣпкое, несомнѣнное удостовѣреніе, что и доказывать не надо, и своротить нельзя. Богъ! Онъ вѣдь старше и выше самого Сакена. Сакенъ откомандуетъ, да когда-нибудь со звѣздой въ отставку выйдетъ, а Богъ-то вѣки-вѣковъ будетъ всей вселенной командовать! А если Онъ мнѣ не позволяетъ убить того, кто меня билъ, такъ что̀ мнѣ съ нимъ дѣлать? Что̀ сдѣлать? Съ кѣмъ посовѣтуюсь?.. Всего лучше съ Тѣмъ, Кто самъ это вынесъ. Іисусъ Христосъ!.. Тебя Самого били?.. Тебя били, и Ты простилъ... а я что̀ предъ Тобою... я червь... гадость... ничтожество! Я хочу быть *Твой:* я простилъ! я *Твой*...

Вотъ только плакать хочется!.. плачу и плачу!

Люди думаютъ, что я это отъ обиды, а я уже, — понимаете... я уже совсѣмъ не отъ обиды...

Солдаты говорятъ:

— Мы его убьемъ!

— Что вы!.. Богъ съ вами!.. Нельзя человѣка убивать!

Спрашиваю старшаго: куда его дѣли?

— Мы, говорятъ, — ему руки связали и въ погребъ его бросили.

— Развяжите его скорѣе и приведите сюда.

Пошли его развязать и вдругъ дверь изъ погреба настежь распахнулась, и этотъ казакъ летитъ на меня прямо, какъ по воздуху, и, точно снопъ, опять упалъ въ ноги и вопитъ:

— Ваше благородіе!.. я несчастный человѣкъ!..

— Конечно, говорю,—несчастный.

Что со мною сдѣлали!..

И плачетъ горестно такъ, что даже реветъ.

— Встань!—говорю.

— Не могу встать, я еще въ изступленіи...

— Отчего ты въ изступленіи?

— Я непитущій, а меня напоили... У меня дома жена молодая и дѣтки... и отцы старички старые... Что я надѣлалъ!..

— Кто тебя упоилъ?

— Товарищи, ваше благородіе, — заставили за живыхъ и за мертвыхъ въ перезвонъ пить... Я непитущій!

И разсказалъ, что заѣхали они въ шинокъ, и стали его товарищи неволить — выпить для Свѣтлаго Христова Воскресенія, въ самый первый звонъ, — чтобы всѣмъ живымъ и умершимъ «легонько взгадалося»,—одинъ товарищъ поднесъ ему чару, а другой другую, а третью онъ уже самъ гупилъ и другихъ потчивалъ, а дальше не помнитъ, что ему пришло въ голову на меня броситься и ударить, и эполетъ сорвать.

Вотъ вамъ и приключеніе! Теперь валяется въ ногахъ, плачетъ, какъ дитя, и весь хмель сошелъ... Стонетъ:

— Дѣтки мои, голубятки мои!.. Старички мои жалостные!.. женка безсчастная!..

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Убивается бѣдняга, и люди всѣ на него смотрятъ, и — вижу и имъ тягостно, а мнѣ еще болѣе всѣхъ тяжело. А между тѣмъ какъ я немножко разумался, сердце-то у меня ужъ назадъ пошло: разсуждать опять начинаю: ударь онъ меня наединѣ, я и минуты бы одной не колебался — сказалъ бы: «иди съ миромъ и впередъ такъ не дѣлай». Но вѣдь это все произошло при подначальныхъ людяхъ, которымъ я долженъ подавать первый примѣръ...

И вдругъ это слово опять меня спасительно уловляетъ... какой-такой намъ поданъ *первый примѣръ?* Я вѣдь не могу же это забыть... я вѣдь не могу же, чтобы Іисуса вспоминать, а притомъ ему совсѣмъ напротивъ надъ людьми дѣлать...

«Нѣтъ, думаю, этого нельзя: я спутался, — лучше я

тстраню отъ себя это пока... хоть на-время, а скажу только о, что надо по правилу...»

Взялъ въ руки яйцо и хотѣлъ сказать: «Христосъ воскресъ!» — но чувствую, что вотъ вѣдь я уже и схитрилъ. Теперь я не Его, — я Ему ужъ чужой сталъ... Я этого не хочу... не желаю отъ Него увольняться. А зачѣмъ же я дѣлаю, какъ тѣ, кому Нимъ тяжело было... который говорилъ: «Господи, выйди отъ меня: я человѣкъ грѣшный!» Безъ Него-то, конечно, полегче... Безъ Него пожалуй со всѣми уживешься... ко всѣмъ поддѣлаешься...

А я этого и хочу! Не хочу, чтобы мнѣ легче было! Не хочу!

Я другое вспомнилъ... Я Его не попрошу уйти, а еще позову... Приди—ближе! и зачиталъ: Христе, свѣте истинный, просвѣщаяй и освѣщаяй всякаго человѣка, грядущаго въ миръ»...

Между солдатами вдругъ вниманіе... кто-то и повторилъ:

— «Всякаго человѣка!»

— Да, говорю,—«всякаго человѣка, грядущаго въ миръ», такой смыслъ придаю, что Онъ просвѣщаетъ того, кто приходитъ отъ вражды къ *миру*. И еще сильнѣе голосомъ сказалъ: «Да знаменуется на насъ, грѣшныхъ, свѣтъ Твоего лица!»

— «Да знаменуется!.. да знаменуется!» вразъ, однимъ дыханіемъ продохнули солдаты... Всѣ содрогнулись... всѣ схлипываютъ... всѣ неприступный свѣтъ узрѣли и къ нему тянулись...

— Братцы! говорю,—будемъ молчать!

Вразъ всѣ поняли.

— Языкъ пусть намъ отсохнетъ, — отвѣчаютъ: — ничего не скажемъ.

— Ну,—я говорю:—значитъ Христосъ воскресъ! — и поцѣловалъ перваго побившаго меня казака, а потомъ сталъ и съ другими цѣловаться. «Христосъ воскресъ!» — «Воистину воскресъ!»

И вправду обнимали мы другъ друга радостно. А казакъ все плакалъ и говорилъ: «я въ Іерусалимъ пойду Бога молить... священника упрошу, чтобы мнѣ епитинью наложилъ».

— Богъ съ тобой, говорю,— еще лучше и въ Іерусалимъ не ходи, а только водки не пей.

— Нѣтъ, плачетъ, я, ваше благородіе, и водки не буду пить, и пойду къ батюшкѣ...

— Ну, какъ знаешь.

Пришла смѣна, и мы возвратились, и я отрапортовалъ, что все было благополучно, и солдаты всѣ молчали; но случилось такъ, однако, что секретъ нашъ вышелъ наружу.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

На третій день праздника призываетъ меня къ себѣ командиръ, запирается въ кабинетъ и говоритъ:

— Какъ это вы, смѣнившись послѣдній разъ съ караула, рапортовали, что у васъ все было благополучно, когда у васъ было ужасное происшествіе!

Я отвѣчаю:

— Точно такъ, господинъ полковникъ, происшествіе было нехорошее, но Богъ насъ вразумилъ, и все кончилось благополучно.

— Нижній чинъ оскорбилъ офицера и остается безъ наказанія... и вы это считаете благополучнымъ? Да у васъ что же — нѣтъ, что ли, ни субординаціи, ни благородной гордости?

— Господинъ полковникъ, — говорю: — казакъ былъ человѣкъ пьющій и обезумѣлъ, потому что его опоили.

— Пьянство—не оправданіе!

— Я,—говорю:—не считаю за оправданіе,—пьянство пагуба, но я духу въ себѣ не нашелъ доносить, чтобы за меня безразсуднаго человѣка наказывали. Виноватъ, господинъ полковникъ, я простилъ.

— Вы не имѣли права прощать!

— Очень зыло, господинъ полковникъ, не могъ выдержать.

— Вы послѣ этого не можете болѣе оставаться на службѣ.

— Я готовъ выйти.

— Да: подавайте въ отставку.

— Слушаю-съ.

— Мнѣ васъ жалко, — но поступокъ вашъ есть непозволительный. Пеняйте на себя и на того, кто вамъ внушилъ такія правила.

Мнѣ стало отъ этихъ словъ грустно, и я попросилъ извиненія и сказалъ, что я пенять ни на кого не буду, а осу-

бенно на того, кто мнѣ внушилъ такія правила, потому что я взялъ себѣ эти правила изъ христіанскаго ученія.

Полковнику это ужасно не понравилось.

— Что,— говоритъ:—вы мнѣ съ христіанствомъ! — вѣдь я не богатый купецъ и не барыня. Я ни на колокола не могу жертвовать, ни ковровъ вышивать не умѣю, а я съ васъ службу требую. Военный человѣкъ долженъ почерпать христіанскія правила изъ своей присяги, а если вы чего-нибудь не умѣли согласовать, такъ вы могли на все получить совѣтъ отъ священника. И вамъ должно быть очень стыдно, что казакъ, который васъ прибилъ, лучше зналъ, что надо дѣлать: онъ явился и открылъ свою совѣсть священнику! Его это одно и спасло, а не ваше прощеніе. Дмитрій Ерофеичъ простилъ его не для васъ, а для священника, а солдаты всѣ, которые были съ вами въ караулѣ, будутъ раскассированы. Вотъ чѣмъ ваше христіанство для нихъ кончилось. А вы сами пожалуйте къ Сакену: онъ самъ съ вами поговоритъ — ему и разсказывайте про христіанство: онъ церковное писаніе все равно, какъ военный уставъ, знаетъ. А всѣ, извините, о васъ того мнѣнія, что вы, извините, получивъ пощечину, изволили прощать единственно съ тѣмъ, чтобы это безчестіе вамъ не помѣшало на службѣ остаться... Нельзя! Ваши товарищи съ вами служить не желаютъ.

Это мнѣ, по тогдашней моей молодости, показалось жестоко и обидно.

— Слушаю-съ, говорю: — господинъ полковникъ, я пойду къ графу Сакену и доложу все, какъ дѣло было, и объясню, чему я подчинился — все доложу по совѣсти. Можетъ-быть, онъ иначе взглянетъ.

Командиръ рукой махнулъ.

— Говорите, что хотите, но знайте, что вамъ ничто не поможетъ. Сакенъ церковные уставы знаетъ — это правда, но, однако, онъ все-таки пока еще исполняетъ военные. Онъ еще въ архіереи не постригся.

Тогда между военными ходили разные нелѣпые слухи о Сакенѣ: одни говорили, будто онъ имѣетъ видѣнія и знаетъ отъ ангела — когда надо начинать бой: другіе разсказывали вещи еще болѣе чудныя, а полковой казначей, имѣвшій большой кругъ знакомства съ купцами, увѣрялъ, будто Филаретъ московскій говорилъ графу Протасову: «Если я

умру, то Боже васъ сохрани, не дѣлайте оберъ-прокуроромъ Муравьева, а митрополитомъ московскимъ — кіевскаго ректора (Иннокентія Борисова). Они только хороши кажутся, а хорошо не сдѣлаютъ: а вы ставьте на свое мѣсто Сакена, а на мое — самаго смирнаго монаха. Иначе я вамъ въ темномъ блескѣ являться стану».

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Я тогда ни за что не хотѣлъ, чтобы Сакенъ допускалъ, будто я простилъ и скрылъ полученную мною пощечину изъ-за того, чтобы мнѣ можно было на службѣ оставаться. Ужасная глупость! Не все ли это равно? Теперь это кажется смѣшно, а въ тогдашнемъ дикомъ состояніи я въ самомъ дѣлѣ полагалъ немножко свою честь въ такихъ пустякахъ, какъ посторонне мнѣніе... Ночей не спалъ: одну ночь въ караулѣ не спалъ, а потомъ три ночи не спалъ отъ волненія... Обидно было, что товарищи обо мнѣ нехорошо думаютъ, и что Сакенъ обо мнѣ нехорошо думаетъ! Надо, видите, такъ, чтобы всѣ о насъ хорошо думали!..

Опять изъ-за этого всю ночь не спалъ, и на другой день всталъ рано и являюсь утромъ въ сакенскую пріемную. Тамъ былъ только еще одинъ аудиторъ, а потомъ и другіе стали собираться. Жужжатъ между собою потихонечку, а у меня знакомыхъ нѣтъ, — я молчу и чувствую, что сонъ меня клонитъ, — совсѣмъ некстати. А глаза такъ и слипаются. И долго я тутъ со всѣми вмѣстѣ ожидалъ Сакена, потому что онъ въ этотъ день какъ нарочно не выходилъ: все у себя въ спальнѣ передъ чудотворной иконой молился. Онъ вообще былъ страшно богомоленъ: непремѣнно каждый день читалъ утреннія и вечернія молитвы и три акаѳиста, а то иногда запѣтся до безконечности. Случалось, до того уставалъ на колѣняхъ стоять, что даже падалъ и на коврѣ ничкомъ лежалъ, а все молился. Мѣшать ему, или какъ-нибудь перебить молитву считалось — Боже сохрани! На это, кажется, даже при штурмѣ никто бы не отважился, потому что помѣшать ему все равно, что дитя разбудить, когда оно не выспалось. Начнетъ кукситься и капризничать, и что это значитъ не узнаешь. Адъютанты у него это знали, — иные и сами тоже были богомолы, — другіе при-

зверялись. Онъ не разбиралъ и всѣхъ такихъ любилъ и поощрялъ.

Какъ только, бывало, онъ покажется, штабные сейчасъ различали, если онъ намолился, и тогда въ хорошемъ расположеніи, и всѣ бумаги несли, потому что, намолившись, онъ добръ и тогда все подпишетъ.

На мою долю какъ разъ такое счастіе и досталось: какъ Сакенъ вышелъ ко всѣмъ въ пріемную, такъ одинъ опытный говоритъ мнѣ:

— Вы хорошо попали: нынче его обо всемъ можно просить; онъ теперь намолившись.

Я полюбопытствовалъ:

— Почему это замѣтно?

Опытный отвѣчаетъ:

— Развѣ не видите — у него колѣни бѣлѣются, и надъ бровями свѣтлыя пятнышки... какъ будто свѣтъ сіяетъ... Значитъ, будетъ ласковый.

Я сіянія надъ бровями не отличилъ, а панталоны у него на колѣняхъ, дѣйствительно, были побѣлѣвши.

Со всѣми онъ переговорилъ и всѣхъ отпустилъ, а меня оставилъ на самый послѣдъ и велѣлъ за собою въ кабинетъ идти.

«Ну, думаю, — тутъ будетъ развязка». И сонъ прошелъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Въ кабинетѣ у него большая икона въ дорогой ризѣ, на особомъ возвышеніи, и трисоставная лампада въ три огня горитъ.

Сакенъ прежде всего подошелъ къ иконѣ, перекрестился и поклонился въ землю, а потомъ обернулся ко мнѣ и говоритъ:

— Вашъ полковой командиръ за васъ заступается. Онъ васъ даже хвалитъ, — говоритъ, что вы были хорошій офицеръ, но я не могу, чтобы васъ оставить на службѣ!

Я отвѣчаю, что я объ этомъ и не прошу.

— Не просите! Почему же не просите?

— Я знаю, что это нельзя, и не прошу о невозможномъ.

— Вы горды!

— Никакъ нѣтъ.

— Почему же вы такъ говорите — «о невозможномъ»? Французскій духъ! гордость! У Бога все возможно! Гордость!

— Во мнѣ нѣтъ гордости.

— Вздоръ!.. Я вижу. Все французская болѣзнь!.. своеволіе!.. Хотите все по-своему сдѣлать!.. Но васъ я, дѣйствительно, оставить не могу. Надо мною тоже выше начальство есть... Эта ваша вольнодумная выходка можетъ дойти до государя... Что это вамъ пришла за фантазія!..

— Казакъ, говорю, — по дурному примѣру напился пьянъ до безумія и ударилъ меня безъ всякаго сознанія.

— А вы ему это простили?

— Да, я не могъ не простить!..

— На какомъ же основаніи?

— Такъ, по вліянію сердца.

— Гм!.. сердце!.. На службѣ прежде всего долгъ службы, а не сердце... Вы, по крайней мѣрѣ, раскаиваетесь?

— Я не могъ иначе.

— Значитъ, даже и не каетесь?

— Нѣтъ.

— И не жалѣете?

— О немъ я жалѣю, а о себѣ нѣтъ.

— И еще бы во второй разъ, пожалуй, простили?

— Во второй разъ, я думаю, даже легче будетъ.

— Вонъ какъ!.. вонъ какъ у насъ!.. солдатъ его по одной щекѣ ударилъ, а онъ еще другую готовъ подставить.

Я подумалъ: «Цыцъ! не смѣй этимъ шутить!» и молча посмотрѣлъ на него съ таковымъ выраженіемъ.

Онъ какъ бы смутился, но опять по-генеральски напѣтушился и задаетъ:

— А гдѣ же у васъ гордость?

— Я сейчасъ имѣлъ честь вамъ доложить, что у меня нѣтъ гордости.

— Вы дворянинъ?

— Я изъ дворянъ.

— И что же, этой... noblesse oblige... дворянской гордости у васъ тоже нѣтъ?

— Тоже нѣтъ.

— Дворянинъ безъ всякой гордости?

Я молчалъ, а самъ думалъ:

«Ну, да, ну, да: дворянинъ и безъ всякой гордости, — ну, что же ты со мной подѣлаешь?»

А онъ не отстаетъ — говоритъ:

— Что же вы молчите? Я васъ спрашиваю объ этой — благородной гордости?

Я опять промолчалъ, но онъ еще повторяетъ:

— Я опять спрашиваю о *благородной гордости*, которая возвышаетъ человѣка. Сирахъ велѣлъ «пещись объ имени своемъ...»

Тогда я, чувствуя себя уже какъ бы отставнымъ и по-моему человѣкомъ свободнымъ, отвѣтилъ, что я ни про какую благородную гордость ничего въ Евангеліи не встрѣчалъ, а читалъ про одну только гордость сатаны, которая противна Богу.

Сакенъ вдругъ отступилъ и говоритъ:

— Перекреститесь!.. Слышите: я вамъ приказываю, сейчасъ перекреститесь!

Я перекрестился.

— Еще разъ!

Я опять перекрестился.

— И еще... до трехъ разъ!

Я и въ третій разъ перекрестился.

Тогда онъ подошелъ ко мнѣ и самъ меня перекрестилъ, прошепталъ:

— Не надо про сатану! Вы вѣдь православный?

— Православный.

— За васъ воспріемники у купели отреклись отъ сатаны... отъ гордыни, и отъ всѣхъ дѣлъ его, и на него плюнули. Онъ бунтовщикъ и отецъ лжи. Плюньте сейчасъ.

Я плюнулъ.

— И еще!

Я еще плюнулъ.

— Хорошенько!.. До трехъ разъ на него плюньте!

Я плюнулъ, и Сакенъ самъ плюнулъ и ногою растеръ. Всего сатану мы оплевали.

— Вотъ такъ!.. А теперь... скажите, того... Что же вы будете съ собой дѣлать въ отставкѣ?

— Не знаю еще.

— У васъ есть состояніе?

— Нѣтъ.

— Не хорошо! Родственники со связями есть?

— Тоже нѣтъ.

— Скверно! На кого же вы надѣетесь?

— Не на князей и не на сыновъ человѣческихъ: воробей не пропадаетъ у Бога, и я не пропаду.

— Ого-го, какъ вы, однако, начитаны!.. Хотите въ монахи?

— Никакъ нѣтъ. — не хочу.

— Отчего? Я могу написать Иннокентію.

— Я не чувствую призванія въ монахи.

— Чего же вы хотите?

— Я хочу только того, чтобы вы не думали, что я умолчалъ о полученномъ мною ударѣ изъ-за того, чтобы остаться на службѣ: я это сдѣлалъ просто...

— Спасти свою душу! Понимаю васъ, понимаю! я вамъ потому и говорю: идите въ монахи.

— Нѣтъ, я въ монахи не могу, и спасать свою душу не думалъ, а просто я пожалѣлъ другого человѣка, чтобы его не били на смерть палками.

— Наказаніе бываетъ человѣку въ пользу. «Любяй наказуетъ». Вы не дочитали... А, впрочемъ, мнѣ васъ все-таки жалко. Вы пострадали!.. Хотите въ комиссаріатскую комиссію?

— Нѣтъ, благодарю покорно.

— Это отчего?

— Я не знаю, право, какъ вамъ объ этомъ правдивѣе доложить... я туда неспособенъ.

— Ну, въ провіанты?

— Тоже не гожусь.

— Ну, въ нейхвартеры! — тамъ, случается, бываютъ люди и честные.

Такъ онъ меня этимъ своимъ разговоромъ отяготилъ, что я просто будто замагнитизировался и спать хочу до самой невозможности.

А Сакенъ стоитъ передо мною, — и мѣрно, въ тактъ головою покачиваетъ и, загибая одною рукою пальцы другой руки, вычисляетъ:

— Въ Писаніи начитанъ: благородной гордости не имѣетъ; по лицу битъ; въ комиссаріатъ не хочетъ; въ провіантскіе не хочетъ и въ монахи не хочетъ! Но я, кажется, понялъ васъ, почему вы не хотите въ монахи: вы влюблены?

А мнѣ только спать хочется.

— Никакъ нѣтъ, говорю: — я ни въ кого не влюбленъ.

— Жениться не намѣрены?

— Нѣтъ.

— Отчего?

— У меня слабый характеръ.

— Это видно! Это сразу видно! Но что же вы застѣнчивы, — вы боитесь женщинъ... да?

— Нѣкоторыхъ боюсь.

— И хорошо дѣлаете! Женщины суетны и... есть очень злыя, но вѣдь не всѣ женщины злы и не всѣ обманываютъ.

— Я самъ боюсь быть обманщикомъ.

— То-есть... Какъ?.. Для чего?

— Я не надѣюсь сдѣлать женщину счастливой.

— Почему? Боитесь несходства характеровъ?

— Да, говорю. — женщина можетъ не одобрять то, что я считаю за хорошее, и наоборотъ.

— А вы ей докажите.

— Доказать все можно, но отъ этого выходятъ только споры и человѣкъ дѣлается хуже, а не лучше.

— А вы и споровъ не любите?

— Терпѣть не могу.

— Такъ ступайте же, мой милый, въ монахи! Что же вамъ такое?! Вѣдь вамъ въ монахахъ отлично будетъ съ вашимъ настроеніемъ.

— Не думаю.

— Почему? Почему не думаете-то? Почему?

— Призванія нѣтъ.

— А вотъ вы и ошибаетесь — прощать обиды, безбрачная жизнь... это и есть монастырское призваніе. А дальше что же еще остается трудное? — мяса не ѣсть. Этого, что ли, вы боитесь? Но вѣдь это не такъ строго...

— Я мяса совсѣмъ никогда не ѣмъ.

— А зато у нихъ прекрасныя рыбы.

— Я и рыбы не ѣмъ.

— Какъ, и рыбъ не ѣдите? Отчего?

— Мнѣ непріятно.

— Отчего же это можетъ быть непріятно — рыбъ ѣсть?

— Должно-быть, врожденное — моя мать не ѣла тѣлъ убитыхъ животныхъ и рыбъ тоже не ѣла.

— Какъ странно! Значитъ, вы такъ и ѣдите одно грибное да зелень?

— Да, и молоко, и яйца. Мало ли еще что можно ѣсть!

— Ну, такъ вы и сами себя не знаете: вы природный монахъ, вамъ даже схиму дадутъ. Очень радъ! Очень радъ! Я вамъ сейчасъ дамъ письмо къ Иннокентію!

— Да я, ваше сіятельство, не пойду въ монахи!

— Нѣтъ, пойдете, — такихъ, которые и рыбъ не ѣдятъ, очень мало! вы схимникъ! Я сейчасъ напишу.

— Не извольте писать: я въ монастырь жить не пойду. — Я желаю ѣсть свой трудовой хлѣбъ въ потѣ своего лица.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Сакенъ наморщился.

— Это, говоритъ, — вы Библіи начитались, — а вы Библіи-то не читайте. Это англичанамъ идетъ: они недовѣрки и кривотолки. Библія опасна, — это мірская книга. Человѣкъ съ аскетическимъ основаніемъ долженъ ея избѣгать.

«Фу ты, Господи! думаю. — Что же это за мучитель такой!»

И говорю ему:

— Ваше сіятельство! я уже вамъ доложилъ: во мнѣ нѣтъ никакихъ аскетическихъ основаній.

— Ничего, идите и безъ основаній! Основанія послѣ придутъ; всего дороже, что у васъ это врожденное: не только мяса, а и рыбы не ѣдите. Чего вамъ еще!

Умолкаю! Рѣшительно умолкаю и думаю только о томъ: когда же онъ меня отъ себя выпуститъ, чтобы я могъ спать.

А онъ возлагаетъ мнѣ руки на плечи, смотритъ долго въ глаза и говоритъ:

— Милый другъ! вы уже призваны, но только вамъ это еще непонятно!..

— Да, отвѣчаю, — непонятно!

Чувствую, что мнѣ теперь все равно, — что я вотъ-вотъ сейчасъ тутъ же, стоя, усну — и потому инстинктивно отвѣтилъ:

— Непонятно.

— Ну, такъ помолимся, говоритъ, — вмѣстѣ поусерднѣе вотъ передъ этимъ ликомъ. Этотъ образъ былъ со мною во Франціи, въ Персіи и на Дунаѣ... Много разъ я передъ нимъ упадалъ въ недоумѣніи и когда вставалъ — мнѣ было все ясно. Становитесь на коврѣ на колѣни и земной поклонъ... Я начинаю.

Я сталъ на колѣни и поклонился, а онъ зачиталъ умиленнымъ голосомъ: «Совѣтъ превѣчный открывая Тебѣ»...

А дальше я уже ничего не слыхалъ, а только почудилось мнѣ, что я, какъ дошелъ лбомъ до ковра,—такъ и пошелъ свайкой спускаться внизъ, куда-то все глубже къ самому центру земли.

Чувствую, что-то не то, что нужно: мнѣ бы нужно куда-то легкимъ перомъ вверхъ, а я иду свайкой внизъ туда, гдѣ по словамъ Гёте «первообразы кипятъ, — клокочутъ зиждящія силы». А потомъ и не помню уже ничего.

Возвращаюсь опять отъ центра къ поверхности не скоро и ничего не узнаю: трисоставная лампада горитъ, въ окнахъ темно, впереди меня на томъ же коврѣ какой-то генералъ клубочкомъ свернувшись спитъ.

— Что это такое за мѣсто?—заспалъ и запамятовалъ.

Потихонечку поднимаюсь, сажусь и думаю: гдѣ я?—Что это генералъ въ самомъ дѣлѣ, или такъ кажется... Потрогалъ его... ничего—парной, теплый и смотрю—и онъ просыпается и шевелится... И тоже сѣлъ на коврѣ и на меня смотритъ... Потомъ говоритъ:

— Что вижу?.. Фигура!

— Я отвѣчаю:—точно такъ.

Онъ перекрестился и мнѣ велѣлъ.

— Перекрестись!

Я перекрестился.

— Это мы съ вами вмѣстѣ были?

— Да-съ.

— Каково!

Я промолчалъ.

— Какое блаженство!

Не понимаю, въ чемъ дѣло, но, къ счастію, онъ продолжаетъ:—видѣли, какая святыня!

— Гдѣ?

— Въ раю!

— Въ раю? Нѣтъ, говорю,—я въ раю не былъ и ничего не видалъ.

— Какъ не видалъ! Вѣдь мы вмѣстѣ летали... Туда... вверхъ!

Я отвѣчаю, что я летать леталъ, но только не вверхъ, а внизъ.

— Какъ внизъ?

— Точно такъ.

— Внизъ?

— Точно такъ.

— Внизу адъ!

— Не видалъ.

— И ада не видалъ?

— Не видалъ.

— Такъ какой же дуракъ тебя сюда пустилъ?

— Графъ Остенъ-Сакенъ.

— Это я графъ Остенъ-Сакенъ.

— Теперь, говорю,—вижу.

— А до сихъ поръ и этого не видалъ?

— Прошу прощенія, говорю, — мнѣ кажется, будто я спалъ.

— Ты спалъ!

— Точно такъ.

— Ну, такъ пошелъ вонъ!

— Слушаю, говорю,—но только здѣсь темно—я не знаю, какъ выйти.

Сакенъ поднялся, самъ открылъ мнѣ дверь и самъ сказалъ:

— Zum Teufel!

Такъ мы съ нимъ и простились, хотя нѣсколько сухо, но его ко мнѣ милости этимъ не кончились.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Я былъ совершенно спокоенъ, потому что зналъ, что мнѣ всего дороже — это моя воля, возможность жить по одному завѣту, а не по нѣсколькимъ, не спорить, не подѣлываться и никому ничего не доказывать, если ему не явлено свыше, — и я зналъ, гдѣ и какъ можно найти такую волю. Я не хотѣлъ рѣшительно никакихъ службъ, ни тѣхъ, гдѣ нужна благородная гордость, ни тѣхъ, гдѣ можно обходиться и безъ всякой гордости. Ни на какой службѣ человѣкъ самъ собой быть не можетъ, онъ долженъ впередъ не обѣщаться, а потомъ исполнять, какъ обѣщался, а я вижу, что я порченый, что я ничего обѣщать не могу, да и не схѣю, и не долженъ, потому что суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы... Сердце сжалится, и я не могу обѣщанія выдержать: увижу страданіе и не выстою... я измѣню субботѣ! На службѣ надо имѣть клятвенную твер-

дость и умѣть самого себя заговаривать, а у меня этого дарованія нѣтъ. Мнѣ надо что-нибудь самое простое... Перебиралъ я, перебиралъ, — что̀ есть самое простое, гдѣ не надо себя заговаривать, и рѣшилъ, что лучше пахать землю.

Но меня, однако, ждала еще награда и по службѣ.

Передъ самымъ моимъ выѣздомъ полковникъ объявляетъ мнѣ:

— Вы не безъ пользы для себя съ Дмитріемъ Ерофеичемъ повидались. Онъ тогда былъ съ утра прекрасно намолившись, и еще съ вами, кажется, молился?

— Какъ же, отвѣчаю,—мы молились.

— Вмѣстѣ въ блаженныя селенія парили?..

— То-есть... какъ это вамъ доложить...

— Да, вы—большой политикъ! Знаете, вы и достигли,— вы ему очень понравились; онъ вамъ велѣлъ сказать, что особымъ путемъ вамъ пенсію выпроситъ.

— Я, говорю,—пенсіи не выслужилъ.

— Ну, ужъ это теперь расчислять поздно,—ужъ отъ него пошло представленіе, а ему не откажутъ.

Вышла мнѣ пенсія по тридцати шести рублей въ годъ, и я ее до сихъ поръ по этому случаю получаю. Солдаты со мною тоже хорошо простились.

— Ничего, говорили,—мы, ваше благородіе, вами довольны и не плачемся. Намъ все равно, гдѣ служить. А вамъ бы, ваше благородіе, мы желали, чтобы къ намъ въ попы достигнуть и благословлять на полѣ сраженія.

Тоже доброжелатели!

А я вмѣсто всего ихняго доброжеланія вотъ эту господку купилъ... Невелика господка, да добра... Може и Катря еще на ней буде съ мужемъ господуроваты... Бидна Катруся! Я ее съ матерью подъ тополями Подолинскаго сада нашелъ... Мать хотѣла ее на чужія руки кинуть, а сама къ какой-нибудь пани въ мамки идти. А я вызвѣрывся, да говорю ей:

— Чи ты съ самаго роду такъ дурна, чи ты сумасшедшая! Що тобѣ такэ подиялось, щобъ свою дытыну покинуты, а паньскихъ своимъ молокомъ годувати! Нехай ихъ яка пани породыла, та сама и годуетъ: такъ отъ Бога показано, — а ты ходы впростъ до миня, та пильнуй свою дытыну.

Она встала,—подобрала Катрю въ тряпочки и пишла.—каже:

— Пиду, куды мине доля моя ведэ!

Такъ вотъ и живемъ, и поле оремъ, и сіемъ а чого нэма, о томъ не скучаемъ—бо всѣ люди просты: мать сирота, дочка мала, а я битый офицеръ, да еще и безъ усякой благородной гордости. Тифу, яка пропаща фигура!

По моимъ свѣдѣніямъ, Фигура умеръ въ концѣ пятидесятыхъ или въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ. О немъ я не встрѣчалъ въ литературѣ никакихъ упоминаній.

РАЗСКАЗЫ КСТАТИ.

СОВМѢСТИТЕЛИ.

БУКОЛИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ НА ИСТОРИЧЕСКОЙ КАНВѢ.

«Родъ сей ничѣмъ же изимается».

Совмѣстительство у насъ есть очень старое и очень важное зло. Даже когда по существу какъ-будто ничему не мѣшаетъ, оно все-таки составляетъ зло,—говорилъ нѣкоторый знатный и правдивый человѣкъ и при этомъ разсказалъ слѣдующій, по моему мнѣнію, не безынтересный анекдотическій случай изъ стараго времени. — Дѣло идетъ о бывшемъ министрѣ финансовъ, извѣстномъ графѣ Канкринѣ. Я записалъ этотъ разсказъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, прямо со словъ разсказчика и такъ его здѣсь и передамъ, почти тѣми же словами, какъ слышалъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Графъ Канкринъ былъ дѣловитъ и уменъ, но любилъ поволочиться. Тогда было, впрочемъ, такое время, что всѣ волочились. Даже впослѣдствіи это перешло какъ бы въ преданіе по финансовому вѣдомству, и покойный Вронченко тоже былъ превеликій ухаживатель: только въ этомъ игры и любезности той не было, какъ въ Канкринѣ *). Такое господствовало настроеніе: жизнь играла у гробового входа.

И тѣ, кому волокитство уже ни на что не нужно было.

---

*) Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ род. 1774 г., состоялъ генералъ-интендантомъ въ 1812 г., а съ 1823 года министромъ финансовъ. Умеръ въ 1846 г. Былъ отличный финансистъ и извѣстенъ также какъ писатель; писалъ на нѣмецкомъ языкѣ.

и они все-таки старались не отставать отъ сверстниковъ.

Если не для чего-нибудь, то хоть для порядка или приличія всѣ имѣли дамъ на попеченіи. Въ самой большой модѣ были танцорки или цыганки, но иногда и другія особы соотвѣтственнаго значенія. И притомъ никто почти не скрывалъ свои грѣшки, а нерѣдко даже желали ихъ огласки. Это давало случай въ обществѣ подшучивать надъ «старыми грѣшниками». О нихъ разсказывали разные смѣшные анекдоты, а это дѣлало грѣшникамъ извѣстность и рекомендовало ихъ какъ добрыхъ и забавныхъ вье-гарсоновъ.

Случалось, что имя грѣшника вспоминалось съ какою-нибудь веселою шуткою при такихъ лицахъ, что это воспомянутому было полезно, и этимъ дорожили и умѣли обращать себѣ въ выгоду.

Были даже такіе старички, которые сами про себя нарочно сочиняли смѣшныя любезныя исторійки и доходили въ этомъ до замѣчательной виртуозности. Позднѣйшіе критики, не знавшіе хорошо дѣйствительности прошлой жизни, приписали нигилистической порѣ стремленіе «пить втроемъ утренній чай»: но это несправедливо. Все это было извѣстно гораздо раньше появленія нигилистовъ и производилось гораздо крупнѣе, но только тогда на это былъ другой взглядъ, и «чай втроемъ» не получалъ тенденціозныхъ истолкованій.

А что старички въ то время очень, очень шалили и что грѣшки ихъ забавляли общество—это вы можете видѣть по театральному репертуару. Тогда нерѣдко такъ съ кого-нибудь прямикомъ и писали пьесы. Напримѣръ, «Новички въ любви», или «Его превосходительство или средство нравиться»—это все съ натуры. Теперь всѣхъ этихъ пьесъ уже и названій не припомнишь, а тогда бывало выведенныхъ лицъ по именамъ въ театрѣ называли и смѣялись. Многіе актеры, особенно Мартыновъ, бывало нарочно гримировались и копировали на сценѣ того, въ кого мѣтили. Былъ даже одинъ такой случай, что нѣкто, имѣвшій желаніе о себѣ напомнить, самъ избралъ для этого театръ и самъ пріѣзжалъ къ Мартынову съ просьбою—«нельзя ли такъ представить, чтобы его лицо узнали». Мартыновъ на этимъ просителемъ подсмѣялся: онъ ему не отказалъ, но что-то такое какъ-то прикрасилъ по-своему и чуть-чуть не повредилъ почтенному человѣку. Впрочемъ, дѣло обошлось

и тотъ возобновилъ себя у кого желалъ въ памяти и получилъ солидную должность.

Въ министерствѣ финансовъ тогда собралась компанія очень большихъ волокитъ, и самъ министръ считался въ этой компаніи не послѣднимъ. Любовныхъ грѣшковъ у графа Канкрина, какъ у очень умнаго человѣка, съ очень живою фантазіей, было много, но къ той порѣ, когда подошелъ комическій случай, о которомъ теперь наступаетъ разсказъ, графъ уже былъ въ упадкѣ тѣлесныхъ силъ и не совсѣмъ охотно, а болѣе для одного приличія велъ знакомство съ нѣкоторой барынькой полуинтендантскаго происхожденія.

Среди интендантовъ графъ Канкринъ былъ очень извѣстенъ по его прежней службѣ, а можетъ быть и по его прежней старательности въ ухаживаніяхъ за смазливыми дамочками, или, какъ онъ ихъ называлъ, «жоли мордочками». Это совсѣмъ не то, что Тургеневъ называетъ въ своихъ письмахъ *мордемонди*. «Мордемонди» — это начитанная противность, а «жоли-мордочки» — это была прелесть.

Притомъ, я не знаю, какъ это кажется вамъ, а я въ этомъ названіи слышу что-то веселое, молодое и беззаботное и въ словѣ «жоли-мордочка» не вижу ничего ни грубаго, ни обиднаго для прекраснаго пола.

Въ оное былое время, когда графъ интендантствовалъ, «жоли-мордочки» его сильно занимали и не мало ему стоили; но въ ту пору, до которой доходитъ мой разсказъ, онъ уже только «соблюдалъ приличія круга» и потому сталъ и разсчетливъ, и лѣнивъ въ оказательствахъ своего вниманія дамѣ.

А состоявшая въ это время при немъ «жоли-мордочка» была, какъ на грѣхъ, особа съ нѣкоторымъ образованіемъ и очень живого характера: она требовала вниманія, сердилась, капризничала, дѣлала ему сцены и вообще хотѣла, чтобы онъ ею занимался и какъ-нибудь ее развлекалъ. Графъ же былъ и старъ, и очень занятъ, да и по положенію своему онъ не могъ удовлетворять эти требованія. А потому, поступая въ духѣ времени, онъ очень желалъ, чтобы часть заботъ о развлеченіи молоденькой особы понесъ кто-нибудь другой. Это тогда не только допускалось, но даже и патронировалось. Одно лишь было въ условіяхъ этикета, чтобы совмѣститель былъ человѣкъ съ тактомъ и не ронялъ значенія главенствующаго лица, или патрона.

Такимъ дамамъ позволяли появляться съ ихъ адъютантами, гдѣ можно, въ общественныхъ мѣстахъ, и это никому не вредило, потому что отъ этого шелъ хорошій говоръ: «Вотъ-де князь NN надуваетъ графа ZZ». А совсѣмъ никакого надувательства ни съ чьей стороны и не было,—все было съ общаго согласія, но только черезъ хорошаго «аташе» больше прославлялось имя патрона. Старичокъ бывало заѣдетъ утромъ, чашку кофе или шоколада выпьетъ и уѣдетъ и денегъ пачку оставитъ, а послѣ визита пріѣзжаетъ совмѣститель, и идетъ счастливое препровожденіе времени.

Но нынѣшняя «жоли-мордочка» графа была капризница и дикарка: она ни съ кѣмъ не знакомилась и тѣмъ ужасно обременяла графа безпрерывными претензіями.

Онъ хотѣлъ отношеній болѣе удобныхъ, а она скучала и совсѣмъ другое пѣла.

— Я, говоритъ, — такъ безъ участія сердца жить не могу,—я понимаю только одни серьезныя отношенія.

Графъ ей нѣсколько разъ представлялъ, что ему невозможно сидѣть у нея и оказывать «участіе сердца», а она говорила:

— Нѣтъ, вы должны. Пойдемъ погуляемъ: я вамъ что-нибудь почитаю или поиграю.

Ни за что не хотѣла понять, что ему, какъ министру, это неудобно. Онъ и озаботился помирить ея требованія какъ-нибудь иначе, и сдѣлалъ въ этомъ направленіи очень находчивый и смѣлый шагъ; но только съ хлопотами его вышелъ пресмѣшной казусъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Графъ жилъ лѣтомъ въ Лѣсномъ, который тогда считался очень хорошимъ дачнымъ мѣстомъ. Канкринъ самъ, вѣдь, и положилъ начало здѣшнему заселенію и всегда Лѣсному покровительствовалъ.

Оттого, можетъ-быть, здѣсь и послѣ долго жили директоры изъ министерства финансовъ, но только это ужъ не то. Славы Лѣсного они не поддержали — она пала невозвратно. Даму свою Канкринъ помѣстилъ отъ себя въ сторонкѣ, именно въ Новой Деревнѣ, гдѣ тогда тоже было еще довольно чистенько и прилично. На здѣшнихъ дачахъ помѣщалось большинство нѣжныхъ особъ, имѣвшихъ имени-

тыхъ попечителей. Дачи этихъ дамъ, бывало, замѣтны, и опытный глазъ сейчасъ ихъ узнавалъ по хорошимъ, густымъ занавѣскамъ и по тому, что изъ нихъ чаще всего слышалось пѣніе куплетовъ:

«Въ васъ, конечно, нѣтъ дурного,
«Только,—право не въ упрекъ,—
«Нѣтъ ли гдѣ-нибудь сѣдого?
«Что-съ?»

а хоръ отвѣчаетъ:

«Водится грѣшокъ!
«Водится грѣшокъ!

Весело, очень весело жилося! И куда только все это ушло и куда миновалося съ усиленіемъ разночинца!..

Какъ пошли пѣть подъ бряцаніе: «Ты, душа-ль моя, красна дѣвица! Ты, звѣзда-ль моя, ненаглядная», — такъ игривый куплетъ изъ комнатнаго пѣнія и вывелся.

«Всякой вещи свое время подъ солнцемъ», — даже и куплету.

Такъ пройдетъ и оперетка, съ которою нынче напрасно борются.

Все пройдетъ когда-нибудь въ свое время.

Канкринъ посѣщалъ свою пустынницу всегда верхомъ и всегда безъ провожатаго; но серьезный служебный недосугъ мѣшалъ ему дѣлать эти посѣщенія такъ часто, какъ желала его неудобная, по серьезности своихъ требованій, «жоли-мордочка». И выходило у нихъ худо: та скучала и капризничала, а онъ, будучи обремененъ государственными вопросами и литературой, никакъ не могъ угодить ей. Сцены она умѣла дѣлать такія, что графъ даже сталъ бояться одинъ къ ней ѣздить.

Рядомъ же съ дачей графа Канкрина въ Лѣсномъ въ это лѣто поселился молодой, умный, прекрасно образованный и очень въ свое время красивый гвардейскій кавалеристъ П. Н. К—шинъ. Онъ былъ изъ дворянъ нашей Орловской губерніи, и я зналъ его отца и весь родъ этихъ К—шиныхъ: всѣ были преумны и прекрасивы, этакіе бравые, рослые, черноглазые,—просто молодцы.

Этотъ интересный сосѣдъ графа, несмотря на свои молодые годы и на военное званіе, съ представленіемъ о которомъ у насъ соединяется понятіе о склонности къ раз-

веселому житью, велъ жизнь самую уединенную. — онъ все домосѣдничалъ и читалъ книги или игралъ на скрипкѣ.

Игра на скрипкѣ и обратила на него вниманіе графа, который тоже былъ музыкантъ и притомъ очень не плохой музыкантъ. Графъ игралъ на скрипкѣ въ темной комнатѣ, примыкавшей къ его кабинету, который былъ тоже полутеменъ, потому что окна его были заслонены деревьями и кромѣ того заставлены рамками, на которыхъ была натянута темнозеленая марли.

Офицеръ заиграетъ, а графъ положитъ перо и слушаетъ и, заинтересовавшись имъ, спрашиваетъ одинъ разъ у своего латыша-камердинера:

— Кто это, братецъ, возлѣ насъ такъ хорошо играетъ?

Тотъ отвѣчаетъ:

— Офицеръ какой-то, ваше сіятельство.

— Да кто же онъ такой, - онъ какого полка?

Камердинеръ говоритъ:

— Я не знаю.

— Ну, такъ я тебѣ приказываю: разузнай и доложи мнѣ.

Камердинеръ все разузналъ и вечеромъ, когда сталъ раздѣвать графа, докладываетъ ему, что сосѣдъ ихъ—молодой, одинокій офицеръ самаго щегольского кавалерійскаго полка, человѣкъ очень достаточный, а живетъ скромно. Графу это понравилось. Молодой человѣкъ и военный, если онъ все сидитъ дома да читаетъ, то непремѣнно, должно быть, онъ человѣкъ интересный и нравственный. Вѣтреникъ или гулака не выдержалъ бы, онъ бы все бѣгалъ да на глазахъ мотался. У графа что-то на сонъ грядущій и замелькало въ мечтахъ, а утромъ, только-что графъ просыпается, — офицеръ уже на самой тонкой струнѣ выводитъ какую-то самую забористую Паганиніевскую ноту.

«Ишь, однако, какой онъ досужій, этотъ офицерикъ!» подумалъ графъ, и ему захотѣлось посмотрѣть на сосѣда. А тотъ какъ разъ подошелъ и сталъ со скрипкою у окна.

Камердинеръ говоритъ:

— Извольте, ваше сіятельство, смотрѣть: господинъ офицерикъ весь теперь въ виду вашемъ.

Графъ взглянулъ и отвѣчаетъ камердинеру:

— Ты, братецъ, дуракъ. Развѣ это «офицерикъ»? Это цѣлый офицеръ, да еще, пожалуй, даже офицерище!

И графу захотѣлось съ этимъ сосѣдомъ познакомиться.

На слѣдующій же день, когда молодой офицеръ возвращался съ купанья и проходилъ мимо ограды сада графа Канкрина, тотъ стоялъ у своей рѣшетки и заговорилъ съ нимъ.

— Извините меня, поручикъ, — это вы такъ хорошо играете на скрипкѣ?

— Да, я играю, ваше сіятельство. Не смѣю думать, чтобы я игралъ хорошо, но прошу у васъ извиненія, если безпокою васъ моею игрою. Я, впрочемъ, старался узнать время, когда я могу не нарушать вашего покоя.

— О, нѣтъ, нѣтъ, нисколько. Сдѣлайте милость, играйте! Я самъ играю и прошу васъ покорно—познакомимтесь. И у жены моей тоже собираются Klimperei. Приходите ко мнѣ запросто, по-сосѣдски, и мы съ вами вмѣстѣ поиграемъ.

Молодой человѣкъ поклонился, а графъ указалъ часы, когда его удобно посѣщать запросто, «по-сосѣдски», и они разстались.

Кавалеристъ поблагодарилъ графа и очень умно воспользовался его приглашеніемъ. Онъ пришелъ къ графу не очень скоро и не черезчуръ долго, а какъ того требовали вѣжливость и уваженіе къ лицу Канкрина, человѣка дѣйствительно замѣчательнаго—и по уму, и по дѣятельности, и по таланту.

Въ два визита молодой, умный поручикъ чрезвычайно расположилъ къ себѣ министра. Графъ съ удовольствіемъ любовался прекраснымъ молодымъ человѣкомъ и втайнѣ возымѣлъ на него свой планъ. Офицеръ ему казался какъ разъ такимъ человѣкомъ, съ которымъ онъ могъ завоевать себѣ—если не область міра, то нѣкоторую долю весьма желательнаго покоя. Короче и проще говоря, графъ былъ увѣренъ, что его безпокойная дама съ серьезными взглядами и требованіями непремѣнно этимъ молодымъ человѣкомъ заинтересуется. Стоитъ лишь ихъ познакомить—и они станутъ вмѣстѣ читать и разыгрывать дуэты, а ему, старичку, будетъ отдыхъ. И вотъ, когда офицеръ еще разъ навѣстилъ Канкрина, министръ и сказалъ ему:

— Ахъ, поручикъ, какой сегодня хорошій день. Мнѣ совсѣмъ не хочется сидѣть дома и читать мои скучныя бумаги. Я бы съ большимъ удовольствіемъ проѣхался верхомъ, а отъ васъ зависитъ сдѣлать мнѣ эту прогулку еще пріятнѣе.

Тотъ говоритъ:

— Я къ вашимъ услугамъ, но только спрашиваетъ — какимъ образомъ онъ можетъ увеличить это удовольствіе.

— А вотъ, — отвѣчаетъ графъ: — прикажите-ка, чтобы вамъ осѣдлали вашу лошадь да привели ее сюда и поѣдемте вмѣстѣ.

Офицеръ съ удовольствіемъ согласился. Приказаніе было немедленно отдано и исполнено: верховыя лошади подведены къ крыльцу, и графъ съ молодымъ человѣкомъ сѣли и поѣхали.

День былъ дѣйствительно прекрасный, располагающій человѣка хорошо себя чувствовать и весело болтать.

Канкринъ былъ въ своемъ обыкновенномъ, длиннополомъ военномъ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ, въ большихъ темныхъ очкахъ съ боковыми зелеными стеклами и въ галошахъ, которыя онъ носилъ во всякую погоду и часто не снималъ ихъ даже въ комнатѣ. На головѣ графъ имѣлъ военную фуражку съ большимъ козырькомъ, который отѣнялъ все его лицо. Онъ вообще одѣвался чудакомъ и, несмотря на тогдашнюю строгость въ отношеніи военной формы, позволялъ очень большія отступленія и льготы. Государь этого какъ бы не замѣчалъ, а прочіе и не смѣли замѣчать.

Всадники ѣхали довольно долго молча, но, несмотря на это молчаніе, видно было, что графъ чувствуетъ себя очень въ духѣ. Онъ не разъ улыбался и весело поглядывалъ на своего спутника, а потомъ, у одного поворота вправо къ тогдашней опушкѣ лѣса, остановилъ лошадь и сказалъ:

— А знаете ли что, поручикъ: не заѣдемъ ли мы съ вами къ одной прехорошенькой дамочкѣ.

Молодой человѣкъ немного сконфузился отъ этой неожиданности и проговорилъ, что онъ не знаетъ—ловко ли это будетъ съ его стороны пріѣхать незваным въ незнакомый домъ.

— О, не безпокойтесь, — отвѣчалъ графъ. — Вы уже во всемъ этомъ положитесь на меня. Я, конечно, знаю, куда васъ приглашаю. Это, я вамъ скажу, премилая молодая особа, и держитъ себя совсѣмъ безъ глупыхъ церемоній. Мы съ нею давно друзья, и вы, я увѣренъ, непремѣнно захотите съ нею подружиться. Она довольно ума и прехорошенькая. По своимъ семейнымъ обстоятельствамъ она живетъ совершенно одна—монастыркой и очень часто ску-

часть. Это ея единственный, можно сказать, недостатокъ. Мы пріѣдемъ очень кстати, и вы увидите, какъ она мило намъ обрадуется и встрѣтитъ насъ à bras-ouvert.

— Въ такомъ случаѣ, я въ вашемъ распоряженіи,—отвѣчалъ офицеръ.

— Ну, вотъ и прекрасно!—воскликнулъ графъ.—А эта милая дама и живетъ отсюда очень недалеко—въ Новой Деревнѣ, и дача ея какъ разъ съ этой стороны. Мы подъѣдемъ къ ея домику такъ, что насъ рѣшительно никто и не замѣтитъ. И она будетъ удивлена и обрадована, потому что я только вчера ее навѣщалъ, и она затомила меня жалобами на тоску одиночества. Вотъ мы и явимся ее всполить. Теперь пустимъ коней рысью и черезъ четверть часа будемъ уже пить шоколадъ, сваренный самыми безподобными ручками.

Офицеръ молча поклонился.

— Да, да,—продолжалъ Канкринъ.—Вы не думайте, что это одни слова. Такихъ другихъ ручекъ не скоро отыщете. Лавальеръ дорого дала бы, чтобы имѣть такія ручки, потому что ихъ-то ей и недоставало, но у этой госпожи ни въ чемъ нѣтъ недостатка. Ну, давайте поводья, и мы сейчасъ будемъ тамъ.

Поводья даны, и путники пріѣхали такъ скоро, какъ обѣщалъ Канкринъ. И другое его соображеніе тоже оказалось вѣрно: при приближеніи ихъ къ дачкѣ, обитаемой прелестною дамою, ихъ дѣйствительно никто не замѣтилъ. На маленькомъ дворикѣ была тишина,—только чьи-то пестренькія цесарскія куры похаживали и дѣлали свойственныя имъ фальшивыя движенія головами изъ стороны въ сторону,—точно онѣ на кого-то кивали. Разрисованныя шторы съ пастушками и деревьями были опущены до низу, и изъ-за одной изъ нихъ выглядывала морда сытаго рыжаго кота, но сама милая пустынница была нигдѣ не замѣтна и не спѣшила à bras-ouvert навстрѣчу графу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Черезъ минуту пріѣздъ гостей былъ, однако, замѣченъ и произвелъ смятеніе въ маленькомъ домикѣ. Владѣтельная обитательница дачи не показалась, а ея служанка взглянула въ окно и тотчасъ же быстро снова исчезла. Запертую изнутри дверь открыли не совсѣмъ скоро, и вышедшая на-

встрѣчу гостямъ дѣвушка заговорила второпяхъ, что «барышня» нездорова, а она оберегала ее, чтобъ было тихо, и сама заснула.

Графъ спросилъ:

— Чѣмъ Марья Степановна нездорова?

— Зубки у нихъ болятъ,—всю ночь не спали.

— А-а, зубки! Надо заговорить ея зубки.

Канкринъ входилъ въ комнаты, громко стуча своими галошами, а его спутникъ слѣдовалъ молодой, легкой поступью за нимъ.

Горничная еще больше обезпокоилась и стала говорить:

Осмѣлюсь доложить... Онѣ сейчасъ выйдутъ, я имъ уже сказала, что вы пожаловали, и онѣ одѣваютъ распашонку.

Образованіе тогда еще было распредѣлено такъ неровно, что многія горничныя не употребляли иностранное слово «пеньюаръ», а называли по-русски «распашонка».

— Ну, такъ мы подождемъ, пока она одѣнется,— отвѣчалъ графъ, и не пошелъ далѣе, а спокойно сѣлъ на широкомъ оттоманѣ и пригласилъ сѣсть офицера: Садитесь, поручикъ. Не стѣсняйтесь,—я васъ увѣряю, что мы будемъ хорошо приняты.

Онъ понизилъ голосъ и, наклонясь къ уху собесѣдника, добавилъ:

— Она немножко съ душкомъ,—какъ и всѣ хорошенькія женщины,— но это ровно ничего не значитъ: миленькимъ женщинамъ все простить можно. Притомъ же надо имѣть снисхожденіе къ ея положенію. Какъ хотите, а оно немножко неправильно и уязвляетъ ея самолюбіе. Конечно, она ни въ чемъ не нуждается, но это все не то, что она намѣчала въ своихъ мечтаніяхъ. Она дочь почтеннаго человѣка и образована, притомъ мечтательна. Она прекрасно умѣетъ разсказать свою исторію и вѣрно когда-нибудь вамъ ее разскажетъ. О, она претинтересная и любитъ «участіе сердца».

И графъ сообщилъ кое-что о странностяхъ живого и смѣлаго характера Марьи Степановны. Она жила въ фаворѣ и на свободѣ у отца, потомъ въ имѣніи у бабушки, отчаянно ѣздитъ верхомъ, какъ наѣздница, стрѣляетъ съ сѣдла и прекрасно играетъ на бильярдѣ. Въ ней есть немножко дикарки. Петербургъ ей въ тягость, особенно какъ она здѣсь

лишена живого сообщества равныхъ ей людей, — и ужасно скучаетъ.

— Но вы понимаете, — продолжалъ графъ: — что, послѣ утомленія однообразіемъ характеровъ нашихъ свѣтскихъ «кавалеръ-дамъ», этакое живое существо — оно, чортъ возьми, шевелитъ, оно волнуетъ и встряхиваетъ своею кипучей натурой.

А Марья Степановна все-таки еще не показывалась.

Графъ усталъ говорить, тѣмъ болѣе, что спутникъ его ничего ему не возражалъ, а только молча съ нимъ соглашался и обводилъ глазами квартиру прелестной дамы въ фальшивомъ положеніи. Какъ большинство всѣхъ дачныхъ построекъ, это былъ животрепещущій домикъ съ дощатыми переборками, оклеенными бумагой и выкрашенными клеевою краскою.

Набивные бумажные обои тогда еще только начинали входить въ употребленіе въ городскихъ домахъ, а дачные домики внутри раскрашивали и потолки ихъ расписывали цвѣтами и амурами.

Это тогда дешевле стоило и, по правдѣ сказать, выходило недурно.

Убранство комнатъ было не бѣдное, но и не богатое, но какое-то особенное, какъ бы, напримѣръ, *походное* или вообще полковое; точно какъ будто здѣсь жила не молоденькая, красивая женщина, а, напримѣръ, эскадронный командиръ, у котораго лихость и отвага соединялись съ нѣкоторымъ вкусомъ и любовью къ изящному. Не плохіе ковры, не плохіе занавѣсы, диваны, фортепіано и цитра, но больше всего ковровъ. Все, гдѣ только можно повѣсить коверъ, тамъ покрыто и занавѣшено коврами. Огромный же персидскій коверъ закрываетъ отъ потолка до полу и всю дверь въ спальню, гдѣ теперь за перегородкой одѣвается Марья Степановна.

А оттуда все-таки еще ни слуха, ни духа.

— Однако, долго она что-то надѣваетъ свою распашонку!—замѣтилъ графъ и громко позвалъ по-русски:

— Марья Степановна!

Очень пріятный грудной контральтъ отозвался изъ-за стѣнки:

— Сейчасъ.

— А когда же вы кончите свои Klimperei? мы уже устали васъ ждать.

— Тѣмъ лучше.

— Да, но если вы скоро не выйдете, то я буду такъ дерзокъ, что пойду къ вамъ.

— Вы этого не смѣете. Впрочемъ, я сейчасъ, сейчасъ выйду.

— Все пукольки, пукольки,—пошутилъ графъ.

Офицеръ приподнялся съ дивана и началъ разсматривать приставленную въ углу комнаты доску, на которой былъ наклеенъ бѣлый картонъ съ расчерченными на немъ кругами и со многими слѣдами попавшихъ сюда пулекъ.

— Это вотъ наша Діана изволитъ стрѣлять,—сказалъ графъ.

— Довольно мѣткіе выстрѣлы.

— Да, но вѣдь это не дозволено въ жиломъ мѣстѣ, и я уже изъ-за нея имѣлъ по этому поводу объясненія... Но, однако...

Графъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и добавилъ:

— Этотъ прекрасный стрѣлокъ нынче такъ долго медлитъ, что я позволю себѣ сдѣлать атаку.

И графъ только-что приподнялся съ дивана, чтобы постучать въ двери, какъ завѣшивавшій дверь коверъ отодвинулся и въ его полутемномъ отворотѣ появилась красивая Марья Степановна. Она въ самомъ дѣлѣ была очень хороша,—хотя немножко полновата. Ростъ у нея былъ небольшой, но хорошій и притомъ удивительное античное тѣлосложеніе, а лицо нѣсколько смугловатое, съ замѣчательнымъ тонкимъ очертаніемъ, напоминающимъ новогреческій типъ. Это прелестное лицо очень знали въ Петербургѣ, и Марья Степановна впослѣдствіи еще покрушила много сердецъ и головъ, такъ какъ съ этого случая, о которомъ я теперь разсказываю, только началась ея настоящая карьера. Впослѣдствіи изъ нея вышелъ такой на всѣ руки боецъ и дѣлецъ, черезъ котораго обдѣлывались самыя невозможныя дѣла. Но мы, однако, не будемъ предупреждать событія.

Графъ подалъ Марьѣ Степановнѣ руку, а другою рукою поддержалъ ее за затылокъ подъ голову и поцѣловалъ ее въ лобъ, который та подставила графу, какъ истая леди.

Затѣмъ онъ представилъ хозяйкѣ гостя, а тому сказалъ:

— Марья Степановна—мой другъ: ея друзья—мои друзья, а враговъ у насъ съ нею нѣтъ.

Марья Степановна ласково протянула гостю руку, а въ сторону графа отвѣчала:

— Что до меня, то это не такъ: у меня враги есть и впредь очень быть могутъ, но я ихъ никогда не замѣчаю.

Между тѣмъ, хотя она держала себя и очень самоувѣренно и смѣло, но въ ея лицѣ, фигурѣ и въ довольно хорошихъ, но нѣсколько нервныхъ движеніяхъ было что-то немножко вульгарное и немножко тревожное, но тревожное, такъ сказать, «съ предусмотрѣніемъ» на всякій возможный случай. Она держалась прекрасно и говорила бойко и умно, не стѣсняясь своей очень очевидной роли,—что непремѣнно стала бы дѣлать женщина менѣе сообразительная; но только ей все-таки было не по себѣ, и она прибѣгла къ обще-армейскому средству: она пожаловалась на нездоровье, причемъ впала въ довольно замѣтную ошибку: дѣвушка ея говорила о зубной боли, а сама Марья Степановна возроптала на несносную мигрень.

Графъ замѣтилъ ей это и разсмѣялся, а она разсердилась и запальчиво отвѣтила:

— Не все ли это равно.

— Ну, не совсѣмъ все равно.

— Совершенно равно: когда сильно болятъ зубы, тогда все болитъ. Не правда ли?—обратилась она къ офицеру.

Тотъ согласился съ шутливымъ поклономъ.

— Вы очень милы,—отвѣчала она и снова обвела комнату взглядомъ, въ которомъ читалось ея желаніе, чтобы визитъ посѣтителей сошелъ какъ можно короче. Когда же графъ сказалъ ей, что они только выпьютъ у нея чашку шоколада и сейчасъ же уѣдутъ, то она просіяла и, забывъ роль больной, живо вышла изъ комнаты отдать приказанія служанкѣ, а графъ въ это время спросилъ своего спутника:

— Какова-съ?

— Эта дама очень красива.

— Да, это лицо сотворено для художника,—и она позировала передъ Майковымъ. Пріятный художникъ. Я его зналъ еще въ двѣнадцатомъ году, когда онъ былъ офицеромъ. Очень нѣжно пишетъ. Государь любитъ его

кисть. У меня есть нѣсколько головокъ Марьи Степановны, но тутъ у нея у самой есть съ нея этюдъ, гдѣ видно больше чѣмъ одна головка... Это ничего, что она полна. Майковъ былъ ею очарованъ. Говорятъ, будто онъ религіозенъ,—я этого не знаю, но онъ въ беззастѣнчивомъ родѣ пишетъ прелестно. Вы видали его произведенія въ этомъ родѣ?

— Нѣтъ,—я о нихъ только слышалъ.

— Ну, такъ вы сейчасъ это можете видѣть: давайте вашу руку и идите за мною.

И Канкринъ почти втянулъ офицера за собою въ спальню красавицы, гдѣ надъ газированнымъ уборнымъ столомъ висѣлъ довольно большой, драпированный бархатомъ, портретъ Марьи Степановны. Портретъ дѣйствительно былъ хорошо написанъ, извѣстными нѣжными Майковскими лассировками и съ большою классическою открытостію, дозволявшею любоваться и формами, и живымъ и сочнымъ колоритомъ прелестнаго женскаго тѣла. Картина была вполнѣ мастерская и вполнѣ достойная живой красоты, которую она воспроизводила. Но Майковскія лассировки были очень нѣжны, а офицеръ былъ отъ природы сильно близорукъ и, чтобы разсмотрѣть картину, долженъ былъ стать къ ней очень близко. Канкринъ его самъ къ этому и подвинулъ, подведя вплотную къ пышно убранному кисеею туалетному столику.

Тутъ и случилось самое неожиданное происшествіе: офицеръ не замѣтилъ, какъ онъ запутался шпорами или саблей въ легкія оборки кисейной отдѣлки туалетнаго стола, а когда онъ нагнулся, чтобы поправить свою неловкость, то сдѣлалъ другую, еще большую. Желая освободить себя изъ волнъ кисеи, онъ приподнялъ полу чехла и остолбенѣлъ: глазамъ его, какъ равно и глазамъ графа, представились подъ столомъ двѣ неизвѣстно кому принадлежащія ноги въ мужскихъ сапогахъ и двѣ руки, которыя обхватывали эти ноги, чтобы удержать ихъ въ ихъ неестественномъ компактѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Молодой офицеръ былъ преисполненъ жесточайшею на себя досадою за свою неловкость, и въ то же время ему разомъ хотѣлось смѣяться, и было жаль и этой дамы, и

графа, и того неизвѣстнаго счастливца, кому принадлежали обрѣтенныя ноги.

Но положеніе сдѣлалось еще труднѣе, когда офицеръ оглянулся и увидалъ, что сама Марья Степановна успѣла возвратиться и стояла тутъ же на порогѣ открытой двери.

«Вотъ, чортъ возьми, положеніе!» подумалъ онъ, и въ его головѣ вдругъ промелькнуло, какъ такія вещи разыгрываются у людей той или другой націи и того или другого круга, но вѣдь это все здѣсь не годится... Вѣдь это Канкринъ! Онъ долженъ быть уменъ вездѣ, во всякомъ положеніи, и если въ данномъ досадномъ и смѣшномъ случаѣ Марьѣ Степановнѣ предстояла задача показать присутствіе духа, болѣе чѣмъ нужно на сѣдлѣ и съ ружьемъ въ рукахъ, то и онъ долженъ явить собою примѣръ благоразумія!

Между тѣмъ картина не могла оставаться нѣмою.— и графъ былъ, очевидно, того же самаго мнѣнія.

Видя всеобщее удрученіе нѣмою сценою, графъ, нимало не теряя своего спокойнаго самообладанія, нагнулся къ задрапированному столу, изъ-подъ котораго торчали ноги, и привѣтливо позвалъ:

— Милостивый государь!

Отвѣта не было.

— Молодой человѣкъ! повторилъ графъ.

Ноги слегка вздрогнули.

— Mon enfant,—обратился графъ къ Марьѣ Степановнѣ:— не можете ли вы мнѣ сказать, какъ зовутъ этого страннаго молодого человѣка?

— Его зовутъ Иванъ Павловичъ,—отвѣчала, покраснѣвъ, но съ задоромъ въ голосѣ хозяйка *).

— Прекрасная вещь, но какъ жаль, что онъ такъ застѣнчивъ! Зачѣмъ онъ отъ насъ прячется?

— Такъ... просто застѣнчивъ...

— Что за причуды сидѣть подъ столомъ!

— Онъ прекрасно вышиваетъ и помогалъ мнѣ вышивать сюрпризъ ко дню вашего рожденія, и... сконфузился.

— Сюрпризъ ко дню моего рожденія...

Графъ послалъ ей рукою по воздуху поцѣлуй и добавилъ:

---

*) Имена героя и героини я ставлю не настоящія и фамиліи ихъ не обозначаю. Отъ этого изображеніе эпохи и нравовъ, надѣюсь, ничего не теряютъ.—Н. А.

— Merçi, mon enfant. Иванъ Павловичъ, выходите: вамъ тамъ совсѣмъ неловко вышивать.

Гость подъ столомъ фыркнулъ отъ смѣха и самымъ беззаботнымъ, веселымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Дѣйствительно, ваше сіятельство, неудобно.

И съ этимъ вдругъ, какъ арлекинъ изъ балаганнаго люка, передъ ними появился штатскій молодецъ въ сюртучкѣ не первой свѣжести, но съ веселыми голубыми глазами, пунцовымъ ртомъ и такими русыми кудрями, отъ которыхъ, какъ отъ нагрѣтой проволоки, теплюмъ палило...

Канкринъ подалъ ему съ лежавшаго на столѣ серебрянаго plateau большую черепаховую гребенку и сказалъ:

— Поправьте вашу прическу.

— Это напрасно, ваше сіятельство.

— Нѣтъ, она у васъ въ безпорядкѣ.

— Все равно, ваше сіятельство, ихъ причесать нельзя.

— Отчего?

— Они у меня не ложатся.

— Какъ не ложатся?

— Никогда, ваше сіятельство, не ложатся.

— Слышите! —обратился графъ къ офицеру; тотъ улыбнулся.

— Ну, а если ихъ эти ваши волосы намочить водою?

— И тогда не ложатся!

— Вотъ такъ натура! —подхватилъ графъ, и то же самое повторилъ, оборотясь къ офицеру, а Марьѣ Степановнѣ сказалъ по-французски:

— А вы напрасно говорите, что онъ конфузливъ.

— Онъ теперь оправился, потому что вы его обласкали.

— А-а, это очень быть-можетъ,—согласился графъ и докончилъ:

— Ведите же насъ, милая хозяйка, къ вашему столу.

Съ этимъ онъ подалъ Марьѣ Степановнѣ руку и провелъ ее къ столу, гдѣ всѣхъ ихъ ожидалъ шоколадъ.

На Ивана Павловича дѣйствительно была сказана напраслина, будто онъ конфузливъ; но тѣмъ не менѣе онъ все-таки не зналъ, куда дѣть глаза, и министръ вступился въ его положеніе и началъ его разспрашивать.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

— Служите ли вы гдѣ-нибудь, молодой человѣкъ?

— Служу, ваше сіятельство.

— И что же: везетъ ли вамъ на службѣ?

— Не знаю, какъ вамъ объ этомъ доложить.

— Ну, какое вы, напримѣръ, занимаете мѣсто?

— Канцелярскій чиновникъ.

— Еще не высоко! А давно уже служите?

— Пять лѣтъ.

— Что же васъ не подвигаютъ?

— Протекціи не имѣю, ваше сіятельство.

— Надо имѣть не протекцію, а способности и доброе прилежаніе, при добромъ поведеніи. Это гораздо надежнѣе.

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство.

— Что̀ значитъ ваше «никакъ нѣтъ»?

— Протекція гораздо надежнѣй.

— Что̀ за вздоръ вы говорите!

— Нѣтъ-съ, это дѣйствительно такъ.

— Перестаньте, пожалуйста! Это даже думать такъ стыдно.

— Отчего же, ваше сіятельство, стыдно,—я это беру съ практики.

— Съ какой практики? Велика ли еще ваша практика! Вы такъ молоды.

— Молодъ, дѣйствительно, ваше сіятельство, но всѣ такъ говорятъ, и я тоже по себѣ заключаю: я считаюсь и способнымъ, и все стараніе прилагаю, и ни въ чемъ предосудительномъ въ поведеніи не замѣченъ, въ этомъ, я думаю, Марья Степановна за меня поручиться можетъ, потому что я ей уже три года извѣстенъ...

— Ахъ, вы уже три года знакомы!—перебилъ графъ.— Это раньше меня!

— Нѣсколько менѣе,—замѣтила Марья Степановна.

— Да, дѣйствительно, менѣе, — подхватилъ Иванъ Павловичъ.

— Онъ, однако, вовсе не застѣнчивъ, — шепнулъ ей на ухо графъ.

— Вы его обласкали.

— Правда ваша, правда.

— А кто это, молодой человѣкъ, вашъ главный начальникъ, при которомъ такъ мало значатъ труды и способности, а все зависитъ отъ протекціи?

— Прошу прощенія у вашего сіятельства: этотъ вопросъ меня затрудняетъ.

— Не стѣсняйтесь! Мы здѣсь встрѣтились просто у общей знакомой—милой и доброй дамы и можемъ говорить откровенно. Кто вашъ главный начальникъ?

— Вы, ваше сіятельство.

— Какъ я!

— Точно такъ, ваше сіятельство: я служу въ министерствѣ финансовъ.

— Ну, послушайте,—обратился графъ по-французски къ Марьѣ Степановнѣ:—онъ совершенно незастѣнчивъ.

Та сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Отчего же я васъ, Иванъ Павловичъ, никогда не видалъ?—спросилъ графъ.

— Нѣтъ, вы изволили меня видѣть, только не замѣтили. Я во всѣ праздники являюсь и расписываюсь на канцелярскомъ листѣ раньше многихъ.

— Да какъ же, наконецъ, ваша фамилія?

— Я называюсь N—овъ.

— N—овъ,—такъ я произношу?

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Ну, adieu, mon enfant,—обратился графъ къ дамѣ:— и au revoir, monsieur N—овъ.

Графъ и его спутникъ простились, сѣли на своихъ коней и уѣхали.

Наблюдавшій всю эту любопытную сцену офицеръ замѣтилъ, что Марья Степановна различила разницу посланнаго ей графомъ «adieu» отъ адресованнаго Ивану Павловичу «au revoir», но нимало этимъ не смутилась; что касается самого Ивана Павловича, то онъ при отъѣздѣ гостей со двора выстроился у окна и смотрѣлъ совсѣмъ побѣдителемъ, а завитки его жесткихъ, какъ сталь, волосъ казались еще сильнѣе наэлектризованными и топорщились кверху.

«Чортъ меня знаетъ, на какое я налетѣлъ происшествіе»,—думалъ офицеръ и ощущалъ сильное желаніе какъ можно скорѣе разстаться съ графомъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

То же самое, въ свою очередь, испытывалъ и Канкринъ. И ему, разумѣется, не было теперь удовольствія ѣхать

съ-глазу-на-глазъ вдвоемъ съ малознакомымъ щегольскимъ офицеромъ, который видѣлъ его въ смѣшномъ положеніи.

Какъ только они выѣхали за Новую Деревню, на лужайку къ Лѣсному, графъ говоритъ:

— Ну, вы теперь отсюда куда же?

Офицеръ понялъ, что тотъ хочетъ отъ него отдѣлаться, и самъ этому случаю обрадовался.

— Я, говоритъ, — хотѣлъ бы заѣхать къ одному товарищу здѣсь, въ Старой Деревнѣ.

— Что же, и прекрасно, вы не стѣсняйтесь. А я поѣду на Каменный навѣстить графа Панина.

Имъ дальше было не по дорогѣ.

Графъ остановилъ коня и крѣпко, дружески пожалъ офицеру руку.

Тотъ ощутилъ въ этомъ пожатіи цѣлую скромную просьбу и въ молчаливомъ поклонѣ умѣлъ выразить готовность ее исполнить.

— Спасибо,—отвѣчалъ Канкринъ, и они разстались.

Графъ, однако, обманулъ своего молодого друга, — онъ не поѣхалъ къ Панину, а возвратился домой и прошелъ къ супругѣ. Графиня Екатерина Захаровна (рожденная Муравьева) въ это время принимала у себя какого-то иностранца-піаниста, котораго привезъ ей напоказъ частый ея гость, извѣстный въ свое время откупщикъ Жадовскій.

Графиня и Жадовскій сидѣли и слушали артиста, который съ величайшимъ стараніемъ показывалъ имъ свое искусство въ игрѣ на фортепіано.

Графъ даже не вошелъ въ комнату, а только постоялъ въ открытыхъ дверяхъ, держась обѣими руками за притолки, а когда пьеса была окончена и графиня съ Жадовскимъ похлопали польщенному артисту, Канкринъ, махнувъ рукою, произнесъ безцеремонно «miserable Klimperei», и застучалъ своими галошами по направленію къ своему темному кабинету.

Здѣсь онъ надѣлъ на лобъ козырекъ отъ фуражки, служившій ему вмѣсто тафтяного зонтика, и сѣлъ за работу передъ большимъ подсвѣчникомъ, въ которомъ горѣли въ рядъ шесть свѣчей подъ темнымъ абажуромъ.

На половинѣ «кавалеръ-дамы» Екатерины Захаровны (такъ величалъ ее покойный графъ) долго еще оставались откупщикъ и артистъ, и раздавалась «miserable Klimperei»,

а графъ все сидѣлъ и, можетъ-быть, обдумывалъ одинъ изъ своихъ финансовыхъ плановъ, а можетъ быть просто дремалъ послѣ прогулки на лошади. Но только возвратившійся домой спутникъ графа видѣлъ съ своего балкона силуэтъ Канкрина на марли заставокъ очень долго, а утромъ рано опять уже послышалась его скрипка. Это значило, что Канкринъ всталъ, умылся и, вмѣсто утренней молитвы, играетъ въ своей темной уборной.

Значитъ, его настроеніе находится въ полномъ порядкѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

На другой день, при докладѣ, Канкринъ обратился къ директору департамента, Александру Максимовичу Княжевичу, и спросилъ: есть ли у него канцелярскій чиновникъ по фамиліи N—овъ?

Княжевичъ этого навѣрно и самъ не зналъ, но отвѣчалъ, что, кажется, будто такой есть.

Спросили у экзекутора, — оказалось, что дѣйствительно есть чиновникъ N—овъ.

— А давно ли онъ служитъ и гдѣ воспитывался?

Отвѣчаютъ, что служитъ уже около пяти лѣтъ (совершенно вѣрно, какъ говорилъ самъ Иванъ Павловичъ). А происходитъ онъ изъ небогатыхъ курскихъ дворянъ, мать его была въ Суджѣ акушеркою, а онъ обучался на средства какого-то благодѣтеля въ курской гимназіи и окончилъ курсъ.

Графъ это выслушалъ и говоритъ:

— Я его видѣлъ. Въ курской гимназіи хорошо воспитываютъ. У насъ образованныхъ молодыхъ людей немного еще: нельзя ли намъ его какъ-нибудь по службѣ поощрить?

А Александръ Максимовичъ Княжевичъ былъ иногда упрямъ и съ странностями; онъ отвѣчалъ:

— У меня нѣтъ никакихъ вакансій.

Только тутъ же случился директоръ другого департамента, который былъ ловчѣе; этотъ и вызвался:

— У меня, говоритъ,—ваше сіятельство, въ одномъ отдѣленіи есть мѣсто помощника столоначальника, и мнѣ образованный, скромный молодой человѣкъ очень нуженъ.

Канкринъ поблагодарилъ этого директора и мѣсто Ивану Павловичу тотчасъ дали.

Какъ онъ былъ радъ — ужъ это можно представить, но

только на другой день, по подписаніи приказа, директоръ призвалъ Ивана Павловича къ себѣ и говоритъ:

— Есть ли у васъ вицъ-мундиръ?

Иванъ Павловичъ отвѣчаетъ:

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство: я занималъ до сихъ поръ неклассную должность и вицъ-мундира себѣ не шилъ да и шить не за что.

— Ну, теперь,—отвѣчаетъ директоръ:—вы повышены, и на классной должности вамъ вицъ-мундиръ необходимъ. Я назначу вамъ изъ канцелярскихъ суммъ полтораста рублей пособія, — извольте ихъ получить и немедленно же закажите себѣ хорошій вицъ-мундиръ. Совѣтую вамъ сдѣлать его на Васильевскомъ Островѣ у портного Доса. Онъ самъ англичанинъ и всѣмъ англичанамъ работаетъ. Его фраки очень солидно сидятъ, что́ для формы идетъ. Можете ему сказать, что я васъ прислалъ: онъ и мнѣ тоже работаетъ.— А когда будете одѣты, прошу ко мнѣ явиться.

Досъ сшилъ Ивану Павловичу такую вицъ-мундирную пару, что тотъ сразу получилъ видъ, по крайней мѣрѣ, молодого сенатора.

— Чудесно сшито,—похвалилъ директоръ.—Теперь извольте же завтра представиться въ этомъ вицъ-мундирѣ графу и поблагодарить его, такъ какъ вы вашимъ повышеніемъ обязаны непосредственному вниманію его сіятельства къ вашимъ способностямъ и воспитанію.

«Эхъ, ты, чортъ возьми, какая загвоздка!» — подумалъ Иванъ Павловичъ.

Онъ и самъ чувствовалъ въ себѣ большую потребность благодарить графа, но, при воспоминаніи объ обстоятельствахъ, которыя предшествовали этому начальственному вниманію, мысли молодого человѣка путались. Ивану Павловичу казалось и смѣшно, и даже какъ будто дерзко напоминать о себѣ графу предъявленіемъ ему своей интересной самоличности. Иванъ Павловичъ думалъ такъ, что если онъ не пойдетъ благодарить, то это будетъ лучше: графъ навѣрно не сочтетъ этого за непочтительность, а, напротивъ, похвалитъ его скромность; но директоръ понималъ дѣло иначе и настоялъ, чтобы Иванъ Павловичъ непремѣнно пошелъ представляться и благодарить.

Дѣлать нечего, надо было повиноваться.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Въ нарочитый день, когда Канкринъ принималъ чиновниковъ своего вѣдомства, сталъ передъ нимъ въ числѣ представлявшихся и Иванъ Павловичъ.

Только этотъ застѣнчивый человѣкъ, — сколько по скромности, столько же по тонкому расчету, — помѣстился ниже всѣхъ, въ самомъ концѣ шеренги представлявшихся чиновъ. Этимъ Иванъ Павловичъ оказалъ скромность передъ другими болѣе сановными лицами, а себѣ предуготовилъ ту выгоду, что, оставаясь послѣднимъ, онъ могъ принести свою благодарность министру наединѣ.

Дѣйствительно, такъ и пришлось: Канкринъ отпустилъ по очереди всѣхъ представлявшихся, а потомъ подошелъ къ послѣднему Ивану Павловичу и, не смотря ему въ лицо, протянулъ руку, чтобы принять прошеніе.

Иванъ Павловичъ поклонился и молвилъ:

— Я, ваше сіятельство, не съ прошеніемъ.

Канкринъ вскинулъ на него глаза и проговорилъ:

— Что же вамъ угодно?

— Я являюсь по приказанію директора, чтобы благодарить ваше сіятельство.

— За что?

— Я получилъ мѣсто...

— Прекрасно... я очень радъ... Значитъ, вы его заслужили.

— Господинъ директоръ мнѣ объявилъ, что вы сами изволили оказать мнѣ въ этомъ помощь.

— Очень можетъ быть: вы мнѣ помогали, а я вамъ помогъ. Это такъ и слѣдовало. Желаю вамъ счастливо подвигаться впередъ.

Графъ поклонился и ушелъ, а директоръ призвалъ къ себѣ въ кабинетъ Ивана Павловича и разспросилъ его, что съ нимъ говорилъ министръ при представленіи.

Иванъ Павловичъ отвѣчалъ:

— Графъ изволили быть со мной очень милостивы и пожелали мнѣ «счастливо подвигаться впередъ».

Директоръ сдѣлалъ жестъ и говоритъ:

— Это прекрасно, — вы можете считать себя устроеннымъ: графъ очень проницателенъ и онъ не ошибся отмѣтить въ васъ способнаго молодого человѣка, которому стоило

только сдѣлать первый шагъ. Этотъ шагъ теперь вами и сдѣланъ, а дальнѣйшее зависитъ не отъ однихъ вашихъ стараній, но также и отъ сообразительности,—присядьте.

Иванъ Павловичъ поклонился.

— Присядьте, присядьте, — повторилъ директоръ, показывая ему на стулъ.

Тотъ сѣлъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

— Финансовая служба,—заговорилъ директоръ:—это не то, что какая-нибудь другая служба. Она имѣетъ свои особенности. Здѣсь идетъ дѣло не о юридическихъ фантазіяхъ, а о хозяйствѣ, — о всемъ, такъ сказать, достояніи Россіи. Вотъ почему люди, которые допускаются къ финансовымъ должностямъ, облекаются большимъ довѣріемъ начальства, и потому они должны быть ему крѣпки... Они должны, такъ сказать, представлять начальству въ самихъ себѣ прочное ручательство, что, кромѣ естественно въ каждомъ честномъ человѣкѣ предполагаемаго сознанія собственнаго достоинства и священнаго долга, они скрѣпили себя другими узами, которыя въ своемъ родѣ тоже равны присягѣ, потому что онѣ произносятся передъ алтаремъ и начертываются въ сердцѣ...

Директоръ былъ немножко поэтъ, но Иванъ Павловичъ въ ту же минуту умѣлъ перелагать его оду на обыкновенный прозаическій языкъ.

— Я говорю о томъ,—сказалъ директоръ:—что въ финансовомъ вѣдомствѣ довольно трудно полагаться на холостыхъ людей. Холостые люди — они, какъ мотыльки или какъ перелетныя птички, всегда готовы порхать съ цвѣтка на цвѣтокъ, съ вѣтки на вѣтку. Посидѣлъ, вспорхнулъ— и нѣтъ его, и ищи гдѣ знаешь. Въ военной службѣ это, напримѣръ, даже принято, но по финансовой службѣ это невозможно. Настоящій финансистъ, если онъ желаетъ внушать къ себѣ полное довѣріе, непремѣнно долженъ имѣть дорогихъ и близкихъ его сердцу существъ... Понимаете, чтобы ему было къ кому чувствовать привязанность и было чѣмъ и для кого дорожить собою.

Директоръ чувствовалъ, что говоритъ вздоръ, и спѣшилъ окончить.

— Я разумѣю то, — заключилъ онъ: — что финансистъ

непремѣнно долженъ быть женатъ и имѣть семейство. Да, да, да! Непремѣнно! И я разумѣю не какое-нибудь вѣтреное семейство, составленное на холостую руку, а плотную и почтенную женатую жизнь. Истинный финансистъ, если онъ желаетъ представлять собою надежныя за себя ручательства, непремѣнно долженъ быть женатъ. Одно глубоко и искренно уважаемое мною лицо, котораго я не назову вамъ, разъ прямо высказало мнѣ свою тайную задушевную мысль, что, по его мнѣнію, отвѣтственныя должности по финансовому вѣдомству предпочтительно надлежитъ довѣрять людямъ женатымъ. И мы этого держимся, если не совсѣмъ безъ отступленій, то по возможности мы женатымъ даемъ преимущества. Таковы почти правила для финансовой службы, если сю управляютъ какъ слѣдуетъ. И я хотѣлъ бы сказать, что это прекрасныя правила, выработанныя практикой и освященныя временемъ. И для того, кто имѣетъ благородное честолюбіе и кто способенъ никогда не упускать изъ виду сдѣлать себѣ быструю и хорошую карьеру, — я надѣюсь, что я не говорю ничего необычайнаго и новаго. Кто религіозенъ и кто уважаетъ заповѣдь Божію, тотъ долженъ знать, что «не благо быть человѣку одному». Этого положенія обойти нельзя, ибо оно вѣчно, ибо это... такъ...

Директоръ поднялся съ своего кресла, вознесъ вверхъ правую руку съ двумя выпрямленными пальцами и докончилъ:

— Такъ сказалъ о человѣкѣ самъ Богъ!

Съ этимъ сановникъ вручилъ свои два пальца Ивану Павловичу и отпустилъ его со словами:

— И я такъ вамъ совѣтую, и желаю вамъ счастья и успѣховъ. Вашъ столоначальникъ почти такой же, какъ вы, молодой человѣкъ съ прекраснымъ образованіемъ и сердцемъ. Вамъ съ нимъ будетъ пріятно. Въ немъ много самолюбія, и онъ на своемъ нынѣшнемъ посту долго не засидится. Я не люблю оставлять безъ поощренія людей способныхъ и меня понимающихъ. Томить людей не слѣдуетъ, и никого изъ моихъ подчиненныхъ не томить — это мое правило.

Они поклонились другъ другу самымъ пристойнымъ и самымъ выразительнымъ манеромъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Спустя столько времени, сколько Ивану Павловичу показалось нужнымъ для того, чтобы дѣло его имѣло надлежащій видъ, онъ подалъ своему директору записку о разрѣшеніи ему вступить въ законный бракъ съ Марьей Степановной.

Графъ Канкринъ хотя съ неудовольствіемъ, но все-таки не отказалъ въ просьбѣ Марьи Степановны и былъ у нея посаженымъ отцомъ.

Иванъ Павловичъ для этого случая обнаружилъ всю тонкость своего практическаго ума: онъ устроилъ свадьбу «по-англійски» — тихую, въ маленькой домовой церкви, состоявшей на особыхъ правахъ.

Министръ ни малѣйшимъ образомъ не имѣлъ причины пожалѣть о томъ, что онъ уступилъ *послѣдней* просьбѣ своей милой знакомой, которой уже ранѣе сказалъ свое «adieu».

Она ему, впрочемъ, напомнила объ этомъ «adieu», когда, по пріѣздѣ изъ церкви, осталась на короткое мгновеніе вдвоемъ съ глазу на глазъ съ графомъ.

— «Adieu», — сказала она: — можетъ говорить женщина мужчинѣ, но не мужчина женщинѣ. Вы меня оскорбили — это на васъ не похоже.

Графъ извинился разсѣянностью.

— Я очень рада, а то я начинала думать, что вы способны забывать свои самыя лучшія философскія правила.

— Напримѣръ, какія?

— Никогда не говорить «никогда». Вы меня этому учили, и я помню.

Графъ засмѣялся, какъ будто этимъ ему было приведено на память что-то очень смѣшное и въ то же время пріятное.

— А что, видите, — вы мнѣ вѣрно не льстили, находя у меня «философскую складку».

— О, я вамъ нимало не льстилъ! Вы не только имѣете «философскую складку», но вы совсѣмъ великій практическій философъ.

— И что же, должна ли я теперь сказать вамъ «adieu»?

— Mon ange, — вы можете попрежнему сказать au revoir.

И онъ взялъ и поцѣловалъ ея руку, а она слегка коснулась его лба и слегка же уронила ему въ отвѣтъ:

— Попрежнему.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Иванъ Павловичъ немедленно же получилъ мѣсто столоначальника и былъ очень счастливъ въ своей семейной жизни. Марья Степановна была ему прекрасною женою, что ей было и не трудно, потому что она этого молодца въ самомъ дѣлѣ любила. Изъ ея приглашенія графа къ «прежнему» для супружескаго счастія Ивана Павловича не выходило ничего угрожающаго. Марья Степановна была не пустая, легкомысленная кокетка, которая способна упражняться въ кокетствѣ по одной любви къ этому искусству. Нѣтъ, Марья Степановна была умная женщина и именно русская умная женщина, съ практическимъ закаломъ. Она широко обозрѣвала раскрывающееся передъ нею поле жизни и умѣла отличать кажущееся отъ существеннаго. Въ самомъ ея красивомъ обличьи тонкія черты новогреческаго типа, если всматриваться въ нихъ, напоминали одновременно старый византизмъ и славянскую смышленость. Въ ней было что-то пристойное бывшей «матерой вдовѣ Мамелефѣ Тимоѳеевнѣ», передъ которою въ раздумьѣ тыкали посошками въ землю и трясли бородами поважные старцы, чувствуя, что при такой бабѣ имъ негоже надъ бабьею головою тѣшиться. Весь разговоръ, веденный Марьей Степановной съ цѣлью упомянуть про «прежнее», былъ умный пріемъ не для возобновленія прежнихъ «пустяковъ», изъ которыхъ Марья Степановна выбралась совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы къ нимъ возвращаться, «какъ песъ на своя блевотины», а для того, чтобы сохранить декорумъ. Она знала французское присловье, что и «королевская любовница не стоитъ честной жены пастуха» — и она вышла замужъ недаромъ не балуясь; но что могло быть пригодно, того она упускать тоже не хотѣла. Уважала или нѣтъ она своего Ивана Павловича, — это иной вопросъ: умныя, практическія женщины рѣдко кого уважаютъ, да имъ это и не нужно; но она его *любила*, и этого съ нея было довольно, чтобы сдѣлать для него привязанность къ ней легкою, пріятною и ничѣмъ не возмутимою.

Какъ большинство женщинъ подобнаго практическаго склада, она любила Ивана Павловича просто за то, что онъ молодецъ собою, а притомъ расторопенъ, смѣтливъ и ей

послушенъ. Онъ ей во всемъ станетъ вѣрить: она его ни въ чемъ не обманетъ—именно потому, что онъ ей очень нравится, и они вдвоемъ заживутъ въ мирѣ и согласіи безъ всякаго уваженія, и возьмутъ съ жизни на свой бенефисъ прехорошую срывку.

А о томъ, что о нихъ будутъ говорить, что о нихъ станутъ думать,—этому вздору она знала настоящую цѣну.

«Будь бѣла какъ снѣгъ и чиста какъ ледъ и — все равно — людская клевета тебя очернитъ».

Играя съ графомъ на «прежнихъ» струнахъ, она знала, что аккордъ зазвучитъ такъ, какъ она захочетъ.

Уголь, который она раздувала будто бы неосторожно, былъ ей извѣстенъ: она знала, что въ немъ есть нѣкоторая теплота, но не осталось уже ни малѣйшей доли опаснаго пламени.

Но именно эта-то тихая и безопасная теплота ей и была полезна для ея цѣлей. Въ ней именно и нуждалось ихъ все-таки пока еще совсѣмъ неустроенное и несогрѣтое домашнее гнѣздышко. Графъ былъ нуженъ,—и Иванъ Павловичъ зналъ это ничуть не менѣе, чѣмъ его супруга. А потому, когда Канкринъ, считая себя совершенно уединеннымъ съ Марьей Степановной, цѣловалъ ея пальчикъ въ знакъ возстановленія чего-то «прежняго», — Иванъ Павловичъ, стоя за дверью съ шампанскою бутылкою, придерживалъ подрѣзанную пробку, чтобы она не хлопнула ранѣе, чѣмъ разговоръ будетъ конченъ.

Онъ явился съ виномъ какъ разъ во-время и кстати, когда все нужное уже было сказано.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Иванъ Павловичъ, при всей его малозначительности для такого несомнѣнно большого человѣка, какъ графъ Канкринъ, сдѣлался тѣмъ, что былъ какой-то сомнительный духъ, вызванный изъ какой-то бездны словомъ очень неосторожнаго аскета.

Выскочилъ Иванъ Павловичъ передъ графомъ изъ-подъ уборнаго стола неожиданно, какъ гороховый ростокъ изъ пупа индійскаго дервиша, котораго описываетъ болтливый французъ Жаколіо, а убрать его назадъ съ глазъ долой сдѣлалось трудно.

Это произошло, во-первыхъ, отъ изящной манеры графа

никогда не оставлять безъ вниманія тѣхъ дамъ, съ которыми онъ былъ однажды ласковъ, и во-вторыхъ—тутъ оказались на античныхъ ручкахъ Марьи Степановны (которымъ могла позавидовать Лавальеръ) забористые коготки «матерой» Мамелефы Тимоѳеевны.

Графъ былъ пораженъ, какъ начальникъ колѣна Іуды, отъ собственныхъ чреслъ своихъ: онъ не могъ отбиться отъ предупредительнаго желанія угодить ему въ лицѣ Ивана Павловича. Этотъ молодой счастливецъ въ началѣ слѣдующаго года былъ представленъ уже въ начальники отдѣленія. Канкринъ его утвердилъ — хотя, впрочемъ, освѣдомился:

— Что же, развѣ онъ очень способенъ?

Ему отвѣчали: — О, да-съ; онъ очень способенъ.

Министръ не имѣлъ никакихъ причинъ оспаривать заключенія ближайшаго начальника, и Иванъ Павловичъ сталъ начальникомъ отдѣленія.

Это великій урядъ въ департаментской іерархіи. Съ этого уряда начинается уже пріятная положительность не только въ департаментѣ, но и въ мірѣ. Начальника отдѣленія уже не вышвыриваютъ изъ службы, какъ мелкую сошку, а съ нимъ церемонятся и даже въ случаѣ обнаруженія за нимъ какихъ-нибудь большихъ грѣховъ — его все-таки спускаютъ благовидно. Начальникъ отдѣленія получаетъ позицію — онъ уже можетъ пробираться въ члены благотворительныхъ обществъ, а оттуда его начинаютъ «проводить въ дома». И положеніе его все лѣпится глаже и выше.

Для жены чиновника достиженіе мужемъ мѣста начальника отдѣленія было еще важнѣе. Теперь это значительно измѣнилось, потому что іерархія вообще разслабѣла и потеряла престижъ, но тогда и женщины ее знали и соблюдали. Всѣ жены лицъ низшаго положенія иначе не назывались, какъ «наши чиновницы», ниже которыхъ были однѣ курьерши, а съ женъ начальниковъ отдѣленій уже начинались «наши министерскія дамы». Эти уже не ходили на Пасху въ приходскій храмъ, а пріѣзжали въ «свою министерскую церковь», гдѣ ихъ съ предупредительностію провожалъ дежурный чиновникъ и подавалъ унесенное изъ канцеляріи мужнино кресло: дьяконъ подкаждалъ имъ грацiознымъ движеніемъ щегольски рокочущаго кадила съ стираксой, а батюшка говорилъ: «цвѣтите и благоухайте!»

Послѣ пасхальнаго служенія, у начальницъ отдѣленія уже нерѣдко цѣловали ручки даже сами директоры, а взамѣнъ того мужья начальницъ поздравляли лично директоршъ...

Это уже былъ «министерскій кругъ», соприкасающійся съ «кабинетомъ», а не канцелярія, которая граничитъ съ курьерской.

Иванъ Павловичъ съ Марьей Степановной преодолѣли эти ступени, но они не думали на нихъ остановиться. Да, по правдѣ сказать, это имъ было и невозможно, ибо, несмотря на то, что офиціальная часть положенія была теперь въ порядкѣ, но въ неофиціальной многое не ладилось: дамы называли Марью Степановну «ci-devant» и немножечко отъ нея сторонились.

Надо было сдѣлать что-нибудь такое, чтобы образовать свой кругъ и заставить отдать справедливость своимъ способностямъ, которыя, въ самомъ дѣлѣ, были достойны вниманія.

Марья Степановна кое-что придумала. Она нашла поводъ видѣться со Скобелевымъ, который когда-то зналъ ея ничѣмъ не знаменитаго отца. Старый комендантъ тоже былъ не прочь приволокнуться и обошелся привѣтливо съ милой дамой, а она заинтересовалась его разсказами. Она вообще попробовала кое-что говорить о литературѣ и увидала, что въ Россіи ничего нѣтъ легче какъ это. Скобелевъ заходилъ къ ней пить чай и иногда излагалъ такіе разсказы, которые не были напечатаны.

Марья Степановна чувствовала вкусъ къ простонародности, — тамъ столько сердца, ума и юмора...

Скобелевъ находилъ, что все это есть и въ самой ея.

Въ самомъ дѣлѣ: развѣ находка у нея нынѣшняго мужа въ нѣкоторомъ родѣ не самая простонародная сцена? Развѣ это не отдаетъ «Москалемъ Чаривникомъ»?.. Какъ хороша взаправду живая народная жизнь! Марья Степановна почувствовала негодованіе къ выходкамъ противъ Бѣлинскаго. Скобелевъ ей открылъ болѣе, и она добилась случая видѣть разъ знаменитаго критика. Потомъ у ней пилъ чай и что-то читалъ Николай Полевой, и кто-то съ кѣмъ-то спорилъ о славянофилахъ и о необычайномъ умѣ молодого Хомякова.

Это произвело свое дѣйствіе: «министерскія дамы» измѣ-

пили неглижированную презрительность на сосредоточенную сухость, въ которой одновременно ощущались и надменіе, и зависть.

Съ такимъ недоброжелательствомъ со стороны искреннихъ уже можно было жить.

Марья Степановна пошла пожинать плоды умнаго посѣва.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Марья Степановна, разумѣется, не могла любить литературу, а имѣла ее лишь только для своихъ практическихъ цѣлей. Литература представляетъ большое удобство, когда хочешь говорить о чемъ-нибудь, а не о комъ-нибудь, — такъ однако, чтобы это было для насъ полезно. Она усвоила двѣ-три мысли Бѣлинскаго, знала какое-то непримиримое положеніе Хомякова и склонялась на сторону Иннокентія противъ Филарета. Словомъ, впала, что называется, въ сферу высшихъ вопросовъ.

Это дало ей апломбъ и заставило многихъ кивать головами: «чѣмъ-то это кончится?»

Иванъ Павловичъ уже былъ сдѣланъ вице-директоромъ. Полагали, что это по женѣ, у которой такія прекрасныя, хотя, быть-можетъ, и не безопасныя знакомства.

Только она уже очень рисковала. Графъ Канкринъ былъ человѣкъ довольно свободныхъ взглядовъ, однако, сказывали, что и онъ, подписывая назначеніе Ивана Павловича вице-директоромъ, поморщился.

Но судьба Ивану Павловичу служила съ невѣроятною преданностію: какъ нарочно, случались такія дѣла, что надо было командировать туда и сюда лицъ способныхъ и достойныхъ, и всякій разъ министру представляли для такихъ дѣлъ Ивана Павловича.

Это было очень непріятно Канкрину, и онъ одно представленіе отложилъ въ сторону, — сдѣлать было неудобно; но черезъ нѣсколько дней графъ былъ на одномъ музыкально-литературномъ «soirée intime», куда гости попадали не иначе, какъ сквозь фильтръ, — и вдругъ тамъ, въ одномъ укромномъ уголкѣ, графъ встрѣтилъ скромную женскую фигуру, которая ему сдѣлала глубокій поклонъ съ оттѣнкомъ подчиненности и преданности, и произнесла только одно слово:

— Excellence!

Графъ не ожидалъ ее здѣсь встрѣтить и, немножко взволновавшись, взялъ ее за руку и сказалъ:

— Ахъ, мой другъ,—вѣдь ужъ для него много сдѣлано— что же такое нужно, чтобы я еще сдѣлалъ?

— Только не мѣшайте.

Графъ улыбнулся и отвѣчалъ:

— Это напоминаетъ комедію: «Одно слово министру».— Ну, хорошо: я подпишу.

И онъ подписалъ Ивану Павловичу новое повышеніе.

Сила ея надъ графомъ была доказана. Пусть онъ и морщится, когда ему представляютъ Ивана Павловича, но въ общемъ сочетаніи различныхъ комбинацій все-таки пріятно. Вскорѣ къ протекціи Марьи Степановны стали прибѣгать сторонніе люди, имѣвшіе въ графѣ надобность по дѣламъ, и престранная вещь—тоже выходило успѣшно...

Было ли это случайное совпаденіе обстоятельствъ, или нѣтъ,—въ этомъ трудно было разобраться.

Пошло какое-то жужжанье, въ которомъ мѣшали все, упоминая что-то и про Иннокентія, и про Хомякова, — и вдругъ также что-то такое про взятку...

Словомъ, являлось острое положеніе, въ которомъ надо— какъ говорятъ игроки «квитъ или двойной кушъ».

Марья Степановна повела на двойной кушъ, а объ Иванѣ Павловичѣ въ самую неожиданную минуту послѣдовало новое представленіе графу къ повышенію.

Графъ вскипѣлъ.

— Что такое!.. куда его еще!.. И притомъ я что-то слышалъ...

Представлявшій отлично зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и хорошо нашелся.

— Да,—отвѣчалъ онъ:—я знаю, что говорятъ: это очень жалко, но это не его вина, — а вина его жены, которая увлечена идеями славянофильства Хомякова...

Славянофильство графу было противно.

— Что такое? Какія хомяковскія идеи? Это что-то про сорокъ мучениковъ.. Я въ этомъ рѣшительно ничего не понимаю. Оставьте у меня бумаги.

Но тотчасъ же гдѣ-то и какъ-то опять является «она, прелестной простоты полна», и даже безъ «excellence», а съ однимъ поклономъ и даетъ дѣлу желанное направленіе.

Увидавъ ее въ высокомъ кругѣ, графъ захотѣлъ, во что бы то ни стало, разъ и навсегда избавиться и отъ нея, и отъ ея мужа самымъ рѣшительнымъ пріемомъ.

Онъ самъ съ нею остановился, самъ взялъ ее за руку и сказалъ:

— Я все, все сдѣлаю, но другимъ образомъ.

Марья Степановна отвѣчала:

— Я всегда вѣрю вашему рыцарскому слову.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Дѣло о карьерѣ Ивана Павловича приходилось завершать,—только бы не быть болѣе съ нимъ вмѣстѣ.

Графъ сдѣлалъ комбинацію. Другое лицо большого положенія — графъ Панинъ имѣлъ надобность въ услугѣ министра финансовъ.

Канкринъ ее сдѣлалъ скоро и охотно, а чрезъ нѣкоторое время явился просить за подчиненнаго, котораго заслугъ онъ не въ силахъ совмѣстить съ ограниченностію персонала по своему вѣдомству.

Графъ Панинъ пожевалъ и отвѣчалъ, что «совмѣщать» многое очень трудно, и свободнѣе другихъ это можетъ развѣ Перовскій, у котораго не перечесть сколько хорошихъ мѣстъ, находящихся въ его власти.

Перовскій это и сдѣлалъ, а Канкринъ, подписывая бумагу о согласіи на переводъ Ивана Павловича въ другое вѣдомство, совсѣмъ неожиданно для предстоявшихъ перекрестился по-русски, какъ самъ Хомяковъ, и сказалъ:

— Это, какъ тамъ говорятъ, «нынче отпущаеши». Наконецъ, я не буду опасаться, что мнѣ представятъ, чтобы я его утвердилъ начальникомъ самому себѣ.

Такъ всѣ были введены въ обманъ, и думали, будто, представляя Ивана Павловича, дѣлали графу неописанное удовольствіе, тогда какъ это было совсѣмъ напротивъ.

Но собственно «отпущенія» графу все-таки не было. Въ Петербургѣ поняли, что въ услужливости ему въ лицѣ Ивана Павловича было много ошибочнаго, но въ провинціи, куда этотъ карьеристъ поѣхалъ большимъ лицомъ и гдѣ первенствующее положеніе Марьѣ Степановнѣ уже принадлежало по праву, они были встрѣчены иначе. Въ осѣдавшее тѣсто словно подпустили свѣжихъ дрожжей, и оно пошло подниматься на опарѣ.

Марья Степановна слыла всемогущею по своему прежнему положенію и совмѣщала теперь это съ выгодами новаго положенія: она стояла выше того, чтобы ее подозрѣвать въ искательности: она говорила словами Бѣлинскаго «о человѣкѣ нравственно-развитомъ», слѣдила за Хомяковымъ, бесѣдовала съ Иннокентіемъ и... брала самыя отчаянныя взятки даже по такимъ вѣдомствамъ, которыя были чужды непосредственному вліянію ея мужа. Всѣ думали, что въ ея лицѣ заключается всеобщее надежное «совмѣстительство».

Съ кѣмъ она дѣлилась тѣмъ, что̀ взимала, -это была ея тайна, но графъ напрасно думалъ, будто его рѣшительная мѣра отстраненія совмѣстителей отъ непосредственнаго участія въ вѣдомствѣ освободила его на самомъ дѣлѣ отъ ихъ вліянія.

— Совмѣстительство, какъ лесть, можетъ являться въ разнообразныхъ формахъ, и гдѣ не промчится звѣремъ рыскучимъ, тамъ проползетъ змѣею или перепорхнетъ легкой пташечкой. Надо свѣтъ передѣлать или, другими словами, пріучить людей, чтобы они въ каждомъ дѣлѣ старались служить дѣлу, а не лицамъ. Вотъ это поистинѣ прекрасная задача, и добромъ вспомянется имя того, кто ей съ умѣньемъ служитъ.

Такъ закончилъ свой разсказъ правдивый и умный человѣкъ, со словъ котораго мною теперь передана выше изложенная исторійка «о совмѣстителѣ».

— · — — ·

СТАРИННЫЕ ПСИХОПАТЫ.

«Что взаправду было и что міромъ сложено — не распознаешь».

В. Даль.

Полагаю, что рѣдко кому не приводилось слышать или читать разсказъ о какомъ-нибудь болѣе или менѣе любопытномъ событіи, выдаваемый авторомъ или разсказчикомъ за *новое,* тогда какъ новость эта уже давно сообщена другими въ томъ же самомъ видѣ или немножко измѣненная. И читать, и слышать такія вещи бываетъ досадно. Еще досаднѣе, когда случится самому принять такой разсказъ за дѣйствительную новость и потомъ неосторожно передать его какъ происшествіе, бывшее съ пріятелемъ или знакомымъ, живущимъ будто тамъ-то и тамъ-то. И вдругъ оказывается, что все это или было когда-то очень давно, въ Нормандіи, съ барономъ, который имѣлъ большую слабость къ псамъ и жилъ съ деревенской простотою, или же и вовсе этого никогда еще нигдѣ не было. Такіе смѣшные, а отчасти иногда и непріятные казусы бывали, я думаю, съ каждымъ; но частный человѣкъ, не занимающійся литературою, не знаетъ, какъ легко можно попасть тому же самому при литературныхъ занятіяхъ и во сколько досаднѣе и обиднѣе попасться съ этимъ не въ устной бесѣдѣ, а съ записью «чернымъ по бѣлому». Между тѣмъ въ послѣднее время, Богъ вѣсть по какимъ причинамъ, въ нашей литературѣ безпрестанно начинаютъ встрѣчаться сказанія о такихъ исторіяхъ, которыя уже давно оповѣданы.

И еще того удивительнѣе, замѣчаются случаи, когда вы-

мышленный разсказъ послѣ весьма небольшого промежутка времени объявляется за дѣйствительное событіе, или съ маленькими измѣненіями пересказывается заново какъ фактъ, имѣвшій будто бы дѣйствительное бытіе въ другомъ мѣстѣ.

Въ первомъ родѣ мы не разъ доходили до повторенія заново старой выдумки объ «инерболѣ», поѣдавшей много сѣна, а во второмъ — я могу указать два лично меня касающіеся случая: первый былъ съ моимъ «Сказомъ о тульскомъ косомъ лѣвшѣ и о стальной блохѣ», а второй — съ разсказомъ «Путешествіе съ нигилистомъ». Оба эти разсказа нѣсколько лѣтъ тому назадъ мною *выдуманы* и напечатаны—первый въ «Руси», И. С. Аксакова, а второй— въ «Новомъ Времени», А. С. Суворина; но «Лѣвшу» критики объявили исторіей, которая имъ будто давно была извѣстна, а съ «Путешествіемъ съ нигилистомъ» случилось нѣчто еще болѣе странное. Этотъ послѣдній разсказъ состоялъ въ томъ, что нѣсколько человѣкъ, ѣдучи въ вагонѣ желѣзной дороги, вели будто бесѣду о различныхъ странахъ и мало-по-малу наэлектризовались до того, что сами начали всего бояться. Вдругъ имъ сталъ казаться подозрительнымъ молчаливый пассажиръ, передъ которымъ на лавочкѣ помѣщался маленькій чемоданъ. Отчего этотъ господинъ все молчитъ? Что̀ это за поведеніе? Зачѣмъ передъ нимъ стоитъ чемоданчикъ? Что̀ у него въ этомъ чемоданѣ? Можетъ-быть, это и есть «трахъ-тарарахъ»? И навѣрное такъ... Даже не можетъ быть иначе... Иначе онъ сдалъ бы чемоданчикъ въ багажъ—и тогда столь очевидная опасность для всѣхъ пассажировъ значительно уменьшилась бы...

Пассажиры обезпокоились и посылаютъ къ незнакомцу депутата съ вѣжливой просьбой удалить проклятый «трахъ-тарарахъ» изъ вагона. Посолъ говоритъ: «не желаете ли вы сдать этотъ чемоданъ въ багажъ?» Пассажиръ отвѣчаетъ: «Не желаю». — «А! въ такомъ случаѣ мы къ начальству». Кондуктора, жандармы, станціонные — всѣ приступаютъ съ вопросомъ: «не желаете ли сдать»,—но пассажиръ всѣмъ даетъ одинъ отвѣтъ: «Не желаю». И голосъ у незнакомца недобрый, и тонъ подозрительный, и видъ ожесточенный. Всѣ рѣшаютъ, что это «нигилистъ». Его берегутъ, глазъ съ него не спускаютъ и, наконецъ, у городской станціи требуютъ, чтобы онъ вышелъ. Онъ выходитъ очень охотно, потому что ему тутъ и надо было выйти,

но чемодана брать не хочетъ. — «Не желаете ли взять съ собою этотъ чемоданъ?» Онъ отвѣчаетъ: «Не желаю». Его ведутъ къ допросу, спрашиваютъ, кто онъ такой, и узнаютъ, что онъ «прокуроръ судебной палаты», а чемоданъ оказывается принадлежащимъ еврею, который скрывался безъ билета подъ лавкою.— Картина. Всѣ успокаиваются, смѣются и ѣдутъ далѣе... И вдругъ все это вымышленное мною шуточное событіе будто бы повторяется въ дѣйствительности, и гдѣ же? — въ Италіи, съ предсѣдателемъ окружного суда изъ Равенны, проѣзжавшимъ черезъ маленькій городокъ Форли. Есть кое-какая перемѣна въ лицахъ и обстановкѣ, сообразно условіямъ мѣстности, но вся фабула та же.

Узнавъ объ этомъ 11-го января изъ «Новостей», я не только изумился, но даже испугался...

— Какъ, подумалось мнѣ: — неужто и до того должно было дойти, что «оскудѣніе» ощущается уже не въ области литературнаго вымысла, но даже въ самой жизни, изобрѣтательность которой всегда почиталась столь разнообразною и неистощимою. Неужто и она вдругъ притупѣла и вмѣсто того, чтобы постыждать насъ блѣдностію нашихъ измышленій передъ живостью истинныхъ событій, она нисходитъ до того, чтобы разыгрывать на своихъ клавишахъ несовершенные наброски нашей композиціи... Но, однако, къ счастію, еще не утрачено право думать, что это не такъ, — что дѣйствительная жизнь нашихъ литературныхъ фантазій не разыгрываетъ, а совпаденіе, какое случилось въ Италіи послѣ моего разсказа, придумано, быть-можетъ, знакомымъ съ русскимъ языкомъ нѣмецкимъ корреспондентомъ.

И мнѣ сталъ припоминаться цѣлый рой болѣе или менѣе замѣчательныхъ исторій и историекъ, которыя издавна живутъ въ той или другой изъ русскихъ мѣстностей и постоянно передаются изъ устъ въ уста, отъ одного человѣка другому. Большинство изъ нихъ пользуется репутаціей самыхъ достовѣрныхъ событій и сообщается съ указаніемъ собственныхъ именъ, мѣста и времени событій. Разсказы эти ведутся такъ, что усомниться въ справедливости ихъ часто значило бы оскорбить не одного разсказчика, но всю мѣстную публику, раздѣляющую его вѣрованія, а между тѣмъ вѣрить въ дѣйствительность упоминаемыхъ событій очень трудно и иногда даже совсѣмъ невозможно.

Между тѣмъ всѣ подобныя исторіи должны быть довольно

литературѣ и достойны сохраненія ихъ въ ея записяхъ. Эти исторіи, какъ бы кто о нихъ ни думалъ,—есть современное продолженіе народнаго творчества, къ которому, конечно, непростительно не прислушиваться и считать его за ничто. Въ устныхъ преданіяхъ или даже въ сочиненіяхъ этого рода (допустимъ, что есть чистѣйшія сочиненія) всегда сильно и ярко обозначается настроеніе умовъ, вкусовъ и фантазіи людей даннаго времени и данной мѣстности. А что это дѣйствительно такъ, въ томъ меня достаточно убѣждаютъ записи, сдѣланныя мною во время моихъ скитаній по разнымъ мѣстамъ моего отечества. Такъ, напримѣръ, въ преданіяхъ (или, пожалуй, въ вымыслахъ) малороссійскихъ всегда преобладаетъ характеръ *героическій*, напоминающій сродство здѣшней фантазіи съ вымыслами польскихъ сочинителей апокрифовъ о «панѣ Коханку», а въ исторіяхъ великорусскихъ и особенно столичныхъ, петербургскихъ — больше сказывается *находчивость*, бойкость и тонкость плутовского пошиба. Очевидно, фантазія людей данной мѣстности выражаетъ ихъ настроеніе и, такъ сказать, создаетъ сама себѣ *своихъ козырей* для своей игры. Но замѣчательно, что всѣ эти козыри, какъ герои, такъ и плуты,—всѣ въ своемъ родѣ выходятъ какъ будто въ свою очередь тоже и *«психопаты»*.

Я очень цѣню такія исторіи, даже и тогда, когда историческая достовѣрность ихъ не представляется надежною, а иногда и совсѣмъ кажется сомнительною. По моему мнѣнію, какъ вымыселъ или какъ сплетеніе вымысла съ дѣйствительностью — онѣ даже любопытнѣе. Я передамъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ не только затѣмъ, чтобы сохранить эти памятники общественнаго творчества, но и для того, чтобы вызвать нѣкоторымъ изъ нихъ этимъ путемъ провѣрку. Быть-можетъ, то, что мнѣ кажется невѣроятнымъ, или сочиненнымъ, или заимствованнымъ изъ какихъ-то постороннихъ источниковъ, — происходило и на самомъ дѣлѣ, но только переиначено и преувеличено. Кто-нибудь изъ мѣстныхъ людей можетъ отозваться къ моимъ записямъ и поправить ихъ свѣдущими сообщеніями и тогда предъ нами предстанетъ рядъ житейскихъ курьезовъ, которые до сихъ поръ не переходятъ за границу своихъ мѣстностей.

Я начну съ *героическаго*, — съ разсказовъ малороссійскихъ, въ которыхъ болѣе грандіознаго, наивнаго и, какъ

мнѣ кажется, преувеличеннаго, но во всякомъ случаѣ весьма своеобразнаго.

Эпопея о Вишневскомъ и его сродникахъ.

Вотъ самъ помѣщикъ благодатный,
Изъ непосредственныхъ натуръ.
И. Тургеневъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ переяславскомъ уѣздѣ, полтавской губерніи, былъ помѣщикъ Иванъ Гавриловичъ Вишневскій. Онъ получилъ отъ щедротъ императрицы Елисаветы Петровны большое имѣніе по обоимъ берегамъ рѣки Суноя (рѣки Удай и Суной отмѣчены въ одной географіи «неспособными къ судоходству по множеству пороковъ»). Имѣніе это состояло изъ двухъ большихъ деревень, изъ которыхъ одна называлась Фарбованая, а другая Сосновка.

Старый панъ Иванъ Вишневскій жилъ и умеръ въ этомъ имѣніи, а послѣ его смерти Фарбованая и Сосновка достались сыну его, Степану Ивановичу Вишневскому, который оставилъ по себѣ героическую извѣстность,—можетъ быть сильно дополненную и разукрашенную домыслами во вкусѣ мѣстной фантазіи.

Степанъ Ивановичъ былъ атлетъ и богатырь, а притомъ также хлѣбосолъ, самодуръ и преужасный развратникъ, но имѣлъ образованіе. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ императрица Екатерина посылала въ Англію «для просвѣщенія ума и сердца».

По возвращеніи изъ Англіи онъ поступилъ на службу въ конно-гвардейскій полкъ, но какъ только дослужился до чина поручика—вышелъ въ отставку, женился на тверской дворянкѣ, дѣвицѣ Степанидѣ Васильевнѣ изъ рода Шубинскихъ, и поселился въ Москвѣ въ собственномъ домѣ.

Дѣлать Вишневскому здѣсь было нечего, и онъ началъ «чудить».

Прежде всего онъ надумалъ импонировать москвичамъ своей хохлацкой «пацыей». Онъ не хотѣлъ никого знать,—одѣвался по-хохлацки, много пилъ «запридуху» и ѣлъ будто одно только медвѣжье мясо.

Императрицѣ доложили, что Вишневскій «не соблюдаетъ

свѣтскихъ приличій», и тогда самодуру было сдѣлано замѣчаніе. Онъ рѣшился исправиться и съ этою цѣлью вытребовалъ себѣ изъ Малороссіи въ Москву хохлацкую телѣгу съ парою воловъ и паробка, который умѣлъ этими волами править. А какъ только наступилъ день обычныхъ и для всѣхъ видныхъ лицъ въ столицѣ обязательныхъ визитовъ, Степанъ Ивановичъ собрался «объѣзжать всѣхъ именитыхъ людей съ визитами». Но выѣхалъ онъ не налегкѣ, въ одномъ экипажѣ, а съ цѣлымъ поѣздомъ. Впереди скакалъ жокей на кургузой англійской кобылѣ, за нимъ слѣдовала цугомъ запряженная прекрасная карета, въ которой сидѣлъ камердинеръ, а за каретою ѣхала телѣга, или хохлацкій «возъ», заложенный парою сивыхъ, круторогихъ воловъ, и на этомъ возу помѣщался панъ Степанъ. Онъ сидѣлъ, какъ обыкновенно садятся малороссійскіе крестьяне, — т. е. по серединѣ телѣги, на кучкѣ раскинутой ржаной соломы, и курилъ съ флегматическимъ спокойствіемъ коренковую трубку излюбленнаго хохлацкаго фасона. Волами правилъ хохолъ въ затрапезныхъ шароварахъ «ширше облака», въ дегтярной рубахѣ съ прямымъ воротомъ, въ «тяжкихъ чоботахъ» и въ высокой смушковой шапкѣ. Хохолъ шелъ около воловъ съ батогомъ и придерживалъ ихъ за ременный налыгачь, «що-бъ ни злякались якъ торохтыть городъ», а самъ покрикивалъ гдѣ надо: «цо-бе», а гдѣ надо: «цобъ».

Жокей имѣлъ списокъ особъ, которыхъ долженъ былъ посѣтить этотъ задичавшій европеецъ. Справляясь съ спискомъ, жокей скакалъ впередъ и, прискакавъ на дворъ стоявшаго въ спискѣ вельможнаго лица, возвѣщалъ: а

— Мій панъ іде!

А когда поѣздъ показывался, жокей оборачивался къ нему лицомъ и опять въ голосъ кричалъ:

— Ось самъ панъ Вишневьски приіхавъ!

Тогда карета останавливалась у крыльца, изъ нея вылѣзалъ камердинеръ Степана Ивановича и шелъ спрашивать, угодно ли хозяевамъ принять его господина?

Если Вишневскаго принимали,—тогда карета отъѣзжала далѣе, а къ крыльцу подъѣзжалъ «возъ» на парѣ воловъ, и Степанъ Ивановичъ входилъ въ покои и щедро одарялъ всю попадавшуюся ему на глаза хозяйскую прислугу. Въ апартаментахъ онъ велъ себя барриномъ и европейцемъ,

щеголяя прекрасными манерами, отличнымъ знаніемъ языковъ и острою ѣдкостью малороссійскаго ума.

«Бо бувъ собі шутковатій, и знавъ усе по-хрянцузьски и по-вложски и на усі языки умівъ хвалыть Господа. Але тылько до того бувъ лінивый».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ѣлъ Вишневскій, какъ выше сказано, будто бы только одну медвѣжатину и для того содержалъ въ одномъ изъ тверскихъ имѣній жены «медвѣжій питомникъ». Медвѣдей тамъ кормили и доставляли въ Москву, къ столу Степана Ивановича. Къ полиціи Вишневскій имѣлъ врожденную и непобѣдимую ненависть, и ни одинъ полицейскій не смѣлъ отважиться войти къ нему во дворъ, не рискуя натерпѣться всяческихъ обидъ, если только попадется на глаза Степану Ивановичу. Домъ Вишневскаго въ Москвѣ для полиціи былъ недоступенъ и, по тому ли, или по другому, скоро получилъ себѣ весьма таинственную и нѣсколько нелестную извѣстность. Болѣе всего ей помогали безнравственные инстинкты Вишневскаго по отношенію къ женщинамъ, или, пожалуй, точнѣе сказать, къ дѣтямъ женскаго пола. Полиція, въ свою очередь, ненавидѣла Степана Ивановича и подыскивала случай ему отмстить за его невѣжества, но долго никакого удобнаго къ тому основанія не находила. Наконецъ, однако, къ тому представился случай: одинъ разъ дворная собака вытащила на улицу и обронила не совсѣмъ еще лишенную мускульныхъ связей пясть, которая была признана стопою небольшой человѣческой ноги. Черезъ нѣсколько дней это еще разъ повторилось. За собакою подсмотрѣли и увидали, что она таскаетъ эти кости изъ мусорной ямы. Прислуга сосѣднихъ домовъ стала говорить, что Вишневскій производитъ безчинства надъ своими крѣпостными дѣвочками и потомъ, будто бы, ихъ убиваетъ. Скоро стали производить счетъ дѣвочкамъ, будто бы безвѣстно пропавшимъ, и даже называли ихъ по именамъ.

Полиція не только усмотрѣла въ этомъ достаточный поводъ вмѣшаться въ дѣло, но даже сочла это своею прямою обязанностью,—что и въ самомъ дѣлѣ такъ было. Съ этою цѣлью на дворъ Степана Ивановича явились приставъ и квартальный и приступили къ осмотру той ямы, откуда

собака таскала подозрительныя кости. Вѣрные слуги Степана Ивановича не дозволили полиціи приступить къ осмотру, не извѣстивъ своего «пана». Степанъ Ивановичъ надѣлъ архалукъ, самъ вышелъ къ полицейскимъ и велѣлъ имъ открыть яму. Тамъ, къ радости полицейскихъ, нашли множество такихъ точно костей, какія послужили поводомъ къ подозрѣнію, но тутъ же было доказано, что это отнюдь не ступни человѣческихъ ногъ, а лапы убитыхъ для стола Вишневскаго молодыхъ медвѣжатъ.

Полицейскіе сконфузились и начали извиняться передъ Степаномъ Ивановичемъ, говоря, что они были вовлечены въ ошибку сомнѣніями и ложными слухами.

Вишневскій ихъ извинилъ и... тутъ же отстегалъ кнутомъ.

Эта острая выходка имѣла для него послѣдствіемъ то, что ему велѣно было оставить Москву и жить въ малороссійскихъ деревняхъ, пожалованныхъ его отцу Ивану Гавриловичу отъ щедротъ императрицы Елисаветы Петровны.

Вишневскій долженъ былъ подчиниться сказанному требованію и переѣхалъ въ переяславскій уѣздъ въ Фарбованую, чтобы колобродить тамъ еще на бо́льшей свободѣ.

Случай съ медвѣжьими лапами приписывается московскими розсказнями нѣсколькимъ лицамъ, и Степану Ивановичу Вишневскому онъ усвояется только одними малороссійскими преданіями, сложившимися преимущественно по равнинамъ, орошаемымъ рѣками Удаемъ и Супоемъ. Что же касается визитовъ по Москвѣ на парѣ воловъ, то въ этомъ родѣ какъ будто что-то было, но въ московскихъ преданіяхъ объ этомъ мнѣ никогда не удалось услыхать о такой оригинальной выходкѣ ни малѣйшаго воспоминанія. На этомъ основаніи разсказъ этотъ, кажется, должно считать сомнительнымъ; но между обитателями равнинъ Удая и Супоя много охотниковъ крѣпко стоять за справедливость этой исторіи, и на всѣ доводы о томъ, что это ничѣмъ не подтверждается въ Москвѣ, они съ самоувѣренною презрительностью оттопыриваютъ свои толстыя казацкія губы и говорятъ:

— Отъ тоже,—захотілы вы на Москві правду шукать!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Когда Степанъ Ивановичъ Вишневскій поселился въ своихъ малороссійскихъ маетностяхъ, то онъ себѣ построилъ

дома въ обѣихъ деревняхъ, по обѣ стороны достославнаго Супоя,— въ Фарбованой и Сосновкѣ. При обоихъ домахъ, ремонтированныхъ на широкую барскую руку, содержались обширные штаты прислуги, выѣзды охоты, конные заводы и гаремы, которыми, впрочемъ, Степанъ Ивановичъ не довольствовался и пользовался еще широко своими правами падишаха на всѣхъ женщинъ своего подданства. Жилъ онъ попеременно то въ одномъ своемъ имѣніи, то въ другомъ, и вездѣ содержалъ разъ установленные имъ своевольные порядки. Онъ считалъ себя въ полнѣйшемъ правѣ приводить всѣхъ, какъ онъ выражался, «въ свою крещеную вѣру» — и свободно и безпрепятственно достигалъ всего, чего желалъ достичь.

Между всѣми прихотями его своенравія и здѣсь прежде всего обозначалась ничѣмъ неусмиряемая ненависть Вишневскаго къ полиціи. Какъ только онъ пріѣхалъ въ деревню, такъ тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы ни исправникъ, ни пристава и никто изъ чиновниковъ не смѣли ѣздить по его владѣніямъ съ колокольчиками. Крестьянамъ было приказано, чтобы они останавливали каждаго, кто ѣдетъ съ колокольчикомъ, и освѣдомлялись — кто онъ такой. Если проѣзжающій былъ дворянинъ или вообще частное лицо, то его было велѣно отпускать и при этомъ говорить, что земли, по которымъ онъ ѣдетъ, принадлежатъ пану Вишневскому, и что этотъ панъ «любитъ и шануетъ» честныхъ гостей, —для чего проѣзжающихъ и приглашали «до господы», чтобы «отпочить съ дороги», то-есть отдохнуть отъ путевыхъ трудовъ и «откушать панскаго хлѣба-соли». Если проѣзжающій торопился и не хотѣлъ заѣзжать «на гостинци», а учтиво благодарилъ, то его насильно не задерживали, а такъ же «учтиво» позволяли слѣдовать далѣе и не возбраняли звонить колокольцемъ. А если проѣзжій не спѣшилъ и изъявлялъ согласіе заѣхать къ пану, то его провожали въ Фарбованую или Сосновку, смотря по тому, въ которой изъ этихъ деревень жилъ въ то время панъ Вишневскій.

Степанъ Ивановичъ встрѣчалъ всѣхъ такихъ гостей радушно, не разбирая ихъ чиновъ и званій, и угощалъ ихъ по-тогдашнему роскошно и обильно, — иногда даже слишкомъ обильно, такъ что иные отъ его хлѣбосольства даже занемогали. Но приневоливанія ни въ пищѣ, ни въ питіи

не было, а только все предлагалось «до отвалу», и если кто-нибудь себя превозмогалъ до излишества, то въ этомъ вины и насилія со стороны Вишневскаго не было, а всякій неосторожный гость долженъ былъ пенять на самого себя, безропотно казнился за свою неумѣренность.

Многимъ изъ гостей, которые оказывались людьми нуждающимися, Степанъ Ивановичъ даже оказывалъ значительное пособіе, а офицерамъ всегда любилъ дарить что-нибудь цѣнное на память. И такой широкій обычай былъ причиною того, что его ласка и хлѣбосольство дѣлали его очень милымъ и любезнымъ. Но чуть только дѣло касалось чиновниковъ и особенно полиціи, — Степанъ Ивановичъ являлся по отношенію къ нимъ самымъ грубымъ тираномъ, и требованія, какія онъ простиралъ къ этимъ несчастнымъ лицамъ, были въ такой степени суровы и для нихъ унизительны, что даже трудно вѣрить—какъ они могли имъ подчиниться и не находили средства оградить себя отъ фарбованскаго причудника.

Какъ только исправникъ или приставъ подъѣзжали къ граничной межѣ владѣній Вишневскаго, они должны были остановиться и подвязать язычокъ колокольчика, чтобы онъ не звонилъ. Иначе крестьяне останавливали блюстителя порядка, должны были *отвязать* колокольчикъ и немедленно отнести его въ господскій домъ къ самому пану. Сопротивленіе со стороны полиціанта угрожало ему двойною опасностью—быть побитымъ отъ крестьянъ, которые могли производить это въ «панскую голову», т. е. на отвѣтственность самого помѣщика, а потомъ виновнаго отвели бы къ «пану», у котораго всякаго полицейскаго, по меньшей мѣрѣ, ожидалъ невѣроятно унизительный, но съ неупустительною строгостью соблюдавшійся особый церемоніалъ.

Покорный и непокорный, честный или притязательный полицейскій чиновникъ былъ у Степана Ивановича «въ одномъ расчисленіи». Въ честность ихъ онъ, впрочемъ, нимало не вѣрилъ и, кажется, на этотъ счетъ не очень сильно ошибался. Правиломъ его было то, что *никакой* чиновникъ ни для какой надобности и ни подъ какимъ предлогомъ не могъ переступать черезъ порогъ его дома. Если исправникъ или приставъ имѣли къ нему служебную надобность или вынуждены были явиться къ нему съ какою-либо претензіею или просьбою, то они знали, что должны ѣхать по

сго владѣніямъ «безъ звона», какъ можно тише и останавливаться у околицы, — отнюдь не смѣя въѣзжать на лошадяхъ въ его усадьбу. По усадьбѣ и по двору они обязаны были идти пѣшкомъ и, снявъ шапку у воротъ, проходить мимо оконъ дома не иначе, какъ съ открытою головою.

Иначе, при малѣйшемъ нарушеніи этого правила, надрессированная прислуга сейчасъ же взяла бы ихъ подъ локти и заворотила назадъ, «наклавъ имъ при семъ добре по потылицѣ». А такъ какъ это соблюдалось крѣпко и вѣрно, то никто и не смѣлъ думать ослушаться и сопротивляться. На этомъ, однако, униженія еще не кончались: чиновникъ не допускался далѣе крыльца, подъ которымъ жили огромныя меделянскія собаки. Здѣсь чиновникъ долженъ былъ стоять и ожидать, пока Степанъ Ивановичъ выплетъ къ нему «комнатнаго казака», то-есть, просто говоря, лакея. Съ лакеемъ чиновникъ долженъ былъ «поздороваться вровняхъ», то-есть подать лакею руку, и затѣмъ только могъ изложить тому же лакею цѣль своего пріѣзда къ пану.

Если Вишневскому казалось, что надобность, за которою пріѣхалъ чиновникъ, не стоитъ вниманія, то онъ приказывалъ «прогнать его вонъ». А если надобность была какая-нибудь дворянская или объявленіе ему чего-либо изъ высшихъ сферъ, то Степанъ Ивановичъ надѣвалъ на себя бекешъ, шапку, самъ выходилъ на крыльцо и выслушивалъ чиновника, стоя къ нему все время бокомъ и никогда не глядя ему въ лицо.

Затѣмъ Вишневскій молча уходилъ, а лакей подавалъ чиновнику на тарелкѣ рюмку водки и пятидесятирублевую ассигнацію. Чиновникъ долженъ былъ выпить водку и потомъ взять себѣ на «закуску» пятьдесятъ рублей (хлѣба-соли въ ихъ натуральномъ видѣ чиновникамъ въ домѣ Вишневскаго не предлагали). Если же чиновникъ, паче чаянія, какъ-нибудь высоко о себѣ мнилъ и не сталъ бы выпивать вынесенной ему на крыльцо рюмки водки, то онъ не могъ получить и денегъ, положенныхъ на закуску. Въ такомъ случаѣ лакей долженъ былъ *столкнуть* его съ крыльца и водку выплеснуть ему въ спину, а закусочные пятьдесятъ рублей взять себѣ въ свою пользу и дернуть за веревку, а эта веревка шла къ желѣзной клямкѣ

отъ двери, за которою сидѣли подъ крыльцомъ меделянскія собаки.

Зная все это, чиновники никогда не отваживались обнаруживать хотя бы самомалѣйшее сопротивленіе установленіямъ Степана Ивановича и... даже были очень рады, когда имъ встрѣчалась надобность появиться на крыльцѣ фарбованскаго пана.

Если все это несомнѣнно такъ, какъ гласятъ преданія, то 50 рублей на закуску, очевидно, имѣли тогда свою высокую цѣну.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ отношеніи цѣломудрія и нравственности вообще Степанъ Ивановичъ слылъ человѣкомъ безцеремоннымъ и притомъ самымъ наивнымъ. Впрочемъ, въ этихъ отношеніяхъ онъ имѣлъ себѣ очень много подобныхъ и равныхъ, но въ его героической эпопеѣ въ этого рода дѣлахъ чрезвычайно оригинальною представляется роль его супруги Степаниды Васильевны, рожденной Шубинской, которую тоже, кажется, есть полное основаніе называть психопаткою,— хотя, впрочемъ, въ иномъ родѣ.

Она была, какъ выше сказано, тверская дворянка и образованная барыня изъ очень хорошаго рода. Супруга своего она любила и жила съ нимъ всегда въ постоянномъ согласіи. Отъ союза ея съ Степаномъ Ивановичемъ у нея были двѣ дочери, изъ которыхъ рожденіе второй было очень неблагополучно, и Степанида Васильевна сдѣлалась «навѣкъ не человѣкъ». Степанъ Ивановичъ сталъ съ нею сепаратничать: если она жила въ Фарбованой, онъ уѣзжалъ въ Сосновку, а если она была въ Сосновкѣ, то онъ съѣзжалъ въ Фарбованую. Видя это и, какъ говорила Степанида Васильевна, «любя своего мужа», она стала прилагать всякія заботы, чтобы онъ «отъ нея не удалялся» и чтобы ему и при ней «жить было не скучно». Съ этою цѣлью она устраивала у себя дѣвичьи посидѣлки, на которыя дѣвушки шли неохотно и со слезами, но Степанида Васильевна ихъ обласкивала и угощала до тѣхъ поръ, пока тѣ освоивались и переставали плакать. Тогда Степанида Васильевна писала мужу и приглашала его къ себѣ «прибыть, на дѣвицъ полюбоваться». А онъ ей отвѣчалъ: «очень тебя благодарю и заботы твои обо мнѣ цѣню, а, впрочемъ,

въ главномъ выборѣ я на твой вкусъ больше, чѣмъ на свой собственный, полагаюсь».

Такой отвѣтъ мужа не только радовалъ, но и умилялъ Степаниду Васильевну. Чувства ея къ Степану Ивановичу горѣли сугубымъ пламенемъ, и она ему въ скорости же опять нетерпѣливо отписывала: «за довѣріе твое. безцѣнный другъ мой, весьма тебя благодарю, и въ разсужденіи моего вкуса, въ чемъ на меня полагаешься, отъ души тебѣ угодить надѣюсь, но только прошу тебя, ангелъ моей души,—пріѣзжай ко мнѣ сколь возможно скорѣе, потому что сердце мое по тебѣ стосковалося, и ты увидишь, что я не объ одной себѣ сокрушаюсь, но и твой вкусъ понимаю. Дѣти наши обѣ здоровы и тебѣ кланяются и цѣлуютъ ручки». Подпись: «твоя вѣрная жена и раба Степанида».

Степанъ Ивановичъ, получивъ такое посланіе, оставлялъ отдѣльное житье и пріѣзжалъ къ супругѣ, которая вполнѣ достигала того, что ему «жить въ одномъ домѣ съ нею становилось нескучно».

Она не только ласкала и нѣжила ею же избранныхъ для своего мужа фаворитокъ, но няньчила и выхаживала его дѣтей, которыхъ при такомъ патріархальномъ порядкѣ панской жизни въ Фарбованой народилось очень много.

Самъ Вишневскій далеко не былъ такъ чистосердеченъ и искрененъ, какъ его жена: когда растлѣнный нравъ Степана Ивановича начиналъ прискучать тою особою, которая была призвана къ обязанности «дѣлать его жизнь нескучною», Вишневскій начиналъ собираться «пожить одинъ въ другой деревнѣ».

Степанида Васильевна это тотчасъ же понимала и хотя не перечила мужу, такъ какъ миръ и согласіе супружеское она, по завѣту предковъ, ставила выше всего на свѣтѣ, но черезъ нѣкоторое время она опять устраивалась и писала ему тихое и ласковое письмо, гдѣ говорила: «Хитрости твои и твоя со мною въ важныхъ дѣлахъ неоткровенность очень меня, мой другъ, огорчаютъ и терзаютъ, потому что я ихъ ничѣмъ не заслужила. Богъ видитъ мою правду и истину, что люблю тебя больше всего на свѣтѣ, и отъ разлуки съ тобой сердце мое по тебѣ изсушается какъ трава, но горючая слеза текущая не высыхаетъ. А ту особу, которая незанимательностью своею

тебя утомила и прискучила, я своимъ раченіемъ безъ большихъ хлопотъ совершенно устроила, и всѣ онѣ нынче своимъ положеніемъ теперь вполнѣ довольны и благодарятъ. А ты бы если поспѣшилъ ко мнѣ, то могъ бы теперь полюбоваться на очень пріятныя лица. Дѣти же наши обѣ благостію Божіею хранимы,—живы и здоровы и объ отцѣ своемъ молятся». И опять та же подпись: «жена и раба».

Въ отвѣтъ на это отъ Вишневскаго слѣдовали комплименты женѣ, съ повтореніемъ полнаго довѣрія къ ея вкусу, и затѣмъ Степанъ Ивановичъ вскорѣ возвращался подъ семейный кровъ. Его ждали, разумѣется, тимпаны и лики, ласки и восклицанія, и телецъ упитанный, и все, все, что было нужно, чтобы сдѣлать его счастливымъ, какъ онъ желалъ и какъ это могла устроить его нѣжная, пренѣжная жена, которая имѣла несчастіе изъ живой и очень милой женщины стать «навѣкъ не человѣкъ».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Послѣ описанныхъ уже перипетій Степанъ Ивановичъ исправился въ отношеніи своей скрытности и недовѣрія и никогда не прибѣгалъ болѣе къ хитростямъ сепаратной политики.

Степанида Васильевна, по словамъ крестьянъ, «доглядала его якъ маты свою дытыну».

Невѣроятная, примитивная простота этихъ отношеній, напоминающая собою библейскій разсказъ о Саррѣ и объ Агари, становится еще невѣроятнѣе, если дать вѣру частностямъ, которыя разсказываютъ о житьѣ этихъ супруговъ.

Степанъ Ивановичъ былъ какой-то чистый турокъ. По отношенію къ своимъ многообразнымъ привязанностямъ онъ совмѣщалъ въ себѣ всѣ роды любви, отъ мимоходныхъ неосторожностей до привязанностей къ одалискамъ и къ первой султаншѣ. Мимоходное, конечно, ни во что не ставилось и не подлежитъ счету; а роль первой султанши, разумѣется, занимала его законная жена, которую онъ, съ своей стороны, тоже, пожалуй, по-своему любилъ и, во всякомъ случаѣ, увѣрялъ, будто очень ее «уважаетъ».

— Если кто сдѣлаетъ что-нибудь противъ меня,—гово-

рилъ онъ: то это я еще, пожалуй, могу простить, но если бы кто-нибудь только помыслилъ вслухъ сдѣлать что-нибудь къ обидѣ Степаниды Васильевны, то кто бы онъ ни былъ, я вездѣ его достану, и самъ царь Иванъ Васильевичъ не выдумалъ такой казни, какою я расказню грубіяна безцѣнной жены моей.

Всѣ это знали и знали тоже, что Степанъ Ивановичъ не шутитъ и что̀ говоритъ, то и выполнитъ, и потому никому и въ голову не приходило обнаружить хоть малѣйшій признакъ неповиновенія или ослушанія Степанидѣ Васильевнѣ. Но не всѣ одинаково разумѣли такую ревнивую заботу Вишневскаго о женѣ, и между тѣмъ, какъ одинъ приписывалъ ее безмѣрной его къ ней нѣжности, - другіе усматривали въ этомъ хитрость, которая и въ самомъ дѣлѣ была въ значительной мѣрѣ доступна хохлацкой натурѣ Вишневскаго. Думали, что онъ «нагонялъ страхъ» всѣмъ за жену болѣе для того, чтобы ея требованія, къ услажденію его жизни любовью крѣпостныхъ одалисокъ, не встрѣчали ни малѣйшаго противорѣчія, такъ какъ всякое самомалѣйшее ослушаніе ей онъ наказалъ бы такъ, что царь Иванъ Васильевичъ во гробѣ бы содрогнулся.

Впрочемъ, было это такъ или иначе, съ положительностію сказать невозможно, но есть положительные разсказы, что крайне развращенный и до жестокости безцеремонный въ своихъ мимоходныхъ дѣлахъ, Степанъ Ивановичъ любилъ вносить своеобычную поэзію въ свои отношенія съ одалисками, избранными для него на вкусъ его первой султанши. И онъ умѣлъ достигать этого безъ всякаго принужденія своей натуры, въ которой обнаруживалось въ этихъ случаяхъ нѣчто нѣжное и чувствительное. Онъ, подобно Донъ-Жуану, могъ похвалиться, что не только не оскорблялъ молодыя существа грубостію, но даже «никогда не обольщалъ съ холодностью безстрастной». Нѣтъ, онъ пріѣзжалъ въ домъ жены, гдѣ ея любовь приготовила ему утѣху, съ нѣжною ласковостію, и оба супруга вмѣстѣ выносили избраницу «какъ соколку по зорькамъ». Они ее приласкивали, наряжали, лелѣяли, она жила въ комнатахъ Степаниды Васильевны, пестро разодѣтая, утопая въ нѣгѣ и пресыщаясь лакомствами, и сама не замѣчала, какъ переходила изъ одной роли въ другую, словно въ туманѣ долго не сознавая того, что̀ съ нею сталось и чѣмъ это должно

было окончиться. Всѣ эти одалиски вступали въ свою роль въ лѣтахъ едва окончившагося дѣтства, когда еще голова бѣдна опытомъ и представленія о грядущемъ слабы, а жизнь, полная утѣхъ въ настоящемъ, заманчива. Изъ нихъ многія искренно располагались душою и сердцемъ къ своему повелителю или по крайней мѣрѣ не тяготились имъ, а Степаниду Васильевну даже любили «якъ маты». И она ихъ дѣйствительно ласкала какъ мать и ободряла какъ старшая гаремная подруга, наслаждавшаяся тѣмъ счастіемъ, какое младшія одалиски доставляли ея любимому падишаху. Въ домѣ жена, мужъ и дежурная фаворитка почти не разлучались и бо́льшею частію проводили время втроемъ, но къ нѣкоторымъ изъ одалисокъ Степанъ Ивановичъ пристращался до того, что не могъ съ ними разставаться даже и на одну минуту. Вишневскій пристращался къ возлюбленной не только чувственно, но и любовно, какъ пылкій юноша, и, покидая домъ въ случаяхъ неизбѣжныхъ, бралъ ее съ собою, переодѣтою казачкомъ или арапчикомъ, на попеченіи котораго будто состояли янтари его роскошныхъ чубуковъ и кисетъ съ табакомъ, который надобился ему безпрестанно, такъ какъ Степанъ Ивановичъ курилъ даже ночью, и потому «трубочный мальчикъ» былъ при немъ безотлучно.

Полагали, что въ подобныхъ случаяхъ Степаномъ Ивановичемъ до извѣстной степени руководила ревность, но это предположеніе не имѣетъ основанія, такъ какъ Вишневскій, конечно, ничѣмъ не рисковалъ бы, если бы оставилъ дѣвушку на попеченіе Степаниды Васильевны: и потому гораздо вѣрнѣе думать такъ, какъ передавали люди, ближе знавшіе этого малороссійскаго психопата,—то-есть, что онъ просто страстно влюблялся въ своихъ фаворитокъ и не могъ съ ними разставаться до тѣхъ поръ, пока страсть его совершала свое теченіе и остывала.

И чѣмъ страстнѣе была привязанность къ извѣстной одалискѣ со стороны Степана Ивановича, тѣмъ бо́льшую нѣжность и заботу это лицо вызывало къ себѣ со стороны его жены. Проходила страсть у Вишневскаго, и онъ «отъѣзжалъ за Супой», а Степанида Васильевна брала на себя заботу устроить старую «утѣху» и пріуготовить новую, которая снова возвратила бы фарбованскаго пана съ того берега.

Трагическаго въ этихъ развязкахъ никогда не было. Благодаря такту, сердоболію и щедрости Степаниды Васильевны, всѣ эти дѣла устраивались мирно и ладно, ко всеобщему удовольствію всѣхъ мало-мальски близкихъ къ дѣвушкѣ лицъ. Исключеніе составлялъ единственный случай съ пятнадцатилѣтнею крестьянскою дѣвочкою, занявшей особенно сильное положеніе въ сердцѣ Вишневскаго и оставившей ему сына и непріятный слѣдъ въ его воспоминаніяхъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Мѣстныя преданія сохранили самое имя этой стройной, «якъ былинка», черноокой дѣвушки, приблизившейся къ своему пану въ довольно уже поздніе годы его жизни. Ее называютъ Гапка Петруненко. Она была такъ хороша, «що ажъ очамъ мило було на нее дивитися», и, какъ показываетъ ея исторія, имѣла сердце чуткое и очень воспріимчивую душу. Вишневскій могъ обнять ея тонкій станъ, ея талію перстами своихъ рукъ, и такъ любилъ ее, какъ никакую другую, ни до нея, ни послѣ ея пользовавшуюся его фаворомъ. Онъ одѣвалъ ее въ розовый атласъ и въ кофты, сшитыя изъ дорогихъ турецкихъ шалей, носилъ ее на рукахъ и цѣловалъ ея ноги.

Видя такую неутолимую привязанность мужа къ этой дѣвушкѣ, Степанида Васильевна тоже нѣстовала ее до забвенія о себѣ и о своихъ дочеряхъ, изъ которыхъ старшей тогда уже шелъ двѣнадцатый годъ. Степанида Васильевна сама плела на день черныя косы Гапочки, сама ихъ расплетала на ночь и подкуривала ароматами, пахучій дымъ которыхъ проницалъ густые волосы и держался въ нихъ съ смолистою силою. Она не дозволяла ничьимъ низкимъ рукамъ коснуться до ея тѣла и даже сама оронала крѣпкимъ настоемъ душистыхъ розъ ея ноги, къ которымъ на ея же глазахъ въ страстномъ самозабвеніи припадалъ устами Степанъ Ивановичъ. Словомъ, эта прелестная дѣвушка была фавориткой изъ фаворитокъ, и пребываніе ея въ домѣ Вишневскихъ заключало въ себѣ много отъ всѣхъ отмѣннаго. Степанъ Ивановичъ, даже выѣзжая на охоту съ борзыми, бралъ Гапку съ собою и не довольствовался тѣмъ, что она, одѣтая черкешенкой, ѣдетъ въ покойномъ рыдванѣ, а бралъ ее оттуда и возилъ передъ собою на сѣдлѣ. Когда же дѣ-

вушка уставала отъ неудобнаго и утомительнаго путешествія на лошади и сонъ начиналъ клонить ея головку,— Вишневскій не отдавалъ ее ни на чьи чужія руки, а тотчасъ же прекращалъ поленье и бережно, на своихъ собственныхъ рукахъ, везъ Ганочку домой. И Боже сохрани, чтобы кто-нибудь изъ его свиты завелъ въ это время какой-нибудь шумъ и нарушилъ имъ дѣтскій сонъ возлюбленницы пана!.. Виновный не миновалъ бы сырой ямы и ременныхъ арапниковъ.

Такъ же бережно Вишневскій опускалъ съ рукъ это дитя у крыльца на руки встрѣчавшихъ его людей и самъ сопровождалъ ихъ, когда они переносили Ганку во всякой тишинѣ въ покои Степаниды Васильевны.

Здѣсь ее раздѣвали и укладывали на атласныя подушки широкаго турецкаго дивана, на которомъ съ краю садились и сами супруги пить чай. И во все это время они не говорили, а только любовались, глядя на спящую дѣвушку. Когда же наставалъ часъ идти къ покою, Степанида Васильевна вставала, чтобы легкою стопою по мягкимъ коврамъ перейти въ смежную комнату, гдѣ была ея опочивальня, а Степанъ Ивановичъ въ благодарномъ молчаніи много разъ кряду цѣловалъ руки жены и шепталъ ей:

— Ты мой ангелъ-хранитель,—я тебя обожаю!

Степанида Васильевна чувствовала и раздѣляла счастье мужа съ способностью, быть-можетъ, ей одной только свойственною по своей неимовѣрной прихотливости.

Она уходила въ спальню, долго тамъ молилась передъ лампадою и потомъ опять неслышными стопами входила въ смежную комнату, гдѣ розовая Ганка спала, обнявъ крѣпкими молодыми руками подушки, а атлетическая фигура Вишневскаго лежала на коврѣ, съ головою, прислоненною къ дивану, въ ногахъ спящей дѣвушки.

Степанида Васильевна крестила ихъ обоихъ и уходила на свою вдовью кроватку, и сонъ ея былъ тихъ, миренъ и живителенъ... И во всемъ этомъ странномъ и несогласномъ, повидимому, сочетаніи чувствъ и отношеній она не видала ничего для себя унизительнаго, и даже ничего неудобнаго, а, напротивъ, ей казалось, что все идетъ именно такъ, какъ только можетъ идти лучше.

Безграничная любовь этой женщины къ мужу и огромное несчастіе заключавшееся для нея въ условіяхъ ея здо-

ровья, какъ-то смѣшивались, ея нравственныя понятія никому не были ясны и понятны. Передавая эти сказанія въ сборѣ отрывочныхъ свѣдѣній изъ нѣсколькихъ устъ, я не стану и стараться пояснить личность Степаниды Васильевны Вишневской какимъ-нибудь болѣе точнымъ опредѣленіемъ. Думаю лишь, что по нынѣшнимъ временамъ это подходило бы къ тому, что называютъ «*психопатіей*». Я передаю только любопытный разсказъ, какъ самъ его слышалъ, и не произношу надъ характерами и правилами героевъ этихъ легендарныхъ сказаній никакой своей критики.

Я думаю, что дѣло главнымъ образомъ теперь не въ критикѣ, отъ которой всѣ именуемыя здѣсь лица ушли уже въ царство тѣней, а въ сохраненіи на память потомству удивительной непосредственности ихъ характеровъ и прихотливой, оригинальной ихъ жизни.

Намъ хорошо извѣстны бурныя натуры нашихъ великорусскихъ дворянъ, при которыхъ, по выраженію поэта, жизнь «текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства, разврата мелкаго и мелкаго тиранства,—гдѣ хоръ подавленныхъ и трепетныхъ людей завидовалъ житью собакъ и лошадей». Здоровое, реальное направленіе нашей русской литературы, быть-можетъ, порою заслуживающей и укоры за излишній реализмъ, показало намъ нашу великорусскую жизнь налицо. Мы знаемъ, каковы наши «ветхіе мѣхи», затрещавшіе при игрѣ влитаго въ нихъ молодого вина; но писатели малороссійскаго происхожденія не слѣдовали нашему, можетъ-быть, единственно полезному въ настоящее время литературному направленію. Жизнь малороссійскаго козырнаго барства отъ насъ скрыта романтизмомъ или крайнимъ простонародничествомъ малорусскихъ писателей. Если она гдѣ-нибудь изрѣдка и представляется, то почти всегда въ напыщенныхъ формахъ, напоминающихъ безконечныя польскія исторіи о «панѣ Коханку». Межъ тѣмъ малороссійское барство имѣетъ свою оригинальность, которая стоитъ изученія и которая въ то же время способна проливать довольно яркій свѣтъ на тѣ особенности малороссійскаго характера, какія, по замѣчанію Шевченко, представляютъ міру «славніхъ прадідовъ великихъ праунуки погани».

Небезполезно посмотрѣть на представителей той серединной генераціи, которая лежитъ пластомъ между «праді-

дами и праунокамп»,- между тѣми, которыхъ національный поэтъ величалъ «великими», и тѣми, которыхъ онъ считалъ за «поганыхъ». Передъ нами теперь фигуры, стоявшія на водораздѣлѣ этихъ двухъ главныхъ теченій, изъ которыхъ одно несло будто на себѣ малороссійскій край къ незапятнанному величію, а другое повлекло его къ неисправимому «поганству».

Въ мірѣ «все причинно, послѣдовательно и условно», и потому въ цѣпи могутъ измѣняться фасоны звеньевъ, но тѣмъ не менѣе все-таки звено за звено держится и одно къ другому непремѣнно находится въ соотношеніи.

Собирая въ одну запись то, что мнѣ приводилось слыхать о Вишневскомъ и его сродникахъ, я думаю, что я сберегаю этимъ литературѣ звено чего-то пропущеннаго и до сихъ поръ сохранившагося только въ однихъ преданіяхъ. Пусть они и не совсѣмъ вѣрны, но даже и въ такомъ случаѣ они интересны,—какъ мѣстное народное творчество, указывающее, что поражало и что вдохновляло людей съ фантазіей, или что имъ нравилось.

Продолжаю о Вишневскомъ.

За нѣсколько строкъ предъ симъ мы оставили могучаго фарбованскаго пана спящимъ на коврѣ у ногъ своей сельской нимфы. Оставимъ ихъ и еще въ этомъ положеніи, изящнѣе и поэтичнѣе котораго, кажется, не было въ его своеобразной, безалаберной и ни вѣсть чему подобной жизни. Пусть они, какъ малороссы говорятъ, «отпочнутъ» здѣсь сладко до зари того дня, который омрачилъ ихъ счастье и спокойствіе и въ чашу любовныхъ утѣхъ пана выжалъ каплю горькаго омега.

Ниже мы встрѣтимъ случай, при которомъ будетъ мѣсто изложить это происшествіе, составлявшее высшій, кульминаціонный пунктъ душевныхъ страданій и нравственнаго возбужденія Вишневскаго, — вслѣдъ зачѣмъ опять пошли своимъ чередомъ любовныя смѣны, не захватывавшія выше того, что нами уже описано, но зато не оставлявшія Степана Ивановича до самой его смерти.

Очеркнемъ теперь, какъ можемъ и какъ умѣемъ, другія стороны его дѣятельности и характера.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Какъ отецъ и какъ воспитатель, Вишневскій ни въ

одномъ изъ слышанныхъ мною о немъ разсказовъ не занималъ никакихъ характерныхъ положеній, а упоминается только какъ *родитель*. Впрочемъ, говорятъ, что когда въ Петербургѣ «заводились институты» и именитое дворянство, по желанію государыни, получило приглашеніе привозить туда для воспитанія дѣвицъ, то Степанъ Ивановичъ ѣздилъ въ Петербургъ и самъ отвезъ туда дочь. Но и это обстоятельство воспоминается не для того, чтобы обозначить ею родительскую заботливость Вишневскаго, а потому, что эта поѣздка оказалась въ связи съ другимъ любопытнымъ событіемъ, о которомъ ниже будетъ разсказано. Какъ помѣщикъ, въ качествѣ хозяина, судіи и наказателя душъ подвластныхъ ему крѣпостныхъ людей, Вишневскій тоже не представлялъ собою особой оригинальности. Онъ правилъ хозяйствомъ «якъ повелось изъ давняго времени». Все дѣлалось черезъ крѣпостныхъ или наемныхъ приставниковъ, изъ православныхъ и изъ поляковъ. Вишневскій держалъ при себѣ на службѣ нѣсколько человѣкъ поляковъ, къ которымъ не питалъ никакой вражды, но любилъ иногда надъ ними забавляться. Было и нѣсколько евреевъ, которыхъ психопатъ любилъ пугать разными страхами. Не одного изъ нихъ онъ заморилъ и загналъ страхомъ со свѣта, но они все къ нему лѣзли, потому что Вишневскій иногда бывалъ щедръ и бросалъ имъ что-нибудь на разживу. Впрочемъ, комиссіонерскихъ услугъ отъ евреевъ онъ не чуждался. Только Боже спаси было его обмануть... Онъ не столько больно запоретъ розгами или плетьми, сколько истерзаетъ страхомъ. У Вишневскаго былъ и патріотизмъ, выражавшійся, впрочемъ, à la longue пристрастіемъ къ малороссійскому жупану и къ малороссійской рѣчи, а затѣмъ —въ презрѣніи къ иноземцамъ. Особенно онъ не благоволилъ къ нѣмцамъ, которыхъ не находилъ возможности уважать по двумъ причинамъ: во-первыхъ, что они «тонконоги», а во-вторыхъ — вѣра ихъ ему не нравилась — «святителей не почитаютъ». Степанъ Ивановичъ думалъ, что самъ онъ «святителей почитаетъ». Въ вопросахъ вѣры онъ былъ невѣжда круглый и ни въ критику, ни въ философію религіозныхъ вопросовъ не пускался, находя, что «се діло поповское», а какъ «лыцарь» онъ только ограждалъ и отстаивалъ «свою вѣру» отъ всѣхъ «иновѣрныхъ», и въ этомъ пунктѣ смотрѣлъ на дѣло взглядомъ народнымъ, почитая «христіанами» однихъ

православныхъ, а всѣхъ прочихъ, такъ-называемыхъ «инославныхъ» христіанъ считалъ «недовѣрками», а евреевъ и «всю остальную сволочь» — *поганцами*. Иностранецъ и «даже нѣмецъ» могъ попасть къ столу Степана Ивановича, и одинъ — именно нѣмецъ — даже втерся къ нему въ домъ и пользовался его довѣріемъ, но все-таки, прежде чѣмъ допустить «недовѣрка» къ сближенію, религіозная совѣсть Вишневскаго искала для себя удовлетворенія и примиренія съ собою. У Степана Ивановича, который, по собственному его сознанію, «катехизицу не обучавься», хорошо сложился и очень конкретно оформился имъ самимъ составленный чинокъ для пріятія инославныхъ.

Степанъ Ивановичъ говорилъ «люторю» или «католыку»:

— Ну, а все же вѣдь ты хоть и не по-нашему вѣришь и молишься, но Николу угодника ты навѣрно уважаешь?

Испытуемый «иновѣръ» зналъ по достовѣрнымъ слухамъ, что̀ бы такое съ нимъ произошло, если бы онъ посмѣлъ сказать, что онъ не уважаетъ угодника, за котораго стоитъ фарбованскій панъ... Онъ бы сейчасъ узналъ — крѣпки ли стулья, на которыхъ Степанъ Ивановичъ сажаетъ своихъ гостей, и гибки ли лозы, которыя растутъ, купая свои вѣточки въ водахъ Супоя. А потому каждый инославецъ, которому посчастливилось расположить къ себѣ Вишневскаго до того, что онъ уже заговорилъ о вѣрѣ,—отвѣчалъ ему какъ разъ то, что требовалось по чину «пріятія».

— О, да!—отвѣчалъ вопрошаемый инославецъ: — какъ же не уважать Николу,—его весь свѣтъ уважаетъ.

— Ну, чтобы «весь свѣтъ» — это ужъ ты, братъ, немножко хватилъ лишнее, говорилъ Степанъ Ивановичъ: — ибо надлежитъ тебѣ знать, что святой Никола природы московской, а ты поуважай нашего «русськаго Юрка».

Слово «русській», въ смыслѣ малороссійскій или южнорусскій, тогда здѣсь рѣзко противопоставлялось «московскому» или великороссійскому, сѣверному. Московское и «русськое»—это были два разныя понятія, и на небѣ, и на землѣ. Земныя различія всякому были видимы тѣлесными очами, а расчисленія, относимыя къ небесамъ, познавались вѣрою. По вѣрѣ же, великорусскія дѣла подлежали заботамъ чудотворца Николая, какъ покровителя Россіи, а дѣла южно-русскія находили себѣ защиту и опору въ попеченіяхъ особенно расположеннаго къ малороссія-

намъ святого Юрія, или, по нынѣшнему произношенію, св. Георгія (по-народному «Юрко»).

Всякій инославецъ, выдержавъ испытаніе о св. Николаѣ, конечно, еще тверже говорилъ Вишневскому, что онъ уважаетъ святого Юрія «еще больше, якъ Николу».

Это Степану Ивановичу нравилось. Тѣмъ вся катехизація новопріемлемаго оканчивалась, и возсоединеннаго уже никогда болѣе разновѣріемъ не попрекали. Даже если кто-нибудь невзначай касался словомъ ихъ разницы, то Степанъ Ивановичъ это останавливалъ, говоря:

— Никакой нѣтъ разницы: онъ и Николу уважае, а святого Юрко еще больше.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Такъ исправившіе себя инославцы всходили на самыя перси психопата, а нѣмецъ даже управлялъ почти безотчетно однимъ имѣніемъ и такъ широко пользовался своими полномочіями, что̀ дѣлалъ почти все то самое, что̀ дѣлалъ и Вишневскій.

Степанъ Ивановичъ только въ разсужденіи женщинъ не позволялъ ему простирать требованій къ себѣ на дворъ, дабы никто не видалъ женщины настоящаго, греческаго закона «входящей къ нѣмцу». Изъ этого для нея могъ произойти срамъ, унизительный даже и для могущаго явиться ребенка. Нѣмецъ обязанъ былъ надѣвать лѣтомъ холодный, а зимою ватный халатъ и картузъ, и брать въ руки фонарь и идти самъ на деревню, въ сопровожденіи десятника, который «отвѣчалъ за его жизнь». А нѣмецъ былъ только ограничиваемъ однимъ наказомъ, чтобы отъ него не было никакого размноженія «нѣмецкой прибыли, а все шло въ прибыль русскую».

По деталямъ это казалось только частными ограниченіями, но въ общей сложности всего выходило, что нѣмецъ жаловался Степану Ивановичу, говоря:

— Никакъ нивозможность.

— А почему бы это такъ?

— Всѣ удирается!..

Это означало, что какъ только нѣмецъ выходилъ въ свой ночной походъ въ длинномъ спальномъ халатѣ и съ фонаремъ въ сопровожденіи «отвѣчавшаго за его жизнь», такъ

всѣ его издали видѣли и всѣ, кому угрожало по направленію его посѣщеніе, разбѣгались и прятались.

Степанъ Ивановичъ объ этомъ какъ будто сожалѣлъ, но ничего въ установленномъ имъ порядкѣ отмѣнять не дозволялъ.

— Безъ фонаря и безъ провожатаго тебя пришибутъ и выпотрошатъ, и отвѣчать за тебя мнѣ будетъ некому,—говорилъ онъ, какъ будто искренно признавая установленный имъ порядокъ за необходимое; но близко изучившіе его люди замѣчали, что притомъ, какъ онъ обсуждалъ съ нѣмцемъ его дѣло,—«одинъ усъ» у Степана Ивановича «смѣялся».

У него, какъ у настоящаго психопата, многое безтолковое соединялось съ хитрымъ и было такъ «пересыпано», что «не можно було добрать, що вінъ вередує».

Игривыя штуки его съ нѣмцемъ кончились тѣмъ, что тотъ все ходилъ, мерцая своимъ фонаремъ, какъ ивановскій жукъ въ травѣ, пока, наконецъ, въ сѣняхъ одной крестьянской хаты ему отмяли бока, и провожатый, отвѣчавшій за его жизнь, принесъ его домой, гдѣ тотъ и не замедлилъ отдать Богу свою нѣмецкую душу, пожившую здѣсь съ почтеніемъ къ святителю Николаю и къ св. Георгію.

Но, несмотря на самоподчиненіе этого нѣмца названнымъ святымъ, Степанъ Ивановичъ все-таки нашелъ, что его недостойно было хоронить внутри кладбища, «вмѣстѣ съ родителями правой восточной вѣры», а указалъ закопать его «за оградою» и не крестъ поставить надъ нимъ, а положить камень, «дабы притомленные люди могли на немъ присѣсть и отпочить».

Все онъ во всѣхъ случаяхъ держалъ какой-то особливый, но въ своемъ родѣ очень сообразный тонъ, обличавшій въ немъ и юморъ, и почтительность къ родной вѣрѣ, утвердившейся для него не столько на катехизическомъ ученіи, какъ на св. Николѣ и на Юркѣ. Но Богу единому вѣдомо, было ли это такъ, какъ выдавалъ Степанъ Ивановичъ, и не располагало ли имъ что-либо иное.

Для выраженія полноты религіознаго культа Вишневскаго остается прибавить, что почитать или обожать св. Николая и св. Георгія тоже дозволялось не всякому, а только однимъ христіанамъ инославныхъ исповѣданій. Тѣ ласкою и почтеніемъ къ этимъ святымъ откупались отъ бѣдъ и входили въ милость у Степана Ивановича. Но евреямъ онъ отнюдь не дозволялъ прибѣгать подъ защиту этихъ свя-

тыхъ, и даже тѣхъ, которые обнаруживали къ этому хоть малѣйшую наклонность,—подвергалъ взысканію. Такъ, былъ одинъ еврей, который въ чемъ-то обманулъ Степана Ивановича и былъ за то назначенъ къ поркѣ. Когда его повлекли отъ крыльца, съ котораго Вишневскій изрекалъ свой судъ,—еврей этотъ сталъ упираться и, жалостно кривляясь, кричалъ:

— Ой, кили жъ я шаную... я шаную и Мыколу... шаную и Юрко...

Степанъ Ивановичъ велѣлъ ликторамъ остановиться и переспросилъ трясущагося жидка:

— Что ты такое кричишь?

— Кили я шаную... Кили я шаную...

— Не лопочи,—скажи спокойно, кого шануешь?

— Ой же усихъ... ой обоихъ шаную... святого Мыколу и святого Юрка.

— Ну, это ты напрасно...

— Ой, отчего... ой, зачѣмъ напрасно... Кили жъ вони милостивы... можетъ, вони меня помилуютъ.

— Да, они милостивы, — это совершенно правда, но имъ, братку, никакого дѣла нѣтъ за жидовъ заступаться,— у васъ есть свой Моисей, ты его и кличь, когда тебя пороть будутъ; а за то, що ты осмілився своими жидовскими устами произнести таке свячене имя,—прибавьте ему, хлопци, еще десять плетюгановъ за Мыколу, да двадцать пьять за святого Юрка, що бы не дерзалъ ихъ трогать.

И несчастнаго еврейчика, конечно, отвели куда надо, и задали ему все, что было назначено за обманъ,—съ прибавкою тридцати пяти ударовъ за неумѣстное, по мнѣнію Вишневскаго, ласкательство къ Николѣ и къ св. Георгію, — причемъ и тутъ тоже честь этихъ двухъ святыхъ не была сравнена, а за Николу давалось только десять «плетюгановъ», тогда какъ за св. Юрія двадцать пять.

Разумѣется, это дѣлалось неспроста, а по бо́льшему почтенію и любви къ св. Юрію.

«Бо се, выбачайте, панъ, русскій, а не зъ московьской стороны».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Упомянувъ не разъ, что Степанъ Ивановичъ отдавалъ видимый преферансъ тому, что исходило «не зъ стороны

московьской», я долженъ предупредить читателя, чтобы онъ не поспѣшилъ счесть Вишневскаго политикомъ, сепаратистомъ или, какъ нынче называютъ, «хохломаномъ». Правда, что тогда на хохломанство не только смотрѣли сквозь пальцы, но даже совсѣмъ и знать о немъ не хотѣли; но если бы кто приступилъ къ душѣ Степана Ивановича и «со всякимъ испытаніемъ», то онъ не нашелъ бы тамъ ничего политическаго. Вѣрнѣе всего, онъ почувствовалъ бы себя тамъ какъ въ амбарѣ, гдѣ все навалено и все, почитай, есть, но никто толкомъ ничего не отыщетъ. Вишневскій противорѣчилъ рѣшительно всѣмъ, кромѣ своей первой жены, здѣсь уже довольно подробно описанной Степаниды Васильевны, изъ рода тверскихъ дворянъ Шубинскихъ. Если собесѣдникъ былъ хохломанъ и хвалилъ все малороссійское, то Вишневскій непремѣнно хотѣлъ выставлять недостатки малороссійскихъ нравовъ, и дѣлалъ это съ талантомъ, доводя свои сравненія до большой мѣткости и ѣдкости. Тогда онъ усердно похвалялъ Польшу, особенно Батура и Собіесскаго,—называлъ «Богдана» великимъ «пьянычкой» и приводилъ споръ къ рѣшительной, по его мнѣнію, формулѣ, что «Польша впала и насъ задавила». Но отзывался кто-нибудь со вздохомъ за Польшу,— и Степанъ Ивановичъ сейчасъ перемѣнялъ валъ въ своемъ органѣ и велъ рѣчь на великорусскій мотивъ.

— То правда,—говорилъ онъ: — були у нихъ вольности и поважанье, але що зъ того, якъ всѣ хотѣли быть «крулями» да надъ «крулями» каверзували. За те жъ то и згинули, и мусяли згинуть, бо не тімъ занимались, що треба для благоденствія цілаго края, а шарпали ту несчастну свободу усякъ, кто якъ могъ, на свою сторону.

Онъ махалъ рукою и презрительно заключалъ:

— Ледаще, ледаще!

Но Вишневскій не былъ и поборникъ строгаго уваженія къ властямъ, а, напротивъ, какъ выше показано, самъ весьма часто и даже почти при всякомъ случаѣ готовъ былъ унижать и оскорблять органы законной власти. Не былъ онъ и демократомъ, не былъ и народникомъ въ нашемъ нынѣшнемъ понятіи. Напротивъ, самое скромное и, повидимому, безобидное учрежденіе выборной должности городскихъ головъ его смѣшило, и онъ ни за что не хотѣлъ называть ихъ «головами», а называлъ иначе. Словомъ, Виш-

невскій, по короткому, но мѣткому опредѣленію простыхъ людей, былъ «*панъ*, якъ се належи—якъ жубръ изъ Бѣловѣжи», т. е. онъ былъ «баринъ», какъ слѣдуетъ, все равно, что зубръ изъ Гродненской пущи, который не чета обыкновеннымъ быкамъ, а всѣхъ ихъ отважнѣе и сильнѣе. И какъ панъ, онъ наблюдалъ свое полное достоинство и зналъ толкъ въ этомъ дѣлѣ. Не имѣя настоящаго образованія и не читавъ неизвѣстныхъ еще тогда политическихъ разсужденій, написанныхъ позже такими людьми какъ Токвиль, — онъ вѣрно понималъ космополитическія стремленія настоящаго аристократизма, свойственныя также и настоящему демократизму, ибо при обоихъ объединяющимъ стимуломъ является принципъ, оттѣсняющій въ сторону симпатіи національности. Вишневскій недолюбливалъ поляковъ, но чуть рѣчь заходила о какихъ-нибудь именитыхъ людяхъ «московськихъ», — онъ сейчасъ начиналъ строить ироническія гримасы и, улучивъ минуту, когда Степанида Васильевна не была въ комнатѣ, говорилъ:

— Ну, какая тамъ у нихъ именитость!—у всѣхъ у нихъ дѣды и бабки батогами биты.

Съ этой точки зрѣнія, Вишневскій превозвышалъ польскую знать и даже ливонскихъ бароновъ; но если бы съ ними у Россіи зашла война, онъ бы не утерпѣлъ и пошелъ бы ихъ «колотить» со всусердіемъ, ибо хотя онъ втайнѣ завидовалъ чистотѣ ихъ «родовитой крови», но терпѣть не могъ въ нихъ «собачьей брови», т. е. ихъ высокомѣрія и надменія, которыя ему были противны, такъ какъ онъ считалъ себя простымъ и прямодушнымъ.

Кто могъ бы разобраться во всемъ этомъ, что было наворочено подъ черепомъ у этого психопата? Но возникалъ случайно передъ нимъ какой-нибудь вопросъ или случай необыкновеннаго свойства, — и вся эта психопатическая «бусырь» куда-то исчезала и Степанъ Ивановичъ обнаруживалъ самую удивительную, тоже, пожалуй, психопатическую находчивость. Онъ дѣйствовалъ смѣло и разсчитанно въ обстоятельствахъ сложныхъ и опасныхъ и шутя выводилъ людей изъ затрудненій и большихъ бѣдъ, которыя угрожали тѣхъ задавить.

Одинъ изъ такихъ случаевъ разсказываютъ объ офицерахъ какого-то драгунскаго полка, квартировавшаго не то

въ Пирятинѣ (полтавской губерніи), не то въ Бѣжецкѣ (тверской губерніи).

Этотъ занимательный случай одни усвояютъ тверской области, а другіе Малороссіи, и что правѣе—судить трудно, да едва ли и стоитъ ломать надъ этимъ голову. Случай таковъ, что онъ съ одинаковою вѣроятностію могъ произойти въ любомъ городкѣ, но, судя по характерамъ двухъ упоминаемыхъ здѣсь «панычей», кажется, статочнѣе прилагать это къ нравамъ малороссійскаго подьячества.

Намъ, впрочемъ, дѣло не въ точномъ обозначеніи мѣста, а въ самой картинѣ событія и въ томъ участіи, которое принялъ въ немъ нашъ психопатическій герой.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ Пирятинѣ (примемъ за данное, что это было тамъ) стояли драгуны. Части полка были расположены и въ другихъ мѣстностяхъ. Полковой командиръ квартировалъ, можетъ-быть, въ Переяславѣ.

Разумѣется, на стоянкѣ въ крошечномъ городкѣ офицеры скучали отъ бездѣлья и развлекались, разъѣзжая въ гости къ помѣщикамъ. Когда же выдавалось нѣсколько дней домосѣдства, они кутили, играли въ карты и пили въ погребкѣ при лавкѣ какого-то мѣстнаго торговца виноградными винами. Торговецъ былъ еврей, любилъ обирать офицеровъ и разгулу ихъ потворствовалъ, но самъ ихъ боялся и, — для того ли, чтобы они хоть мало-мальски вели себя тише при возбужденіи, — онъ повѣсилъ въ томъ помѣщеніи, гдѣ пировали его гости, портретъ лица, которое, по его понятіямъ, могло напоминать посѣтителямъ его заведенія объ уваженіи къ законамъ благочинія. Можетъ-быть, это было умно, но повело къ исторіи.

Какъ-то, въ самую скучную лѣтнюю пору, въ городъ заѣхалъ жонглеръ и, ходя по городу, давалъ, гдѣ его принимали, свои незамысловатыя представленія, изъ коихъ одно пришлось очень по вкусу господамъ офицерамъ: артистъ сажалъ свою дочь на стулъ, плотно подвигая его спинкой къ стѣнѣ, и, доставъ изъ мѣшка нѣсколько кинжаловъ, металъ ихъ въ стѣну такъ, что они втыкались, обрамливая голову дѣвушки со всѣхъ сторонъ, но нигдѣ ее не задѣвая.

Такое твердое и ловкое упражненіе оружіемъ весьма за-

няло людей, знакомыхъ съ трудностію этихъ смѣлыхъ эволюцій кинжалами, и вотъ офицеры, собравшись однажды тамъ, гдѣ было имъ за обычай пить и закусывать кусочками сыра, наструганнаго наподобіе вывѣтрѣлыхъ остриженныхъ ногтей, стали говорить о метаніяхъ кинжала, и когда сдѣлались уже пьяны, то одному изъ нихъ пришло въ голову, что и онъ можетъ продѣлать то же самое.

Кинжаловъ при нихъ не было, но на столѣ находились вилки, которыя до извѣстной степени при этомъ опытѣ могли замѣнить кинжалы. Если ихъ и не такъ легко было бросать съ прицѣломъ, то все же таки онѣ втыкались въ стѣну.

Остановка была за человѣческимъ лицомъ, около котораго можно бы натыкать вилокъ. Изъ офицеровъ, разумѣется, ни одинъ не пожелалъ самъ подвергнуть себя этакому опыту. Надо было найти личность низшаго разряда, конечно, самое лучшее жида, — и разгулявшіеся офицеры отнеслись съ предложеніемъ такого рода къ прислуживавшимъ евреямъ, но тѣ, по трусости и жизнелюбію, не только не согласились сидѣть на такомъ сеансѣ, но даже покинули свои посты при торговлѣ и предоставили всю лавку во власть господъ офицеровъ, а сами разбѣжались и скрылись, хотя, конечно, не переставали наблюдать изъ скрытныхъ мѣстъ за тѣмъ, кто что будетъ брать и, вообще, что станетъ далѣе дѣлать шумливая компанія.

На этотъ грѣхъ случай поднесъ сюда двухъ молодыхъ приказныхъ, по мѣстному выраженію—«судовыхъ панычей», которые въ этотъ день, вѣроятно, стянули съ кого-нибудь «добраго хабара» (т. е. хорошую взятку) и пришли угостить себя въ погребкѣ холоднымъ донскимъ виномъ полыннаго привкуса.

Офицерамъ тотчасъ же пришла мысль пріурочить этихъ панычей для своего опыта, — для чего тѣмъ сначала было предложено вмѣстѣ выпить, а потомъ къ нимъ стали приставать, чтобы который-нибудь изъ нихъ посидѣлъ на сеансѣ.

Панычи оказались очень странными людьми, совершенно разнаго нрава, —одинъ какъ Гераклитъ, а другой какъ Демокритъ. Придя съ жару въ холодный погребокъ, они какъ выпили холоднаго вина, такъ ихъ и развезло, и потому, когда офицеры стали къ нимъ приставать, они вмѣсто того,

чтобы скорѣе уйти, не трогались съ мѣста. Считая себя на равной ногѣ, какъ аборигены, они начали проявлять свой характеръ. Одинъ на дѣлаемыя ему предложенія смѣялся и отпускалъ раздражавшія офицеровъ малороссійскія шуточки, а другой раскисъ и сталъ плакать. И хотя его уже никто не трогалъ, но онъ все продолжалъ кричать: «Не чепайте меня! Идите соби до біса! дайте мени святого покою!»

Оба эти панычи такъ надоѣли офицерамъ, что тѣ, наконецъ, поступили съ ними по-свойски, — т. е. похлопали ихъ и подбили подъ столъ и рѣшили держать тамъ, «какъ поросятъ», до тѣхъ поръ, пока окончится пирушка. Это было и удобно, и безопасно, ибо подъ столомъ панычей офицеры удерживали ногами, имѣя и рты и руки свободными, а между тѣмъ, черезъ обезпеченіе личности панычей устранялся скандалъ, который казался неизбѣжнымъ при мерзкомъ характерѣ, какой обнаруживали эти неуступчивые молодцы. Одинъ изъ нихъ непремѣнно бы сталъ на площади или на улицѣ визжать на весь городъ, а другой, чего добраго, могъ бы взлѣзть на заборъ или подойти къ окну и тутъ же черезъ окно дразниться.

Тогда пришлось бы за нимъ бѣгать, его доставать и ловить, — все это было бы скандально и непремѣнно бы собрало бы кучу бабъ и жиденятъ. Словомъ, вышло бы совсѣмъ неприлично офицерскому званію, — между тѣмъ какъ панычи, подбитые подъ столъ, сидѣли тамъ смирно и только жались, обнявшись другъ съ другомъ, на тѣсномъ пространствѣ, гдѣ ихъ тѣснили офицерскія ноги, въ сапогахъ со шпорами.

Все было прекрасно, но въ компанію замѣшался чортъ, и все дѣло испортилось: офицеры до того запьянѣли, что стали метать вилки въ портретъ, разсчитывая, что могутъ окружить его такъ же ловко, какъ жонглеръ окружалъ кинжалами голову живого человѣка. Но чортъ тутъ и былъ: какъ только первый офицеръ метнулъ вилку, бѣсъ толкнулъ его подъ локоть — и вилка попала въ самый глазъ портрета. Метнулъ другой офицеръ, а чортъ опять навелъ вилку по тому же направленію въ другой глазъ, и тогда въ опьянѣвшей компаніи развилось соревнованіе, — вилки полетѣли одна за другою и совсѣмъ изуродовали лицо портрета.

Въ пьяномъ загулѣ, перешедшемъ уже въ состояніе умственнаго омраченія, офицеры не придали этому событію никакого особеннаго значенія. Попортили картину—больше ничего. Не Богъ вѣсть какого она мастера,—не Рафаэлево произведеніе и огромныхъ суммъ стоить не можетъ. Призовутъ завтра жида-хозяина, спросятъ его, сколько картина стоила, хорошенько съ нимъ поторгуются и заплатятъ, — и на томъ квитъ всему дѣлу. Зато какъ было весело, сколько шутили и смѣялись при всякой неудачѣ бросить вилку такъ мѣтко, какъ бросалъ жонглеръ.

— Нѣтъ, онъ, шельма, лучше дѣлалъ. Намъ такъ не сдѣлать. И славу Богу, что никто живой не согласился передъ нами сидѣть, а то бы мы живому глаза повыкололи — тогда и не раздѣлаться.

Очень рады были добрые удальцы, что такъ хорошо дѣло кончилось одними смѣшками да шутками, и, поддерживая другъ друга, разбрелись по квартирамъ. Уходя, они совсѣмъ даже позабыли про судовыхъ панычей, которые притихли подъ столомъ и не подавали о себѣ ни слуху, ни духу.

А дѣло было совсѣмъ не такъ просто и совсѣмъ неблагополучно, какъ думали разошедшіеся на отдыхъ добрые ребята.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Какъ только офицеры разошлись и оставленная ими камора при еврейской лавкѣ опустѣла, «судовые панычи» вылѣзли изъ-подъ стола и, расправя окоченѣвшія отъ долгаго согбенія колѣни, оглядѣли вокругъ свою диспозицію... Все было тихо — ни въ каморѣ, ни въ лавкѣ ни души, а сквозь густое облако табачнаго дыма со стѣны едва былъ виденъ изуродованный портретъ съ выколотыми глазами и со множествомъ рваныхъ дырокъ въ другихъ мѣстахъ.

По счастью для однихъ и по несчастью для другихъ, панычи были много трезвѣе офицеровъ, потому что, когда тѣ довершали свое опьяненіе за столомъ, изъ-за котораго метали въ портретъ вилки, заключенные подъ столомъ Гераклитъ и Демокритъ значительно «прочуѣли»,—чему, можетъ-быть, сильно содѣйствовали и страхъ, и воздержаніе, и жажда мести, которая въ нихъ зажглась, и они придумали прекрасный планъ наказать своихъ обидчиковъ.

Панычи, недолго размышляя, сняли со стѣны израненный портретъ и, выбѣжавъ съ нимъ вмѣстѣ на крылечко лавки, закричали: «гвалтъ!»

— Люди добрые, сходытесь... Кто въ Бога вірує и старшихъ поважає, дывитесь... Ось якъ охвицеры такой персоны натретъ спонивадыли!

И сейчасъ на этотъ зовъ — ни вѣсть откуда, какъ изъ земли, выросли спрятавшіеся на время дебоша хозяева, прибѣжали съ торга бабы-перекупки, загалдѣли жиденята,— и пошла исторія.

Жидъ-хозяинъ, больше всѣхъ струсившій и всѣхъ болѣе недовольный скандаломъ, закрылъ себѣ большими пальцами глаза, какъ закрываетъ ихъ благословляющій раввинъ, и кричалъ:

— Я ничего небачывъ и теперь не бачу да и не знаю, кто сей войсковій панъ, ще тутъ писанъ... Дай Богъ ему, чтобъ все доброе, а только мени... мени теперь эта картына совсѣмъ не нужна... Я ее жертвую: берите ее себѣ кто хочетъ.

А Демокритъ возглашаетъ:

— Мы то знаемъ... яка се персона и протестуемось... Бачте, добри люди, — очей нема, повыколованы. Несемъ портретъ до городничаго.

И Демокритъ понесъ израненный портретъ по улицѣ къ городническому дому, а Гераклитъ его сопровождалъ и опять раскисъ на тепломъ солнышкѣ и плакалъ, и всѣ, кто за ними слѣдовалъ, указывали на него съ похвалою, говоря:

— Отъ се жъ дивитесь яке чувства маетъ!

А офицеры себѣ спятъ да спятъ и не чуютъ, что они опротестованы и что дѣло это имъ непремѣнно натворитъ хлопотъ, съ которыми не знать какъ и развязаться.

Но если грузенъ былъ ихъ хмельной сонъ, то не легко было и пробужденіе на слѣдующее утро.

Рано всѣхъ собутыльниковъ описанной попойки обѣжалъ вѣстовой отъ усатаго маіора или ротмистра, который командовалъ эскадрономъ и представлялъ своимъ лицомъ высшую полковую власть въ мѣстѣ расположенія.

Конечно, ротмистръ еще не Богъ вѣсть какое высокое начальство,—почти то же, что «свой братъ Исакій», и порою «вмѣстѣ пляшетъ»,—однако офицеры струхнули.

Главное лихо въ томъ было, что у нихъ еще головы трещали и они никакъ не могли вспомнить всего, что̀ вчера происходило въ каморѣ при жидовской лавкѣ... Что-то такое помнилось, что было будто крѣпко закручено, да только не все подъ рядъ вспомнить, а что-то обрывается и являются промежутки времени, когда будто даже и самаго времени не было... Помнится, что будто разогнали жидовъ, да вѣдь это совсѣмъ не важно и не разъ это случалось и при самомъ ротмистрѣ. Разогнать никого не бѣда, а особенно жидовъ, потому что это такой народъ, который самыми высшими судьбами обреченъ на «разсѣяніе». Жидъ насчитаетъ лишнее, положитъ за выпитое то, что и не было пито, и за то поврежденное и разбитое, что совсѣмъ не повреждалось: но они разсчитаются съ нимъ и опять будутъ жить ладно до новой исторіи. Жидъ самъ же имъ поставитъ первую выставку безъ денегъ «на мировую», а потомъ они заохотятся и поддержатъ коммерцію... Не можетъ быть, чтобы это онъ, жидъ, захотѣлъ съ ними ссориться и былъ причиною внезапнаго ранняго призыва ихъ къ старшему офицеру!.. Развѣ что-нибудь приказные... Кажется, будто тамъ были какіе-то два приказные... «судовые панычи»... Тоже кушанье неважное... мало ли ихъ вездѣ въ то время военные люди трепали!.. Да и чего они больше стоятъ — это крапивное сѣмя, взяточники?.. Развѣ вотъ только не обрубили бы которому-нибудь изъ нихъ носъ или уши!.. Вотъ это скверно, — отрубленнаго не приставишь... Но, — Богъ милостивъ, — сходили съ рукъ и не такія дѣла, — сойдетъ и это. Да и на что приказному носъ? — развѣ только чтобы табакъ нюхать да обсыпать имъ казенную бумагу... А хабаръ или взятка не жаркое, онъ ее и такъ, безъ носа почуетъ... Разумѣется, придется сложиться и заплатить, но въ складчину это не тяжело будетъ...

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ такихъ или приблизительно въ подобныхъ сему размышленіяхъ офицеры, мало унывая, потянулись къ квартирѣ своего старшаго товарища и вступили въ его просторную, но низенькую залу, въ малороссійскомъ домикѣ, смѣло; но тутъ сразу же замѣтили, что дѣло что-то очень неладно. Ротмистръ ихъ не встрѣчаетъ за панибрата — въ

полосатомъ капаусовомъ архалукѣ, съ трубкой въ зубахъ, а двери въ его кабинетъ заперты, — пока, значитъ, всѣ соберутся, тогда онъ и выйдетъ и заговоритъ ко всѣмъ разомъ...

Эта офиціальность не обѣщала ничего добраго, и сходящіеся офицеры переглядывались другъ съ другомъ и, понизивъ тонъ до полушопота, спрашивали одинъ у другого:

— Да что это такое?.. Что мы вчера надѣлали?

Одному кому-то на переходѣ по улицѣ удалось что-то услыхать про портретъ...

— Портретъ, портретъ... Что такое за портретъ?!

Никто не можетъ вспомнить.

А въ это время дверь вдругъ отворяется и изъ кабинета выходитъ ротмистръ, въ мундирѣ съ эполетами и усы оттопырены, и, не поздоровавшись, начинаетъ рѣчь словами, гораздо позднѣе вложенными Гоголемъ въ уста Сквозника-Дмухановскаго.

— Я пригласилъ васъ, господа, для того, чтобы сообщить вамъ препепріятное извѣстіе: на васъ подана жалоба по гражданскому начальству, и мнѣ сообщилъ о ней городничій; я долженъ васъ арестовать. Пожалуйте мнѣ ваши сабли и извольте сейчасъ чистосердечно объясниться: что вы такое вчера надѣлали въ лавкѣ?

Офицеры стали безропотно снимать сабли и подавать ихъ эскадронному, но насчетъ «чистосердечнаго объясненія» отвѣчали, что они и сами рады бы узнать, что такое именно они надѣлали, но не могутъ привести себѣ этого на память.

Ротмистръ еще принасупился и еще суровѣе произнесъ:

— Прошу не шутить! я съ вами говорю по службѣ, какъ старшій!

— Шутокъ и нѣтъ,—отвѣчалъ одинъ изъ обвиняемыхъ:— а ей-Богу мы не помнимъ.

— Припоминайте!

— День былъ жаркій... вошли невзначай... стали пить въ холодкѣ полынное... съ жидами за что-то поспорили... но худого умысла не имѣли... Тамъ даже были два приказные, и тѣ все могли видѣть...

— То-то и есть... два приказные! Въ нихъ-то и дѣло. Эти два приказные, дѣйствительно, могли все видѣть, и они и видѣли, а вотъ вы чѣмъ будете противъ нихъ оправдываться? Срамъ нашему званію!

— Да въ чемъ оправдываться?... Позвольте узнать, — проговорили офицеры.

— А вотъ въ чемъ вамъ надо оправдываться! — воскликнулъ ротмистръ и, вынувъ изъ кармана сложенный вчетверо листъ бумаги, сталъ читать обязательно сообщенную ему городничимъ копію съ извѣта судовыхъ панычей, гдѣ писано, какъ господа офицеры повреждали портретъ метаніемъ вилокъ, несмотря на то, что они, случившіеся на мѣстѣ преступленія судовые панычи, «имѣя въ сердцахъ своихъ страхъ Божій и любовь ко Всевышнему», во все это время стояли на колѣняхъ и до того даже, что растерзали на тѣхъ мѣстахъ объ полъ имѣвшіяся на нихъ въ ту пору единственныя шаровары и по той причинѣ теперь лишены возможности ходить на исправленіе обязанностей службы. А потому они противъ всего оказаннаго офицерами безчинства по долгу своему протестуютъ, а за панталонное поврежденіе просятъ взыскать съ виновныхъ, особенно въ пользу каждаго, по двадцати рублей ассигнаціей.

Дочиталъ это ротмистръ и, свистнувъ вѣстовому, велѣлъ подать изъ своей спальни портретъ, на которомъ офицеры воочію могли увидѣть слѣды своего вчерашняго времяпровожденія, и остолбенѣли...

А ротмистръ межъ тѣмъ снялъ съ себя мундиръ и, оставшись въ одномъ военномъ галстукѣ, сѣлъ на столъ и, заложивъ руки за вышитыя гарусныя подтяжки, заговорилъ другимъ голосомъ:

— Дѣло, господа, плохое. Это имѣетъ предрянной характеръ, потому что тутъ чортъ знаетъ что̀ такое присечинятъ... Какая-то ничтожная приказъ, дрянь, канцелярскіе съ приписью подьячіе и противъ офицеровъ... Я съ вами обошелся какъ старшій, а теперь говорю какъ товарищъ... Этого такъ предоставить своему обыкновенному теченію невозможно, а надо предупредить быстротою и чистосердечною военною откровенностію, какъ прилично благороднымъ людямъ... Поможетъ это или нѣтъ, но надо дѣйствовать откровенно и честно. Прошу садиться, закуривайте трубки и давайте думать. А мое мнѣніе такое: грѣхъ воровать, да нельзя миновать. Надо тѣмъ пользоваться, что почта въ Переяславъ вчера ушла и теперь опять только черезъ три дня пойдетъ. Это ваше счастье. Я отобралъ у васъ сабли, и вы выберите поскорѣе изъ

себя двухъ, и пусть они скачутъ къ полковнику и разскажутъ ему все по совѣсти. Онъ съ губернаторомъ хорошо знакомъ и помочь можетъ.

Лучше этого плана не могли и придумать, и черезъ часъ два офицера уже скакали изъ Пирятина въ Переяславъ, а на дорогѣ у нихъ Фарбованая; съ неба послѣ жары и духоты ударилъ громъ и полилъ ливень, и въ потокахъ воды, какъ пузырь, выскакиваетъ передъ офицерами изъ хлѣбовъ хохолъ въ видлогѣ.

— Що за люди съ дзвономъ и чого треба?

Отвѣчаютъ:

— Мы офицеры, ѣдемъ по своему дѣлу.

— А якъ по своему ділу, то вертайте до нашего пана Вишневскаго.

Офицеры было не хотѣли, но хохолъ ихъ убѣдилъ, что:

— Се вже такички... такая поведенцыя.

Заѣхали, чтобы переждать дождикъ и грозу, а Степанъ Ивановичъ встрѣчаетъ ихъ радушно, — сейчасъ напоилъ, накормилъ и спрашиваетъ:

— Что вы, господа, волей-неволей или своею охотою дальше рветесь въ такую погоду?

Офицеры отвѣчаютъ по-сказочному, — что ѣдутъ они и волей, и неволей, и своею охотою.

— А именно?.. Можетъ-быть, я пособить вамъ могу, что и ѣхать не надо будетъ.

Тѣ вздохнули и говорятъ:

— Нѣтъ, у насъ такое трудное дѣло, что развѣ только полковникъ губернатора упросить можетъ.

— Ну, однако — что такое губернаторъ? Я вѣдь не изъ пустого любопытства спрашиваю.

Офицеры разсказали.

Вишневскій поводилъ себя растопыренными пальцами по темени, чихнулъ и говоритъ:

— Это совсѣмъ не губернаторское дѣло, и вамъ въ Переяславъ ѣхать не зачѣмъ. Никто вамъ не поможетъ, если не дать дѣлу правильнаго оборота.

— А какъ ему дать правильный оборотъ?

— Ну, это мнѣ надо еще почихать.

И Степанъ Ивановичъ опять поводилъ себѣ пальцами по темени, чихнулъ и говоритъ:

— Да, вижу я, что всѣ вы хоть москали и надо бы

вамъ насъ учить, а вы дѣло не хорошо поставили и можете его совсѣмъ испортить, если поѣдете къ старшимъ. Вы вашею откровенностію себѣ не поможете и начальство затрудните, а вотъ я васъ до завтраго у себя арестовываю и имѣю право арестовать, потому что вы мнѣ сами сознались, что сбѣжали, да при васъ и вашихъ сабель нѣтъ. Прошу пожаловать во флигель, — тамъ вамъ готовы всѣ услуги, и спите крѣпко, а завтра утромъ все ваше дѣло приметъ такое правильное направленіе, какъ слѣдуетъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Офицеры, поговоривъ, подумали: что же, до утра подождать бѣда не велика,—и подчинились своеобычному хозяину. Они ушли во флигель, а фарбованскій панъ крикнулъ гайдука Прокопа, велѣлъ ему сѣсть въ бричку и скакать въ Пирятинъ, гдѣ найти такихъ-то двухъ судовыхъ панычей и во что бы ни стало привезти имъ къ утру въ Фарбованую.

Гайдукъ поскакалъ, разыскалъ панычей и говоритъ:

— Мій панъ Вишневьскій нездужае. Такъ ему прикоротіло, що ажъ не знаю, чи вінъ до вечера додышитъ. Схонывся, колысь теперечки отказну духовну писать и приславъ меня до васъ просити, щобъ сейчасъ увзяли съ собою каломарь и паперу и іхалы со мною, въ свидѣтеляхъ подписаться. Вамъ за се добрый хабаръ буде.

Панычи знали, что Вишневскій *никогда не болѣлъ*, а такіе если заболятъ, то къ смерти.

Они подумали: «Вѣрно онъ помретъ, то и мы себѣ что-нибудь въ духовной припишемъ. Онъ больной не расчухаетъ».

Такъ они съ радостію скоро собрались и поѣхали и какъ Степанъ Ивановичъ только проснулся, — они уже у него на крыльцѣ стоятъ.

Степанъ Ивановичъ сдѣлалъ для этихъ гостей маленькую отмѣну въ пріемномъ этикетѣ. Въ домъ онъ ихъ, разумѣется, тоже не впустилъ, но велѣлъ вынесть на свой лицостроронъ маленькій столикъ и на двухъ панычей одинъ стулъ, — только съ тѣмъ, чтобы они не смѣли на него садиться.

Затѣмъ онъ вышелъ къ нимъ въ картузѣ съ большимъ козырькомъ и повелъ политику.

— Васъ, говоритъ, — мой гайдукъ надулъ, будто я помираю. Это еще, хлопци, Богъ дастъ, не скоро будетъ, и я до тѣхъ поръ привезу для своей духовной другихъ свидѣтелей, васъ поисправнѣе. А я привезъ васъ сюда для вашего блага...

Тѣ смотрятъ.

— Что вы тамъ, анаѳемы, позавчера у жида въ каморѣ надѣлали? А?

Паныч выразили удивленіе.

— Помилуйте... Кто это вамъ наговорилъ?.. Мы ничего, а это офицеры...

— Да, да, — я все знаю. Потому мнѣ васъ и жаль, что вы, дурни, вздумали свою вину на офицеровъ взваливать, какъ будто это вамъ поможетъ... Вы-бъ таки одно то вздумали, что офицеровъ шесть человѣкъ свидѣтельствуютъ, что вы портретъ повредили, а васъ противъ нихъ всего только двое... Кто же вамъ повѣритъ?

— Позвольте... да мы...

— Нечего, нечего пустяки говорить, — перебиваетъ Вишневскій. — Я все знаю, — мнѣ все извѣстно. Вы тамъ задумали доносъ писать, и когда еще вашъ тотъ доносъ пойдетъ, — а ужъ офицеры поскакали и въ Переяславъ, и въ Полтаву, и въ Кіевъ. Хвала Божья, що я ихъ перехвативъ да у себя зарештовавъ... Ихъ шесть человѣкъ и всѣ видѣли, какъ вы вилки кидали...

— Позвольте... да когда же мы кидали?

— Нечего, нечего! — не даетъ слова Вишневскій: — васъ двое, а ихъ шесть, и вамъ не выкрутиться. Притомъ они васъ знатнѣе... они благородные дворяне, а вы что такое? — яки-сь крученые паныч, шидкрапивники...

— Да мы въ правдѣ...

— Цыцъ! что такое за правда съ москалями! Ихъ шесть, а васъ двое... Кто-жъ вамъ повѣритъ? И развѣ вы не знаете, что у насъ и все большое начальство тоже московское. Да еще и забісовьски жиды навѣрно за сильнѣйшаго потягнутъ — скажутъ, что видѣли, какъ вы кололи.

— Смилуйтесь, пане, — вѣдь жиды-жъ шельмы!

— Да кто-жъ вамъ говоритъ, что они не шельмы, а только они на васъ покажутъ... Вотъ потому-то мнѣ васъ и жаль, что вы въ такую біду попали, ажъ просвіту нэма.

Подьячіе, понимая толкъ въ формахъ судопроизводства, видятъ, что, чортъ возьми — дѣло-то вѣдь въ самомъ дѣлѣ плохо и не только нѣтъ никакого преферанса на ихъ сторонѣ, а даже, пожалуй, какъ пить дадутъ — всю вину на нихъ взвалятъ.

— Ихъ вѣдь шестеро... а насъ двое... А!

— Да... А еще жиды, можетъ-быть...

— Что же дѣлать?

— Что намъ, ваша милость, дѣлать?

— А я вотъ что научу васъ сдѣлать. Садись-ка одинъ изъ васъ и пиши, что я говорить буду.

Началось писаніе, а Степанъ Ивановичъ диктуетъ:

«Бувъ малосмысленны отъ природы и отъ обращенія въ хабарной бідности помрачени совістью»...

Пишущій пріостановился... но Вишневскій его подогналъ:

— Пиши, пиши! Это такъ надо.

«Помрачени совістью... мы такой-то и такой судовые копіисты, придя въ камору при жидовской лавкѣ, упилися до безумія нашего и, зачавъ за хабара спориться, стали другъ въ друга метать вилками, и какъ були весьма пьяны, то попали неосторожностью въ портретъ»...

Пишущій опять остановилъ руку, но Степанъ Ивановичъ пощупалъ его за затылокъ, и тотъ сейчасъ же сталъ продолжать и написалъ до конца цѣлый актъ своего сознанія въ невольной винѣ и потомъ въ томъ, что «по опасенію своему они рѣшились было возвести свою вину на офицеровъ, уповая, что тѣмъ, какъ людямъ войсковымъ, ничего не будетъ. Но нынѣ, чувствуя свое согрѣшеніе и помышляя часъ смертный, они въ томъ каются и просятъ у офицеровъ прощенія и *недонесенія*. А за провинность свою, въ пьяномъ видѣ сдѣланную, сами упросили пана Вишневскаго родительски наказать ихъ у него въ селѣ Фарбованой по возможности розгами, послѣ чего Вишневскій будетъ, въ случаѣ надобности, просить, чтобы дѣло не начиналось».

— Да за що жъ... ваша милость, за що жъ насъ же и битимуть?

— Это только такъ пишется!

Они подписались, и Вишневскій подписалъ, и позвалъ офицеровъ.

— И вы, говоритъ,—господа, подпишите, что согласны ихъ простить отъ своего общества и ужъ, пожалуйста, по-военному — будьте великодушны, ни до кого этого дѣла... не доводите. Я вѣдь межъ васъ порукою.

И тѣ подписали.

— Вотъ такъ чисто,—сказалъ Степанъ Ивановичъ, кладя въ карманъ бумагу, — а теперь,—добавилъ онъ, обращаясь къ людямъ,—сведите этихъ панычей на конюшню и велите ихъ тамъ добре выпороть.

— Помилуйте, — что такое...

— А то що такое? — это же такъ... якъ писано есть! Що жъ вы уже писанію хотите противиться! Эге! добры панычи. Выпорите ихъ, хлопци!

И выпороли.

Этихъ панычей послѣ, говорятъ, будто долго спрашивали:

— Що якъ имъ трапилось: якъ вони въ Фарбованой фарбовались?

А къ Степану Ивановичу въ Фарбованую пріѣзжалъ командиръ и хоть словами не говорилъ, но всѣмъ выражалъ ему свою признательность за такое находчивое и «правильное направленіе дѣла».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Самъ въ собственныхъ своихъ дѣлахъ Степанъ Ивановичъ былъ предусмотрителенъ и поддавался ошибочнымъ увлеченіямъ только тогда, когда его отуманивала любовная страсть. И высшее въ этомъ родѣ безумство овладѣло имъ по одному случаю, бывшему именно съ тою тонкой и стройной Ганкой Петруненко, у ногъ которой мы его оставили на коврѣ.

Во время любви Вишневскаго къ этой дѣвушкѣ, въ церкви села Фарбованой былъ священникъ, котораго называютъ Платономъ. Онъ имѣлъ будто довольно общую русскимъ людямъ слабость, что трезвый «на все добре мовчалъ», а выпивши — любилъ говорить и даже «правду-матку різать».

На другой день, послѣ того, какъ Вишневскій всталъ съ ковра, онъ радостно объявилъ утромъ Степанидѣ Васильевнѣ важную новость.

Ганка ощутила въ себѣ біеніе новой жизни.

И то, что отъ нея родится, ужъ не будетъ моимъ крѣпакомъ, а будетъ вольнымъ,—сказалъ Вишневскій.

Степанида Васильевна встала и поцѣловала мужа въ голову.

Это былъ рѣдкій даръ любви со стороны Степана Ивановича, потому что все великое множество его дѣтей были писаны за нимъ «душами» и благополучно исправляли панщину на его поляхъ.

И Гапочка была веселенькая.

А черезъ часъ она пошла себѣ рвать малину, и тогда къ садовой оградѣ подошелъ въ правдивомъ настроеніи отецъ Платонъ. Онъ увидалъ дѣвушку и заговорилъ съ ней пастырскимъ тономъ:

— Що, дивчинка — весела?.. Веселись, веселись, — ішь малынку сладѐньку... а якъ родышь дытынку маленьку, такъ тоди тобѣ буде по потылицѣ...

— Зачѣмъ такъ? — оглянулась на него въ бокъ Гапка, вдругъ внезапно сконфуженная и огорченная... потому что, — какъ это ни странно, — Вишневскаго любили многія женщины, дѣлавшіяся сначала его любовницами противъ своей воли. И Гапка чувствовала то же самое и спросила: зачѣмъ ей непремѣнно надлежитъ быть прогнанной, какъ только она родитъ дытыну.

— А затѣмъ, — отвѣчалъ батюшка: — що на панскомъ дворѣ не держатъ коровку по второму теленку.

Только всей и причины было со стороны отца Платона, а Гапочка была впечатлительна, особенно въ новомъ, чуткомъ состояніи своего организма, и стала горько плакать: но, какъ скрытная малороссіянка, она ни за что не хотѣла сказать о чемъ плачетъ. Степанъ Ивановичъ самъ о всемъ довѣдался: люди видѣли, какъ священникъ говорилъ съ Гапкою, и донесли пану, а тотъ сейчасъ потребовалъ своего духовнаго отца къ себѣ на исповѣдь и говоритъ ему:

— Что такое ты насказалъ Гапци?

Священникъ не могъ рѣшиться сказать, что онъ говорилъ дѣвушкѣ, и говоритъ:

— Не помню.

Вишневскій взбѣсился и заоралъ:

— Ага!.. я теперь тебя знаю: это ты самъ до нея матавься... Ты думалъ, що вона мене на тебя зміняе?

— Что вы, что вы, ваша милость...

— Нечего «моя милость». Моя милость только тѣмъ тебя помилуетъ, что, какъ духовный сынъ твой, я бить тебя не велю, а пускай тебя уберутъ, якъ слідъ, и проведутъ по селу, щобъ бачили, якій ты паскудникъ...

Несчастнаго взяли, раздѣли, всунули его въ рогожный куль, изъ котораго была выставлена въ прорѣзъ одна голова, и въ волосы ему насыпали пуху и въ такомъ видѣ провели по всему селу.

Священникъ ѣздилъ, жаловался, просилъ перевода и получилъ его, безъ всякихъ, впрочемъ, неудобныхъ для Степана Ивановича послѣдствій.

Отмщеніе ему воздалъ самъ обиженный священникъ, но отмщеніе смѣшное и очень позднее. Оно открылось черезъ много лѣтъ, когда Степанъ Ивановичъ задумалъ выдавать замужъ одну изъ своихъ дочерей. Тогда потребовалась выписка изъ метрическихъ книгъ, и тамъ неожиданно нашли глупую и совершенно безсмысленную запись по подчищенному, что такого-то Степана Ивановича и *законной* жены его родилась *незаконная* дочь такая-то...

Это было безсмысленно и серьезнаго вреда Степану Ивановичу причинить не могло, но это его ужасно сконфузило. Какъ, съ нимъ и осмѣлились отшутить такую шутку!.. И кто же? — попъ! И притомъ — онъ останется неотомщеннымъ... потому что отецъ Платонъ раньше этого волею Божіею умеръ.

Иначе, разумѣется, Степанъ Ивановичъ нашелъ бы его и въ чужомъ приходѣ...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Таковы были дикіе поступки этого оригинала, которые теперь, въ наше порицаемое время, были бы невозможны, или ихъ навѣрное нынче зачли бы за психопатію. Но у Винневскаго отдавали психопатизмомъ и самые его вкусы и ощущенія. Онъ, напримѣръ, не чувствовалъ красотъ природы, но любилъ только ночь и грозовые эффекты, а въ мірѣ животныхъ любилъ только голубя и лошадей. Голуби ему нравились потому, что они «цѣлуются», а лошади потому, что въ нихъ есть удаль, быстрота и голосъ... Да, да, да.— ему чрезвычайно нравился лошадиный голосъ, т. е. ржаніе.

Для доставленія себѣ удовольствія въ первомъ родѣ,

Степанъ Ивановичъ содержалъ передъ своими окнами большую голубятню и часто по цѣлымъ часамъ любовался, «якъ вони цілуются». И Степаниду Васильевну призывалъ къ этому зрѣлищу.

— Смотри,—цѣлуются.

И смотрятъ, бывало, оба—долго-долго и навѣрно съ хорошими мыслями.

Для конскаго ржанья Степанъ Ивановичъ всегда ѣздилъ на жеребцахъ, и оставался совершенно равнодушенъ къ тому, если они производили безпорядокъ въ какомъ-нибудь съѣздѣ экипажей. Но и этого ему мало было: гдѣ бы онъ ни заслышалъ конское ржаніе—на ѣздѣ ли это или изъ дома, онъ сейчасъ же останавливался, поднималъ передъ собою палецъ и замиралъ... Навѣрно ни одинъ меломанъ не слушалъ такъ страстно ни Кальцоляри, ни Тамберлика, ни Патти.

Любимѣйшее зрѣлище Вишневскаго было хорошій конскій табунъ, гдѣ гуляетъ мощный и красивый жеребецъ. Даже издали заслышавъ его ржаніе, Степанъ Ивановичъ останавливался, и лицо его принимало выраженіе полнаго удовольствія... Казалось, глаза его, не стѣсняясь пространствомъ, видѣли, какъ конь, напрягши хребетъ и втягивая и ноздрями и оскаломъ воздухъ, несется и пышетъ страстью...

— Слышишь, Степанида Васильевна?

— Да, мой другъ, слышу.

И счастливая всѣмъ на свѣтѣ, что только доставляло удовольствіе ея мужу, она и здѣсь выражала счастіе... И Степанъ Ивановичъ это цѣнилъ.

Ему было шестьдесятъ лѣтъ, когда Степанида Васильевна скончалась и онъ ее оплакалъ горячими слезами, а потомъ, несмотря на свой преклонный уже возрастъ, довольно скоро вступилъ во второй бракъ съ восемнадцатилѣтнею красивою малороссійскою дѣвушкою по фамиліи Гордіенко. И снова съ этою своею супругою тоже былъ счастливъ, но... Степаниду Васильевну помнилъ... Второй его молодой супругѣ, при многихъ ея достоинствахъ, недоставало той, такъ сказать, *вхожести* во всѣ его слабости и маніи... Ей Степанъ Ивановичъ не указывалъ на цѣлующихся голубковъ и не хотѣлъ ее спрашивать, слышитъ ли она, какъ звенитъ и разрывается трелями, а потомъ сходитъ на октаву источнымъ голосомъ заливающійся султанъ табуна...

Вишневскій попробовалъ-было обратить на это вниманіе своей новой жены, но она оказалась безчувственна,—она даже не встала и не улыбнулась, а только холодно проговорила:

— Да, слышу, это гдѣ-то лошадь заржала! — и затѣмъ опять спокойно принялась за свою работу...

Не такъ должна была относиться къ такимъ страстнымъ вещамъ женщина съ живою фантазіею!..

Степанъ Ивановичъ понялъ, что его новой женѣ недостаетъ того, что имѣла прежняя, и не втягивалъ ее болѣе въ циклъ понятій, которыя были ей недоступны.

Въ минуты душевнаго подъема онъ только вздыхалъ и искалъ глазами портрета Степаниды Васильевны и ей улыбался...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Со второю своею супругою Вишневскій прожилъ еще около двадцати лѣтъ, наслаждаясь никогда не измѣнявшимъ ему здоровьемъ, и скончался, начавъ девятый десятокъ. Всѣхъ лѣтъ жизни его было восемьдесятъ два года. Немощей старости или медленнаго, но постояннаго умиранія, онъ тоже не испытывалъ, а когда пришелъ къ нему его часъ, онъ сразу отпалъ, какъ отпадаетъ отъ стебля мягко созрѣвшая малина.

Утромъ, въ одинъ изъ дней своего восемьдесятъ третьяго года,—весною, когда въ Малороссіи цвѣтетъ роскошно сирень, Степанъ Ивановичъ объѣзжалъ никому не поддававшуюся ногайскую кобылицу.

При участіи своей необычайной силы и при необычайной своей тяжести, онъ уходилъ до изнеможенія дикую кобылицу и, сойдя съ сѣдла, отдалъ ея поводья конюхамъ, а самъ взошелъ на балконъ и вдругъ остановился...

Вишневскому показалось, что у него какъ будто «отряслось сердце»... Скакалъ - скакалъ, трясся - трясся—и оно отряслось... Такъ совсѣмъ безъ боли, безъ поврежденія какъ будто упала дозрѣвшая ягода... Мѣсто его стало пусто... и все вдругъ стало сдвигаться, какъ часовыя гири, у которыхъ бечева сошла съ колеса.

Вишневскій сѣлъ скорѣй въ кресло и хотѣлъ что-то сказать, но языкъ его завялъ въ устахъ... Все такъ хорошо, кругомъ цвѣтъ и благоуханіе... Онъ все видитъ, слышитъ и понимаетъ... Вотъ конюхи, облегчивъ подпругу, «разво-

дятъ» подъ тѣнью стѣны потную кобылицу... Она отдыхаетъ, встряхнулась и легкія частицы покрывавшей ее бѣлой пѣны пронеслись въ воздухѣ. За стѣною конюшни раздался ударъ о помостъ двухъ крѣпкихъ переднихъ копытъ и разлилось могучее и звонкое съ фаготнымъ трескомъ: и-го-го-го!..

Степанъ Ивановичъ повелъ глазами направо и налѣво... Онъ искалъ портрета Степаниды Васильевны, но остановилъ ихъ на кустѣ цвѣтущей сирени и улыбнулся...

Надо думать, что онъ увидалъ тамъ самоё Степаниду Васильевну съ ея продолговатымъ обличьемъ типа Шубинскихъ, и... упалъ со стула къ ея ногамъ—мертвый. Въ жизни иной они оба другъ друга, вѣроятно, узнали.

Оглавленіе

XIX ТОМА.

стр.

Святочные разсказы: (Продолженіе).

Старый геній 3
Путешествіе съ нигилистомъ 12
Маленькая ошибка. Секретъ одной московской фамиліи . 20
Пугало 28
Фигура 79

Разсказы кстати:

Совмѣстители 105
Старинные психопаты 138

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

ИНТЕРЕСНЫЕ МУЖЧИНЫ.

«Нѣтъ ничего увлекательнѣе порыва горячаго чувства».

Берсье.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ дружественномъ мнѣ домѣ съ нетерпѣніемъ ожидали полученія февральской книги московскаго журнала «Мысль». Нетерпѣніе это понятно, потому что долженъ былъ появиться новый разсказъ графа Льва Николаевича Толстого.—Я заходилъ къ моимъ друзьямъ почаще, чтобы встрѣтить ожидаемое произведеніе нашего великаго художника и прочитать его вмѣстѣ съ добрыми людьми за ихъ круглымъ столомъ и у ихъ тихой, домашней лампы. Подобно мнѣ, заходили и другіе изъ короткихъ друзей — все съ одною и тою же самою цѣлью. И вотъ желанная книжка пришла, но разсказа Толстого въ ней не было: маленькій розовый билетикъ объяснялъ, что разсказъ не можетъ быть напечатанъ. Всѣ огорчились и всякъ это выразилъ соотвѣтственно своему характеру и темпераменту: кто молча надулся и насупился, кто заговорилъ въ раздражительномъ тонѣ, иные проводили параллели между воспоминаемымъ прошедшимъ, переживаемымъ настоящимъ и воображаемымъ будущимъ. А я въ это время молча перелистывалъ книгу и пробѣгалъ напечатанный тутъ новый очеркъ Глѣба Ивановича Успенскаго,—одного изъ немногихъ литературныхъ собратій нашихъ, который не разрываетъ связей съ жизненной правдою, не лжетъ и не притворствуетъ ради угодничества такъ-называемымъ направленіямъ. Отъ этого бе-

сѣдовать съ нимъ всегда пріятно и очень нерѣдко—даже полезно.

На этотъ разъ г. Успенскій писалъ о своей встрѣчѣ и разговорѣ съ пожилою дамою, которая припоминала передъ нимъ недавнее прошлое и замѣчала, что тогда мужчины были *интереснѣе*. Съ виду они были очень форменны, ходили въ узкихъ мундирахъ, а между тѣмъ имѣли много одушевленія, сердечнаго жара, благородства и занимательности,—словомъ, того, что̀ дѣлаетъ человѣка *интереснымъ* и черезъ что онъ нравится. Нынче, по замѣчанію дамы, этого стало меньше, да порою и совсѣмъ не встрѣчается. По профессіямъ мужчины теперь стали свободнѣе и одѣваются какъ хотятъ и разныя большія идеи имѣютъ, а при всемъ томъ они стереотипны, они скучны и неинтересны.

Замѣчанія пожилой дамы мнѣ показались очень вѣрными, и я предложилъ оставить тщетныя кручины о томъ, чего читать не можемъ, и прочесть то, что предлагаетъ г. Успенскій. Предложеніе мое было принято, и разсказъ г. Успенскаго всѣмъ показался справедливымъ. Пошли воспоминанія и сравненія. Нашлось нѣсколько человѣкъ, знавшихъ лично недавно скончавшагося грузнаго генерала Ростислава Андреевича Ѳадеева; стали припоминать, сколько необыкновеннаго, живого интереса умѣлъ онъ являть своею особою, которая съ виду была такъ мѣшковата и ничего будто не обѣщала. Вспомнили, какъ онъ даже подъ старость легко бывало овладѣвалъ вниманіемъ самыхъ умныхъ и милыхъ женщинъ, и ни одному изъ молодыхъ и цвѣтущихъ здоровьемъ щеголей никогда не удавалось взять передъ нимъ первенство.

— Эко вы вещь какую указали!—отозвался на мои слова собесѣдникъ, который былъ всѣхъ въ компаніи постарше и отличался наблюдательностію.—Велико ли дѣло такому умному человѣку, какъ былъ покойный Ѳадеевъ, заполонить себѣ вниманіе *умной* женщины! Умнымъ женщинамъ, батюшка, жутко. Ихъ, во-первыхъ, на свѣтѣ очень немного, а во-вторыхъ—какъ онѣ больше другихъ понимаютъ, то онѣ больше и страдаютъ, и рады встрѣчѣ съ настоящимъ умнымъ человѣкомъ. Тутъ simile similі curatur или gaudet—не знаю, какъ лучше сказать: «подобное подобному радуется». Нѣтъ, и вы, и дама, съ которою бесѣдовалъ

нашъ пріятный писатель, берете очень свысока: вы выставляете людей отличныхъ дарованій, а по-моему болѣе замѣчательно, что и гораздо пониже, въ сферахъ самыхъ обыкновенныхъ, гдѣ, кажется, ничего особеннаго ожидать было невозможно, являлись живыя и привлекательныя личности, или, какъ ихъ называли, «интересные мужчинки». И дамы, ими занятыя, тоже были не изъ такихъ избранницъ, которыя способны «преклоняться» передъ умомъ и талантомъ, а тоже, бывало, и такія, въ своемъ родѣ, особы средней руки — очень бывали нѣжны и чувствительны. Какъ въ глубокихъ водахъ была въ нихъ своя скрытая теплота. Вотъ эти-то средніе люди, по-моему, еще чуднѣе, чѣмъ тѣ, которые подходили къ типу лермонтовскихъ героевъ, въ которыхъ, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нельзя же было не влюбляться.

— А вы знаете какой-нибудь примѣръ такого рода интересныхъ среднихъ людей съ скрытою теплотою глубокихъ водъ?

— Да, знаю.

— Такъ вотъ и разсказывайте, и пусть это будетъ намъ хоть какимъ-нибудь возмѣщеніемъ за то, что мы лишены удовольствія читать Толстого.

— Ну, «возмѣщеніемъ» мой разсказъ не будетъ, а для времяпровожденія я вамъ разскажу одну старую исторійку изъ самаго невеликаго армейско-дворянскаго быта.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Я служилъ въ кавалеріи. Стояли мы въ Т. губерніи, расположившись по разнымъ деревнямъ, но полковой командиръ и штабъ, разумѣется, находились въ губернскомъ городѣ. Городокъ и тогда былъ веселый, чистенькій, просторный и съ учрежденіями,—былъ въ немъ театръ, клубъ дворянскій и большая, довольно нелѣпая, впрочемъ, гостиница, которую мы завоевали и взяли въ свое владѣніе почти бо̀льшую половину ея номеровъ. Одни нанимали офицеры, которые имѣли постоянное пребываніе въ городѣ, а другіе номера содержались для временно прибывающихъ изъ деревенскихъ стоянокъ, и эти никому изъ постороннихъ людей не передавались, а такъ и шли все «подъ офицеровъ». Одни съѣзжаютъ, а другіе на ихъ мѣсто пріѣзжаютъ,—такъ и назывались «офицерскими».

Времяпровожденіе было, разумѣется,—картежъ и поклоненіе Бахусу, а также и богинѣ радостей сердечныхъ.

Игра велась порою очень большая,—особенно зимою и во время выборовъ. Играли не въ клубѣ, а у себя въ «номерахъ»—чтобы свободнѣе, безъ сюртуковъ и нараспашку,—и зачастую проводили за этимъ занятіемъ дни и ночи. Пустѣе и безчиннѣе время, кажется, и проводить нельзя было, и отсюда вы сами вѣрно можете заключить, что̀ мы за народъ были о ту пору и какими главнымъ образомъ мы одушевлялись идеями. Читали мало, писали еще того менѣе,—и то развѣ послѣ сильнаго проигрыша, когда нужно было обмануть родителей и выпросить у нихъ денегъ сверхъ положенія. Словомъ—хорошему среди насъ поучиться было нечему. Проигрывались то между собою, то съ пріѣзжими помѣщиками—людьми такого же серьезнаго настроенія, какъ мы сами, а въ антрактахъ пили да приказныхъ били, увозили да назадъ привозили купчихъ и актерокъ.

Общество самое пустое и забубенное, въ которомъ молодые спѣшили равняться со старшими и всѣ равно не представляли въ своихъ особахъ ничего умнаго и достойнаго уваженія.

Объ отмѣнной чести и благородствѣ тоже ни разговоровъ, ни рацей никогда не было. Ходили всѣ по формѣ и вели себя по заведенному обыкновенію,—тонули въ оргіяхъ и въ охлажденіи души и сердца ко всему нѣжному, высокому и серьезному. А между тѣмъ *скрытая теплота*, присущая глубокимъ водамъ, была и оказалась на нашемъ мелководьѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Командиръ полка былъ у насъ довольно уже пожилой,—очень честный и бравый воинъ, но человѣкъ суровый и, какъ говорилось въ то время,—«безъ пріятностей для нѣжнаго пола». Ему было лѣтъ пятьдесятъ съ чѣмъ-нибудь. Онъ былъ уже два раза женатъ, въ Т. опять овдовѣлъ и снова задумалъ жениться на молоденькой барышнѣ, происходившей изъ мѣстнаго небогатаго помѣщичьяго круга. Звали ее Анна Николаевна. Имя этакое незначительное, и подъ кадриль тому все въ ней было такое же совершенно незначительное. Средняго роста, средней полноты, ни хо-

роша, ни дурна, бѣлокуренькіе волосики, голубые глазки, губки аленькія, зубки бѣленькіе, круглолица, бѣлолица, на румяныхъ щечкахъ по ямочкѣ,—словомъ, особа невдохновительная, а именно что называется—«стариковское утѣшеніе».

Познакомился съ нею нашъ командиръ въ собраніи черезъ ея брата, который служилъ у насъ же корнетомъ, и черезъ него же сдѣлалъ ея родителямъ и предложеніе.

Просто это дѣлалось,—по-товарищески. Пригласилъ офицера къ себѣ въ кабинетъ и говоритъ:

— Послушайте—на меня ваша достойная сестра произвела самое пріятное впечатлѣніе, но вы знаете—въ мои года и при моемъ положеніи мнѣ получить отказъ будетъ очень непріятно, а мы съ вами какъ солдаты—люди свои, и я вашей откровенностію, какова бы она ни была, нимало не обижусь... Въ случаѣ—если хорошо, то хорошо, а если пожелаютъ мнѣ отказать, то Боже меня сохрани отъ мысли, чтобы я сталъ имѣть къ вамъ черезъ то какую-нибудь личность, но вы узнайте...

Тотъ такъ же просто отвѣчаетъ:

— Извольте—узнаю.

— Очень благодаренъ.

— Могу ли, говоритъ,—я для этой надобности отлучиться отъ своей части домой на три или четыре дня?

— Сдѣлай милость,—хоть на недѣлю.

— И не позволите ли, говоритъ,—поѣхать со мною и моему двоюродному брату?

Братъ двоюродный у него былъ почти такой же, какъ онъ, молоденькій, розовый юноша, котораго всѣ за его юность и дѣвственную свѣжесть такъ и называли «Саша-розанъ». Особеннаго описанія ни одинъ изъ этихъ молодыхъ людей не заслуживаетъ, потому что ни въ одномъ изъ нихъ ничего замѣчательнаго и выдающагося не было.

Командиръ замѣчаетъ корнету:

— Для чего же вамъ нуженъ вашъ двоюродный братъ при такомъ семейномъ вопросѣ?

А тотъ отвѣчаетъ, что именно при семейномъ-то вопросѣ онъ и нуженъ.

— Я, говоритъ,—съ отцомъ и съ матерью долженъ буду разговаривать, а онъ въ это время займется съ сестрою и отвлечетъ ея вниманіе, пока я улажу дѣло съ родителями.

Командиръ отвѣчаетъ:

— Что же, въ такомъ разѣ поѣзжайте оба съ вашимъ двоюроднымъ братомъ,—я его увольняю.

Корнеты поѣхали, и миссія ихъ вышла вполнѣ благоуспѣшна. Черезъ нѣсколько дней родной братъ возвращается и говоритъ командиру:

— Если вамъ угодно, можете моимъ родителямъ написать или сдѣлать ваше предложеніе словесно,—отказа не будетъ.

— Ну, а какъ, спрашиваетъ,—сама ваша сестра?

— И сестра, отвѣчаетъ,—согласна.

— Но какъ она... то-есть... рада этому или не рада?

— Ничего-съ.

— Ну, однако... по крайней мѣрѣ—довольна она или больше недовольна.

— По правдѣ доложить, она ничего почти не обнаруживала. Говоритъ: «какъ вамъ, папаша и мамаша, угодно—я вамъ повинуюсь».

— Ну да, это прекрасно, что она такъ говоритъ и повинуется, но вѣдь по лицу, въ глазахъ, безъ словъ дѣвушку можно замѣтить, какое у нея выраженіе.

Офицеръ извиняется, что онъ, какъ братъ, къ лицу своей сестры очень привыкъ и за выраженіемъ ея глазъ не слѣдилъ, такъ что ничего на этотъ счетъ опредѣленнаго сказать не можетъ.

— Ну, а двоюродный вашъ братъ могъ замѣтить,—вы могли съ нимъ объ этомъ говорить на обратномъ пути?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ,—мы объ этомъ не говорили, потому что я спѣшилъ исполнить ваше порученіе и вернулся одинъ, а его оставилъ у своихъ, и вотъ имѣю честь представить отъ него рапортъ о болѣзни, такъ какъ онъ захворалъ и мы послали дать знать его отцу и матери.

— А-а! А что же съ нимъ такое сдѣлалось?

— Внезапный обморокъ и головокруженіе.

— Вонъ какая дѣвичья немочь. Хорошо-съ. Я васъ очень благодарю и такъ какъ теперь мы почти какъ родные, то прошу васъ—останьтесь, пожалуйста, со мной вдвоемъ пообѣдать.

И за обѣдомъ все нѣтъ-нѣтъ, да его о кузенѣ и спроситъ—что онъ и какъ въ ихъ домѣ принятъ, и опять—при какихъ обстоятельствахъ съ нимъ сдѣлался обморокъ.

А самъ все молодого человѣка виномъ поитъ, и очень его подпоилъ, такъ что тотъ, если бы имѣлъ въ чемъ проговориться, то навѣрно бы проговорился; но ничего такого, къ счастію, не было, и командиръ скоро на Аннѣ Николаевнѣ женился, мы всѣ на свадьбѣ были и медъ-вино пили, а оба корнета—родной братъ и кузенъ были даже у невѣсты шаферами, и ничего не было замѣтно ни за кѣмъ—ни сучка, ни занозочки. Молодые люди попрежнему кутили, а новая наша полковница скоро начала авантажнѣть въ турнюрѣ, и особыя желанія у нея являлись во вкусѣ. Командиръ этимъ радовался, мы всѣ, кто чѣмъ могъ, старались споспѣшествовать ея капризцамъ, а молодые люди—ея братъ съ кузеномъ въ особенности. Бывало, то за тѣмъ, то за другимъ такъ тройки въ Москву и скачутъ, чтобы доставить ей что-либо желанное. И вкусы у нея, помню, все сказывались не избранные, все къ вещамъ простымъ, но которыхъ не всегда отыщешь: то султанскаго финика ей захочется, то орѣховой халвы греческой,—словомъ, все простое и дѣтское, какъ и сама она глядѣла дѣтёнкомъ. Наконецъ, насталъ и часъ воли Божіей, а ихъ супружеской радости, и изъ Москвы привезли для Анны Николаевны акушерку. Какъ сейчасъ помню, что пріѣхала эта дама въ городъ во время звона къ вечернѣ, и мы еще посмѣялись: «вотъ, молъ, фараонскую бабу со звономъ встрѣчаютъ! Что-то за радость черезъ нее будетъ?» И ждемъ этого, точно это въ самомъ дѣлѣ какое-нибудь общее полковое дѣло. А тѣмъ временемъ является неожиданное происшествіе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Если вы читали у Бретъ-Гарта, какъ какіе-то малопутящіе люди въ американской пустынѣ были со скуки заинтересованы рожденіемъ ребенка совершенно постороннею имъ женщиною, то вы не станете удивляться, что мы, офицеры, кутилы и тоже безпутники, всѣ внимательно занялись тѣмъ, что Богъ даруетъ дитя нашей молоденькой полковницѣ. Вдругъ это почему-то получило въ нашихъ глазахъ такое общественное значеніе, что мы даже распорядились отпировать появленіе на свѣтъ новорожденнаго и съ этою цѣлью заказали своему трактирщику приготовить усиленный запасъ шипучаго, а сами—чтобы не заскучать—

сѣли подъ вечерній звонъ «рѣзаться», или, какъ тогда говорилось, «трудиться для пользъ императорскаго воспитательнаго дома».

Повторяю, что это было у насъ и занятіе, и обыкновеніе, и работа, и самое лучшее средство, которое мы знали для того, чтобы преодолѣвать свое скучаніе. И нынче это производилось точно такъ же, какъ и всегда: заначалили бдѣніе старшіе, ротмистры и штабъ-ротмистры съ пробивающеюся сѣдиною на вискахъ и усахъ. Они сѣли именно какъ разъ, когда въ городѣ звонили къ вечернѣ и горожане, низко раскланиваясь другъ съ другомъ, тянулись въ церкви исповѣдываться, такъ какъ описываемое мною событіе происходило въ пятницу на шестой недѣлѣ Великаго поста.

Ротмистры посмотрѣли на этихъ добрыхъ христіанъ, поглядѣли и вслѣдъ акушеркѣ, а потомъ съ солдатскою простотою пожелали всѣмъ имъ удачи и счастія, какое кому надобится, и, спустивъ въ большомъ номерѣ оконныя шторы изъ зеленаго коленкора, зажгли канделябры и пошли метать «направо, налѣво».

Молодежь же еще сдѣлала нѣсколько концовъ по улицамъ и, проходя мимо купеческихъ домовъ, перемигнулась съ купеческими дочками, а потомъ, при сгустившихся сумеркахъ, тоже явилась къ канделябрамъ.

Я отлично помню этотъ вечеръ, какъ онъ стоялъ и по ту, и по другую сторону опущенныхъ шторъ. На дворѣ было превосходно. Свѣтлый, мартовскій день сгасъ румянымъ закатомъ и все оттаявшее на угрѣвѣ опять подкрѣпилось,—стало свѣжо, а въ воздухѣ все-таки повѣвало весеннимъ запахомъ и сверху слышались жаворонки. Церкви были полуосвѣщены, и изъ нихъ тихо выходили поодиночкѣ сложившіе свои грѣхи исповѣдники. Тихо, поодиночкѣ же брели они, ни съ кѣмъ не говоря, по домамъ и исчезали, храня глубокое молчаніе. На всѣхъ на нихъ была одна забота, чтобы ничѣмъ себя не развлечь и не лишиться водворившихся въ ихъ душахъ мира и безмятежности.

Тишина разомъ скоро стала во всемъ городѣ,—и безъ того, впрочемъ, нешумномъ. Запирались ворота, за заборами послышалось дерганіе собачьихъ цѣпей по веревкамъ; заперлись маленькіе трактиры, и только у занимаемой нами

гостиницы вертѣлись два «живейные» извозчика, поджидавшіе, что они намъ на что-нибудь понадобятся.

Въ эту пору вдалекѣ, по подмерзшему накату большой улицы застучали большія дорожныя троечныя сани, и къ гостиницѣ подъѣхалъ незнакомый рослый господинъ въ медвѣжьей шубѣ съ длинными рукавами и спросилъ: «есть номеръ?»

Это случилось какъ разъ въ то время, какъ я и еще двое изъ молодыхъ офицеровъ подходили къ подъѣзду гостиницы послѣ обхода дозоромъ окошекъ, въ которыхъ имѣли обыкновеніе показываться намъ недоступныя купеческія барышни.

Мы слышали, какъ пріѣзжій спросилъ себѣ номеръ и какъ вышедшій къ нему старшій коридорный Марко назвалъ его «Августомъ Матвѣичемъ», поздравилъ его съ счастливымъ возвращеніемъ, а потомъ отвѣчалъ на его вопросъ:

— Не смѣю, сударь Августъ Матвѣичъ, солгать вашей милости, что номера нѣтъ. Номерокъ есть-съ, но только я опасаюсь—останетесь ли вы имъ, сударь, довольны?

— А что такое?—спросилъ пріѣзжій:—нечистый воздухъ или клопы?

— Никакъ нѣтъ,—нечистоты, изволите знать, мы не держимъ, а только у насъ очень много офицеровъ стоятъ...

— Что же—шумятъ, что ли?

— Н... н... да-съ, знаете—холостежь,—ходятъ, свищутъ... Чтобы вы послѣ не гнѣвались и неудовольствія на насъ бы не положили, потому какъ мы ихъ вѣдь утихомирить не можемъ.

— Ну вотъ—еще бы вы смѣли сами офицеровъ усмирять! Послѣ этого на что бы уже и на свѣтѣ жить... Но, я думаю, съ усталости переночевать можно.

— Оно точно можно, но только я хотѣлъ, чтобы впередъ это вашей милости объяснить, а то, разумѣется, можно-съ. Затѣмъ позволите брать чемоданъ и подушки?

— Бери, братецъ, бери. Я отъ самой Москвы не останавливался и такъ спать хочу, что никакого шума не боюсь—мнѣ никто не помѣшаетъ.

Лакей повелъ помѣщать гостя, а мы прослѣдовали въ главный номеръ—эскадроннаго ротмистра, гдѣ шла игра, въ которой теперь принимала участіе уже вся наша компанія, кромѣ полковницына кузена Саши, который жало-

вался на какое-то нездоровье, не хотѣлъ ни пить, ни играть, а все прохаживался по коридору.

Родной братъ полковницы ходилъ съ нами на купеческое обозрѣніе и съ нами же присоединился и къ игрѣ, а Саша только вошелъ въ игорный номеръ и сейчасъ же опять вышелъ и опять сталъ прохаживаться.

Страненъ онъ былъ какъ-то, такъ что даже пришлось обратить на него вниманіе. На видъ онъ казался, въ самомъ дѣлѣ, какъ будто просто не въ своей тарелкѣ—не то боленъ, не то грустенъ, не то разстроенъ, а станешь въ него всматриваться—будто и ничего. Только сдавалось, будто онъ мысленно отъ всего окружающаго отошелъ и занятъ чѣмъ-то далекимъ и для всѣхъ насъ постороннимъ. Всѣ мы слегка надъ нимъ подтрунили, что, молъ, «ты не акушеркою ли заинтересовался», а впрочемъ никакого особеннаго значенія его поведенію не придали. Въ самомъ дѣлѣ—онъ былъ еще очень молодой человѣкъ и въ настоящее офицерское питье «изъ девяти элементовъ» еще какъ слѣдуетъ не втравился. Вѣроятно ослабѣлъ отъ бывшихъ передъ тѣмъ трудовъ и притихъ. Притомъ же въ комнатѣ, гдѣ играли, было, по обыкновенію, сильно накурено и голова могла разболѣться; да могло быть, что и финансы у Саши были въ безпорядкѣ, потому что онъ въ послѣднее время азартно игралъ и часто бывалъ въ значительномъ проигрышѣ, а онъ былъ мальчикъ съ правилами и стыдился часто безпокоить родителей.

Словомъ—мы оставили этого молодого человѣка бродить тихими шагами по суконному половику, застилавшему коридоръ, а сами рѣзались, пили и закусывали, спорили и шумѣли, и совсѣмъ позабыли и о теченіи ночныхъ часовъ, и о торжественномъ событіи, которое ожидалось въ командирскомъ семействѣ. А чтобы забвеніе это вышло еще гуще,—около часа за полночь всѣ мы были развлечены однимъ неожиданнымъ обстоятельствомъ, которое подвелъ намъ тотъ самый незнакомый пріѣзжій, котораго мы встрѣтили, какъ я вамъ сказалъ, выходящимъ изъ дорожныхъ саней на ночлегъ въ нашу гостиницу.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Во второмъ часу ночи въ комнату, гдѣ мы играли, явился старшій коридорный Марко и, помявшись, доложилъ, что

пріѣзжій «княжескій главноуправитель», остановившійся въ такомъ-то номерѣ, прислалъ его къ намъ извиниться и доложить, что онъ не спитъ и скучаетъ, а потому проситъ—не позволятъ ли ему господа офицеры придти и принять участіе въ игрѣ?

— Да ты знаешь ли этого господина?—спросилъ старшій изъ нашихъ офицеровъ.

— Помилуйте, какъ же не знать Августа Матвѣича? Ихъ здѣсь всѣ знаютъ,—да они и по всей Россіи, гдѣ только есть княжьи имѣнія, всѣмъ извѣстны. Августъ Матвѣичъ самую главную довѣренность имѣетъ на всѣ княжескія дѣла и вотчины и близко сорока тысячъ въ годъ одного жалованья беретъ. (Тогда еще считали на ассигнаціи).

— Полякъ онъ, что ли?

— Изъ поляковъ-съ, только баринъ отличный и самъ въ военной службѣ служилъ.

Слугу, который намъ докладывалъ, всѣ мы считали за человѣка добропорядочнаго и намъ преданнаго. Очень смышленый былъ и набожный—все ходилъ къ заутренѣ и на колоколъ въ свой приходъ въ деревню собиралъ. А Марко видитъ, что мы заинтересовались, и поддерживаетъ интересъ.

— Августъ Матвѣичъ теперь, говоритъ,—изъ Москвы ѣдетъ, какъ слухъ былъ—два имѣнія княжескія въ совѣтъ заложивши, и должно быть съ деньгами—желаютъ поразсѣяться.

Наши переглянулись, перешепнулись и рѣшили:

— Что же намъ все свои-то лобанчики изъ кошелька въ кошелекъ перелобанивать. Пусть придетъ свѣжій человѣкъ и освѣжитъ насъ новымъ элементомъ.

— Что же, говоримъ,—пожалуй, но только ты намъ отвѣчаешь: есть ли у него деньги?

— Помилуйте! Августъ Матвѣичъ никогда безъ денегъ не бываютъ.

— А если такъ, то пусть идетъ и деньги несетъ,—мы очень рады. Такъ, господа?—обратился ко всѣмъ старшій ротмистръ.

Всѣ отвѣчали согласіемъ.

— Ну и прекрасно,—скажи, Марко, что просимъ пожаловать.

— Слушаю-съ.

— Только того... про всякій случай намекни, или прямо скажи, что мы хоть и товарищи, но даже между собою непремѣнно на наличныя деньги играемъ. Никакихъ счетовъ, ни расписокъ—ни за что.

— Слушаю-съ,—да это не безпокойтесь. У него во всѣхъ мѣстахъ деньги.

— Ну и проси.

Черезъ самое малое время, сколько надо было человѣку не франту одѣться, растворяется дверь, и въ наше облако дыма входитъ очень приличный на видъ, высокій, статный, пожилыхъ лѣтъ незнакомецъ, — въ штатскомъ платьѣ, но манера держаться военная и даже, можно сказать, этакая... гвардейская, какъ тогда было въ модѣ,—то-есть смѣло и самоувѣренно, но съ лѣнивой граціей равнодушнаго пресыщенія. Лицо красивое съ чертами, строго размѣщенными, какъ на металлическомъ циферблатѣ длинныхъ англійскихъ часовъ Грагама. Стрѣлка въ стрѣлку такъ весь многосложный механизмъ и ходитъ.

И самъ-то онъ какъ часы длинный и говоритъ онъ — какъ Грагамовъ бой отчеканиваетъ.

— Прошу, начинаетъ, — господа, извиненія, что позволилъ себѣ напроситься въ вашу дружескую компанію. Я такой-то (назвалъ свое имя), спѣшу изъ Москвы домой, но усталъ и захотѣлъ здѣсь отдохнуть, а межъ тѣмъ услыхалъ вашъ говоръ—и «покой бѣжитъ отъ глазъ». Какъ старый боевой конь, я рванулся и приношу вамъ искреннюю благодарность за то, что вы меня принимаете.

Ему отвѣчаютъ:

— Сдѣлайте милость! сдѣлайте милость! Мы люди простые и ѣдимъ пряники неписанные. Мы всѣ здѣсь товарищи и держимъ себя безъ всякихъ церемоній.

— Простота,— отвѣчаетъ онъ:—всего лучше, ее любитъ Богъ и въ ней поэзія жизни. Я самъ служилъ въ военной службѣ и хотя по семейнымъ дѣламъ вынужденъ былъ ее оставить, при самомъ счастливомъ ходѣ, но военныя привычки во мнѣ остались, и я врагъ всѣхъ церемоній. Но вы, я вижу, господа, въ сюртукахъ, а здѣсь жарко?

— Да, признаться, мы только сейчасъ надѣли сами сюртуки для встрѣчи незнакомаго человѣка.

— Ай, какъ не стыдно! А я этого-то и боялся. Но если

уже вы были такъ любезны, что меня приняли, то вы на первомъ шагу нашего знакомства ничѣмъ не можете мнѣ сдѣлать такого истиннаго удовольствія, какъ если освободите себя и останетесь снова, какъ было до моего прихода.

Офицеры позволили склонить себя къ этому и остались въ однихъ жилетахъ,—причемъ потребовали точно такого же дезабилье и отъ незнакомца. Августъ Матвѣичъ охотно сбросилъ съ себя ловко и солидно сшитую венгерку съ голубою шелковою подкладкою въ рукавахъ и не отказался выпить «для знакомства со всѣми» рюмку водки.

Всѣ по рюмкѣ выпили и закусили и при этомъ случаѣ вспомнили о «кузенѣ» Сашѣ, который все еще продолжалъ свою прогулку по коридору.

— Позвольте, говорятъ,—здѣсь нѣтъ одного изъ нашихъ. Позвать его сюда!

А Августъ Матвѣичъ и говоритъ:

— Вы вѣрно не досчитываетесь этого интереснаго молодого корнета, который тамъ ходитъ въ милой задумчивости по коридору?

— Да, его. Позовите его сюда, господа!

— Да онъ не идетъ.

— Что за пустяки такіе!.. Премилый молодой товарищъ и уже хорошо повелъ курсъ наукъ по питью и игрѣ и вдругъ что-то сегодня измѣнилъ и осовѣлъ. Возьмите его сюда, господа, силою.

Этому запротиворѣчили, и послышалось нѣсколько замѣчаній, что, быть-можетъ, Саша въ самомъ дѣлѣ боленъ.

— Какой чортъ,—я головою отвѣчаю, что онъ просто усталъ или хандритъ съ непривычки отъ большого проигрыша.

— А корнетъ много проигралъ?

— Да,—въ послѣднее время ему ужасно не везло, онъ былъ постоянно какъ-то внѣ себя и постоянно проигрывалъ.

— Скажите, пожалуйста,—это бываетъ; но у него такой видъ, какъ будто онъ не столько несчастливъ въ картахъ, какъ несчастливъ въ любви.

— А вы его видѣли?

— Да; и притомъ я въ него всмотрѣлся совершенно случайно. Онъ такъ задумчивъ и потерянъ, что зашелъ ошибкою въ мой номеръ вмѣсто своего и, не видя меня

на постели, направился было прямо къ комоду и сталъ что-то искать. Я даже подумалъ, не лунатикъ ли онъ, и позвалъ Марка.

— Что за удивленіе!

— Да, и когда Маркъ спросилъ его, что ему угодно,— онъ точно не скоро понялъ, въ чемъ дѣло, а потомъ, бѣдняжка, очень сконфузился... Я вспомнилъ старые годы и подумалъ: вѣрно тутъ зазноба сердечная!

— Ну, ужъ и зазноба. Пройдетъ это все. Вы, господа, въ Польшѣ слишкомъ много значенія придаете этимъ сентиментамъ, а мы, москали, народъ грубый.

— Да, но видъ этого молодого человѣка не говоритъ о грубости: онъ, напротивъ, нѣженъ и показался мнѣ встревоженнымъ или безпокойнымъ.

— Онъ просто усталъ, и надъ нимъ, по нашей философіи, надо употребить насиліе. Господа, выйдите вы кто-нибудь двое и введите сюда Сашу, пусть онъ оправдается противъ подозрѣній въ безнадежной любви!

Два офицера вышли и вернулись съ Сашей, на молодомъ лицѣ котораго блуждали, поборая другъ друга, усталость, конфузъ и улыбка.

Онъ говорилъ, что ему дѣйствительно нездоровится, но что болѣе всего его смущаетъ то, что съ него безпрестанно требуютъ отчета. Когда же ему пошутили, что «даже незнакомецъ» замѣтилъ въ немъ «страданье сердца отъ амура», Саша вдругъ вспыхнулъ и взглянулъ на нашего гостя съ невыразимою ненавистью, а потомъ сердито и рѣзко оторвалъ:

— Это вздоръ!

Онъ просилъ позволенія уйти къ себѣ въ номеръ и лечь спать, но ему напомнили, что сегодня ожидается важное событіе, которое всѣ желаютъ вмѣстѣ привѣтствовать, и потому оставить компанію непозволительно. При напоминаніи объ ожидаемомъ «событіи», Саша опять поблѣднѣлъ.

Ему сказали:

— Уйти нельзя, но выпей свою очередную рюмку водки, и если не хочешь играть, то сними сюртукъ и ложись здѣсь на диванѣ. Когда тамъ закричитъ дитя,— мы услышимъ и тебя разбудимъ.

Саша повиновался, но не вполнѣ: рюмку водки онъ выпилъ, но сюртука не снялъ и не легъ, а сѣлъ въ тѣни у

окна, гдѣ отъ дурно вставленной рамы ходилъ холодокъ, и сталъ смотрѣть на улицу.

Ждалъ ли онъ кого и высматривалъ, или такъ просто его безпокоило что-то внутреннее—не могу вамъ сказать; но онъ все глядѣлъ, какъ мерцаетъ огонекъ въ фонарѣ, которымъ качалъ и скрипѣлъ вѣтеръ, и то откинется въ глубь кресла, то точно хочетъ сорваться и убѣжать.

Нашъ незнакомецъ, съ которымъ я сидѣлъ рядомъ, замѣчалъ, что я наблюдаю за Сашей, и самъ наблюдалъ его. Я это долженъ былъ видѣть по его взглядамъ и по тому, что онъ сказалъ мнѣ, а онъ сказалъ мнѣ вполголоса слѣдующія дрянныя слова, которыхъ я не могу позабыть во всю жизнь:

— Вы дружны съ этимъ вашимъ товарищемъ?

При этомъ онъ метнулъ глазами въ сторону опустившагося Саши.

— Ну, разумѣется, — отвѣчалъ я съ легкимъ задоромъ молодости, усмотрѣвшей въ такомъ вопросѣ неумѣстную фамильярность.

Августъ Матвѣичъ замѣтилъ это и тихо пожалъ подъ столомъ мою руку. Я посмотрѣлъ на его солидное и красивое лицо, и опять, по какой-то странной ассоціаціи идей, мнѣ пришли на память никогда себѣ не измѣняющіе англійскіе часы въ длинномъ футлярѣ съ грагамовскимъ ходомъ. Каждая стрѣлка ползетъ по своему назначенію и отмѣчаетъ часы, дни, минуты и секунды, лунное теченіе и «звѣздныя зодіи», а все тотъ же холодный и безучастный «фронъ»: указать они могутъ все, отмѣтятъ все — и останутся сами собою.

Примиривъ меня съ собою ласковымъ рукопожатіемъ, Августъ Матвѣичъ продолжалъ:

— Не сердитесь на меня, молодой человѣкъ. Повѣрьте, я не хочу сказать о вашемъ товарищѣ ничего дурного, но я не мало жилъ, и его положеніе мнѣ что-то внушаетъ.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Оно мнѣ кажется какимъ-то... какъ вамъ это сказать... феральнымъ: оно глубоко меня трогаетъ и безпокоитъ.

— Даже уже и безпокоитъ?

— Да, именно—безпокоитъ.

— Ну, смѣю васъ увѣрить, что это совершенно напрас-

ное безпокойство. Я хорошо знаю всѣ обстоятельства этого моего товарища и ручаюсь вамъ, что въ нихъ нѣтъ ничего, что̀ могло бы смутить или оборвать теченіе его жизни.

— *Оборвать!* — повторилъ онъ за мною: — c'est le mot! Вотъ именно слово... «оборвать теченіе жизни»!

Меня непріятно покоробило. Зачѣмъ это я самъ именно такъ выразился, что далъ поводъ незнакомцу ухватиться за мое выраженіе?

Августъ Матвѣичъ мнѣ вдругъ началъ ненравиться, и я сталъ съ недоброжелательствомъ смотрѣть на его точный грагамовскій циферблатъ. Что-то гармоничное и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то давящее и неотразимое. Идетъ, идетъ — и проиграютъ куранты, и опять идетъ далѣе. И все на немъ какое-то отмѣнное... Вонъ рукава его рубашки, которая несравненно тоньше и бѣлѣе всѣхъ нашихъ, а подъ нею красная шелковая фуфайка какъ кровь сверкаетъ изъ-подъ бѣлыхъ манжетъ. Точно онъ снялъ съ себя свою живую кожу да чѣмъ-то только обернулся. А на рукѣ у него женскій золотой браслетъ, который то поднимается къ кисти, то снова упадетъ и спрячется внизъ за рукавъ. На немъ явно читается польскими буквами исполненное русское женское имя «Olga».

Мнѣ почему-то досадно за эту «Ольгу». Кто она и что она ему такое—родная или любовница,—мнѣ все равно досадно.

Чего, зачѣмъ и почему? Не знаю. Такъ,—одна изъ тысячи глупостей, нивѣсть откуда приходящихъ затѣмъ, чтобы «смутить смыслъ смертнаго».

Но я вспоминаю, что мнѣ надо отдѣлаться отъ своего слова «*оборвать*», которому онъ придалъ вовсе нежеланное значеніе, и говорю:

— Я жалѣю, что я такъ выразился,—но сказанное мною слово не можетъ имѣть никакого двойного значенія. Мой товарищъ молодъ, имѣетъ состояніе, онъ одинъ сынъ у родителей и всѣми любимъ...

— Да, да, но тѣмъ не менѣе... онъ не хорошъ.

— Я васъ не понимаю.

— Вѣдь онъ смертенъ?

— Разумѣется, какъ вы и я,—какъ цѣлый свѣтъ.

— Совершенно справедливо, но только людей цѣлаго свѣта я не вижу, а ни на мнѣ, ни на васъ нѣтъ этихъ роковыхъ знаковъ, какъ на немъ.

— Какихъ «роковыхъ знаковъ»? О чемъ вы говорите?

Я очень неумѣстно разсмѣялся.

— Зачѣмъ же вы смѣетесь надъ этимъ?

— Да, извините, говорю,—я сознаю невѣжливость моего смѣха, но вы представьте мое положеніе: мы съ вами глядимъ на одно и то же лицо, и вы мнѣ разсказываете, будто видите на немъ что-то необыкновенное, тогда какъ я рѣшительно ничего не вижу, кромѣ того, что всегда видѣлъ.

— Всегда? Этого не можетъ быть.

— Я васъ увѣряю.

— Гиппократовы черты!

— Въ этомъ ничего не понимаю.

— Какъ не понимаете? Есть такой agent psychique.

— Не понимаю, — сказалъ я, чувствуя, что это слово наволокло на меня какой-то глупый страхъ.

— Agent psychique, или Гиппократовы черты—это непостижимыя, роковыя, странныя обозначенія, которыя давно извѣстны. Эти неуловимыя черты появляются на лицахъ людей только въ роковыя минуты ихъ жизни, только наканунѣ того, когда предстоитъ свершить «великій шагъ въ страну, откуда путникъ къ намъ еще не возвращался»... Эти черты превосходно умѣютъ наблюдать шотландцы и индусы Голубыхъ горъ.

— Вы были въ Шотландіи?

— Да,—я въ Англіи учился сельскому хозяйству и путешествовалъ по Индостану.

— И что же—вы говорите, что видите извѣстныя вамъ проклятыя черты теперь на добромъ Сашѣ?

— Да; если этотъ молодой человѣкъ сейчасъ называется Саша, то я думаю, что онъ скоро получитъ *другое* имя.

Я почувствовалъ, что меня прошелъ насквозь какой-то ужасъ, и несказанно обрадовался, что въ это самое время къ намъ подошелъ одинъ изъ нашихъ офицеровъ, сильно подгулявшій, и спросилъ меня:

— Что ты—о чемъ съ этимъ бариномъ ссоришься?

Я отвѣчалъ, что мы вовсе не ссоримся, но что у насъ шелъ вотъ какой странный и смутившій меня разговоръ.

Офицеръ, малый простой и рѣшительный, посмотрѣлъ на Сашу и сказалъ:

— Онъ, въ самомъ дѣлѣ, какой-то скверный!—Но вслѣдъ за тѣмъ обратился къ Августу Матвѣичу и сурово спросилъ:

— А вы что же—френологъ или предсказатель?

Тотъ отвѣчалъ:

— Я не френологъ и не предсказатель.

— А такъ—чортъ знаетъ что?

— Ну, и это тоже нѣтъ, — я не «чортъ знаетъ что»,— отвѣчалъ тотъ спокойно.

— Такъ что же вы: стало-быть, колдунъ?

— И не колдунъ.

— А кто же?

— *Мистикъ.*

— Ага! вы *мистикъ*!.. это значитъ—вы любите поиграть въ вистикъ. Знаю, знаю, видали мы такихъ, — протянулъ офицеръ и, будучи безъ того уже порядкомъ пьянъ, снова отправился еще повреждать себя водкою.

Августъ Матвѣичъ посмотрѣлъ на него не то съ сожалѣніемъ, не то съ презрѣніемъ. Обозначательныя стрѣлки на его циферблатѣ передвинулись; онъ всталъ, отошелъ къ играющимъ, декламируя себѣ подъ носъ изъ Красинскаго:

Ja Boga nie chcę, ja nieba nie czuję,
Ja w niebo nie pójdę...

Мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ не по себѣ, точно я бесѣдовалъ съ самимъ паномъ Твардовскимъ, и я захотѣлъ себя пріободрить. Я еще далѣе отошелъ отъ карточнаго стола къ закусочному, и позамѣшкался съ пріятелемъ, изъяснявшимъ по-своему слово «мистикъ», а когда меня черезъ нѣкій часъ волною снова подвинуло туда, гдѣ играли въ карты, то я засталъ уже талію въ рукахъ Августа Матвѣича.

У него были огромныя записи выигрышей и проигрышей, и на всѣхъ лицахъ по отношенію къ нему читалось какое-то нерасположеніе, выражавшееся даже отчасти и задорными замѣчаніями, которыя ежеминутно угрожали еще болѣе обостриться и, можетъ-быть, сдѣлаться причиною серьезныхъ непріятностей.

Безъ непріятностей какъ-то дѣло не представлялось ни на минуту,—словно на то было будто какое-то, какъ мужички говорятъ, «придѣленіе».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Когда я подошелъ къ игравшимъ, кто-то изъ нашихъ замѣтилъ, напримѣръ, Августу Матвѣичу, что браслетъ,

прыгавшій вверхъ и внизъ на его рукѣ, мѣшаетъ ему свободно метать талію. И тутъ же добавилъ:

— Вы бы, можетъ-быть, лучше сняли съ себя это женственное украшеніе.

Но Августъ Матвѣичъ и на этотъ разъ выдержалъ спокойствіе и отвѣчалъ:

— Да, снять бы лучше, это такъ, но я не могу воспользоваться вашимъ добрымъ совѣтомъ: эта вещь наглухо заклепана на моей рукѣ.

— Вотъ фантазія—изображать изъ себя невольника!

— А почему бы и нѣтъ? — иногда очень хорошо чувствовать себя невольникомъ.

— Ага! и поляки это, наконецъ, признали!

— Какъ же, — что́ до меня, то я съ самыхъ первыхъ дней, когда мнѣ стали доступны понятія о добрѣ, истинѣ и красотѣ, призналъ, что они достойны господствовать надъ чувствами и волей человѣка.

— Но въ комъ бываютъ совмѣщены всѣ эти идеалы?

— Конечно, въ лучшемъ твореніи Бога—въ женщинѣ.

— Которую зовутъ Ольгою,—пошутилъ кто-то, прочитавъ имя на браслетѣ.

— Да,—вы угадали: имя моей жены Ольга. Не правда ли, какое это прекрасное русское имя, и какъ отрадно думать, что русскіе хоть его не заняли у грековъ, а нашли въ своемъ родномъ обиходѣ.

— Вы женаты на русской?

— Я вдовъ. Счастье, какого я былъ удостоенъ, было такъ полно и велико, что не могло быть продолжительно, но я о сю пору счастливъ воспоминаніемъ о русской женщинѣ, которая находила себя со мною счастливою.

Офицеры переглянулись. Отвѣтъ показался имъ немножко колкимъ и куда-то направленнымъ.

— Чортъ его возьми! — проговорилъ кто-то: — не хочетъ ли этотъ заѣзжій сказать, что господа поляки особенно милы и вѣжливы и что наши женщины безъ ума отъ ихъ любезности.

Тотъ непремѣнно долженъ былъ это слышать, даже посмотрѣлъ молча въ сторону говорившаго и улыбнулся, но тотчасъ же снова началъ метать очень спокойно и чисто. За нимъ, разумѣется, во всѣ глаза смотрѣли понтеры, но никто изъ нихъ не замѣчалъ ничего нехорошаго. Вдобавокъ,

никакое подозрѣніе въ нечестности игры не могло имѣть и мѣста, потому что Августъ Матвѣичъ былъ въ очень значительномъ проигрышѣ. Часамъ къ четыремъ онъ заплатилъ уже болѣе двухъ тысячъ рублей и, окончивъ расчетъ, сказалъ:

— Если вамъ, господа, угодно продолжать игру, то я еще закладываю тысячу.

Выигравшіе офицеры, по принятому этикету банковой игры, находили неловкимъ забастовать и отвѣчали, что они будутъ понтировать.

Нѣкоторые только, отвернувшись, пересмотрѣли заплаченныя Августомъ Матвѣичемъ деньги, но въ содержаніи оныя одобрили.

Все было въ совершенномъ порядкѣ, онъ всѣмъ заплатилъ самыми достовѣрными и несомнѣнными ассигнаціями.

— Далѣе, господа,—сказалъ онъ:—я не могу положить на столъ передъ вами ходячей монеты, такъ какъ все, что у меня было въ этомъ видѣ, отъ меня уже ушло. Но у меня есть банковые билеты по пятисотъ и по тысячѣ рублей. Я буду ставить билеты и для удобства прошу васъ на первый разъ размѣнять мнѣ пару такихъ билетовъ.

— Это возможно,—отвѣчали ему.

— Въ такомъ случаѣ я сейчасъ буду имѣть честь представить вамъ два билета и попрошу васъ ихъ разсмотрѣть и размѣнять на деньги.

Съ этими словами онъ поднялся съ мѣста, подошелъ къ своему сюртуку, который лежалъ на диванѣ неподалеку отъ сидѣвшаго въ непробудномъ самоуглубленіи Саши, и сталъ шарить по карманамъ. Но это выходило долго, и потомъ вдругъ Августъ Матвѣичъ отшвырнулъ отъ себя прочь сюртукъ, взялся рукою за лобъ, пошатнулся и едва не упалъ на полъ.

Движеніе это было тотчасъ же всѣми замѣчено и показалось до такой степени истиннымъ и неподдѣльнымъ, что Августъ Матвѣичъ возбудилъ во многихъ живое участіе. Два или три человѣка, находившіеся къ нему ближе, участливо воскликнули: «что съ вами такое?» и кинулись его поддержать.

Гость нашъ былъ очень блѣденъ и на себя не похожъ. Я въ этотъ разъ впервые еще видѣлъ, какъ большое и неожиданное горе вдругъ перевертываетъ и моментально ста-

ритъ очень сильнаго и самообладающаго человѣка, какимъ, мнѣ казалось, надлежало считать появившагося среди насъ на свое и на наше несчастіе княжескаго главноуправителя. Моментально постигающее человѣка неожиданное горе его какъ-то третъ, мнетъ и комкаетъ, какъ баба тряпку на портомойнѣ, и потомъ колотитъ валькомъ, пока все изъ него не выколотитъ. Не умѣю и не стану вамъ описывать лицо и взгляды Августа Матвѣича, но живо помню досадное и неуважительное по отношенію къ его горю сравненіе, которое мнѣ пришло въ голову, когда я въ числѣ другихъ подался къ главноуправителю и приблизилъ къ его лицу свѣчу. Это опять касалось часовъ и циферблата и притомъ одного смѣшного съ ними случая.

Отецъ мой имѣлъ страсть къ старымъ картинамъ. Онъ ихъ много разыскивалъ и портилъ: онъ самъ ихъ размывалъ и покрывалъ новымъ лакомъ. Мы бывало смотримъ, какъ онъ привезетъ откуда-нибудь старую картину, и видимъ темноватую, ровную поверхность, на которой всѣ колера какъ-то мирно стушевались и сгладились во что-то неразборчивое, но гармоническое, подъ слоемъ потемнѣвшаго лака; но вотъ по этой картинѣ проѣхала губка, напитанная скипидаромъ; остеклившійся лакъ пошелъ сворачиваться, проползли грязные потоки, и всѣ тоны той же самой картины зашевелились, измѣнились и, кажется, пришли въ безпорядокъ. Она стала какъ будто не она — именно потому, что теперь-то она и являлась глазамъ сама собою, какъ есть, безъ лакировки, которая ее усмиряла и сглаживала. И мнѣ вспомнилось, какъ мы разъ, подражая отцу, хотѣли также *умыть* циферблатъ на часахъ въ нашей дѣтской и, къ ужасу своему, увидали, что изображенный на немъ Бука съ корзинкою, въ которой сидѣли непослушныя дѣти, вдругъ потерялъ свои очертанія и на мѣсто очень храбраго лица являлъ что-то въ высшей степени двусмысленное и смѣшное.

Нѣчто такое же являетъ собою въ несчастіи и живой человѣкъ, даже самообладающій, а иногда и гордый. Горе срываетъ съ него лакъ, и вдругъ всѣмъ становятся видны его пожухлые тоны и давно прорвавшіяся до грунта трещины.

Но нашъ гость былъ еще сильнѣе многихъ: онъ владѣлъ собою,—онъ старался оправиться и заговорилъ:

— Извините, господа,—совершенные пустяки... Я только

прошу васъ не обращать на это вниманія и отпустить меня къ себѣ, потому что... мнѣ... сдѣлалось дурно: извините— я продолжать игры не могу.

И Августъ Матвѣичъ обратилъ ко всѣмъ свое лицо, глядѣвшее теперь совершенно смытымъ циферблатомъ, но онъ еще силился держать любезную улыбку. Очевидно, онъ хотѣлъ «уйти безъ исторіи», но въ это самое мгновеніе кто-то изъ нашихъ, тоже, конечно, находившійся подъ вліяніемъ лишней рюмки, задорно крикнулъ:

— У васъ еще раньше этого не было ли дурно?

Полякъ поблѣднѣлъ.

— Нѣтъ,—отозвался онъ скоро и сильно возвысивъ голосъ:—нѣтъ, со мною никогда еще не бывало *такъ дурно.* Кто говоритъ и думаетъ иначе, тотъ ошибается... Я сдѣлалъ неожиданное открытіе... я имѣю слишкомъ достаточную причину, чтобы отмѣнить мое намѣреніе продолжать игру, и рѣшительно не понимаю: что̀ и кому отъ меня угодно!

Тутъ всѣ заговорили:

— О чемъ это онъ? Отъ васъ, милостивый государь, ничего не угодно и никто ничего не требуетъ. Но это любопытно: какое такое вы сдѣлали, находясь среди насъ, открытіе?

— Никакое,—отвѣчалъ полякъ и, поблагодаривъ поклономъ офицеровъ, поддерживавшихъ его въ виду охватившей его мгновенной слабости, добавилъ:—Вы, господа, меня совсѣмъ не знаете, и репутація моя, отрекомендованная вамъ коридорнымъ слугою, не можетъ вамъ много говорить въ мою пользу, а потому я не нахожу возможнымъ продолжать дальнѣйшій разговоръ и желаю вамъ откланяться.

Но его удержали.

— Позвольте, позвольте,—заговорили къ нему:—этакъ невозможно.

— Я не знаю—почему «этакъ невозможно». Я заплатилъ все, что проигралъ, а дальше игры продолжать не желаю и прошу освободить меня изъ вашего общества.

— Тутъ не о платѣ...

— Да, не о платѣ-съ.

— Такъ о чемъ же еще?.. Спрашиваю: «что вамъ угодно?» вы отвѣчаете, что вамъ отъ меня «ничего не угодно»; ухожу

молча—вы снова въ какой-то претензіи... Что такое, чортъ возьми! Что такое?

Тутъ къ нему подошелъ одинъ изъ усатыхъ ротмистровъ, — «товарищъ въ битвахъ поѣдѣлый», мужъ бывалый въ картежныхъ столкновеніяхъ различнаго рода.

— Милостивый государь! — заговорилъ онъ: — позвольте мнѣ объясниться съ вами одному отъ лица многихъ.

— Я очень радъ, — хотя совершенно не вижу, о чемъ намъ объясняться.

— Я вамъ сейчасъ это изложу.

— Извольте.

— Я и мои товарищи, милостивый государь, дѣйствительно, васъ не знаемъ, но мы приняли васъ въ свою компанію съ нашею простою русскою довѣрчивостію, а между тѣмъ вы не могли совершенно скрыть, что васъ поразила какая-то внезапность... И это въ нашемъ кружкѣ... Вы, милостивый государь, упомянули слово «репутація». У насъ, чортъ возьми!—надѣюсь, тоже есть репутація... Да-съ! Мы вамъ вѣримъ, но васъ тоже просимъ довѣриться нашей честности.

— Охотно-съ, — перебилъ полякъ,—охотно! — и протянулъ руку, которую ротмистръ какъ бы не замѣтилъ, и продолжалъ:

— Я вамъ ручаюсь моею рукою и головою, что васъ не ожидаетъ здѣсь ни малѣйшая непріятность, и всякій, кто позволитъ себѣ чѣмъ бы то ни было, хотя бы отдаленнымъ намекомъ оскорбить васъ здѣсь до разбора дѣла, тотъ будетъ имѣть во мнѣ вашего защитника. Но это дѣло такъ остаться не можетъ; ваше поведеніе намъ кажется страннымъ, и я прошу васъ отъ лица всѣхъ здѣсь присутствующихъ, чтобы вы успокоились и серьезно намъ объяснили, дѣйствительно ли вы внезапно заболѣли, или вы что-нибудь замѣтили и съ вами что-нибудь случилось. Просимъ васъ сказать это намъ откровенно въ одно слово.

Всѣ подхватили: «да, мы всѣ просимъ, всѣ просимъ!» И дѣйствительно всѣ просили. Движеніе сдѣлалось всеобщее. Къ нему не присоединялся развѣ только одинъ Саша, который попрежнему оставался въ своей глупой потерянности, но и онъ всталъ съ своего мѣста, — произнесъ: «какъ это противно!» и оборотился лицомъ къ окну.

А полякъ, когда мы къ нему такъ круто приступили,

не потерялся, а напротивъ, даже пріосанился, развелъ руками и сказалъ:

— Ну, въ такомъ случаѣ, господа, я васъ прошу меня извинить: я ничего не хотѣлъ говорить и все хотѣлъ снести на моемъ сердцѣ, но когда вы меня честью обязываете вамъ сказать,—что̀ со мною сдѣлалось, я повинуюсь чести и какъ честный человѣкъ и дворянинъ...

Кто-то не выдержалъ и крикнулъ:

— Не слишкомъ ли долго все о чести!

Ротмистръ сердито посмотрѣлъ въ сторону, откуда это было сказано, а Августъ Матвѣичъ продолжалъ:

— Какъ честный человѣкъ и дворянинъ, я скажу вамъ, что у меня, господа, кромѣ того, сколько я проигралъ вамъ, было еще съ собою въ бумажникѣ двѣнадцать тысячъ рублей банковыми билетами по тысячѣ и по пятисотъ рублей.

— Вы ихъ имѣли при себѣ?—спросилъ ротмистръ.

— Да, при себѣ.

— Вы хорошо это помните?

— Безъ малѣйшаго сомнѣнія.

— И теперь ихъ нѣтъ?

— Да; это вы сказали: ихъ нѣтъ.

Пьяный офицеръ опять было крикнулъ:

— Да они были ли?

Но ротмистръ еще строже отвѣтилъ:

— Прошу молчать! Господинъ, котораго мы видимъ, не смѣетъ лгать. Онъ знаетъ, что такими вещами въ присутствіи порядочныхъ людей не шутятъ, потому что такія шутки кровью пахнутъ. А что мы дѣйствительно порядочные люди—это мы должны доказать дѣломъ. Никто, господа, ни съ мѣста, а вы, поручикъ такой-то, и вы, и вы еще (онъ назвалъ трехъ изъ товарищей) извольте сейчасъ запереть на ключъ всѣ двери и положить ключи здѣсь у всѣхъ на виду. Первый, кто захотѣлъ бы теперь отсюда выйти, долженъ лечь на мѣстѣ, но я надѣюсь, что изъ насъ, господа, никто этого не сдѣлаетъ. Никто не смѣетъ сомнѣваться, что изъ насъ ни одинъ не можетъ быть виноватъ въ пропажѣ, о которой говоритъ этотъ проѣзжій, но это должно быть доказано.

— Да, да, безъ сомнѣнія,—вторили офицеры.

— И когда это будетъ доказано, тогда начнется второе дѣйствіе, а теперь, оберегая нашу честь и гордость, всѣ

мы, господа, обязаны немедленно, не выходя отсюда, позволить себя обыскать до нитки.

— Да, да, обыскать, обыскать! - заговорили офицеры.

— И до нитки, господа!—повторилъ ротмистръ.

— До нитки, до нитки!

— Мы всѣ по очереди до-нага раздѣнемся передъ этимъ господиномъ. Да, да, какъ мать родила — до-нага, чтобы нельзя было нигдѣ ничего спрятать, и пусть онъ самъ обыщетъ насъ каждаго. Я всѣхъ васъ старше лѣтами и службою, и я первый подвергаю себя этому обыску, въ которомъ не должно быть ничего унизительнаго для честныхъ людей. Прошу отойти отъ меня далѣе и стать всѣмъ въ рядъ,—я раздѣваюсь.

И онъ сталъ скоро и порывисто снимать съ себя все, до носковъ на ногахъ, и, положивъ вещи на полу передъ управляющимъ, поднялъ надъ головою руки и сказалъ:

— Вотъ я весь,—какъ рекрутъ на пріемѣ стою. Прошу обыскивать мои вещи.

Августъ Матвѣичъ началъ было отнѣкиваться и уклоняться подъ тѣмъ довольно справедливымъ предлогомъ, что онъ подозрѣній не заявлялъ и обыска не требовалъ.

— Э-э! нѣтъ, это стара шутка,—заговорилъ, весь побагровѣвъ и засверкавъ гнѣвно глазами, ротмистръ и затопталъ босыми пятками по полу.—Теперь поздно, милостивый государь, деликатничать... Я не даромъ передъ вами раздѣвался... Прошу васъ осмотрѣть мои вещи до нитки! Иначе я, голый, сію же минуту и тутъ же убью васъ вотъ этимъ стуломъ.

И тяжелый трактирный стулъ заходилъ въ его волосатой рукѣ по воздуху надъ головою Августа Матвѣича.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Августъ Матвѣичъ волей-неволей нагнулся къ разложенному на полу гардеробу ротмистра и сталъ трогать вещи для вида.

Голыя пятки по полу затопотали еще сильнѣе, и съ ихъ тупымъ выстукиваніемъ раздался задушенный, шипящій со свистомъ голосъ:

— Не такъ ищутъ, не такъ! Держите меня, или я кинусь на него и задушу его, если онъ не будетъ насъ обыскивать какъ слѣдуетъ!

Ротмистръ былъ буквально внѣ себя и такъ весь трясся отъ гнѣва, что даже дрожалъ густой черный мохъ на подмышкахъ его мускулистыхъ рукъ, которыя онъ теперь судорожно сжалъ снова надъ своею головою.

Полякъ, однако. оказался молодцомъ и нимало не сробѣлъ передъ бѣшенымъ порывомъ ротмистра: онъ окинулъ спокойнымъ взглядомъ его лицо и его подмышки, въ которыхъ. точно, будто дрожали двѣ черныя крысы, и сказалъ:

— Извольте, — и хотя я увѣренъ, что вы несомнѣнно честный человѣкъ, я, по вашему требованію, буду обыскивать васъ какъ вора.

— Да, чортъ возьми, — я честный человѣкъ, и я непремѣнно требую, чтобы вы обыскали меня *какъ вора!*

Августъ Матвѣичъ его обыскалъ и, разумѣется, ничего не нашелъ.

— Итакъ, я чистъ отъ подозрѣній,—сказалъ ротмистръ. — Прошу другихъ слѣдовать моему примѣру.

Другой офицеръ раздѣлся, и его обыскали такимъ же образомъ, потомъ третій, и такъ всѣ мы по очереди уже позволили себя осмотрѣть, и оставался еще необысканнымъ только одинъ Саша, какъ вдругъ въ ту самую минуту, когда до него дошла очередь, въ дверь изъ коридора раздался стукъ.

Мы всѣ вздрогнули.

— Не пускать никого! — скомандовалъ ротмистръ.

Стукъ повторился настойчивѣе.

— Да какой это чортъ тамъ ломится? Мы не можемъ пустить никого посторонняго на этакое срамное дѣло. Кто бы это ни былъ—прогнать его къ дьяволу.

Но стукъ снова повторился и вмѣстѣ съ тѣмъ послышался знакомый голосъ:

— Прошу отворить,—это я.

Голосъ принадлежалъ нашему полковнику.

. . . . . .

. . . . . .

Офицеры переглянулись.

— Откройте же, господа, двери,—просилъ полковникъ.

— Откройте! — сказалъ, застегиваясь, ротмистръ.

Двери отперли, и командиръ, очень мало нами любимый, вошелъ пріятельски съ рѣдко посѣщавшей его лицо ласковой улыбкой.

— Господа! — заговорилъ онъ, не успѣвъ оглядѣться,— у меня дома все благополучно, и я, послѣ пережитыхъ мною тревожныхъ минутъ, вышелъ пройтись по воздуху и, зная ваше товарищеское желаніе раздѣлить мою семейную радость, самъ зашелъ сказать вамъ, что мнѣ Богъ далъ дочь!

Мы стали его поздравлять, но поздравленія наши, разумѣется, были не такъ живы и веселы, какъ полковникъ въ правѣ былъ ожидать по тому, что узналъ о тронувшихъ его нашихъ сборахъ, и онъ это замѣтилъ, — онъ окинулъ своими желтыми глазами комнату и остановилъ ихъ на постороннемъ человѣкѣ.

— Кто этотъ господинъ?—спросилъ онъ тихо.

Ротмистръ ему отвѣчалъ еще тише и сейчасъ же въ короткихъ словахъ передалъ нашу смутительную исторію.

— Какая гадость!—воскликнулъ полковникъ.—И чѣмъ же это кончено, или до сихъ поръ еще не кончено?

— Мы всѣ заставили его насъ обыскать и къ вашему приходу остался необысканнымъ только одинъ корнетъ N.

— Такъ кончайте это! — сказалъ полковникъ и сѣлъ на стулъ посреди комнаты.

— Корнетъ N, ваша очередь раздѣться, — позвалъ ротмистръ.

Саша стоялъ у окна со сложенными на груди руками и ничего не отвѣчалъ, но и не трогался съ мѣста.

— Что же вы, корнетъ,—развѣ не слышите? — позвалъ полковникъ.

Саша двинулся съ мѣста и отвѣтилъ:

— Господинъ полковникъ и всѣ вы, господа офицеры,— клянусь моею честью, что я денегъ не кралъ...

— Фуй, фуй! къ чему такая ваша клятва! — отвѣчалъ полковникъ: — всѣ вы здѣсь выше всякихъ подозрѣній, но если товарищи ваши постановили сдѣлать, какъ они всѣ сдѣлали, то то же самое должны сдѣлать и вы. Пусть этотъ господинъ васъ обыщетъ при всѣхъ — и затѣмъ начнется другое дѣло.

— *Я этого не могу.*

— Какъ?.. чего не можете?

— Я денегъ не кралъ и у меня ихъ нѣтъ, но я обыскать себя не позволю!

Послышался недовольный шопотъ, говоръ и движеніе.

— Что это? Это глупо... Почему же мы всѣ позволили себя обыскать?..

— Я не могу.

— *Но вы должны* это сдѣлать! Вы должны, наконецъ, понять, что ваше упрямство усиливаетъ унизительное для всѣхъ насъ подозрѣніе... Вамъ должна, наконецъ, быть дорога если не ваша честь, то честь всѣхъ вашихъ товарищей, — честь полка и мундира!.. Мы всѣ отъ васъ требуемъ, чтобы вы сейчасъ, сію минуту раздѣлись и дали себя обыскать... И какъ поведеніе ваше уже усилило подозрѣніе, то мы рады случаю, что вы можете быть обысканы при полковникѣ... Извольте раздѣваться.

— Господа! — продолжалъ блѣдный, покрывшійся холоднымъ потомъ юноша: — я денегъ не бралъ... Я вамъ клянусь въ томъ отцомъ и матерью, которыхъ люблю больше всего на свѣтѣ. И на мнѣ денегъ этого господина нѣтъ, но я сейчасъ вышибу эту раму и брошусь на улицу, но не раздѣнусь ни ради чего на свѣтѣ. Этого требуетъ *честь*.

— Какая честь! что за честь можетъ быть выше чести общества... чести полка и мундира... Чья это честь?

— Я вамъ не скажу больше ни слова, но я не раздѣнусь, и у меня въ карманѣ есть пистолетъ,—я предупреждаю, что выстрѣлю во всякаго, кто захочетъ меня тронуть силою.

Юноша, говоря это, то блѣднѣлъ, то горѣлъ весь какъ въ огнѣ, задыхался и блуждающимъ взоромъ глядѣлъ на дверь съ томящимъ желаніемъ вырваться, между тѣмъ какъ въ рукѣ его, опущенной въ карманъ рейтузъ, щелкнулъ взведенный пальцемъ курокъ.

Словомъ, Саша былъ внѣ себя, и этимъ экстазомъ онъ остановилъ весь потокъ направленныхъ къ нему убѣжденій и всѣхъ заставилъ задуматься.

Полякъ первый обнаружилъ къ нему самое большее и даже трогательное участіе. Забывая свое уединенное и вполнѣ невыгодное, нерасполагающее положеніе, онъ съ выраженіемъ какого-то заразительнаго ужаса закричалъ:

— Проклятье! проклятье этому дню и этимъ деньгамъ! Я не хочу, я не ищу ихъ, я о нихъ не жалѣю, я никому никогда ни одного слова не скажу объ ихъ пропажѣ, но только ради создавшаго васъ Саваоѳа, ради страдавшаго за правду и милость Христа, ради всего, что кому-нибудь изъ васъ жалко и дорого,—отпустите этого *младенца*...

Онъ сказалъ именно «младенца» вмѣсто юноши, и вдругъ совершенно инымъ, какъ будто изъ какихъ-то глубокихъ нѣдръ души исходящимъ голосомъ добавилъ:

— Не *ускоряйте* рока... Развѣ вы не видите, куда идетъ онъ...

А онъ, т. е. Саша, дѣйствительно, въ это время шелъ, или, лучше сказать, пробирался мимо офицеровъ къ двери.

Полковникъ слѣдилъ за нимъ желтыми бѣлками своихъ глазъ и проговорилъ:

— Пусть уходитъ...

И потомъ онъ еще тише добавилъ:

— Я, кажется, что-то понимаю.

Саша достигъ порога, остановился и, оборотясь ко всѣмъ лицомъ, сказалъ:

— Господа! я знаю, какъ я оскорбилъ васъ и какъ дуренъ долженъ быть въ глазахъ всякаго мой поступокъ. Простите!.. я иначе поступить не могъ... Это моя тайна... Простите!.. Это честь...

Голосъ его заволновался,—точно въ немъ задрожали чистыя дѣтскія слезы, и онъ застыдился ихъ,—захотѣлъ ихъ скрыть, — онъ закрылъ ладонью глаза, крикнулъ: «прощайте!» и выбѣжалъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Очень трудно излагать такія происшествія передъ спокойными слушателями, когда и самъ уже не волнуешься пережитыми впечатлѣніями. Теперь, когда надо разсказать то, до чего дошло дѣло, то я чувствую, что это рѣшительно невозможно передать въ той живости и, такъ сказать, въ той компактности, быстротѣ и въ какомъ-то натискѣ событій, которыя другъ друга гнали, толкали, мостились одно на другое, и все это для того, чтобы глянуть съ какой-то роковой высоты на человѣческое малоуміе и снова разлиться гдѣ-то въ природѣ.

Если вы читали, что писалъ Жаколіо, или пишетъ о загадочныхъ вещахъ наша соотечественница Рада-Бай, то вы, можетъ-быть, прислушались къ тому, что она повѣствуетъ о «психической силѣ» у индусовъ и о зависимости этой силы отъ «умственнаго настроенія». Психическая сила, можетъ-быть, есть и въ томъ франтѣ, который проходитъ

по тротуару, помахивая тросточкой и насвистывая изъ Орфея: — «*И в-о-т-ъ м-ы шли,—и в-о-т-ъ м-ы шли*». Но подите-ка, докопайтесь въ немъ, гдѣ у него завалена эта сила, да и къ чему ее приложить можно. Екклезіастъ прекрасно представляетъ это въ примѣрѣ тѣни, падающей отъ дерева по направленію получаемаго освѣщенія... Въ общей суматохѣ всѣ метутся и принимаютъ за важнѣйшее то, что вовсе не важно, а одинъ иначе настроенный взглядъ видитъ и замѣчаетъ настоящее и самое главное въ эту минуту,—и вотъ вамъ «психическая сила».

Во мнѣ какъ будто сверкнулъ какой-то маленькій ея клочокъ, когда выбѣжалъ Саша. Что-то было страшное въ его движеніи и въ оборотѣ, — въ быстромъ скачкѣ — не скачкѣ, а въ какомъ-то отдаленіи, — словно онъ оторвался и унесся безслѣдно... Даже шаговъ его не было слышно по коридору, а только что-то прошумѣло... Полякъ сразу же бросился вслѣдъ за нимъ... Мы думали, что онъ хочетъ его настичь и обличить въ кражѣ, такъ какъ Саша, если помните, имѣлъ роковое несчастіе заходить еще ранѣе ошибкою въ его комнату и, стало-быть, становился еще подозрительнѣе по отношенію къ пропавшимъ деньгамъ (а мы всѣ уже волею-неволею вѣрили въ то, что деньги были и пропали). Нѣсколько человѣкъ сдѣлали быстрое движеніе, чтобы преградить Августу Матвѣевичу путь къ двери, а полковникъ крикнулъ ему:

— Остановитесь, милостивый государь, ваши деньги будутъ вамъ заплачены!

Но полякъ съ удивительною силою отбросилъ офицеровъ, а полковнику крикнулъ въ отвѣтъ:

— Пусть чортъ возьметъ деньги!—и выбѣжалъ вслѣдъ за Сашей.

Тутъ только всѣ мы вспомнили свой непростительный промахъ, что, дозволяя обыскивать самихъ себя, мы не потребовали того же самаго отъ причинившаго намъ все это безпокойство поляка, и кинулись за нимъ, чтобы схватить его и не дать ему возможности спрятать деньги и потомъ взвести на насъ унизительную клевету; но въ это самое мгновеніе, которое шло быстрѣе и кратче, чѣмъ идетъ мой разсказъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи изъ коридора послышался какъ будто ударъ въ ладоши...

Насъ прожгла мысль, что полякъ оскорбилъ Сашу уда-

ромъ въ лицо, и мы кинулись на помощь къ товарищу, но... помощь ему была безполезна...

Въ дверяхъ передъ нами стояла, колеблясь, длинная часовая фигура Августа Матвѣича съ грагамовскимъ циферблатомъ, на которомъ всѣ стрѣлки упали книзу...

— Поздно,—прохрипѣлъ онъ:—*онъ застрѣлился.*

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Мы бросились толпою въ маленькій номерокъ, который занималъ Саша, и увидали поражающую картину: посреди комнаты, освѣщенной одною догоравшею свѣчкой, стоялъ блѣдный, испуганный денщикъ Саши и держалъ его въ своихъ объятіяхъ, межъ тѣмъ какъ голова Саши лежала у него на плечѣ. Руки его повисли какъ плети, но согнувшіяся въ колѣнахъ ноги еще дѣлали такія судорожныя движенія, какъ будто его щекотали и онъ смѣялся.

Исторія о деньгахъ, которая довела до всего этого или, по крайней мѣрѣ, подоспѣла къ тому, чтобы подтвердить причинность появленія «Гиппократовыхъ чертъ» на юномъ лицѣ бѣднаго Саши, была позабыта... Опасеніе скандала тоже отодвинулось Богъ вѣсть куда,—всѣ забѣгали, засуетились, укладывали раненаго на постель, требовали докторовъ и хотѣли помочь ему, бывшему уже внѣ всякихъ средствъ для помощи... Старались унять кровь, въ изобиліи стремившуюся изъ раны, нанесенной большою пулею въ самое сердце, звали его по имени и кричали ему на ухо: «Саша! Саша! милый Саша!..» Но онъ, очевидно, ничего не слышалъ,—онъ гасъ, холодѣлъ и черезъ минуту вытянулся на кровати какъ карандашъ.

Многіе плакали, а денщикъ рыдалъ навзрыдъ... Изъ толпы къ трупу протѣснился коридорный Марко и, вѣрный своему набожному настроенію, сказалъ тихо:

— Господа, это не хорошо надъ отходящей душою плакать. Лучше молитесь,—и съ этимъ онъ раздвинулъ насъ и поставилъ на столъ глубокую тарелку съ чистою водою.

— Это что?—спросили мы Марка.

— Вода,—отвѣчалъ онъ.

— Зачѣмъ она?

— Чтобы омылась и окунулась его душа.

И Марко поправилъ самоубійцу навзничь и сталъ заводить ему глазныя вѣки...

Мы всѣ крестились и плакали, а денщикъ упалъ на колѣна и билъ лбомъ о-полъ, такъ что это было слышно.

Прибѣжали два доктора,—нашъ полковой и полицейскій, и оба, какъ нынче по-русски говорятъ, «констатировали фактъ смерти...»

Саша умеръ.

За что? за кого онъ убилъ себя? Гдѣ деньги, кто воръ, который укралъ ихъ? Что будетъ дальше съ этой исторіей, которая разлетѣлась какъ выпущенная на вѣтеръ пуховая подушка и ко всѣмъ къ намъ липла?

Все это мѣшалось и головы шли кругомъ, но мертвое тѣло умѣетъ отвлечь все вниманіе и заставить прежде всего заботиться о себѣ.

Въ номерѣ Саши появились полицейскіе и лѣкаря съ фельдшерами и стали писать протоколъ. Мы оказались лишними и насъ попросили удалиться. Его раздѣвали и осматривали его вещи при однихъ понятыхъ, въ числѣ которыхъ былъ коридорный Марко и нашъ полковой докторъ, да одинъ офицеръ въ видѣ депутата. Денегъ, разумѣется, не нашли.

Подъ столомъ оказался пистолетъ, а на столѣ листокъ бумаги, на которомъ наскоро, торопливымъ почеркомъ Саша написалъ: «Папа и мама, простите—я невиненъ».

Для того, чтобы написать это, требовалось, разумѣется, двѣ секунды.

Денщикъ, который былъ свидѣтелемъ смерти Саши, говорилъ, что покойный вбѣжалъ,—не садясь къ столу, стоя написалъ эту строчку и сейчасъ же, стоя, выстрѣлилъ себѣ въ грудь и упалъ ему на руки.

Солдатъ много разъ передавалъ этотъ разсказъ въ неизмѣнной редакціи всѣмъ, кто его разспрашивалъ, и потомъ стоялъ молча, моргая глазами: но когда подошелъ къ нему Августъ Матвѣичъ и, взглянувъ ему въ глаза, хотѣлъ его разспрашивать болѣе подробно, денщикъ отвернулся отъ него и сказалъ ротмистру:

— Дозвольте, ваше высокоблагородіе, мнѣ выйти обмыться, на моихъ рукахъ кровь христіанская.

Ему разрѣшили выйти, потому что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ сильно залитъ кровью,—что являло видъ тяжелый и ужасный.

Все это происходило еще на разсвѣтѣ, и заря уже чуть алѣла—свѣтъ уже чуть пробивался въ окна.

Въ номерахъ, занятыхъ офицерами, всѣ двери въ коридоръ были открыты и вездѣ еще горѣли свѣчи. Въ двухъ-трехъ комнаткахъ сидѣли, опустя руки и головы, офицеры. Всѣ они были похожи теперь болѣе на мумій, чѣмъ на живыхъ людей. Пьяный чадъ унесся какъ туманъ, не оставивъ и слѣда... На всѣхъ лицахъ выражалось отчаянье и горе...

Бѣдный Саша, — если бы духъ его могъ интересоваться земнымъ, — конечно, долженъ бы найти утѣшеніе въ томъ, какъ всѣ его любили и какъ всѣмъ больно было пережить его, столь молодого, столь цвѣтущаго и полнаго жизнью!

А на немъ тяготѣло подозрѣніе... ужасное, гнусное подозрѣніе... Но кто бы посмѣлъ напомнить теперь объ этомъ подозрѣніи усачамъ, по опустившимся лицамъ которыхъ струились слезы...

— Саша! Саша! бѣдный, юный Саша! что̀ ты съ собой сдѣлалъ? — шептали уста и вдругъ сердце останавливалось и предъ всякимъ изъ насъ вставалъ вопросъ: и ты тоже не виноватъ ли въ этомъ? Развѣ ты не видѣлъ, *какой онъ былъ?* Развѣ ты остановилъ другихъ, чтобы къ нему не приставали? Развѣ ты сказалъ, что ты ему вѣришь, что ты уважаешь неприкосновенность его тайны? Саша! бѣдный Саша! И что̀ это за тайна, которую унесъ онъ съ собою въ тотъ міръ, куда онъ предсталъ теперь съ явной разгадкой погубившей его тайны... О, онъ чистъ, конечно, онъ чистъ отъ этого гнуснаго подозрѣнія и... проклятіе тому, кто довелъ его до этого поступка!

А кто довелъ?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Комната Августа Матвѣича была отворена въ коридоръ точно такъ же, какъ и всѣ офицерскія комнаты, но въ ней не было зажженой свѣчи, и при слабомъ разсвѣтѣ тамъ едва можно было отличить щегольской чемоданъ и другія дорожныя вещи. Въ углу комнаты стояла слегка смятая постель.

Проходя мимо этой комнаты, непремѣнно хотѣлось остановиться и поглядѣть издали: что въ ней такое? Откуда и за что на насъ нанесло такую напасть?

Меня лично тянуло зайти сюда и поискать, нѣтъ ли пропавшихъ денегъ здѣсь — не засунулъ ли ихъ куда-нибудь самъ пострадавшій и потомъ позабылъ и развелъ всю эту исторію, стоившую намъ столькихъ тревогъ и потери прекраснаго, молодого товарища. Я даже склоненъ былъ исполнить это: я хотѣлъ вскочить въ номеръ поляка и поискать, и съ этимъ приблизился къ двери, но, по счастію, неосторожное легкомысліе мое было остановлено неожиданнымъ предупрежденіемъ.

Изъ конца коридора, съ той стороны, гдѣ былъ просторный ротмистерскій номеръ, въ которомъ ночью шла игра и попойка, послышалось нѣсколько голосовъ:

— Куда? Куда?.. Еще этой глупости недоставало!

Я сконфузился и оробѣлъ. Мнѣ вдругъ ясно представилась моя опрометчивость и опасность, которой я подвергалъ себя быть заподозрѣннымъ въ особенной близости къ этому дѣлу.

Я перекрестился и ускореннымъ шагомъ пошелъ въ тотъ уголъ, откуда донеслись ко мнѣ предостерегшіе меня голоса.

Здѣсь, у полутемнаго еще окна, выходившаго на сѣверъ, на грязномъ войлокѣ, покрывавшемъ грязный же коникъ, служившій постелью ротмистерскаго денщика, сидѣли три наши офицера и нашъ полковой батюшка съ заплетенной косою и широчайшею русою бородою, за которую мы его звали «отецъ Барбаросса». Онъ былъ очень добрый человѣкъ, принимавшій участіе во всѣхъ полковыхъ интересахъ, но все выражавшій всегда безъ словъ, однимъ лишь многозначительнымъ качаніемъ головы и повтореніемъ короткой частицы «да». Говорилъ онъ только въ случаѣ крайней необходимости и тогда отличался находчивостью.

Три офицера и батюшка курили вмѣстѣ изъ двухъ трубокъ, затягиваясь поочередно и затѣмъ передавая ихъ для потребы ближняго. Батюшка помѣщался посерединѣ группы, и потому трубки шли черезъ него и справа, и слѣва,— отчего онъ получалъ двойную противъ всѣхъ долю наслажденія и притомъ еще увеличивалъ его тѣмъ, что послѣ всякой сильной затяжки закрывалъ себѣ все лицо своею бородою и выпускалъ изъ себя дымъ съ большою медлительностію сквозь этотъ удивительный респираторъ.

Коникъ, на которомъ сидѣли эти добрые люди, приходился вблизи ротмистерскихъ дверей, которыя теперь были

заперты на ключъ, и за ними шла оживленная, но очень сдержанная бесѣда. Слышенъ былъ говоръ и перемѣнявшіяся реплики, но нельзя было разобрать ни одного слова.

Тамъ, запершись на ключъ, находились теперь нашъ полковой командиръ, нашъ ротмистръ и виновникъ всѣхъ нашихъ сегодняшнихъ бѣдъ, Августъ Матвѣичъ. Они вошли въ эту комнату по приглашенію полковника и о чемъ они тамъ хотѣли говорить — никому не было извѣстно. Три офицера и батюшка заняли ближайшую къ комнатѣ позицію сами, — по собственному побужденію и по собственной предусмотрительности, изъ опасенія, чтобы не оставить своихъ безпомощными въ случаѣ, если объясненія примутъ острый характеръ.

Опасенія эти были, однако, напрасны: разговоръ, какъ я уже сказалъ, шелъ въ приличномъ тонѣ, который все болѣе смягчался и, наконецъ, даже послышались ноты дружественности и задушевности,—вслѣдъ затѣмъ раздалось движеніе стульевъ и шаги двухъ человѣкъ, приближавшихся къ двери.

Повернулся ключъ, и въ открытыхъ дверяхъ показались нашъ командиръ и Августъ Матвѣичъ.

Выраженіе ихъ лицъ было если не спокойное, то вполнѣ мирное и даже дружественное.

Полковникъ пожалъ на порогѣ руку поляка и сказалъ:

— Очень радъ, что могу питать къ вамъ тѣ чувства, которыя вы сумѣли внушить мнѣ при такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ. Прошу вѣрить моей искренности такъ же, какъ я вѣрю вашей.

Полякъ съ достоинствомъ отвѣтилъ ему поклономъ и молча направился въ свою комнату, а полковникъ обратился къ намъ и сказалъ:

— Я спѣшу домой. Прошу васъ всѣхъ войти къ ротмистру и отъ него узнать,—чего мы всѣ должны держаться.

Съ этимъ полковникъ кивнулъ намъ головою и пошелъ къ выходу, а мы всѣ, сколько насъ было, наполнили номеръ ротмистра прежде, чѣмъ внизу прогремѣлъ блокъ выходной двери, затворившейся за нашимъ командиромъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Нашъ ротмистръ былъ прекрасный человѣкъ, но нервякъ, вспыльчивый и горячка. Онъ былъ находчивъ и уменъ, но

не отличался умѣньемъ владѣть собою и даръ краснорѣчія имѣлъ чисто военный,—онъ болѣе внушалъ, чѣмъ излагалъ и разсказывалъ.

Таковъ же точно онъ былъ и въ эту минуту, когда мы его застали срывающимъ съ себя галстукъ и мечущимъ на всѣхъ сердитые взгляды.

— Что?.. хорошо случилось? — обратился онъ къ батюшкѣ.

Тотъ отвѣчалъ: «да, да, да», и покачалъ головою.

— То-то и есть — «да, да, да». Добрыя занятія довели и до добрыхъ послѣдствій.

Батюшка опять протянулъ: «да, да, да».

— А вѣдь это ваше бы дѣло...

— Что такое?

— Внушить нашему брату совсѣмъ другое настроеніе...

— Да.

— А вы никакого вліянія не имѣете.

— Говори пустяки.

— Нечего «пустяки». Чего вы теперь явились?—теперь надо дьячка псалтырь читать и ничего болѣе.

— Да въ чемъ дѣло-то... что дѣлать-то далѣе? — стали приступать наши.—Полковникъ ушелъ—вы пылите и батьку распекаете... Развѣ мы, въ самомъ дѣлѣ, его внушеній, что ли, стали бы слушать... А гдѣ теперь полякъ? Чортъ знаетъ, были ли у него деньги, — что онъ одинъ теперь у себя въ комнатѣ дѣлаетъ? Говорите, пожалуйста,—что рѣшено? Кто же обидчикъ, кто злодѣй?

— Чортъ злодѣй, чортъ! Другого никого нѣтъ,—отвѣчалъ ротмистръ.

— Но самъ этотъ панъ...

— Этотъ панъ внѣ всякихъ подозрѣній...

— Кто это вамъ открылъ?

— Мы сами, господа, мы сами: я и вашъ полковой командиръ сами за него ручаемся. Мы не говоримъ вамъ, что онъ честнѣйшій человѣкъ, но мы ясно видимъ, что онъ говоритъ правду,— что деньги у него были и пропали. Ихъ могъ взять только чортъ... А что онѣ были — это доказывается тѣмъ, что командиръ, желая избѣжать скандальной огласки, здѣсь при мнѣ предложилъ ему сегодня же получить отъ него сполна всѣ двѣнадцать тысячъ, лишь бы не было дѣла и разговоровъ,—и онъ отказался...

— Отказался?..

— Да; и *мало того*, что отказался, но онъ самъ вызвался никому не жаловаться на пропажу и ни передъ кѣмъ не упоминать объ этомъ проклятомъ происшествіи. Словомъ, онъ велъ себя такъ честно, благородно и деликатно, какъ только можно пожелать.

— Да, да, да!—протянулъ батюшка.

— Да, и мы съ полковникомъ дали ему слово, что и мы, и вы будемъ питать къ нему полную довѣренность и станемъ считать себя всѣ его должниками въ теченіе года, — и если, по истеченіи года, ничто не разъяснится и деньги не отыщутся, тогда мы платимъ ему двѣнадцать тысячъ, а онъ ихъ тогда далъ согласіе взять...

— Разумѣется, мы это принимаемъ и будемъ передъ нимъ исправны въ нашемъ долгѣ,—подхватили офицеры.

— Но, господа, — продолжалъ ротмистръ, понизивъ голосъ: — онъ увѣренъ, что мы и не будемъ платить, — онъ почему-то утверждаетъ, что *эти деньги найдутся*. Онъ говоритъ объ этомъ такъ твердо и съ такою увѣренностію, что если только вѣрно, что вѣра можетъ переставлять горы,—то его увѣренность должна сбыться... Да, да, — она должна сбыться, ибо это цѣна крови... Онъ передалъ, просто сказать, онъ перелилъ эту вѣру въ насъ съ полковникомъ, и хотя онъ просилъ насъ, чтобы мы его обыскали, но и я, и полковникъ отъ этого отказались... Вамъ предоставляю сдѣлать, что̀ вамъ угодно, — онъ пошелъ въ свой номеръ и будетъ ждать васъ тамъ безъ выхода, чтобы вы его обыскали. Можете. Но условіе у насъ одно: мертвое молчаніе объ этомъ передъ всѣми. На это я требую отъ васъ честное слово.

Мы дали честное слово и номеръ Августа Матвѣича обыскивать не пошли, а только зашли къ нему наскоро пожать его руку.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

А тѣмъ не менѣе во всѣхъ осталось полное тяжелое недоумѣніе и скорбь о человѣкѣ, а тамъ надъ бѣднымъ Саней производилось вскрытіе; написанъ фальшивый по существу актъ о томъ, что онъ «лишилъ себя жизни въ припадкѣ умопомѣшательства»; батька отпѣлъ панихиду и дьячокъ тянетъ монотонно псалтырь: «имъ же образомъ же-

ластъ елень на источники водные, сице желаетъ душа моя ко Богу крѣпкому, Богу благодѣявшему мнѣ».

Томленье духа. Ходишь-ходишь, куришь до безчувствія и уйдешь и заплачешь. Какая юность, какая свѣжесть угасла!.. Вотъ именно «вкусилъ мало меду и умеръ».

Всѣ мы боевые или, по крайней мѣрѣ, предназначенные къ боямъ люди раскисли и размякли. Полякъ тоже не хотѣлъ уѣзжать — онъ хотѣлъ проводить съ нами Сашу въ могилу и видѣть его отца, за которымъ, рано утромъ, послали и ждали его въ городъ къ вечеру.

Если бы не коридорный Марко, то мы бы забыли время ѣсть и пить, но онъ бдѣлъ надъ нами и много дѣлалъ и для покойника. Онъ его обмывалъ, одѣвалъ и разсказывалъ, что̀ надо купить и гдѣ поставить, да и насъ уговаривалъ успокоиться.

— На все воля Господня!—говорилъ онъ:—мы всѣ какъ трава.

И сейчасъ же опять бѣжалъ по другимъ дѣламъ. Другіе слуги подъ какимъ-то предлогомъ были арестованы и въ вещахъ ихъ былъ сдѣланъ обыскъ. Денщика покойнаго Саши тоже обыскали и даже допросили: не передалъ ли ему чего-нибудь передъ своею смертью самоубійца.

Солдатъ, казалось, не сразу понялъ этотъ вопросъ, но потомъ отвѣчалъ:

— Его благородіе никакихъ денегъ мнѣ не передавалъ.

— Ты помнишь, что̀ тебѣ можетъ быть за утайку?

— Какъ же-съ, помню.

Разумѣется, все это спрашивали не мы, а слѣдственныя власти, которымъ нельзя увлекаться щекотливостью.

Денщика отпустили, и онъ тотчасъ же ушелъ и сталъ чистить запасные Сашины сапоги.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Вечеромъ пріѣхалъ отецъ. Онъ былъ очень миловидный и совсѣмъ еще не старый,—не болѣе лѣтъ пятидесяти двухъ или трехъ. Манера держаться у него была военная, и онъ былъ въ отставномъ военномъ сюртукѣ, со шнорами, но безъ усовъ. Мы его никогда ранѣе не видали и потому не замѣтили, какъ онъ вошелъ въ комнату сына, а узнали его уже тогда, когда онъ оттуда вышелъ.

Онъ съ пріѣзда спросилъ денщика, и тотъ повелъ его

и оставался съ нимъ одинъ на одинъ, съ глазу на глазъ при покойникѣ около 2—3 минутъ. И послѣ этого короткаго времени отецъ вышелъ къ намъ въ залъ, имѣя видъ, поразившій насъ своимъ тихимъ величіемъ.

— Господа! я представляюсь вамъ, — началъ онъ, кланяясь: — я отецъ вашего несчастнаго товарища. Мой сынъ умеръ, онъ убилъ себя... онъ осиротилъ меня и свою мать... *но онъ не могъ поступить, господа, иначе...* Онъ умеръ какъ честный и благородный молодой человѣкъ и... и... это то, въ чемъ я увѣряю васъ и... въ чемъ я самъ буду искать себѣ утѣшенія...

Съ этими словами сразу обаявшій насъ старикъ упалъ на стулъ къ круглому столу и, закрывъ лицо руками, звонко заплакалъ какъ ребенокъ.

Я поспѣшилъ подать ему дрожащею рукою стаканъ воды.

Онъ принялъ ее, проглотилъ два глотка и, ласково сжавъ мою руку, молвилъ:

— Благодарю васъ всѣхъ, господа.

А потомъ обмахнулся платкомъ и сказалъ:

— Не то еще... Я что такое? Но жена, жена какъ узнаетъ!.. Материнское сердце не вынесетъ.

И онъ опять утерся платкомъ и поѣхалъ «представиться полковнику».

Полковнику онъ сказалъ тоже, что Саша «умеръ какъ должно честному и благородному молодому человѣку», и что «иначе онъ поступить не могъ».

Полковникъ глядѣлъ на него въ упоръ долго, кусая, по своему обычаю, маленькій леденецъ, и потомъ сказалъ:

— Вы знаете, что этому предшествовало одно несчастное обстоятельство... Мы съ вами вѣдь въ свойствѣ и потому я вамъ могу и долженъ сказать все. Я ничему не вѣрю, но поведеніе корнета было-таки странно...

— О, оно было совершенно необходимо, полковникъ...

— Я вѣрю, но если бы вы могли приподнять передъ моими глазами хоть уголокъ завѣсы, закрывающей эту тайну...

— Не могу, полковникъ.

Полковникъ пожалъ плечами.

— Что дѣлать,—сказалъ онъ:—пусть все такъ остается.

— Кромѣ одного, полковникъ. Деньги княжескому управителю полкъ платить не будетъ, потому что ихъ плачу я. Это мое грустное право.

— Не смѣю спорить.

И отецъ Саши, дѣйствительно, въ тотъ же самый день съ глазу на глазъ подалъ Августу Матвѣичу двѣнадцать тысячъ.

Полякъ взялъ пачку и, сказавъ: «никогда!» — положилъ ее снова въ карманъ старика, и они сѣли другъ противъ друга, и оба стали плакать.

— Великій Боже! великій Боже!—восклицалъ старикъ:— все это такое честное, такое благородное, — и между тѣмъ есть же злодѣй, который здѣсь что-то сдѣлалъ.

— И онъ найдется.

— Да; но сынъ мой не воскреснетъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

А въ чемъ же была тайна?

Чтобы разсказъ сталъ наконецъ понятнымъ, — надо нескромно раскрыть ее.

На груди Саши былъ акварельный портретъ его милой розовой кузины Ани, которая была теперь его полковницей и дала жизнь новому человѣческому существу въ то самое мгновеніе, когда Саша самовольно разрѣшилъ себя отъ жизни.

Этотъ портретъ былъ залогъ не столько страстной любви, какъ свѣтлой дѣтской дружбы и цѣломудренныхъ обѣтовъ; но когда розовая Аня сдѣлалась женой полковника, и тотъ сталъ ревновать ее къ кузену, — Саша почувствовалъ себя въ томленьяхъ Донъ-Карлоса. Онъ довелъ эти муки до помрачающихъ терзаній и... въ эту-то пору подвернулся случай съ деньгами и съ обыскомъ, къ которому, какъ на грѣхъ, подошелъ полковникъ.

Саша не выдалъ тайны кузины.

Держа уже пистолетъ у груди, онъ подалъ этотъ портретъ денщику и сказалъ:

— Богомъ заклинаю—отдай отцу.

Тотъ и отдалъ его черезъ гробъ покойнаго.

Отецъ сказалъ, что его сынъ «умеръ, какъ должно честному и благородному молодому человѣку».

Портретикъ былъ чистый, невинный, даже мало схожій съ тою, кого изображалъ онъ, съ дробною надписью: «милому Сашѣ его вѣрная Аня».

И ничего болѣе...

Это теперь смѣшно,—пожалуй даже глупо! Да, да; быть-можетъ, все это такъ. «Что ни время—то и птицы, что ни птицы—то и пѣсни». Я вамъ никого не аттестую и ничего не критикую, но только я насчетъ *интересности,* какъ ее женщины чувствуютъ.

Что это такое былъ корнетъ Саша? Такъ себѣ, ничего или очень мало, — розовый мальчикъ, дворянчикъ, бѣлогубый выкормочекъ въ мундирѣ. Ничего у него, никакихъ плѣнительныхъ даровъ, кромѣ дара молодости, и... безоглядкаго *чувства личной чести женщины...* И вотъ подите-ка, что̀ вы скажете: было ли тутъ передъ чѣмъ пасть и преклониться? А я вамъ разскажу, какъ пали и преклонялись.

Исторіи той тайны, которую я вамъ сейчасъ по необходимости разсказалъ, въ городѣ тогда никто никому разсказать не могъ, потому что о ней только кое-что зналъ денщикъ, а вполнѣ понималъ ее одинъ отецъ самоубійцы. Кромѣ того, явилось еще обстоятельство, которое не только могло, но и непремѣнно должно было все это спутать, благодаря ошибкѣ Марка, который видѣлъ и, крестясь, разсказалъ многимъ по секрету, какъ денщикъ покойнаго передалъ что-то тайно изъ рукъ въ руки его отцу. Что̀ это могло быть такое, что̀ одинъ изъ нихъ передалъ, а другой взялъ и спряталъ съ такою тайностію?.. Богъ знаетъ. Марко крестился и говорилъ:

— Не хочу брать на свою душу грѣха, — не могъ разсмотрѣть, что̀ именно такое, а только видѣлъ, что какой-то пакетецъ въ бумажкѣ переданъ.

Не это ли были деньги? Почему бы такъ не думать при тѣхъ смутныхъ обстоятельствахъ, которыя я вамъ описываю и которыя, какъ всякое подозрѣніе, становились часъ отъ часу безтолковѣе и способнѣе распространять на все свою деморализующую подозрительность... Не всякій ли, имѣющій руки, имѣетъ и средства взять ими? Открыть вора — вотъ въ чемъ первая задача; не упустить малѣйшаго подозрительнаго признака—вотъ въ чемъ обязанность каждаго...

Да, каждаго, кто думаетъ, что желчные глаза подозрительности видятъ лучше, чѣмъ свѣтлое око растроганнаго сердца; но, къ счастію рода человѣческаго, ему доступны бываютъ и великія душевныя откровенія, когда люди какъ бы осязаютъ невидимую правду и, ничѣмъ не сдерживаемые,

стихійно стремятся почтить скорбью несчастье. Это своего рода священныя бури, ниспосылаемыя для того, чтобы разогнать сгустившійся удушливый туманъ, — въ нихъ есть «дыханье свыше», въ нихъ есть откровенье, которому ясно все, что закрыто сплетеньемъ.

Марку даже не давали воли говорить о томъ, что онъ видѣлъ. Всѣ *знали*, что такое денщикъ передалъ отцу бѣднаго Саши: *это былъ женскій портретъ*... Въ этомъ ни на одно мгновеніе не хотѣла усомниться ни одна человѣческая душа, — объ этомъ говорилъ свѣтъ, глядѣвшій въ окно, гдѣ совершилась съ глазу на глазъ таинственная передача; этимъ дышалъ воздухъ, объ этомъ разливался пѣсны жаворонокъ...

Похороны Саши были не торжественны и даже не трогательны, а онѣ были ужасны. Всѣ вы, господа, видали торжественныя погребенія съ тѣмъ, что называютъ «помпою»... Я не говорю о похоронахъ съ парадомъ, которыми, по моему мнѣнію, выражается только одна жалкая суета человѣческая. Вспомните похороны Гоголя, о которыхъ мы читали такія прекрасныя описанія, похороны Некрасова и Достоевскаго, которыя называли «событіемъ въ исторіи». Все это, конечно, имѣетъ значеніе и, быть-можетъ, не лишено искренности, но только искренность-то тутъ слишкомъ загромождена чѣмъ-то ей постороннимъ. Я видѣлъ, какъ въ Москвѣ хоронили Скобелева... Тутъ больше чѣмъ гдѣ-нибудь прорывалось того, что отдаетъ настоящей скорбью, но — смѣйтесь надо мною, если вамъ угодно, а я, стоя тамъ, вспоминалъ и сравнивалъ тотъ значительно оригинальный день моей молодости, когда мы хоронили Сашу... Какое сравненіе! Тоже и ему, какъ офицеру, мы устроили по уставу «церемонію», но ее никто не видѣлъ и не замѣчалъ, хотя она и занимала самое видное мѣсто. То, что сдѣлала въ честь его истинная скорбь людей, устремившихся отовсюду, чтобы рыдать и терзаться при видѣ его молодого мертвенно-блѣднаго лица, подавило все и, кажется, самый воздухъ пропитало трепетомъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Никого не собирали на эти похороны, кромѣ эскадрона, въ которомъ служилъ покойникъ, но люди во множествѣ сами пришли отовсюду. Вдоль всего пути отъ гостиницы

вплоть до кладбищенской церкви стали люди разнаго положенія. Женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ. Имъ никто не внушалъ, о чемъ надо жалѣть, но онѣ сами знали, что̀ надо оплакать, и плакали о погибшей молодой жизни, которая сама оборвала себя «за благородность». Да-съ, я вамъ употребляю то слово, какое всѣ говорили другъ другу.

— За благородство свое, голубчикъ, померъ!

— Себя не пожалѣлъ для милаго сердца!

Стоитъ этакая подгородной слободы баба-тетеха и причитаетъ:

— Соколикъ ты ясный... жизнюшку свою положилъ за благородность...

И, куда ни повернитесь, всѣ въ томъ же родѣ что-то тепло-тепло и фамильярно лепечутъ. Непремѣнно на «ты» и чтобъ поласковѣй,—будто до сердца обнимаетъ.

— Крошка ты милый!.. молодой, благородный!..

— Ангелъ ты мой чувствительный!.. Какъ тебя не любить было!

И все такъ... Дворянки, купчихи, поповны, мѣщанки, горничныя и хоровыя цыганки, — и особенно эти послѣднія, какъ профессорины и жрицы трагическаго стиля въ любви,—всѣ лепечутъ дрожащими устами теплыя словца и плачутъ о немъ, какъ о лучшемъ другѣ, какъ о собственномъ возлюбленномъ, котораго будто послѣдній разъ держатъ и ластятъ у сердца.

А все вѣдь это женщины не ахти какія, и онѣ Сашу совсѣмъ и не знали, можетъ-быть, ни разу не видали, и, пожалуй, можетъ-быть, даже совсѣмъ ни за что и не полюбили бы его, когда бы знали его со всѣмъ, что̀ въ немъ было хорошаго и дурного. А вотъ тутъ, когда онъ «за благородство», да за «милое сердце»,—тутъ уже нѣтъ ни минуты, чтобы разсуждать и отрезвлять себя какимъ-нибудь разсужденіемъ, а надо причитать и плакать... Вонъ изъ тѣла душа просится...

Иннокентій однажды такъ всѣхъ тронулъ: вышелъ да вмѣсто ораторства говоритъ: «Онъ въ гробѣ—давайте плакать», вотъ и все, — и слезы льются и льются изъ глазъ. Это была какая-то общая трясовица сердецъ. Женщины вглядывались въ проносимое мимо лицо Саши (тамъ носятъ покойниковъ въ открытомъ гробѣ), и всѣ находили

его очень обыденное личико самымъ величественнымъ и прелестнымъ... «Такъ, говорятъ, и написано: «вѣрность до гроба!»

Что за дѣло, что, можетъ-быть, не совсѣмъ то было написано? Онѣ читали то, что видѣли ихъ глаза, — и этого довольно.

Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

Губы нервно дрожатъ и лица мокры отъ слезъ; всѣ нѣжны, всѣ съ нимъ говорятъ:

— Усни, усни, мой страдальчикъ!

Въ церкви иное настроеніе, еще острѣе. Ораторское искусство и не дерзаетъ ни на минуту испортить тотъ священный строй, къ которому все выше и выше возводитъ сердца пѣснотворческій геній Дамаскина. Его поэтическій вопль и жжетъ, и заживляетъ рану.

«Иду въ незнаемый я путь,
Иду межъ страха и надежды;
Мой взоръ угасъ, остыла грудь,
Не внемлетъ слухъ, сомкнуты вѣжды;
Лежу безгласенъ, недвижимъ,
Не слышу вашего рыданья,
И отъ кадила синій дымъ
Не мнѣ струитъ благоуханье.
Но, вѣчнымъ сномъ пока я сплю,
Моя любовь не умираетъ,
И ею всѣхъ я васъ молю,
Пусть каждый за меня взываетъ:
Господь! Въ тотъ день, когда труба
Вострубитъ міра преставленье,—
Прими усопшаго раба
Въ Твои блаженныя селенья».

И ужъ я вамъ, милостивые государи, доложу, что ужъ дѣйствительно... припадали съ этимъ къ Господу-то!.. Да вѣдь съ слезами-съ, съ какимъ плачемъ-съ!.. Какъ великъ грѣхъ Сапи-розана по богословской наукѣ — въ этомъ оплакивавшіе его были не знатоки, но ужъ умоляли «принять его въ блаженныя селенья» такъ неотступно, что я, право, не знаю, какъ тутъ согласить этотъ душевный вопль съ точными положеніями оной науки... Я бы въ этомъ запутался.

Нынче многіе укоряютъ нашихъ, что они очень плохіе ораторы. Не напрасно ли? Правда, что ораторы — плохіе,

да вѣдь не вездѣ хорошо говорить, гдѣ принято. Есть случаи, гдѣ просто лучше плакать, гдѣ вопли «прими» и «прости» пристойнѣй рацей, которыя иной какъ пойдетъ разводить, такъ и договорится до чего-нибудь такого, что̀ либо оскорбляетъ разумъ, либо оскорбляетъ чувство. Вспомните Шиллеровскаго великаго инквизитора. За то я и люблю погребеніе по восточному чину. Приходятъ и уходятъ какъ-то... точно на зовъ пророка Исаіи: «Пріидите и стяжемся»... Но гдѣ тутъ стязаться? Кто побѣдитъ — ясно. А Ты вотъ все можешь, Ты призвалъ, Ты измѣнилъ зракъ и положилъ «красоту», какъ «неимущую вида»,—такъ Ты же «забудь», «прости» и «презри» все, чѣмъ онъ не оправдалъ себя передъ Тобою...

«Все пепелъ, призракъ, тѣнь и дымъ,
Исчезнетъ все, какъ вихорь пыльный.
Исчезнетъ все, что было плоть,
Величье наше будетъ тлѣнье —
Прими усопшаго, Господь,
Въ Твои блаженныя селенья».

Снова все опять къ тому же и къ тому: «прости!»

Вспомнишь притчу о вельможѣ, который «никого не боялся и ничего не стыдился», а между тѣмъ, когда и къ такому усердно пристали, то и онъ сказалъ наконецъ: «сдѣлаю»,—и успокоишься.

Онъ ли, Который Самъ создалъ ухо, чтобы все слышать, Онъ ли задремлетъ, Онъ ли уснетъ, Онъ ли не сдѣлаетъ, что̀ проситъ голосъ столькихъ растроганныхъ душъ...

Пусть даже и «вѣрѣ могила темна», но ужъ пристойнѣе и трогательнѣе обходиться съ этимъ, какъ придумали обходиться восточные христіане, кажется невозможно. Со вкусомъ поэтъ былъ Дамаскинъ!

Еще случай тутъ вышелъ на Сашиныхъ похоронахъ со вдовою одного бывшаго вельможи. Это была дама родовитая, умная, очень воспитанная, а называлась она «змѣею». Кличка эта была глупая, змѣей эту даму звали не за зло, котораго она рѣшительно никому не дѣлала, а за презрительность, про которую говорили много. Она будто не любила ничего своего, русскаго — ни языка, ни вѣры, ни обычая, а все презирала, и презирала не съ легкомысліемъ, не съ фатовской замашкой, которыя легче

простить, — а прочно, глубоко и искренно, съ какимъ-то сознаніемъ. Она ничего не порицала и не отвергала, а считала все русское даже не заслуживающимъ вниманія... Она даже удивлялась, что географы на ландкартахъ Россію обозначаютъ... Такія дамы тогда были. А и эта, услыхавъ, что всѣ плачутъ по какомъ-то офицерѣ, который «застрѣлился за благородство», — велѣла открыть двойную дверь на своемъ балконѣ, мимо котораго несли Сашу, и вышла съ лорнетомъ. Я ее помню: высокая, въ гранатовой шубкѣ на собольемъ мѣху, стоитъ и смотритъ въ лорнетъ.

А юный нашъ Саша, съ открытымъ лицомъ, словно оторванная вѣтка плыветъ передъ нею по людным волнамъ.

«Змѣя» подавила вздохъ и сказала стоявшей съ ней англичанкѣ:

— Юность безумна вездѣ,—безуміе же иногда схоже съ геройствомъ, а героизмъ нравится массѣ.

Англичанка отвѣчала:

— О, yes!—и при этомъ прибавила, что ее интересуетъ замѣчаемое дружное, всеобщее чувство. «Змѣя» изъ деликатности къ желанію чужестранки согласилась пойти въ церковь, гдѣ надо всѣмъ поставитъ послѣднюю точку молотокъ гробовщика по гробовой крышкѣ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Противъ всякихъ законовъ архитектоники и экономіи въ постройкѣ разсказа, я при концѣ его ввелъ это новое лицо и долженъ еще сказать вамъ объ этой дамѣ, чтобы вы знали, до чего она была язвительна. Когда супругъ ея былъ на землѣ, они однажды принимали у себя такое лицо, передъ которымъ хозяинъ хотѣлъ показаться въ блескѣ своего значенія, а она презирала мужа, какъ и всѣхъ, или, можетъ-быть, немножко болѣе. Мужъ это зналъ и запросилъ у нея пардона. Только одного просилъ: «Не опровергайте меня». Она посмотрѣла на него и согласилась.

— Я даже готова васъ поддержать.

Мужъ ей поклонился на этомъ. Высокій гость былъ добраго нрава и иногда любилъ говорить запросто. Такъ и въ этотъ разъ онъ пожелалъ слушать администратора за

чаемъ, который кушалъ, получая чашку прямо изъ рукъ хозяйки. Хозяинъ и пошелъ ему читать, какъ онъ все видѣлъ, все зналъ, все предохранялъ, предупреждалъ и устраивалъ общее благо... Говорилъ онъ, говорилъ и, наконецъ, ошибся и что-то правду сказалъ. А «змѣя» сейчасъ его здѣсь и поддержала, и прошипѣла:

— Voilà ça c'est vrai.

Ничего больше, — только и сказала, а гость не выдержалъ, посупился и разсмѣялся, у нея поцѣловалъ руку, а супругу ея сказалъ:

— Ну, хорошо, хорошо, довольно: я буду вѣрить, что tout ça est vrai.

Такъ она его съ этимъ и похоронила, и съ той поры жила здѣсь съ одною своей англичанкой и читала иностранныя книги.

На людяхъ ее никогда не видали, и потому теперь, когда она съ своею англичанкою показалась въ церкви, гдѣ отпѣвали Сашу, — на нее всѣ взглянули и всякій потѣснился, и имъ двумъ нашлось мѣсто. Даже толпа будто сама ихъ придвинула впередъ, чтобы посмотрѣть на нихъ. Но высшимъ велѣніемъ угодно было, чтобы ничто постороннее не отвлекало общаго вниманія отъ того, что́ ближе касалось бѣднаго Саши.

Въ то самое мгновеніе, такъ двѣ важнаго вида дамы подвигались впередъ, на порогѣ дверей еще появилась одна женщина — скромная, въ черной шелковой шубкѣ: одежда ея какъ пепломъ посыпана дорожнымъ соромъ, лицо ея — воплощенье горя...

Ея никто не зналъ, но всѣ узнали, и въ толпѣ пронеслось слово:

— Мать!

Всѣ ей дали широкій путь къ драгоцѣнному для нея гробу.

Она шла посреди раздвинувшейся толпы — скоро, протянувъ впередъ передъ собой обѣ руки, и, донесясь къ гробу, — обняла его и замерла...

И пало и замерло съ нею все... Всѣ преклонили колѣна, и въ то же время все было до того тихо, что когда «мать» сама поднялась и перекрестила мертваго сына, — мы всѣ слышали ея шопотъ:

— Спи, бѣдный мальчикъ... ты умеръ честно.

Ея уста произнесли эти слова тихимъ, едва замѣтнымъ движеніемъ, а отозвались они во всѣхъ сердцахъ, точно мы всѣ были ея дѣти.

Молотокъ гробовщика простучалъ, гробъ понесли къ выходу; отецъ велъ подъ локоть эту печальную мать, а глаза ея тихо смотрѣли куда-то вверхъ... Она вѣрно знала, гдѣ искать силъ для такого горя, и не замѣчала, какъ къ ней толпились со всѣхъ сторонъ молодыя женщины и дѣвушки и всѣ цѣловали ея руки, какъ у святой...

Отъ могилы къ воротамъ кладбища снова тотъ же натискъ и то же движеніе.

У самыхъ воротъ, гдѣ стоялъ экипажъ, «мать» какъ бы что-то поняла изъ окружающаго: она обернулась и хотѣла сказать «благодарю», но пошатнулась на ногахъ. Ее поддержала стоявшая возлѣ «змѣя» и... поцѣловала ея руку.

Такъ всѣхъ растрогалъ и расположилъ къ себѣ нашъ бѣдный Саша, такъ былъ оцѣненъ всѣми простой и, можетъ-быть, необдуманный порывъ его — «не выдать женщину».

Никто не останавливался надъ тѣмъ, что̀ это за женщина и сто̀ила ли она такого жертвоприношенія. Все равно! И что̀ это была за любовь, — на чемъ она зиждилась? Все началось точно съ дѣтской, точно «въ мужа съ женою играли»,—потомъ разстались, и *она*, по своей малосодержательности, быть-можетъ, счастлива, мужа ласкаетъ и рождаетъ дѣтей, — а *онъ* хранитъ какой-то клочокъ и убиваетъ себя за него... Это все равно! *Онъ*-то хорошъ, *Онъ всѣмъ интересенъ!* О немъ какъ-то легко и пріятно плакать.

Словомъ, никого тутъ нельзя отмѣтить титломъ особаго величія, а всѣ серьезно и вѣрно ведутъ свои роли, — вотъ какъ актеры занимавшей недавно Петербургъ мейнингенской труппы. Все *серьезно* поставлено!

Англичанка, про которую я, напримѣръ, говорилъ вамъ, — лично намъ всѣхъ болѣе посторонняя. Ей выходка Саши вѣрно должна была представляться совсѣмъ не такъ, какъ плакавшимъ о немъ хоровымъ цыганкамъ, и довольно бы ей, кажется, придти, посмотрѣть и уйти въ себя снова. Такъ нѣтъ же, — и она хотѣла свой штрихъ провести на картинѣ. Она писала свои замѣтки о Россіи и, разумѣется, дѣлала это основательно, свѣрялась съ тѣмъ, кто прежде

ся посѣщалъ нашу родину и что̀ говорилъ о нашихъ нравахъ, а потомъ обо всемъ дознавала въ новомъ, что̀ видѣла, и отмѣчала. Въ старыхъ справкахъ она почерпнула, что «на женъ нѣтъ подлѣй, какъ на Москвѣ», а дабы вѣрно отмѣтить новый фактъ, она выбрала время и адресовалась къ самому Сашину отцу. Она послала ему деликатное письмо, въ которомъ выражала сочувствіе его скорби и чрезвычайному достоинству, съ какимъ онъ и его жена перенесли свое горе. Въ заключеніе она просила позволенія знать: кто руководилъ ихъ воспитаніемъ, давшимъ всѣмъ имъ столько достойнаго чувства?

Старикъ отвѣчалъ, что его жена училась во французскомъ пансіонѣ, а его воспитаніемъ руководилъ monsieur Ravel изъ Парижа.

Англичанка находила странность въ этомъ извѣстіи, но «змѣя» помогла ей, сказавъ:

— Если бы ихъ училъ семинаристъ, то вы, быть-можетъ, даже не получили бы отвѣта.

Тогда думали, что все грубое и неприкладное къ жизни идетъ изъ семинарій, и винили ихъ такъ же искренно и неосновательно, какъ въ послѣдовавшую за тѣмъ недавнюю эпоху хотѣли-было заставить всѣхъ насъ судить о вещахъ съ граціей мыслителей изъ «Бурсы» Помяловскаго.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Остается покончить съ уголовщиной, которая во всякомъ разѣ была въ моей исторіи. Украдены или нѣтъ деньги, а вспомните, что вѣдь было положено возвратить ихъ поляку, и къ этому еще было добавленіе.

Кромѣ полковыхъ товарищей, явился еще добровольный плательщикъ и притомъ самый настойчивый — это Сашинъ отецъ. Поляку сто̀ило большихъ усилій отказаться отъ его требованій немедленно принять эти деньги, но Августъ Матвѣичъ ихъ не взялъ. Вообще онъ велъ себя во всей этой исторіи въ высшей степени деликатно и благородно, и мы ни въ чемъ не находили, чтобы его укорить или заподозрить. Въ томъ, что деньги были и пропали, уже никто изъ насъ не сомнѣвался. Да и какъ иначе: разъ, что онъ не беретъ предлагаемыхъ ему денегъ, то какую же онъ могъ имѣть цѣль, чтобы сочинить всю эту хлопотливую исторію съ кровавымъ концомъ?

Городское общество, для котораго наше ночное происшествіе не могло остаться въ совершенномъ секретѣ, было того же мнѣнія, но одна голова обдумала дѣло иначе и задала намъ загвоздку.

Это былъ неважный и нѣсколько разъ уже мною вскользь упомянутый коридорный нашъ Марко. Онъ былъ парень замысловатый, и несмотря на то, что черезъ него мы и узнали объ Августѣ Матвѣичѣ, — Марко теперь стоялъ не на его и даже не на своей сторонѣ и такъ намъ по секрету и высказывался.

— Я, говоритъ,—себя клятвѣ и отлученію за это готовъ поддать, потому что я о немъ вамъ доложилъ, но какъ теперь я подразумѣваю, то это не столько моя вина, какъ Божіе попущеніе. А ваше нынѣшнее на него расположеніе больше ничего, какъ—извините—это за то, что онъ не русскаго званія, и черезъ него объ насъ прошла слава прозаведеніе, и полиція безъ причины, подъ разными выдумками, услужающихъ забираетъ и все напрасно къ этимъ деньгамъ сводитъ, чтобы путались... Грѣхъ одинъ только, грѣхъ, и ничего больше какъ грѣхъ,—заключалъ Марко и уходилъ къ себѣ въ темную каморочку, гдѣ у него былъ большой образникъ и передъ нимъ горѣла неугасимая лампада.

Его иногда становилось жалко: онъ, бывало, по цѣлымъ часамъ стоитъ здѣсь и думаетъ.

— Все думаешь, Марко?

Пожметъ плечами и отвѣчаетъ:

— Льзя ли, сударь, не думать... Такое несчастье... срамъ и позоръ и гибель душѣ христіанской!

Тѣ, кто болѣе съ нимъ разговаривали, первые стали имѣть мысли, которыя потомъ мало-по-малу сообщились и прочимъ.

— Какъ хотите, говорили,—Марко, разумѣется, простой человѣкъ, изъ крестьянъ, но онъ уменъ этимъ... нашимъ простымъ... истинно-русскимъ умомъ.

— И честенъ.

— Да, и честенъ. Иначе бы, разумѣется, хозяинъ его не поставилъ надъ дѣломъ. Онъ человѣкъ вѣрный.

— Да, да,—поддакивалъ нашъ батюшка, пуская себѣ дымъ въ бороду.

— А онъ, смотря просто, видитъ, можетъ-быть, то, чего

мы не видимъ. Онъ судитъ такъ: для чего *ему* было это дѣлать? Денегъ онъ не беретъ. Да ему деньги и не надобны...

— Очевидно, не надобны, если не беретъ, когда ему ихъ предлагаютъ.

— Конечно! Это не изъ-за денегъ и дѣлано...

— А изъ-за чего же?

— А-а, ужъ объ этомъ вы не меня, а Марка спрашивайте.

И батюшка такъ поддерживалъ:

— Да, да, да,—отселѣ услышимъ Марка.

— А что же глаголетъ Марко?

— А Марко глаголетъ: «не вѣрь поляку».

— Но почему же?

— Потому, что онъ есть полякъ и невѣрный.

— Ну, позвольте, позвольте! Однако, вѣдь *невѣрный*— это одно дѣло, а *воръ*—это совсѣмъ другое. Поляки народъ амбиціонный и о нихъ этакъ думать... не того... не честно.

— Да позвольте, пожалуйста, перебиваетъ вдохновленный Маркомъ разсказчикъ:—«этакъ думать», «этакъ думать», а сами навѣрное вовсе и не знаете, о какомъ думаньѣ говорится... О воровствѣ нѣтъ и рѣчи, нѣтъ и подозрѣнія, а поляку именно то самое и принадлежитъ, что сами ему присвоиваете,—то-есть именно *амбиція*.

— Да что же ему нужно было, чтобы пропали деньги?

— Поляку-то?

— Да-съ.

— Вамъ въ голову ничего не приходитъ?

Всѣ начали думать:

«Что такое мнѣ приходитъ въ голову?»

— Нѣтъ—ничего не приходитъ.

— Это оттого, что у насъ съ вами, батюшка, головы-то дворянствомъ забиты, а простой истинно-русскій человѣкъ, онъ видитъ, что̀ поляку надо.

— Да что же ему надо,—говорите, вѣдь это всѣхъ касается!

— Да, это всѣхъ касается-съ. Ему въ авантажѣ его родины было, чтобы насъ обезславить...

— Батюшки мои!

— Конечно-съ! пустить въ ходъ, что въ обществѣ русскихъ офицеровъ можетъ случиться воровство...

— А ну какъ это въ самомъ дѣлѣ *такъ!*

— Да нечего гадать: это *такъ и есть!*

— Ахъ, чортъ бы его взялъ!

— Экій коварный народъ эти поляки!

И батюшка поддержалъ, сказавъ:

— Да, да, да.

А потомъ еще подумали и нашли, что соображенія Марка не слѣдуетъ скрыть отъ командира, но только не надо обнаруживать, что это отъ Марка, потому что это можетъ вредить впечатлѣнію, а указать какой-нибудь источникъ болѣе авторитетный и безотвѣтственный.

— Въ трактирѣ, въ бильярдной кто-то говорилъ...

— Нѣтъ,—это не хорошо. Полковникъ скажетъ: какъ же вы слышали такую мораль и не вступились. Арестовать надо было, кто это говорилъ.

— Надо выдумать другое.

— Да что?

Вотъ тутъ намъ батюшка и помогъ:

— Лучше всего, говоритъ, сказать, что въ общей банѣ слышали.

Это всѣмъ понравилось. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь умно: баня—мѣсто народное, тамъ крикъ, шумъ, говоръ, вмѣстѣ всѣ голые жмутся и вмѣстѣ на полкѣ парятся,—вмѣстѣ плескаются... А кто сказалъ?.. разбери-ка, поди, или заарестуй... Всѣхъ развѣ надо брать, потому что тутъ всѣ люди ровненькіе, всѣ голенькіе.

Такъ и сдѣлали: и батюшку же самого упросили съ этимъ и пойти.

Онъ согласился и на другой же день все выполнилъ.

Полковникъ тоже этимъ слухомъ заинтересовался и говоритъ:

— И что всего хуже, что это уже сдѣлалось общей молвою... въ народѣ, въ банѣ говорится.

Батюшка отвѣчаетъ:

— Да, да, да! все въ банѣ... Я это все въ банѣ слышалъ.

— И что же вы... рѣшительно не могли узнать, кто это говорилъ?

— Не могъ-съ. Да, да, да, рѣшительно не могъ.

— Очень жалко.

— Да... я очень хотѣлъ узнать, но не могъ, потому что

всѣ, да... знаете, въ банѣ всѣ одинаковы. Насъ, духовныхъ, еще кое-какъ отличить можно, потому мы, мужчины, но съ косами, а простые люди, кои безъ этого, всѣ другъ на дружку похожи.

— Вы бы могли за руку схватить того, кто говорилъ.

— Помилуйте—намыленный сейчасъ выскользнетъ!.. И притомъ, какъ я въ это время на полкѣ парился, то мнѣ даже нельзя было его и достать.

— Ну, да,—если нельзя достать, такъ тогда, разумѣется, нечего... А только, я думаю, все-таки это пока лучше оставить такъ... Теперь вѣдь ужъ нѣсколько времени прошло, а черезъ годъ этотъ полякъ вѣдь далъ слово пріѣхать... Я думаю, онъ свое слово сдержитъ. А вотъ вы разскажите мнѣ, какъ по-духовному надо думать о снахъ? Пустяки они или нѣтъ?

Батюшка отвѣчаетъ:

— Это все отъ взгляда.

— Какъ отъ взгляда?

— Да, то-есть нѣтъ, — я не то хотѣлъ... есть сны отъ Бога, просвѣтительные, есть и иные—есть сны натуральные отъ пищи, есть сны вредные отъ лукаваго.

— То-то вотъ,—отвѣчаетъ полковникъ:—но, однако, и это еще не точно. А вотъ какъ вы отнесете такой сонъ. Моя жена—вы знаете—очень молодая женщина, и покойный корнетъ былъ ей и родня, и другъ ея дѣтства, а потому смерть его ее страшно поразила и она сдѣлалась какъ бы суевѣрна. Притомъ мы потеряли ребенка, и она передъ тѣмъ видѣла сонъ.

— Скажите!

— Да, да, да. Что касается до сновъ, то она относится къ нимъ—какъ вы сейчасъ сказали. Я этого не раздѣляю, но опровергнуть не хочу, хотя очень знаю, что если на ночь поужинать, то сонъ снится «бя» какой — стало-быть, это отъ желудка.

— Да, и отъ желудка,—согласился батюшка:—даже всего больше отъ желудка, —но ему пришлось еще помучиться.

— Да-съ,—продолжалъ полковникъ:—но вѣдь вотъ то и дѣло, что у нея это не сонъ, а видѣнія...

— Какъ видѣнія?

— Да-съ, понимаете—она не во снѣ видитъ, не закрытыми глазами, а видитъ на-яву и слышитъ...

— Это странно.

— Очень странно,—тѣмъ болѣе, что она его никогда не видала-съ!

— Да, да, да... Это вы про кого же?

— Ну, понятно, про поляка!

— Ага-га... да, да, да!—понимаю.

— Моя жена тогда его не видала, потому что тогда, во время этого несчастнаго приключенія, она была въ постели,—такъ что не могла даже проститься съ несчастнымъ безумцемъ, мы смерть его отъ нея скрыли, чтобы молоко не бросилось въ голову.

— Боже спаси!

— Ну, да... Разумѣется, ужъ лучше смерть, чѣмъ это... Навѣрное—безуміе. Но представьте вы себѣ, что онъ ее постоянно преслѣдуетъ!..

— Покойникъ?

— Да нѣтъ—полякъ! Я даже очень радъ, что вы ко мнѣ послѣ баньки зашли и что мы объ этомъ разговорились, потому что вы въ своей духовной практикѣ что-нибудь все-таки можете почерпнуть.

И тутъ полковникъ разсказалъ батюшкѣ, что бѣдняжкѣ, нашей молодой, розовенькой полковницѣ все мерещится Августъ Матвѣичъ и, по примѣтамъ, какъ разъ такой, каковъ онъ есть въ самомъ дѣлѣ, т. е. стоитъ, говоритъ, гдѣ-то передъ нею на виду, точно какъ бываютъ старинные англицкіе часы въ футлярѣ...

Батюшка такъ и подпрыгнулъ.

— Скажите, говоритъ,—пожалуйста! Часы! Вѣдь его такъ и офицеры прозвали.

— Ну, я потому-то вамъ и разсказываю, что это удивительно! А вы еще представьте себѣ, что въ залѣ у насъ, словно на зло, именно и стоятъ такіе хозяйскіе часы да еще съ курантами; какъ заведутъ: динь-динь-динь-динь-динь-динь, такъ и конца нѣтъ, и она мимо ихъ съ сумерекъ даже и проходить боится, а вынесть нельзя, и говорятъ, будто вещь очень дорогая, да вѣдь и жена-то сама стала ихъ любить.

— Чего же это?

— Нравится ей мечтать... что-то этакое въ маятникѣ слышитъ... Понимаете, какъ онъ идетъ... размахъ свой дѣлаетъ, а ей слышится, будто «и-щу и и-щу». Да! И

такъ, знаете, ей это интересно, и странно,— жмется ко мнѣ и чтобы я ее все держалъ. Думаю, очень можетъ быть, она опять въ исключительномъ положеніи.

— Да, да... и это можетъ быть съ замужнею, это... очень можетъ быть... И даже очень быть можетъ,—отхваталъ сразу батюшка, и на этотъ разъ освободился и прибѣжалъ къ намъ, въ самомъ дѣлѣ какъ будто онъ изъ бани, и все намъ съ разбѣгу высыпалъ, но потомъ попросилъ, чтобы мы никому ни о чемъ не сказывали.

Мы, впрочемъ, этими переговорами не были довольны. По нашему мнѣнію, полковникъ отнесся къ сообщенному ему открытію недостаточно внимательно и совсѣмъ некстати свелъ къ своимъ марьяжнымъ интересамъ.

Одинъ изъ нашихъ, хохолъ родомъ, сейчасъ нашелъ этому и объясненіе.

— У него,—говоритъ про полковника,—мать зовутъ Вероника Станиславовна.

Другіе было его спросили:

— Что́ вы этимъ хотите сказать?

— А ничего больше, кромѣ того, что ее зовутъ Вероника Станиславовна.

Всѣ поняли, что мать полковника, конечно, полька, и что ему, значитъ, о полякахъ слышать непріятно.

Ну, наши тогда рѣшили къ полковнику больше не обращаться, а выбрали одного товарища, который былъ благонадеженъ нанести кому угодно оскорбленіе, и тотъ поѣхалъ будто въ отпускъ, но въ самомъ дѣлѣ съ тѣмъ, чтобы разыскать немедленно Августа Матвѣича и всучить ему деньги, а если не возьметъ—оскорбить его.

И найди онъ его—это бы непремѣнно сдѣлалось, но волею судебъ послѣдовало совсѣмъ другое.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Въ одинъ жаркій день, въ концѣ мая, вдругъ и совершенно для всѣхъ неожиданно къ нашей гостиницѣ подкатилъ въ дорожной коляскѣ самъ Августъ Матвѣичъ,—взбѣжалъ на лѣстницу и крикнулъ:

— Эй, Марко!

Марко былъ въ своей каморкѣ,—вѣрно молился передъ неугасимой,—и сейчасъ на зовъ выскочилъ.

— Сударь! говоритъ,—Августъ Матвѣичъ! Васъ ли, государь, вижу.

А тотъ отвѣчаетъ:

— Да, братецъ, ты меня видишь. А ты, мерзавецъ, все, знать, колокола льешь, да вѣрно, чтобъ они громче звонили, ты про честныхъ людей вздоры распускаешь,—и хлопъ его въ щеку.

Марко съ ногъ долой и завопилъ:

— Что̀ это такое!.. за что!

Мы, кто случился дома, выскочили изъ своихъ комнатъ и готовы были вступиться. Что̀ такое, въ самомъ дѣлѣ,—за что его бить.—Марко человѣкъ честный.

А Августъ Матвѣичъ отвѣчаетъ:

— Прошу васъ повременить минутку—за мною слѣдуютъ другіе гости, при которыхъ я вамъ сейчасъ покажу его честность, а пока прошу васъ къ нему не прикасаться и не трогать его, чтобы онъ ни на одно мгновенье не сошелъ съ моихъ глазъ.

Мы отступили, а въ это время, смотримъ, ужъ явилась полиція.

Августъ Матвѣичъ обернулся къ полицейскимъ и говоритъ:

— Извольте его брать—я передаю вамъ вполнѣ уличеннаго вора, который укралъ мои деньги, а вотъ и улика.

И онъ передалъ удостовѣреніе, что на колокольномъ заводѣ полученъ отъ Марка билетъ съ номеромъ, съ какимъ Августъ Матвѣичъ, за день до пропажи, получилъ этотъ билетъ изъ опекунскаго совѣта.

Марко упалъ на колѣна, покаялся,—и сознался какъ дѣло было. Августъ Матвѣичъ, когда ложился спать, вынулъ билеты изъ кармана и сунулъ ихъ подъ подушку, а потомъ запамятовалъ и сталъ ихъ въ карманѣ искать. Марко же, войдя въ его номеръ поправить постель, нашелъ деньги, соблазнился, скралъ ихъ, въ увѣренности, что можно будетъ запутать другихъ,—въ чемъ, какъ видѣли, и успѣлъ. А потомъ, чтобы загладить свой грѣхъ передъ Богомъ,—онъ къ одному прежде заказанному колоколу еще цѣлый звонъ «на подборъ» заказалъ и заплатилъ краденымъ билетомъ.

Всѣ остальные билеты тутъ же нашли у него въ ящикѣ подъ кіотомъ.

И зазвонили у насъ свои «Корневильскіе колокола», и еще разъ всѣ всплеснули руками и отерли слезу за бѣднаго Сашу, а потомъ пошли съ радости пировать.

Августу Матвѣичу всѣ чувствовали себя благодарными, а командиръ, чтобы показать ему свое уваженіе и благодарность, большой вечеръ сдѣлалъ и всю знать собралъ. Даже мать его, эта самая Вероника-то,—ей уже лѣтъ подъ семьдесятъ было,—и та пріѣхала, только оказалось, что она совсѣмъ не «Станиславовна», а Вероника *Васильевна*, и изъ духовнаго званія, протопопская дочь,—потому что Вероника есть и у православныхъ. А почему думали, что она «Станиславовна»,—такъ и не разъяснилось.

На этомъ вечерѣ полковница встрѣтила Августа Матвѣича при всѣхъ съ особеннымъ вниманіемъ: она встала, прошла ему навстрѣчу и подала ему обѣ руки, а онъ попросилъ извиненія «въ польскомъ обычаѣ» и поцѣловалъ у нея руки, а на другой день прислалъ ей письмо по-французски, гдѣ написалъ, что онъ все это время отыскивалъ самъ пропавшія деньги вовсе не для ихъ цѣнности, а для причинъ чести... И хотя деньги эти нынче найдены, но онъ ихъ взять не желаетъ, потому что онѣ есть «цѣна крови» и внушаютъ ужасъ. Онъ просилъ полковницу оказать ему «милосердіе»—воспитать на эти деньги круглую сиротку-дѣвочку, которую онъ отыскалъ и которая родилась какъ разъ въ ту ночь, когда разстался съ жизнью Саша. «Быть-можетъ, въ ней его душа».

Молоденькая полковница растрогалась и пожелала взять дитя, которое Августъ Матвѣичъ и привезъ ей самъ въ чистой бѣлой корзинѣ, въ бѣлой кисеѣ и лентахъ.

— Ловкій полякъ!—всѣ ему даже позавидовали, какъ онъ умѣлъ сдѣлать это красиво, нѣжно и вкрадчиво. Мистикъ, и вистикъ!

Она, говорили, прощаясь съ нимъ, плакала, а мы съ нимъ простились при брудершафтахъ за городомъ въ рощѣ. Это была случайность: онъ уѣзжалъ, а мы бражничали и остановили его. Извинились и затащили, и пили, пили безъ конца и откровенно ему все разсказали, что̀ гадкаго о немъ думали.

— Ну и ты тоже, приступили, — и ты намъ скажи... какъ ты это все подстроилъ.

Онъ говорилъ:

— Да я, господа, ничего не подстраивалъ, — все само собой такъ вышло...

— Ну, да ладно, говоримъ,—не виляй, братъ,—ты полякъ, мы тебѣ это въ вину не ставимъ, а, однако, какъ же это ты могъ отыскать сиротку-дитя, которое родилось какъ разъ въ ту ночь, какъ умеръ Саша, и, стало-быть, это дитя—ровесникъ умершему ребенку полковницы...

Полякъ засмѣялся

— Ну, господа, говоритъ, — да развѣ можно было это подстроить?

— Да въ томъ-то и дѣло! Чортъ васъ знаетъ, какіе вы тонкіе!

— Ну, повѣрьте, я теперь только и узнаю, что я такъ тонокъ, что даже самъ себя не могу видѣть. Но вы меня увольте въ дорогу, а то почтовый ямщикъ, по своимъ правиламъ, выпряжетъ лошадей изъ моего экипажа.

Мы его отпустили, сами подсадили его въ коляску и крикнули: «пошелъ!»

А онъ примѣрялся, какъ намъ граціозно поклониться изъ коляски, но вѣрно не успѣлъ сѣсть, какъ лошади дернули—и онъ предвусмысленно поклонился намъ задомъ.

Такъ наша грустная исторія и кончилась. Въ ней нѣтъ идей, которыя бы чего-нибудь стоили, а я разсказалъ ее только по интересности. Тогда было такъ, что что-нибудь этакое самое ничтожное затѣется и пойдетъ расти, расти, и все какіе-то интересные ножки и рожки показываются. А теперь захватъ будто ухъ какой большущій, а потомъ пойдутъ перетирать—и меньше, меньше и, наконецъ, совсѣмъ ничего нѣтъ... Иной даже любить начнетъ, да и оставитъ—скучно станетъ. А отчего это?—чай, отъ многаго, а болѣе всего—думается—не отъ равнодушія ли къ тому, что называется *личной честью?*..

ТАИНСТВЕННЫЯ ПРЕДВѢСТІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

При толкахъ о возможности близкой войны, недавно, какъ встарь, говорили о разныхъ необыкновенныхъ явленіяхъ, которыя, по мнѣнію вѣрующихъ, должны предвѣщать необыкновенныя событія. Въ Кіевѣ, напримѣръ, у храма Трехъ Святителей найдены въ необыкновенномъ положеніи два человѣческіе скелета; въ Кронштадтѣ родился необыкновенный младенецъ, который тотчасъ же заговорилъ, что ему надлежитъ наречь имя «Іоаннъ»; прилетные грачи не заняли старыхъ гнѣздъ по набережью взморья, а завились ближе вовнутрь; многимъ былъ видимъ редакторъ Комаровъ въ сербскомъ военномъ убраньѣ...

Эти, а также и нѣкоторыя другія, столь же замѣчательныя или, по крайней мѣрѣ, очень рѣдкія событія въ первыхъ числахъ апрѣля мѣсяца 1885 года отмѣчены русскими газетами великой и малой печати, и истолковывались какъ «предвѣщанія» той «близкой войны», о которой въ истекшіе дни всѣ говорили и всѣ ждали рѣшительныхъ извѣстій. Особеннымъ значеніемъ пользовалось «прореченіе кронштадтскаго младенца».

Полагали, что «Іоанникъ» не остановится на одномъ провѣщаніи своего имени, а скоро скажетъ и еще что-то болѣе обще-интересное,—потомъ стали даже опасаться: не скрываютъ ли по какимъ-нибудь соображеніямъ то, что̀ говоритъ «Іоанникъ».

Въ виду такихъ событій, можетъ статься, не излишнимъ будетъ разсказать, что̀ въ этомъ же чудесномъ родѣ случалось у насъ прежде.

Одно изъ таковыхъ, какъ мнѣ кажется, весьма интересное событіе,—достойное вниманія по своей образности и по полнотѣ объясненія, — я нашелъ въ принадлежащихъ мнѣ отрывочныхъ запискахъ одного лица, пользовавшагося особеннымъ вниманіемъ весьма извѣстнаго общественнаго дѣятеля и писателя, Андрея Николаевича Муравьева. Тамъ оно значится подъ заглавіемъ: «*Событіе о сѣножатцѣ*».

Дѣло касается загадочнаго происшествія, которое случилось какъ разъ за годъ передъ Крымскою войною и заставило говорить о себѣ многихъ въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Вотъ что сохранилось объ этомъ въ замѣткахъ современника.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разъ, лѣтомъ 1852 года, покойный императоръ Николай Павловичъ, въ какомъ-то разговорѣ съ графомъ Протасовымъ, поинтересовался Валаамскимъ монастыремъ. Графъ не былъ приготовленъ къ вопросамъ государя, но не хотѣлъ обнаружить своей неготовности и, начавъ отвѣчать бойко и рѣчисто, увлекся до нѣкоторой неосторожности. Онъ необыкновенно нахвалилъ государю Валаамскую обитель со стороны красотъ ея островного мѣстоположенія, аскетическаго благочестія ея обитателей, ихъ превосходныхъ хозяйственныхъ учрежденій и необыкновенныхъ успѣховъ ихъ въ садоводствѣ и огородничествѣ, причемъ было что-то говорено и о винограде.

Государь находился въ самомъ благопріятномъ расположеніи, чтобы выслушать разсказъ графа, и особенно заинтересовался виноградомъ, а потомъ замѣтилъ:

— Это все любопытно. Братъ Александръ былъ тамъ, и я помню, что монастырь произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Тамъ бы стоило побывать.

Графъ, въ какихъ онъ зналъ соотвѣтственныхъ выраженіяхъ, отвѣчалъ государю, что проѣхать, дѣйствительно, стоитъ, а государь уронилъ въ отвѣтъ на это: «да, да», и перешелъ къ другимъ рѣчамъ.

Было ли у государя серьезное намѣреніе посѣтить Валаамъ или замѣчанія его были высказаны вскользь безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, но графъ Протасовъ тотчасъ же послѣ описаннаго разговора поѣхалъ прямо изъ дворца въ

лавру къ бывшему тогда митрополиту Никанору *) и сообщилъ ему слова императора,—какъ событіе, которое немедленно требуетъ подготовительныхъ дѣйствій.

Графъ былъ неспокоенъ, потому что онъ не хорошо зналъ Валаамъ и опасался, не проскользнуло ли въ его отвѣтахъ государю чего-нибудь несоотвѣтственнаго и опрометчиваго. Графу, конечно, была извѣстна необыкновенная памятливость государя и его строгость, если онъ узнаетъ обманъ. Слѣдовательно, если государю вздумается поѣхать на Валаамъ, да онъ найдетъ тамъ что-нибудь не то, что ему разсказалъ графъ, то ему отъ императора достанется. А что государь ничего не забудетъ и обстоятельно сравнитъ разсказъ графа съ дѣйствительностію, въ томъ тоже не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Безпокойство графа не показалось напраснымъ и владыкѣ Никанору. Напротивъ, оно еще значительно возросло въ митрополитѣ, такъ какъ высокопреосвященный проживалъ въ Петербургѣ въ епископскомъ санѣ съ 1848 года, а на Валаамѣ тоже еще не бывалъ: и теперь, когда оберъ-прокуроръ заговорилъ съ нимъ, онъ почувствовалъ, что и самъ не знаетъ — въ какой степени дѣйствительность Валаама отвѣчаетъ словеснымъ изображеніямъ графа. Особенно внѣшній порядокъ и чистота, которыя обыкновенно не скрывались отъ глазъ императора, легко могли быть ниже того, что о нихъ было разсказано. Все это высокопреосвященный самъ и выразилъ графу.

— Ну, вотъ видите ли, какъ оно есть! — отвѣчалъ на то графъ. — Это никуда не годится. Такъ и мнѣ, и вамъ можетъ быть очень непріятно. Вы знаете, какъ государь проницателенъ.

— Знаю.

— Ну, такъ я бы совѣтовалъ вамъ предупредить государя и самимъ туда съѣздить — поклониться святынямъ и все посмотрѣть и исправить.

Митрополитъ согласился.

— Я и самъ, говоритъ,—давно желалъ поклониться преподобнымъ Герману и Сергію.

---

*) Никаноръ (Клементьевскій) былъ митрополитомъ новгородскимъ и с.-петербургскимъ съ 20 ноября 1848 г. по 17 октября 1856 г., когда умеръ. Его замѣстилъ съ 1 окт. того же года в.-пр. Григорій (Постниковъ), ум. 17 іюня 1869 г.

Графъ одобрилъ и вызвался самъ доложить государю объ этомъ намѣреніи.

Протасовъ съ этимъ *уѣхалъ*, а высокопреосвященный Никаноръ обратился къ лаврскимъ записямъ и къ старымъ инокамъ лавры за справками: когда и кто изъ петербургскихъ іерарховъ ѣздилъ самъ на Валаамъ и какія это имѣло послѣдствія?

Оказалось, что изъ всѣхъ митрополитовъ, бывшихъ прежде высокопреосвященнаго Никанора, совершалъ паломничество на Валаамъ только одинъ Михаилъ *), и цѣль его путешествія тоже была сложная: главное влеченіе, разумѣется, было поклониться мощамъ преподобныхъ Германа и Сергія, но совпала эта поѣздка владыки съ дошедшимъ до него слухомъ, что покойный государь Александръ Павловичъ желаетъ съѣздить помолиться на Валаамъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Это было лѣтомъ 1819 года, и именно въ половинѣ іюля. Одиннадцатаго числа іюля, въ день св. благовѣрныя княгини Ольги, одна изъ посѣтившихъ владыку тезоименитыхъ дамъ большого свѣта сообщила преосвященному, какъ кому-то случилось заинтересовать государя разсказомъ о духовной жизни, о прозорливствѣ и другихъ особенныхъ дарованіяхъ валаамскихъ скитниковъ и схимниковъ, а шестнадцатаго числа того же іюля владыка Михаилъ «прибылъ уже на Валаамъ на трехъ лодкахъ въ сопровожденіи выборгскаго протоіерея, іеромонаха, двухъ іеродіаконовъ, четырехъ пѣвчихъ и прочихъ духовныхъ и *свѣтскихъ* лицъ. Митрополитъ Михаилъ пробылъ здѣсь четыре дня (16—20 іюля), служилъ, молился, провожалъ покойника и шествовалъ со славою, и 20 іюля отплылъ на лодкахъ». (См. описаніе Валаамскаго монастыря. Спб., 1864 г.). А «въ августѣ на Валаамѣ разнеслось извѣстіе, что къ десятому числу туда будетъ государь». Слухъ этотъ скоро и оправдался: «уже шестого августа получено было съ нарочнымъ отъ министра духовныхъ дѣлъ, князя Голицына, игуменомъ Валаамскаго монастыря письмо, въ которомъ изъяснена высочайшая воля государя императора

*) Высокопреосвященный Михаилъ (Десницкій) былъ митрополитомъ новгородскимъ и с.-петербургскимъ съ 25 іюня 1818 г. по день своей смерти, 24 марта 1821 года.

непремѣнно быть въ монастырѣ, и повелѣно: не приготовлять ничего, церемоніи не дѣлать, а принять самодержаннаго посѣтителя какъ благочестиваго путешественника (ibidem).

Государю Александру Павловичу очень хотѣлось видѣть отдаленную обитель такъ, какъ она есть—ничѣмъ не приспособленную къ нарочитому пріему, а въ простомъ, въ обычномъ строѣ ея общежитія, но это не удалось. «Описаніе» сообщаетъ, что усердные иноки не могли совладать съ охватившею ихъ радостію и едва государь прибылъ въ Сальму, какъ его здѣсь уже встрѣтилъ валаамскій экономъ Арсеній. Правда, что экономъ какъ будто случился здѣсь по экономическимъ надобностямъ обители, а это было въ порядкѣ вещей, но тѣмъ не менѣе государь Александръ Павловичъ едва ли принялъ это за простую случайность, и во всякомъ случаѣ онъ воспользовался свиданіемъ съ экономомъ и самъ настойчиво выразилъ ему свое желаніе освободиться отъ всякихъ встрѣчъ и отъ всякаго особливаго почета на Валаамѣ. Государь Александръ Павловичъ «самъ» подтвердилъ эконому, чтобъ встрѣчи никакой не было, чтобъ службъ церковныхъ не прибавлять и не убавлять, а быть всему по монастырскому положенію, чтобы рукъ у его величества не цѣловать и въ ноги ему не кланяться. (Опис. Валаам. монаст., стр. 195).

И болѣе того: «склонный къ тонкой деликатности, государь, чтобы не смущать тишину скитской жизни и не нарушать богомысленнаго настроенія братіи блескомъ и многолюдствомъ придворныхъ, переплылъ на Валаамъ, не взявъ съ собою никого, кромѣ одного камердинера». Но въ монастырѣ все-таки узнали о пріѣздѣ его величества, когда онъ уже всходилъ по гранитной лѣстницѣ. Тогда *затрезвонили во всѣ колокола*, и братія начала сходиться со всѣхъ сторонъ къ собору. Государь стоялъ на церковномъ крыльцѣ и внимательно изволилъ смотрѣть на монаховъ, *поспѣшавшихъ другъ передъ другомъ*» (196). Это было уже не то, чего хотѣлось государю.

«Взойдя въ соборъ, государь сталъ посрединѣ церкви, игуменъ былъ въ ризѣ и съ крестомъ, а іеродіаконъ въ стихарѣ, царскія двери отворены и іеродіаконъ возгласилъ многолѣтіе».

Государь выслушалъ эту встрѣчу и пошелъ «приклады-

ваться къ мѣстнымъ иконамъ», а игуменъ, тѣмъ временемъ, снялъ съ себя ризу и «сталъ за амвономъ съ братіею».

«Государь подошелъ къ нему и принялъ благословеніе сначала отъ него, а потомъ отъ всѣхъ іеромонаховъ, *цѣлуя у каждаго руку, но своей никому не давая*; затѣмъ кланялся всей братіи». Всѣмъ этимъ государь Александръ Павловичъ сколько удовлетворялъ своему собственному настроенію, столько же и давалъ чувствовать братіи — въ какомъ духѣ имъ надлежало держать себя въ его присутствіи; но братія, въ отвѣтъ на поклонъ императора, «поклонилась ему въ землю» (ibidem). Тогда государь уже сказалъ прямо въ лицо инокамъ, «чтобы ему никто не кланялся поклоненіемъ въ землю, подобающимъ только Богу».

Въ этомъ же родѣ случилось нѣчто и въ отношеніи службъ: государя опять спрашивали, какъ служить, — онъ опять просилъ служить все по установленію. Ему все хотѣлось, чтобы на него не обращали вниманія, а инокъ Савватій во время службы оставилъ свое мѣсто, чтобы «поднять перчатку», которую уронилъ государь, и «его величество не допустилъ до этого отца Савватія» (203). Одну службу затянули такъ, что «іеросхимонахъ-пустынножитель Никонъ, въ присутствіи государя, при привычномъ вниманіи и напряженномъ слушаніи божественнаго пѣнія, выпустилъ костыль изъ рукъ и упалъ, а государь его поднялъ и посадилъ» (ibidem).

Когда все это было приведено на память высокопреосвященному Никанору, онъ увидалъ, что есть очень большая надобность подготовить валаамскихъ отшельниковъ къ тому, чтобы они могли держать себя при встрѣчѣ государя Николая Павловича соотвѣтственнѣе того, какъ держали себя, встрѣчая покойнаго Александра Перваго. А для того, чтобы такую подготовку сдѣлать многостороннѣе и избѣжать недосмотровъ, допущенныхъ митрополитомъ Михаиломъ, высокопреосвященный Никаноръ пришелъ къ очень счастливой мысли — повезти съ собою на Валаамъ не однихъ спутниковъ изъ столичнаго духовенства, которые могли дать инокамъ подходящіе совѣты въ отношеніи богослуженія, но также пригласить съ собою и двухъ-трехъ міранъ изъ такихъ людей, которые совмѣщаютъ въ себѣ настоящее русское благочестіе и настоящее знаніе этикета и вкусовъ государя.

Въ такихъ лицахъ тогда недостатка не было. Къ митрополиту была вхожа цѣлая группа свѣтскихъ людей, изъ коихъ каждый могъ основательно оспаривать у другого право и на общественное уваженіе, и на набожность и благочестіе. Таковы, напримѣръ, были: Степанъ Онисимовичъ Бурачокъ (изд. «Маяка»), графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой, Андрей Николаевичъ Муравьевъ, Андрей Андреевичъ Вагнеръ, Аркадій Николаевичъ Мазовской и Иванъ Якимовичъ Мальцевъ.

Выборъ былъ свободный, такъ какъ каждое изъ этихъ лицъ отвѣчало цѣлямъ, которыя имѣлъ митрополитъ, и каждое, конечно, изъявитъ полнѣйшую готовность съ рвеніемъ принести свою долю ожидаемой отъ него пользы.

Мысли владыки втайнѣ намѣчали отдать предъ всѣми предпочтеніе Андрею Николаевичу Муравьеву, но судьба и разныя неожиданныя вещи устроили все это иначе, и притомъ гораздо лучше и ко всеобщему удовольствію многихъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Единомысленное содружество или «братство», состоявшее изъ Бурачка, гр. Дм. Н. Толстого, Андрея Н. Муравьева, Андрея А. Вагнера и Ивана Якимовича Мальцева, само признавало или, лучше сказать, чувствовало надъ собою нравственное старѣйшинство Андрея Николаевича Муравьева и было отъ него въ нѣкоторой авторитетной зависимости. Онъ ихъ тихо, но плотно подавлялъ извѣстными превосходствами своей натуры — смѣлостью, оригинальностью и беззастѣнчивостью; притомъ всѣ они признавали въ немъ большой умъ и талантъ и знали, что высокопреосвященный Никаноръ отличаетъ его отъ прочихъ и «помогаетъ ему» такъ чувствительно, что это давало поводъ многимъ утверждать, будто Муравьевъ «жилъ на счетъ митрополита» *).

*) Муравьевыхъ было пять братьевъ: Александръ — бывшій декабристъ и впослѣдствіи ссыльный, а потомъ губернаторъ и сенаторъ — Михаилъ (Виленскій), Николай (Карсскій), Сергѣй, служившій гдѣ-то въ небольшихъ должностяхъ, и обыкновѣнный Андрей Николаевичъ, котораго называли «вселенскимъ». Онъ былъ другъ всѣхъ патріарховъ и эпитропъ. Часть свою изъ наслѣдства отца Андрей Н. отдалъ брату своему Александру, а самъ жилъ на Троицкомъ подворьѣ, въ прекрасномъ, впрочемъ, помѣщеніи, которое даромъ предложилъ ему покойный митрополитъ московскій Филаретъ (Дроздовъ).

Андрей Н. Муравьевъ — лицо очень замѣчательное, оригинальное и до сихъ поръ еще никѣмъ не описанное съ тою тщательностію, какой заслуживаетъ этотъ характерный выразитель своего времени. У меня кое-что собрано для его характеристики: владѣютъ также драгоцѣнными въ этомъ отношеніи матеріалами и другіе, но въ настоящемъ разсказѣ, конечно, некстати подробно заниматься этимъ любопытнымъ дѣломъ, которое должно составить предметъ особаго сочиненія. Тутъ отмѣтимъ объ Андреѣ Николаевичѣ только вскользь, что идетъ къ рѣчи о значеніи сего лица въ извѣстномъ въ свое время «религіозномъ братствѣ», изъ котораго были взяты свѣтскіе сопутники при путешествіи митрополита Никанора на Валаамъ.

Андрей Николаевичъ, поссорившись съ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ графомъ Протасовымъ, потерялъ свое мѣсто въ синодѣ и остался при небольшомъ жалованьѣ въ тысячу рублей, которое ему отпускали изъ суммъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Съ этими средствами онъ нуждался очень, и ему помогали многіе, отчасти чувствовавшіе нѣкую духовную связь съ нимъ, а отчасти «будировавшіе» такимъ образомъ противъ графа Протасова. Митрополитъ московскій отдалъ ему для житья большое помѣщеніе на Троицкомъ подворьѣ, у Аничкина моста, а петербургскій митрополитъ «поддерживалъ его денежно». Въ послѣднемъ съ владыкою Никаноромъ участвовали и другія изъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ.

Андрей Николаевичъ въ этомъ отношеніи обладалъ большимъ тактомъ и отлично умѣлъ группировать знакомство. Рѣзкіе люди не безъ основаній называли его «салопницей». Будучи самъ бѣденъ и нуждаясь въ помощи, онъ группировалъ нужныхъ ему людей въ кружокъ и «доминировалъ надъ ними силою своего духовнаго авторитета. Надъ этимъ шутили, и онъ самъ въ шутку называлъ свой кругъ «своимъ свѣтскимъ приходомъ» и собиралъ этихъ прихожанъ къ себѣ въ митрополичьи покои на такъ-называемыя «свѣтскія всенощныя».

«Свѣтскія всенощныя» — это собственно былъ вечерній чай, на который заходили къ Андрею Николаевичу его друзья по окончаніи всенощной службы въ митрополичьей церкви.

Андрей Николаевичъ, будучи достаточно смѣшонъ и уязвимъ во многомъ, имѣлъ слабость всѣмъ и всему да-

вать особенныя названія или клички. Какъ вещи, такъ и люди назывались у него не своими именами. Слѣдуя такой привычкѣ, онъ одну изъ комнатъ своего помѣщенія въ митрополичьихъ апартаментахъ уставилъ скамьями, застлалъ скатертями и назвалъ «боярской палатой». А какъ на стѣнахъ этой палаты онъ развѣсилъ портреты знакомыхъ ему патріарховъ, то приглашеніе пить здѣсь чай выражалось словами: «пить чай подъ патріархами».

Люди у него тоже ходили всѣ съ особыми кличками, часто весьма неудачными, а иногда и довольно плоскими. Особенно молодежь, или его «пажи» и «берейторы», которые при немъ состояли и являлись «по очереди», — эти Ганимеды всѣ откликались не на свои имена, а на данныя имъ клички. Но объ ихъ кличкахъ и о нихъ самихъ поговоримъ въ другое время и въ другомъ мѣстѣ, а теперь о «чаѣ подъ патріархами».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Волею-неволею и своею охотою отрѣшившійся отъ «свѣта», Андрей Николаевичъ Муравьевъ старался показывать, что онъ «свѣтомъ вовсе не дорожитъ», но на самомъ дѣлѣ онъ никогда не переставалъ интересоваться всѣмъ, что дѣлается въ «большихъ сферахъ», и имѣлъ все тамъ происходившее на слуху. Если мы назовемъ здѣсь хоть нѣсколько лицъ изъ его постоянной компаніи или, какъ самъ онъ называлъ, изъ его «прихода», то всякому станетъ ясно, что онъ и могъ имѣть очень скорыя и очень вѣрныя извѣстія.

Къ Муравьеву «пить чай подъ патріархами» собирались, между прочимъ, извѣстная Татьяна Борисовна Потемкина, графиня Ламбертъ (рожденная Канкрина), Мальцева, Марья Яковлевна Веригина (рожденная Булгарина) — жена Александра Ивановича Веригина, бывшаго генералъ-губернатора, — Александра Ѳедоровна Туманская (рожденная Опочинина), сестра ея Горяинова, жена Николая Михайловича Лонгинова, Марія Михайловна (рожденная Корсакова) и др. А изъ мужчинъ — Абамеликъ (женатый на Лазаревой), Мезенцевъ, Сиверсъ, Эвальдъ, Мазовской, Павелъ Петровичъ Мельниковъ, Вагнеръ и Шаховской. Всѣ эти люди постоянно вращались въ разныхъ тогдашнихъ дѣловыхъ кружкахъ: вездѣ собирали всякія сколько-нибудь интересныя новости и сносили ихъ въ «боярскія палаты» къ Му-

равьеву, который выслушивалъ ихъ по виду съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, но въ самомъ дѣлѣ — съ большимъ вниманіемъ и никогда не упускалъ того, что̀ могло касаться какихъ-нибудь личныхъ его видовъ.

Изъ лицъ, сейчасъ нами названныхъ, одинъ даже имѣлъ долгъ или обязанность всегда являться въ собраніе «подъ патріархами» *непремѣнно* съ новостію и за то получилъ отъ Андрея Николаевича кличку «Репетиловъ» *).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

«Репетиловъ» приходился сродни Андрею Николаевичу (племянникъ) и занималъ такую должность, по которой могъ скоро и вѣрно знать новости Двора. А потому при «чаѣ подъ патріархами» онъ былъ интересная персона, которую всегда встрѣчали съ любопытствомъ и которой потому даже дозволялось запаздывать и являться «подъ патріарховъ» не изъ церкви, а прямо изъ города, лишь бы только его «вечернее приношеніе было въ порядкѣ».

«Приношенія» къ «чаю подъ патріархами» были не только въ обычаѣ, но это, такъ сказать, составляло необходимое условіе. Андрей Николаевичъ не скрывалъ, что его дѣла находятся въ большомъ стѣсненіи, но, напротивъ, онъ самъ говорилъ объ этомъ всѣмъ и своей веселою откровенностью довольно легко и благоуспѣшно выходилъ изъ затрудненій, не испытывая лишеній.

— Трудящійся достоинъ мзды, — говорилъ шутя, но съ серьезными цѣлями Муравьевъ.—Я васъ просвѣщаю, а вы меня кормите. Безъ меня вы ничего бы не знали, а я напишу моимъ золотымъ перомъ, что̀ вамъ нужно знать, и вы будете знать **).

Поэтому являлись съ «приношеніями» всѣ приходившіе

*) Вотъ клички нѣкоторыхъ другихъ «муравьевскихъ прихожанъ»: Эвальдъ назывался «Алъ и Фертъ», Мазовской — Кукушка», Вагнеръ — Корнетъ-хохолъ», Шаховской «Колокольчикъ», Абамеликъ — Зосима и Савватій». Дамы тоже имѣли клички. Пажи и берейторы назывались общимъ именемъ «сынъ-сиры», по степени расположенности они пользовались у Муравьева неодинаковою. Въ числѣ ласкаемой Андреемъ Николаевичемъ молодежи («сынъ-сировъ») были тогдашніе юнкера Шереметевъ и братья Алексѣй и Петръ Ахматовы, изъ которыхъ одинъ потомъ былъ оберъ-прокуроромъ св. синода.

**) Андрей Николаевичъ Муравьевъ писалъ *золотымъ перомъ*, которое было ему поднесено его почитателями, съ надписью: «перо Муравьева». Куда оно дѣлось — неизвѣстно. Писалъ онъ всегда превосходно и потому предпочиталъ диктовать.

«подъ патріарховъ». Не освобождались отъ этого даже и люди совершенно бѣдные. Изъ тѣхъ одинъ (В.) былъ обязанъ приносить сливки, другой (А.)—калачи, и т. д.—кто что могъ. У кого не было ничего своего для приношенія, тому Андрей Николаевичъ доставалъ возможность отбывать свою повинность на счетъ «ввѣренной части»,—такъ, напримѣръ, М. Э. и С. присылали ему верховыхъ лошадей изъ берейторской школы, и онъ совершалъ на нихъ по городу свои прогулки, которыя обращали на него вниманіе и не дозволяли забывать о немъ людямъ безпамятнымъ. Но всѣхъ исправнѣе и всѣхъ щедрѣе въ приношеніяхъ были вышеназванныя дамы, между коими находились обладательницы огромныхъ состояній. Ихъ попеченіями Андрею Николаевичу доставлялось не только все существенно необходимое для безнуждного существованія, но также не мало и излишняго. Дамы только иногда затруднялись знать, что нужно Андрею Николаевичу или что ему желается; но въ этихъ случаяхъ ихъ обыкновенно выручалъ тезка Андрея Николаевича — «корнетъ-хохолъ» А. А. Вагнеръ, который былъ одно время какъ бы наперсникомъ Муравьева и его ризничимъ и кравчимъ его «боярской палаты» Какъ бы тщательно ни былъ пополненъ весь палатскій инвентарь Муравьева, Вагнеръ всегда умѣлъ указать желающимъ услужить Андрею Николаевичу—что еще можетъ быть предложено къ его благоугожденію. Даже, если было укомплектовано все,—то и тогда еще желающимъ приносить не приходилось тосковать въ невѣдѣніи, что можетъ быть предметомъ новыхъ приношеній. Андрей Николаевичъ постоянно носилъ дома черные полукафтанья (архалуки) изъ шелковой матеріи, устроенные такъ, что они должны были застегиваться на пуговицы, но пуговицы къ нимъ не пришивались, а только прометывались петли. Въ эти петли вставлялись запоны изъ драгоцѣнныхъ цвѣтныхъ камней, обдѣланныхъ въ серебро или въ золото. Пуговицы одного какого-нибудь цвѣта Андрею Николаевичу надоѣдали, и онъ имѣлъ разныя смѣны: яхонтовыя, изумрудныя, рубиновыя, янтарныя. Новая смѣна въ этомъ родѣ всегда приносила Андрею Николаевичу удовольствіе, а Андрей Андреевичъ Вагнеръ зналъ вкусы «брата Андрея» и всегда могъ помочь дамамъ, затруднявшимся — какое приношеніе было умѣстнѣе во всякую данную минуту.

Понятно, что такъ хорошо обставленный А. Н. Муравьевъ былъ неупустительно извѣщенъ о томъ, что случилось послѣ мимолетнаго разговора государя съ графомъ Протасовымъ о Валаамѣ, и предполагавшаяся поѣздка митрополита вызвала въ Андреѣ Николаевичѣ свои соображенія.

Дѣло представлялось такъ, что Андрею Николаевичу, кажется, слѣдовало бы имѣть первое мѣсто и главную роль въ этомъ паломничествѣ, и такъ какъ съ мѣропріятіями по этому поводу медлить было некогда, то Андрей Николаевичъ тотчасъ же и сдѣлалъ свои распоряженія по причету.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

У нихъ въ «братствѣ» былъ такой порядокъ, что къ концу «чая подъ патріархами» Андрей Николаевичъ, какъ «настоятель», назначалъ подначальнымъ ему младшимъ братіямъ — куда имъ надлежитъ являться на завтрашнія воскресныя службы.

Назначенія эти дѣлались всякій разъ по непосредственному его усмотрѣнію: часто, напримѣръ, назначалось посѣтить «внезапно» раннія службы у Пантелеймона или у Симеона, гдѣ Андрей Николаевичъ преслѣдовалъ извѣстныя ему упущенія (особенно лѣность какого-то діакона), но иногда надобность указывала имъ явиться «внезапно» въ другихъ храмахъ, — и всѣ эти распоряженія давались только наканунѣ, подъ «патріархами», такъ что объ этомъ никто не могъ предупредить неисправныхъ священнослужителей, и Андрей Николаевичъ съ «братіею» настигали упустительныхъ врасплохъ, со всѣми слабостями, и тутъ же взыскивали или исправляли *). Если же все по храмамъ епархіальнаго вѣдомства въ столицѣ шло въ порядкѣ и упущеній нигдѣ не предвидѣлось, тогда Андрей Николаевичъ доз-

*) Если Андрей Николаевичъ приходилъ въ церковь Пантелеймона передъ начатіемъ ранней обѣдни и видѣлъ, что священникъ готовится начинать литургію одинъ безъ діакона, котораго Муравьевъ уже зналъ за человѣка лѣниваго къ молитвѣ, то Андрей Николаевичъ тотчасъ же просилъ батюшку «подождать», а за діакономъ посылалъ сторожа, съ приказаніемъ «поднять его съ постели». Сторожъ шелъ и исполнялъ порученіе такъ успѣшно, что діаконъ приходилъ очень скоро и служилъ съ благоговѣніемъ.

волялъ себѣ и своимъ братіямъ высшее духовное удовольствіе: они всѣ могли съѣзжаться въ Александро-Невскую лавру, въ Крестовую церковь митрополита, и тамъ даже принимать возможное для мірянъ личное участіе въ службахъ. Изъ «братіи» Андрей Николаевичъ Муравьевъ и Андрей Андреевичъ Вагнеръ почитались за хорошихъ чтецовъ и имъ дозволялось читать въ Крестовой церкви за всенощною шестопсалміе. (Самъ митрополитъ слушалъ это чтеніе, сидя у окна, которое было продѣлано въ церковь изъ его столовой). Вагнеръ и Муравьевъ читали «каждый въ своемъ родѣ»; но какъ однимъ изъ ихъ слушателей больше нравилось чтеніе Муравьева, а другимъ былъ пріятнѣе Вагнеръ, то въ общихъ интересахъ, для уравненія слушателей, между обоими мастерами читать была установлена очередь: одинъ разъ читалъ «Андрей большой», а въ другой—«Андрей меньшой», т. е. Вагнеръ.

Оба чтеца въ очередь свою подготовлялись къ чтенію и превосходили другъ друга въ своемъ искусствѣ, а потому случаи эти представляли интересъ для компаніи и сопровождались нѣкоторою особенною торжественностію. Въ тѣ дни, когда читали Муравьевъ или Вагнеръ, Андрей Николаевичъ пріѣзжалъ въ лавру одинъ, такъ какъ онъ былъ очень честолюбивъ и занималъ въ церквахъ особыя мѣста (въ Троицкомъ подворьѣ Муравьевъ, въ отсутствіе московскаго митрополита, стоялъ всегда на его мѣстѣ), а весь остальной мужской персоналъ «братіи» долженъ былъ пріѣзжать разомъ «въ курятникѣ». Это требуетъ объясненія. «Братія» съѣзжалась сначала на Моховую, въ домъ секундъ-маіора Ивана Якимовича Мальцева, къ обѣду. Обѣдъ въ такихъ случаяхъ происходилъ ранѣе обыкновеннаго, и при послѣднемъ блюдѣ къ крыльцу подавалась большая четвероместная карета, которую, со словъ Муравьева, называли «курятникъ». Въ этотъ-то «курятникъ» усаживались—самъ чтецъ Вагнеръ («ниже бысть первый по Фараонѣ») и знатоки службы: Бурачокъ, Толстой и самъ секундъ-маіоръ Мальцевъ.

Въ Крестовой церкви оканчивалось служеніе, чтецы отличались, и затѣмъ всѣ шли на чай къ митрополиту, гдѣ и проводили часъ въ пріятныхъ разговорахъ о томъ, что было на ту пору интереснаго въ городѣ.

Муравьевъ имѣлъ полное основаніе разсчитывать, что въ

этотъ разъ тамъ дежурный разговоръ будетъ о Валаамѣ, но, къ крайней своей досадѣ, онъ очень грубо ошибся.

Андрей Николаевичъ понялъ, что это не спроста и что ему что-то подстроено.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Положеніе Муравьева въ духовенствѣ было чрезвычайно странное. Близкій по своимъ отношеніямъ къ патріархамъ и вообще высшимъ іерархамъ, онъ вовсе не пользовался расположеніемъ клира. Напротивъ, онъ имѣлъ въ числѣ священнослужителей множество недоброжелателей и даже нѣкоторое число очень откровенныхъ и смѣлыхъ враговъ, которые не боялись «ходить на него въ одиночку». Изъ нихъ одинъ такой жилъ тогда въ Невской лаврѣ,—это былъ знаменитый синологъ, архимандритъ Аввакумъ, извѣстный по своей учености, по благородной прямотѣ характера, по неукротимой пылкости и по анекдотической небрежности въ отправленіи совершенно несродныхъ ему цензорскихъ обязанностей, къ которымъ онъ былъ назначенъ и потомъ отрѣшенъ. За продолжительную жизнь въ Китаѣ, отецъ Аввакумъ совсѣмъ «отвыкъ отъ европейской политики» и не скрывалъ никакихъ своихъ чувствъ: онъ гласно говорилъ, что «самое безвредное чтеніе—читать этикеты на бутылкахъ, а самый противный человѣкъ на свѣтѣ—Андрей Муравьевъ съ братіею его». И Андрей Николаевичъ это зналъ, потому что Аввакумъ однажды высказалъ всю эту тираду за столомъ въ присутствіи самого Муравьева; но Муравьевъ не могъ ему ничего сдѣлать и даже не дерзалъ его припугнуть. Онъ даже не выдумалъ Аввакуму никакой клички, кромѣ какъ «китаецъ», что, впрочемъ, составляло обыкновенное и давно извѣстное въ монастырскомъ обиходѣ прозваніе «Аввакума китайскаго» *). Этотъ характерный старикъ терпѣть не могъ Муравьева будто бы за то, что онъ и его «іезуиты» много «стоятъ» высокопреосвященному Никанору и увлекаютъ его «къ свѣтскости». Аввакумъ любилъ приволье и простоту, любилъ и уважалъ въ человѣкѣ

*) Архимандритъ Аввакумъ дожилъ свой обильный приключеніями вѣкъ и «кончался въ Александро-Невской лаврѣ. Онъ погребенъ тамъ же, подлѣ церкви Благовѣщенія, и надъ его могилою стоитъ такъ-называемый «Китайскій памятникъ». Китайская надпись высѣчена на немъ въ Петербургѣ, но сочинена въ Китаѣ.

прямую доброту и честность, былъ заботливъ о сиротахъ и не находилъ никакого удовольствія въ сообществѣ свѣтскихъ людей, если они не занимаются «чтеніемъ этикетовъ». Положеніе же его было несравненно лучше и тверже положенія Андрея Николаевича, которое всегда «зависѣло отъ игры обстоятельствъ», тогда какъ «китайскій Аввакумъ» стяжалъ себѣ самую твердую репутацію и имѣлъ до шести тысячъ рублей въ годъ «полученія» при готовой, неотъемлемой монастырской квартирѣ, выходившей окнами какъ разъ насупротивъ митрополичьихъ покоевъ *).

Здѣсь онъ могъ видѣть изъ своихъ оконъ всѣхъ, кто пріѣзжалъ къ митрополиту, и когда замѣчалъ пріѣздъ Муравьева съ его «братіей», то впадалъ въ гнѣвность, и если на тотъ случай былъ еще «начитавшись этикетовъ», то не таился съ своими чувствами, а открывалъ форточку и кричалъ:

— Опять вы налетѣли, іезуиты!.. Пошли вонъ, попрошайки!

И такъ далѣе, въ этомъ родѣ.

Муравьевъ былъ очень самолюбивъ и мстителенъ до безконечности, и онъ нимало не таился съ этими качествами. Очень нерѣдко онъ даже своимъ приближеннымъ и друзьямъ рѣзко говорилъ серьезнымъ тономъ:

— Прошу не забывать, что я *Муравьевъ*.

Но Аввакуму онъ возражать не смѣлъ и отыгрывался отъ его обидъ, представляя, будто ихъ не замѣчаетъ. Иного ничего и не оставалось, потому что если бы онъ напомнилъ ему, что онъ «Муравьевъ», то Аввакумъ у него въ долгу бы не остался, ибо почиталъ себя «ничимъ же меньше» и, кажется, имѣлъ на то основаніе. Но и, кромѣ независимаго Аввакума, при особѣ митрополита были еще лица, въ

---

*) Аввакумъ получалъ около 4.000 руб. пенсіи за свою службу въ Китаѣ, да 2.300 прибавочныхъ. Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ сказано, будто онъ былъ «казначеемъ» лавры, но это неправда. Аввакумъ казначеемъ не былъ и былъ такъ же неспособенъ къ этой должности, какъ къ должности цензорской. Онъ былъ очень добръ и очень щедръ, но все это подъ довольно грубою формою. Аввакумъ происходилъ изъ духовныхъ тверской епархіи. Цензорская проруха съ нимъ случилась на книгѣ архимандрита Израиля, гдѣ въ вину Аввакуму была поставлена слѣдующая неловкая строка: «блудъ не былъ бы блудомъ, если бы не было учреждено таинство брака». Аввакумъ не оправдывался и не тужилъ, что его отставили.

которыхъ Муравьевъ также имѣлъ болѣе или менѣе затаенныхъ недруговъ. Таковъ былъ, напримѣръ, знаменитый въ лѣтописяхъ лавры протодіаконъ-монахъ Викторъ *). Это былъ величайшій знатокъ богослужебныхъ церемоній, какому не было равныхъ даже между протодіаконами, всегда ведущими весь порядокъ сложнаго архіерейскаго богослуженія. Андрей Николаевичъ Муравьевъ тоже мнилъ себя знатокомъ этого предмета и отъ многихъ былъ почитаемъ за такое знаніе, но при познаніяхъ, навыкѣ и распорядительности Виктора всѣ Муравьевскія свѣдѣнія ничего не стоили, и Андрей Николаевичъ даже боялся говорить и не любилъ Виктора, какъ соперника, который подавлялъ его своимъ авторитетомъ. Андрею Николаевичу оставалось одно: держаться будто покровительствующаго Виктору тона, а между тѣмъ ронять его потихоньку въ глазахъ владыки сожалѣніями о «разночтеніяхъ», которымъ прилежалъ протодіаконъ по примѣру Аввакума. Но это «сожалительное коварство» обнаружилось и поселило въ сердцѣ протодіакона горькія чувства противъ Муравьева, а серьезно повредить Виктору оно не могло, такъ какъ онъ былъ человѣкъ нужный и даже казался незамѣнимымъ. Притомъ же «разночтенія» Виктора совсѣмъ не мѣшали дѣламъ службы. Протодіаконъ Викторъ, хотя былъ отъ природы простъ и снисходителенъ, но тоже, подобно Аввакуму посматривалъ на Муравьева свысока, какъ человѣкъ нужный на человѣка, представляющаго изъ себя что-то такое, безъ чего все обходиться можетъ.

Казалось, что Викторъ иногда тоже, подобно Аввакуму, желалъ обнаруживать свое пренебреженіе къ Муравьеву очень открыто. Такъ, напримѣръ, онъ часто обтиралъ со лба потъ цвѣтнымъ фуляромъ передъ самымъ лицомъ Андрея

Мнѣ случалось встрѣчать въ печати, что Виктора называютъ то «иподіакономъ», то «архидіакономъ». Какъ то, такъ и другое невѣрно. Викторъ прославился въ санѣ «*протодіакона*». Первый *архидіаконъ* въ Невской лаврѣ поставленъ высокопреосвященнымъ Исидоромъ — это Валеріанъ, а между нимъ и Викторомъ былъ еще протодіакономъ Германъ. Также читалъ я гдѣ-то, что будто Викторъ выѣзжалъ съ митрополитомъ Серафимомъ на площадь во время декабристскаго бунта и защитилъ митрополита. Это опять невѣрно: на Сенатской площади 14 декабря 1825 года съ митрополитомъ Серафимомъ былъ протодіаконъ Прохоръ.

Николаевича, который находилъ такой «форсъ» со стороны протодіакона совершенно непозволительнымъ.

Андрей Николаевичъ даже не разъ ему говорилъ: «вы меня этимъ просто убиваете»; но отецъ Викторъ отвѣчалъ: «а что же, если у меня такая привычка»,—и продолжалъ его «убивать».

Но кромѣ этихъ двухъ лицъ, которыя своего нерасположенія не скрывали, но зато бились честнымъ оружіемъ въ открытомъ бою, у Андрея Николаевича при митрополитѣ были еще два человѣка, въ души которыхъ было гораздо труднѣе проникнуть, чѣмъ въ души Аввакума и Виктора; эти два лица были: письмоводитель митрополита Навроцкій и секретарь Ласскій, оба изъ малороссіянъ, — люди тонкіе и съ вліяніемъ. Притомъ послѣдній изъ нихъ, Ласскій, тоже дѣлалъ конкуренцію Андрею Николаевичу еще въ томъ, что владыка считалъ этого своего чиновника за знатока «свѣтской политики». Андрей Николаевичъ считалъ это за вонющую несообразность, но отчасти, должно-быть, въ Ласскомъ были политическія дарованія. По крайней мѣрѣ мы должны такъ думать, судя по наступающему случаю, который обличалъ сообразительность Ласскаго въ ущербъ желаніямъ Андрея Николаевича, за «престижъ» котораго, однако, возстала сила судебъ и подняла его какъ пренебреженный камень на самую главу угла.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Когда Андрей Николаевичъ послѣ всенощной вошелъ въ апартаменты митрополита Никанора, онъ засталъ здѣсь тѣ открыто и тайно непріязненныя ему лица, о которыхъ мы выше упомянули. Архимандритъ Аввакумъ, который, по обыкновенію, готовъ былъ всегда «будировать» противъ Муравьева, и теперь, при входѣ его, громко разсказывалъ кому-то, какъ просто жилъ въ этомъ самомъ помѣщеніи предмѣстникъ Никанора - митрополитъ Серафимъ.

— Вотъ,—говоритъ Аввакумъ:—эта комната была у него гостиная, и вотъ тутъ въ стѣнѣ было окошечко къ его келейнику. Бывало, позоветъ къ себѣ послѣ всенощной когонибудь чай пить, а келейникъ не подаетъ чаю. Онъ къ окошечку и говоритъ: «Давай же скорѣе чаю! А тотъ отвѣчаетъ: «Подождите, владыко,—воды нѣтъ». И ждали, и

не обижались, потому что къ нему не приходили таковые, которые...

Андрей Николаевичъ почувствовалъ, что эти «таковые, которые» могутъ залетѣть въ его огородъ, и поспѣшилъ проникнуть далѣе здѣсь стоявшихъ и ожидавшихъ выхода владыки. Этимъ онъ избѣгалъ непріятности слушать Аввакума и всѣмъ далъ почувствовать, что онъ «Муравьевъ».

Но зато самое свиданіе съ-глазу-на-глазъ, наединѣ съ митрополитомъ, Андрея Николаевича не порадовало. Его штатный «Репетиловъ» не оказался на полной высотѣ своего призванія и оконфузился. Онъ принесъ къ чаю «подъ патріархами» не самое свѣжее приношеніе. Вѣсти Репетилова не были самыя свѣжія, и оттого вышли безчисленныя досажденія... Дѣло о путешествіи на Валаамъ ушло очень далеко впередъ противъ того, что̀ было разсказано «подъ патріархами». Графъ Протасовъ уже довелъ о желаніи митрополита до свѣдѣнія государя, а государь приказалъ «снарядить экспедицію какъ можно приличнѣе». Въ такомъ случаѣ, конечно, хорошо бы спросить Муравьева, но графъ Протасовъ его не жаловалъ, а другіе не желали о немъ напомнить митрополиту, и потому вопрошенъ былъ Ласскій, котораго Муравьевъ въ насмѣшку назвалъ «церемоніймейстеромъ».

Ласскій, однако, имѣлъ вполнѣ достаточную компетентность въ дѣлѣ, о которомъ его спрашивали, и никакихъ насмѣшекъ не заслуживалъ. Онъ зналъ, что плаваніе митрополита Михаила Десницкаго «на лодкахъ», при теперешнихъ взглядахъ, не можетъ быть признано за «приличное», и навелъ, гдѣ зналъ, справки, какъ плавалъ по петербургскимъ водамъ при Петрѣ Великомъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Справка показала, что судно, носившее владыку, ходило *подъ митрополичьимъ флагомъ*... Вотъ какъ приличествовало плыть и высокопреосвященному Никанору, который тоже любилъ пышность. Государь приказалъ дать митрополиту вмѣсто двухъ лодокъ «два парохода и чтобы оба шли подъ митрополичьимъ флагомъ». Штатъ своей свиты владыкѣ предоставлено было составить по его непосредственному усмотрѣнію, а онъ призвалъ на совѣтъ опять того же Ласскаго, и Ласскій предложилъ такой подборъ лицъ, какого лучше нельзя выдумать для прикровенныхъ соображеній, руководившихъ экспедиціей. Съ митрополитомъ

ѣхали оба его секретаря—Навроцкій и Ласскій, которые знали и исторію, и епархіальныя дѣла въ совершенствѣ; архимандритъ Сергіевской пустыни (впослѣдствіи архіерей) Игнатій Брянчаниновъ, который зналъ и свѣтское, и духовное не хуже, чѣмъ Муравьевъ, но притомъ обладалъ еще ласкою и увѣтливостью прекраснаго характера; архимандритъ Аввакумъ-китайскій, археологъ, нумизматъ и такой книговѣдъ, что ему довольно было поглядѣть библіотеку, чтобы понять, что въ ней есть и какъ ее показать лицомъ; протодіаконъ Викторъ—тихій, смирный, голосистый и головастый, съ замѣчательною манерою особенно хорошо носить волосы и вести служеніе въ величайшей тишинѣ и стройности. Онъ въ одинъ, въ два пріема могъ исправить несоотвѣтственныя манеры служенія въ любомъ малоискусномъ скитникѣ. Словомъ, никого не брали лишняго, но во всякомъ нужномъ родѣ былъ человѣкъ, вполнѣ отвѣчающій требованію. А эти избранники, каждый по своей части, знали кого еще прихватить нужно: такъ, напримѣръ, Игнатій Брянчаниновъ взялъ съ собой изъ своей Сергіевской пустыни повара, православнаго чухонца, по имени Сергія. Это былъ «врожденный талантъ», который умѣлъ приготовлять монастырскія трапезныя кушанья—какъ никакой другой поваръ. Разсчитывали, что Сергій могъ принести свою долю благихъ указаній на уединенномъ островѣ, гдѣ во многихъ отношеніяхъ не знаютъ лучшаго, а держатся пріемовъ рутинныхъ. Изъ свѣтскихъ было приглашено нѣсколько лицъ изъ моряковъ, кажется, больше по выбору Брянчанинова. Муравьевъ и его клирики были «абортированы», и это было бы непоправимо, если бы, къ счастью, не явился задержавшій отплытіе вопросъ о флагѣ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Военные пароходы, на которыхъ слѣдовало плыть митрополиту, были готовы; но нигдѣ не могли отыскать того флага, подъ которымъ плавалъ Прокоповичъ. Въ лаврѣ этого флага не оказалось и никто не зналъ, гдѣ его слѣдуетъ искать. Пришлось дѣйствовать наугадъ. Думали, что флагъ можетъ быть въ синодальномъ архивѣ, и искали его, но не нашли. Потомъ пришло на мысль—не положили ли его, по минованіи надобности, гдѣ-нибудь въ запасныхъ кладовыхъ адмиралтейства, и опять тутъ вездѣ искали, но

тоже не нашли, и стали думать, что всякіе дальнѣйшіе поиски будутъ напрасны, потому что, очевидно, митрополичій флагъ послѣ Ѳеофана легкомысленно почли за вещь, которая болѣе не нужна, и сунули его куда-нибудь небрежно, безъ описи и расписокъ, и онъ гдѣ-нибудь тлѣетъ безъ всякихъ слѣдовъ, а можетъ-быть даже и уничтоженъ какимъ-нибудь невѣжественнымъ профаномъ, польстившимся на кусокъ матеріи. И когда явились такія, повидимому, весьма вѣроятныя соображенія, тогда пришли къ заключенію, что дѣло собственно не въ томъ, чтобы отыскать старинный митрополичій флагъ, а гораздо скорѣе и проще будетъ устроить такой флагъ вновь и плыть подъ нимъ безъ задержанія. Но тутъ обнаружилось наше обыкновенное русское небреженіе въ геральдическихъ дѣлахъ: несомнѣнно было, что митрополичій флагъ существовалъ, но какой именно онъ былъ, т. е. какого цвѣта и что на немъ было изображено, — объ этомъ нигдѣ не нашли никакихъ записей и никакихъ рисунковъ. Тогда, чтобы не останавливаться безконечное время на этомъ вопросѣ, для основательнаго разрѣшенія котораго не находилось никакихъ положительныхъ данныхъ, рѣшились сдѣлать поскорѣе новый флагъ «съ приличными изображеніями», — и это такъ и сдѣлали *).

Только эти хлопоты съ флагомъ и были причиною того, что митрополитъ не отплылъ безъ вѣдома Андрея Николаевича и что этотъ послѣдній могъ имѣть при экспедиціи на судахъ митрополита своихъ людей. Высокопреосвященный Никаноръ, въ угожденіе ему, пригласилъ съ собою Мазовскаго, Вагнера и еще кого-то... Компанія составилась

*) Замѣчательно, что и этотъ случай не исправилъ нашей характерной небрежности. Одинъ флагъ потеряли безслѣдно, другой при нуждѣ въ немъ сдѣлали кое-какъ наскоро, но опять и объ этомъ не сохранили никакихъ историческихъ памятей. О томъ, что флагъ былъ сооруженъ для плаванія митрополита Никанора, помнятъ нѣкоторые изъ доживающихъ свой вѣкъ иноковъ и міранъ, но мнѣ ни отъ одного изъ нихъ не удалось узнать — какой именно былъ этотъ флагъ и куда онъ дѣлся послѣ экспедиціи митрополита на Валаамъ? Полагаютъ, что и этотъ флагъ тоже пропалъ, а о томъ, что именно онъ изображалъ, говорятъ галдительно и разнорѣчиво: одни говорятъ, будто были нашиты какіе-то кресты, а А. А. Вагнеръ помнится, что на флагѣ были нарисованы атрибуты митрополичьяго служебнаго облаченія: митра, посохъ, трикирій и дикирій. А какое изъ этихъ свѣдѣній вѣрно — о томъ рѣшительно сказать невозможно.

не малая. Оба парохода въ прекрасный, свѣтлый, погожій день отвалили съ блестящимъ экипажемъ отъ петербургской пристани и направились вверхъ по Невѣ къ Ладожскому озеру. А Андрей Николаевичъ остался въ Петербургѣ, вѣроятно, не въ наилучшемъ расположеніи духа, и ходилъ ли онъ въ своемъ архалукѣ по покоямъ Троицкаго подворья, или ѣздилъ верхомъ въ своемъ штатскомъ плащѣ, — онъ, безъ сомнѣнія, чувствовалъ желчную досаду отъ того, что терпѣлъ въ угоду прихотямъ «гусара», какъ величалъ онъ графа Протасова.

Впрочемъ, такіе удары ему были уже знакомы, и онъ ихъ старался переносить съ достоинствомъ, что ему порою и удавалось.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Между тѣмъ отплывшія подъ митрополичьимъ флагомъ суда совершали свой ходъ такъ весело и благополучно, что это навсегда оставило самое пріятное впечатлѣніе во всѣхъ соучастникахъ эскадры. Погода стояла прекрасная; солнце горѣло на небѣ, воздухъ былъ тихъ и тепелъ, невозмутимая гладь водъ блистала какъ зеркало. Вездѣ, на встрѣчныхъ судахъ и по берегамъ рѣки, все замѣчались оживленныя и веселыя лица. Нѣкоторыя были даже очень веселы. Въ послѣднемъ родѣ отличалась публика, помѣщавшаяся на палубѣ небольшого частнаго парохода, который отвалилъ отъ другой петербургской пристани почти одновременно съ эскадрою митрополита и, нагнавъ ее, шелъ за нею очень не въ большомъ разстояніи.

На этомъ пароходѣ было много кавалеровъ и дамъ: оттуда слышались звуки музыки, смѣхъ разныхъ голосовъ и смѣшанный русскій и иностранный говоръ.

Появленіе этого парохода съ веселыми пассажирами было неожиданностію для митрополита и его спутниковъ, и имъ удалось разгадать эту неожиданность только въ Шлиссельбургѣ, гдѣ пароходы, прежде чѣмъ войти въ озеро, пристали на короткое время, чтобы дать возможность пассажирамъ поклониться чудотворному образу, находящемуся въ прибрежной часовнѣ.

Оказалось, что это ѣдетъ очень интересная компанія милыхъ и веселыхъ людей, состоящая по преимуществу изъ французскихъ и русскихъ артистовъ и художниковъ, тоже

собравшихся полюбоваться красотами Валаама. Пришелся ли выѣздъ ихъ случайно въ одно время съ отплытіемъ митрополита, или они, быть-можетъ, нарочно старались увидать монастырскій островъ, когда тамъ будутъ встрѣчать высшаго церковнаго сановника, — это осталось неизвѣстнымъ. Одни говорили такъ, а другіе иначе; но высокопреосвященный Никаноръ, чувствовавшій себя тоже въ прекрасномъ расположеніи, слушая сообщеніе объ этомъ, не обнаружилъ ни малѣйшаго неудовольствія и сказалъ:

— Господь съ ними! они намъ не мѣшаютъ.

Услыхавъ такой снисходительный отзывъ отъ владыки, нѣкоторые изъ его свиты, замѣтившіе въ числѣ артистовъ извѣстнаго комика Мартынова, сдѣлали-было даже предложеніе пригласить его въ Шлиссельбургѣ пересѣсть съ частнаго парохода на казенный пароходъ митрополита, но высокопреосвященный Никаноръ улыбнулся и отвѣчалъ:

— Нѣтъ. Зачѣмъ его отрывать отъ своихъ. Всякому въ своей компаніи свойственнѣе. Не станемъ мѣшать другъ другу.

Пароходы вошли въ озеро и, держась одного фарватера, опять пошли на виду и на слуху одинъ у другого. Пассажиры ихъ какъ будто не обращали другъ на друга никакого вниманія; но, однако, тѣмъ не менѣе, съ обѣихъ сторонъ можно было наблюдать взаимную деликатность. Несходные по своему положенію путники старались ничѣмъ не стѣснять одни другихъ: митрополитъ не выходилъ на палубу, а сидѣлъ у открытаго окна въ рубкѣ, а по другую сторону этого окна, противъ него, сидѣли на морскихъ складныхъ табуретахъ Брянчаниновъ и китайскій Аввакумъ. Преосвященный и его спутники вели самыя веселыя и оживленныя бесѣды. «Лицедѣи» пѣли и шутили, но сдержанно; они, очевидно, старались умѣрять свое веселье, чтобы оно не очень доходило до подвижнаго монастыря.

Тотчасъ по входѣ въ Ладожское озеро начался обѣдъ, который былъ отдѣльно сервированъ для мірянъ и для монаховъ. Для первыхъ готовили обыкновенные морскіе «кохи», а для митрополита и его свиты изготовлялъ трапезу тотъ знаменитый въ свое время православный чухонецъ Сергій, кулинарными способностями котораго скромно щеголялъ Игнатій Брянчаниновъ.

Тотъ, кто хотѣлъ быть «говѣйнымъ» и, отказавшись отъ

скоромной стряпни «коховъ», присоединился къ постной трапезѣ иноковъ, — былъ положительно въ выигрышѣ, потому что отецъ Сергій на водѣ даже превзошелъ свою репутацію, составившуюся на сушѣ. Впрочемъ, можетъ-быть, этому много помогалъ и свѣжій морской воздухъ, развивающій аппетитъ и поддерживающій легкое расположеніе духа.

Затѣмъ солнце стало склоняться къ западу, пошло вечерѣть; съ частнаго парохода порывами легкаго вѣтерка доносились отрывками стройное пѣніе. Митрополитъ опять сидѣлъ у открытаго окна рубки, а Брянчаниновъ долго-долго глядѣлъ молча вдаль и вдругъ, какъ бы забывшись, забредилъ стихами Пушкина, которыхъ зналъ наизусть чрезвычайно много...

Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.

Владыка и Аввакумъ не прерывали его: поникнувъ головами, они его тихо слушали... Протодіаконъ Викторъ стоялъ у косяка, опершись головою о локоть, и тоже слушалъ... Его простое вниманіе было своего рода «народная тропа» къ могилѣ пѣвца. Вечеръ густѣлъ. На бѣловатомъ лѣтнемъ сѣверномъ небѣ встала блѣдная луна; вдалекѣ слѣва, на финляндскомъ берегу, заяцъ затопилъ листвой печку, и туманъ, какъ дымокъ, слегка поползъ по гладкому озеру, а вправо, далеко-далеко, началъ чуть зримо обозначаться надъ водой Коневецъ.

Митрополитъ взглянулъ на часы и сказалъ:

— Мы опоздали ко всенощной.

— Мы сейчасъ споемъ ее здѣсь, владыко! — отозвался Викторъ, и въ одну минуту досталъ и подалъ гдѣ-то близко у него подъ рукою лежавшую эпитрахиль Брянчанинову. Отецъ Игнатій сейчасъ же ее надѣлъ и громко, вслухъ благословилъ царство вездѣсущаго Бога подъ открытымъ куполомъ Его нерукотворнаго храма...

Викторъ читалъ и пѣлъ наизусть. Аввакумъ пѣлъ съ нимъ. Митрополитъ стоялъ у окна съ сложенными на груди руками и молился... Другіе, кто попалъ на эту отпѣтую безъ книгъ вечерню, стали на колѣна,—нѣкоторые плакали...

О чемъ и для чего? — вѣдаетъ Тотъ, Кому угодно было,

чтобы «благоухала земною душою роза» и чтобы душа находила порою отраду и счастье омыться слезою.

Это была не всенощная, не вечерня, а какое-то вольное соединеніе того и другого или, еще вѣрнѣе сказать, — это былъ благоговѣйный порывъ высоко настроившихъ себя душъ, которому знатокъ богослуженія Викторъ вдругъ съимпровизировалъ молитвенную форму.

На пароходѣ было небольшое число взятыхъ съ собою митрополитомъ пѣвчихъ, но ихъ не позвали. Они бы, выстроившись съ регентомъ, не такъ тепло воспѣли «славу въ вышнихъ Богу», какъ спѣли ее втроемъ «китаенъ», Викторъ и Брянчаниновъ...

Къ концу ихъ хваленій пароходъ былъ завиденъ съ Коневца, и по волнамъ озера поплылъ навстрѣчу путникамъ привѣтный звонъ...

На частномъ пароходѣ, гдѣ плыли артисты, все было тихо: пароходъ держался близко къ судну митрополита, и артисты — дамы и мужчины — стояли у борта и... тоже молились...

Тѣ, кто помнитъ описанное путешествіе, никогда не говорили объ этой минутѣ иначе, какъ съ чувствомъ живого восторга...

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Ночевали у Коневца. Митрополитъ и болѣе высокіе изъ лицъ его свиты ночивали въ помѣщеніяхъ монастыря (тогда еще очень не обширныхъ), а всѣ прочіе ночевали гдѣ пришлось на своихъ судахъ. Пассажиры частнаго парохода всѣ остались на суднѣ, которому, вдобавокъ, и вполнѣ удобнаго мѣста для стоянки не было, такъ какъ у пристани стали военные пароходы подъ митрополичьимъ флагомъ.

Да экипажъ частнаго парохода такъ преисполнился деликатностію, что и самъ сторонился отъ митрополичьихъ судовъ, и на другой день утромъ снялся отъ Коневца и ушелъ въ море ранѣе казенныхъ пароходовъ.

На Валаамъ артисты прибыли за часъ или за полтора ранѣе прихода эскадры митрополита. Надъ артистами здѣсь шутили, что они, вѣроятно, пошли впередъ, чтобы извѣстить иноковъ о приближеніи именитаго гостя, или поспѣшили, чтобы занять подъ себя помѣщенія, а свиту владыки оставить безъ крова. Но въ самомъ дѣлѣ это было не такъ: ар-

тисты дѣйствительно укрывались, чтобы не стѣснять своимъ появленіемъ лицъ, положеніе и настроеніе которыхъ не могло отвѣчать ихъ положенію и ихъ настроенію. Ими не руководили никакія другія соображенія, кромѣ тонкой деликатности, столь много свойственной женщинамъ французской крови, которыхъ было много въ этой артистической компаніи, и онѣ своимъ мягкимъ вліяніемъ давали тонъ всей группѣ. Онѣ не хотѣли отказаться отъ возможности осмотрѣть Валаамъ, для чего выѣхали большою компаніей послѣ большихъ и довольно сложныхъ сборовъ, но хотѣли сдѣлать это какъ можно незамѣтнѣе для настигшихъ ихъ внезапно попутчиковъ, и для этого какъ можно скорѣе ступеваться и, если можно, совсѣмъ скрыться съ ихъ глазъ.

На пароходѣ подъ митрополичьимъ флагомъ имя теперь тоже не занимались, потому что свѣжее впечатлѣніе, охватившее всѣхъ вчера въ началѣ плаванія, теперь уже притупѣло послѣ ночи, не совсѣмъ удобно проведенной въ коневецкихъ помѣщеніяхъ; да и притомъ, въ концѣ перехода къ Валааму, съ большою серьезностью надо было обдумать, что тамъ надо посмотрѣть и что приспособить на случай предвидѣнной графомъ Протасовымъ возможности посѣщенія острова государемъ.

Вообще настроеніе измѣнялось тутъ и тамъ и не располагало болѣе путешественниковъ къ шуткамъ.

На островъ они прибыли, какъ я выше сказалъ за часъ до парохода подъ митрополичьимъ флагомъ и застали тутъ совсѣмъ неблагопріятное для нихъ положеніе: для нихъ не было ни мѣста, ни людей, которые бы имѣли время съ ними заниматься, и если артисты съѣхались съ митрополитомъ не случайно, а съ расчетомъ видѣть островъ въ минуты торжественной встрѣчи высокаго гостя, то этотъ расчетъ ихъ выходилъ самымъ неудачнымъ. Валаамская братія была болѣе чѣмъ когда-нибудь усиленно погружена въ дѣятельность, которую можно было замѣчать далеко съ моря. Прежде чѣмъ нога путника становилась на берегъ, онъ видѣлъ, что зеленые острова усѣяны иноками и послушниками въ ихъ бѣлыхъ холщевыхъ кафтанахъ и такихъ же колпачкахъ, и всѣ они, не покладая рукъ, «ворошили» и гребли свѣжее, скошенное сѣно.

При приближеніи частнаго парохода, они было остановились, оперлись на свои вилы и грабли, но точно полу-

чили издали условный, побудительный знакъ и опять продолжали работать. Но зато, когда вслѣдъ затѣмъ въ заливѣ показался митрополичій флагъ и на колокольнѣ раздался встрѣчный звонъ, всѣ эти «трудники» покидали на мѣстѣ свои вилы и грабли и, бросивъ недокопненное сѣно въ валахъ, бросились бѣгомъ къ пристани, опережая другъ друга, чтобы принять благословеніе и поцѣловать руку любимаго архипастыря.

Увидавъ эту картину — сбѣгающихъ съ горъ иноковъ, артисты, остававшіеся до сихъ поръ безпристанными, поняли, что имъ тутъ и ждать нечего, и, какъ не въ пору пришедшіе гости, они ушли въ дальнія части лѣснстаго острова и, пробродивши ночь, уѣхали на другое утро рано, когда братія еще молилась за заутреню въ храмѣ.

Впрочемъ, когда и какъ отплыли артисты, на это не обращали вниманія и объ этомъ и не говорили, потому что у каждаго было много дѣла, а къ тому же еще случился обратившій на себя вниманіе необыкновенный случай: недокопненное вчера вечеромъ сѣно было такъ и брошено въ рядахъ на ночь, но утромъ оно оказалось все сгребено и сметано въ копны...

Это было на виду у всѣхъ; никакой фальши или сомнѣнія тутъ быть не могло: уснули — сѣно оставалось въ валахъ, а когда встали—сѣно было въ копнахъ...

Мало того, два брата-трудника, «производившіе смолу» или гнавшіе деготь изъ бересты (работа которыхъ не могла быть прервана), робко и нерѣшительно разсказывали, что они, не спавши свѣтлою ночью, видѣли, какъ изъ лѣса вышли нѣкіе «легкіе естествомъ и препоясанные воздушнаго круга сѣножати и начали метать сѣно». А братья-трудники, увидѣвъ таинственныхъ сѣножатей, отвернулись. Они не знали, какъ имъ отнестись къ появленію тѣхъ сѣножатей, а когда настало утро, они увидѣли, что появленіе это было не призракъ, потому что сѣно оказалось убрано и сметано въ копны.

И всѣ всѣ поняли, всѣ посмотрѣли и всѣ удивились: сѣно было въ копнахъ...

Иноки крестились и отходили. Разсказъ двухъ братій-трудниковъ о «сѣножатѣхъ» передавался изъ устъ въ уста и дошелъ до митрополита...

Высокопреосвященный Никаноръ выслушалъ объ этомъ

чудесномъ событіи и улыбнулся. Повидимому, занятый настоящими цѣлями своего пріѣзда, онъ нерасположенъ былъ придавать особеннаго значенія происшествію съ сѣномъ, но нѣкто изъ «птенцовъ Андрея», много писавшій подъ диктовку своего учителя *), изложилъ въ тонѣ своего учителя и представилъ митрополиту проектъ записи «дивнаго событія о сѣножатѣхъ...»

Владыка отвергъ эту литературу, а когда другіе, желавшіе поддержать «птенца», попробовали представить соображенія, что событіе о «сѣножатѣхъ» не малозначуще, и что оно, безъ сомнѣнія, находится въ связи съ значеніемъ, какое имѣетъ посѣщеніе острова митрополитомъ, то преосвященный разсердился.

Запись «о сѣножатѣхъ», сдѣланная птенцомъ муравьевскаго гнѣзда, такъ и осталась безъ санкціи владыки и никуда не могла быть занесена, а только списана «для себя» тѣми, которыхъ разсказанное таинственное событіе особенно поражало и которымъ описаніе, сдѣланное ему муравьевскимъ слогомъ, особенно нравилось.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Къ тому же, какъ пріѣздъ митрополита былъ легокъ и веселъ, такъ возвращеніе его вышло неблагопріятно. Онъ распредѣлилъ свое время, когда ему угодно было вернуться, и въ тотъ самый день, когда хотѣлъ, тогда и отплылъ. А между тѣмъ на зарѣ, передъ восходомъ солнца, въ этотъ день по водѣ озера, щурясь, мигали, то расширяясь, то суживаясь, маленькіе кружочки. Это называютъ, будто «котъ плакавъ», и считаютъ за предвѣстіе къ бурѣ; и въ самомъ дѣлѣ поднялась буря, пошла бросать пароходъ, и пришлось убрать поскорѣе флаги... На пароходѣ

*) Андрей Николаевичъ Муравьевъ имѣлъ очень дурной почеркъ и остерегался своихъ неладовъ съ русскою орѳографіею, а потому онъ не любилъ писать собственною рукою. Онъ обыкновенно диктовалъ свои сочиненія которому-нибудь изъ «птенцовъ», назначавшихся по каждому случаю въ должность «генеральнаго писаря». Для полученія болѣе широкаго и сильнаго вдохновенія, Муравьевъ во время диктовокъ надѣвалъ на себя, поверхъ полукафтанья съ запонами, широкій бедуинскій плащъ и диктовалъ, ходя скоро по комнатѣ, чтобы плащъ на немъ вѣялся какъ будто отъ вѣтра въ пустынѣ. Такъ настраивался онъ «закидывая за себя Шатобріана», или «метая горящіе угли на головы» мало почтительныхъ къ нему людей.

появилось много больныхъ, и не было того, кто бы могъ приготовить трапезу, потому что о. Сергій, чухонецъ, лежалъ пластомъ на палубѣ, блѣдный, какъ мѣлъ, и вопіялъ:

— Ой, моя мартонька!.. Вынимайте скорѣе съ меня мою дусаньку.

Отецъ Викторъ стоялъ надъ нимъ и уговаривалъ:

— Подожди умирать,—ты человѣкъ нужный.

Отецъ Аввакумъ былъ непоколебимъ, и то по особой причинѣ.

Такъ пріѣхали въ Петербургъ всѣ не въ авантажѣ и прежде чѣмъ передавать о томъ, что и какъ учредили на Валаамѣ,—всѣ поспѣшили искать покоя и отдыха. Только одни строго-дисциплинированные «питомцы Андрея», ни минуты не упуская, явились донести ему о всемъ происшедшемъ и, конечно, изложили притомъ и исторію «о сѣножатѣхъ».

Андрею Николаевичу не понравилось, что этакое достопримѣчательное событіе могло произойти въ его небытность.

Непосредственную связь между пріѣздомъ на островъ высокопреосвященнаго Никанора и появленіемъ «сѣножатей» Андрей Николаевичъ отвергалъ.

По его мнѣнію, событіе могло быть всегда, но оно дѣйствительно заслуживаетъ вниманія и изслѣдованія, а не этакой «пусторамашки».

Изъ этого былъ выводъ тотъ, что при митрополитѣ не было надлежащихъ людей, которые бы знали, что надо дѣлать, и—главное—которые сумѣли бы «безстрашно настоять на томъ, что должно».

— Завтра я ему противъ этого пропишу,—рѣшилъ Андрей Николаевичъ, и назначилъ себѣ на случай сего писанія завтра «лежурнаго генеральнаго писаря».

Въ назначенный день и часъ писарь сидѣлъ на мѣстѣ и выводилъ быстролетнымъ перомъ, что изрекалъ, быстро летая въ своемъ бедуинскомъ плащѣ, Муравьевъ.

Смыслъ писанья былъ тотъ, «что нельзя отрицать...» что «испытывать надо»; но тутъ вдругъ совсѣмъ некстати доложили, что пришелъ актеръ Мартыновъ и непремѣнно проситъ его принять.

Андрей Николаевичъ изумился и пошутилъ:

— Святъ, святъ, святъ! Зачѣмъ ко мнѣ «Филатка и Мирошка»? Не ошибся ли онъ дверью?

— Никакъ нѣтъ. — онъ къ вамъ, ваше превосходительство.

— Часъ-отъ-часу не легче! Но кое же общеніе тьмѣ со свѣтомъ? Впустите его.

Впустили.

Иванъ Евстафьевичъ вошелъ и удивилъ еще болѣе, объявивъ Муравьеву, что онъ желаетъ говорить съ нимъ съ глазу-на-глазъ и не можетъ говорить при постороннемъ.

— Но это мой близкій человѣкъ,—отвѣчалъ Муравьевъ, указывая на секретаря.

— Все равно, я не могу ни при комъ.

Муравьевъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Выйди на минутку.

А когда тотъ выходилъ, онъ добавилъ:

— Не взумалъ ли онъ и здѣсь разыграть своего «Филатку и Мирошку»?

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Но игры не было. Набожный, какъ большинство русскихъ актеровъ, Мартыновъ пришелъ къ Муравьеву съ испугомъ и за самымъ серьезнымъ содѣйствіемъ.

Утромъ на репетиціи онъ слышалъ отъ Максимова о бывшемъ на Валаамѣ «чудѣ о сѣножатѣхъ», которому будто Муравьевъ желаетъ составить описаніе, какъ предвѣщательному къ войнѣ событію,—ибо были будто тѣ сѣножати не люди, но духи, а между тѣмъ...

Мартыновъ остановился.

Муравьевъ его поддержалъ:

— Договаривайте—я Муравьевъ.

— Извольте, — заключилъ Мартыновъ: — я договорю: здѣсь ничего худого нѣтъ и никакого дурного умысла не было, а сѣно убрали мы.

— Какъ это вы?

— Мы, наша компанія,— артистки и артисты... Мы ходили, бродили по острову въ ожиданіи дня... пришли на мѣсто, гдѣ оставалось сѣно, и вилы, и грабли... Одна французская актриса взяла грабли и говоритъ: «давайте, уберемъ за этихъ бѣдныхъ старичковъ», и всѣ стали грести и копнить, и скопнили. Но теперь мнѣ—какъ православ-

ному — это очень непріятно, и я пришелъ просить васъ разъяснить это кому нужно и не допустить до ложныхъ толкованій.

— Благодарю,—произнесъ Муравьевъ и снисходительно протянулъ Мартынову руку, а бумагу, написанную ранѣе подъ диктовку, разорвалъ и поѣхалъ въ лавру, гдѣ Аввакумъ видѣлъ его при вхожденіи и при выхожденіи отъ митрополита «въ позѣ громадной».

Онъ одержалъ верхъ надъ всѣми своими недоброжелателями и показалъ, что такихъ людей, какъ онъ, нельзя манкировать, потому что до нихъ и отовсюду и всѣми путями доходятъ обо всемъ извѣстія.

И Аввакумъ, и Викторъ, и Ласскій съ Навроцкимъ должны были уступить и помолчать.

Это было лѣтомъ въ поздній сѣнокосъ 1852 года, и сочтено было за «предвѣстіе войны», которой нигдѣ не было на горизонтѣ.

Андрей Николаевичъ очень эффектно разрушилъ это предсказаніе. Но *не прошло года*, какъ въ маѣ 1853 года возникъ офиціально вопросъ о «святыхъ мѣстахъ», и въ Константинополь былъ посланъ чрезвычайнымъ посломъ князь Меншиковъ, а 14-го іюня послѣдовалъ высочайшій манифестъ, которымъ повелѣвалось нашимъ войскамъ занять Дунайскія княжества «съ миролюбивыми цѣлями»...

Муравьевъ вспомнилъ все это въ нѣкоторомъ разговорѣ въ Кіевѣ, и сказалъ:

— Да, вотъ вамъ и разбирайте теперь—было ли это предвѣщательное «событіе о сѣножатѣхъ», а война была.

АЛЕКСАНДРИТЪ.

Натуральный фактъ въ мистическомъ освѣщеніи.

Въ каждомъ изъ насъ, окруженномъ міровыми тайнами, существуетъ склонность къ мистицизму, и одни изъ насъ, при извѣстномъ настроеніи, находятъ сокровенныя тайны тамъ, гдѣ другіе, кружась въ водоворотѣ жизни, находятъ все яснымъ. Каждый листикъ, каждый кристаллъ напоминаетъ намъ о существованіи въ насъ самихъ таинственной лабораторіи.

Н. Паровъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Я позволю себѣ сдѣлать маленькое сообщеніе объ одномъ причудливомъ кристаллѣ, открытіе котораго въ нѣдрахъ русскихъ горъ связано съ воспоминаніемъ объ усопшемъ государѣ Александрѣ Николаевичѣ. Дѣло идетъ о красивомъ густо-зеленомъ драгоцѣнномъ камнѣ, который получилъ названіе «александритъ» въ честь покойнаго императора.

Поводомъ къ усвоенію этого имени названному минералу послужило то, что камень впервые найденъ 17 апрѣля 1834 г., въ день совершеннолѣтія государя Александра II. Мѣстонахожденіемъ александрита были уральскія изумрудныя копи, находящіяся въ восьмидесяти пяти верстахъ отъ Екатеринбурга по рѣчкѣ Токовой, впадающей въ Большую Ревѣ. Названіе «александритъ» далъ камню извѣстный финляндскій ученый минералогъ Норденшильдъ, именно потому, что камень найденъ имъ, г-мъ Норденшильдомъ, въ день совершеннолѣтія покойнаго государя. Сказанной причины, я думаю, достаточно, чтобы никакой другой не разыскивать.

Какъ Норденшильдъ назвалъ вновь найденный кристаллъ «камнемъ Александра», такъ онъ и именуется по сіе время. Что же касается до свойствъ его природы, то о нихъ извѣстно слѣдующее:

«Александритъ» (Alexandrit. Chrisoberil Cymophone) есть видоизмѣненіе уральскаго хризоберила. Это минералъ драгоцѣнный. Цвѣтъ александрита — *темно-зеленый*, довольно сходный съ цвѣтомъ темнаго изумруда. При искусственномъ освѣщеніи камень этотъ теряетъ свою зеленую окраску и *переходитъ въ малиновый цвѣтъ*».

«Самые лучшіе кристаллы александрита были найдены на глубинѣ трехъ сажень въ Красноболотскомъ пріискѣ. Вставки изъ александрита очень рѣдки, а безукоризненно хорошіе кристаллы составляютъ величайшую рѣдкость и не превышаютъ вѣсомъ одного карата *). Вслѣдствіе этого александритъ въ продажѣ не только весьма рѣдокъ, но даже нѣкоторые ювелиры знаютъ о немъ только по-наслышкѣ. Онъ почитается камнемъ Александра Второго».

Свѣдѣніе это я выписалъ изъ книги Мих. Ив. Пылаева, изданной с.-петербургскимъ минералогическимъ обществомъ въ 1877 г. подъ названіемъ: «Драгоцѣнные камни, ихъ свойства, мѣстонахожденія и употребленіе».

Къ тому, что выписано изъ сочиненія г. Пылаева о мѣстонахожденіи александрита, надо прибавить, что рѣдкость этого камня еще болѣе увеличилась отъ двухъ причинъ: 1) отъ укоренившагося между искателями камней повѣрья, что гдѣ обозначился александритъ, тамъ уже напрасно искать изумруда и 2) отъ того, что копи, гдѣ доставали лучшіе экземпляры камня Александра II, *залило водою* прорвавшейся рѣки.

Такимъ образомъ прошу замѣтить, что александритъ очень рѣдко можно встрѣтить у ювелировъ русскихъ, а иностранные ювелиры и гранильщики, какъ говоритъ М. И. Пылаевъ, «знаютъ о немъ только *по-наслышкѣ*».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Послѣ трагической и великоскорбной кончины усопшаго государя, при которомъ прошли теплые, весенніе дни людей

*) *Каратъ* собственно считается равнымъ тяжестью одному зерну спелаго риса, или около 4 грам.

нашей эры, многіе изъ насъ, по довольно распространенному въ человѣческомъ обществѣ обычаю, желали имѣть о дорогомъ покойникѣ какія кто могъ вещественныя «памятки». Для этого разными чтителями покойнаго государя избирались разнообразныя вещи, впрочемъ преимущественно такія, которыя бы можно имѣть всегда при себѣ.

Одни пріобрѣли миніатюрные портреты покойнаго государя и вдѣлывали ихъ въ свои бумажники или часовые медальоны, другіе вырѣзывали на завѣтныхъ вещахъ день его рожденія и день его кончины; третьи дѣлали еще что-нибудь въ этомъ родѣ; а немногіе — кому позволяли средства и кому представился случай — пріобрѣтали вставки изъ камня Александра Второго. Изъ нихъ или съ ними устраивали перстни, чтобы носить и не снимать эту памятку съ руки.

Перстни съ александритомъ были изъ самыхъ любимыхъ и притомъ изъ самыхъ рѣдкихъ и, можетъ-быть, изъ самыхъ характерныхъ памятокъ, и кто добылъ для себя таковую, тотъ уже съ нею не разставался.

Колецъ съ александритомъ, однако, никогда не было много, ибо, какъ справедливо сказано у г. Пыляева, хорошія вставки изъ александрита и рѣдки, и дороги. А потому на первыхъ порахъ были люди, которые прилагали чрезвычайно большія усилія, чтобы отыскать александритъ, и часто не находили его ни за какія деньги. Разсказывали, будто это усиленное требованіе даже вызвало опыты поддѣлывать александритъ, но поддѣлывать этотъ оригинальный камень оказалось невозможнымъ. Всякая поддѣлка непремѣнно должна обнаружиться, такъ какъ «камень Александра Второго» обладаетъ дихроизмомъ или свѣтоперемѣнностію. Опять прошу помнить, что александритъ при дневномъ свѣтѣ *зеленъ*, а при вечернемъ освѣщеніи онъ — *красенъ*.

Этого достичь никакимъ искусственнымъ сплавомъ нельзя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мнѣ досталось кольцо съ александритомъ, шедшее съ руки одного изъ незабвенныхъ людей царствованія Александра Второго.

Я пріобрѣлъ перстень самымъ простымъ способомъ — покупкою, послѣ смерти того, кто носилъ эту вещь. Перстень

перешелъ черезъ руки рыночнаго торговца и достался мнѣ. Онъ былъ мнѣ впору, и я какъ надѣлъ его на руку, такъ съ нимъ и остался.

Кольцо было сдѣлано довольно затѣйно и идейно—съ символизмомъ: камень покойнаго государя Александра Второго сидѣлъ не одинъ, а его окружали два, чистой воды, брильянта. Они долженствовали представлять здѣсь собою два блестящія дѣла прошедшаго царствованія—освобожденіе крестьянъ и учрежденіе лучшаго судопроизводства, которое смѣнило старую «черную неправду».

Хорошій густоцвѣтный александритъ немного менѣе карата, а брильянты каждый только по полукарату. Это опять, очевидно, съ тѣмъ, чтобы брильянты, изображающіе дѣла, не закрывали собою главнаго скромнаго камня, который долженъ напоминать самое лицо благороднаго дѣятеля. Все это вдѣлано въ чистое, гладкое золото, безъ всякой пестроты и украшеній, какъ дѣлаютъ англичане,—чтобы перстень былъ дорогимъ воспоминаніемъ, но чтобы отъ него «деньгами не пахло».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Лѣтомъ 1881 года мнѣ привелось быть въ Чехахъ. Имѣя безпокойную склонность увлекаться разными отраслями искусства, я тамъ нѣсколько заинтересовался мѣстными ювелирными и гранильными работами.

Цвѣтныхъ камней въ чешскихъ земляхъ не мало, но всѣ они невысокаго достоинства и вообще много уступаютъ цейлонскимъ и нашимъ сибирскимъ. Исключеніе составляетъ одинъ *чешскій пиропъ*, или «огненный гранатъ», добываемый на сухихъ поляхъ Мероница. Лучше его нѣтъ нигдѣ граната.

У насъ пиропъ былъ когда-то въ почетѣ и въ старину высоко цѣнился, но теперь хорошаго крупнаго чешскаго пирона въ Россіи почти невозможно найти ни у одного ювелира. Многіе изъ нихъ не имѣютъ о немъ и понятія. У насъ иначе встрѣчается въ дешевыхъ ювелирныхъ вещахъ или мутный, темный тирольскій гранатъ, или «гранатъ водяникъ», но крупнаго огненнаго пирона съ «сухихъ полей» Мероница нѣтъ. Всѣ лучшіе старинные экземпляры этого прекраснаго, густоцвѣтнаго камня, ограненные, большею частію, мелкогранною крейцъ-розетою, скуплены по ничтож-

нымъ цѣнамъ иностранцами и вывезены за границу, а вновь находимые въ Чехіи хорошіе пироны прямо идутъ въ Англію или въ Америку. Тамъ вкусы устойчивѣе, и англичане очень любятъ и цѣнятъ этотъ прекрасный камень съ таинственнымъ огнемъ, въ немъ заключеннымъ («огонь въ крови»—«Feuer in Blut»). Англичане и американцы, впрочемъ, вообще любятъ характерные камни, какъ, напримѣръ, пиропъ или какъ «лунный камень», который при всякомъ освѣщеніи отливаетъ только однимъ своимъ *лунным* свѣтомъ. Въ ихъ маленькой, но очень полезной брошюркѣ «Правила вѣжливости и приличій», есть даже указаніе на эти камни, какъ на болѣе достойные вкуса истиннаго джентльмена. О брильянтахъ тамъ сказано, что ихъ «можетъ носить всякій, у кого есть деньги». Въ Россіи на это другой взглядъ: ни символики, ни красоты, ни загадочности удивительныхъ цвѣтовъ камня у насъ нынче не уважаютъ и «запаха денегъ» скрывать не желаютъ. У насъ, напротивъ, цѣнятъ только то, «что принимается въ ломбардъ». Оттого такъ называемые любительскіе камни и не идутъ къ намъ, и они нашимъ нынѣшнимъ охотникамъ до драгоцѣнностей неизвѣстны. Имъ даже, можетъ-быть, показалось бы удивительно и невѣроятно, что прелестный экземпляръ огненнаго граната считается однимъ изъ лучшихъ украшеній австрійской короны и стоитъ ужасной цѣны.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ѣдучи за границу, я, между прочимъ, имѣлъ порученіе отъ одного петербургскаго пріятеля привезти ему изъ Богеміи два лучшіе граната, какіе только можно будетъ найти у чеховъ.

Я и отыскалъ два камня изрядной величины и хорошаго цвѣта; но одинъ изъ нихъ, наиболѣе пріятный по своему тону, къ досадѣ моей, былъ испорченъ очень несовершенной, грубой огранкой. Онъ имѣлъ форму брильянта, но верхняя его площадка была какъ-то неуклюже, прямолинейно срѣзана, и оттого камень не имѣлъ ни глубины, ни блеска.

Руководившій меня въ выборѣ чехъ, однако, посовѣтовалъ мнѣ купить этотъ гранатъ и потомъ отдать его перегранить одному извѣстному мѣстному гранильщику, по имени Венцелю, котораго поводырь мой называлъ вели-

чайшимъ мастеромъ своего дѣла и притомъ большимъ оригиналомъ.

— Это артистъ, а не ремесленникъ,—говорилъ чехъ, и разсказалъ мнѣ, что старый Венцель — кабалистъ и мистикъ, а также отчасти восторженный поэтъ и большой суевѣръ, но человѣкъ преоригинальный и подчасъ даже прелюбопытный.

— Вы недаромъ съ нимъ познакомитесь,—говорилъ мой пріятель.—Камень для дѣдушки Венцеля представляетъ не бездушное, а одушевленное существо. Онъ чувствуетъ въ немъ отблескъ таинственной жизни горныхъ духовъ и,—прошу васъ не смѣяться,—онъ входитъ съ ними черезъ камень въ какія-то таинственныя сношенія. Иногда онъ разсказываетъ кое-что о полученныхъ откровеніяхъ, и слова его заставляютъ многихъ думать, что у бѣднаго старика уже не все исправно подъ черепомъ. Онъ уже очень старъ и капризенъ. Самъ онъ теперь рѣдко принимается за работу, работаютъ у него два его сына, но если его попросить и если ему камень понравится, то онъ его сдѣлаетъ самъ. А ужъ если онъ самъ сдѣлаетъ, то это будетъ превосходно, потому что, повторяю, самъ Венцель — великій и притомъ вдохновенный артистъ своего дѣла. Мы съ нимъ давно знакомы и вмѣстѣ пьемъ пиво у Едличка. Я его попрошу, и надѣюсь, что онъ исправитъ вамъ камень. Тогда это будетъ у васъ прекрасная покупка, которою вы какъ нельзя болѣе угодите тому, кто васъ просилъ о ней.

Я послушался и купилъ гранатъ, а затѣмъ мы тотчасъ же понесли его къ старому Венцелю.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Старикъ жилъ въ одной изъ мрачныхъ, узкихъ и тѣсно застроенныхъ улицъ жидовскаго предмѣстья, недалеко отъ извѣстной исторической синагоги.

Гранильщикъ былъ высокій, худой старикъ, немного сгорбленный, съ совершенно бѣлыми длинными волосами и съ быстрыми карими глазами, взглядъ которыхъ выражалъ большую сосредоточенность съ оттѣнкомъ чего-то такого, что замѣчается у больныхъ людей, одержимыхъ горделивымъ помѣшательствомъ. Согнутый въ хребтѣ, онъ держалъ голову вверхъ и смотрѣлъ какъ король. Актеръ, глядя на Венцеля, могъ бы превосходно загримироваться Лиромъ.

Венцель осмотрѣлъ купленный мною пиропъ и кивнулъ головою. По этому движенію и по выраженію лица старика надлежало понять, что онъ нашелъ камень хорошимъ, но, кромѣ того, старый Венцель повелъ дѣло такъ, что съ этой же первой минуты, хотя все шло у насъ о пиропѣ, но собственно главный интересъ для меня сосредоточился на самомъ гранильщикѣ.

Онъ долго-долго смотрѣлъ камень, чавкалъ беззубыми челюстями и одобрительно мнѣ кивалъ; потомъ мялъ пиропъ между двумя пальцами, а самъ глядѣлъ прямо и остро въ глаза мнѣ и морщился, морщился, точно съѣлъ зеленую скорлупу орѣха, и вдругъ объявилъ:

— Да, это *онъ*.

— Хорошій пиропъ?

Вмѣсто прямого отвѣта Венцель проговорилъ, что онъ этотъ камень «давно знаетъ».

Я очень удачно могъ вообразить себя передъ Лиромъ и отвѣчалъ:

— Я этимъ безмѣрно счастливъ, господинъ Венцель.

Почтительность моя старику понравилась, и онъ показалъ мнѣ мѣсто на скамейкѣ, а затѣмъ самъ подошелъ ко мнѣ такъ, что прижалъ своими колѣнами мои колѣна, и заговорилъ:

— Мы съ нимъ знакомы давно... Я видѣлъ его еще на его родинѣ, на сухихъ поляхъ Мероница. Онъ тогда былъ въ своей первозданной простотѣ, но я его чувствовалъ... И кто могъ мнѣ сказать, что его постигнетъ его ужасная участь? О, вы можете видѣть по немъ, какъ духи горъ предусмотрительны и зорки! Его купилъ разбойникъ-швабъ и швабу далъ его гранить. Швабъ можетъ хорошо продавать камень, потому что онъ имѣетъ каменное сердце; но гранить швабъ не можетъ. Швабъ — насильникъ, онъ все хочетъ по-своему. Онъ не совѣтуется съ камнемъ — чѣмъ тотъ можетъ быть, да чешскій пиропъ и гордъ для того, чтобы отвѣчать швабу. Нѣтъ, онъ разговаривать съ швабомъ не станетъ. Нѣтъ, въ немъ и въ чехѣ одинъ духъ. Швабъ изъ него не сдѣлаетъ того, что ему вздумается. Вотъ они захотѣли сдѣлать его крейцъ-розетою, вы это видите (я ничего не видѣлъ), но онъ имъ на это не дался. О да, — онъ пиропъ! онъ схитрилъ, онъ лучше позволилъ

имъ, чтобы швабы ему отрѣзали голову, и они ему ее отрѣзали.

— Ну да,—перебилъ я:—значитъ, онъ погибъ.

— Погибъ! отчего?

— Вы сами сказали, что у него отрѣзали голову.

Дѣдушка Венцель сожалительно улыбнулся:

— Голова! Да, голова — важная штука, господинъ, но духъ... духъ еще важнѣе головы. Мало ли головъ отрѣзали чехамъ, а они всѣ живы. Онъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать, когда попалъ варвару въ руки. Поступи швабъ такимъ подлымъ образомъ съ какимъ-нибудь животнымъ, съ какимъ-нибудь жемчугомъ или съ какимъ-нибудь «кошачьимъ глазомъ», который нынче пошелъ въ моду,— и отъ нихъ не осталось бы ничего. Изъ нихъ вышла бы какая-нибудь поплая пуговица, которую осталось бы только выбросить. Но чехъ не таковъ, его не скоро столкнешь въ швабской ступѣ! У пирона закаленная кровь... Онъ зналъ, что ему надо дѣлать. Онъ притворился, какъ чехъ подъ швабомъ, онъ отдалъ свою голову, а свой огонь спряталъ въ сердцѣ... Да, господинъ, да! Вы огня не видите? Нѣтъ! А я его вижу: вонъ онъ густой, неугасимый огонь чешской горы... Онъ живъ и... — вы его извините, господинъ, — онъ надъ вами смѣется.

Старый Венцель самъ засмѣялся и закачалъ головою.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Я стоялъ передъ этимъ старикомъ, который держалъ въ рукѣ мой камешекъ, и рѣшительно не зналъ, что ему отвѣчать на его капризныя и малопонятныя рѣчи. И онъ, кажется, понялъ мои затрудненія: онъ взялъ меня за руку, а другою захватилъ концами пинцета пиронъ, поднялъ его въ двухъ пальцахъ вверхъ передъ своимъ лицомъ и продолжалъ повышеннымъ тономъ:

— Онъ самъ чешскій князь, онъ первозданный рыцарь Мероница! Онъ зналъ, какъ уйти отъ невѣждъ: онъ у нихъ на глазахъ переодѣлся трубочистомъ. Да, да, я видѣлъ его; я видѣлъ, какъ барышникъ-жидъ возилъ его въ своемъ карманѣ, барышникъ и выбиралъ по немъ другіе камни *). Но онъ не для того горѣлъ на первозданномъ огнѣ, чтобы те-

*) Если долго пересматривать однородные цѣнные камни, то глазъ притупляется и теряетъ способность отличать лучшіе цвѣта отъ худ-

роться уродомъ въ кожаной мошнѣ барышника. Ему надоѣло ходить трубочистомъ, и онъ пришелъ ко мнѣ за свѣтлой одеждой. О! мы понимаемъ другъ друга, и принцъ Мероницкихъ горъ явится принцемъ. Оставьте его у меня, господинъ. Мы съ нимъ поживемъ, мы съ нимъ посовѣтуемся— и принцъ будетъ принцемъ.

Съ этимъ Венцель довольно непочтительно кивнулъ мнѣ головою и еще непочтительнѣе бросилъ первозданнаго рыцаря на очень грязную, засиженную мухами тарелку, на которой валялось нѣсколько совершенно схожихъ на видъ гранатовъ.

Мнѣ это не понравилось, и я даже просто побоялся, что мой пиропъ перемѣшается съ другими, худшими.

Венцель это замѣтилъ и наморщилъ лобъ.

— Постойте!—сказалъ онъ и, смѣшавъ рукою всѣ гранаты въ тарелкѣ, неожиданно бросилъ ихъ всѣ въ мою шляпу, а потомъ потрясъ ее и, опустивъ въ нее, не глядя, свою руку, какъ разъ вынулъ «трубочиста».

— Хотите это сто разъ повторить или довольно, довольно одного раза?

Онъ чувствовалъ и различалъ камень по плотности.

— Довольно,—отвѣчалъ я.

Венцель опять бросилъ камень въ тарелку и еще горделивѣе кивнулъ головою.

Мы на этомъ разстались.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Во всѣхъ словахъ и въ самой фигурѣ стараго гранильщика было столько прихотливаго и особеннаго, что его трудно было считать нормальнымъ человѣкомъ, и во всякомъ случаѣ отъ него вѣяло сагой.

— Вотъ, — думалось мнѣ, — если бы такого оригинальнаго знатока камней повстрѣчалъ въ свое время такой великій любитель самоцвѣтныхъ лаловъ, какъ Иванъ Грозный! Вотъ бы съ кѣмъ онъ всласть поговорилъ и можетъ-быть самъ бы его затравилъ самымъ лучшимъ медвѣдемъ! Те-

---

ныхъ. Чтобы возстановить эту способность, скупщики камней имѣютъ при себѣ *регуляторъ*, т. е. такой камень, цвѣтъ котораго имъ извѣстенъ своимъ достоинствомъ. Сличая съ нимъ чужой камень, покупщикъ сейчасъ же видитъ разницу въ его оцѣнкѣ и можетъ правильно судить о его достоинствѣ.

перь Венцель уже не ко времени птица и не къ масти козырь. Въ любомъ ломбардѣ сидятъ знатоки, которые навѣрное должны относиться къ нему по крайней мѣрѣ съ такимъ же презрѣніемъ, съ какимъ онъ къ нимъ относится. Что онъ мнѣ наговорилъ о какомъ-то двадцатирублевомъ камнѣ!.. Чешскій принцъ, первозданный князь, и потомъ самъ швырнулъ его на грязную тарелку...

Нѣтъ,—онъ сумасшедшій.

А Венцель, какъ на зло, не выходилъ у меня изъ головы, да и только. Даже онъ сталъ мнѣ сниться. Мы съ нимъ все лазили по Мероницкимъ горамъ и чего-то скрывались отъ швабовъ. Поля были не только сухи, но жарки, и Венцель то здѣсь, то тамъ припадалъ къ землѣ, прикладывалъ ладони къ пыльному щебню и шепталъ мнѣ: «Пробуй! пробуй, какъ горячо!.. Какъ *они* тамъ пылаютъ! Нѣтъ, нигдѣ нѣтъ такихъ камней!»

И подъ напѣвомъ всего этого купленный мною гранатъ въ самомъ дѣлѣ сталъ мнѣ казаться чѣмъ-то оживленнымъ «отъ первозданныхъ огней». Чуть я оставался одинъ, мнѣ тотчасъ начинали припоминаться въ дѣтствѣ читанное путешествіе Марко Поло и родныя сказанья новгородцевъ «о камняхъ драгихъ, ко многимъ дѣламъ угодныхъ». Вспомнилось, какъ бывало читаешь и удивляешься, что «гранатъ веселитъ сердце человѣческое и кручину отдаляетъ и кто его при себѣ носитъ, у того рѣчь и смыслъ исправляетъ и къ людямъ прилюбляетъ». Позже все это потеряло значеніе, — на всѣ эти сказанія мы стали смотрѣть какъ на пустое суевѣріе, стали сомнѣваться, что «алмазъ смягчить можно, помочивъ его въ крови козлей», что алмазъ «лихіе сны отгоняетъ», а если къ носящему его «окормъ приблизить, то онъ потѣти зачнетъ»; что «яхонтъ сердце крѣпитъ, малъ счастье множитъ, лазорь болѣзни унимаетъ, изумрудъ очи уздоровляетъ: бирюза отъ паденія съ коня бережетъ, лечетъ нехорошую мысль отжигаетъ, тумназъ кипѣніе воды прекращаетъ, агатъ непорочность дѣвицъ бережетъ, а безоаръ-камень всякій ядъ погашаетъ». А вотъ попался старикъ съ густымъ бредомъ, и я самъ съ нимъ снова готовъ бредить.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Спишь, а все это снится... И какъ славно, какъ это все густо, и жизненно, хотя и знаешь, что это вздоръ. Не

вздоръ это то, что знаетъ оцѣнщикъ камней въ ломбардѣ. О да, то не вздоръ. То оцѣнка... то фактъ...

Да, но вѣдь и это было въ свое время фактомъ... Вѣдь патріархъ Никонъ фактъ писалъ царю Алексѣю, когда жаловался на своихъ лиходѣевъ. Совсѣмъ хотѣли его извести и злымъ окормомъ его на-смерть окормили, да былъ патріархъ запасливъ—онъ при себѣ «безуй-камень» имѣлъ и *«бѣдуемъ отсосался»*. Долго онъ лизалъ безуй-камень, который былъ у него въ напалкѣ вправленъ, но зато ему помоглося, а лиходѣи его пострадали. Правда, что все это было въ старину, когда и камни въ нѣдрахъ земли, и планеты въ выси небесной — всѣ были озабочены судьбой человѣка, а не нынче, когда и въ небесахъ горѣ, и подъ землею — все охладѣло къ судьбѣ сыновъ человѣческихъ и нѣсть имъ оттуда ни гласа, ни послушанія. Всѣ вновь открытыя планеты уже не получили никакихъ должностей для гороскоповъ; много есть и новыхъ камней, и всѣ они смѣрены, свѣшены, сравнены по удѣльной тяжести и плотности и затѣмъ ничего они не вѣщаютъ, ни отъ чего не пользуютъ. Прошелъ ихъ чередъ говорить съ человѣкомъ, и они теперь то же, что «витія многовѣщанные», которые сдѣлались «яко рыбы безгласныя». И старый Венцель, конечно, дуритъ, повторяя какія-нибудь старыя сказки, которыя у него перепутались въ ослабѣвшемъ мозгу.

Но какъ же онъ меня мучилъ, этотъ сумасбродный старикъ! Сколько разъ я заходилъ къ нему, а мой пропъ не только былъ еще не готовъ, но Венцель за него даже и не принимался. Мой «первозданный принцъ» валялся «трубочистомъ» на тарелкѣ, въ самомъ низкомъ и малодостойномъ его товариществѣ.

Если хоть каплю, но искренно суевѣрить, что въ этомъ камнѣ живетъ какой-то горный, гордый духъ, который мыслитъ и чувствуетъ, то обращаться съ нимъ такимъ непочтительнымъ образомъ тоже есть варварство.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Венцель меня уже не интересовалъ, а сердилъ. Онъ ни на что не отвѣчалъ толкомъ, и порою мнѣ въ немъ сказывался даже нахалъ. На самыя вѣжливыя мои замѣчанія, что я слишкомъ долго жду маленькаго поворота его шлифовальнаго колеса, онъ меланхолически чистилъ свои гни-

лые зубы и начиналъ разсуждать, что̀ за вещь *колесо* и сколько есть разнообразныхъ колесъ на свѣтѣ. Колесо при мужичьей мельницѣ, колесо въ мужичьей телѣгѣ, колесо въ вагонѣ, колесо въ легкой вѣнской коляскѣ, часовое колесо до Брегета и часовое колесо послѣ Брегета, колесо въ часахъ Дениса Блонделя и колесо въ часахъ Луи Одемара... Словомъ, чортъ знаетъ, что̀ за рацею разведетъ, а конецъ тотъ, что каретную ось легче выковать, чѣмъ огранить камень, а потому: «ждите, славянинъ».

Я потерялъ терпѣніе и попросилъ Венцеля возвратить мнѣ назадъ мой камень, какимъ онъ есть, но въ отвѣтъ на это старикъ заговорилъ ласково:

— Ну, какъ это можно? зачѣмъ дѣлать такіе капризы?

Я признался, что̀ мнѣ это надоѣло.

— Ага, — отвѣчалъ Венцель: — а я думалъ, что вы уже сдѣлались нравомъ и нарочно хотите оставить чешскаго князя трубочистомъ...

И Венцель захохоталъ, широко раскрывъ ротъ, такъ что изъ него по всей комнатѣ запахло хмелемъ и солодомъ.

Мнѣ показалось, что старикъ въ этотъ день выпилъ лишнюю кружку пильзенскаго пива.

Венцель даже сталъ мнѣ разсказывать какую-то глупость, — будто онъ бралъ *его* съ собою *гулять* на Виноградъ за Нуссельскіе сходы. Тамъ они будто вмѣстѣ сидѣли на сухой горѣ противъ Карлова тына, и *онъ* будто открылъ, наконецъ, ему, Венцелю, всю свою исторію «отъ первозданныхъ дней», когда еще не только не родились ни Сократъ, ни Платонъ, ни Аристотель, но не было содомскаго грѣха и содомскаго пожара, вплоть до самаго того часа, какъ *онъ* выползъ на стѣну клопомъ и посмѣялся надъ бабой...

Венцель будто вспомнилъ что-то очень смѣшное,—снова расхохотался и опять наполнилъ комнату запахомъ солода и хмеля.

— Довольно, дѣдушка Венцель,—я ничего не понимаю.

— Это очень странно!—замѣтилъ онъ съ недовѣріемъ и разсказалъ, что бывали случаи, когда превосходные шропы находили просто въ избяной обмазкѣ стѣнъ. Богатство камней было такъ велико, что они валялись поверхъ земли и попадали съ глиной въ штукатурку.

Венцель, вѣроятно, имѣлъ все это въ головѣ, когда си-

дѣлъ въ садикѣ пивницы при Нуссельскихъ сходахъ, и унесъ это съ собою на сухую гору, на которой глубоко и мирно уснулъ и видѣлъ прелюбопытный сонъ: онъ видѣлъ бѣдную чешскую избу въ горахъ Мероница, въ избушкѣ сидѣла молодая крестьянка и пряла руками козью шерсть, а ногою качала колыбель, которая при каждомъ движеніи тихонько толкала въ стѣнку. Штукатурка тихо шелушилась и опадала пылью и... «*онъ пробудился!*» То-есть пробудился не Венцель и не дитя въ колыбели, а *онъ* — первозданный рыцарь, замазанный въ штукатурку... Онъ пробудился и выглянулъ наружу, чтобы полюбоваться лучшимъ зрѣлищемъ, какое бываетъ на свѣтѣ, — молодою матерью, которая прядетъ шерсть и качаетъ своего ребенка... Мачешка увидала на свѣтѣ гранатъ и подумала: «вотъ клопъ», и чтобы гадкое насѣкомое не кусало ея ребенка, она ударила его со всей силы своей старой туфлей. *Онъ* выпалъ изъ глины и покатился на землю; а она увидала, что это камень, и продала его шваб у за горсть гороховыхъ зеренъ. Все это было тогда, когда зерно пирона стоило одну горсть гороха. Это было раньше, чѣмъ случилось то, что описано въ чудесахъ св. Николая, когда пиронъ проглотила рыба, которая досталась бѣдной женщинѣ, и ту обогатила эта находка...

— Дѣдушка Венцель!—сказалъ я:—извините меня—вы говорите очень любопытныя вещи, но мнѣ недосужно ихъ слушать. Я послѣзавтра утромъ рано уѣду, и потому завтра приду къ вамъ въ послѣдній разъ, чтобы получить мой камень.

— Прекрасно, прекрасно! — отвѣчалъ Венцель. — Приходите завтра въ сумерки, когда станутъ зажигать огни: трубочистъ встрѣтитъ васъ принцемъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Я пришелъ какъ разъ въ назначенное время, когда зажгли свѣчи, и на этотъ разъ мой пиронъ дѣйствительно былъ готовъ. «Трубочистъ» въ немъ исчезъ, и камень поглощалъ и извергалъ изъ себя пуки густого, темнаго огня. Венцель на какую-то незамѣтную линію снялъ края верхней площадки пирона, и середина его поднялась капюшономъ. Гранатъ принялъ въ себя свѣтъ и заигралъ: въ немъ, въ самомъ дѣлѣ, горѣла въ огнѣ очарованная капля несгораемой крови.

— Что? каковъ витязь?—восклицалъ Венцель.

Я поистинѣ не могъ налюбоваться пиропомъ и хотѣлъ выразить Венцелю это, но, прежде чѣмъ я успѣлъ сказать хоть одно слово, мудреный старикъ выкинулъ неожиданную и престранную штуку: онъ вдругъ схватилъ меня за кольцо съ александритомъ, который теперь при огнѣ былъ красенъ, и закричалъ:

— Сыны мои! чехи! Скорѣй! Смотрите, вотъ-вотъ тотъ *вѣщій русскій камень*, о которомъ я вамъ говорилъ! Коварный сибирякъ! онъ все былъ зеленъ, какъ надежда, а къ вечеру облился кровью. Отъ первозданья онъ таковъ, но онъ все прятался, лежалъ въ землѣ и позволилъ найти себя только въ день совершеннолѣтія царя Александра, когда пошелъ его искать въ Сибирь большой колдунъ, волшебникъ, вейделота...

— Вы говорите пустяки, — перебилъ я. — Этотъ камень нашелъ не волшебникъ, а ученый—Норденшильдъ!

— Колдунъ! Я говорю вамъ—колдунъ.—закричалъ громко Венцель. — Смотрите, что это за камень! въ немъ зеленое утро и кровавый вечеръ... Это судьба, это судьба благороднаго царя Александра!

И старый Венцель отвернулся къ стѣнѣ, оперъ голову на локоть и... заплакалъ.

Сыновья его стояли молча. Не только для нихъ, но и для меня, который такъ давно видалъ постоянно на своей рукѣ «камень Александра Второго», камень этотъ будто вдругъ исполнился глубокою вѣщей тайной, и сердце сжалось тоскою.

Какъ хотите—старикъ увидалъ и прочелъ въ камнѣ что-то такое, что въ немъ какъ будто и было, но что прежде до него никому въ глаза не бросилось.

Вотъ что иногда значитъ посмотрѣть на вещь подъ необыкновеннымъ настроеніемъ фантазіи!

ЗАГАДОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ

ВЪ СУМАСШЕДШЕМЪ ДОМѢ.

(Извлечено изъ бумагъ Е. В. Пеликана.)

(1858—1878).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ нынѣшнее время часто доводится слышать сильное негодованіе, если какое-нибудь изъ ряда выходящее происшествіе остается безъ скораго и удовлетворительнаго разъясненія его причинъ. Это сейчасъ же ставится въ вину порядкамъ новаго судопроизводства и еще чаще въ вину тѣмъ лицамъ, которые нынче производятъ слѣдствія, и тѣмъ, которые совершаютъ судъ по законамъ императора Александра II. Думаютъ, — и такихъ людей не мало, — что ранѣе, т. е. до введенія новыхъ судовъ, дѣла будто бы шли лучше, т. е. скорѣе, строже и справедливѣе. Такое мнѣніе не только существуетъ въ темномъ простонародьѣ, но оно даже безъ стѣсненія высказывается и въ извѣстныхъ органахъ періодической печати, руководимыхъ образованными людьми. Послѣднее, въ свою очередь, раздражаетъ и сердитъ людей, сохранившихъ вѣрное воспоминаніе о прежнемъ слѣдственномъ и судебномъ процессѣ. Это раздраженіе понятно, но гнѣвъ все-таки неумѣстенъ. Напротивъ, кажется, надо радоваться, что если уже есть въ обществѣ такое странное мнѣніе, то пусть оно не таится, а находитъ себѣ свободное выраженіе въ печати. Печать лучше, чѣмъ что-либо иное, можетъ послужить свѣркѣ и оцѣнкѣ всякихъ мнѣній—какъ ошибочныхъ, такъ и обстоятельныхъ.

Однимъ изъ лучшихъ способовъ для этого служатъ сравненія, которыхъ много можно привести изъ такъ-называемыхъ «памятей» о дѣлахъ «добраго стараго времени».

Разумѣю не то настоящее «старое время», какимъ почитается въ нашей исторіи до-Петровскій періодъ, а собственно время, предшествовавшее введенію судебной реформы, которое нынче часто тоже называютъ «старымъ».

Любопытные сборники Любавскаго не богаты матеріаломъ для исторіи о дѣлахъ угасшихъ. Очень можетъ быть—тамъ нѣтъ такихъ дѣлъ, потому что во время составленія сборниковъ Любавскаго никому изъ нашихъ русскихъ современниковъ еще не приходило на мысль искать идеала правосудія въ старинномъ судебномъ порядкѣ. Не предвидѣлось и того, что скоро можетъ представиться надобность доказывать несостоятельность слѣдственнаго процесса въ дореформенное время. Иначе, вѣроятно, въ уголовныхъ сборникахъ нашли бы мѣсто образцы дѣлъ неразъясненныхъ, и притомъ такіе образцы, которые способны каждаго удивить и поразить своею оригинальностію и маловѣроятностію. Такихъ дѣлъ особенно много по группѣ убійства помѣщиковъ крѣпостными людьми и обратно, и не менѣе ихъ еще, напримѣръ, по истребленію казенныхъ лѣсовъ. Въ ранней моей молодости я помню, какъ въ Орлѣ, кажется, около четырнадцати лѣтъ, производилось дѣло о вырубкѣ казеннаго лѣса въ карачевскомъ или въ трубчевскомъ уѣздѣ. Въ этомъ преступленіи и грабежѣ казны на огромную, потогдашнему, сумму подозрѣвался и изобличался мѣстный лѣсничій по фамиліи Красовскій, — человѣкъ уже очень старый, набожный и постникъ, джентльменъ, съ совершенно бѣлой головою, всегда тщательно выбритый и причесанный.

Я помню, когда его водили изъ острога съ двумя часовыми мимо такъ-называемаго губернаторскаго сада, гдѣ я игралъ во дни моего дѣтства.

Красовскій ходилъ съ часовыми очень спокойно, ласково улыбался знакомымъ и почему-то *благословлялъ дѣтей!*.. Онъ жилъ въ орловскомъ острогѣ болѣе десяти лѣтъ, и жилъ настоящимъ тюремнымъ аборигеномъ или даже патріархомъ. Когда въ Орлѣ была впервые прочтена «Крошка Доритъ», то многіе говорили, что старый отецъ маленькой Доритъ, живущій въ тюрьмѣ и тамъ линемѣрствующій, точно будто списанъ Диккенсомъ съ орловскаго острожнаго патріарха—Красовскаго.

Красовскій, такъ же какъ и герой Диккенса, получилъ

вѣсъ и значеніе въ тюрьмѣ; онъ славился своимъ благочестіемъ и скупостію; имѣлъ нравственное вліяніе на заключенныхъ и на охранителей, и довелъ двухъ прислуживавшихъ ему арестантовъ изъ простонародья до того, что они сдѣлали покушеніе задушить его за скупость, и за то наказаны плетьми и сосланы въ каторгу.

Такъ изъ-за Красовскаго, во время его долголѣтней жизни въ орловскомъ острогѣ, возникали новыя дѣла, а его собственное дѣло объ истребленіи ввѣренныхъ ему казенныхъ лѣсовъ все тянулось. На немъ, такъ сказать, воспитывались цѣлыя поколѣнія палатскихъ юристовъ (выписку изъ него при представленіи въ сенатъ дѣлалъ сынъ слѣдователя, начавшаго слѣдствіе), и за всѣмъ тѣмъ хищническое дѣло это такъ и осталось нераскрытымъ. Кто срубилъ тысячи десятинъ казеннаго лѣса и куда ушли деньги, за нихъ вырученныя,—это такъ и не обнаружено. Красовскій притворялся бѣднымъ, или въ самомъ дѣлѣ ничего не имѣлъ,—это такъ и не открыто. Только онъ никому никакихъ взятокъ не платилъ и въ острогѣ промышлялъ ростовщичествомъ, давая подъ залоги отъ двугривеннаго до рубля изъ десяти процентовъ въ недѣлю. За это его и хотѣли задушить. Наконецъ, послѣ двѣнадцатилѣтняго содержанія въ тюрьмѣ, Красовскаго выпустили, но онъ еще не хотѣлъ идти изъ тюрьмы, говорилъ, что ему негдѣ жить и нечѣмъ жить. Такъ онъ «прижился въ тюрьмѣ» и такъ мало значила въ его глазахъ драгоцѣнная каждому живущему свобода.

Въ Орлѣ, назадъ тому сорокъ лѣтъ, всѣ отъ мала до велика были поражены, что столь всѣмъ очевидное преступленіе Красовскаго не раскрылось. Но это такъ и кончено.

Однако, не станемъ удивляться и на это: убійство господъ и крестьянъ, равно какъ и истребленіе лѣсовъ происходили на широкихъ пространствахъ, гдѣ не было особыхъ наблюденій и не было такъ называемой локализаціи преступленія. А встрѣчались случаи гораздо болѣе удивительные, когда дѣло совершалось, напримѣръ, въ домѣ, окруженномъ самымъ тщательнымъ присмотромъ, гдѣ все было, такъ сказать, «какъ въ горсти», а между тѣмъ уходило изъ горсти, и не могли добраться до виноватаго.

Одно изъ такихъ дѣлъ, интересныхъ не только въ судебномъ, но и въ научномъ отношеніи, представляетъ нѣко-

торый воронежскій случай, замѣтки о которомъ попались мнѣ въ бумагахъ покойнаго предсѣдателя медицинскаго совѣта, Евгенія Венцеславовича Пеликана.

Вотъ это дѣло.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ шесть часовъ утра мглистаго, морознаго дня, 27 января 1853 года, на женской половинѣ сумасшедшаго дома въ Воронежѣ прозвонилъ звонокъ, «возвѣщавшій время топки печей». Таковъ былъ ежедневный порядокъ въ заведеніи во все то время, когда зданіе отапливалось печами.

Звонокъ этотъ разбудилъ въ числѣ прочихъ служительницъ одну, по имени Кирсанову, которая ночевала при умалишенныхъ въ коридорѣ между комнатами №№ 6 и 10.

Кирсанова встала и удивилась, что ее сегодня первый разъ не разбудила раньше звонка одна изъ помѣщанныхъ— молодая, крѣпкая женщина, по имени Елена Швидчикова (по фамиліи судя, вѣроятно малороссіянка).

Названная больная имѣла пироманическія наклонности и очень любила топить печи. Такъ какъ это было совершенно безвредно и притомъ облегчало трудъ служительницы, то Швидчиковой было дозволено топить печи, и она, дорожа такимъ удовольствіемъ, имѣла привычку вставать очень рано. До звонка она будила Кирсанову и помогала ей при топкѣ, но... сегодня вдругъ Швидчикова первый разъ проспала.

Служанка подивилась, однако не стала безпокоить Елену, а сама затопила всѣ печи, но потомъ подумала:

«Что же это, однако, значитъ, что Елена не встаетъ с сю пору?»

Служанкѣ пришло на мысль, не случился ли какой грѣхъ,— и не напрасно.

Когда Кирсанова вошла въ комнату, гдѣ, въ числѣ трехъ больныхъ, спала Швидчикова, она не замѣтила здѣсь ни малѣйшаго безпорядка. Все было тихо, и всѣ помѣщавшіяся здѣсь три женщины въ самомъ спокойномъ положеніи лежали, закрывшись одѣялами, на своихъ койкахъ.

Служанка подошла прямо къ своей добровольной помощницѣ, Еленѣ Швидчиковой, и сначала позвала ее по имени. Елена не откликалась. Тогда Кирсанова хотѣла ее побу-

дить рукою, но едва лишь дотронулась до нея, какъ упала отъ страха на полъ и потеряла сознаніе.

Елена Швидчикова была мертва.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Придя въ себя, перепуганная служанка вскочила на ноги и бросилась къ другой сосѣдней койкѣ, на которой спала умопомѣшанная Фіона Курдюкова (28 лѣтъ), но, къ ужасу служанки, Фіона тоже была мертва... Служанка съ страшнымъ воплемъ кинулась къ третьей больной, молодой дѣвушкѣ (18 лѣтъ), по имени Прасковьѣ Снѣгиревой, и закричала ей во весь голосъ:

— Паша! Пашенька!—встань, помоги!

Но Пашенька тоже не вставала и не трогалась, а когда Кирсанова, вся дрожа какъ листъ, коснулась рукою до тѣла этой дѣвушки, то поняла, что и здѣсь всѣ зовы на помощь напрасны, потому что и молоденькая Паша тоже мертва...

Неожиданно, разомъ три покойницы, на трехъ сряду стоящихъ койкахъ, при сѣромъ сумракѣ январскаго утра и ходячихъ тѣняхъ отъ дрожащаго пламени только-что растопленныхъ печей,—это, какъ хотите, картина, способная произвести сильное и безпокойное впечатлѣніе даже и на больничную сидѣлку.

Кирсанова бросила мертвыхъ и, не помня себя отъ перепуга, кинулась бѣжать къ надзирательницѣ, г-жѣ Азаровой.

Азарова встревожилась,—прибѣжала еще съ другими служительницами заведенія и удостовѣрилась, что всѣ три помѣшанныя, спавшія въ комнатѣ № 10, дѣйствительно неподвижны, бездыханны и холодны. Азарова и другія бывшія съ нею прислужницы, въ тревогѣ, бросились посмотрѣть—все ли благополучно въ прочихъ покояхъ, и нашли не вездѣ все въ полномъ благополучіи. А именно, когда онѣ вошли въ небольшую комнату № 6, отдѣлявшуюся отъ № 10 лѣстницею, то здѣсь опять обрѣли роковую тишину и еще двухъ новыхъ покойницъ: Прасковью Воронину и Ирину Деревенскую.

Эти женщины спали вдвоемъ въ комнатѣ № 6, каждая на своей койкѣ, и такъ обѣ и найдены мертвыми на своихъ же койкахъ, безъ малѣйшихъ знаковъ насилія, въ спальныхъ чепцахъ и одѣтыя байковыми одѣялами.

Послали за фельдшеромъ Варламомъ Ивановичемъ, чтобы онъ шелъ какъ можно скорѣе—подать какую-нибудь помощь, или—какъ нынче красиво говорятъ—«констатировать смерть». Фельдшеръ пришелъ, посмотрѣлъ и объявилъ, что никакая помощь уже невозможна,—что всѣ пять женщинъ несомнѣнно умерли.

Пять скоропостижно умершихъ вдругъ, отъ неизвѣстной причины и въ строго охраняемомъ мѣстѣ... Что за происшествіе!

Первое, разумѣется, что могло придти въ голову при подобномъ случаѣ,—это *угаръ*, но объ угарѣ не могло быть и рѣчи, потому что, во-первыхъ, печи въ заведеніи топились съ утра, а всѣ пять умершихъ легли спать вечеромъ здоровыми, да во-вторыхъ же,—другія больныя, сосѣдки по комнатамъ тѣхъ, которыя умерли, были живы и здоровы, межъ тѣмъ какъ ихъ комнаты согрѣвались тѣми самыми печами и вообще находились вполнѣ въ одинаковыхъ атмосферныхъ условіяхъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Надзирательница и фельдшеръ тотчасъ же дали знать о страшномъ и загадочномъ происшествіи смотрителю заведенія, маіору Колиньи; тотъ удостовѣрился самоличнымъ видѣніемъ, что пять женщинъ умерли, и сейчасъ же донесъ объ этомъ губернатору.

Губернаторъ не медлилъ распоряженіями, и въ 11½ часовъ того же 27 января 1853 года въ сумасшедшій домъ прибыли инспекторъ врачебной палаты Шарковъ, старшій докторъ Погорскій и полицеймейстеръ города Воронежа г. Ѳедоровъ. Они сдѣлали осмотръ и написали актъ, изъ котораго беремъ слѣдующія подлинныя мѣста:

Первая осмотрѣна Курдюкова. Ей 28 лѣтъ, тѣлосложенія крѣпкаго, найдена на постели въ рубашкѣ, въ чулкахъ и въ чепцѣ на головѣ. Она покрыта байковымъ одѣяломъ, лежала на спинѣ въ прямомъ положеніи, съ головою, нѣсколько наклоненною на правую сторону, и съ руками, расположенными по бокамъ тѣла (какъ велятъ спать благовоспитаннымъ дѣвушкамъ въ пансіонахъ). Руки въ суставахъ отъ оцѣпенѣнія найдены малоподвижными; лицо нѣсколько вздуто, правая щека покрыта красноватыми пятнами, а лѣвая натуральнаго труннаго цвѣта; животъ вздутъ

и мягокъ при осязаніи; бедра и икры, преимущественно на задней поверхности, а равно спина, поясница и затылокъ оказались при осмотрѣ темно-краснаго цвѣта; глаза закрыты, зрачки расширены; на головѣ надъ лѣвою теменною костью найденъ струпъ красноватаго цвѣта; другого рода поврежденій на тѣлѣ Курлюковой не было.

Вторая скоропостижно умершая сумасшедшая была Снѣгирева, дѣвушка лѣтъ около 18-ти, тѣлосложенія крѣпкаго. Она тоже найдена одѣтою—въ рубашкѣ, въ чулкахъ и въ чепцѣ, покрыта шерстянымъ байковымъ одѣяломъ, лежала въ постели на спинѣ въ прямомъ почти положеніи: правая рука протянута близъ боку и въ локтѣ немного согнута, съ приподнятою къ лицу кистью. Пальцы рукъ полусжаты, конечности въ суставахъ отъ оцѣпенѣнія малоподвижны, вся спина отъ шеи и задняя поверхность бедеръ и обѣихъ голеней найдены краснаго цвѣта; на лицѣ темнаго же цвѣта пятна замѣчены, прочія части тѣла натуральнаго трупнаго цвѣта; животъ раздутъ, напряженъ и твердоватъ. Лѣвый рукавъ рубашки найденъ замараннымъ въ жидкости красноватаго цвѣта (сукровицею, истекавшею изъ рта).

Третья—Елена Шведчикова (та самая, которая любила топить печи), около 30 лѣтъ, тѣлосложенія крѣпкаго, одѣта въ рубашкѣ, въ чулкахъ, въ чепцѣ и покрыта байковымъ шерстянымъ одѣяломъ. Она лежала въ постели на спинѣ въ прямомъ положеніи, съ наклоненною нѣсколько головою на лѣвую сторону, обѣ руки сложены вмѣстѣ, на животѣ, съ протянутыми пальцами. Конечности въ суставѣ отъ оцѣпенѣнія малоподвижны, вся спина, поясница и задняя поверхность бедеръ испещрена была красноватыми пятнами, лицо и прочія части тѣла трупнаго цвѣта; другого рода измѣненій на тѣлѣ не оказалось; животъ нѣсколько раздутъ и твердоватъ, ротъ закрытъ, зубы стиснуты, у лѣваго глаза верхняго вѣка недостаетъ, отчего глазное яблоко открыто, истощеннаго вида отъ предшествовавшаго болѣзненнаго состоянія этого органа.

Въ такомъ положеніи найдены три скоропостижно умершія жилицы сумасшедшей камеры № 10-й.

У всѣхъ обнаружена краснота, пятна, вздутости, но всѣ лежатъ на своихъ постеляхъ въ чепцахъ и ни одна не сбросила съ себя ни этого чепца, ни одѣяла, точно смерть ни одной изъ нихъ не стоила ни малѣйшей муки. Пришл

каждой «отложенное ея»—и онѣ пошли за ангеломъ смерти цѣлой компаніей «въ путь всея земли».

Исторія все становится удивительнѣе и непонятнѣе.

Теперь перейдемъ въ маленькій покой подъ № 6-мъ,—гдѣ спали только двѣ женщины, возрастомъ постарше, и тоже обѣ умерли въ товарищеской компаніи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Начинается опять то же самое.

Первая—Прасковья Воронина, крѣпкаго тѣлосложенія, 45 лѣтъ, найдена лежащею на постели въ рубашкѣ, въ чулкахъ и въ неизбѣжномъ чепцѣ. Она такъ же, какъ и жилицы № 10-го, покрыта байковымъ одѣяломъ, лицомъ обернулась къ стѣнѣ и держала лѣвую руку на животѣ, а правую на кровати протянутою къ бедру; пальцы мало сжаты, животъ твердоватъ. Спина, поясница и задняя поверхность бедеръ темно-краснаго цвѣта, лицо и прочія части тѣла обыкновеннаго трупнаго цвѣта. Другого рода измѣненій на тѣлѣ никакихъ не найдено.

Ирина Деревенская, отъ роду лѣтъ около 50, тѣлосложенія посредственнаго, въ рубашкѣ, чулкахъ и въ чепцѣ; покрыта байковымъ шерстянымъ одѣяломъ; конечности, какъ верхнія, такъ и нижнія, найдены въ суставахъ окѣпенѣвшими, животъ вздутый и твердоватъ; поясница, спина и зашеекъ краснаго цвѣта, лицо и прочія части тѣла натуральнаго трупнаго цвѣта.

Опять и здѣсь краснота и сукровица,—которыя, конечно, совсѣмъ уже упраздняютъ всякую необходимость разсуждать объ угарѣ, да и самый актъ, о которомъ мы говоримъ, на угарѣ не настаиваетъ. Очевидно, воронежскіе чиновники съ самаго начала не сомнѣвались, что причиною смерти пяти сумасшедшихъ былъ не угаръ, а что-то иное... Но что же именно?

Любопытныя вещи требуютъ часто большого терпѣнія.

Послѣдуемъ пока за осматривающими зданіе и посмотримъ, какія свѣдѣнія они соберутъ отъ служебнаго персонала.

При осмотрѣ зданія всего женскаго отдѣленія умалишенныхъ, оказалось: комнаты, въ которыхъ найдены мертвыя,—сухи, и воздухъ въ нихъ чистъ. Въ каждой изъ тѣхъ комнатъ, равно и во всѣхъ другихъ сего отдѣленія, *топка*

печей устроена изъ коридора; отдушниковъ въ комнаты нѣтъ по всему зданію. Комната № 10-й отдѣлена отъ прочихъ; въ ней одна голландская печь изъ простыхъ изразцовъ и безъ отдушниковъ въ комнату. Топка этой печи устроена изъ коридора. Комната № 6-й (гдѣ найдено два мертвеца) отдѣлена отъ предыдущей комнаты № 10-й (гдѣ три мертвеца) лѣстницею, которая ведетъ въ нижній этажъ; рядомъ же, только съ другой стороны этой комнаты, находится другая сосѣдняя комната, обозначенная подъ № 7. Это, надо думать, былъ покой для больныхъ особенно буйныхъ, потому что здѣсь стѣны до двухъ третей вышины обиты войлокомъ, а поверхъ войлока крашенинным холстомъ. Такія обивки въ домахъ умалишенныхъ дѣлаютъ только въ такихъ покояхъ, гдѣ помѣщаютъ людей, обнаруживающихъ большое раздраженіе, съ мрачною наклонностью вредить своему здоровью или самой жизни.

Комната эта нагрѣвается одною и тою же голландскою печью, которая обогрѣваетъ № 6-й, и эта печь точно такого же устройства, какъ и печь въ комнатѣ подъ № 10-мъ, т. е. онѣ голландки и безъ отдушниковъ.

Въ комнатахъ подъ №№ 10-мъ и 6-мъ, гдѣ найдены умершія, а равно на постеляхъ и другихъ покрывалахъ нѣтъ ни слѣдовъ рвоты, ни другихъ изверженій. Стѣны комнатъ, а равно и самаго коридора, выбѣлены мѣломъ и не представляютъ никакихъ признаковъ, по которымъ можно бы заподозрить, что ихъ скоблили или лизали языкомъ.

Слѣдовательно, отравленіе этимъ способомъ тоже невозможно.

На кроватяхъ, гдѣ лежали умершія, и вообще въ комнатахъ, не найдено никакихъ постороннихъ вещей, кромѣ того, что принадлежало къ устройству и инвентарю этихъ помѣщеній. Бѣлье на постеляхъ и на умершихъ чистое. Солома въ тюфякахъ, по объявленію надзирательницы Вѣры Азаровой, по всему отдѣленію женскаго дома умалишенныхъ перемѣнена назадъ тому всего только семь дней и притомъ опять-таки солому не отбирали на отборъ для тѣхъ пяти, которыя умерли, а набивали ею *всѣ* тюфяки изъ одной общей массы, а между тѣмъ умерли не всѣ изъ находящихся въ заведеніи, а только пятеро.

Что касается до порядковъ въ домѣ, то смотритель маіоръ

Колиньи объявилъ, что печи, какъ въ этомъ, такъ и въ прочихъ зданіяхъ, 26-го января были истоплены въ 5 часовъ утра и во второй разъ въ эти сутки топлены не были. Въ этомъ зданіи и по всему этому женскому отдѣленію дома умалишенныхъ нѣтъ ни кухонь, ни прачечной, ни другихъ какихъ-либо служебныхъ построекъ, откуда бы могли заходить дымъ, чадъ или какія-нибудь зловонныя и міазматическія испаренія.

Досмотръ за больными былъ такой рачительный, что, повидимому, желать лучшаго невозможно.

Для примѣра достаточно прослѣдить одинъ день 26-го января, предшествовавшій роковой ночи, когда пять сумасшедшихъ неизвѣстно отъ чего умерли цѣлой компаніей.

Въ 26-е число января это отдѣленіе посѣщали, въ 10 часовъ утра, старшій докторъ Погорскій и младшій ординаторъ Предтеченскій, а предъ ихъ визитаціей, въ 8 часовъ утра, все зданіе осматривали экономъ Алексѣевъ и помощникъ смотрителя Никитинъ.

Словомъ, досмотръ со стороны начальства былъ во весь день до вечера и никакихъ упущеній не указано.

Теперь начинается ближайшее время къ роковой ночи,— вечеръ 26-го января.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Вечеромъ 26-го января, въ 10 часовъ, вторично обходилъ это отдѣленіе экономъ Алексѣевъ.

Вечеръ въ такихъ домахъ кончается рано, въ 8 часовъ здѣсь уже спятъ. А послѣ того какъ больныя легли спать, въ 11 часовъ ночи, покои ихъ обходилъ дежурный надзиратель по заведенію, унтеръ-офицеръ Коноплевъ. Оба эти должностныя лица, обойдя покои, явились къ смотрителю маіору Колиньи и доложили ему о совершенномъ благополучіи того самаго отдѣленія, гдѣ къ утру оказался такой неожиданный и такой несчастный случай.

Что же касается пяти скоропостижно умершихъ женщинъ, то онѣ проводили день 26-го января вмѣстѣ съ прочими, находящимися въ томъ же отдѣленіи, умопомѣшанными въ числѣ 24; всѣ онѣ обѣдали за однимъ общимъ столомъ и употребляли одну, для всѣхъ безъ различія, приготовленную пищу.

Обѣдъ больныхъ состоялъ изъ щей, сваренныхъ съ го-

вядиною и съ кислою капустою, изъ ржаного хлѣба и кваса для питья. Пищу всѣмъ помѣшаннымъ подавали въ деревянныхъ крашеныхъ чашкахъ, а ѣли онѣ всѣ деревянными ложками, съ которыхъ краска отъ давняго употребленія сошла.

Послѣ обѣда до вечера *всѣ* были здоровы, и ни одна ни на что не жаловалась.

Вечеромъ въ шесть часовъ, больнымъ подавался ужинъ, который былъ вполнѣ повтореніемъ обѣда, т. е. всѣмъ имъ за однимъ общимъ столомъ, въ шесть часовъ, была подана та же самая пища, что и за обѣдомъ.

Кушанье для больныхъ приготовлялось всегда въ одной кухнѣ и въ однихъ котлахъ. Эти чугунные котлы были осмотрѣны и оказались въ самомъ чистомъ видѣ. Слѣдовательно, подозрѣвать, что пять скоропостижно умершихъ отравились пищею, предложенною имъ заведеніемъ, тоже невозможно.

Оставалось обратить вниманіе, какъ эти несчастныя проводили свой послѣдній день и ночь каждая въ отдѣльности. Но и это ничего особеннаго не представляло.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Послѣ ужина всѣхъ призрѣваемыхъ въ вышеозначенномъ отдѣленіи, въ 7 часовъ, положили спать. Каждая легла на своей койкѣ. Точно такъ же легли спать и тѣ пять женщинъ, которыя ночью скоропостижно умерли. Онѣ легли на тѣхъ самыхъ постеляхъ и въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, въ которыхъ утромъ служанка Кирсанова нашла ихъ мертвыми.

Двери въ этихъ двухъ комнатахъ, точно такъ же, какъ и во всѣхъ прочихъ, были во всю ночь растворены настежь въ коридоръ, гдѣ ночевала Кирсанова. Рядомъ съ комнатой № 6-й, гдѣ найдено двое умершихъ, въ комнатѣ подъ № 7-мъ, нагрѣваемой тою же самою печью, которая обогрѣвала № 6-й, ночевала умалишенная Авдотья Рубцова; а тотчасъ же за этой комнатой—въ № 8-мъ, ночевали еще двѣ другія умалишенныя, Надежда Вихирева и Матрена Скобина, и всѣ онѣ остались живы и здоровы. Наканунѣ загадочнаго событія, т. е. 26 января, и при наступленіи ночи, какъ умершія, такъ и прочія умалишенныя, оставшіяся въ живыхъ, не жаловались ни на какіе болѣзненные припадки.

Послѣ урочнаго времени (7 часовъ вечера), когда всѣхъ умалишенныхъ уложили спать, съ ними осталась ночевать дежурная служанка Ѳедосья Кирсанова. Изъ лицъ правоспособныхъ она одна оставалась ближайшею свидѣтельницею, что̀ здѣсь происходило въ послѣдующіе ночные часы до утра, и съ нея тотчасъ же сняли показаніе, записанное въ актъ.

Кирсанова объявила, что до трехъ часовъ всѣ призрѣваемыя спали спокойно безъ особенныхъ движеній и не обнаруживали никакого безпокойства. Въ три же часа ночи одна изъ скоропостижно умершихъ — именно Елена Швидчикова, которая любила топить печи, — проснулась, разбудила двухъ другихъ спавшихъ съ нею въ одной комнатѣ подъ № 10-мъ (Снѣгиреву и Курдюкову), а потомъ пошла въ комнату № 6-й и тамъ разбудила двухъ тамошнихъ жилицъ — Воронину и Деревенскую. Собравъ эту компанію, Швидчикова попросила служанку Кирсанову провести ихъ въ ретирадное мѣсто. Служанка будто исполнила это безпрекословно, и всѣ пять помѣшанныхъ пошли съ нею, куда имъ было нужно. Оттуда Кирсанова провела ихъ обратно въ ихъ же комнаты, и при этомъ Кирсанова замѣтила, что Швидчикову немного вырвало на полъ. Больная спокойно попросила Кирсанову вытереть, и Кирсанова это исполнила.

Послѣ этого выхода и возвращенія всѣ пять скоропостижно умершихъ женщинъ, не тратя времени, тотчасъ же снова легли по своимъ койкамъ и уснули спокойно.

Ни одна изъ нихъ не жаловалась ни на какую боль, да если бы у нихъ что-нибудь болѣло, то онѣ бы и не уснули.

Отчего же стошнило Швидчикову и не было ли у нея чего-нибудь такого вредоноснаго, чѣмъ бы она могла извести себя и своихъ сосѣдокъ въ то короткое время, которое имъ нужно было на то, чтобы выйти въ ретираду и снова возвратиться на свои койки?

Слѣдователи не упустили изъ вида и этого, но опять ничего не вышло.

Надзирательница Азарова и служанки Кирсанова и Пелагея Логинова объявили, что постороннихъ посѣтителей въ заведеніи передъ этимъ не было, кромѣ 25-го числа января; 25-го же утромъ, до обѣда больныхъ посѣщали какія-то три неизвѣстныя барыни и роздали всѣмъ по од-

ному французскому хлѣбу. Хлѣбы эти были всѣми больными съѣдены до обѣда того же 25-го января, и съ той поры больныя не употребляли никакой другой ѣды, кромѣ вышеописанной больничной пищи, состоявшей изъ съѣдобныхъ предметовъ довольно грубыхъ, но здоровыхъ и во всякомъ разѣ безвредныхъ.

Засимъ старшій докторъ, коллежскій совѣтникъ Погорскій, удостовѣрилъ, что вышепоименованныя скоропостижно умершія женщины 26-го января и до этого дня были здоровы (исключая умственнаго разстройства въ разной степени) и никакихъ лѣкарствъ ни одна изъ нихъ не принимала.

Стало-быть, даже и съ этой стороны ничего сокращающаго жизнь имъ подано не было, и смерть ихъ послѣдовала по крайней мѣрѣ «безъ медицинской помощи».

Но, однако, отчего же онѣ умерли?

Вотъ въ томъ-то и тайна.

Да это и въ теченіе цѣлыхъ двадцати пяти лѣтъ оставалось тайною даже для такого лица, какъ предсѣдатель медицинскаго совѣта, которому въ интересахъ науки нельзя было не заботиться, чтобы уяснить разсказанный случай. И предсѣдатель медицинскаго совѣта описаннымъ происшествіемъ въ воронежскомъ сумасшедшемъ домѣ интересовался,—только втуне.

Актъ, сохранившійся въ бумагахъ покойнаго Пеликана, кончается на томъ, что̀ мы могли изъ него выбрать и сообщить; но на немъ есть еще чрезвычайно любопытная помѣтка, сдѣланная собственною рукою Евгенія Венцеславовича 8-го декабря 1878 года. Изъ этой надписи видно, что покойному предсѣдателю медицинскаго совѣта описанное загадочное событіе пяти смертей оставалось необъяснимымъ до 1878 года, т. е. въ теченіе ровно двадцати пяти лѣтъ.

Въ 1878 году покойный Пеликанъ распорядился искать по этому дѣлу справокъ въ архивахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, но, несмотря на то, что Пеликанъ держалъ свои бумаги въ отличномъ порядкѣ и обо всемъ касающемся даннаго предмета дѣлалъ обстоятельныя отмѣтки собственною рукою, — загадочный случай пяти смертей въ воронежскомъ сумасшедшемъ домѣ и послѣ 1878 года оставленъ имъ безъ объясненія,—при одномъ лишь желаніи знать: чѣмъ такая загадка разъяснена быть можетъ.

Къ сказанному, можетъ статься, нелишнимъ будетъ прибавить, что всѣ пять въ одно время скоропостижно умершихъ были женщины бѣдныя и изъ низшаго класса, такъ что, кажется, трудно даже придумать, кому было выгодно озабочивать себя приспѣшеніемъ всѣмъ имъ коллективной кончины.

Развѣ, можетъ статься, теперь кто-нибудь изъ воронежскихъ старожиловъ въ состояніи пролить свѣтъ на любопытный вопросъ: отчего въ ихъ городѣ скоропостижно и вдругъ умерли, въ 1853 году, пять сумасшедшихъ?

Для медицинской науки это еще и теперь, несмотря на тридцатилѣтнюю давность, будетъ интересно.

На читателей этотъ маленькій разсказъ изъ недавняго русскаго прошлаго, можетъ-быть, произведетъ непріятное чувство; онъ какъ бы незаконченъ,—въ немъ нѣтъ удовлетворенія любопытству: чѣмъ же дѣло разъяснилось?

Пишущій настоящія строки вполнѣ сознаетъ законность такого неудовольствія, и самъ его испытывалъ, когда прочелъ сейчасъ разсказанное дѣло. Но просвѣщенный читатель пусть не посѣтуетъ за эту неудовлетворенность. Пусть онъ обратитъ свою мысль въ другую сторону, — пусть онъ вспомнитъ тѣхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые, по замѣчанію Н. И. Пирогова, «преподѣдили въ себѣ даже потребность воспоминаній о прошломъ».

Настоящій разсказъ годится для того, чтобы оцѣнить весь трудъ ихъ «преподѣжденной» памяти, и въ этомъ отношеніи онъ не оставитъ досадительной неудовлетворенности.

Припомнить себѣ такую неудовлетворенность есть своего рода большое удовлетвореніе.

УМЕРШЕЕ СОСЛОВІЕ.

(ИЗЪ ЮНОШЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.)

Въ 1884 году было напечатано въ газетахъ, что въ Нижнемъ-Новгородѣ одинъ торговецъ и одинъ чиновникъ, сидя въ трактирѣ, бранили мѣстнаго губернатора Баранова. Полиція арестовала этихъ господъ, но губернаторъ Барановъ приказалъ ихъ освободить и указалъ полиціи впредь не обращать вниманія на такія ничтожныя вещи.

Этотъ случай, не заслуживающій, кажется, ничего другого, кромѣ сочувствія должностному лицу, которое такъ распорядилось—вызвалъ, однако, у кривотолковъ осужденія.

— Во всякомъ случаѣ (доводилось слышать)—это своего рода рисовка, гарунъ-аль-рашидство; все это только разводитъ дикія фантазіи.

Въ дни нашей юности мы тоже видали «дикія фантазіи», но только въ другомъ родѣ. Нижегородскія «дикія фантазіи» напоминаютъ мнѣ другой городъ и другой губернаторскій характеръ, который считали типическимъ въ прошлую, хотя и не очень отдаленную отъ насъ пору. Кто любитъ вспоминать недалекую старину и сопоставлять ее съ нынѣшнимъ временемъ, для тѣхъ, можетъ статься, это будетъ не лишено интереса.

Во время моей юности, проходившей въ Орлѣ, тамъ жилъ «на высылкѣ» Аѳанасій Васильевичъ Марковичъ, впослѣдствіи мужъ талантливой русской писательницы, извѣстной подъ псевдонимомъ «Марко-Вовчокъ».

Аѳанасій Васильевичъ въ очень молодыхъ годахъ былъ

высланъ въ Орелъ изъ Кіева по случившейся въ Кіевѣ «исторіи», которую тогда считали «политическою» и называли «Костомаровскою исторіей».

Марковичъ долженъ былъ жить въ Орлѣ и находиться подъ непосредственнымъ наблюденіемъ мѣстнаго губернатора, а дабы наблюденіе за нимъ было удобнѣе, Марковичъ былъ зачисленъ на службу въ губернаторскую канцелярію. Тутъ онъ занималъ должность дѣлопроизводителя, или помощника правителя, — не помню уже теперь по какому отдѣлу.

Имущественныя средства Марковича были не очень свободны — онъ нуждался въ подспорьѣ, которымъ ему и служило маленькое жалованье, присвоенное его канцелярской должности (помнится, что-то около 25 р. въ мѣсяцъ). Занятія службою Марковича не тяготили, но не могла его не тяготить подчиненность лицу, отъ котораго онъ зависѣлъ.

Орловскою губерніей во время ссылки Марковича правилъ не разъ упоминавшійся въ литературѣ князь Петръ Ивановичъ Трубецкой.

Увѣряли, будто онъ былъ человѣкъ не злой, но невоспитанный и какой-то,—какъ его звали орловцы,—«невразумительный». Князь зналъ и понималъ въ дѣлахъ очень мало, или, вѣрнѣе сказать,—почти ничего, а правительственнаго искусства онъ не имѣлъ вовсе, но безмѣрно любилъ власть и страдалъ охотою вмѣшиваться во все.

Такая склонность побудила его, между прочимъ, вмѣшаться даже въ дѣла церковнаго управленія, что̀ и было причиною возникновенія много разъ описанной непримиримой «войны» между нимъ и покойнымъ орловскимъ архіепископомъ Смарагдомъ Крыжановскимъ, который ранѣе, по случаю болѣзни Павскаго, далъ нѣсколько уроковъ покойному государю Александру Николаевичу во время его дѣтства. Поэтому Смарагдъ слылъ въ Орлѣ «царскимъ законоучителемъ» и очень этимъ кичился. Вообще же онъ имѣлъ характеръ гордый и неуступчивый.

Его «война» съ Трубецкимъ есть своего рода орловская эпопея. Она не разъ изображалась и въ прозѣ, и въ стихахъ, и даже въ произведеніяхъ пластическаго искусства. (Въ Орлѣ тогда были карикатуристы: маіоръ Шульцъ и В. Черепов). Интереснѣе исторіи этой войны въ старомъ

Орлѣ, кажется, никогда ничего не происходило, и все, о чемъ ни доведется говорить изъ тогдашнихъ орловскихъ событій, непремѣнно немножко соприкасается какъ-нибудь съ этой войной.

Я хочу разсказать объ одномъ покушеніи князя Трубецкого вторгнуться въ область исторіи, и о томъ, кто его на это навелъ и кто его отъ этого отвелъ... Все это относится къ тому же боевому времени.

Кто-то изъ охотниковъ вмѣшиваться не въ свое дѣло сообщилъ письмомъ князю Петру Ивановичу, что въ Орловской гимназіи происходятъ будто бы непозволительныя вещи, а именно — будто учитель исторіи (кажется) Вас. Ив. Фортунатовъ (тогда уже почтенный старикъ) излагаетъ ученикамъ «революціонные экзерсисы», а почетный попечитель гимназіи, флота капитанъ 2-го ранга Мордарій Васильевичъ Милюковъ (на дочери котораго впослѣдствіи былъ женатъ В. Якушкинъ) будто бы оказываетъ этому вредному дѣлу потворство.

Наблюдатель, желающій оставаться самъ въ неизвѣстности, представлялъ въ подкрѣпленіе своихъ словъ доказательства, состоявшія въ томъ, что подозрѣваемый имъ въ неблагонадежности учитель исторіи, въ присутствіи попечителя Милюкова, разъяснялъ ученикамъ «о правахъ третьяго сословія во Франціи», а капитанъ 2-го ранга Милюковъ учителя не остановилъ и тѣмъ выразилъ ему какъ бы свое одобреніе.

Можно было предполагать, что извѣтъ этотъ прислалъ князю кто-нибудь изъ родителей какого-нибудь воспитанника,—человѣкъ, можетъ-быть, ничего не знавшій въ исторіи и имѣвшій какой-то сумасшедшій взглядъ на позволительное и непозволительное въ преподаваніи.

Болѣе важнаго въ доносѣ ничего не указывалось, но князь никогда не давалъ себѣ труда различать важное отъ неважнаго. Ему главное было, чтобы имѣлся предлогъ «пошумѣть». Это былъ въ его время такой служебный терминъ. О начальникахъ, которыхъ особенно хотѣли похвалить, всегда говорили: «Охотникъ пошумѣть. Если къ чему привяжется, и зашумитъ, и изругаетъ какъ нельзя хуже, а непріятности не сдѣлаетъ. Все однимъ шумомъ кончалъ».

Такихъ начальниковъ одобряли: «брань на вороту не виснетъ».

Таковъ былъ отчасти и князь Петръ Ивановичъ, и такъ же поступилъ онъ въ томъ случаѣ, о которомъ будемъ бесѣдовать, вспоминая его славное время.

Князю Трубецкому письмо показалось вполнѣ достаточнымъ поводомъ для того, чтобы вмѣшаться не въ свое дѣло и кому-нибудь «надерзить». (О немъ такъ и говорили въ Орлѣ, что онъ «любитъ дерзить»).

Князь сейчасъ же призвалъ правителя или исправлявшаго его должность и велѣлъ немедленно написать «хорошій напрягай и указаніе». Сноситься съ попечителемъ, который тогда жилъ въ Харьковѣ, князю казалось излишнимъ,—онъ хотѣлъ самъ исправлять все непосредственно,—да и дѣло не терпѣло отлагательства.

Правитель канцеляріи не могъ возражать князю, а извернулся иначе. Онъ сослался на незнакомство съ учебнымъ дѣломъ и указалъ на Марковича, какъ на человѣка «университетскаго», который долженъ все это хорошо знать и потому можетъ написать и «напрягай указаніе».

Приказаніе сейчасъ же было передано Марковичу и поставило того въ очень непріятное затрудненіе. Онъ не могъ усмотрѣть рѣшительно никакой вины со стороны учителя въ томъ, что тотъ упоминалъ про «третье сословіе», и не зналъ, какой и за что давать напрягай. А потому онъ явился къ князю и осмѣлился ему доложить, что это не губернаторское дѣло, а дѣло попечителя учебнаго округа, а притомъ, что учитель имѣлъ основаніе упоминать о «третьемъ сословіи», такъ какъ это, очевидно, не что иное, какъ tiers-état, т. е. сословіе гражданъ и крестьянъ, составлявшее въ феодальныя времена во Франціи часть генеральныхъ штатовъ (États-généraux) и существовавшее до революціи рядомъ съ аристократіею и съ духовенствомъ.

Князь разсердился, и хотя онъ обращался съ Марковичемъ всегда деликатнѣе, чѣмъ съ другими, но тутъ и на него зашумѣлъ во всю. Обрезонить его не было никакой возможности, ибо онъ былъ ужаснѣйшій крикунъ и ругатель.

Вообще, какъ гражданскій правитель, Трубецкой походилъ, пожалуй, на Альберта Брольи, о которомъ Реклю говоритъ, что «по мѣрѣ того, какъ онъ приходилъ въ волне-

ніе, онъ начиналъ пыхтѣть, свистать, харкать, кричать и трещать, гнѣвъ его походилъ на гнѣвъ восточнаго евнуха, который не знаетъ, чѣмъ излить досаду». Но Трубецкой имѣлъ еще перевѣсъ передъ Брольи, потому что зналъ такія слова, которыхъ Брольи, конечно, не зналъ, да, безъ сомнѣнія, и не посмѣлъ бы употребить съ французами.

Такимъ Трубецкой явился и на сей разъ. Онъ ничего не желалъ слушать и настойчиво велѣлъ какъ можно скорѣе написать «напрягай» и подать его къ подписи.

Онъ былъ очень скоръ и любилъ дѣйствовать по-военному.

Марковичъ дерзнулъ только спросить, какъ онъ прикажетъ впредь называть людей третьяго сословія?

— Называть ихъ такъ, въ какихъ они нынче чинахъ.

— Они всѣ уже умерли.

— А это еще лучше: если они умерли, то пусть учитель и говоритъ о правахъ «умершаго сословія».

Приходилось писать объ умершемъ сословіи и напрягай Милюкову, и наставленіе учителю, а также и сообщеніе окружному учебному начальству.

Но что человѣкъ предполагаетъ, то Богъ располагаетъ.

Представлять резоны князю Трубецкому было невозможно, тѣмъ болѣе, что и тѣ краткія замѣчанія, которыя осмѣлился представить ему Марковичъ, уже привели легко возбуждавшуюся натуру губернатора въ кипяченіе. Князь въ такихъ случаяхъ не переносилъ даже себя самого и нетерпѣливо рвался на воздухъ. Ему надо было выгуляться и выпустить изъ себя неукротимый жаръ.

Въ губернаторскомъ домѣ всѣ это знали, и чуть князь начиналъ шумѣть, сейчасъ же готовили для него лошадей «на выскочку».

Такъ въ городѣ и говорили: «вотъ князь ѣдетъ на выскочку»—и всѣ по возможности прятались, чтобы не попадаться ему на глаза.

И теперь онъ тоже рѣзко всталъ изъ-за стола, порывисто отбросилъ ногою прочь свое кресло и велѣлъ какъ можно скорѣе подать открытую пролетку. Онъ очень спѣшилъ на кого-нибудь покричать на вольномъ воздухѣ, потому что въ такихъ случаяхъ онъ любилъ кричать громко,

во все свое удовольствіе, но дома, при княгинѣ, онъ не всегда смѣлъ доставить себѣ такое удовольствіе *).

Чиновникъ ушелъ, а князь поѣхалъ по городу, чтобы какъ-нибудь перетерпѣть, пока ему изготовятъ и подадутъ подписывать «напрягай», а тѣмъ временемъ, по усмотрѣнію судебъ, мысли его получили другое направленіе и напрягай оказался совсѣмъ ненужнымъ.

У князя Петра Ивановича въ Орлѣ былъ знаменитый кучеръ. Онъ развѣ малымъ чѣмъ-нибудь уступалъ оставившему по себѣ въ Москвѣ историческую память кучеру оберъ-полицеймейстера Беринга. Орловскій наѣздникъ былъ такъ же утробистъ, такъ же горластъ и краснорожъ, имѣлъ такіе же выпяченные рачьи глаза и такъ же неистово хрипло оралъ и очертя голову несся на всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ, ни за что не ожидая, пока тѣ успѣютъ очистить ему дорогу. На душѣ этого христіанина, говорятъ, считалось уже нѣсколько смертныхъ грѣховъ, и во всякомъ случаѣ онъ по справедливости могъ почитаться въ свое время очень опаснымъ человѣкомъ въ городѣ.

Лихая ѣзда какъ на пожаръ тогда была, впрочемъ, въ модѣ у многихъ большихъ лицъ, и это почиталось даже необходимымъ признакомъ «твердой власти». Особенно лихо ѣздили губернаторы и полицеймейстеры: они всюду скакали, и кучера ихъ всегда особенно кричали. Это придавало городамъ оживленіе.

Князь Трубецкой по преимуществу любилъ такого рода всенародную помпу, и горожанамъ она нравилась. Всѣ видѣли, что губернаторъ ѣдетъ какъ губернаторъ, а не трюхъ-трюхъ, какъ ѣздилъ тогда въ Орлѣ приснопамятный инспекторъ гимназіи Азбукинъ.

А ѣздилъ князь большею частію по-русски, то-есть парой, съ пристяжкой,—рысакъ въ кордѣ и залихватскій, въ кольцо изогнувшійся скакунъ въ пристяжкѣ.

Летитъ, бывало, какъ вихорь, кони мчатся, подковы ляз-

---

*) Супруга князя Петра Ивановича Трубецкого, рожденная Виттенштейнъ, была сама очень грознаго характера и любила властвовать безъ раздѣла. Ея гнѣвность и силу знали не только въ городѣ, но и на почтовыхъ станціяхъ, гдѣ ея боялись всѣ ямщики... Необыкновенное воспитаніе этой знатной дамы составляло для всѣхъ неразъяснимую загадку.

гаютъ о широкіе каменья отвратительной орловской мостовой, кучеръ выпретъ глаза и оретъ, какъ будто его снизу огнемъ жаритъ, а князь сидитъ руки въ боки, во всѣ стороны поворачиваетъ свое маленькое незначительное лицо, которому не даровано было отъ природы никакого величія, но, однако, дозволено было производить нѣкоторый испугъ. Для этого князю стоило только поднять къ носу стоячіе усы и пустить въ ходъ свое прискорбное сквернословіе. Ротъ у него тогда становился черный и круглый какъ у сжатаго за жабры окуня, а изъ-подъ усовъ рвались и текли эти звуки, которые по справедливости требовали увѣщаній по тексту извѣстнаго поученія, приписываемаго Іоанну Златоусту.

Прибавьте къ этому, что человѣкъ, о которомъ говоримъ, по вѣрному мѣстному опредѣленію, былъ «невразумителенъ», грубъ и самовластенъ,— и тогда вамъ станетъ понятно, что онъ могъ внушать и ужасъ, и желаніе избѣгать всякой съ нимъ встрѣчи. Но простой народъ съ удовольствіемъ любилъ глядѣть, когда «ёнъ садитъ». Мужики, побывавшіе въ Орлѣ и имѣвшіе счастье видѣть ѣхавшаго князя, бывало долго разсказываютъ:

— И-и-ихъ, какъ ёнъ садитъ! Ажно быдто весь городъ тарахтитъ.

Особенно сильное впечатлѣніе производило, когда князь поворачивалъ на углу изъ одной улицы въ другую. Тутъ его кони, экипажъ, кучеръ и самъ онъ неслись совсѣмъ накренясь, и на поворотѣ летѣли въ наклонномъ положеніи, пока опять выравнивались и, принявъ прямое положеніе, мчались еще быстрѣе. Это никогда не обѣщало благополучія ни пѣшему, ни конному, кто бы тутъ ни подвернулся.

Такъ Трубецкой понесся и теперь, раздраженный почтительными представленіями Марковича о третьемъ сословіи во Франціи.

Губернаторъ ѣхалъ отъ себя съ горы, по Болховской улицѣ внизъ. Онъ имѣлъ, вѣроятно, намѣреніе пронестись мимо оконъ гимназіи, чтобы тамъ его увидали и заранѣе уже содрогнулись.

Онъ благополучно обскакалъ «домъ дворянства» и безъ всякаго для себя вреда повернулъ внизъ за уголъ, но здѣсь случилось съ нимъ несчастье: кони его сшибли съ ногъ

одного приказнаго. Тотъ, однако, съ Божіею помощью всталъ и выпутался изъ своей разодранной шинелишки, и даже старался успокоить начальство, что его приказной спинѣ не больно. Но князь еще больше осердился и обругалъ подьячаго за неловкость,—а затѣмъ вдругъ встрѣтилъ новый, еще большій безпорядокъ.

Въ то время, какъ князь подъѣхалъ къ Введенскому дѣвичьему монастырю (нынче, кажется, простая приходская церковь), ему, противъ магазина тогдашняго великосвѣтскаго портного Жильберта, попался навстрѣчу мѣстный купецъ П.—Купецъ былъ старикъ и плохо видѣлъ, а притомъ онъ ѣхалъ въ маленькой бѣговой купеческой телѣжкѣ и самъ правилъ дорогимъ кровнымъ рысакомъ.

Купецъ этотъ былъ большой храмоздатель и съ этой стороны былъ извѣстенъ архіерею Смарагду, а кромѣ того, онъ былъ охотникъ до лошадей и съ этой стороны былъ извѣстенъ князю, у котораго не было ни одной такой хорошей лошади, какою правилъ теперь купецъ. Это уже само по себѣ было непорядокъ.

Ѣхалъ купецъ шагомъ, чинно и степенно, что называется «въ свое удовольствіе», а рядомъ съ нимъ, подъ лѣвымъ локтемъ, помѣщался мальчикъ лѣтъ четырнадцати, его фаворитъ-внучекъ; но, встрѣтясь съ губернаторомъ, купецъ ни самъ не снялъ картуза, ни поучилъ этому внука. Это уже было совсѣмъ непозволительно.

Всего вѣроятнѣе, что купецъ, правя горячею лошадью, не успѣлъ снять передъ княземъ Петромъ Ивановичемъ свой картузъ, а о внукѣ не вспомнилъ. Но князь не любилъ входить въ такія мелочи. Онъ видѣлъ въ этомъ одинъ оскорбительный для него фактъ. Онъ заколотился руками и ногами и поднялъ такой шумъ и крикъ, что купецъ оробѣлъ и бросилъ вожжи. Лошадь рванула и понесла, выбросивъ старика у дверей Жильберта, а внучка у столбовъ Георгіевской церкви.

Мальчикъ, болѣе легкій тѣломъ, отдѣлался счастливо, а грузный старикъ очень расшибся. Старый французъ Жильбертъ имѣлъ столько независимости, что поднялъ его и посадилъ у себя на крылечкѣ,—и тѣмъ, можетъ-быть, вызвалъ на мягкость самого князя.

Трубецкой велѣлъ посадить старика на извозчика и отправить его на гауптвахту, гдѣ того и продержали, пока

князь успокоился, а онъ въ это время все ждалъ, не станетъ ли заступаться за купца Смарагдъ, и за этою новою заботою позабылъ о полученномъ имъ извѣтѣ насчетъ третьяго сословія. Марковичъ же слукавилъ и не напоминалъ ему о его намѣреніи вмѣшаться не въ свое дѣло. Такъ опасность отъ вреднаго направленія въ гимназіи миновала. и губернаторское распоряженіе именовать tiers-état «умершимъ сословіемъ» не получило дальнѣйшаго хода. За все французское tiers-état въ Орлѣ оттерпѣлся одинъ купецъ, едва умѣвшій выводить каракулями «церикофніи старта».

Въ Трубецкомъ была прелестна и достойна самаго любовнаго наблюденія искренность его губернаторскаго величія: онъ его словно несъ съ собою повсемѣстно, какъ бы нѣкій алавастръ мѵра, съ постоянною заботливостью, чтобы кто-нибудь не подтолкнулъ его подъ локоть, чтобы сосудъ не колыхнулся и не расплескалось бы его содержимое. Это былъ «губернаторъ со всѣхъ сторонъ»; такой губернаторъ, какіе теперь перевелись за «неблагопріятными обстоятельствами». Но въ то время, къ которому относятся мои воспоминанія, въ числѣ современниковъ Трубецкого было нѣсколько такихъ губернаторовъ, которыхъ не позабудетъ исторія. Надъ ними надъ всѣми яркой звѣздою сіялъ Александръ Алексѣевичъ Панчулидзевъ въ Пензѣ, на котораго дерзкою рукою «навелъ слѣдствіе» немножко извѣстный въ литературѣ своими «стансами» Евфимъ Ѳедоровичъ Заринъ («Библіотека для чтенія» — «стансы Зарина» и т. д.). Печатной гласности тогда у насъ и въ заведеніи еще не было. а функціи ея исполняла «молва»: «земля слухомъ полнилась». Между орловскою губерніею, гдѣ процвѣталъ князь Трубецкой, и пензенскою, которая была осчастливлена переводомъ туда изъ Саратова А. А. Панчулидзева, находится тамбовская губернія, сродная орловской по особенной чистотѣ плутовскихъ типовъ. (Ни въ той, ни въ другой даже «жидъ долго не могъ привиться» — потому что «свои были жида ядовитѣе»). Черезъ тамбовскую губернію орловцы съ пензяками перекликались: пензяки хвалились орловцамъ, а орловцы пензякамъ — какіе молодецкіе у нихъ водворились правители. «Нашъ жестокъ».—«А нашъ еще жёстче».—«Нашъ ругается на всякіе манеры».—

«А нашъ даже изъ своихъ рукъ не снущаетъ».—Такъ другъ друга и превосходили. Но пришло какое-то измѣнчивое время, и Смарагдъ съ предводителемъ какъ-то «подвели» Трубецкому какую-то хитрую механику. Почувствовалась надобность «убрать его въ сенаторы». Убрали. Онъ уѣхалъ на-чисто, такъ что послѣ его отъѣзда въ губернаторскомъ домѣ не нашли даже нѣкоторыхъ паркетовъ. Въ Пензѣ, между тѣмъ, А. Панчулидзевъ продолжалъ процвѣтать. Предводитель А. А. Араповъ былъ ему другъ и собратъ по «заводчеству» (оба были «винокуры и бѣдокуры»), а Е. Заринъ еще былъ въ юности, и сразительный ядъ еще не созрѣлъ подъ его семинарскимъ языкомъ. Приставленный къ сенату, Трубецкой былъ и польщенъ, и въ то же время обиженъ: въ сенатѣ его рѣшительно никто не боялся, да и на стогнахъ столицы онъ совсѣмъ не производилъ никакого внушающаго впечатлѣнія. При появленіи его самые обыкновенные люди такъ же шли и ѣхали, какъ будто его и нѣтъ,—и «не ломали шапокъ», и не уступали дороги, между тѣмъ, какъ это столько лѣтъ кряду согрѣвало и вдохновляло князя... Онъ заскучалъ въ столицѣ о добрыхъ и простыхъ нравахъ провинціи, и поѣхалъ лѣтомъ прокатиться — навѣстить свои и витгенштейновскія родовыя маетности. Орелъ онъ «промигнулъ мимо»... Не въ гостиницѣ же ему было тутъ останавливаться и слушать какъ «другой» правитъ!.. Но въ Кіевѣ онъ остановился для совѣтовъ съ врачами и ради какихъ-то духовныхъ потребностей княгини, которой тоже были свойственны и религіозные порывы. Остановились они incognito, въ молитвенномъ смиреніи, не въ гостиницѣ «Англетеръ», а у самого православнаго купца Ивантія Михайловича Батухина, и вечеркомъ, когда всѣ кошки становятся сѣры, князь отправлялся подышать чистымъ воздухомъ. Дѣло это было по осени. На дворѣ, послѣ погожаго дня, проморосилъ дождичекъ и смочилъ кіевскіе кирпичные тротуары,—гуляющихъ было мало и князь могъ «растопыриться». Это было самое любимое его устроеніе своей фигуры, когда ему надо было идти, а не ѣхать. Онъ бралъ руки «въ боки» или «фертомъ», отчего капюшонъ и полы его военнаго плаща растопыривались и занимали столько широты, что на его мѣстѣ могли бы пройти три человѣка: всякому видно, что идетъ губернаторъ. (Сенаторства князь не ров-

пялъ съ губернаторствомъ и любилъ быть вѣчно губернаторомъ).

Такъ шелъ онъ и теперь по лучшей улицѣ Кіева, Крещатику, отъ «Англетера» къ Александровскому спуску, и вдругъ на самомъ углу Институтской горы съ нимъ случилось странное, но въ то же время досадительное происшествіе.

Въ Кіевѣ былъ тогда гражданскимъ губернаторомъ знаменитый въ своемъ родѣ богачъ и добрый, кроткій человѣкъ Иванъ Ивановичъ Фундуклей, иждивеніемъ котораго сдѣлано много прекрасныхъ описательныхъ изданій. Онъ былъ одинокій, довольно скучный человѣкъ, тучнаго тѣлосложенія и страдалъ неизлѣчимыми и отвратительными лишаями. Его лѣчили многія медицинскія знаменитости и не вылѣчили: лишаи немножко успокаивались, но потомъ опять разыгрывались,—пузырились, пухли, чесались и не давали богачу нигдѣ ни малѣйшаго покоя. Тогда потаенно былъ призванъ который-то изъ извѣстныхъ въ свое время кіевскихъ самоучекъ,—не то Потапенко, не то Корней (Столичевскій) и сталъ лѣчить расчесавшагося вельможу «травкою и *выпотнѣніемъ*». Травки шли больше «для успокоенія больного», но главное, на что разсчитывалъ знахарь,—это было «выпотнѣніе», столь извѣстное по своимъ послѣдствіямъ ветеринарамъ и спортсменамъ. Лошадямъ для этого покрываютъ подлежащую выпотнѣнію часть тѣла войлочнымъ потникомъ и гоняютъ ихъ на кордѣ, а для Фундуклея было устроено такъ, что онъ покрывалъ стеганымъ набрюшникомъ пораженное лишаемъ мѣсто, надѣвалъ на себя длинное ватное пальто, сшитое «англійскимъ сюртукомъ», бралъ зонтикъ и шелъ гулять съ своею любимою пѣгою левреткою. Такимъ образомъ производилось «выпотнѣніе», и производилось оно въ теченіе довольно долгаго времени неотложно и аккуратно при всякой погодѣ. А такъ какъ губернаторамъ въ то время днемъ среди толпы гулять было неудобно, потому что всѣ будутъ кланяться, и надо будетъ откланиваться, а Фундуклей былъ человѣкъ застѣнчивый и скромный, то онъ дѣлалъ свою гигіеническую прогулку черезъ часъ послѣ обѣда, вечеромъ, когда — думалось ему— его не всякій узнаетъ, для чего онъ еще тщательно закрывался зонтикомъ.

Разумѣется, всѣ эти старанія скромнаго губернатора не вполнѣ достигали того, чего онъ желалъ: кіевляне узнавали Фундуклея и, по любви къ этому тихому человѣку, давали ему честь и мѣсто. Образованные люди, замѣтивъ его большую фигуру, закрытую зонтикомъ, говорили: «Вотъ идетъ прекрасная *испанка*», а простолюдины повѣряли по немъ время, сказывая: «Седьмой часъ,—вонъ уже *дьякъ* съ горы спускается».

«Дьякомъ» называли Фундуклея потому, что въ своемъ длинномъ, англійскомъ ватошникѣ онъ очень напоминалъ извѣстную кіевлянамъ фигуру златоустовскаго дьячка «Котина», который въ такомъ же длинномъ ватошникѣ сидѣлъ на скамеечкѣ съ тарелочкою и кропильницей у деревянной церкви Іоанна Златоуста и «переймалъ богомуловъ», уговаривая ихъ «не ходить на Подолъ до братчиковъ, бо они дуже учени и переучени, а класти упростъ жертву Ивану». Издали дьякъ Котинъ и губернаторъ Фундуклей въ англійскомъ капотѣ имѣли по фигурѣ много сходства.

Чтобы выпотнѣніе шло сильнѣе, губернаторъ дѣлалъ свои вечернія прогулки не по ровной мѣстности, въ верхней плоскости города, гдѣ стоитъ губернаторскій домъ на «Липкахъ», а, спускаясь внизъ по Институтской горѣ, шелъ Крещатикомъ и потомъ опять поднимался въ Липки, по крутой Лютеранской горѣ, гдѣ присаживался для кратковременнаго отдыха на лавочкѣ у дома портного Червяковскаго, а потомъ, отдохнувъ, шелъ домой.

Такой курсъ держалъ онъ и въ тотъ теплый и темноватый вечеръ, когда шелъ случившійся проѣздомъ въ Кіевѣ князь Петръ Ивановичъ Трубецкой.

Фундуклей шелъ, понуривъ голову и закрывая лицо распущеннымъ безъ надобности зонтикомъ, а Трубецкой «перъ» своей гордой растопыркой, задравъ лицо кверху. Они столкнулись. Трубецкой получилъ легкое прикосновеніе къ локтю, но самъ вышибъ этимъ локтемъ у Фундуклея зонтикъ и шнурокъ, на которомъ шла собачка.

Грузный Иванъ Ивановичъ ничего не сказалъ и сталъ дѣлать очень тяжелое для него усиліе, чтобы поймать и поднять покатившійся зонтикъ, а въ это время отъ него побѣжала его собачка, шнурокъ которой ему было еще труднѣе схватить, чѣмъ зонтикъ.

Трубецкой же разсердился, затопталъ и закричалъ:

— Знаешь ли, кто я? знаешь ли, кто я?

— Не знаю,—отвѣчалъ Фундуклей.

— Я губернаторъ!

— Ну такъ что же дѣлать,—разсѣянно произнесъ Иванъ Ивановичъ:—я и самъ тоже губернаторъ!

Въ это время на небѣ блеснула луна, и случившійся на улицѣ квартальный, узнавъ Фундуклея, поймалъ и подвелъ къ нему на шнуркѣ его собачку.

Тутъ Трубецкой воочію убѣдился, что передъ нимъ въ самомъ дѣлѣ, должно-быть, губернаторъ, и поспѣшилъ возвратиться въ свою гостиницу въ гнѣвѣ и досадѣ, которыя и излилъ передъ покойнымъ медицинскимъ профессоромъ Алекс. Павл. Матвѣевымъ. Акушеръ Матвѣевъ происходилъ изъ дворянъ орловской губерніи и имѣлъ родныхъ, знакомыхъ Трубецкому, вслѣдствіе чего и былъ приглашенъ для безплатнаго медицинскаго совѣта. Ему Трубецкой разсказалъ свою «непріятную встрѣчу», а тотъ по нескромности развезъ ее во всю свою акушерскую практику.

Теперь всѣ эти лица уже сами составляютъ «умершее сословіе»; но когда случится вспомнить о ихъ времени, то даже какъ-будто не вѣрится, что все это было въ дѣйствительности, и притомъ еще сравнительно такъ недавно.

ЗАГОНЪ.

«Disciplina arcani существуетъ въ полной силѣ: цѣль ея — предоставить ближнимъ удобство мирно копаться въ свиныхъ корытахъ суевѣрій, предразсудковъ и низменныхъ идеаловъ». Дж. Морлей («О компромиссѣ»).

«За ослушаніе истинѣ — вѣрятъ лжи и заблужденіямъ» (2 Фес. II. 10—11).

Въ одномъ произведеніи Достоевскаго выведенъ офицерскій денщикъ, который раздѣлялъ свѣтъ на двѣ неравныя половины: къ одной онъ причислялъ «себя и своего барина, а къ другой всю остальную сволочь» Несмотря на то, что такое раздѣленіе смѣшно и глупо, въ нашемъ обществѣ никогда не переводились охотники подражать офицерскому денщику и притомъ въ гораздо болѣе широкой сферѣ. Въ послѣднее время выходки въ этомъ родѣ стали какъ будто маніею. Въ концѣ сентября 1893 года, въ засѣданіи Общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, одинъ ораторъ прямо заговорилъ, что «Россія должна обособиться, забыть существованіе другихъ западно-европейскихъ государствъ, *отдѣлиться отъ нихъ китайскою стѣною*».

Такое стремленіе отгораживаться отъ свѣта стѣною намъ не ново, но послѣдствія этого всегда были для насъ невыгодны, какъ это доказано еще въ «твореніи» Тюнена «Der isolirte Staat» (1826 г.), которое въ 1857 году у насъ считали нужнымъ «приспособить для русскихъ читателей», для чего это твореніе и было переведено и напечатано въ томъ же 1857 году въ Карлсруэ, въ придворной типогра-

фіи, а въ Россіи оно распространялось съ разрѣшенія петербургскаго цензурнаго комитета *).

Одновременно съ тѣмъ, какъ у насъ читали приспособленную для насъ часть «творенія» Тюнена, въ качествѣ художественной иллюстраціи къ этой книгѣ обращалась печатная картинка, на которой былъ изображенъ темный загонъ, окруженный стѣною, въ которой кое-гдѣ пробивались трещинки, и черезъ нихъ въ сплошную тьму сквозили къ намъ слабые лучи свѣта.

Такимъ «загономъ» представлялось «уединенное государство», въ которомъ всѣ хотѣли узнавать Россію, и для тѣхъ, кто такъ думалъ, казалось, что намъ нельзя оставаться при нашей замкнутости, а надо вступать въ широкое международное общеніе съ міромъ. Отсталость русскихъ тогда безбоязненно сознавали во всемъ; но всего болѣе были удивлены тѣмъ, что мы отстали отъ западныхъ людей даже въ искусствѣ обработывать землю. Мы имѣли твердую увѣренность, что у насъ «житница Европы», и вдругъ въ этомъ пришлось усомниться. Люди яснаго ума указывали намъ, что русское полеводство изъ рукъ вонъ плохо и что если оно не будетъ улучшено, то это скоро можетъ угрожать Россіи бѣдствіемъ. Причину этого видѣли въ томъ, что наши крестьяне обработываютъ землю очень старыми и дурными орудіями и ни съ чѣмъ лучшимъ по дикости своей и необразованности обращаться не умѣютъ, а если дать имъ хорошія вещи, то они сдѣлаютъ съ ними то, что̀ дѣлали съ бисеромъ упомянутыя въ Евангеліи свиньи (Мѳ. VII, 3).

Я позволю себѣ предложить здѣсь кое-что изъ того, что̀ мнѣ привелось видѣть въ этомъ родѣ.

Это касается крестьянъ и некрестьянъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Тяготѣніе къ жолудю и къ корыту.

Въ моихъ отрывочныхъ воспоминаніяхъ я не разъ говорилъ о нѣкоторыхъ лицахъ англійской семьи Шкотъ. Ихъ

---

*) «Уединенное государство въ отношеніи къ общественной экономіи, изъ творенія З. Г. фонъ-Тюнена, мекленбургскаго эконома, извлечено и приспособлено для русскихъ читателей Матвѣемъ Волковымъ. Карлсруэ, въ придворной типографіи Б. Госнера. Печ. позв. 7 февр. 1857 г. Цензоръ Б. Бекетовъ».

отецъ и три сына управляли огромными имѣніями Нарышкиныхъ и Перовскихъ и слыли въ свое время за честныхъ людей и за хорошихъ хозяевъ. Теперь здѣсь опять нужно упомянуть о двухъ изъ этихъ Шкотовъ.

Александръ Яковлевичъ Шкотъ,—сынъ «стараго Шкота» (Джемса), послѣ котораго у Перовскаго служили Веригинъ и извѣстный «аболяціонистъ» Журавскій,—многократно разсказывалъ, какія хлопоты перенесъ его отецъ, желая научить русскихъ мужиковъ пахать землю какъ слѣдуетъ, и отъ какихъ, повидимому, неважныхъ и пустыхъ причинъ всѣ эти хлопоты не только пропали безъ всякой пользы, но еще едва не сдѣлали его виноватымъ въ преступленіи, о которомъ онъ никогда не думалъ.

Старый Шкотъ какъ пріѣхалъ въ Россію, такъ увидѣлъ, что русскіе мужики пашутъ скверно, и что если они не станутъ пахать лучше, то земля скоро выпашется и обезсилѣетъ. Это предсказаніе было сдѣлано не только для орловскаго неглубокаго чернозема, но и для дѣвственной почвы степей, которыя теперь заноситъ песками *). Предвидя это огромное и неминуемое бѣдствіе, Шкотъ захотѣлъ вывести изъ употребленія дрянныя русскія сохи и бороны и замѣнить ихъ лучшими орудіями. Онъ надѣялся, что когда это удастся ему въ имѣніяхъ Перовскаго, тогда Перовскій не откажется ввести улучшеніе во всѣхъ подвѣдомыхъ ему удѣльныхъ имѣніяхъ, и дѣло получитъ всеобщее примѣненіе.

Перовскій, кажется, говорилъ объ этомъ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ и въ очень хорошемъ расположеніи духа, прощаясь въ Москвѣ со Шкотомъ, сказалъ:

— Поѣзжайте съ Богомъ и начинайте!

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ.

По переселеніи орловскихъ крестьянъ съ выпаханныхъ ими земель на дѣвственный черноземъ въ нижнемъ Поволжьѣ, Шкотъ рѣшился здѣсь отнять у нихъ ихъ «Гостомысловы ковырялки» или сохи и пріучить пахать легкими пароконными плужками Смайля; но крестьяне такой перемѣны ни за что не захотѣли и крѣпко стояли за свою «ковырялку» и за бороны съ деревянными клещами. Крестьяне, выведенные сюда же изъ малороссійской Украйны,

*) См. статью Вл. Соловьева «Бѣда съ востока».

умѣли пахать лучше орловцевъ; но тяжелые малороссійскіе плуги требовали много упряжныхъ воловъ, которыхъ налицо не было, потому что ихъ истребилъ падежъ.

Тогда Шкотъ выписалъ три пароконные плужка Смайля, и чтобы ознакомить съ ними пахарей, взялся за одинъ изъ нихъ самъ, къ другому поставилъ сына своего Александра, а къ третьему—ловкаго и смышленаго крестьянскаго парня. Всѣ они стали разомъ на равныхъ постатяхъ, и дѣло пошло прекрасно. Крестьянскій парень, пахавшій третьимъ плугомъ, какъ человѣкъ молодой и сильный, сразу же опахалъ обоихъ англичанъ — отца и сына, и получилъ награжденіе и *снасть одобрилъ*. Затѣмъ къ плужкамъ попеременно допускались разные люди, и всѣ находили, что «снасть способна». Къ году на этомъ участкѣ пришелъ хорошій урожай, и случилось такъ, что въ этомъ же году представилась возможность показать все дѣло Перовскому, который «слѣдовалъ» куда-то въ сопровожденіи какихъ-то особъ.

Извѣстно, что графъ былъ человѣкъ просвѣщенный и имѣлъ характеръ благородный. За это за нимъ было усвоено прозваніе «рыцарь».

Шкотъ, встрѣтивъ владѣльца, вывелъ предъ лицо его пахарей и поставилъ рядомъ русскую соху-«ковырялку», тяжелый малороссійскій плугъ, запряженный въ «пять супруговъ воловъ», и легкій «способный» смайлевскій плугъ на парѣ обыкновенныхъ крестьянскихъ лошадокъ. Стали немедленно дѣлать пробу пашни.

Пробныя борозды самымъ нагляднымъ образомъ показали многосторонніе преимущества смайлевскаго плужка не только передъ великорусскою «ковырялкою», но и передъ тяжелымъ малороссійскимъ плугомъ. Перовскій былъ очень доволенъ, пожалъ не одинъ разъ руку Шкоту и сказалъ ему:

— Сохѣ сегодня конецъ: я употреблю всѣ усилія, чтобы немедленно же замѣнить ее плужками во всѣхъ удѣльныхъ имѣніяхъ.

А чтобы еще болѣе поддержать авторитетъ своего англичанина, онъ, развеселясь, обратился къ «хозяевамъ» и спросилъ, хорошо ли плужокъ пашетъ.

Крестьяне отвѣтили:

— Это какъ твоей милости угодно.

— Знаю я это; но я хочу знать *ваше мнѣніе*: хорошо или нѣтъ такимъ плужкомъ пахать?

Тогда изъ середины толпы вылѣзъ какой-то плѣшивый старикъ малороссійской породы и спросилъ:

— Гдѣ сими плужками пашутъ (или ôрутъ)?

Графъ ему разсказалъ, что пашутъ «сими плужками» въ чужихъ краяхъ, въ Англіи, за границею.

— То значится въ німцахъ?

— Ну, въ нѣмцахъ!

Старикъ продолжалъ:

— Это вотъ значится у тѣхъ, що у насъ хлѣбъ купуютъ?

— Ну да,—пожалуй, у тѣхъ.

— То добре!.. А тильки якъ мы станемъ сими плужками пахать, то гдѣ тогда мы будемъ себѣ хлѣбъ покупать?

Вышло «табло», и просвѣщенный умъ Перовскаго не зналъ, какъ отшутить мужику его шутку. И всѣ бывшія при этомъ случайныя особы схватили этотъ «замысловатый отвѣтъ крестьянина» и, къ несчастью, не забыли его до Петербурга; а въ Петербургѣ онъ получилъ огласку и надоѣлъ Перовскому до того, что когда императоръ по какому-то случаю спросилъ:—«А у тебя все еще англичанинъ управляетъ?» то Перовскій подумалъ, что дѣло опять дойдетъ до «остроумнаго отвѣта», и на всякій случай предпочелъ сказать, что англичанинъ у него болѣе уже не управляетъ.

Государь на это замѣтилъ: «то-то!» и болѣе объ этомъ не говорилъ; а Перовскій, возвратясь домой, написалъ Шкоту, что онъ долженъ оставить степи, и предложилъ устроить его иначе.

Честный англичанинъ обидѣлся; забралъ съ собой плужки, чтобъ они не стояли на счету экономіи, и уѣхалъ.

Дѣло «ковырялки» было выиграно и въ такомъ положеніи остается до сего дня.

Смайлевскіе плужки, которыми старый Шкотъ хотѣлъ научить пришедшихъ съ выпаханныхъ полей переселенцевъ «воздымать» тучныя земли ихъ новаго поселенія на заволжскомъ просторѣ, я видѣлъ въ пятидесятыхъ годахъ въ пустомъ каменномъ сараѣ села Райскаго, перешедшаго къ Александру Шкоту отъ Ник. Ал. Всеволожскаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Шутъ Севацкой.

Всеволожскій тоже интересный человѣкъ своего времени. Для большинства его современниковъ онъ былъ знаменитъ только какъ безумный мотъ, который прожилъ въ короткое время огромное состояніе; но въ немъ было и другое, за что его можно помянуть добромъ.

Онъ жилъ какъ будто въ какомъ-то изступленіи или въ чаду, который у него не проходилъ до тѣхъ поръ, пока онъ не преобразился изъ милліонера въ нищаго. Личная роскошь Всеволожскаго была чрезвычайна. Онъ не только выписывалъ себѣ и своей супругѣ (урожденной Клушиной) всѣ туалетныя вещи и платья «прямо изъ Парижа», но къ нему оттуда же должны были спѣшно являться въ Пензу французскіе рыбы и деликатесы, которыми онъ угощалъ кого попало. Онъ одинаково кормилъ деликатесами и тогдашняго пензенскаго губернатора Панчулидзева («меломана и звѣря»), и приказныхъ его канцеляріи, и дворянскихъ сошекъ, изъ которыхъ многіе не умѣли положить себѣ на тарелки то, что̀ имъ подносили. Пожилой буфетчикъ Всеволожскаго, служившій послѣ его разоренія у другихъ такихъ же, какъ Всеволожскій, обстоятельныхъ людей (Данилевскаго и Савинскаго), говорилъ:

— Бывало, подаешь засѣдателю Б. французскій паштетъ, а у самого слезы на рукавъ фрака падаютъ. Видѣть стыдно, какъ онъ все расковыряетъ, а взять не умѣетъ. И шепнешь ему, бывало: — «Ваше высокородіе! Не угодно ли я вамъ лучше икорки подамъ?» А онъ и самъ радъ: «Сдѣлай милость,—говоритъ,—я икру обожаю!»

Гостей этого рода часто нарочно спаивали, связывали, раздѣвали, живыхъ въ гробы укладывали и нагихъ бабъ надъ ними стоять ставили, а потомъ кидали имъ что-нибудь въ награду и изгоняли. Это дѣлали всѣ или почти всѣ, и Всеволожскій грѣшенъ такими забавами, можетъ-быть, даже меньше, чѣмъ другіе. Но Всеволожскій ввелъ ересь: онъ сталъ заботиться, чтобы его крестьянамъ въ селѣ Райскомъ было лучше жить, чѣмъ они жили въ орловской губерніи, откуда ихъ вывели. Всеволожскій приготовилъ къ ихъ приходу на новое мѣсто цѣлую «каменную деревню».

О такихъ чистыхъ и удобныхъ помѣщеніяхъ и помышлять не могли орловскіе крестьяне, всегда живущіе въ безтрубныхъ избахъ. Всѣ дома, приготовленные для крестьянъ въ новой деревнѣ, были одинаковой величины и сложены изъ хорошаго прожженаго кирпича, съ печами, трубами и полами, подъ высокими черепичными крышами. Выведенъ былъ этотъ «порядокъ» въ линію на горномъ берегу быстраго ручья, за которымъ шелъ дремучій боръ съ заповѣдными и «клеймеными» въ петровское время «мачтовыми» деревьями изумительной чистоты, прямизны и роста. Въ этомъ бору было такое множество дичи и звѣрья и такое изобиліе всякой ягоды и бѣлыхъ грибовъ, что казалось, будто всего этого вѣкъ ѣсть и не переѣсть. Но орловскіе крестьяне, пришедшіе въ это раздолье изъ своей тѣсноты, гдѣ «курицу и тае выпустить некуда», какъ увидали «каменную деревню», такъ и уперлись, чтобы не жить въ ней.

— Это, молъ, что̀ за выдумка! И дѣды наши не жили въ камени, и мы не станемъ.

Забраковали новые дома и тотчасъ же придумали, какъ имъ устроиться въ своемъ вкусѣ.

Благодаря чрезвычайной дешевизнѣ строевого лѣса, здѣсь платили тогда за избяной срубъ отъ 5 до 11 рублей. «Переведенцы» сейчасъ же «изъ послѣднихъ силъ» купили себѣ самые дешевенькіе срубцы, приткнули ихъ гдѣ попало, «на задахъ», за каменными жильями, и стали въ нихъ жить безъ трубъ, въ тѣснотѣ и копоти, а свои просторные каменные дома опредѣлили «ходить до вѣтру», что̀ и исполняли.

Не прошло одного мѣсяца, какъ всѣ домики прекрасной постройки были загажены, и новая деревня воняла такъ, что по ней нельзя было проѣхать безъ крайняго отвращенія. Во всѣхъ окнахъ стекла были повыбиты, и оттуда валилъ смрадъ.

По учрежденіи такого порядка, на всѣхъ подторжьяхъ и ярмаркахъ люди сообщали другъ другу съ радостью, что «райскіе мужики своему барину каменную деревню всю запакостили».

Всѣ отвѣчали:—Такъ ему и надо!

— Шутъ этакой: что̀ выдумалъ!

— Вали, вали ему на голову; вали!

За что они на него злобствовали, — этого, я думаю, они и сами себѣ объяснить не могли; но только они какъ ощетинились, такъ и не приняли себѣ ни одного его благодѣянія. Онъ, напримѣръ, построилъ имъ въ селѣ общую баню, въ которую всѣмъ можно было ходить мыться, и завелъ школу, въ которой хотѣлъ обучать грамотѣ мальчиковъ и дѣвочекъ; но крестьяне въ баню не стали ходить, находя, что въ ней будто «ноги стынутъ», а о школѣ шумѣли: зачѣмъ нашимъ дѣтямъ умнѣе отцовъ быть?

— Мы-ли-де своимъ дѣтямъ не родители: наши ли сыновья не пьяницы!

Дворяне этому радовались, потому что если бы райскіе крестьяне приняли благодѣянія своего помѣщика иначе, то это могло послужить вреднымъ примѣромъ для другихъ, которые продолжали жить какъ обры и дулѣбы, «образомъ звѣринымъ».

Такого соблазнительнаго примѣра, разумѣется, надо было остерегаться.

Когда «райскій баринъ» промотался и сбѣжалъ, его каменное село перешло съ аукціоннаго торга къ двумъ владѣльцамъ, изъ которыхъ, по волѣ судьбы, одинъ былъ Александръ Шкотъ — сынъ того самаго Джемса Шкота, который хотѣлъ научить пахать землю хорошими орудіями *). Переходъ этотъ состоялся въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Тогда мужики въ Райскомъ все «севацкое» уже «обгадили на отдѣлку», а сами задыхались и слѣпли въ «куренкахъ». Ѳ. Селивановъ въ своей части села Райскаго оставилъ мужиковъ въ куренкахъ, но Шкотъ не могъ этого переносить. Онъ не былъ филантропъ и смотрѣлъ на крестьянъ прямо какъ на «рабочую силу»; но онъ берегъ эту силу и сразу же учелъ, что потворствовать мужичьей прихоти нельзя, что множество слѣпыхъ и удушныхъ приносятъ ему большой экономическій ущербъ. Шкотъ сталъ уговаривать мужиковъ, чтобы они обчистили каменные дома и перешли въ нихъ жить; но мужики взъерошились и объявили, что въ тѣхъ домахъ жить нельзя. Имъ указали на дворовыхъ, которые жили въ каменныхъ домахъ.

---

*) Другая половина Райскаго была пріобрѣтена Ѳед. Ив. Селивановымъ.

— Мало ли что подневольно дѣлается, — отвѣчали крестьяне: — а мы не хотимъ. Въ каменномъ жить, это все равно что острогъ. Захотѣлъ перегонять, такъ ужъ лучше пусть прямо въ острогъ и сгонитъ: мы всѣ и пойдемъ въ острогъ...

Отъ убѣжденій перешли къ наказаніямъ и кого-то высѣкли, но и это не помогло; а Шкоту черезъ исправника Мура (тоже изъ англичанъ) было сдѣлано отъ Панчулидзева предупрежденіе, чтобы онъ не раздражалъ крестьянъ.

Шкотъ осердился и поѣхалъ къ губернатору объясняться, съ желаніемъ доказать, что онъ старался сдѣлать людямъ не злое, а доброе, и если наказалъ одного или двухъ человѣкъ, то «безъ жестокости», тогда какъ всѣ безъ исключенія наказываютъ безъ милосердія; но Панчулидзевъ держалъ голову высоко и не дозволялъ себѣ ничего объяснять. Съ Шкотомъ онъ былъ «знакомъ по музыкѣ», такъ какъ Шкотъ хорошо игралъ на віолончели и участвовалъ въ губернаторскихъ симфоническихъ концертахъ; но тутъ онъ его даже не принялъ.

Шкотъ написалъ Панчулидзеву дерзкое письмо, котораго тотъ не могъ никому показать, такъ какъ въ немъ упоминалось о прежнихъ сношеніяхъ автора по должности главноуправляющаго имѣніями министра, перечислялись «дары» и указывались такія дѣла, «за которыя человѣку надо бы не губерніей править, а сидѣть въ острогѣ». И Панчулидзевъ снесъ это письмо и ничего на него не отвѣтилъ. Письмо содержало въ себѣ много правды и послужило матеріаломъ для борьбы Зарина, окончившейся смѣщеніемъ Панчулидзева съ губернаторства. Но тогда еще въ Загонѣ не вѣрили, что что-нибудь подобное можетъ случиться и расшевелить застоявшееся болото.

Смѣлѣе прочихъ сторону губернатора поддерживалъ дворянскій предводитель, генералъ Араповъ, о которомъ тоже упоминалось въ письмѣ, какъ о нестерпимомъ самочинцѣ. А генералъ Араповъ, въ свою очередь, былъ славенъ и жилъ широко; въ его домѣ на Лѣкарской улицѣ былъ «открытый столъ» и самыя злыя собаки, а при столѣ были свои писатели и поэты. Отсюда на Шкота пошли пасквили, а вслѣдъ затѣмъ въ Пензѣ была получена брошюра о томъ, какъ у насъ въ Россіи все хорошо и просто и все сообразно нашему климату и вкусамъ и привычкамъ нашего добраго

народа. И народъ это понимаетъ и цѣнитъ и ничего лучшаго себѣ не желаетъ; но есть пустые люди, которые этого не видятъ и не понимаютъ и выдумываютъ не-знать для чего самыя глупыя и смѣшныя выдумки. Въ примѣръ была взята курная изба и показаны ея разнообразныя удобства: кажется, какъ будто она и не очень хороша, а на самомъ дѣлѣ, если вникнуть, то она и прекрасна, и жить въ ней гораздо лучше, чѣмъ въ бѣлой, а особенно ее совсѣмъ нельзя сравнить съ избой каменной. Это вотъ гадость ужъ во всѣхъ отношеніяхъ! Въ куренкѣ топлива идетъ мало, а тепло какъ у Христа за пазухой. А въ воздухѣ чувствуется легкость; на широкой печи въ ней способно и спать, и отогрѣться, и онучи и лапти высушить, и веретье оттаять, и нечисть изъ курной избы бѣжитъ, да и что̀ теленокъ съ овцой насмердятъ,—во время топки все опять дверью вонъ вытянетъ. Гдѣ же и какъ можно все это сдѣлать въ чистой горницѣ? А главное, что̀ въ курной избѣ хорошо — это *сажа!* Ни въ какомъ другомъ краю теперь уже нѣтъ «черной, лоснящейся сажи» на стѣнахъ крестьянскаго жилища,— вездѣ «это потеряно», а у насъ еще есть! А отъ сажи не только никакая мелкая гадь въ стѣнѣ не водится, но эта сажа имѣетъ очень важныя врачебныя свойства, и «наши добрые мужички съ великою пользою могутъ пить ее, смѣшивая съ нашимъ простымъ, добрымъ русскимъ виномъ».

Словомъ — въ курной избѣ, по словамъ брошюры, было цѣлое угодье.

«Русская партія» торжествовала побѣду; ничего новаго не надо: надо жить по старинѣ, — въ куренкѣ и лѣчиться сажею.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Лѣченье сажей.

Англичанинъ смѣялся.

— Мало имъ, что люди въ этой сажѣ живутъ и слѣпнутъ, — они еще хотятъ обучить ихъ пить ее съ водкою! Это преступленіе!

Шкотъ самъ умѣлъ стряпать брошюры,—это ихъ англичанская страсть, — и онъ поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы напечатать, что крестьяне слѣпнутъ и наживаютъ удушье отъ курныхъ избъ; но напечатать свою брошюру о томъ, что крестьяне слѣпнутъ, ему не удалось, а противная партія,

случайно или нѣтъ, была поддержана въ листкѣ, который выходилъ въ Петербургѣ «подъ гербомъ» и за подписью редактора Бурнашова *).

Раченіемъ Бурнашова почти одновременно вышли двѣ хозяйственныя брошюры: одна «О благотворномъ врачебномъ дѣйствіи коры и молодыхъ побѣговъ ясенева дерева», а другая «О цѣлебныхъ свойствахъ лоснящейся сажи». Исправники и благочинные должны были содѣйствовать распространенію этихъ полезныхъ брошюръ.

Въ брошюрѣ о ясени сообщалось, что этимъ деревомъ можно обезопасить себя отъ ядовитыхъ отравъ и укушеній гадами. Стоило только имѣть при себѣ ясеневую палочку— и можно легко узнавать, гдѣ есть въ землѣ хорошая вода; щелокомъ изъ ясеневой коры стòитъ вымыть ошелудивѣвшихъ дѣтей, и они очистятся; золою хорошо парить зачесы въ хвостахъ у лошадей. Овцамъ въ овчарню надо было только ставить вѣтку ясеня, и овцы ягнились гораздо плодущѣе, чѣмъ безъ ясеня. Бабамъ ясень унималъ кровотокъ и еще дѣлалъ много другихъ вещей, про которыя черезъ столько лѣтъ трудно вспомнить. Но избяная «лоснящаяся сажа» превозносилась еще выше.

Въ брошюрѣ о сажѣ, которая была гораздо объемистѣе брошюры о ясени, утвердительно говорилось, что ею, при благословеніи Божіемъ, можно излѣчивать почти всѣ человѣческія болѣзни, а особенно «болѣзни женскаго пола». Нужна была только при этомъ споровка, какъ согребать сажу, т. е. скрести ее сверху внизъ, или снизу вверхъ. Отъ этого измѣнялись ея медицинскія свойства: собранная въ одномъ направленіи, она поднимала опавшее, а взятая иначе, она опускала то, чтò надо понизить. А получать ее можно было только въ русскихъ курныхъ избахъ и нигдѣ иначе, такъ какъ нужна была сажа *лоснящаяся*, которая есть только въ русскихъ избахъ, на стѣнахъ, натертыхъ мужичьими потными загорбками. Пушистая же или лохматая сажа цѣлебныхъ свойствъ не имѣла. На Западѣ такого

*) Владиміръ Петр. Бурнашовъ скончался недавно въ Маріинской больницѣ, въ Петербургѣ, въ возрастѣ очень преклонномъ. Въ послѣдніе годы жизни сотрудничалъ въ изданіяхъ гг. Каткова и Комарова. Оставилъ много автобіографическихъ замѣтокъ, изъ которыхъ было напечатано извлеченіе въ «Историческомъ Вѣстникѣ». По словамъ его, вращаясь въ литературныхъ кружкахъ, онъ иногда служилъ и не однѣмъ литературнымъ потребностямъ.

добра уже нѣтъ, и Западъ придетъ къ намъ въ Загонъ за нашею сажею, и отъ насъ будетъ зависѣть дать имъ нашей конопи или не давать; а цѣну, понятно, можемъ спросить какую захотимъ. Конкурентовъ намъ не будетъ.

Это говорилось въ-серьезъ, и сажа наша прямо приравнивалась къ ревеню и калганному корню, съ которыми она станетъ соперничать, а потомъ убьетъ ихъ и сдѣлается славой Россіи во всемъ мірѣ.

Загонъ былъ доволенъ: осатанѣлые и утратившіе стыдъ и смыслъ люди стали расписывать, какъ лѣчиться сажею. «Лоснящуюся сажу» рекомендовалось разводить въ винѣ и въ водѣ и принимать ее внутрь людямъ всѣхъ возрастовъ, а особенно дѣтямъ и женщинамъ. И кто можетъ отважиться сказать: сколькимъ людямъ это стоило жизни! Но тѣмъ не менѣе, брошюра о сажѣ имѣла распространеніе.

Радовались, что не послушались затѣйниковъ и уберегли свои избы; а затѣйниковъ бранили и порочили и припоминали ихъ въ большомъ числѣ, перемѣшивая умныхъ съ безумными: Сперанскаго съ Всеволожскимъ.

— Помилуй Богъ, если бы имъ тогда волю дали! Что̀ бы они надѣлали!

На губернскихъ балахъ той самой баснословной пензенской знати, которая столь обмелѣла, что кичилась своею «арановщиной», — между безстыжими выходками всякой пошлости прославляли «умъ и чуткость русскаго земледѣльца», который не захотѣлъ жить въ *чистомъ домѣ*. При этомъ разоренный и отсутствующій Всеволожскій всякій разъ былъ осмѣиваемъ, и ни одному изъ благородныхъ людей, ѣвшихъ его деликатесы, не пришло въ голову отыскать его на мостовой, для которой онъ билъ камни, и отдать ему хоть частицу тѣхъ денегъ, которыя у него были заняты.

Но его еще хотѣли сдѣлать посмѣшищемъ на вѣчныя времена.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Всевозможные бетизы.

Нѣкто С., ничтожный «человѣкъ высокаго происхожденія по боковой линіи», замѣчательный удивительнымъ сходствомъ съ Ноздревымъ и также членъ и душа общества, напившись предводительскаго вина, подалъ мысль собрать

«музей бетизовъ» Всеволожскаго, чтобы всѣ видѣли, «*чего въ Россіи не нужно*».

Бетрищеву это понравилось, и онъ хохоталъ и обѣщалъ не пожалѣть тысячи рублей, чтобы такой «музей бетизовъ» былъ устроенъ.

Тысячъ у него было много!

Вспомнили все, что надо почитать за «бетизы». Набиралось много: Всеволожскій не только построилъ каменныя жилыя помѣщенія для крестьянъ, но онъ выписалъ для нихъ плуги, жнеи, вѣялки и молотилки отъ Бутенопа; онъ завелъ школу и больницу, кирпичедѣлательную машину и первый мѣдный ректификаторъ Шварца на винномъ заводѣ. Съ ректификаторомъ еще пошли осложненія: крестьяне въ этомъ ректификаторѣ забили трубки, и въ пріемникъ полилась вонючая и теплая муть вмѣсто спирта, а на кордѣ рабочіе быки, пригнанные хохлами для выкормки ихъ бардою, пришли въ бѣшенство, оттого что они напились пьяны, задрали хвосты, бодались и перекалѣчили другъ друга почти наполовину.

Всеволожскій заплатилъ хохламъ за погибшихъ отъ опойства и драки быковъ, и еще приплатилъ, чтобы не говорили о происшедшемъ у него на заводѣ скандалѣ.

Этого нельзя было «скупить» и выставить, но это положили заказать написать на картинѣ живописцу Петру Соколову: «онъ, правда, беретъ дорого, но онъ свой братъ дворянинъ и съ нимъ можно поторговаться».

«Бетизы» Ноздревъ обѣщалъ свезти въ Пензу; но, выѣхавъ съ генеральскими деньгами въ Райское, Ноздревъ остановился перемѣнить лошадей у мордвина въ с. Чемодановкѣ, которая тогда принадлежала сыну знаменитаго военнаго историка Михайловскаго-Данилевскаго, Леониду, а этотъ дворянинъ имѣлъ обыкновеніе приглашать къ себѣ проѣзжающихъ, угощалъ ихъ и игралъ съ ними въ карты. И Ноздревъ въ силу этого обычая тоже былъ приглашенъ черезъ верхового посланца къ чемодановскому барину и тамъ «потерялъ деньги» и уже ни въ Райское не поѣхалъ, ни въ Пензу не возвратился, а отбылъ домой, пока дѣло о бетизахъ придетъ въ забвеніе.

«Бетизы» долежались въ Райскомъ до Шкота. Онъ мнѣ ихъ показывалъ, и я ихъ видѣлъ, и это было грустное и глубоко терзающее позорище!.. Все это были хорошія, по-

лезныя и крайне нужныя вещи, и онѣ не принесли никакой пользы, а только сокрушили тѣхъ, кто ихъ припасъ здѣсь. И къ нимъ, къ «севацкимъ бетизамъ», Шкотъ придвинулъ свои и отцовскія — «улучшенныя орудія» и, трясясь отъ старости, тихо шамкалъ:

— Все это не годится въ Россіи.

— Вы шутите, дядя!

— Нѣтъ, не шучу. Здѣсь ничто хорошее не годится, потому что здѣсь живетъ народъ, который дикъ и золъ.

— Не золъ, дядя!

— Нѣтъ, золъ. Ты русскій, и тебѣ это, можетъ-быть, непріятно; но я сторонній человѣкъ, и я могу судить свободно: этотъ народъ *золъ;* но и это еще ничего, а всего-то хуже то, что ему говорятъ ложь и внушаютъ ему, что дурное хорошо, а хорошее дурно. Вспомни мои слова: за это придетъ наказаніе, когда его не будете ждать!

Въ этой Пензѣ, представлявшей одно изъ самыхъ темныхъ отдѣленій Загона, люди дошли до того, что хотѣли учредить у себя все навыворотъ: улицы содержали въ состояніи болотъ, а тротуары для пѣшеходовъ устроили такъ, что по нимъ *никто* не отваживался ходить. Тротуары эти были дощатые, а подъ досками были рвы съ водою. Гвозди, которыми приколачивали доски, выскакивали, и доски спускали прохожаго въ клоаку, гдѣ онъ и находилъ смерть. Полицейскіе чины грабили людей на площади; предводительскія собаки терзали людей на Лѣкарской улицѣ въ виду самого генерала съ одной стороны и исправника Фролова — съ другой; а губернаторъ собственноручно билъ людей на улицѣ нагайкою; ходили ужасныя и достовѣрныя сказанія о насиліи надъ женщинами, которыхъ приглашали обманомъ на вечера въ дома лицъ благороднѣйшаго сословія... Словомъ, это былъ уже не городъ, а какое-то разбойное становище. И увидѣлъ Богъ, что злы здѣсь дѣла всѣхъ, и, не обрѣтя ни одного праведнаго, наслалъ на нихъ Ефима Ѳедоровича Зарина, вызвавшаго сенаторскую ревизію.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Интервалъ.

Сдѣлаемъ шагъ въ сторону, гдѣ больше свѣта.

Въ Европѣ намъ оказали непочтительность; мы увидѣли

надобность взять въ руки оружіе. Сценой дѣйствія сдѣлался нашъ Крымъ. Регулярные полки и ратники ополченія тащились на ногахъ черезъ Кіевъ, гдѣ ихъ встрѣчалъ поэтъ изъ птенцовъ кіевской духовной академіи Аскоченскій и командовалъ: «На молитву здѣсь, друзья! Кіевъ передъ вами!» А къ другимъ онъ оборачивался и грозилъ: «Не хвались, идя на рать, а идучи съ...» *).

Скоро оказалось, что тѣ, которыхъ мы уговариваемъ «не хвалиться», на самомъ дѣлѣ гораздо меньше насъ хвалятся, но, къ совершенной неожиданности, оказываются во всемъ насъ успѣшнѣе. Къ тому же вкралось много воровства, и дѣла у насъ пошли худо. Все это извѣстно и переизвѣстно, но, къ несчастію, кажется, уже позабыто. Но много любопытнаго осталось въ неизвѣстности до сихъ поръ. Въ числѣ анекдотовъ и казусовъ этого времени припоминаю, какъ въ Пензу были присланы два взятые въ плѣнъ англійскіе военные инженера, изъ которыхъ одинъ назывался Миллеръ. Говорили, будто онъ отличался знаніемъ строительнаго искусства и большимъ безстрашіемъ. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ на лучшемъ счету у Непира. А у насъ онъ осрамилъ себя сразу и окончательно! Какъ только этого Миллера привезли—Шкотъ пошелъ навѣстить его. Сдѣлалъ онъ это, какъ землякъ, и ему это въ вину не поставилось. Онъ просидѣлъ у плѣннаго вечеръ, а на другой день англійскій инженеръ пошелъ отдать ему визитъ, но былъ такъ глупъ, что думалъ, будто надо идти по тротуару, а не посреди улицы, которая, впрочемъ, была покрыта жидкою грязью по колѣно.

Миллеръ пошелъ по пензенскимъ тротуарамъ, по которымъ въ Пензѣ *не ходили*.

И Шкотъ не сказалъ ему этого.

За это тротуарная доска спустила англійскаго инженера однимъ концомъ въ клоаку, а другимъ прихлопнула его по темени, и дѣло съ нимъ было кончено.

Это было смѣшно! Не знали только, какъ съ этимъ поступить: стыдиться или хвалиться? Въ Крыму уцѣлѣлъ отъ всѣхъ пушекъ, а въ Пензѣ доской прихлопнуло. Забавно!

А виноватъ былъ Шкотъ: онъ долженъ былъ его сразу же предупредить, что по тротуарамъ не ходятъ. Но онъ англи-

*) 15-го сентября 1893 г. этотъ стихъ полностію воспроизведенъ въ весьма извѣстной русской газетѣ.

чанинъ... онъ хитрый человѣкъ, онъ нарочно хотѣлъ создать исторію...

Старикъ Шкотъ вышелъ изъ себя и послалъ вызовъ на дуэль генералу Аранову, въ домѣ котораго это говорили.

Генералъ не отвѣчалъ, но сталъ ѣздить въ закрытой каретѣ.

Шло что-то новое: бахвальства смѣнились картинами «Изнанки крымской войны» и «Параллелями» Палимпсестова. «Параллели» особенно смутили Загонъ, такъ какъ тамъ просто, но обстоятельно было собрано на видъ, что̀ есть у насъ и что̀ въ соотвѣтствіе нашему убожеству представляетъ жизнь за окружающею нашъ Загонъ стѣною. По рукамъ у насъ пошла печатная картина, гдѣ нашъ «Загонъ» изображенъ былъ темнымъ и безотраднымъ, но крѣпко огражденнымъ китайскою стѣною. Со внѣшней стороны разные безпокойные люди старались проломать къ намъ ходы и щелочки и образовали трещины, въ которыя скользили лучи свѣта. Лучи эти кое-что освѣщали, и то, что̀ можно было разсмотрѣть—было ужасно. Но всѣ понимали, что это далеко не все, что̀ надо было освѣтить, и сразу же пошла борьба: свѣтить больше или совсѣмъ задуть свѣточъ? Являлись заботы о томъ, чтобы забить трещины, черезъ которыя къ намъ пробивался свѣтъ. Оттуда пробивали, а отсюда затыкали хламомъ, и среди затыкавшихъ выдѣлялась одна голова съ чертами знаменитаго тогдашняго современника. На картинкѣ онъ говорилъ: «Оставьте: если это отъ людей, то это исчезнетъ, а если отъ Бога, то вы свѣта остановить не можете». Почти тѣ же самыя, или по крайней мѣрѣ въ этомъ духѣ и родѣ, велъ онъ бесѣды и на самомъ дѣлѣ. Это былъ любимецъ и настоящій герой самыхъ прекрасныхъ дней въ Россіи: это былъ Пироговъ. О немъ говорили, что «онъ во время войны рѣзалъ руки и ноги, а послѣ войны приставляетъ головы». Всѣ понимали одно, что Пироговъ хотѣлъ «воспитать человѣка» и что намъ это всего нужнѣе, такъ какъ мы очень невоспитанны.

Такое чистосердечное сознаніе въ своемъ грѣхѣ свидѣтельствовало, разумѣется, о счастливой способности націи къ быстрому улучшенію. Пироговскіе «Вопросы жизни» были напечатаны въ «Морскомъ Сборникѣ» по приказанію великаго князя Константина Николаевича. Пирогову довѣрялись и его хвалили не только взрослые и умные люди,

но даже «дѣти» и, кажется, «камни». Въ февралѣ 1859 года въ Одессѣ былъ выпущенъ «Новороссійскій литературный сборникъ», издателемъ котораго былъ очень мало значащій въ литературѣ человѣкъ, А. Георгіевскій, но и онъ посвятилъ свой сборникъ «имени Н. И. Пирогова». По словамъ этого г. А. Георгіевскаго, на Пирогова «Россія должна смотрѣть съ гордостью, ибо его дѣятельность обѣщала много добра впереди». А. Георгіевскій особенно указывалъ на старанія Пирогова «вызвать въ краѣ умственную дѣятельность, главнымъ поприщемъ для которой служитъ литература» (Предисл. II). По разъясненію г. А. Георгіевскаго, это должно было идти такъ, что «дѣло самосознанія каждая мѣстность должна совершить собственными средствами, чрезъ посредство своей мѣстной литературы, ибо централизація умственной дѣятельности есть явленіе ненормальное и вредное, которое парализуетъ жизнь остальныхъ частей, стягивая всѣ силы къ одному пункту» (ibid. III). Въ сборникѣ главною статьею былъ отрывокъ Пирогова, подъ заглавіемъ «Чего мы желаемъ?» Здѣсь разсматривался вопросъ о высшемъ образованіи въ независимости отъ «одной только ближайшей цѣли» (185). Пироговъ выяснялъ, что, «преслѣдуя одно ближайшее, мы незамѣтно попадемъ въ лабиринтъ, изъ котораго трудно будетъ выбраться» (186). А «по закону противодѣйствія можетъ начаться на другой улицѣ праздникъ». Но мы такъ полны были радостей, что ничего не опасались, и, ходя по тропинкѣ бѣдствій, не ожидали послѣдствій. Удаль и бахвальство шибали въ другую сторону: на проводы Пирогова собрались «тьмы». Это дѣйствительно былъ «излюбленный человѣкъ», съ которымъ людямъ было больно и тяжело разстаться. Прощаясь съ нимъ, плакали, и одна молоденькая институтка, вскочивъ на столъ съ поломанной ножкой, громко вскрикнула: «Будьте нашимъ президентомъ!» — и сама упала вмѣстѣ со столомъ... Нѣсколько человѣкъ ее подхватили. Она была внѣ себя и все кричала «президентъ!» и жаловалась на боль въ колѣнкѣ.

Въ числѣ лицъ, суетившихся вокругъ этой юной особы, были флотскій докторъ, мичманъ и штабъ-офицеръ въ голубой формѣ. Послѣдній желалъ у нея о чемъ-то освѣдомиться, но флотскій докторъ сурово отстранилъ его и сказалъ:

— Развѣ вы не видите, что дѣвушка въ истерикѣ!

А другіе ему закричали:

— Стыдно, полковникъ, стыдно!

И полковникъ уступилъ и только спросилъ у какого-то простолюдина:

— Что такое она тутъ чекотала?

А тотъ ему «неглежа» отвѣтилъ:

— Чекотала чечотка, видно чечета звала.

— Ага! — сказалъ, не обижаясь, полковникъ: — пѣтушка кличетъ!

— Разумѣется.

И въ самомъ дѣлѣ, явился пѣтушокъ, съ которымъ чечотку обвѣнчали съ удивительною поспѣшностью.

А важное дѣло образованія, которое такъ широко понималъ Пироговъ, было рѣшено «въ тонѣ полумѣръ», которыхъ всего болѣе Пироговъ опасался... Потомъ и самъ Пироговъ подпалъ осмѣянію въ передовомъ изъ тогдашнихъ журналовъ и былъ не только удаленъ отъ воспитательнаго дѣла, но, по словамъ, сказаннымъ имъ на его юбилеѣ, онъ еще «былъ оклеветанъ», и даже г. А. Георгіевскій уже не защищалъ его...

Затѣмъ Катковъ открылъ въ правительствѣ безсиліе и слабость, и сталъ пугать, что насъ «скоро отмежуютъ отъ Европы на Нарву», и что наши петербургскія генеральши будутъ этому очень рады, «потому что имъ станетъ близко ѣздить за границу». Отъ дамъ чего не станется! Опять бы имъ надвинуть на уши повойники да и разсадить ихъ по теремамъ.

Появилась и книжка съ такимъ направленіемъ, напечатанная въ Петербургѣ, а изъ Москвы и на всѣхъ вообще раздался окрикъ: «Назадъ! Домой!»

И это уже не казалось дико, а стало моднымъ словомъ.

Интервалъ проходилъ.

Появились знаменитости, какихъ нѣтъ на Западѣ и которымъ Западъ долженъ былъ позавидовать. Прослылъ въ *ученыхъ* Маклай, сочиненій котораго въ Россіи до сихъ поръ не читали; а потомъ г. Катковъ отыскалъ и проявилъ въ свѣтъ *вонтеля* Ашинова, «вольнаго казака», который, по мнѣнію г. Каткова, внушалъ полное довѣріе. Его поддерживали другіе знаменитые люди: Вис. Комаровъ, Вас. Аристовъ, свящ. Наумовичъ и другіе, имена кото-

рыхъ останутся навсегда связанными съ этимъ «историческимъ явленіемъ». Я его помню въ одной торжественной обстановкѣ, среди именитыхъ лицъ: рыжій, коренастый, съ круглыми, бѣгающими глазами и купцыми руками, покрытыми веснушками... Онъ былъ превосходенъ въ своемъ родѣ. Его ассистировали Комаровъ, Аристовъ и Наумовичъ, и еще одинъ русскій поэтъ изъ чиновниковъ, и три «только-что высѣченные дома болгарина...» Его надо было оберегать, потому что ему угрожала Англія. Для этого онъ не пилъ ничего изъ бокаловъ, которые ему подавали, а хлебалъ «изъ сусѣдскаго»... Все это казалось «просто и мило». И затѣмъ уже пошла такая знаменитость, которой уже никто и не угрожалъ: выѣхалъ верхомъ казакъ и поѣхалъ, и (по отчету одного дѣтскаго журнала) только разъ одинъ ему «пришлось купить вазелину», а между тѣмъ не только ему, но и его «сивому мерину» были оказаны всѣ знаки почтенія. Если редакторъ «Petersburger Zeitung» удивилъ нѣкогда людей, съѣздивъ въ Берлинъ для того, чтобы видѣть Бисмарка и «поцѣловать рыжую кобылу», на которой тотъ былъ въ битвѣ, то наши дамы не уступали этому редактору въ чувствѣ достоинства, и... сивый меринъ тоже дождался такой же ласки, и притомъ не отъ мужчины... Вредныхъ тяготѣній къ чужеземщинѣ, которыхъ ожидалъ Катковъ, со стороны дамъ не встрѣчалось, а наоборотъ, имъ стало нравиться все простое, не попорченное цивилизаціей, даже прямо *дикое*.

Огромное множество людей вдругъ почувствовали, что они были неосторожны и напрасно позволили духу времени увлечь себя слишкомъ далеко: имъ было неловко, что они какъ будто выпятились впередъ за черту, указанную благоразуміемъ... Имъ стало стыдно и дико: что они, взаправду, за европейцы!

Кто-то припомнилъ, что и Катковъ нѣкогда говорилъ, что «нельзя насыпать на хвостъ соли Европѣ», но теперь уже ничто подобное не казалось убѣдительно. Нельзя насыпать соли — и не нужно; и пошли повороты на попятный дворъ по всѣмъ линіямъ.

И тутъ случилось въ спѣшкѣ и суматохѣ, что кое-кого напрасно сбили съ ногъ и позабыли то, чего не надо бы забывать. Забыли, какими мы явились въ Крыму неготовыми во всѣхъ отношеніяхъ и какимъ очистительнымъ

огнемъ прошла вся слѣдовавшая затѣмъ «полоса покаянія»; забыли, въ виду какихъ соображеній императоръ Александръ II торопилъ и побуждалъ дворянъ дѣлать «освобожденіе рабовъ *сверху*»; забыли даже кривосудъ старыхъ, закрытыхъ судовъ, отъ котораго страдали и стенали всѣ. Забыли все такъ скоро и основательно, какъ никакой другой народъ на свѣтѣ не забывалъ своего горя, и еще насмѣялись надъ всѣми лучшими порядками, назвавъ ихъ «припадкомъ сумасшествія».

Настало здравомысліе, въ которомъ мы ощутили, что намъ нужна опять «стѣна» и внутри ея—загонъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ произошелъ этотъ кратко мною очерченный послѣдній оборотъ, я уже не бывалъ ни въ орловскихъ, ни въ пензенскихъ, ни въ украинскихъ деревняхъ, а вертѣлся по балтійскому побережью. Пожилъ я здѣсь въ разныхъ мѣстахъ, начиная отъ Нарвы до Полангена, и не нашелъ ничего лучше, какъ Меррекюль, выдерживающій свою старинную и почетную репутацію. Это именно тотъ первый пунктъ за Нарвою, гдѣ, по расчету Каткова, русскія генеральши захотятъ сдѣлать для себя «заграничное мѣсто». Здѣсь хорошо жить, потому что въ Меррекюлѣ очень красивое приморское положеніе, есть порядокъ, чистота, тихій образъ жизни, множество разнообразныхъ прогулокъ и изобиліе русскихъ генеральшъ. Очень любопытно видѣть, что̀ такое учреждаютъ здѣсь теперь эти почтенныя дамы, тяготѣвшія къ чужимъ краямъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Возвышенные порывы.

О Меррекюлѣ говорятъ, будто тутъ «чопорно»; но это, можетъ-быть, такъ было прежде, когда въ русскомъ обществѣ преобладала какая ни есть родовая знать. Тогда тутъ живали лѣтомъ богатые люди изъ «знати», и они «тонировали». А теперь тутъ живутъ генералы и «крупные приказные», да немножко нѣмцевъ и англичанъ, и тонъ Меррекюля сталъ мѣшанный и мутный.

Меррекюльскіе генералы, которые еще не вышли въ тиражъ, находятся бо̀льшею частью въ составѣ какихъ-нибудь сильно дѣйствующихъ центральныхъ учрежденій, и потому они обыкновенно присутствуютъ шесть дней въ

столицѣ, а въ Меррекюль пріѣзжаютъ только по субботамъ. Въ теченіе шести буднихъ дней въ Меррекюлѣ можно видѣть только самыхъ старыхъ генераловъ, въ которыхъ столица уже не ощущаетъ лѣтомъ надобности, но они не дѣлаютъ лѣта и въ Меррекюлѣ. Украшаютъ и оживляютъ мѣсто однѣ генеральши и ихъ потомство, — дѣти и внуки, которыхъ онѣ учатъ утирать носы, дѣлать реверансы и молиться рукою. Между генеральшами одна напоминаетъ мнѣ преблагословенное время юности, когда у нея не было еще ни дѣтей, ни внучатъ, и сама она была легкомысленная чечотка. Да! Здѣсь она, которая когда-то крикнула «президента» и упала подъ столъ.

Ея давній «пѣтушокъ» теперь достигъ уже всего, чего онъ могъ достичь, и въ нынѣшнемъ году выходитъ въ тиражъ. Будущимъ лѣтомъ они уже не будутъ жить въ Меррекюлѣ.

Мы едва узнали другъ друга и, конечно, не много говорили о прошломъ. Мы чувствуемъ, что мы стары и намъ некстати вспоминать, какіе мы были въ то время, когда она упала подъ столъ. Генеральша, повидимому, желаетъ поддерживать со мною знакомство, но такъ вѣжлива, что старается говорить всегда о такихъ вещахъ, которыя мнѣ не интересны. Впрочемъ, иногда она говоритъ со мною о Толстомъ, котораго она «похоронила для себя послѣ Анны Карениной». Какъ онъ «пошелъ косить»—она ему сказала: «прощай, батюшка!» Она на него, однако, «не нападаетъ, какъ другіе». — «Зачѣмъ, нѣтъ! Пускай онъ себѣ думаетъ что̀ хочетъ, но зачѣмъ онъ хочетъ это распространять. Это не его дѣло. Суворинъ его отлично... Онъ его почитаетъ и обожаетъ, а на предисловіе къ сонатѣ отлично... Не за свое дѣло и не берись. Родъ человѣческій кончаться не можетъ... Суворинъ отлично!..» На эту тему генеральша неистощима и всегда сама себѣ равна: Суворина она ставитъ высоко: «il a une bonne tête», а Толстой «геніальный умъ, но ce n'est pas sérieux, vous savez. Толстому, по-моему, одного нельзя простить, что онъ прислугу и мужчинъ портитъ. Это разстраиваетъ жизнь. У меня была честная, вѣрная служанка—и вдругъ проситъ: «пожалуйста, не приказывайте мнѣ никому говорить, что васъ дома нѣтъ, когда вы дома: я этого не могу».—Что за вздоръ такой!— «Нѣтъ-съ, говоритъ, это ложь — я лгать не хочу». И такъ

и уперлась. Чтобы не давать дурного примѣра другимъ, я должна была ее отпустить, и только тогда узнала, что эта дурочка все «посредственныя книжки» читала. Но зато теперь у меня служанка, охъ, какая лгунья! Каждое слово лжетъ и кофе крадетъ; но надо ихъ почаще мѣнять и тогда онѣ лучше. Другое дѣло мужчины: это самый безпутный и глупый народъ на свѣтѣ, и главное, что съ ними нельзя такъ часто мѣнять, какъ съ прислугой. У нихъ на умѣ то же самое, что было у нигилистовъ. — чтобы не давать содержанія семейству; но это въ такомъ родѣ не будетъ: все останется какъ мы хотимъ».

Не знаетъ она основательно ничего или, точнѣе сказать, знаетъ только однѣ родословныя и мастерски слѣдитъ за тѣмъ, кто изъ извѣстныхъ лицъ гдѣ живетъ и въ какихъ съ кѣмъ находится короткостяхъ. Она считаетъ себя благочестивой, и ее занимаетъ распространеніе православія среди инородцевъ. Меррекюль чрезвычайно удобенъ для этого рода занятій: здѣсь есть православный храмъ, «маленькій, какъ игрушечка», много чухонъ или эстовъ, которые совсѣмъ не имѣютъ настоящихъ понятій о вѣрѣ. Среди нихъ возможны большіе успѣхи.

Прежде тутъ была только лютеранская каплица, построенная въ лѣсу. Она и теперь на своемъ мѣстѣ. Ее называютъ Waldkapelle. Она вся изъ бревенъ и крыта лучиною; въ ней есть органъ и распятіе, да на вышкѣ небольшой колоколъ. Ни внутри, ни снаружи нѣтъ никакихъ портативныхъ драгоцѣнностей. Передъ капеллою расчищена полянка, посрединѣ которой пріютилась маленькая колонка. Это памятникъ Генту; а вокругъ, подъ большимя великолѣпными соснами, стоятъ скамейки, на которыхъ любятъ сидѣть охотники до поэтической тишины. Здѣсь прелестно читать, и этимъ пользуются немногіе любители чтенія, какіе кое-гдѣ еще остаются. Хорошо здѣсь играть и въ крокетъ, но это не позволяется. На дорожкахъ, ведущихъ къ капеллѣ, есть столбы съ надписями: «просятъ не играть въ крокетъ у капеллы». По мнѣнію нѣмцевъ, домъ молитвы надо удалить отъ шума: ему пристойна тишина. Няньки этимъ недовольны и приводятъ сюда генеральскихъ дѣтей, которыя тщательно брыкаютъ ногами въ памятникъ покойнаго владѣльца Меррекюля и стараются оборвать окружающія цоколь цѣпи. Люди бурныхъ инстинктовъ не най-

дутъ это мѣсто веселымъ; но многіе говорятъ, что здѣсь имъ «хотѣлось молиться».

Лѣтъ двадцать или больше назадъ сюда по нѣкоторымъ особаго рода обстоятельствамъ прибылъ изъ Петербурга православный священникъ Александръ Гумилевскій. Онъ былъ человѣкъ молодой, горячій и мягкосердечный, съ любовью къ добру, но безъ большой выдержанности и послѣдовательности. Онъ началъ проповѣдывать и такъ увлекся своимъ маленькимъ успѣхомъ, что счелъ себя за Боссюэта и позабылъ объ Аскоченскомъ, который тогда дѣйствовалъ въ духѣ и силѣ нынѣшняго Мещерскаго. За это неосторожный бѣднякъ былъ смѣщенъ изъ Петербурга въ Нарву, гдѣ все чрезвычайно не нравилось и ему, и его домашнимъ.

Думали, однако, что онъ еще дешево отдѣлался и что ему могло бы достаться гораздо хуже; но митрополитъ Исидоръ не любилъ портить жизнь людямъ.

Вина же Гумилевскаго состояла въ томъ, что онъ «увлекся духомъ христіанина» и вообще былъ родственъ по мыслямъ архимандриту Ѳедору Бухареву, который все хотѣлъ примирить «православіе съ современностью» и достигъ только того, что его стали называть «enfant terrible православія». Аскоченскій, какъ жрецъ, «заклалъ» его и «обонялъ воню его крови». Но архимандритъ Бухаревъ былъ умнѣе и характернѣе Гумилевскаго, и притомъ онъ былъ одинокъ въ то время, когда Аскоченскій вонзилъ ему въ грудь свой жертвенный ножъ и «бѣгалъ по стогнамъ съ окровавленной мордой». Одиночество для борца —большое удобство!

Въ Нарвѣ Гумилевскому приходилось терпѣть и отъ своихъ, и отъ чужихъ; а главное, здѣсь ему не передъ кѣмъ было говорить свои экспромпты. Русская публика въ Нарвѣ къ этому не пріучена, и жаждавшій дѣятельности молодой и дѣйствительно добрый человѣкъ почувствовалъ себя лишеннымъ самаго дорогого и пріятнаго занятія и началъ-было заниматься инымъ дѣломъ, но остановился. Въ Меррекюлѣ онъ встрѣтилъ знакомыхъ петербургскихъ генеральшъ и задумалъ съ ними построить здѣсь «маленькую, но хорошенькую православную церковь». Въ ней добрый священникъ надѣялся опять «расширить уста своя», такъ какъ онъ могъ надѣяться, что идоложертвенный Аско-

ческій имѣетъ на кого метаться въ Петербургѣ, и, что̀ будетъ сказано за Нарвою—онъ того не услышитъ. Можно будетъ говорить самыя смѣлыя вещи, въ родѣ того, что всѣ люди на свѣтѣ имѣютъ одного общаго Отца; что ни одна національность не имѣетъ основанія и права унижать и обижать людей другой національности; что нельзя молиться о мирѣ, не почитая жизни въ мирѣ со всѣми народами за долгъ и обязанность передъ Богомъ и т. д., и т. д. Все это Гумилевскій любилъ развивать въ петербургскомъ рождественскомъ приходѣ и хотѣлъ пустить генеральшамъ въ Меррекюлѣ, что̀ и было бы кстати.

Выборъ мѣста для русской церкви въ Меррекюлѣ былъ обдуманъ «съ русской точки зрѣнія». Церковь не хотѣли прятать, какъ Вальдъ-капеллу, а напротивъ — находили, что нужно «*выдвинуть* ее на видъ». И потому ее построили при большой дорогѣ, по которой ѣздятъ въ Нарву на базаръ и къ бойнямъ, гдѣ рѣжутъ животныхъ на мясо. Церковь должна всѣмъ бросаться въ глаза: черезъ это кое-что можетъ перепадать въ кружку отъ прохожихъ и проѣзжихъ (послѣднее, однако, не оправдалось, но, можетъ-быть, только потому, что чухны очень расчетливы и скупы). Во внѣшней отдѣлкѣ русская церковь тоже превзошла Waldkapelle. Та хотя и привлекаетъ своимъ Gemüthlichkeit'омъ, но лишена всякаго блеска и въ ней даже украсть нечего. Нашу церковь покрыли бѣлою жестью и раззолотили по кантамъ. «Золото заиграло на солнцѣ», а ночью къ алтарю храма протянулъ свою дерзкую руку воръ и унесъ кое-какія цѣнности, которыя ему попались подъ руку. Потомъ это повторилось и еще разъ, а проповѣди, въ томъ духѣ, какъ предполагалъ Гумилевскій, въ этой «маленькой, но хорошенькой» церкви не послѣдовало. Гумилевскому, который надѣялся направлять курсъ новаго корабля по-своему, не пришлось этого выполнить. Его пожалѣли и возвратили въ Петербургъ въ больничную церковь «напутствовать умирающихъ», которымъ онъ могъ говорить что̀ угодно, а они могли узнавать о пользѣ его внушеній только въ новомъ существованіи. О проповѣди въ Меррекюлѣ болѣе не заботились. Меррекюльскую церковь приписали къ собору въ Нарвѣ, откуда и до сихъ поръ пріѣзжаютъ сюда священникъ и дьяконъ, служатъ вечерню и всенощную въ субботу, а на другой день обѣдню, и опять уѣзжаютъ въ Нарву.

Проповѣди не бываетъ, но хлопотъ все-таки много, и все это стоитъ порядочныхъ денегъ для ктиторской кассы крошечной церкви. Казалось, что доходъ малъ оттого, что ко всенощнымъ мало ходятъ, потому что въ это время ходятъ гулять и слушать музыку. Позаботились, чтобы подъ праздникъ на Визѣ не играла музыка; но однако это нѣмцамъ помѣшало, а церкви не помогло: гуляютъ и безъ музыки. Попробовали показать великолѣпіе и учредили крестные ходы изъ храма на Казанскую и на Спаса. Это произвело впечатлѣніе, такъ какъ такихъ религіозныхъ церемоній здѣсь еще не видали; но эстамъ не разъяснили значенія этихъ процессій, и они до сихъ поръ называютъ это тоже «гуляньемъ». Ношеніе блестящихъ на солнцѣ вещей изъ русскаго храма сдѣлало только церковь предметомъ вниманія воровъ, которые все думаютъ, что тамъ «гибель денегъ».

Явилась необходимость нанимать постояннаго сторожа на цѣлый годъ; но и при сторожѣ воры опять приходили. Чтобы спасать соблазняющее ихъ богатство, драгоцѣнности стали увозить на зиму частью въ Нарву въ соборъ, частью къ старостѣ, что тоже рискованно и не совсѣмъ законно. Но всего болѣе изнуряетъ «доставка духовенства» къ каждой службѣ, и чтобы избѣжать этого, нашли нужнымъ построить въ Меррекюлѣ *лѣтнюю поповку*.

Предпріятіе въ этомъ родѣ показываетъ, что дѣла за Нарвой шли совсѣмъ не въ томъ направленіи, какое предсказывалъ Катковъ, и впереди это будетъ доказано еще ярче.

Постройка лѣтней поповки въ Меррекюлѣ представляла затрудненія: опасались, что свои собственныя власти найдутъ это, пожалуй, излишнимъ и не велятъ строить; но можно построить домъ для *школы*, такъ, чтобы она была меньше школою, чѣмъ поповкою и сторожкою. Это сдѣлали. Построили домъ, вмѣстимостью не меньше храма, покрыли его желѣзомъ; даже загородили проходившую тутъ проѣзжую дорожку, чтобы ни конный, ни пѣшій не мѣшали дѣлать что нужно, и вотъ что придумали: завести въ этой русской школѣ такого учителя, чтобы онъ за одну учительскую плату былъ тоже церковнымъ сторожемъ, а кстати также былъ бы лѣтомъ звонаремъ, подметалъ бы церковь

и ходилъ у дьякона, у батюшекъ и у старосты на посылкахъ...

Такою учителя выражали желаніе достать для русской школы въ Меррекюлѣ, чѣмъ надѣялись и достичь большой экономіи, и пристыдить чухонъ; но прежде чѣмъ успѣли въ этомъ, пришелъ въ «собраніе прихожанъ» мясникъ Волковъ и заговорилъ для всѣхъ неучтиво и неласково, будто при постройкѣ дома для меррекюльской поповки исконный врагъ нашъ дьяволъ смутилъ строителя такъ, что онъ не могъ хорошо различать своего отъ церковнаго; словомъ, возглашено знакомое слово «воръ», и... пошло дѣло объ обидѣ...

Сказались мы и здѣсь опять въ своемъ видѣ и въ своихъ правилахъ.

Но это еще дѣло провинціальныхъ аборигеновъ: пріѣзжія генеральши сдѣлали для пропаганды гораздо больше.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Апоѳеозъ.

Побережный житель Финскаго залива хотя и суевѣренъ, но у него не тотъ жанръ въ суевѣріи, какъ у настоящаго «твердо-земнаго» русскаго человѣка. Здѣшнимъ много чего не дохватываетъ. У насъ, напримѣръ, есть блаженные и юродивые, а у здѣшнихъ этого нѣтъ, и они даже считаютъ людей подходящаго къ этому сорта за плутовъ или дураковъ. Отсюда совсѣмъ разныя отношенія къ людямъ, и что у насъ готовы признать за святость, — за то здѣсь гонятъ со двора. Въ Меррекюлѣ, какъ онъ просіялъ на свѣтѣ, никогда святыхъ не было; однако, дамы наши нашли здѣсь очень замѣчательнаго человѣка и дали ему славу.

Человѣка, о которомъ наступаетъ рѣчь, знали здѣсь съ самаго дня его рожденія. Теперь ему было около 66-ти или 67-ми лѣтъ. Имя его Ефимъ Дмитріевичъ, а фамилія Волковъ. Онъ тутъ родился и здѣсь же въ Меррекюлѣ умеръ по закончаніи лѣтняго сезона 1893 года. Всю свою жизнь онъ пьянствовалъ и разсказывалъ о себѣ и о другихъ разные вздоры. За это онъ пользовался репутаціею человѣка «пустого». Мѣстные жители не ставили его ни въ грошъ и называли самыми дрянными именами.

О прошломъ его приходилось слышать слѣдующее. Лѣтъ до двадцати онъ висѣлъ на шеѣ у родныхъ и ничего не

хотѣлъ работать; его сдали въ пастухи, — онъ растерялъ или пропилъ овецъ; его представили барону, тотъ его наказалъ по праву вотчинника и оставилъ при дворѣ. Ефимъ снискалъ себѣ расположеніе домоправителя, которому сумѣлъ подслужиться, и быстро овладѣлъ секретомъ незамѣтно уносить и обратно вѣшать ключи отъ баронскаго погреба. Тутъ Ефимъ или, какъ его эсты называли, «Мифимъ», перепробовалъ много дорогихъ винъ. Занимался онъ этимъ комфортабельно: проводилъ цѣлыя ночи въ погребахъ, а утромъ выходилъ, дополнивъ отпитыя бутылки чѣмъ могъ. На этомъ дѣлѣ онъ и былъ взятъ на мѣстѣ преступленія и отданъ въ солдаты; но здѣсь «притворился безумнымъ», отлично «выдержалъ испытаніе на сумасшедшаго» и явился въ Нарву. Сдѣлавшись свободнымъ человѣкомъ, Мифимъ сначала является въ одномъ мѣстномъ учрежденіи въ должности «вышибайлы», но повелъ себя двусмысленно, и какой-то австралійскій «кентенъ» сокрушилъ его такъ, что онъ сталъ хворать и не могъ больше служить вышибайломъ. Тогда онъ началъ ходить по городу и питался Христовымъ именемъ.

Съ устройствомъ православной церкви въ Меррекюлѣ Мифимъ усмотрѣлъ въ этомъ поводъ занять здѣсь «привилегію нищенства» и «переѣхалъ на дачу». Сначала онъ обтекалъ всю линію: посѣщалъ дачниковъ Гунгербурга, Шмецка и Меррекюля; знакомился, располагалъ къ себѣ сердца состраданіемъ, какъ къ герою изъ-подъ Плевны. Онъ приставалъ къ кому попало, и тѣ, кто нравомъ помягче, давали ему двугривенные и гривенники, которые онъ тотчасъ же неукоснительно пропивалъ. Гардеробъ его всегда былъ самый нищенскій: онъ всегда былъ полу-босъ, безъ бѣлья и одѣтъ въ лохмотья. Репутаціей скромнаго нищаго онъ не дорожилъ, а предоставлялъ это другому русскому спеціалисту, Серегѣ. Мифимъ, напротивъ, бравировалъ своимъ дерзновеніемъ и любилъ держать себя «примѣнительно къ человѣку». Молодымъ людямъ онъ предлагалъ услуги, пригодныя для образованія мимолетныхъ знакомствъ; другимъ переносилъ вѣсти, а третьимъ ворожилъ и «предсказывалъ будущность». Кромѣ того, Мифимъ лѣчилъ отъ порчи скотъ; но скоро прошелъ слухъ, что, прежде чѣмъ вылѣчить животное, онъ самъ будто его портитъ. По этому поводу съ Мифимомъ въ лѣсу случилась непріятность,

отъ которой онъ хромалъ и переселился въ Шмецкъ. Здѣсь онъ нанялъ за шесть рублей въ лѣто развалившуюся баню у кузнеца Карла Шмецкэ и жилъ тамъ тихо и «на спокоѣ кашлялъ»... Но едва Богъ помогъ ему поправиться, онъ сейчасъ же опять дѣлается полезнымъ человѣкомъ и начинаетъ указывать крестьянамъ, гдѣ они должны отыскивать уходящихъ съ пастбища коней. Лошадь уйдетъ и ее не могутъ найти, а Мифимъ погадаетъ и говоритъ:

— Я ее вижу: она вотъ гдѣ!

Поведетъ хозяевъ черезъ лѣсъ въ болото и покажетъ, что ихъ пропащая животина въ самомъ дѣлѣ «сидитъ» въ топи и дожидается, чтобы ее вытащили.

Скотину вытащатъ, а Мифимкѣ дадутъ за колдовство. Заработка отъ этихъ статей было бы достаточно; но крестьяне стали подозрѣвать, что Мифимъ не честно живетъ,—что онъ сначала самъ загоняетъ скотину въ болото, а потомъ приходитъ и отгадываетъ. И вотъ ему не только не стали давать обѣщанныхъ за розыскъ денегъ, а погрозили его прибить. Четыре года тому назадъ, когда Мифимъ жилъ въ Шмецкѣ у кузнеца Карла Ивановича, подозрѣнія противъ него ожесточились. У кузнеца была вувермановская (бѣлая) лошадь съ удивительно густымъ, пушистымъ хвостомъ. Звали ее «Талька». Лошадка была сытая, статная и удалой ухватки. Она ходила утромъ, по росѣ, въ кустахъ близъ дома, вмѣстѣ съ другою лошадкою, съ которою была очень дружна, и вдругъ, когда ободняло и люди встали. — рыжая лошадка ходила въ кустахъ, а вувермановской «Тальки» не было.

Увести ее не могли, — это было бы слишкомъ дерзко; убѣжать она *одна* не могла, такъ какъ обѣ лошади были дружны... Всего вѣроятнѣе казалось, что «Тальку» кто-нибудь *угналъ*.

Но куда? И гдѣ ее теперь держатъ?

Мифимъ взялся угадать, гдѣ лошадь, и потребовалъ за это три рубля; но ему денегъ не дали, а отправились въ лѣсную глушь, въ которой на-дняхъ кто-то встрѣчалъ Мифима,—и «Талька» была здѣсь отыскана, затопленная въ болото по самую шею... Животное совсѣмъ уже выбилось изъ силъ: голова лошади вся была облѣплена комарами и глаза заплыли отъ укусовъ; однако бѣдная «Талька» еще дышала и, услыхавъ знакомые голоса людей, отвѣчала ржа-

ніемъ. Наложили доски и лошадь вытащили, а Мифимъ увидалъ, что это ему чѣмъ-то грозитъ, и сдѣлалъ диверсію: онъ съѣхалъ отъ кузнеца и повернулъ все свое направленіе на другую стать.

До сихъ поръ онъ держался «военной линіи» и разсказывалъ о себѣ по секрету, что онъ черезъ какое-то особенное дѣло сталъ въ родѣ французской «Желѣзной маски» или византійскаго «Вылѣзарія», а послѣ исторіи съ «Талькой» онъ началъ набожно вздыхать, креститься и полушопотомъ спрашивать: «Позвольте узнать, что̀ нынче въ газетахъ стоитъ про отца Іоанна и гдѣ посѣщаетъ теперь протосвятитель арміи—Флотовъ?»

Особенно ему всегда нужно было знать: «гдѣ протосвятитель Флотовъ?» Но цѣль своей надобности онъ скрывалъ.

— Такъ, нуженъ онъ мнѣ вотъ-вотъ всего на одну на минуточку, чтобы онъ на меня взглянулъ и я могъ ему произнесть всего одно слово, и тогда увидали бы, что я не Ефимъ, а можетъ-быть,—*Эфиръ*.

Моя знакомая генеральша подала поводъ къ тому, что Мифимъ получилъ возможность причислять себя къ «церковному штату».

Когда за генеральшею въ церковь прошла ея собака, и потомъ такой случай еще разъ повторился, Мифимка предложилъ старостѣ свои услуги, чтобы ему стоять у дверей и «не пускать собакъ господъ», а староста за это чтобы платилъ полтинникъ въ мѣсяцъ.

Предложеніе было принято, и Мифимъ пришелъ съ хворостиною и прежде всего прогналъ отъ храма трехъ нищихъ старухъ и сталъ у дверей. Такимъ образомъ онъ захватилъ себѣ «привилегію нищенства».

Съ этихъ поръ онъ началъ считать себя «членомъ штата» и сталъ оказывать приходу большія услуги.

Здѣсь водится такой обычай, что передъ тѣмъ, какъ духовенство хочетъ идти со святыней, по дачамъ посылаютъ «брандера», чтобы не получать отказовъ, а заблаговременно узнать: кто приметъ, а кто не приметъ?

Мифимъ «пошелъ брандеромъ» и, идучи путемъ-дорогою, достигъ къ моей генеральшѣ, и здѣсь его такъ развезло, что онъ открылся ей, будто онъ православный священникъ,

который находится подъ ужаснымъ несчастьемъ за то, что не своею волею повѣнчалъ совсѣмъ особенную свадьбу.

Генеральша какъ услыхала объ этой свадьбѣ, такъ и ахнула. То, о чемъ она узнала, еще никому не было извѣстно.

Генеральша задыхалась отъ смѣшанныхъ чувствъ, которыя подняло въ ней это открытіе. И страхъ. и радость, и любопытство... все вмѣстѣ ее совсѣмъ одурманило; и чтобы что-нибудь сдѣлать, она бросилась къ Мифимкѣ съ раскрытыми пригоршнями и завопила:

— Батюшка, благословите!

Мифимъ сумѣлъ ее благословить, а она поцѣловала его руку.

Чтобы не оставаться одинокою при такомъ открытіи, одна генеральша сообщила свой секретъ другой, и дамы узнали, что Мифимъ есть самый удивительный «вѣнчальный батюшка». Такой человѣкъ долженъ имѣть даръ помогать. А брачныхъ надобностей такъ много.

У второй генеральши три взрослыя дочери, и ни одна изъ нихъ не выходитъ замужъ, потому что всѣ мужчины «подлецы» и «не женятся».

Вторая генеральша нашла, что Мифимово благословеніе можетъ быть имъ полезно; но Мифимъ обнаружилъ осторожность и не захотѣлъ благословлять дѣвицъ въ домѣ, при прислугѣ, а велѣлъ вывести ихъ въ лѣсъ, къ сѣннымъ стогамъ, и у стоговъ благословилъ ихъ и далъ облобызать свои руки.

И что же? Въ слѣдующую же зиму одна изъ этихъ генеральскихъ дочерей неожиданно вышла замужъ! Число охотницъ цѣловать Мифимкину руку послѣ этого умножилось: къ нему выводили дѣвицъ, и онъ ихъ благословлялъ.

Но вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ благословенія въ лѣсу изъ-за стоговъ подглядѣли чухны и не поняли, что̀ это такое дамы дѣлаютъ съ Мифимкой, и начали разсказывать:

— Тамы-то на него рестятся и ку ему риклятаются, а онъ таитъ та на ныхъ міется *).

Поблагословивъ дамъ прошлаго сезона, Мифимъ въ по-

---

*) «Дамы на него крестятся и къ нему прикладываются, а онъ стоитъ да на нихъ смѣется».

слѣднихъ числахъ августа 1893 года пошелъ въ винный погребъ негоціанта Звонкова и, испивъ «до воли», закряхтѣлъ и переселился въ вѣчность...

Одному лицу, которое съ любопытствомъ наблюдало духовную практику Мифимки, казалось, будто онъ не только благословляетъ дамъ и ихъ дочерей, которымъ «Богъ долго судьбы не даетъ», но что онъ будто бы тоже исповѣдывалъ ихъ у стоговъ и въ бортищахъ; но самъ Мифимъ энергически опровергалъ это, и я вѣрю его отрицательству. Онъ былъ человѣкъ смѣлый и даже дерзкій, но осторожный и расчетливый: называться таинственнымъ священникомъ «временъ Лориса» и благословлять —это онъ могъ, и я утвердительно могу говорить, что это онъ дѣлалъ и считалъ это за неважное, потому что «не заѣдалъ чужого хлѣба»; но исповѣдь совсѣмъ иная статья: это могло повредить Мифиму. Словомъ, хотя объ этомъ говорили, но я увѣренъ, что это неправда. Но, кажется, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Мифимъ оказывалъ дамамъ другія услуги, благопріятныя для ихъ видовъ.

Мнѣ припоминается еще одна генеральша, большая, дебелая, тоже южной породы, съ безгранично-любящимъ материнскимъ сердцемъ и съ неукротимымъ воображеніемъ. У нея «блекла дочь», и мать виноватила въ этомъ ея мужа, еще довольно молодого и, кажется, очень порядочнаго человѣка.

— Вообразите,—говорила она:—всего четыре года какъ онъ женатъ на моей дочери, а уже манкируетъ женѣ.

Я ей отвѣтилъ, что это, кажется, иногда и лучше.

Генеральша отвергла.

— Ну, нѣтъ, извините! — воскликнула она. — Если вы это, можетъ-быть, по Толстому, то это такъ; но онъ напрасно расписывается за всѣхъ женщинъ. Можетъ-быть, такія и есть, какъ онъ высказываетъ, но для этого ихъ надо было особеннымъ образомъ изуродовать съ дѣтства. А моя дочь, какъ вы видите, это живая и полная жизни женщина, а не толстовка. О, она не толстовка! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ — не толстовка! Ею манкировать нельзя, потому что она блекнетъ. Вы видите какая она!.. Она и сама не понимаетъ, что̀ съ нею дѣлается, но она была цвѣтокъ!.. Я это и понимаю, но что же я могу сдѣлать? Ничего! Мужъ къ ней невнимателенъ и баста! И цѣлая вещь! Такихъ

негодяевъ теперь довольно много. Теперь, говорятъ, даже въ природѣ что-то такое распространяется къ тому, чтобы ничего не надо, и явилась такая порода мужчинъ, въ блузочкахъ, и ножками стучатъ и сопятъ... Тогда и видно; но вѣдь человѣка, который одѣтъ какъ всѣ, нельзя раньше знать! Неправда ли?

— Да.

— А какіе-то ученые утверждаютъ, что еще хуже будетъ. У образованныхъ мужчинъ скоро совсѣмъ ужъ не будетъ дѣтей. Переутомленіе. Вотъ ужасъ! Понимаете? Цѣлую недѣлю онъ остается въ Петербургѣ, а мы здѣсь, и онъ ничего не испытываетъ, а въ субботу ѣдетъ сюда и везетъ, болванъ, съ собою въ карманѣ новую книжку... Какое остолопство! Такіе не должны жениться. Одна моя знакомая, которая была за учеными мужьями, и всѣ они были дрянь, а теперь она вышла за казака, и говоритъ: «Повѣрьте, что настоящіе мужья—это только казаки! Пусть всѣ это знаютъ!» Я и вѣрю, потому что казакъ — это дикокъ, онъ еще не подвергался въ школѣ переутомленію и онъ всегда просто ѣстъ; у него желудокъ все варитъ, даже, прости Господи, хоть сальную свѣчку, и онъ верхомъ, въ движеньи,—и ему хочется жить, и вотъ онъ цѣнитъ присутствіе женщины... А эти еще по своей развращенности отъ служебныхъ дѣлъ ѣдутъ въ шато-кабаки и пялятъ глаза на испанокъ и цыганокъ... Но тогда зачѣмъ жена?

Генеральша ударила себя обѣими ладонями по выступамъ своего корсета и повторила:

— Забываютъ-съ, что молодая жена *хочетъ жить!* Понимаете: она *имѣетъ* право! Да; что́ вашъ Толстой ни говори, а она имѣетъ это право. И потому, когда мой зять вынимаетъ изъ своего кармана волюмъ Zola или Bourget, я дѣлаю надъ собою огромное усиліе, чтобы не закатить ему плюху. Дуракъ и подлецъ! При цыганкахъ, небось, не читаетъ, а при женѣ читать!.. Свинья! Это только для того, чтобы не оставаться съ глазу-на-глазъ съ совѣстью. А отъ этого блѣдность, отъ этого вялость и малокровіе, и суженъ, совсѣмъ уничтоженъ весь интересъ къ жизни... Это надо кончить! Зачѣмъ на бѣдныхъ женщинъ кричать adultère? Этого слова до Толстого не произносили! Если нельзя развода, то нуженъ revanche.

— Берегитесь, это можетъ услышать ваша дочь.

— И я желаю... Я ей это и говорю... Но она глупа... Или она, можетъ-быть, меня стѣсняется... Или она не понимаетъ... не говоритъ!.. О, если бы эту мысль ей вложилъ человѣкъ... который могъ бы ее успокоить, что это не важно... не важно... Потому что это не важно!..

И вотъ тутъ, можетъ-быть, Мифимъ кому-нибудь и помогъ... Онъ былъ не строгъ и могъ все *разрѣшить*.

По крайней мѣрѣ, одной дамѣ, которая имѣла къ нему вѣру и «блекла отъ невниманія», Мифимъ сообщилъ рѣшимость, воспоминаніе о которой вызывало розы на ея ланиты; а ея maman любовалась ею и шептала ей Дерулѣдово слово:

— «Nitchevo!»

Генеральши про Мифима, вѣроятно, скоро забудутъ и найдутъ себѣ иного тамватурга; но чухны, которые хорошо знали, что̀ за человѣкъ былъ ихъ меррекюльскій Мифимъ, «міются».

ПО ПОВОДУ КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЫ.

ПОСМЕРТНЫЙ ОЧЕРКЪ.

«Всякая дѣвушка нравственно выше мужчины, потому что несравненно его чище. Дѣвушка, выходя замужъ, всегда выше своего мужа. Она выше его и дѣвушкой, и становясь женщиной въ нашемъ быту».

Л. Толстой.

I.

Хоронили Ѳедора Михайловича Достоевскаго. День былъ суровый и пасмурный. Я въ этотъ день былъ нездоровъ и съ большимъ надъ собою усиліемъ проводилъ гробъ до воротъ Невскаго монастыря. Въ воротахъ произошла большая давка. Въ тѣснотѣ раздались стоны и крики. Драматургъ Аверкіевъ показался на возвышеніи надъ толпою и что-то кричалъ. Голосъ у него былъ громкій, но разобрать словъ было невозможно. Одни говорили, что онъ учреждаетъ порядокъ, и хвалили его за это, а другіе на него сердились. Я остался въ числѣ тѣхъ, которыхъ не пропустили въ ограду, и, не видя цѣли оставаться здѣсь долѣе, возвратился домой, выпилъ теплаго чаю и уснулъ. Отъ холода и разнородныхъ впечатлѣній я чувствовалъ себя очень уставшимъ и спалъ такъ крѣпко и долго, что не всталъ къ обѣду. Обѣда мнѣ въ этотъ день такъ и не пришлось ѣсть, потому что къ суммѣ разнородныхъ впечатлѣній неожиданно прибавилось еще одно новое, весьма меня взволновавшее.

Въ густыя сумерки меня разбудила моя дѣвушка, сказавъ мнѣ, что ко мнѣ пришла какая-то незнакомая дама и не хочетъ уходить, а настойчиво проситъ, чтобы я ее принялъ. Дамскія посѣщенія къ нашему брату, пожилому писателю, вещь довольно обыкновенная. Не мало дѣвицъ и дамъ ходятъ къ намъ просить совѣтовъ для ихъ литературныхъ опытовъ, или ищутъ у насъ какого-нибудь содѣйствія въ устройствѣ ихъ дѣлъ съ незнакомыми редакціями. Поэтому приходъ дамы и даже ея настойчивость меня нисколько не удивили. Когда горе велико, а нужда неотступчива — не мудрено сдѣлаться и настойчивымъ.

Я сказалъ дѣвушкѣ, чтобы она попросила даму въ кабинетъ, и самъ сталъ приводить себя въ порядокъ. Когда я вошелъ въ свой кабинетъ, на большомъ столѣ была зажжена моя рабочая лампа. Она сильно освѣщала столъ, но комната оставалась въ полумракѣ. Незнакомая дама, сдѣлавшая мнѣ на этотъ разъ визитъ, была мнѣ, дѣйствительно, незнакома.

Когда я отыскалъ ее глазами и хотѣлъ ее просить сѣсть въ кресло, мнѣ показалось, что она какъ будто избѣгаетъ освѣщенныхъ мѣстъ комнаты и старается держаться въ тѣни. Это меня удивило. Особы, мало застѣнчивыя, неопытныя, иногда церемонятся и стѣсняются такимъ же образомъ, но удивительнѣе всего мнѣ показалось ажитированное состояніе этой дамы, которое мнѣ какъ-то чувствовалось и сообщалось. Она была одѣта прекрасно, скромно, на ней было все дорогое и изящное: прекрасное плюшевое пальто, которое она не сняла въ прихожей и въ которомъ оставалась все время, пока говорила со мной; черная изящная шляпочка, очевидно, парижской модели, а не русскаго производства, и черная вуалетка, сложенная вдвое и завязанная назади такъ, что я могъ видѣть только бѣлый, круглый подбородокъ и иногда сверканіе глазъ сквозь двойную сѣтку вуали. Вмѣсто того, чтобы назвать себя и сказать цѣль своего прихода, она начала съ того, что сказала мнѣ:

— Могу ли я разсчитывать на то, что вамъ нѣтъ никакого дѣла до моего имени?

Я отвѣчалъ ей, что она на это вполнѣ можетъ разсчитывать. Тогда она попросила меня сѣсть въ кресло передъ

лампой, безцеремонно подвинула зеленый тафтяной кружокъ на абажурѣ лампы такъ, что весь свѣтъ падалъ на меня и затемнялъ ея лицо, и сама сѣла по другой бокъ стола и снова спросила:

— Вы одинокій?

Я отвѣчалъ ей, что она не ошибается: я—одинокій.

— Могу ли я говорить съ вами совершенно откровенно?

Я отвѣчалъ ей, что если она питаетъ ко мнѣ довѣріе, то я не вижу, что̀ мѣшаетъ говорить такъ, какъ ей угодно.

— Мы здѣсь одни?

— Совершенно одни.

Дама встала и сдѣлала два шага по направленію къ другой комнатѣ, гдѣ помѣщалась моя библіотека, и за нею— спальня. Въ библіотекѣ въ это время горѣлъ матовый фонарь, при которомъ можно было видѣть всю комнату. Я не тронулся съ мѣста, но сказалъ для успокоенія дамы, что она видитъ, что у меня нѣтъ никого, кромѣ прислуги и маленькой сиротки, которая не можетъ играть никакой роли въ ея соображеніяхъ. Тогда она сѣла снова на свое мѣсто, снова подвинула зеленый кружокъ и сказала:

— Вы меня извините, я въ большомъ возбужденіи... и мое поведеніе можетъ показаться страннымъ, но имѣйте ко мнѣ состраданіе!

Рука ея, которая протягивалась опять къ тафтяному кружку на лампѣ, была обтянута въ черную лайковую перчатку и сильно дрожала. Вмѣсто отвѣта я предложилъ ей выпить воды. Она меня удержала и сказала:

— Это не нужно, я не такъ нервна, я пришла къ вамъ потому, что эти похороны... эти цѣпи... этотъ человѣкъ, который производилъ на меня такое необыкновенно сильное, ломающее впечатлѣніе, это лицо и воспоминаніе обо всемъ, что̀ мнѣ приходилось два раза въ жизни разсказывать, перепутало всѣ мои мысли. Вы не должны удивляться тому, что я пришла къ вамъ. Я разскажу вамъ, почему я это сдѣлала, — это ничего, что мы съ вами не знакомы: я васъ читала много и многое мнѣ было такъ симпатично, такъ близко, что теперь я не могу отказать себѣ въ потребности, чтобъ говорить съ вами. Можетъ-быть, то, что̀ я задумала сдѣлать, есть величайшая глупость. Я хочу

прежде спросить васъ объ этомъ, и вы должны отвѣчать искренно. Что̀ вы мнѣ посовѣтуете, я и сдѣлаю.

Ея контральтовый голосъ дрожалъ, и руки, которымъ она не находила мѣста, трепетали.

II.

Посѣщенія и приступы въ такомъ родѣ въ теченіе моей литературной жизни бывали хоть не часто, но бывали.

Болѣе свойственны они были людямъ съ политическимъ темпераментомъ, которыхъ успокоивать довольно трудно, а помогать вдвойнѣ рисковано и непріятно, тѣмъ болѣе, что въ этихъ случаяхъ всегда почти не знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. На этотъ разъ мнѣ прежде всего пришло въ голову, что эта дама также обуреваема политическими страстями, что у нея есть какой-нибудь замыселъ, который по несчастію пришло въ голову мнѣ довѣрить; вступленіе ея бесѣды имѣло много похожаго на это, и потому я неохотно сказалъ ей:

— Не знаю, о чемъ вы будете говорить. Я ничего не смѣю обѣщать вамъ, но затѣмъ, если личныя чувства ваши привели васъ ко мнѣ по довѣрію, которое внушаетъ вамъ моя жизнь и репутація, то я ни въ какомъ случаѣ не нарушу того, что̀ вы хотите мнѣ передать, очевидно, какъ тайну.

— Да, — сказала она: — какъ тайну, какъ совершенную тайну, и я увѣрена, что вы ее сохраните. Мнѣ нѣтъ нужды повторять вамъ, почему ее надо сохранить; я знаю, что̀ вы чувствуете, я не могу такъ ошибаться: лицо ваше мнѣ говоритъ лучше всякихъ словъ, и при этомъ для меня нѣтъ выбора. Повторяю вамъ, я готова сдѣлать поступокъ, который одну минуту представляется мнѣ честнымъ, и сейчасъ же представляется мнѣ грубостью: выборъ долженъ быть сдѣланъ сейчасъ, сію минуту, и это зависитъ отъ васъ.

Я не сомнѣвался, что вслѣдъ за этимъ послѣдуетъ откровеніе политическаго характера, и неохотно сказалъ:

— Я васъ слушаю.

Несмотря на двойную вуаль, я чувствовалъ на себѣ пристальный взглядъ моей гостьи, которая глядѣла на меня въ упоръ и твердо проговорила:

— Я невѣрная жена! Я измѣняю моему мужу.

Къ стыду моему долженъ сказать, что съ сердца моего

при этомъ открытіи спала великая тяжесть; о политикѣ, очевидно, не было и помину.

— Я измѣняю прекрасному, доброму мужу; это продолжается шесть... больше!..—я должна сказать правду, иначе не стоитъ говорить: — это продолжается восемь лѣтъ... и продолжается... или пѣтъ, это началось съ третьяго мѣсяца брака; позорнѣе этого нѣтъ ничего на свѣтѣ. Я не стара, но у меня дѣти, вы понимаете?

Я качнулъ утвердительно головой.

— Вы понимаете, что̀ это значитъ. Два раза въ жизни, какъ къ вамъ, я приходила къ тому... кого мы хоронили и чья смерть меня всю перебронла, призналась ему въ своихъ чувствахъ; онъ былъ разъ со мной грубъ, другой— нѣженъ, какъ другъ. Какъ это... не похоже на то состояніе, въ которомъ я къ нему приходила, и наконецъ я хочу, чтобы вы мнѣ дали тотъ совѣтъ, который мнѣ нуженъ. Хуже всего въ жизни обманъ, я это чувствую, мнѣ кажется, лучше открыть свою гадость, перенести наказаніе и быть униженной, разбитой, выброшенной на мостовую,— я не знаю, что̀ можетъ со мной случиться... я чувствую непреодолимую потребность придти и все разсказать моему мужу; я чувствую эту потребность шесть лѣтъ. Между началомъ моего преступленія прошло два года, въ которые я не видала... того; затѣмъ это началось снова и идетъ попрежнему... шесть лѣтъ я собиралась сказать и не сказала, а теперь, когда я шла за гробомъ Достоевскаго, мнѣ захотѣлось кончить это, кончить сегодня такъ, какъ вы мнѣ посовѣтуете.

Я молчалъ, потому что ничего не понималъ въ этой исторіи и не могъ дать рѣшительно никакого совѣта; она это уловила на моемъ лицѣ.

— Вы, конечно, должны знать болѣе, я пришла не затѣмъ, чтобы играть въ загадки, — а говорить, такъ говорить все. Дѣло въ томъ, что я безстыдно лгала бы, если бы стала себя оправдывать. Я не знала никогда никакой нужды, я родилась въ достаткѣ и живу въ достаткѣ. Природа не отказала мнѣ въ долѣ разсудка, мнѣ дали хорошее образованіе, я была свободна дѣлать свой супружескій выборъ, слѣдовательно говорить не о чемъ; я вышла замужъ за человѣка, который ничѣмъ не испортилъ своей репутаціи до этой минуты, напротивъ... Мое положеніе

было прекрасно, когда этотъ человѣкъ... то-есть я хочу вамъ сказать: мой мужъ, мой законный мужъ... сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Мнѣ казалось, что онъ мнѣ нравится, я думала, что могу его любить, но во всякомъ случаѣ не думала, что я могу ему измѣнить, тѣмъ болѣе измѣнить самымъ подлымъ, самымъ гнуснымъ образомъ и пользоваться репутаціей честной женщины и хорошей матери, такъ какъ я не честная и должно быть гадкая мать, а измѣну принесъ мнѣ самъ дьяволъ, — если хотите, я вѣрю въ дьявола... Въ жизни очень много зависитъ отъ обстоятельствъ; говорятъ — въ городахъ грязь, въ деревняхъ чистота; въ деревнѣ именно и случилось, потому что я была одна съ глазу на глазъ съ этимъ человѣкомъ, съ этимъ проклятымъ человѣкомъ, котораго привезъ и оставилъ на моемъ попеченіи самъ мужъ мой. Я должна бы каяться, если не безполезно раскаяніе, я должна бы каяться безконечно за этотъ поступокъ, которымъ обязана моему мужу, но дѣло въ томъ, что я не помню этого момента, я помню только грозу, страшную грозу, которой я всегда боялась съ дѣтства. Я тогда его не любила, мнѣ просто было страшно, и когда насъ озаряла молнія въ огромной залѣ, я съ испугу взяла его руку... и я снова не помню, потомъ это продолжалось... потомъ онъ ходилъ въ кругосвѣтное плаваніе, вернулся, и это опять началось: теперь я хочу, чтобы это кончилось и на этотъ разъ навсегда. Я этого хотѣла не одинъ разъ, но на это мнѣ никогда недоставало воли, чтобы это выдержать. Рѣшеніе, которое я принимала, совершенно улетучивалось черезъ часъ при его появленіи, и что хуже всего я ничего не хочу скрывать,—не онъ, а я сама была причиной, я сама, понимаете, я сама высказывала и достигала, и злилась, если достичь этого мнѣ было трудно,—и если я буду продолжать такъ дальше, то обманъ, мое униженіе никогда не кончатся...

— Что же вы хотите сдѣлать?—спросилъ я.

— Я хочу все открыть моему мужу и хочу непремѣнно сдѣлать это сегодня, вотъ какъ выйду отъ васъ и приду домой...

Я спросилъ, каковъ ея мужъ, и что представляетъ собою его характеръ.

— Мой мужъ,—отвѣчала дама:—пользуется лучшей репутаціей, у него хорошее мѣсто и достаточно средствъ: всѣ считаютъ его честнымъ и благороднымъ человѣкомъ.

— Вы это мнѣніе раздѣляете?—спросилъ я.

— Не совсѣмъ, ему слишкомъ много приписываютъ; онъ слишкомъ даровитъ и порядоченъ, въ немъ мало того, что̀ принято называть сердцемъ, какъ ни глупо это названіе, напоминающее такъ-называемую душу музыки, но я другого не могу сказать; его сердечныя движенія всѣ правильны, опредѣленны, точны и не разнообразны.

— А тотъ, кого вы любите...

— Что̀ вы хотите о немъ сказать?

— Онъ вамъ внушаетъ уваженіе?

— О!—воскликнула дама и махнула рукой.

— Я не совсѣмъ понимаю, что̀ долженъ думать по этому движенію?

— Вы должны думать, что это самый безсердечный и дрянной эгоистъ, который никому не внушаетъ и даже не заботится внушать какое бы то ни было уваженіе.

— Вы его любите?

Она сдвинула плечами и сказала:

— Люблю. Это, знаете, странное слово, которое у каждаго на губахъ, но очень не многіе его понимаютъ. Любить все равно, что быть предназначенной къ поэзіи, къ праведности. На это чувство способны очень немногіе. Крестьянки наши вмѣсто слова любить употребляютъ слово жалѣть; онѣ не говорятъ: онъ меня любитъ; онѣ говорятъ: онъ меня жалѣетъ. Это по-моему гораздо лучше и тутъ больше простого опредѣленія; слово любить-жалѣть, значитъ: любить въ обыденномъ смыслѣ. А то есть желать; говорятъ: мой желанный, мой милый желанный... понимаете,—желать...

Она остановилась, тяжело дыша; я ей подалъ стаканъ воды, который она приняла на этотъ разъ изъ моихъ рукъ, не устранялась, и, кажется, была очень благодарна, что я не всматривался въ нее.

Мы оба молчали; я не зналъ, что̀ говорить, и у нея изсякъ весь потокъ откровенности. Очевидно, она высказала все, что̀ было крупнаго, и далѣе мелькали уже детали. Она точно угадала мою мысль и сказала тихимъ голосомъ:

— Такъ вотъ, если вы скажете мнѣ, что я должна сказать это мужу, — я такъ и сдѣлаю; но, можетъ-быть, вы можете сказать мнѣ что-нибудь другое? Кромѣ того, что

мнѣ внушаетъ симпатію и довѣріе къ вамъ, въ васъ есть практицизмъ, я ваша внимательная читательница; мы, женщины, чувствуемъ то, чего не чувствуютъ присяжные критики. Вы можете, если хотите, сказать ваше искреннее сново: должна или нѣтъ я придти и открыть мой позорный и долговременный грѣхъ моему мужу.

III.

Несмотря на занимательность исторіи, я чувствовалъ тяжелое свое положеніе. Хотя такой отвѣтъ, какой требовала моя гостья, дать гораздо легче, чѣмъ успокоить политическаго дѣятеля или оказать ему требуемую имъ услугу, но тѣмъ не менѣе совѣсть моя чувствовала себя призванной къ очень серьезному дѣлу. Я достаточно жилъ и достаточно видѣлъ женщинъ, искусно скрывавшихъ свои грѣхи въ этомъ же родѣ или не скрывавшихъ, но не сознававшихся въ нихъ. Я видалъ также двухъ-трехъ откровенныхъ женщинъ и помнилъ, что онѣ мнѣ всегда казались не столько искренними, сколько жестокими и аффектированными. Мнѣ всегда казалось, что всей этой откровенностью женщина могла бы повременить и прежде чѣмъ объявить о своемъ преступленіи тому, кого это можетъ заставить сильно страдать, хорошенько пораздумать. Мнѣ никогда не было дѣла до того, какъ относится къ чьей бы то ни было внутренней жизни свѣтъ. Не свѣтъ, а лично человѣкъ, — вотъ кто дорогъ мнѣ, и если можно не вызывать страданіе, зачѣмъ вызывать его; если женщина такой же совершенно человѣкъ, какъ мужчина, такой же равноправный членъ общества и ей доступны всѣ тѣ же самыя ощущенія, то человѣческое чувство, которое доступно мужчинѣ, какъ это даетъ понять Христосъ, какъ это говорили лучшіе люди нашего вѣка, какъ теперь говоритъ Левъ Толстой и въ чемъ я чувствую неопровержимую истину, — то почему мужчина, нарушившій завѣтъ цѣломудрія передъ женщиной, которой онъ обязанъ вѣрностью, молчитъ, молчитъ объ этомъ, чувствуя свой проступокъ, иногда успѣваетъ загладить недостоинство своихъ увлеченій, то почему же это самое не можетъ сдѣлать женщина? Я увѣренъ, что она это можетъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что число мужчинъ, измѣняющихъ женщинамъ, превышаетъ число женщинъ, и женщины это знаютъ; нѣтъ ни одной или по-

чти ни одной разсудительной женщины, которая послѣ болѣе или менѣе долгой разлуки съ мужемъ или ребенкомъ, питала бы увѣренность, что во все время этой разлуки мужъ остался ей вѣренъ. Но тѣмъ не менѣе по возвращеніи его она ему прощаетъ столь великодушно, что прощеніе ея выражается въ томъ, что она его объ этомъ даже не спрашиваетъ, и откровенность эта была бы для нея не одолженіемъ, а горемъ; это былъ бы поступокъ, который обнаружилъ то, чего она не хочетъ знать. Въ этомъ невѣдѣніи она находитъ силу продолжать свои отношенія, какъ будто они были прерваны нечаянно. Я сознаю, что въ мои соображенія входитъ гораздо больше практицизма, чѣмъ отвлеченной философіи и возвышенной морали, но тѣмъ не менѣе я склоненъ такъ думать, какъ думаю.

Въ этомъ направленіи я продолжалъ бесѣду съ моею гостьею и спросилъ ее:

— Дурныя свойства человѣка, котораго вы любите, внушаютъ къ нему какъ-нибудь неуваженіе?

— Очень сильное и очень постоянное.

— Но вы стараетесь иногда его оправдывать.

— Къ сожалѣнію, это невозможно: для него нѣтъ никакихъ оправданій.

— Тогда я позволю себѣ спросить: что же ваше негодованіе къ нему, пребываетъ ли оно постоянно въ одномъ положеніи, или оно иногда ослабѣваетъ, иногда усиливается?

— Оно постоянно усиливается.

— Теперь я спрошу васъ, — вы вѣдь позволяете мнѣ спрашивать?

— Пожалуйста.

— Въ эту минуту, когда вы сидите у меня, гдѣ вашъ супругъ?

— Дома.

— Что онъ дѣлаетъ?

— Спитъ въ своемъ кабинетѣ.

— И затѣмъ, когда онъ встанетъ?

— Онъ встанетъ въ 8 часовъ.

— И что онъ будетъ дѣлать?

Гостья улыбнулась.

— Онъ умоется, онъ надѣнетъ пиджакъ, пройдетъ къ

дѣтямъ и будетъ играть полчаса на биксѣ, потомъ подадутъ самоваръ, изъ котораго я налью ему стаканъ чаю.

— Вотъ,—сказалъ я:—стаканъ чаю, самоваръ и домашняя лампа, это прекрасныя вещи, около которыхъ мы группируемся.

— Прекрасно сказано.

— И это проходитъ болѣе или менѣе—пріятно?

— Да, для него, я думаю.

— Извините меня, въ этомъ дѣлѣ, которое вамъ угодно было раскрыть мнѣ, онъ одинъ имѣетъ право, чтобы о немъ подумать — не дѣти, которыя могутъ и должны даже этого никогда не знать, и ужъ конечно не вы... Да, не вы, потому что вы нанесли ему страданіе, между тѣмъ онъ — лицо пострадавшее. Поэтому, объ немъ надо подумать, чтобы онъ не страдалъ, и представьте себѣ, вмѣсто того, чтобы онъ, по обыкновенію, отпивъ чай, и можетъ-быть, съ уваженіемъ поцѣловавъ вашу руку...

— Ну-съ?

— И потомъ, когда онъ пойдетъ заняться дѣлами... потомъ пожинаетъ и спокойно пожелаетъ вамъ доброй ночи, — вмѣсто всего этого, онъ услышитъ ваше открытіе, изъ котораго узнаетъ, что вся его жизнь съ перваго мѣсяца, или даже съ перваго дня супружества поставлена въ такую безсмысленную рамку. Скажите мнѣ, добро или зло вы ему этимъ сдѣлаете?

— Не знаю; если бы я это знала, если бы я могла это рѣшить, то я не была бы здѣсь и не разговаривала объ этомъ. Я у васъ спрашиваю совѣта, какъ мнѣ поступить?

— Совѣта я вамъ дать не могу, но я могу сказать мнѣніе, которое во мнѣ складывается. Однако, для того, чтобы оно имѣло въ моихъ глазахъ опредѣленную форму, я еще позволю себѣ предложить вамъ одинъ вопросъ... Чувства никогда не пребываютъ въ человѣкѣ въ одномъ и томъ же положеніи... Ваше нерасположеніе къ тому ослабѣваетъ?..

— Нѣтъ, оно обостряется!

Она воскликнула это съ болью въ сердцѣ и даже какъ будто привстала и хотѣла отстраниться отъ чего-то, что я видѣлъ въ моемъ воображеніи. Несмотря на то, что мнѣ не видно было ея лица, я чувствовалъ, что она ужасно

страдаетъ, и страданіе это дозрѣло до такой степени, что не могло оставаться дольше безъ развязки.

— Слѣдовательно, — сказалъ я: — вы осуждаете его все строже и строже...

— Да, чаще и чаще...

— Прекрасно,—сказалъ я:—теперь я позволю себѣ сказать вамъ, что я считалъ бы благоразумнымъ, чтобы вы, возвратившись домой, сѣли къ вашему самовару такъ, какъ вы садились къ нему прежде.

Она слушала молча; глаза ея были устремлены на меня, и я видѣлъ ихъ сверканіе сквозь вуалетку, слышалъ, какъ громко и учащенно билось ея сердце.

— Вы мнѣ совѣтуете продолжать мою скрытность?

— Не совѣтую, но думаю, что такъ будетъ лучше для васъ, для него и для вашихъ дѣтей, которыя, во всякомъ случаѣ, ваши дѣти.

— Да почему лучше? Значитъ, тянуть безконечно!

— Лучше потому, что при откровенности все было бы хуже, и безконечность, о которой вы говорите, сказалась бы еще печальнѣе того, о чемъ вы думаете.

— Моя душа очистилась бы страданіемъ.

Мнѣ казалось, что я вижу ея душу: это была душа живая, порывистая, но не изъ тѣхъ душъ, которыхъ очищаетъ страданіе. Потому я ничего не отвѣтилъ о ея душѣ и снова упомянулъ о дѣтяхъ.

Она заломила обѣ руки такъ, что пальцы ея хрустнули, и тихо поникла головой.

— И какой же будетъ конецъ этой моей эпопеѣ?

— Хорошій.

— На что̀ вы надѣетесь?

— На то, что человѣкъ, котораго вы любите, или, по вашимъ словамъ, не любите, а съ которымъ вы свыклись... станетъ вамъ день-ото-дня ненавистнѣе.

— Ахъ! онъ мнѣ и такъ ненавистенъ!

— Будетъ еще больше, и тогда..

— Я васъ понимаю.

— Я очень счастливъ.

— Вы хотите, чтобы я его бросила молча?

— Я думаю, что это былъ бы самый счастливый исходъ изъ вашего горя.

— Да, и потомъ...

— И потомъ вы... возвратите...

— Возвратить ничего невозможно.

— Виноватъ, я хотѣлъ сказать, вы удвоите вашу заботливость о вашемъ мужѣ и о вашей семьѣ; это дастъ вамъ силу не забыть, а сохранить прошлое и найти достаточно поводовъ жить для другихъ.

Она встала, — неожиданно встала, еще глубже опустила свою вуалетку, протянула мнѣ руку и сказала:

— Благодарю, я довольна тѣмъ, что послушала своего внутренняго чувства, которое сказало мнѣ придти къ вамъ, послѣ того, какъ меня взволновало ужасное впечатлѣніе похоронъ; я оттуда вернулась, какъ сумасшедшая, и какъ хорошо, что я не сдѣлала всего того, что хотѣла сдѣлать. Прощайте! — она подала мнѣ опять руку и крѣпко пожала мою, какъ бы съ тѣмъ, чтобы остановить меня на томъ мѣстѣ, гдѣ мы находились. Затѣмъ она поклонилась и вышла.

IV.

Повторяю, что лица этой женщины я не видѣлъ; по одному подбородку и подъ вуалью, какъ подъ маской, о ея лицѣ судить было трудно, но по фигурѣ ея у меня составилось понятіе о ея граціи, несмотря на ея плюшевое пальто и шляпку. Говорю, это была фигура изящная, легкая, необыкновенно живая и необыкновенно сильно врѣзавшаяся въ мою память.

До сихъ поръ я этой дамы никогда нигдѣ не встрѣчалъ, и по голосу ея думаю, что она не была мнѣ знакома. Говорила она своимъ непритворнымъ голосомъ, легкимъ, груднымъ контральто, очень пріятнымъ; манеры ея были изящны и можно было бы принять ее за женщину свѣтскаго круга, и еще вѣрнѣе, высшаго чиновничьяго круга, за жену директора или вице-директора департамента или въ этомъ родѣ; однимъ словомъ, эта дама была для меня незнакома и осталась незнакомою.

Послѣ похоронъ Достоевскаго и разсказаннаго мною событія прошло три года. Я зимой заболѣлъ и весною отправился на воды за границу; до вокзала желѣзной дороги меня сопровождалъ пріятель и одна моя родственница; мы ѣхали въ коляскѣ; съ нами были мои дорожныя вещи. Проѣзжая по одной изъ улицъ, прилегающихъ къ Нев-

кому проспекту, на одномъ изъ поворотовъ, у подъѣзда большого казеннаго дома, я увидалъ даму; мгновенно, не-смотря на мою близорукость, я призналъ въ ней мою не-знакомку. Я вовсе не былъ приготовленъ къ этому, вовсе о ней не думалъ, и потому поразительное сходство меня сильно удивило: у меня мелькнула глупая мысль встать, подойти къ ней, остановить, о чемъ-то спросить, но такъ какъ со мною были постороннія лица, то я, къ счастью моему, этого не сдѣлалъ, и воскликнулъ:

— Боже мой, это она! — и этимъ далъ моимъ спутни-камъ поводъ посмѣяться.

На самомъ дѣлѣ это была она: вотъ какъ это откры-лось. По обычаю всѣхъ русскихъ или большинства рус-скихъ, я выбралъ кружный путь: прежде всего заѣхалъ въ Парижъ и пилъ воды въ іюлѣ и затѣмъ только въ августѣ появился тамъ, гдѣ мнѣ слѣдовало быть въ іюнѣ: скоро я знакомился съ большинствомъ другихъ лѣчившихся рус-скихъ и всѣхъ почти зналъ, такъ что прибытіе всякаго новаго лица мнѣ было замѣтно.

И вотъ однажды, когда я сидѣлъ на скамейкѣ парка, по которому проходитъ дорога, ведущая къ вокзалу, я увидалъ коляску, въ которой помѣщались: мужчина въ свѣтломъ пальто и шляпѣ и дама въ вуали, а передъ ними сидѣлъ мальчикъ лѣтъ девяти.

И опять со мной случилось то же самое, что было при выѣздѣ изъ Петербурга.

— Боже мой, это она!

Дѣйствительно, это была она.

На другой же день въ ресторанѣ парка за кофейнымъ столикомъ, я увидалъ ея благообразнаго, на испитаго мужа и ея необыкновенно красиваго ребенка. Мальчикъ былъ нѣ-сколько цыганскаго типа, смуглый, съ черными локонами и съ большими совершенно голубыми глазами.

Я допустилъ себѣ маленькую наглость: подкупилъ гар-она, чтобы онъ устроилъ столикъ поближе къ дамѣ: я хо-тѣлъ разсмотрѣть ея лицо.

Она была хорошенькая, съ довольно пріятнымъ мягкимъ, но мало значительнымъ выраженіемъ: она меня, безъ со-мнѣнія, узнала, два или три раза она старалась повернуть-ся на своемъ стулѣ такъ, чтобы мнѣ неловко было раз-смотрѣть, но потомъ встала, остановилась возлѣ одной моей

знакомой дамы, поговорила съ нею, отошла въ сторону и возвратилась къ мужу.

Вечеромъ за послѣобѣденнымъ кофе на одномъ изъ сборныхъ концертовъ, моя знакомая дама, къ которой подходила новая гостья, сказала мнѣ, что она желаетъ меня представить г-жѣ Н., которая въ эту минуту мимо насъ проходила, и представленіе было сейчасъ же исполнено. Я сказалъ ей обыкновенную фразу, на которую она отвѣтила также обыкновенными словами, но въ этихъ словахъ, въ этомъ голосѣ, въ этой манерѣ я узналъ ее; это, несомнѣнно, была она, и она была настоль умна, что поняла, что я ее узналъ, рѣшила не скрываться и сдѣлаться знакомой; она могла разсчитывать на мою порядочность, на слова, которыя она мнѣ тогда говорила...

Съ тѣхъ поръ мы стали видѣться, и мы даже нѣсколько разъ дѣлали экскурсіи со знакомыми дамами и ея сыномъ. Мужъ ея какъ-то не любилъ поѣздокъ, у него болѣло колѣно, онъ прихрамывалъ и притомъ не могу разобрать, что съ нимъ происходило: не то онъ тяготился женой, не то даже желалъ быть свободенъ, приволокнуться за одною, или даже можетъ-быть не за одною изъ пріѣхавшихъ дамъ сомнительныхъ репутацій. Но при всѣхъ нашихъ встрѣчахъ и разговорахъ, она никогда не сказала и не намекнула, что у меня была или что мы когда-нибудь видѣлись раньше: только я прекрасно чувствовалъ, что она и я считаемъ за несомнѣнное, что мы другъ друга понимаемъ. И вдругъ среди этого положенія представился совершенно непредвидѣнный случай.

Въ одно прелестное время поутру она не явилась сопровождать мужа къ источнику: онъ былъ къ кофе одинъ и сказалъ, что ихъ Анатолій недомогаетъ, что мать не помнитъ себя отъ горя.

Въ 8 часовъ вечера мой портье сообщилъ мнѣ страшную новость, что въ отелѣ такомъ-то умеръ ребенокъ отъ дифтерита; это, конечно, былъ сынъ моей незнакомки.

Я не принадлежу къ числу людей слишкомъ осторожныхъ и потому тотчасъ же взялъ мою шляпу и отправился въ этотъ отель: мнѣ почему-то казалось, что мужъ ея слишкомъ безучастно къ этому относится; если этотъ дифтеритный ребенокъ есть ея сынъ, то можетъ-быть моя помощь или какое-нибудь участіе на что-нибудь пригодится.

Когда я вошелъ въ отель, гдѣ занимала она номеръ... никогда не забуду того, что я увидѣлъ. Тамъ было всего двѣ комнаты: въ первой, гдѣ была гостиная мебель, обитая красным плюшемъ, стояла моя незнакомка съ распущенными волосами, съ остолбенѣвшими глазами; она держала обѣ руки съ растопыренными пальцами, защищая собою диванчикъ, на которомъ лежало что-то покрытое бѣлой простыней; изъ-подъ этой простыни была видна одна небольшая синяя нога; это былъ онъ — мертвецъ Анатолій. У двери стояли два незнакомыхъ мнѣ человѣка въ сѣрыхъ пальто, передъ ними былъ ящикъ, не гробъ, а ящикъ въ родѣ большого свѣчного ящика въ аршина два глубиною, до половины налитый чѣмъ-то бѣлымъ, что мнѣ показалось сначала молокомъ, или крахмаломъ; спереди ихъ стоялъ полицейскій комиссаръ и бюргеръ съ какимъ-то значкомъ; они говорили громко; мужа дамы не было дома, она была одна, она только спорила, защищалась и, увидѣвъ меня, воскликнула:

— Боже мой! защитите, помогите! Они хотятъ взять ребенка, они не даютъ похоронить его; онъ умеръ сію минуту.

Я хотѣлъ заступиться, но это было совершенно безполезно, даже если бы у насъ была сила одолѣть четырехъ человѣкъ, которые безъ всякой церемоніи и довольно грубо бросили ее въ другую комнату и закрыли дверь, въ которую она напрасно съ страннымъ стономъ стучала кулаками. Въ это время взяли ребенка, который былъ такимъ цвѣтущимъ, опустили его въ растворъ извести, тотчасъ схватили ящикъ и быстро удалились.

V.

Въ небольшихъ купальныхъ мѣстахъ и городкахъ страшно не любятъ смертныхъ случаевъ. Содержатели отелей и меблированныхъ квартиръ всемѣрно избѣгаютъ такихъ жильцовъ, здоровье которыхъ заставляетъ опасаться скорой смерти.

Ни въ одномъ изъ этихъ городовъ не допускаютъ погребальныхъ процессій и, если случится покойникъ, то его скрываютъ отъ всѣхъ постороннихъ, вывозятъ по желѣзной дорогѣ рѣшительно безъ всякаго погребальнаго обряда.

Заразныя болѣзни съ смертельнымъ исходомъ случаются

очень рѣдко, и въ той мѣстности, гдѣ умеръ сынъ моей знакомой, это былъ первый случай, и вѣсть объ этомъ распространилась между публикой съ невѣроятной быстротою и произвела страшный испугъ, особенно между дамами. Мѣстные врачи, составляющіе въ такихъ городкахъ самое важное правящее сословіе, старались успокоить возбужденные умы и, превосходя въ этомъ усердіи другъ друга, перессорились и раздѣлились на два лагеря: одни, къ числу которыхъ принадлежали и пользовавшіе ребенка два консультанта, не отрицали, что причиною смерти ребенка былъ настоящій дифтеритъ, но что противъ заразы приняты были ими всѣ мѣры, что входили къ нему въ особомъ платьѣ и что, выходя, себя тщательно дезинфецировали; двое даже изъ нихъ обрились, чтобы доказать, какъ они серьезно относятся къ дѣлу. Другіе же, въ несравненно большемъ числѣ, говорили, что случай былъ довольно сомнительный, даже съ достаточными противуноказаніями, и обвиняли своихъ коллегъ въ неосторожномъ преувеличиваніи болѣзни мальчика, отъ чего произошелъ большой и напрасный переполохъ, нарушившій спокойствіе больныхъ и угрожающій болѣе всего экономическимъ интересамъ мѣстныхъ обывателей. Эта же вторая медицинская фракція неодобрительно отзывалась о представителяхъ городской власти, которые чрезвычайно грубо и рѣзко обошлись съ госпожею Н., у которой они вырвали ребенка съ разбойническимъ насиліемъ чуть-чуть не въ минуту смерти и утопили въ известкѣ, можетъ-быть ранѣе, чѣмъ у него угасли послѣднія искры жизни. Указаніемъ на эту грубость доктора хотѣли отвлечь вниманіе публики отъ себя и направить его на другихъ лицъ, поведеніе которыхъ въ самомъ дѣлѣ представляло большую рѣзкость; но это не удалось. Эгоизмъ человѣческій, въ минуту опасности, становится особенно отвратительнымъ, и въ публикѣ совсѣмъ не находилось людей, которые обнаружили бы достаточно вниманія къ положенію несчастной матери. Ужъ если дифтеритъ, такъ церемониться нечего, и чѣмъ власти поступили рѣшительнѣе и тверже, тѣмъ лучше. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, подвергать другихъ опасности! Интересовались только тѣмъ: куда былъ высланъ ящикъ съ опаснымъ покойникомъ? И свѣдѣнія на этотъ счетъ получились довольно успокоительныя. Ящикъ былъ отвезенъ въ черное болото,

изъ котораго прежде добывали лѣчебную грязь для ваннъ. Теперь въ это болото ящикъ былъ спущенъ и въ одной изъ его глубокихъ колдобинъ затопленъ, заваленъ камнями и снова еще разъ залитъ известкой. Рѣшительнѣе и аккуратнѣе распорядиться заразнымъ трупомъ, казалось, было невозможно; но затѣмъ началась расправа съ отелемъ, изъ котораго почти все населеніе разбѣжалось, и остались только бѣдняки, которые были не въ состояніи позволить себѣ такую роскошь, чтобы бросить оплаченную впередъ за мѣсяцъ квартиру. Надо было дезинфецировать весь отель или по крайней мѣрѣ тѣ аппартаменты, которые занимало семейство Н., и прилежащее къ нимъ по бокамъ помѣщеніе; надо было тоже дезинфецировать коридоръ, по которому бѣгалъ мальчикъ, и уголъ столовой, въ которой семейство Н. вмѣстѣ кушало. Все это представляло очень значительный денежный счетъ, если не ошибаюсь, свыше 300 гульденовъ, такъ какъ мягкую мебель трехъ аппартаментовъ признано необходимымъ сжечь всю до тла, въ остальныхъ же помѣщеніяхъ перемѣнить гардины, ковры и портьеры и замѣнить ихъ новыми. По этому поводу г-ну Н. были предъявлены со стороны содержателя отеля денежныя требованія, а представители города поддерживали права содержателя отеля, который, несмотря на требуемое вознагражденіе, все-таки останется въ убыткѣ отъ случившагося происшествія, такъ какъ въ отелѣ его множество помѣщеній будутъ пустовать весь сезонъ, и на будущее время хозяинъ рискуетъ потерять кліентуру у большаго числа посѣтителей, до которыхъ дойдетъ извѣстіе, что здѣсь былъ дифтеритный случай.

Этого рода претензіи были новы для посѣтителей, и всѣхъ занимало, какъ это дѣло кончится. Одни находили, что это требованіе придирчиво, другіе же находили его правильнымъ, хотя чрезмѣрнымъ: объ этомъ повсемѣстно говорили, и г-нъ Н. сталъ интереснымъ человѣкомъ. Но удивительно, что его не боялись. Къ нему подходили, такъ какъ извѣстно было, что онъ, какъ больной человѣкъ, вышелъ изъ своего номера тотчасъ же, какъ обнаружилась болѣзнь, и не возвращался туда до смерти сына. О женѣ его не спрашивали, и ея не было видно въ теченіе нѣсколькихъ дней. Думали, что она куда-то уѣхала или же нездорова. Самъ же г-нъ Н. представлялъ большой инте-

ресъ для людей, интересовавшихся иностранными порядками. Г-нъ Н. всякій день разсказывалъ, какія къ нему предъявляютъ требованія, и что онъ на эти требованія отвѣчаетъ. Онъ не отрицалъ, что хозяинъ отеля потерпѣлъ убытки и что смерть ребенка, дѣйствительно, въ этомъ случаѣ была причиной этихъ убытковъ, но отрицалъ право произвольнаго наложенія на него платежа и не хотѣлъ ничего заплатить безъ суда.

— Положимъ, — говорилъ онъ: — я и долженъ заплатить, но мнѣ это должно быть доказано не какимъ-нибудь комиссаромъ и тремя мѣщанами, а доказано формальнымъ судомъ, которому я могу подчиняться. И кромѣ того, что значитъ такой приговоръ: заплатить. Хорошо, если я имѣю чѣмъ заплатить. Пусть берутъ мой чемоданъ и ничего больше. Вотъ ежели бы на моемъ мѣстѣ былъ бѣднякъ, я полагаю съ нимъ нечего было бы и толковать.

И всѣ были заняты мозаикой этого вопроса, и около господина Н. постоянно собирались кружки, которые разсуждали о его правахъ и окружающихъ непріятностяхъ. Дѣло, однако, скоро уладилось какъ-то мирно: городъ не захотѣлъ доводить дѣло до настоящаго суда, такъ какъ при этомъ разговоръ о дифтеритномъ случаѣ сдѣлался бы еще болѣе извѣстнымъ, а порѣшили покончить дѣло мировой сдѣлкой, по которой г-нъ Н. долженъ былъ заплатить тотъ счетъ, который представятъ дезинфекціонные подрядчики. Тѣмъ бы дѣло и кончилось, но тогда вдругъ произошло новое событіе: г-жа Н., проведя 8 дней въ большомъ номерѣ отеля, каждый день ходила къ болоту, въ которое бросили ящикъ съ тѣломъ ея ребенка, и на девятый день изъ этого путешествія не возвратилась. Ее напрасно искали: никто не видѣлъ ея, ни въ лѣсу, ни въ паркѣ; она не заходила ни къ кому изъ своихъ знакомыхъ, не пила чаю ни въ одномъ ресторанѣ, а просто исчезла, и съ нею исчезли чугунныя гири, которыми мужъ ея дѣлалъ комнатную гимнастику. Ее напрасно искали три или четыре дня, и потомъ стали высказывать подозрѣніе, что она, вѣроятно, утонулась въ томъ же болотѣ, — что потомъ, говорятъ, и было доказано, но трупъ ея, поднявшійся будто къ поверхности, былъ снова засосанъ болотомъ. Такъ она и погибла.

Это было происшествіе очень замѣчательное по своему

трагизму, по той тишинѣ, съ какой все это произошло; исчезнувшая Н. не оставила ни записки, ни какого признака своего рѣшенія покончить съ собою. Г-нъ Н. возбуждалъ къ себѣ сочувствіе многихъ; самъ онъ держался очень скромно въ холодномъ и гордомъ молчаніи: онъ говорилъ: всего бы лучше мнѣ надо уѣхать; но не уѣзжалъ потому, что собственное здоровье его было очень слабо и требовало того, чтобы лѣчебный срокъ на этихъ водахъ былъ выдержанъ.

Мое знакомство съ нимъ плохо ладилось: мы очевидно были люди несроднаго характера. Несмотря на то, что я зналъ семейную тайну, которая должна бы заставить меня относиться къ нему съ сожалѣніемъ, онъ мнѣ казался далеко противнѣе своей жены, нанесшей ему супружеское оскорбленіе. Желать сближенія съ нимъ я не имѣлъ причины, но по непонятному для меня побужденію, вдругъ онъ удостоилъ меня вниманія, и въ разговорахъ, которые между нами завязывались, очень часто и очень охотно касался памяти своей покойной жены.

Оглавленіе

XX ТОМА.

стр.

Разсказы кстати:

Интересные мужчины. 3
Таинственныя предвѣстія 61
Александритъ 91
Загадочное происшествіе въ сумасшедшемъ домѣ . . . 105
Умершее сословіе. 119
Загонъ 132
По поводу Крейцеровой сонаты 165

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

РАЗСКАЗЫ КСТАТИ.

(Изъ литературныхъ воспоминаній).

ДАМА И ФЕФЁЛА.

«Ученикъ вопросилъ мудраго: не знаю, жениться мнѣ или нѣтъ?

«Мудрецъ ему отвѣтствовалъ: поступай какъ знаешь,—все равно будешь раскаиваться».

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Весною 1891 г. одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ писателей высказалъ нѣсколько смѣлыхъ мыслей о томъ, какія «подруги жизни» лучше для литератора,—образованныя или необразованныя. Разбиралось и то, какія удобства и неудобства представляются литератору въ сожительствѣ съ женщиною образованною, и что̀ онъ можетъ встрѣтить съ простою женщиной малаго развитія. Предложенные вопросы, можетъ-быть, и не серьезны, но они не лишены своего интереса. Къ сожалѣнію, возбудившій ихъ авторъ, почему-то, однако, не развилъ своихъ положеній и не доказалъ ихъ основательности. Въ другомъ бойкомъ органѣ ему возражали и смѣшно, и ехидно, но тоже не сказали ничего выясняющаго дѣло. Вѣрно это такъ и должно быть, «чтобы всегда оставалось сказать о женщинахъ нѣчто новое» (Boufflers). Я тоже не имѣю ни малѣйшей претензіи свести любопытный споръ къ какому-нибудь рѣшительному заключенію, но я хочу дать кстати подходящія иллюстраціи, которыя беру изъ моихъ воспоминаній о литераторской жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Незадолго передъ переходомъ *Отечественныхъ Записокъ* изъ рукъ Дудышкина и Краевскаго подъ редакцію Некрасова и Салтыкова, въ этомъ журналѣ работалъ одинъ писатель, котораго въ нынѣшнемъ случаѣ неудобно было бы называть по имени. Въ данномъ случаѣ его имя и не важно, такъ какъ интересъ представляетъ само положеніе лица и характеръ двухъ его подругъ, изъ которыхъ одна была «дама», а другая «фефёла». Дама была его «законная половина», а фефёла—его «беззаконница». Обѣ онѣ имѣли для упоминаемаго писателя очень серьезное значеніе во время его жизни и различно исполнили свое призваніе къ его потомству.

Я зазналъ этого человѣка въ 1865 году, когда Дудышкинъ напечаталъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* одну его статью, которая въ публикѣ многимъ понравилась и привлекла автору благорасположеніе обоихъ редакторовъ, т.-е. Ст. Сем. Дудышкина и А. А. Краевскаго. Писателю назначили плату по 80 рублей «за статью», и это его повело къ худу: онъ былъ совершенно счастливъ и до того увлекся литературнымъ успѣхомъ, что сталъ пренебрегать своими служебными обязанностями. Служба у него по его спеціальности была довольно сносная, и хотя она оплачивалась не щедро, а все-таки она обезпечивала его вѣрнѣе, чѣмъ литература. Но съ этихъ поръ онъ службою не дорожилъ, а занятіямъ литературою предавался съ неудержимою страстью. Къ деньгамъ вообще онъ былъ не только не жаденъ, но даже почти равнодушенъ, и въ употребленіи ихъ безразсчетливъ. Къ тому же, онъ былъ очень нетребователенъ и спартански простъ въ своихъ привычкахъ. Какъ ни ѣсть и гдѣ ни жить—это для него было все равно, лишь бы только у него не была отнята возможность высказывать то, о чемъ онъ думалъ и что признавалъ за нужное и полезное для общества. Каковъ бы онъ ни былъ по его значенію въ литературѣ, но по *характеру* это былъ настоящій литераторъ, которому, кромѣ того, что дѣлается въ литературѣ, все трынъ-трава. И его нельзя было ни отманить, ни отбить отъ литературы, хотя бы ему при ней пришлось умереть съ голода. Такіе люди тогда между писателями встрѣчались не въ рѣдкость: нѣкоторые изъ

нихъ такъ вѣрили въ высокое значеніе своего литературнаго призванія, что не считали за важное потерпѣть ради идеи не только лишенія, но даже и муки... Вдобавокъ къ этому настроенію писателя, его осѣнило еще другое искушеніе, къ нему начали писать сочувственныя письма разныя незнакомки, и женскія письма расшевелили въ немъ влюбчивость и фантазіи. Словомъ, успѣхъ совсѣмъ вскружилъ ему голову, а дамскія письма даже начали портить его характеръ и мѣшали ему исполнять всѣ его обязанности,—служебныя, литературныя и супружескія, такъ какъ писатель, на его несчастіе, тогда уже былъ женатъ, и супруга у него была съ характеромъ. Женился онъ, кажется, еще студентомъ и, во всякомъ случаѣ, гораздо ранѣе, чѣмъ прославился въ писательствѣ, а поставилъ онъ себя дома такъ неудачно, что жена считала себя очень умною, а его называла «глупымъ» и никакъ не хотѣла вѣрить тому, что онъ можетъ «сочинить» что-нибудь стоящее вниманія. Это его сердило и оскорбляло, и онъ старался измѣнить въ женѣ такой неблагопріятный для него взглядъ, но достичь этого не могъ. Болѣе всего женѣ писателя казалось невѣроятнымъ, что онъ можетъ что-нибудь понимать о супружескихъ обязанностяхъ, а вниманіе постороннихъ дамъ къ ея мужу ее раздражало и довело ее до такой ярости, что она отъ оскорбленій на словахъ перешла къ обиднымъ дѣйствіямъ и явилась къ А. А. Краевскому возвѣстить ему свою побѣду и выразить журналу порицаніе за то, что черезъ его посредство у ея мужа «начались шашни съ дамами».

А. А. Краевскій выслушалъ ее, помычалъ и направилъ ее къ Дудышкину, но самъ встревожился, пробурчалъ нѣсколько разъ «Богъ съ ней» и распорядился, чтобъ ее къ нему впередъ не пускали.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Писатель былъ человѣкъ лѣтъ тридцати или тридцати двухъ, бѣлокурый, маленькаго роста, очень слабый и нервный, съ небольшими голубыми глазками и вихрястою шевелюрой. Нравъ онъ имѣлъ добрый, но мелочный, раздражительный и, что называется, «пѣтушливый». Бракосочетался онъ «по состраданію». Тогда такія благородныя вещи тоже были въ модѣ и на нихъ очень многіе попались.

Пріятель мой былъ изъ числа этихъ счастливцевъ и очень горько расплачивался за свое великодушіе. Супруга его имѣла надъ нимъ самыя разностороннія преимущества: по ея словамъ, она была старше его только на пять лѣтъ, но по виду надо было думать, что разница была гораздо серьезнѣе, а притомъ она была крѣпкая, сильная, очень предпріимчивая и обладала счастливѣйшимъ женскимъ талантомъ—не бояться никакихъ скандаловъ. Обладая такими боевыми свойствами, дама, притомъ, была также чрезвычайно неутомима какъ въ натискѣ, такъ и въ преслѣдованіи. Мужъ съ женою едва ли не съ первыхъ же дней брака не поладили, и съ тѣхъ поръ они постоянно жили очень дурно, а по переѣздѣ ихъ въ Петербургъ жена постаралась устроить такъ, что это скоро сдѣлалось извѣстно всѣмъ въ редакціи. Пріемъ, для этого употреблявшійся, былъ простой: дама, съ виду очень образованная, сама приходила въ редакцію или въ контору и жаловалась на мужа всѣмъ: Дудышкину, Краевскому и т. д. до конторщика Боголюбова, который выдавалъ деньги. Дама дѣлала это не только безъ малѣйшей застѣнчивости, но и безъ всякой нужды, просто какъ бы по влеченію души. Впрочемъ, можетъ-быть, она имѣла какую-нибудь цѣль понизить акціи своего мужа, представляя его смѣшнымъ и пошлымъ. Скромность она не уважала и безъ всякаго стыда разсказывала самыя ужасныя вещи о томъ, какъ грубо и безцеремонно она обращается съ мужемъ.

— Онъ хочетъ меня остановить жалкими словами,—говорила она.—Mais c'est drôle! Какъ же онъ можетъ на это надѣяться, когда я ему уже давно сказала, что я никакого скандала не боюсь? Je sais ce que j'ai faire!

Она, однакоже, скоро всѣмъ надоѣла, и Дудышкинъ пересталъ ее принимать, такъ же какъ и Краевскій; но въ контору она еще являлась и срамила мужа какъ только находила возможнымъ. Ей, конечно, не вѣрили, но, однако, все-таки она повредила мужу ужъ однимъ тѣмъ, что сдѣлала его смѣшнымъ. Вдобавокъ, она вооружила противъ него Краевскаго, котораго она подстерегла разъ на его пути отъ дома къ Гимнастическому павильону и засыпала его претензіями, а когда онъ сталъ отъ нея убѣгать, повторяя: «Ей-Богу, ей-Богу, я боленъ и ничего не могу!»— она, не получивъ отъ него желаемаго сочувствія сказала

ему вслухъ: «Quel vieux idiot!»—и бросилась въ открытыя двери Симеоновской церкви, закричавъ съ крыльца, что «проклянетъ его передъ образомъ». Краевскій, впрочемъ, на нее не сердился и не обробѣлъ отъ проклятія, а говорилъ вечеромъ: «Бабы! я ихъ знаю!» И онъ, кажется, дѣйствительно «зналъ бабъ», и потому въ редакціи дѣло писателя облаживалось хорошо, но не такъ это выходило въ очахъ служебнаго начальства, къ которому предпріимчивая супруга тоже являлась и говорила тамъ, что ея «pique-assiettes» не вѣритъ въ Бога и непочтительно говоритъ о такихъ и такихъ особахъ, чего-де она, какъ институтка, не можетъ сносить, и «доведетъ до свѣдѣнія», потому что у нея есть дитя, которое надо воспитывать въ добрыхъ правилахъ.

— Да! Je ne suis pas seul!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Чего хотѣла достичь эта супруга, того она, кажется, и сама не знала. Опредѣленно, она стремилась только «получать его жалованье». Это она заимствовала гдѣ-то у женъ фабричныхъ рабочихъ, у которыхъ мужья пропиваютъ заработки. Хорошій примѣръ понравился ей: тогда любили «народное». Правда, ея мужъ не пропивалъ заработка, ну, а все-таки...

— Je ne suis pas seul! Сдѣлайте милость!

Краевскій приказалъ:

— Отдайте, отдайте!

Онъ зналъ женщинъ.

Мужъ какъ услыхалъ объ этихъ извѣтахъ, такъ и заболѣлъ; больной онъ остался совершенно безпомощенъ при своей безпощадной тиранкѣ. Мы жили тогда неподалеку другъ отъ друга у Таврическаго сада, гдѣ я живу тридцать лѣтъ, и я два раза навѣстилъ больного и видѣлъ его въ ужасной обстановкѣ: разъ я засталъ его въ комнатѣ, напитанной самымъ невыносимымъ зловоніемъ, а въ другой разъ въ комнатѣ было открыто окно и на больного страшно дуло.

Я спросилъ его, для чего открыто окно въ такой холодный день?

А онъ покачалъ головою и отвѣчалъ мнѣ:

— Ахъ, знаете, я боюсь отгадать, что для того, чтобъ я скорѣе умеръ!

Я всталъ и закрылъ окно, а какъ это произвело соотвѣтственный звукъ, который былъ слышенъ за стѣною, то оттуда изъ другой комнаты послышался гадкій сдержанный смѣхъ. Затѣмъ я ушелъ, а больной вскорѣ поправился и, какъ ни въ чемъ не бывало, пришелъ на редакціонный вечеръ, который мнѣ остался памятнымъ по дебатированнымъ тогда роковымъ вопросамъ о русскомъ искусствѣ. Это было вскорѣ послѣ достопамятной лекціи, прочитанной въ бывшемъ художественномъ клубѣ г-жею Якоби, которая тогда только-что возвратилась въ отечество и много сообщала о гарибальдійскомъ движеніи, въ которомъ она принимала живое участіе и пользовалась пріязнью итальянскаго героя. Теперь, когда послѣ этого прошло около тридцати пяти лѣтъ, очень трудно передать то оживленіе и симпатіи, которыя вызвала эта лекція, произнесенная женщиной, о которой тогда говорили очень много интереснаго. Художники не только аплодировали г-жѣ Якоби, какъ дамѣ, но и выражали настоящее удовольствіе по поводу ея сужденій о художественныхъ вопросахъ. Тогда помощи для русскаго искусства искали повсюду и говорили то о профессорѣ Якоби, то о Микѣшинѣ, которые тогда были въ модѣ и навѣрняка могли «спасти русское искусство», а заурядъ вспоминали и Петра Соколова, и Зичи, и Сверчкова, и Клевера. И, несмотря на то, что всѣ эти уважаемыя лица были наносны однимъ духомъ художниковъ Александра и Дмитрія, о которыхъ упоминается въ книгѣ «Дѣяній Апостольскихъ», тогда, однако, находились удивительные люди, которые умѣли что-то различать въ нихъ. Но нашлись, впрочемъ, и такіе, которымъ лекція г-жи Якоби не понравилась,—не нравилась она и нашему писателю, которому было противно видѣть вызванное ею возбужденіе, и онъ захотѣлъ подвергнуть и лекцію, и восторгъ слушателей критикѣ. Статья о лекціи въ Троицкомъ переулкѣ должна была явиться въ той книжкѣ, которая уже набиралась, но она не явилась вовсе, и авторъ ея едва уцѣлѣлъ.

Въ семействѣ критика произошли ужасныя событія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Черезъ два или три дня послѣ лекціи, поздно вечеромъ, когда въ Таврическомъ саду свистали соловьи и у частокола, ограждавшаго садъ, стояли въ молчаніи и слушали

пѣвцовъ нѣсколько любителей соловьинаго пѣнія, я увидалъ здѣсь воспоминаемаго литератора. Онъ былъ чрезвычайно унылъ и, вдобавокъ, все его изнеможенное болѣзнью лицо было исцарапано и испачкано, а платье его было въ сору и въ пуху: очевидно, онъ былъ въ большой передѣлкѣ.

Я его тогда все-таки еще мало зналъ и заподозрилъ, не выпивши ли онъ, но это было напрасно. Жалостливый видъ, въ которомъ онъ слушалъ соловьевъ у частокола, былъ результатомъ того, что онъ въ это время особенно сильно пострадалъ за свое пристрастіе къ литературнымъ занятіямъ, и, притомъ, все въ этотъ разъ имъ написанное *было уничтожено*, а именно, статья о лекціи въ Троицкомъ переулкѣ была изорвана супругою писателя въ клочки, а самъ онъ оцарапанъ, облитъ чернилами, отлученъ отъ домашняго очага и изгнанъ изъ дома съ отобраніемъ отъ него часовъ и денегъ. Затѣмъ жена пригрозила ему, что она поѣдетъ къ институтскому начальству и разскажетъ, какія у ея мужа дурныя понятія о самыхъ священныхъ предметахъ... А ужъ затѣмъ, разумѣется, «ему покажутъ!»

Я пригласилъ его къ себѣ переночевать, и онъ это принялъ, такъ какъ ему рѣшительно нельзя было иначе устроиться. Онъ прозябъ и былъ голоденъ, и потому съ аппетитомъ кушалъ мой чай съ булками и при этомъ разсказалъ мнѣ длинную исторію своихъ многостороннихъ страданій отъ жены, и въ этотъ разъ онъ сообщилъ мнѣ и нѣкоторыя подробности о ея происхожденіи: она была дворянка изъ южнаго края и окончила курсъ въ одномъ изъ институтовъ, потомъ поссорилась съ матерью и жила въ Швейцаріи и чему-то училась; послѣ была гувернанткою, потомъ переводчицею и актрисою,—нигдѣ не прижилась. На несчастіе моего товарища, она показалась ему очень несчастною, и онъ на ней женился, а она потомъ въ минуту нѣжности призналась ему, что «хотѣла въ его лицѣ отмстить всѣмъ мужчинамъ за угнетеніе женщинъ». А въ доказательство того, что это было серьезно, она немедленно же начала исполнять свою программу съ такою послѣдовательностью, что у бѣдняка отшибло память на очень важные случаи ихъ семейной жизни. Она его такъ огорошила, что онъ все позабылъ и пренаивно говорилъ о своемъ ребенкѣ:

— Знаете, откуда онъ у насъ взялся,—я этого, право, даже не могу себѣ представить.

Но возвратимся къ порядку событій.

Пострадавшій въ эту пору былъ очень разстроенъ и не хотѣлъ возвращаться къ своей мучительницѣ, а собирался жить отъ нея особо. Я по его просьбѣ ходилъ на слѣдующій день къ его женѣ для переговоровъ, не согласится ли она облегчить ему его домашнее положеніе, или не признаетъ ли за лучшее отпустить его на свободу за посильное вознагражденіе? Въ особѣ этой я увидѣлъ женщину очень некрасивую и пожилую, но смѣлую и бойкую и, безъ сомнѣнія, способную на большія нахальства. Въ пріемахъ у нея оставался какой-то слѣдъ «гостинности», но перемѣшанный съ самою рѣзкою вульгарностью или, лучше сказать, хамствомъ. Художникъ могъ бы взять ее за модель для изображенія русской ассамблейной боярыни, которую культивируетъ императоръ Петръ Первый и съ образовательною цѣлью напоилъ вполньяна и пустилъ срамословить. Кое-какъ, хоть клочками, я припоминаю нашу бесѣду.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Дама встрѣтила меня очень веселая, безъ малѣйшей застѣнчивости, и сама заговорила со мной, пересыпая русскія слова французскими:

— Пожалуйста, пожалуйста! Dieu vous bénisse: я очень рада примиритель. Вы вѣдь пришли насъ мирить? Садитесь, но помирить со мною кого бы то ни было очень трудно: я не изъ добрыхъ и особенно — извините! — я не люблю мужчинъ.

И, заявивъ о своей ненависти къ мужчинамъ, она сейчасъ же упомянула и о томъ, что «передъ нею за всѣхъ за нихъ отвѣчаетъ ея мужъ». Она весело расхохоталась и затѣмъ все время потѣшалась надъ своимъ мужемъ, разсказывая о немъ дрянной и неприличный вздоръ, послѣ чего тотчасъ же начинала злословить дамъ, писавшихъ ему литературныя письма, и называла ихъ именами своего изобрѣтенія, какъ-то: «маркиза Дешкурансъ», «баронесса Шлюхманъ» и леди «Кис-ме-квикъ», да двѣ русскія помѣщицы «Обнимайкина» и «Цѣловалкина», которыхъ она «всѣхъ презирала», а сводила она все это къ тому, что «всѣ онѣ дуры, и мужъ ея смѣшонъ и рѣшительно ни на что не годенъ, особливо vis-à-vis d'une femme». Для нея это, впрочемъ, tant mieux, потому что у нея другая натура

и она находитъ, что женщина должна быть выше природы, потому что «природа—свинья».

— Кто любитъ свинство, тотъ и можетъ признавать надъ собою власть природы, но для меня все это противно. Вы понимаете?

Я не понималъ и она поясняла:

— Всѣ эти взгляды, и мины, и вздохи, и положенія... словомъ, все это, и прочее, что воспѣваютъ поэты,—это отвратъ, все это c'est archibête!

Поэтому я надѣялся, что она довольно легко согласится разъѣхаться со своимъ супругомъ; но она, однако, требовала, чтобъ ей за это дать какъ можно больше денегъ.

— Потому что у меня есть дитя. Вы понимаете? Je ne suis pas seul!

Мы поторговались, и она согласилась «получить» и *послѣ того,* не иначе, она поѣдетъ на югъ.—на милый, теплый югъ съ этого противнаго, холоднаго сѣвера.

— Le diable! я даже давно этого хотѣла и теперь очень этому рада.

Казалось, все было улажено, и дама даже сказала мнѣ: «le bon Dieu vous bénisse», и сейчасъ же перемѣнилась: окончивъ дѣловой разговоръ, она призвала своего двухлѣтняго сына, много разъ его повернула передо мною и начала его снаряжать на прогулку.

Тутъ я могъ его разглядѣть: это былъ болѣзненный, рахитическій мальчикъ, съ большими, почти безцвѣтными глазами, въ которыхъ выражался постоянный испугъ, возбуждавшій къ нему сожалѣніе. Его держала на рукахъ свѣжая, бѣлолиценькая и румяная дѣвушка, лѣтъ восемнадцати, съ очень большими, какъ-будто даже непропорціонально большими сѣрыми глазами и пристальнымъ и добрымъ, но очень твердымъ взглядомъ (я описываю эту молодую «фефёлу» потому, что она не пройдетъ передъ нами мелькомъ, а у нея есть роль въ моемъ воспоминаніи). Дѣвушка, вѣроятно, недавно пришла изъ села и была очень застѣнчива, а дама находила удовольствіе смущать ея стыдливость. Она подсмѣивалась надъ ея свѣжестью и при мнѣ нашла случай назвать ее нѣсколько разъ то «орлеанскою дѣвственницей», то деревенскою «фефёлой», при чемъ дама такъ разрѣзвилась, что повернула дѣвушку передъ собою

и стала ее рекомендовать тономъ французскаго панорамщика:

— Voilà Jeanne Darc, surnomée la Pucelle d'Orleans, héroïne. Extrêmement pieuse, il lui semblait entendre des voix, qui lui ordonnaient d'aller sauver... son maître.—Дама разсмѣялась и продолжала:—Безъ шутокъ, безъ шутокъ, эта дѣвица очень одухотворена и она видитъ вѣщіе сны... да, да, да! И она часто плачетъ и даже иногда рыдаетъ во снѣ... о моемъ супругѣ, а я ее бужу и посылаю на вѣтеръ... C'est bien comique! Потомъ я высылаю туда же этого дурака, которому данъ дивный даръ трогать и располагать къ себѣ сердца дуръ, изъ коихъ вотъ первая... La voilà, фефёла и Pucelle!

Названіе, выраженное по-французски, очевидно, очень обижало дѣвушку, и она, зардѣвшись, какъ вишня на солнцѣ, сказала:

— Фефёла я—это точно, я простая дѣвушка и никакихъ примѣровъ не получила, а что другое вы меня называете, то это я совсѣмъ не понимаю.

Дама расхохоталась и передразнила:

— «Примѣровъ не получи-ла», такъ иди съ Богомъ.

И, перекрестивъ нѣсколько разъ своего ребенка, сидѣвшаго на лѣвой рукѣ дѣвушки, дама подала ей въ правую руку дождевой зонтикъ и пропѣла:

«Voici qu'à bien tourne la guerre
Quand Pucelle porte bannière!»

Затѣмъ она взяла дѣвушку за плечи, повернула и, воскликнувъ: «Peste!»—выставила ее за дверь.

Дѣвушка эта на видъ была ни хороша, ни дурна и не казалась ни умною, ни глупою, а какова она была на самомъ дѣлѣ, это увидимъ ниже.

Звали ее Прашею.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Супруги «разъѣхались». Совершилось это почти такъ, какъ часто дѣлается, т. е. «не безъ непріятностевъ»,—ни смиренство мужа, ни французскіе ритурнели жены не устранили ссоры, и при самомъ послѣднемъ «adieu» дѣло не обошлось безъ участія «народныхъ представителей» въ лицѣ двухъ дворниковъ, которые при этомъ обнаружили непосредственное народное міросозерцаніе. «Непріятность» под-

нялась-было изъ-за маленькой книжной этажерки, которую тянули въ двѣ противоположныя стороны до тѣхъ поръ, пока она съ трескомъ распалась на свои составныя части, и тогда тѣ части, которыя остались въ рукахъ дамы, полетѣли въ лицо мужу.

Одинъ изъ народныхъ представителей былъ противъ этого и говорилъ, что «не надо шкандалить, а надо разойтись чинно и благородно»; но другой, напротивъ, находилъ, что это такъ и слѣдуетъ, и сказалъ: «Если не ссориться, такъ тогда зачѣмъ и расходиться?» Мнѣ это показалось оригинально, и я послѣ побесѣдовалъ съ этимъ мыслителемъ, по выводамъ котораго «въ развратъ идти» (т. е. разлучаться) можно только «до того поругамишись, когда уже терпѣть нельзя. Тогда и разводись. И тогда— поскандалить очень пріятно, потому что впередъ лучше и знаться не захочешь».

Это разсужденіе осталось у меня въ памяти, и я не разъ въ жизни видѣлъ, что въ немъ есть основательность.

Но, какъ бы то ни было, супруги разлучились такимъ образомъ, что взволнованный и огорченный мужъ прошипѣлъ на порогѣ:

— Желаю вамъ всего лучшаго!

А жена ему отвѣтила:

— Diable t'emporte—и заперла за нимъ дверь.

Ребенокъ остался при матери и съ ними же осталась и Праша. Съ недѣлю ее всякій день можно было встрѣчать въ Таврическомъ саду, гдѣ она возила въ колясочкѣ писательское дитя. Она хорошо берегла ребенка и очень сожалительно говорила объ изгнанномъ хозяинѣ.

— Очень простой и смирнòй, добрый баринъ!—говорила она и сама краснѣла, задумывалась и однажды даже заплакала.

— Вотъ это хорошо, что вы такая добрая дѣвушка,—сказалъ я.—Хорошо, что вы жалѣете человѣка. Но, впрочемъ, надо жалѣть и барыню. У нея какой-то несчастный характеръ.

— Ахъ, это точно, что жалѣть надо всякаго, но она смѣлищая, а онъ ужасно какой смирнòй. Ему и на волѣ тоже мало будетъ хорошаго.

И вскорѣ послѣ этого такой пассажъ, что съ дѣтскою

колясочкой въ Таврическомъ саду появилась сама мать, съ зонтикомъ и съ книгой въ рукахъ, а Праши уже не было.

Что у нихъ случилось?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Помню сѣрый, холодноватый день. Мать сидитъ и держитъ въ рукѣ волюмчикъ Таухницскаго изданія. Но чтеніе, повидимому, плохо ее занимаетъ: она роняетъ книгу и опять ее поднимаетъ, кладетъ ее на колѣни и хочетъ рѣзать листы головною шпилькой, но листы рвутся, и книга падаетъ. Она хочетъ ее поймать и попадаетъ себѣ въ лицо зонтикомъ, который держитъ въ рукѣ, вмѣсто того, чтобы положить его возлѣ себя и сдѣлать что нужно обѣими руками. Ребенку наскучило смотрѣть на это неуклюжество, и онъ сталъ плакать. Тогда дама бросила книгу и стала поправлять дитя, но у нея ничего не выходило. Она нагнулась пребезобразно надъ коляской ребенка и оцарапала ему булавкой лицо; онъ заревѣлъ. Она ему погрозила, потомъ выхватила его и перевернула, опустивъ его внизъ головою, и, разсердясь на себя, прибила его рукой справа и слѣва. Ребенокъ вытянулся и зашелся въ рыданіяхъ. Двѣ близко сидѣвшія дамы, въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ, замѣтили матери, что ребенокъ испугался и что отъ этого можетъ случиться припадокъ. Она отвѣчала имъ, что это «не ихъ дѣло», что она «сама мать», и, быстро вставъ съ мѣста, она повезла колясочку къ выходу изъ сада, но на виду у всѣхъ попала въ колесо зонтикомъ и за одинъ пріемъ переломила въ зонтикѣ ручку и опрокинула коляску. Это ее такъ взбѣсило, что она бросила и коляску, и ребенка, и со всѣхъ ногъ упала ницъ въ траву куртины и истерически зарыдала.

Дитя, видя безуміе матери, стихло.

Нѣсколько дамъ кинулись къ ней, чтобъ ей помогать, но она на нихъ напесла ужасъ своими судорогами, и дамы отступились.

Пришли садовый сторожъ и солдатъ и стали ее поднимать; но она вскрикнула: «Peste!»—и ударила ихъ обоихъ по рукамъ обломкомъ зонтика, а потомъ встала сама, посадила дитя и повезла сбоченившуюся коляску, не обращая ни малѣйшаго вниманія на ребенка, который, теперь, однако, молчалъ, какъ-будто онъ понялъ, что его дѣло не шутка.

Произошло вотъ что: Праша узнала, что ея «смирный» и «простой» баринъ заболѣлъ и валяется безъ присмотра и безъ помощи, такъ что и «воды подать некому». Внутренній жаръ и истома недуга ей были знакомы, и она знала, что тутъ нужна помощь. Больше ей соображать было нечего, и она сейчасъ же бросила ребенка матери на руки и ушла служить больному. Какъ простолюдинка, она начала съ того, что она его «убрала», т. е. освѣжила его постель, вытерла самого его водой съ уксусомъ, обласкала утѣшительными словами и сварила ему бульонъ, а потомъ, когда онъ «пошелъ на поправку», онъ ощутилъ близость ея женственнаго присутствія и отблагодарилъ ее своимъ мужскимъ вниманіемъ. Это вѣдь такъ обыкновенно... Но, можетъ-быть, это ему надо поставить въ вину, особенно если онъ не придавалъ этому серьезнаго значенія; но *она*... она «вся ему предалась» и ни о чемъ болѣе вовсе и не разсуждала.

— Я,—разсказывала она:—только и хотѣла, чтобъ онъ зналъ, что онъ теперь не одинъ, а у него есть *раба*.

Такое сердце и такія понятія!

Но не пренебрегите пока этимъ рабскимъ сердцемъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Изъ своихъ новыхъ отношеній къ «господину» Праша не дѣлала никакого секрета, но и не бравировала ими, что со стороны «фефёлы»—рѣдкость. Все въ домѣ у нихъ шло такъ тихо и благопристойно, какъ будто связи и не существуетъ. Пріятельскому кружку, однако, скоро стало извѣстно, что между ними установилась любовь. Узнала это и его жена, и оттого-то она и каталась по травѣ, оттого у нея все падало изъ рукъ и ломалось. И какъ она его ни порицала, «особенно vis-à-vis d'une femme», но измѣны она ни мужу, ни Прашѣ не подарила и вызывала ихъ обоихъ къ мировому, гдѣ былъ какой-то инцидентъ съ истерикой, и потомъ все успокоилось. Супруга взяла еще, что могла, съ оброчнаго мужа и сникла съ нашихъ глазъ, а у Праши къ году родился ребенокъ, котораго она сама кормила, а при этомъ, конечно, все мыла, шила и варила. Жили они на очень маленькія средства, и Праша тряслась за всякій грошъ, чтобы было изъ чего жить и «*посылать барыню*». Скучать ей было некогда, а если ей случалось оставаться одной и поджидать поздно ночью своего господина, то она

чувствовала «жуть» и тоже нашла чѣмъ себѣ помочь въ этомъ горѣ: она брала изъ пачки писательскихъ фотографій карточку Александра Дюма съ его страшно кучерявою шевелюрой и начинала ее разсматривать: «тогда ей тотчасъ же становилось смѣшно» и жуткость проходила.

Съ переходомъ *Отечественныхъ Записокъ* къ Некрасову писатель остался безъ работы, и у нихъ было худо; но потомъ онъ скоро былъ приглашенъ во *Всемірный Трудъ* къ доктору Хану, гдѣ работы было много, и дѣла поправились. Праша близко въ это вникала и отлично поняла, что̀ нужно человѣку при «спѣшкѣ». Она ему все приспособила для занятій въ ихъ маленькой квартиркѣ, состоявшей всего изъ двухъ крошечныхъ комнатокъ въ надворномъ деревянномъ флигелѣ.

Она сдѣлала все, что̀ позволяла ей возможность, а онъ былъ такъ не избалованъ и такъ не требователенъ, что не желалъ бо̀льшаго.

— Чего же-съ мнѣ еще надобно?—говорилъ онъ, чрезвычайно довольный своимъ положеніемъ.—Я теперь могу работать спокойно и дни, и ночи: мнѣ никто не мѣшаетъ, и я докажу, что̀ значитъ эстетика!

У него «былъ задуманъ рядъ статей», но онѣ написаны не были. Не прошло полугода послѣ этого, какъ Гр. П. Данилевскій навѣстилъ его и нашелъ «заработавшимся до безчувствія». Данилевскій уговорилъ его немножко прогуляться,—провезъ его въ коляскѣ по островамъ, угостилъ на воздухѣ ужиномъ и отвезъ домой, сдавъ на руки ожидавшей его Прашѣ. Данилевскій былъ пораженъ худобою и усталымъ видомъ писателя и тѣмъ, что онъ какъ будто не замѣчалъ ничего окружающаго и могъ говорить только о рядѣ задуманныхъ имъ статей. Прашѣ сказали, чтобы она его непремѣнно выпроваживала гулять, и она объ этомъ очень заботилась: звала его «въ садъ, смотрѣть звѣрушекъ», которыхъ ей будто очень хочется видѣть, но онъ не слушался и даже сердился. Зимой, продолжая такой же «безотходительный» образъ жизни, онъ ослабѣлъ, закашлялъ и расхворался, а великимъ постомъ умеръ. Праша испытала неожиданный ужасъ: она оставалась одна, съ ребенкомъ и безъ всякихъ средствъ. «Законная вдова» усопшаго сближала случай смерти мужа съ тѣмъ, что Данилевскій передъ этимъ угостилъ его ужиномъ, и добивалась узнать, какъ

онъ возвратился домой: «sur les deux pattes ou sur toutes les quatre?»—и въ то же время она вступила во всѣ свои законныя права и получила все, что̀ могло быть усвоено ей и ея законному ребенку. А «беззаконницѣ» Прашѣ и ея ребенку не досталось *ничего*. Власть, обезпечивавшая имущество покойнаго, т. е. его дрянную мебелишку и черняки недописанныхъ статей, опечатала помѣщеніе, гдѣ жилъ литераторъ, а Прашу, какъ прислугу, «вывели» и никому до нея не было никакого дѣла. О бѣдной Прашѣ рѣшительно никто не подумалъ; но она и въ изгнаніи не оробѣла, а провожала гробъ и показалась у могилы съ твердымъ видомъ.

Такъ, пусть мертвые хоронятъ своихъ мертвецовъ: мать, имѣющая дитя, *должна жить*... и она должна хорошо жить, *честно*!

Посмотримъ, какъ она это выполнитъ?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

На другой же день послѣ похоронъ литератора Праша пришла ко мнѣ, съ ребенкомъ на рукахъ, и сказала:

— Не обижайтесь на меня, что я съ ребенкомъ пришла. Не на кого его оставить. Посовѣтуйте: какъ мнѣ быть?

Она меня сконфузила: я видѣлъ, что мы не сдѣлали послѣ смерти товарища самаго важнаго дѣла: мы не подумали объ этой женщинѣ и объ ея ребенкѣ, и къ этой оплошности я прибавилъ другую, еще худшую и даже достойную строгаго осужденія: я заговорилъ о томъ, чтобъ отдать ребенка, а Праша, которая стояла передо мною, отъ этого такъ страшно поблѣднѣла, что я упросилъ ее сѣсть, и тогда она сейчасъ же заговорила:

— Отдать дитя навсегда... ни за что!.. Словъ нѣтъ, я сама виновата,—ну, все же я могу о немъ и обдумать. Въ этомъ домѣ, гдѣ я вчера уголъ взяла, и мы тамъ ночевали, тамъ бабы живутъ и ходятъ шить мѣшки. И я могу шить мѣшки, но его туда съ собой нельзя брать.

Она прижала къ себѣ ребенка и залилась слезами.

У меня въ тогдашнее время не было никакихъ запасовъ, которыми я могъ бы подѣлиться, и все, что̀ я могъ дать бѣдной Прашѣ, это было пять рублей. Я просилъ ее взять это пособіе и идти пожить на квартирѣ два-три дня, пока я испробую, нѣтъ ли возможности устроить для нея съ ре-

бенкомъ какую-нибудь новую складчину. Она, не ломаясь, взяла деньги, шопотомъ сказала:

— Благодарю васъ, постарайтесь!—и ушла.

Но стараться тогда было мудрено, и многаго въ нашемъ положеніи сдѣлать было невозможно. Тогда еще не было такихъ хорошихъ литературныхъ заработковъ, какими нынче похваляются нынѣшніе молодые писатели, между которыми есть уже и капиталисты, и даже сибариты. Мы тогда работали очень много и очень старательно, но получали мы мало, а часто и вовсе ничего не получали. Сами бѣдняки, мы нерѣдко сотрудничали «изъ чести» у очень необезпеченныхъ издателей, которымъ, однако, мы считали за обязанность помогать «по сочувствію къ хорошему направленію». Нѣкоторые изъ этихъ благородныхъ предпринимателей скоро сообразили, что изъ наивнаго настроенія искреннихъ писателей можно извлечь выгоды, и они этимъ воспользовались (кто хочетъ лучше съ этимъ познакомиться, пусть прочтетъ переписку Д. И. Писарева съ Г. Е. Благосвѣтловымъ).

Гончаровъ называлъ это время «грубымъ періодомъ въ литературѣ». Оно и дѣйствительно было грубовато и очень несправедливо; но тогда въ литературной средѣ встрѣчались характеры до такой степени цѣльные и строго относившіеся къ призванію писателя, что теперь даже не вѣрится, вправду ли это было, а если было, то отчего же это такъ скоро прошло? А это было! Люди бѣдствовали при своихъ ничтожнѣйшихъ заработкахъ, которыхъ, притомъ, еще часто нельзя было получить изъ тощихъ кассъ редакцій, и частенько эти люди другъ съ другомъ ссорились, но выгодъ отъ перехода къ «чужому направленію» они не искали. Измѣнить своему знамени и перейти подъ чужое тогда почиталось за дѣло вполнѣ безчестное, и то, что теперь въ этомъ редѣ дѣлается безпрестанно, тогда происходило чрезвычайно рѣдко.

Благородная строгость стала ослабѣвать послѣ того, какъ «софисты XIX вѣка» замололи о томъ, что все на свѣтѣ можно защищать безъ стѣсненія, и сами стали показывать примѣръ слишкомъ «широкой жизни». Литераторы не захотѣли отстать и стали маскировать литературною независимостью.

(Тогда же начали пренебрегать и внѣшнимъ времяпро-

ложеніемъ, и въ литературныхъ домахъ стали раскрывать ломберные столы и начали играть въ карты, чего ранѣе почти всѣ стыдились).

Но возвратимся къ осиротѣлой Прашѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Съ огромнымъ усиліемъ собралъ я для этихъ сиротъ двѣсти рублей. Послѣ смерти А. И. Пальма я собралъ и передалъ въ литературный фондъ слишкомъ двѣ тысячи рублей, но это было легче сдѣлать, чѣмъ въ прежнее время собрать двѣ сотни. Зато дамы даромъ дали совѣтъ помѣстить ребенка «на молоко» къ почтамтскимъ сторожамъ, а матери идти служить въ прачки или въ горничныя.

Дамы обѣщали также похлопотать о ней, и такъ какъ имъ хотѣлось видѣть Прашу, то онѣ просили прислать ее на смотръ къ нимъ.

Я позвалъ Прашу и сказалъ ей, что въ моихъ рукахъ есть для ея ребенка двѣсти рублей и что ей остается теперь помѣстить дитя въ почтамтъ, а самой идти на мѣсто, о которомъ для нея постараются дамы. Я это объявилъ ей съ апломбомъ, потому что мнѣ представлялось, будто мы съ дамами превосходно обдумали ея положеніе. Праша выслушала меня со вниманіемъ и не противорѣчила, а немедленно же пошла въ почтамтъ. Но только мнѣ показалось, что она «собирала лобъ» и какъ-будто была чѣмъ-то недовольна, когда я ей изъяснялъ свои соображенія.

Вечеромъ въ этотъ же день она возвратилась и спокойно объявила, что въ почтамтѣ дѣйствительно дѣтей берутъ по пяти рублей въ мѣсяцъ и что, можетъ-быть, между тѣми, которые берутъ, есть люди и очень добрые.

— Кого же вы выбрали?

— Пока никого... Есть тамъ двое,—отвѣчала она, глядя внизъ и покапывая по полу кончикомъ зонтика, и вдругъ заплакала.

Я ее укорилъ за то, что она отнимаетъ у себя бодрость.

— Именно,—сказала она:—но только какъ я этихъ примѣровъ еще не видала, то... я дура, фефёла...—и она хотѣла улыбнуться, но вмѣсто того еще горче заплакала.

— Ну, и довольно!.. Больше не буду!

— И прекрасно!

— Да, не буду!

— Вотъ же вамъ десять рублей за первые два мѣсяца, а остальныя ваши деньги я положу въ сохранную казну, и вы будете ихъ брать и платить за ребенка.

Тогда она взяла десять рублей и завязала ихъ въ уголокъ платка, а мнѣ отвѣтила:

— Очень вамъ благодарна, и словъ нѣтъ, что такъ насъ устроили, но позвольте, притомъ, вамъ сказать, что изъ этого очень хорошаго ничего быть не можетъ.

Мнѣ показалось, что у нея перемѣнился тонъ и голосъ, и даже самая манера говорить стала иная: дѣвочки Праши уже не было, а была молодая мать, которая увидала себя въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и вся насторожилась, чтобы найти выходъ.

— Не обижайтесь, что̀ я скажу,—продолжала она:— я вѣдь никакихъ примѣровъ воспитанія не получила, но я не безъ понятіевъ. Позвольте сказать вамъ: два дня назадъ я думала, что я съ дитемъ совсѣмъ пропала и очень хотѣла кинуться съ нимъ за одинъ разъ въ рѣку, а теперь, когда добрые люди намъ помогли, я уже какъ оса ожила и начинаю думать, какъ неблагодарная... Дамы, конечно, очень добры, но онѣ тоже всѣ примѣры не постигаютъ.

— Пожалуйста, объясните, Праша, что̀ вы хотите?

— Вотъ, я за ребенка буду платить пять рублей въ мѣсяцъ. Это, скажемъ, шестьдесятъ рублей въ годъ?

— Да, шестьдесятъ въ годъ.

— Въ два года сто двадцать рублей, въ четыре—двѣсти сорокъ, ну, вотъ и всѣ... А ему будетъ всего еще пятый годъ...

— Да, вашъ расчетъ вѣренъ.

— И тогда я могу его взять къ себѣ?

— Да, можете взять.

— А кто же тогда меня съ нимъ вмѣстѣ возьметъ?

Вопросъ этотъ мнѣ показался несерьезнымъ, и я далъ ей почувствовать, что я понимаю дѣло: я сказалъ, что съ груднымъ ребенкомъ ей трудно было бы устроиться, а когда онъ будетъ по пятому году, тогда это не трудно: съ такими дѣтьми берутъ.

— Да, берутъ,—отвѣчала Праша: словъ нѣтъ, берутъ, только за самую дешевую цѣну. Вотъ и выйдетъ такой примѣръ, что черезъ пять лѣтъ у меня не будетъ ни копейки

денегъ и будетъ ребенокъ на рукахъ, съ которымъ мнѣ нельзя будетъ найти мѣсто съ цѣною. И я его ни во что настоящее не произведу.

— Такъ что же, какой примѣръ надо сдѣлать, по-вашему?

— Это примѣръ вовсе не глупый. Конечно, я еще молода и уже такой вредный поступокъ сдѣлала... Но я еще раньше, чѣмъ сюда въ городъ пріѣхала, я съ дяденькой на пароходѣ по Волгѣ плавала... Дяденька содержали буфетъ, а я у нихъ салфетки стирала... И я это очень хорошо умѣю и вамъ вѣрно говорю, что я отличная прачка. Противъ меня даже не всякая потрафитъ отмыть красное вино или вредный соусъ, а я умѣю, и если бы деньги, которыя вы собирали, вы бы мнѣ бы довѣрили,—вотъ вы бы тогда увидали, что̀ я сдѣлаю!

— А что̀ бы вы сдѣлали?

— А вотъ у меня здѣсь другой мой дяденька въ трактирѣ вторымъ поваромъ служитъ и у нихъ салфеточная часть огромная. И я у него уже была и поговорила, и онъ съ буфетчикомъ поговорилъ и говоритъ: «Старайся, отдадимъ тебѣ».

— Что же надо постараться?

— Квартиренку надо изъ мусорныхъ и посуду... Я зашла уже и посмотрѣла: квартира есть въ подвальномъ этажѣ и съ большою комнатой. Самое чудесное для прачечной, а въ другой, маленькой, можно жить съ дѣвушкой и съ ребенкомъ. Я бы взяла двухъ дѣвчонокъ, да сама третья стала, и всѣ бы мы пропитались, и ребенку путь показала бы.

— Не ошибитесь-ка вы, Праша!

— Нѣтъ-съ. Я вѣдь какихъ примѣровъ не знаю, о тѣхъ не говорю, а это я вѣрно знаю, да еще я, вѣдь, секретъ умѣю, какъ красное вино можно отмыть безъ фиміи... И я свое дитя тогда никому бы за глаза не отдала, а сама бы его возрастила и произвела къ дѣлу. Отчего же не такъ?.. Но, впрочемъ, я это такъ говорю, а вамъ какъ угодно.

И она показалась мнѣ такою искреннею и честною, такою толковою, серьезною и надежною, что я сдѣлалъ такъ, какъ она хотѣла, то-есть я отдалъ ей всѣ деньги и сказалъ ей съ шуткою:

— Пате, Праша, и дѣлайте свои хорошіе примѣры!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ

Черезъ мѣсяцъ Праша пришла звать меня къ себѣ на новоселье. Я пошелъ съ другимъ моимъ, литературнымъ товарищемъ, теперь уже умершимъ (изъ всей нашей тогдашней компаніи теперь въ живыхъ остаются только трое: Тимирязевъ, Всев. Крестовскій и я). Праша устроилась хорошо: у нея была одна дѣйствительно очень большая комната, въ которой у нея стояла ея кровать и деревянная колыбелька писательскаго сына.

Въ большой комнатѣ была прачечная съ новымъ инвентаремъ, пріобрѣтеннымъ и разставленнымъ съ несомнѣннымъ знаніемъ дѣла.

Тутъ, какъ слѣдуетъ, было сыро и пахло мокрою еловою клепкой и мыломъ. Въ прачечной ужъ, разумѣется, какъ въ прачечной, но въ жилой комнаткѣ было и сухо, и пріютно. Мы пили чай съ тремя мастерицами и Прашинымъ дяденькой, вторымъ палкинскимъ поваромъ, который привелъ съ собою еще другого второго повара изъ Балабинскаго трактира, памятнаго тѣмъ, что тамъ въ воспоминаемое время былъ особенный «литературный столикъ», за которымъ ежедневно садились пить чай Н. И. Костомаровъ, книгопродавецъ Кожанчиковъ и другіе солидные и дѣловитые литературные люди, при которыхъ мы, тогдашняя молодежь, держали себя почтительно и скромно.

Повара пришли къ Прашѣ раньше насъ и выпили все имъ предложенное разсчетливою хозяйкой, надымили скверными папиросками и ушли. Праша была ими очень недовольна, потому что балабинскій поваръ, узнавъ, что Праша завела свое хозяйство, нашелъ это достойнымъ своего вниманія и пришелъ съ дяденькою не просто, а съ тѣмъ, чтобы Прашу смотрѣть и потомъ ее посватать и на ней жениться. Это Прашу обидѣло, и она сразу отказалась отъ жениха и очень обрадовалась, когда повара ушли, оставивъ насъ съ однѣми фефёлами. А изъ этихъ фефёлъ одна была, въ своемъ родѣ, прелюбопытная. Это была женщина лѣтъ тридцати двухъ, которая, что называется, *всѣмъ взяла*: ростомъ, дородствомъ и красотою, а также и простотою, которою одною только и можно было объяснить полунищенское положеніе этой женщины, обладавшей большою и яркою красотой. Сообразно великолѣпной наружности, у

ней было и великолѣпное имя: звали ее Зинаида Павловна, а по фамиліи она была Потемкина. Знатностью породы она, впрочемъ, не отличалась: Зинаида Павловна была мѣщанка изъ подгородней слободы того самаго города, откуда была родомъ и Праша, которой Зинаида Павловна приходилась теткой и была старше ея лѣтъ на двѣнадцать, такъ что въ это время, когда Прашѣ было лѣтъ двадцать, Зинаидѣ Павловнѣ уже перевалило за тридцать. «Природы» онѣ были различной: Праша была кругленькая, боченочкомъ и поспѣшливая, а Зинаида Павловна—медлительная, величественная и авантажная; фигура у нея была чрезвычайно стройная и мощная, а лицо тонкой и яркой, но замѣчательно скромной красоты, напоминающей нѣсколько обликъ Поппеи-Сабины. По уму и душевнымъ своимъ свойствамъ обѣ женщины тоже совсѣмъ были не похожи одна на другую: Праша еще не созрѣла умомъ, но все замѣчала и во все вдумывалась, тогда какъ Зинаида Павловна ни о чемъ не думала. На красивомъ лицѣ всегда отражалось самое полное и самое невинное дѣтское простодушіе, граничащее даже съ умственною бѣдностью. При этомъ Праша была скромница, а Зинаида Павловна—болтушка, которая всегда неудержимо стремилась говорить какъ можно болѣе и въ молчаньи скучала. Словоохотливость ея была такъ велика, что она не ограничивалась произнесеніемъ одного только настоящаго имени даннаго лица, а еще сама присочиняла всякому еще нѣсколько именъ. Такъ, напримѣръ, она звала: «Праша—Пахита-Пашенція! Пашокъ—мой дружокъ!» Въ другой разъ она еще варьировала и говорила: «Прасковья Пахитосовна! Прашенька! Заинька бѣленькій, хвостикъ горѣленькій! Сядь, обопрись на меня лапочкой, закроемся тряпочкой, да пошепчемся!» И во всѣхъ ея словахъ, во всей манерѣ и во всей окружающей ее атмосферѣ вѣялось что-то ласковое и несчастное, доброе и безпутное.

Въ этой исторіи Зинаида Павловна должна имѣть свое мѣсто съ своею вводною исторіей, которая интересна и сама по себѣ, и по тому вліянію, какое она могла имѣть на Прашу.

Введемъ къ одной фефёлѣ еще другую, иного склада и иного лада: ея краткая исторія представляетъ въ своемъ родѣ бытовую картинку.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Я выше сказалъ, что Зинаида Павловна была уроженка подгородной слободы. Мать ея была солдатка и занималась плетеніемъ кружевъ на клюшкахъ, а отцомъ случилось быть усатому поляку, офицеру гусарскаго полка, стоявшаго въ городѣ постоемъ. Отъ этого случайнаго союза родилась писаная и несчастная красавица Зинка, которую пятнадцати лѣтъ, въ ужасный голодный годъ, тяжкая домашняя нужда, а, можетъ-быть, и материнская подлость, продали купцу-мукомолу. Купецъ, заплативъ за дѣвчонку деньги, взялъ съ нея, что̀ хотѣлъ, а «остальную часть» бросилъ. Остальное это было вся ея душа и все тѣло, доставшіяся теперь на посмѣяніе людямъ.

Такъ Зинка начала страдать и пряталась отъ всѣхъ и покрывала платкомъ косу, боясь, чтобы нравственные сосѣди не вымазали ночью дегтемъ воротъ у ея матери. Ея почти никто не видалъ; но если кто видѣлъ, тотъ замѣчалъ, что она «ужасно красива», и почиталъ себя въ правѣ мануть ее на грѣхъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ ни глодало ее горе, она все хорошѣла и, наконецъ, попала на глаза пожилому сапожнику, который такъ ею плѣнился, что прямо спросилъ ее:

— Пойдешь или нѣтъ за меня, если посватаю?

Дѣвушка отвѣчала:

— На мнѣ былъ грѣхъ.

— Знаю, да ничего не сдѣлать: надо помиловать. Если ты согласна, я посватаю.

Она отвѣчала:

— Я пойду.

Ей было все равно, лишь бы перестать косой трепать; но сапожникъ былъ парень смѣтливый, онъ любилъ женскую красоту, да умѣлъ и дѣла дѣлать; онъ явился къ купцу и сказалъ:

— Ваше степенство! Такъ и такъ, былъ такой грѣхъ, разумѣется, не въ укоръ вашей чести, потому она дѣвушка бѣднаго званія, но я теперь хочу ее за себя взять, съ жалости, чтобы покрыть ея грѣхъ, такъ какъ ей отъ людей проходу нѣтъ, то вотъ она меня послала къ вамъ — благословить ее проситъ. Не обезсудьте, ваше степенство!

Купецъ былъ въ хорошемъ расположеніи и отвѣчалъ, что

«ликъ Божій» ему надъ Зинаидой «держать зазорно», а онъ такъ просто даетъ ей сто рублей на приданое.

Сапожникъ поклонился въ ноги и, получая деньги, поцѣловалъ руку, а затѣмъ женился на Зинаидѣ, разумѣется, ни слова не сказавъ ей о подаренномъ ей отъ купца приданомъ. Въ бракѣ съ сапожникомъ Зинаида пробыла три года. Родила трехъ дѣтей, сначала дочь, а потомъ двухъ мальчиковъ. Мужъ ея былъ человѣкъ аккуратный и чудесный мастеръ, и прошлымъ ее не урекалъ, но до того былъ ревнивъ, что даже не позволялъ ей разговаривать ни съ однимъ мужчиной. По словамъ Зинаиды Павловны, онъ ее ревновалъ даже «къ деревянной ногѣ» и много разъ этою же самою ногой ее билъ. Разъ она претерпѣла отъ него такое наставленіе, что ее даже сочли мертвою, и это ей досталось за то, что она похристосовалась съ своимъ роднымъ дядей.

— Но, однако,—говорила Зинаида Павловна:—билъ онъ меня не даромъ, потому что я ужасно его ненавидѣла.

Когда же этотъ самый драчунъ-мужъ заболѣлъ и приступилъ умирать, то онъ сталъ такъ ужасно тосковать, что Зинаида Павловна надъ нимъ разжалобилась, и когда онъ сталъ ее просить, чтобъ она «сняла образъ Курской Заступницы и поклялась, что послѣ него не пойдетъ ни за кого замужъ», то она сняла Заступницу и заклялась.

Сапожникъ умеръ, а оставшаяся подъ клятвою бѣдная красавица его вдова начала оберегать свои обѣты, и хотя ее сватали нѣсколько человѣкъ, но она ни за кого замужъ не пошла, а какъ покойникъ ей ничего на дѣтей своихъ не оставилъ, то она для ихъ воспитанія «*три раза въ мамкахъ служила*».

Каждый изъ этихъ трехъ эпизодовъ былъ неотвратимъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Начались эти приключенія у самой могилы сапожника. Прежде чѣмъ гробъ успѣли засыпать, тутъ случился французъ-живописецъ, который видѣлъ, какъ молодая вдова стояла и плакала, держа въ растерянности одного ребенка у груди, а двухъ прижимала къ себѣ другою рукой. Французъ имѣлъ живое воображеніе и доброе сердце: онъ подалъ женщинѣ десять рублей и велѣлъ ей придти къ себѣ вмѣстѣ съ дѣтьми, и чтобы всѣ они были въ этомъ же

самомъ платьѣ. Они такъ и пошли, да у нихъ и не было ничего другого, чтобы надѣть на себя. Такъ французъ ихъ и «отрисовалъ» на картинѣ, совсѣмъ какъ живыхъ, и велѣлъ еще и еще приходить, и всякій разъ давалъ за это по три рубля. Зинаида Павловна этимъ очень поправилась, и боялась только, что доходъ ея прекратится, какъ только кончится «рисовка». Однако, опасеніе ея было напрасно,— «рисовка» кончилась, а благополучное соотношеніе не прекратилось, но только лишь перемѣнилось. Какъ скоро французъ кончилъ одну картину, онъ «дѣтей отставилъ», а матери сказалъ: «Теперь, chère ami, мы будемъ дѣлать другую фигуру». И онъ велѣлъ ей приходить одной и переодѣваться у него въ очень нарядный крестьянскій уборъ, послѣ чего она должна была брать въ руки снопъ соломы, путаные васильки и серпъ, и такъ она стояла, пока онъ произвелъ еще одну картину, которая стояла на одной изъ парижскихъ художественныхъ выставокъ съ надписью: «Devouschka krapivouscou jala». Но и послѣ этого французъ продолжалъ ее поддерживать и доставлялъ ей съ дѣтьми, что имъ было нужно, но зато она была беременна... и Богъ вѣсть для какой надобности. Къ счастію, однако, Богъ далъ, что это вышло прекрасно: у живописца ее часто видѣлъ одинъ генералъ, большой любитель всего хорошаго, и онъ уже давно сталъ ей подмигивать глазки, но тогда французъ его остановилъ и сказалъ:

— Chacun à son tour, mon général! Chacun à son tour!

И когда пришелъ его «tour», генералъ сказалъ Зинаидѣ Павловнѣ, чтобы она не робѣла, что его жена тоже въ такомъ же положеніи, и если Зинаида пожелаетъ, ее охотно могутъ взять въ мамки, при чемъ генералъ обѣщалъ тоже размѣстить въ пріюты ея дѣтей, которыхъ теперь было уже четверо.

Зинаида Павловна пошла въ генеральскій домъ мамкою, а французъ пошелъ съ свободными руками.

— En attendant vive l'amour et vive la bagatelle!

Генералъ по добротѣ и простотѣ тоже былъ не хуже француза, но, кромѣ того, онъ былъ и человѣкъ могущественный и устроилъ всѣхъ четырехъ ребятишекъ Зинаиды Павловны, а зато и его дитя было прекрасно выкормлено, но незадолго передъ тѣмъ временемъ, когда ребенка надо

было отнимать отъ груди, генеральша уѣхала въ Ниццу къ больному отцу, а генералъ самъ наблюдалъ за порядкомъ въ дѣтской, и результатомъ этого вышло, что бѣдная Зинаида Павловна опять пострадала, подпавъ своей ужасной судьбѣ, которая не хотѣла дозволить, чтобы ей хоть что-нибудь сошло безъ послѣдствій. Генералъ, впрочемъ, тоже ее «не оставлялъ», а она, дождавшись своего времени, поступила въ мамки на третье мѣсто, гдѣ опять, на ея несчастіе, по субботамъ брали въ отпускъ кадетика. И тогда Зинаида Павловна на себя разсердилась и въ четвертый разъ въ мамки уже не пошла, потому что, по ея соображеніямъ, «въ семейныхъ домахъ жить невозможно». А въ это самое время осиротѣла ея племянница Праша и стала заводить себѣ прачечную. Зинаида Павловна пришла къ ней и предложила жить вмѣстѣ.

— А то со мною просто ужасти что̀ случается!

Праша ей отвѣтила:

— И лучше!

И вотъ мы увидали ихъ вмѣстѣ, бокастенькую, дѣловитую Прашу хозяйкою, а вальяжную и величественную Зинаиду Павловну ея правою рукой.

Что эти женщины могутъ управить «прачечное заведеніе», въ этомъ можно было не сомнѣваться, но какъ онѣ станутъ управлять сами собой — объ этомъ можно было гадать надвое. Но, однако, прошелъ годъ, и онѣ обѣ держали себя въ порядкѣ. Изрѣдка я встрѣчалъ Прашу на улицѣ, но чаще видѣлъ ее въ окно, какъ она гладила съ мокрымъ отъ пота лбомъ и простиралась по гладильной доскѣ не только обѣими руками, но даже взбиралась на нее и колѣномъ. Видъ она всегда имѣла дѣловой, бодрый и озабоченный.

Зинаида Павловна работала спрохвала: она не любила каленаго утюга, а больше «прыскала да складывала».

Одинъ разъ въ теченіе перваго года ихъ хозяйства я заходилъ посмотрѣть на литераторскаго наслѣдника и засталъ его въ отличномъ положеніи: онъ ползалъ по полу настоящимъ санкюлотомъ, съ заткнутымъ за поясъ подоломъ, и махалъ деревянною ложкой, а неподалеку отъ него катался горшокъ съ пшенною кашей. Всякъ ли еще имѣлъ въ дѣтствѣ такое благополучіе!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Прошло два и три года. Дѣло у Праши приняло значительные размѣры и жилось имъ всѣмъ хорошо: стирали и «салфеточное», и всякое другое бѣлье уже на нѣсколько гостиницъ, и всѣ ими были довольны. Особенно славилась ихъ блестящая выводка пятенъ «безъ фиміи». Секрета своего противъ пятенъ краснаго вина Праша никому не открывала. Онъ, очевидно, былъ очень важенъ, хотя, по ея словамъ, онъ состоялъ «изъ самыхъ послѣднихъ пустяковъ».

Хорошо или дурно быть такою секретницей, объ этомъ она не думала, да ей это «съ тѣмъ было и открыто, чтобы другимъ не говорить». Это надо соблюсти, иначе никому не будетъ дѣйствовать.

Упомянутое достопримѣчательное средство «показала» ей одна бѣдная барынька на пароходѣ: она была изъ бѣдныхъ полячекъ и ѣхала къ мужу въ Сибирь, а мужъ у нея, до ссылки его, содержалъ трактиръ, и удивительно въ чемъ провинился: къ нему пришли бунтари и говорятъ:

— Мы, братъ, голодны, давай ѣсть, а то повѣсимъ.

Онъ имъ не сталъ подавать, а они сами взяли, поѣли и ушли. Тогда пришли наши и спрашиваютъ:

— У тебя ѣли?

Онъ говоритъ:

— Да,—все взяли и съѣли!

Наши его побили и посудили, и въ Сибирь сослали. Ему и тамъ хорошо.

Полячка на пароходной палубѣ стыла съ своими ребятами. Праша надъ нею сжалилась и услужила ей кипяткомъ, просушила ихъ обувь и платьишко и «простирнула» дѣтское бѣльишко, а полячка ей за это и сказала секретъ. Вотъ онъ ей теперь и пригодился.

Одно одолѣвало Прашу, что она безграмотна; за это она укоряла своихъ родителей:

— Зародятъ насъ, да такъ безграмотными фефёлами и пустятъ: вотъ мнѣ теперь надо много счетовъ, а писать не кому.

Появился какой-то писарь, человѣкъ среднихъ лѣтъ, по имени Апрѣль Иванычъ. Онъ былъ полякъ, но состоялъ счетчикомъ въ русской артели, гдѣ его имя «Аврелій» передѣлали по-русски въ «Апрѣль». Онъ былъ человѣкъ трез-

вый, разсудительный и чрезвычайно учтивый. Держалъ онъ себя съ большимъ достоинствомъ: не унижался и не лѣзъ на фамильярность. Праша его приговорила приходить къ ней и писать ей «счета», а онъ былъ тронутъ ея скромностью и не хотѣлъ съ нея ничего брать за эти занятія, но Праша этого не приняла. Она знала, что женщинамъ даромъ ничего не дѣлаютъ, и примѣръ въ этомъ была у нея Зинаида Павловна, которую теперь безпокоили дѣти, начавшія выходить изъ пріютовъ. Француза и генерала уже и слѣдъ простылъ.

Черезъ годъ ея старшую дѣвочку шестнадцати лѣтъ уже выдали замужъ за молодого артельщика, съ которымъ ихъ сосваталъ Апрѣль Иванычъ. Что за милый человѣкъ! Зинаида Павловна была очень ему благодарна и называла его Апрѣль Мартычемъ, а дочери своей дала въ благословеніе всѣ образа, какіе у нея были, оставивъ себѣ всего только одну Курскую Заступницу. Кромѣ того, она сдѣлала ей нѣсколько соотвѣтствующихъ случаю совѣтовъ и особенно велѣла ей первой ступить на подножье и топнуть ногой, когда будетъ идти «Павла чтеніе». Собирала невѣсту и выдавала ее Праша, которая тоже хвалила Апрѣля Иваныча за его «учливость» и особенно за то, что онъ «о сиротѣ позаботился». Такъ нравился онъ и другимъ женщинамъ, съ которыми ласково говорилъ и въ свободное время читалъ всѣмъ *Телемака*.

Праша думала, что онъ «къ нимъ привьется», и именно насчетъ Зинаиды Павловны, которая всѣмъ нравилась. Правда, что она не работница, но, вѣдь, зато какъ хороша! Пусть женится: она имъ поможетъ, вмѣстѣ жить будутъ. Но вдругъ все это повернулось иначе, и Праша пришла ко мнѣ въ неодолимомъ смущеніи и истерическимъ тономъ заговорила:

— Я, право, не знаю... такое обрѣтеніе... Апрѣль Иванычъ меня замужъ проситъ.

И какъ это сказала, такъ сѣла и заплакала.

— Что же вы, идете или нѣтъ?

— Да я и не знаю.

— Стало-быть, идете.

— Нѣтъ, не знаю, а, во-первыхъ, онъ такой учливый, и сироту-дѣвушку устроилъ, а, во-вторыхъ, моего мальчика любитъ и имъ *Пеленака* читаетъ, да, подите-ка, еще сколько

у него и другихъ книжекъ, и самъ онъ безсчастный, потому что, вѣдь, никакой у него близкой души нѣтъ. Это же правда истинная! Я долго не вѣрила и другія мнѣ тоже говорили: «Повѣрь, это онъ къ тебѣ подлещается, потому что у тебя свое хозяйство, а всѣ поляки льстивые»; но это же, вѣдь, глупость, и я этому никогда ни за что не повѣрю, потому что есть всякіе люди въ каждомъ народѣ; но когда по веснѣ мой мальчикъ заболѣлъ при смерти, такъ Апрѣль Иванычъ надъ нимъ ночей не спалъ, и теперь дитя его, можно сказать, больше меня любитъ.

— Это васъ къ нему и расположило?

Праша хотѣла сказать что-то коротко и откровенно, но вмѣсто того опять заморгала со слезами и истерично отвѣчала:

— Я этого не понимаю... не знаю, что̀ именно! А только онъ же одинъ понялъ, что дитя такого отца, что надо ему открыть всѣ понятія. Вотъ я его за это... не знаю, какъ уважаю!

И она хотѣла еще что-то изъяснить, но опять заплакала.

— Такъ и прекрасно,—говорю,—вы, Прашенька, и выходите.

— Вы совѣтуете?

— Да что же! Отчего нѣтъ?

Она помолчала, потупивъ глаза внизъ, и, покраснѣвши, прошептала:

— Отчего же мнѣ это... какъ будто стыдно?

— Вы развѣ обѣщали не выходить?

Она покачала головою и отвѣчала:

— Покойникъ объ этомъ никогда не говорилъ.

Она остановилась, вздохнула и добавила:

— Вѣдь это тогда... все только я его обожала и себя не помнила за это счастіе, а онъ только такъ...

— И Курской Заступницѣ вы не клялись?

— Нѣтъ, — отвѣчала она съ тихою улыбкой и сейчасъ же опять вздохнула и еще сквозь слезы добавила: — Я вѣдь ничего не утаила, я сказала: «Апрѣль Иванычъ! словъ нѣтъ, что я очень вами за все благодарна и могу слѣдовать; но только съ кѣмъ я это дитя получила, то у меня тотъ человѣкъ посейчасъ въ сердцѣ, и я послѣ него ни для кого уже особенныхъ чувствъ не нахожу». А онъ мнѣ отвѣтилъ: «Значитъ, если и я помру, хорошо дѣлавши, то

вы и обо мнѣ хорошо вспомните». Тутъ ужъ я взволновалась и говорю: «Что же вы это такъ себя сокрушаете: сами сватаетесь и сами себя хороните?» А онъ говоритъ: «Смерти никогда забывать не слѣдуетъ». А я говорю: «Ну, ужъ это нѣтъ... Послушайте, это такъ вовсе не надо... Станьте рядомъ, да давайте скорѣе лучше помолимся, вы по своей вѣрѣ, а я по своей: пусть что̀ намъ Богъ дастъ, то и будетъ».

И когда они помолились, то Богъ имъ далъ то, что они сдѣлались мужемъ и женою.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Апрѣль Иванычъ оказался прекраснымъ человѣкомъ: онъ нѣжно любилъ скромненькую Прашу и удивительно заботился о «писательскомъ сынѣ». Онъ завелъ въ домѣ вечерній кружокъ у чайнаго стола и всѣмъ здѣсь читалъ *Телемака*, поясняя изъ него, что люди живутъ вовсе не такъ, какъ бы надобно жить. Къ этому же у него служили *Павелъ и Виргинія*, а самъ для себя онъ читалъ еще болѣе забористыя вещи, какъ-то: *Оправданіе Сократово* и *Слово похвальное Марку Аврелію*. А затѣмъ въ жизни со всѣми былъ ласковъ, и простъ, и любезенъ.

У Праши съ Апрѣлемъ родилось еще двое дѣтей: мальчикъ Абрамчикъ и дѣвочка Пелагеичка. Зато изъ домашняго штата Праши стала выбиваться Зинаида Павловна, съ которою опять начались «туры», и причиною ихъ были дѣти и жасмины. Выше было сказано, что дѣти удивили Зинаиду Павловну тѣмъ, что они начали подрастать одно вслѣдъ за другимъ, чего мать ихъ совсѣмъ не ожидала и совершенно растерялась отъ этой неожиданности. Она дѣлала все, что могла: плакала и молилась на колѣняхъ, но дѣти все-таки оставались «безъ предѣла», а у самой Зинаиды на заплаканныхъ глазахъ, которымъ, кажется, надо бы померкнуть и провалиться, вмѣсто того выскакивали ужасные ячмени или, какъ она ихъ называла, «жасмины». Чтобъ избавиться разомъ отъ жасминовъ и отъ дѣтей, Зинаида Павловна готова была выпить самую злую отраву и даже разъ выпила пузырекъ нашатырнаго спирта и произвела въ домѣ дворовый скандалъ: въ прачечную набѣжали жильцы, въ числѣ которыхъ былъ длинный нѣмецъ «Аплетонъ», занимавшійся починкою плетеной мебели, и гимназистъ, кото-

рый занимался передъ окномъ выпиловкою и потому назывался «Пропилей». Они оба приняли участіе и бѣгали въ аптеку, а потомъ все стали попадаться Прашѣ на глаза и, наконецъ, подрались на лѣстницѣ. На другой день сухая и жилистая жена «Аплетона» нагло заглянула въ окна прачечной и сказала: «шлюхи!» А бабушка «Пропилея», встрѣтивъ Прашу, сообщила ей, что она «своего» будетъ запирать, а вы-де «свою» обуздайте.

Апрѣль Иванычъ не вмѣшивался, но его стали тревожить ночами движенія у двери, и разъ онъ тамъ нашелъ Зинаиду Павловну, которая ему прямо, но странно сказала:

— Что, Апрѣль Мартычъ? Очень мнѣ, другъ милый, чего-то скучно!

И она такъ сжала ему руку, что точно хотѣла его куда-то увлечь за собою.

Отъ Праши это осталось скрытымъ, и Зинаида Павловна изрѣдка только посматривала за двери и говорила, что ей какъ-то все «кошкой пахнетъ».

Праша смотрѣла на нее и отвѣчала:

— Смотри, у тебя это болѣзнь.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Задавались чрезвычайно безпокойныя ночи, когда коты совсѣмъ не знали покоя сами и не хотѣли позволять спать людямъ: они мяукали, скреблись, прыгали, падали съ высотъ внизъ и опять царапались вверхъ и, настигая другъ друга, дрались такъ, что сыпалась шерсть, и затѣмъ вновь паденіе и вновь бѣготня. Эта возня такъ безпокоила жильцовъ, обитавшихъ въ квартирахъ, имѣвшихъ одинъ выходъ, что то изъ одного, то изъ другого жилья среди ночи отворялись двери и оттуда или кто-нибудь манулъ домой своего кота, или же чья-нибудь негодующая рука швыряла что попало, чтобы испугать и разогнать полуночниковъ. Такъ было и въ тотъ разъ, когда Апрѣль Иванычъ, придя изъ бани, легъ поранѣе и хотѣлъ уснуть покрѣпче, а вмѣсто того онъ и совсѣмъ не могъ заснуть отъ повторявшагося за дверями шума. Онъ всталъ и при свѣтѣ лампадки увидѣлъ, что былъ второй часъ ночи, но на лѣстницѣ за дверью нѣтъ-нѣтъ и опять раздавалось движеніе.

«Что за наглые негодяи!» — подумалъ Апрѣль и, сунувъ ноги въ туфли, схватилъ лучинную корзинку съ остатками

мелкихъ углей и подкрался къ двери съ тѣмъ, чтобы быстро ее растворить и швырнуть корзинкой въ котовъ, какъ только они зашевелятся ближе.

Ему и не пришлось долго ждать, потому что немедленно же учинился шумъ и съ лѣстницы внизъ что-то слетѣло и замѣшалось у двери. Апрѣль Иванычъ сію же секунду быстро толкнулъ дверь, но какъ она оказалась едва притворенною, то онъ не соразмѣрилъ силы съ сопротивленіемъ, самъ выпалъ наружу и очутился съ своею корзинкой на грязномъ полу въ кучѣ съ «Пропилеемъ» и «Аплетономъ», которые извивались, тормоша одинъ другого за кудри, между тѣмъ какъ чья-то свободная нога наступила на самого Апрѣля и въ открытую дверь его квартиры скользнула женская фигура.

Апрѣль Иванычъ догадался, что это была Зинаида, и возвратился домой очень сконфуженный, испачканный углемъ и съ порядочнымъ ушибомъ въ колѣнѣ.

Онъ покачалъ головою, вздохнулъ, обтерся и легъ, не сказавъ ни слова женѣ ни въ первую минуту, ни тогда, когда Праша черезъ полчаса встала съ кровати, надѣла юбку и кофту и прилегла на коротенькомъ диванчикѣ. Еще черезъ нѣкоторое время она тихонько встала и неслышными шагами пошла къ той же двери, отъ которой отошелъ ея мужъ. Но Праша была осторожнѣе Апрѣля Иваныча: она ощупала крючокъ двери и нашла, что онъ откинутъ, тогда она тихо отодвинула дверь и сейчасъ же ухватила своею рукою руку Зинаиды Павловны и потащила ее къ себѣ, но та сдѣлала движеніе, чтобъ освободиться, и на этотъ шумъ съ верхней площадки сразу слетѣли двѣ фигуры и сразу схватились другъ съ другомъ. Это опять были они: Аплетонъ и Пропилей.

Праша отлично ихъ узнала и еще рѣшительнѣе вцѣпилась въ Зинаиду и втащила ее назадъ, а на дверь наложила крючокъ.

Теперь Зинаида шла безъ сопротивленія и, придя въ свою комнатку, тихо сѣла на кровать и закрыла лице руками.

Праша хотѣла тотчасъ же выйти, но Зинаида Павловна сама ее удержала.

— Что же ты уходишь?—спросила она.—Лучше теперь и ругай, ужъ кстати!

— Да какъ ты это выходишь, что тебя даже вовсе не слышно?.. Этакъ насъ обокрадутъ.

— Ну, и что жъ дѣлать?

Зинаида ткнулась лицомъ въ подушку и заплакала.

— О чемъ же ты плачешь?

— О томъ, что мнѣ тебя стыдно.

— Что жъ, я тебѣ не мать и не сестра, а племянница...

— Это все равно... Зачѣмъ ты замужъ пошла? Пока ты не выходила, и я жила прелестно, а теперь вотъ... поползло и поѣхало.

— Что же, я тебѣ помѣшала жить?

— Скучно стало.

— Отчего?

— Сама не знаю: погляжу на васъ—и скучно, а лягу—спать не могу.

— Отчего же это?

— Не знаю. Сначала дремота, и спать хочу, а потомъ вдругъ какъ котъ... и отъ кота буркòта...

— Молилась бы на ночь.

— Извольте!.. Еще какъ и молюсь! И батюшкѣ все говорила, и онъ все, все, все мнѣ разъяснилъ, какъ это и называется, что блудъ и что преблудѣяніе, но все это ничего не значитъ! Встань, пожалуйста, на стулъ—задерни занавѣской Заступницу.

— Не хочу.

— Нѣтъ, сдѣлай милость, закрой Ее!

Праша встала и задернула образъ ситцевой занавѣской.

Тогда Зинаида Павловна ее попросила:

— Возьми, пожалуйста, достань тамъ стклянoчку...

— Неужели еще пить станешь?

— Да нѣтъ, что за глупости!.. Тамъ богоявленская вода... Сбрызни меня скорѣе, сбрызни!

— Не хочу!—отвѣчала Праша и, махнувъ рукой, спрыгнула со стула, чтобы уйти, но Зинаида Павловна схватила своею рукою ея руку и удержала.

— Что это съ тобой?—спросила сконфуженно Праша.

— Вотъ сдѣлала такъ и ничего болѣе... Не пущу!

— А я съ тобой говорить не хочу.

— Отчего? Послушай!.. Отчего?

— Для чего ты двухъ держишь!

— Кто ихъ держитъ! Проклятые!.. одинъ другому шагу ступить не даютъ.

— Да ужъ остановись на чемъ-нибудь!

— Да какъ же я могу на одномъ остановиться, когда я ихъ только и вижу, какъ они вдвоемъ другъ съ другой сражаются!

— За что сражаются?

— Ну, что разспрашивать!

— Нѣтъ, окромя всякихъ шутковъ?

Но Зинаида плакала и, вмѣсто разъясняющаго отвѣта, поцѣловала племянницыну руку и опять проговорила:

— Вотъ и ничего болѣе!

— Ну, и прощай!

— Да, и прощай, Пахита, прощай!

А когда Праша подошла къ двери, она ее окликнула и еще разъ сказала:

— Прощай же, Пахита, прощай!

Праша не придала этому прощанію никакого особеннаго значенія, а такое значеніе здѣсь было, потому что на другой день Зинаида Павловна, никѣмъ не замѣченная, исчезла изъ дома племянницы и уже никогда болѣе къ ней не возвратилась.

Дѣтей своихъ она поручала Апрѣлю Иванычу, который и въ самомъ дѣлѣ устроилъ, что требовалось. Зинаида Павловна отозвалась Прашѣ изъ Кіева: «Не думай, будто я отъ своихъ дѣтей убѣжала,—писала она,—это несправедливо; но меня обидѣлъ фершелъ, который давалъ не того лѣкарства отъ жасминовъ, и я не захотѣла оказать себя при замужней дочери, чтобъ ей не было стыдно».

Прашу и замужнюю дочь Зинаиды Павловны это извѣстіе очень разсердило. Дочь говорила: «пусть къ намъ и не возвращается»; но Апрѣль Иванычъ заступался за «слабую женщину», и это познакомило Прашу съ подозрительностью и ревностью, подъ вліяніемъ которыхъ она находила большое утѣшеніе въ томъ, что такая «слабая женщина» отъ нихъ отъѣхала.

Съ этихъ поръ прошло пять лѣтъ жизни тихой и совершенно счастливой, и когда писательскій сынъ былъ уже въ третьемъ классѣ гимназіи, Апрѣль Иванычъ вдругъ сталъ сбираться къ роднымъ въ свою «поляцкую сторону» и, несмотря на многія неудобства, уѣхалъ туда грустный, а воз-

вратился еще грустнѣе, и какъ разъ въ это самое время пришло ужасное письмо отъ Зинаиды Павловны, возвѣщавшей Прашѣ, что она живетъ тѣмъ, что чиститъ ягоды для варенья, и что Богъ тогда же давно далъ ей «двойку заразъ, мальчика и дѣвочку».

Прашѣ показалось, что это что-то сверхъестественное и не къ добру.

— Какъ это... женщина уже за сорокъ лѣтъ, и столько уже было дѣтей, и потомъ еще вдругъ сразу рождается пара! Это къ несчастью!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Праша поскорѣе послала въ Кіевъ «на зубокъ» десять рублей, но не написала родственницѣ никакого письма. Ей было не до того: Апрѣль Иванычъ возвратился въ Петербургъ изъ своей стороны какой-то разстроенный и съ такою скрытною скорбью, что Праша въ этомъ не могла разобраться и понять: въ чемъ дѣло зависитъ. Одно время она подумала, не получилъ ли онъ какихъ-нибудь невыгодныхъ для нея сравненій, и сейчасъ же подумала, чего ей можетъ въ его глазахъ недоставать, и нашла это. Разъ, утромъ, когда Апрѣль Иванычъ, по своему обычаю, внимательно осмотрѣлъ и пристегнулъ ранецъ къ плечамъ уходившаго въ гимназію писательскаго сына, Праша походила за мужемъ съ мѣста на мѣсто и, наконецъ, сказала:

— Апрѣль Иванычъ! вы не думайте, что я другой вѣры... я за вами послѣдую.

Онъ растрогался и поцѣловалъ у нея руку, и сказалъ, что ничто такое не нужно, и ничего безпокойнаго нѣтъ.

— Ну, а на всякій случай,— продолжала Праша: — вы это знайте... Мы нигдѣ не пропадемъ.

Но Апрѣль Иванычъ опять увѣрилъ ее, что ничего нѣтъ. Праша успокоилась и отвѣчала:

— Значитъ и слава Богу. Только руки моей, пожалуйста, никогда не цѣлуйте.

— Отчего?

— Я этого не стою.

— Не стоите!.. Вы сами не знаете, чего вы стоите!

— Ну, оставимъ это!.. Я не привыкла... Право, голубчикъ, не надобно... Я устыждаюсь... Я лучше васъ просто такъ поцѣлую... потому что я васъ теперь вѣдь люблю...

Что вы съ недовѣріемъ смотрите?! Нѣтъ, это вѣрно, вѣрно! Я не солгу, ни за что не солгу... Вотъ, когда вы со мною женились, я васъ тогда еще не любила, я вамъ такъ и сказала, что «уважать васъ я уважаю, но особенно не люблю», потому что тогда еще другой человѣкъ у меня всѣмъ моимъ сердцемъ командовалъ, а теперь...

— Неужли вы его позабыли?

— Нѣтъ!.. Ахъ, нѣтъ, другъ мой! Нѣтъ! А только, извините жъ меня, вѣдь если мы объ этомъ заговорили, то я должна правду сказать: теперь я ни о немъ, ни о васъ порознь не думаю, а оба вы вмѣстѣ для меня какъ будто въ одно слились... Право, это правда, правда, истинная правда! Онъ, вы, я—это будто совсѣмъ все одно, и это что̀ было тогда, и что̀ сейчасъ есть, и что дѣти рождаются—это какъ-то какъ будто мимо уплываетъ.

Апрѣль все ее благодарилъ и успокаивалъ, но она видѣла, что онъ самъ не спокоенъ, и она спрашивала его про родину: гдѣ живетъ его сестра? Нельзя ли послать ей пять фунтовъ кофею? Правда ли это была, будто у нихъ наши взыскивали съ тѣхъ, кто своихъ покормитъ?

Апрѣль Иванычъ отвѣчалъ женѣ «будто какъ изъ-подъ неволи», и вдругъ забредилъ о какой-то огромной артельной растратѣ, которую будто онъ сдѣлалъ не по своей волѣ. Но никакой артельной растраты не было, а Апрѣля Иваныча пришлось отвезти въ сумасшедшій домъ. Пасынокъ о немъ страшно скорбѣлъ, и скорбь его перешла въ страданіе, когда его превосходный вотчимъ вскорѣ же умеръ, истерзанный мучительною тревогой.

Вотъ вамъ и Зинаида Павловна и ея «двоешка»!

И съ какой стати, и для чего ей было нужно писать о всѣхъ такихъ происшествіяхъ въ Петербургъ? Чистила бы себѣ въ Кіевѣ ягоды — и кончено! Да и Прашѣ некогда и нѣтъ никакой надобности разсуждать о пустякахъ. У нея теперь уже не одинъ сынъ, а *трое дѣтей*, а кормилица у нихъ опять одна она, безграмотная фефёла, и начальство ей не поможетъ.

Въ тотъ же день, какъ схоронили Апрѣля Иваныча, литераторскій сынъ сталъ писать для матери ея прачечные счета̀ и наблюдалъ, ка̀къ читаютъ мальчикъ Абрамчикъ и дѣвочка Пелагенчка.

Дѣла у Праши были опять по-старому: черезъ годъ еще

пошли въ школу и Абрамчикъ съ Пелагеичкой, а когда они тамъ подучились, ихъ отвели: Абрамчика къ дядѣ повару, а дѣвочку Пелагеичку поставили крахмалить и гладить. Другой карьеры имъ не намѣчалось, но старшій ихъ братъ, «литераторскій сынъ», все еще учился и достигъ того, что «вышелъ на лѣкаря». Мать преисполнилась восторгомъ, что это *она вывела*, и не знала, что̀ бы такое сдѣлать, чтобы дать ходъ своему сердцу? Она вспомнила о Зинаидѣ и рѣшила съѣздить въ Кіевъ «отблагодарить Бога» и посмотрѣть, что̀ тамъ дѣлаетъ Зинаида. Можетъ-быть, ей худо и она стыдится придти назадъ. Надо ее обласкать и увезти къ себѣ и жить съ нею вмѣстѣ... И надо это поскорѣе: нельзя откладывать примиренія, — смерть такъ и ходитъ.

Праша отправилась въ Кіевъ, ощущая въ себѣ приливъ теплаго и нѣжнаго чувства; переѣзжая Днѣпръ, она любовалась видомъ и плакала, а на другой день пошла въ пещеры и, какъ прачка, замѣтила, что вездѣ бы все надо помыть. Въ тотъ же день она пошла искать по Кіеву Зинаиду Павловну, но не могла ее найти: ни въ одномъ конфетномъ заведеніи ее не знали. Прашѣ только случайно удалось напасть на слѣдъ Зинаиды Павловны черезъ посредство послушниковъ монастырской гостиницы, которые всѣ ее знали; но путь къ ней былъ не простъ. Послушники указали Прашѣ на двухъ лицъ, имѣвшихъ въ томъ мѣстѣ значительное положеніе. Это были два такъ-называемые старца, которые сидѣли на сходахъ лѣстницы съ чашками, прося подаянія. Одинъ изъ нихъ былъ слѣпецъ Ереней, а другой кривоустый Игнаша. Они просили милостыню, но были люди очень достаточные и даже имѣли въ городѣ домъ. Зинаида была у нихъ «за хозяйку».

Праша своимъ ушамъ не вѣрила, но это была правда: она пошла разыскивать Зинаиду и нашла ее, ибо она дѣйствительно находилась въ хозяйкахъ у двухъ старцевъ, изъ которыхъ только одинъ могъ видѣть благообразіе ея лица, именно Игнатъ «кривоустый», а «слѣпецъ» Ереней могъ цѣнить лишь другія ея достоинства.

На хлѣбахъ у старцевъ Зинаида Павловна еще раздобрѣла и потерпѣла отъ лѣтъ только въ томъ отношеніи, что у нея выпало много волосъ и она облысѣла; но зато она теперь обвязала себѣ голову яркимъ, полосатымъ плат-

комъ и ходила, какъ святочная туркиня, что̀ опять ей было очень къ лицу и дѣлало ее интересною.

Если бъ ее увидалъ въ этомъ уборѣ давній ея обожатель, французъ, то въ немъ, навѣрное, опять могла бы заиграть его художественная фантазія, и онъ могъ бы выпустить новое произведеніе, достойное и его, и Зинаиды Павловны.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Обѣ фефёлы встрѣтились на порогѣ и были такъ изумлены, что обѣ сначала молчали дольше, чѣмъ было пристойно друзьямъ, а потомъ хотя и заговорили, но ихъ разговоръ оказался безъ толка.

Хозяйка спросила гостью:

— Ахъ, это ты?.. Ну, скажите, пожалуйста! Праша, Прашенція!.. Всходи же скорѣе!

Праша вошла и тотчасъ же сѣла. «Туркиня», повязанная фуляромъ, ей не нравилась. А та продолжала спрашивать:

— Какъ же ты поживаешь? Апрѣль Иванычъ померъ... Что, братъ, подѣлаешь! Я за него подавала на часточку. Хотя онъ и не нашей вѣры, но это можно. Раздѣвайся, Прашенція!

А Праша слушала Зинаиду Павловну и смотрѣла на нее, а сама удивлялась, отчего у нея до сихъ поръ все такая же пышная и бѣлая шея, и Праша сказала:

— А что у тебя теперь твои ячмени уже не бываютъ?

— Бываютъ!—отвѣчала Зинаида Павловна.—А ты стала совсѣмъ пожилая!

— Еще бы! Сынъ уже на лѣкаря вышелъ. Твои дѣти тебѣ кланяются.

— Охъ, не говори мнѣ про дѣтей!

— Отчего?.. Все хорошо.

— Все равно... Какая я мать!

— Ничего. Богъ дастъ, будетъ иначе.

— Нѣтъ, ужъ поздно!

Праша очень хотѣла продолжать разговоръ, но имъ не о чемъ было болѣе говорить и никакого примѣненія для тѣхъ нѣжныхъ чувствъ, съ которыми ѣхала Праша, не оказывалось. Зинаида Павловна потчивала Прашу тѣмъ и другимъ и водила ее по дому, показывала, гдѣ спитъ слѣ-

ной и гдѣ кривоустый. Домъ былъ не маленькій, и у всѣхъ свои помѣщенія. У слѣпого было немножко грязновато, но онъ вѣдь ничего не видитъ, а у кривоустаго все было совсѣмъ какъ у хорошаго купца: и образникъ, и конторка. Спальня Зинаиды Павловны была вся застлана тюменьскимъ ковромъ и въ ней стоялъ пребольшой образникъ, въ которомъ серединное мѣсто занимала ея Курская Заступница. Передъ этою образницей горѣли три лампады, а напротивъ въ углу за пологомъ взбита большущая перина, уложенная на такой высокой двуспальной кровати, что для входа на нее приставлена была у ногъ скамейка. Кровать была крѣпкая, но оляповато выкрашенная темно-зеленою масляною краской съ розами на столбикахъ.

Зинаида Павловна стала показывать гостьѣ свое мастерство, котораго она прежде не знала.

Праша увидала глубокія тростниковыя корзины, полныя разноцвѣтныхъ лоскутьевъ плису, манчестеру и иныхъ матерій. Изъ всего этого Зинаида Павловна съ дѣвочкой шили шапочки, которыя старцы продавали. Зинаида Павловна стала перечислять, какъ это выгодно. «Мнѣ, — говорила она, — лоскутки носятъ жидовки, а онѣ берутъ этъ шитвицъ, а гдѣ тѣ достаютъ, я ужъ того дѣла не знаю».

— Крадутъ,—сказала Праша.

— Не знаю; но только я у нихъ на полтину куплю, а нашью шапочекъ на пятьдесятъ рублей...

Разговаривая такимъ образомъ, Зинаида Павловна водила Прашу по дому, показывая ей то за одною, то за другою дверью боковушки, чуланцы и кладовушечки, а сама участливо ее разспрашивала:

— Ну, а какъ же ты сама, моя милая Пашенція, въ разсужденіи того прочаго?.. Или еще въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ все вдовѣешь по-настоящему?

— Ну, а то какъ же еще!.. Разумѣется, вдовѣю.

— Ахъ, мой другъ, въ «разумѣется» еще иногда что-нибудь «под»—разумѣвается.

Праша услыхала въ этихъ словахъ что-то «несвойственное» и застѣнчиво сказала: «Еще что выдумай побезстыжѣе!»

А какъ Зинаида Павловна въ отвѣтъ на это захохотала, то Праша метнулась отъ нея въ сторону и налегла рукою

на какую-то дверь, которая легко растворилась и открыла небольшую свѣтлую комнату съ широкимъ мягкимъ диваномъ, на которомъ сидѣлъ по-турецки, заложивъ нога на ногу, здоровеннѣйшій мужчина съ косматою головою, въ длинномъ, черномъ одѣяніи, перетянутомъ широкимъ ремнемъ по здоровому чреву.

Передъ нимъ на столѣ стояли графины, бутылки, тарелки, табакъ и папиросныя гильзы, а въ рукѣ у него была гитара, и когда Праша его увидала, ей показалось, что онъ одновременно, заразъ пользовался всѣми своими способностями, т.-е. пилъ, жевалъ, курилъ и игралъ на гитарѣ, а вдобавокъ, увидавъ обѣихъ женщинъ, простеръ къ нимъ свои радушныя объятія и весело крикнулъ:

— Ходите обѣ до купы!

Праша метнулась назадъ и съ гнѣвомъ отшвырнула Зинаиду Павловну, которая какъ будто хотѣла отрѣзать ей отступленіе, — и она задрожала и спутала у себя въ головѣ всѣ соображенія, кромѣ того, что тутъ ужасно и опасно. А Зинаида Павловна, какъ всегда равнодушная къ тому, что къ массѣ ея грѣховъ обнаружился еще одинъ грѣхъ, доброжелательно убѣждала свою вдовствующую племянницу:

— Брось-ка ты свои лоханки, Прашенція, и оставайся здѣсь, я тебя съ душеполезнымъ монахомъ познакомлю.

Но этого Праша такъ испугалась, что сейчасъ же начала прощаться, а когда Зинаида еще хотѣла ей что-то показывать, она отвѣтила:

— Нѣтъ, пусти скорѣй, мнѣ у тебя страшно.

— Да чего-о?

— Не знаю... я испугалась, — и она ушла, такъ нелѣпо простившись, что ничего не сказала о дѣтяхъ и не жалѣла, что не говорила ни о чемъ дѣльномъ.

— Я почему-то вдругъ поняла, — говорила она: — что чѣмъ говорить о томъ, о чемъ нельзя говорить, лучше молчать.

Она осталась только еще на одинъ день, чтобы посмотрѣть, «какъ Владиміра памятнику церемонію дѣлаютъ», и, увидавъ, какъ въ престрашный жаръ нѣсколько солдатъ въ мундирахъ упали замертво на мостовую, совсѣмъ разстроилась и уѣхала на сѣверъ. По дорогѣ въ вагонахъ успокоилась и стала размышлять, что ей еще нельзя

быть въ толпѣ, что она человѣкъ тихій и ей нужна тишина. Дѣти ея на ногахъ и у всѣхъ у нихъ есть свой умъ и рукомесло; ей уже можно теперь пожить для себя.

— А какъ для себя хорошо пожить! Я этого, вообразите, во всю жизнь никогда не думала, а тутъ вдругъ какъ будто кто-то точно стоитъ въ потемочкахъ въ уголкѣ вагона и мнѣ напоминаетъ, что хотя я прожила въ большомъ счастьи, но я вѣдь мужа съ женой разлучила, что объ этомъ забывать худо, а лучше думать объ этомъ!

И это ей сдѣлало пользу.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Одинъ великій человѣкъ сравниваетъ нашу жизнь на землѣ съ положеніемъ пассажировъ, ѣдущихъ на кораблѣ, который совершаетъ далекое плаваніе. Кормчій пускаетъ ихъ погулять по острову, къ которому пристало судно, но даетъ всѣмъ наставленіе не отходить далеко и спѣшить назадъ на корабль по первому звуку призывной трубы. Кто ходитъ недалеко и помнитъ о своемъ кормчемъ, тотъ не прозѣваетъ его сигнала и поспѣетъ въ свое время, и поплыветъ далѣе, а кто заберется далеко и тамъ расположится, какъ дома, тотъ или совсѣмъ сигнала не услышитъ, или если и услышитъ, то не успѣетъ прибѣжать на корабль, а останется на этапномъ островѣ, гдѣ ему казалось, что тутъ его настоящее жительство, и тогда такъ и придется ему оставаться на островѣ съ дикарями, которые готовы поѣсть другъ друга.

Праша, очевидно, ходила не дальше того, откуда она могла услыхать то, что̀ ей надо было услышать, чтобы не жить съ дикарями.

Первою примѣтой, что до слуха Праши долетѣлъ отзывающій звукъ, было то, что она стала равнодушна къ такимъ вещамъ, на которыя ранѣе всегда обращала вниманіе. Она всегда любила быть въ аккуратѣ, и вдругъ начала выходить на улицу въ пальто, надѣтомъ въ одинъ рукавъ, или вовсе въ накидку, «по-генеральски».

Это замѣтили лавочники и дворники и говорили:

— Преудивительно, никогда такъ не ходила; всегда, бывало, идетъ въ аккуратѣ, а теперь одну руку въ одинъ рукавъ всунетъ, а другую забудетъ и еще локоть подопретъ, — совершенно старый генералъ ползетъ.

Ей объ этомъ шутя говорили, но она какъ будто не понимала даже, о чемъ рѣчь, и продолжала «ходить по-генеральски», а потомъ стали замѣчать, что она перестала возражать и спорить, и на многое старалась «смотрѣть мимо», и потомъ вдругъ перестала бояться крысъ, мертвыхъ и грозы и ничего рѣшительно не желала, кромѣ тихаго уединенія, котораго ищутъ околѣвающія животныя.

Она сдала свое заведеніе и на вырученныя маленькія деньги купила себѣ маленькое хозяйство въ Финляндіи, гдѣ обмывала и обшивала выкармливаемыхъ крестьянами подкидышей воспитательнаго дома.

Отъ здѣшней ли тишины, или отъ чего другого, въ умѣ Праши стали проявляться понятія, какихъ прежде не было: сообразно перемѣнѣ понятій, она измѣняла и свои отношенія къ тому, до чего это касалось. Такъ, напримѣръ, она не только не хотѣла говорить что-либо во вредъ людей того края, гдѣ стала жить, — это дѣлаютъ и другіе, кому законность и порядокъ пріятнѣе произвола и безпорядка,— но она утратила всякій вкусъ къ похвальбѣ и неохотно пріѣзжала изъ своей избы въ Петербургъ. Зато она имѣла то, чего разумно искала: покой.

Одной неугомонной Зинаидѣ Павловнѣ суждено было дѣлать послѣднія испытанія духовнаго и умственнаго роста Праши. Престарѣлая красавица была угнетаема потребностью дѣлиться своими успѣхами въ свѣтѣ и неожиданно прислала неграмотной Прашѣ письмо, въ которомъ извѣщала ее, что изъ двухъ кіевскихъ старцевъ Зинаиды Павловны одинъ, слѣпой, вышелъ изъ ихъ компаніи и, найдя себѣ въ Кіевѣ племянницу, уѣхалъ съ нею жить въ Воронежъ, а зато другой старецъ, «кривоустый», такъ Зинаидѣ покорился, что «поженился на ней законнымъ бракомъ». Зинаида Павловна, съ одной стороны, была очень рада, что теперь она опять замужняя, а съ другой — она боится, какъ бы ей не было наказанія отъ Бога за то, что она поклялась не выходить замужъ послѣ своего перваго мужа.

Праша не хотѣла ей отвѣчать на это.

— Если бъ я сама умѣла писать, я бы ей написала, что уже какъ мнѣ теперь сорокъ лѣтъ, то мнѣ въ это время всѣ источники жизни должны затвориться.

Сосѣднія сироты-дѣти и чухны Прашу скоро узнали и полюбили, и она ихъ тоже.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Изъ чухонъ у Праши даже завелся одинъ пріятель: это былъ бѣднѣйшій старикъ Авель. Онъ жилъ, какъ гномъ, въ какой-то земляной норѣ, и Праша его сперваначалу даже немножко пугалась. Низенькій кривоногій и косматый и, притомъ, очень старый, но черноволосый, безъ сѣдины; одѣтъ всегда въ овечьей курткѣ черной шерстью вверхъ, а штаны изъ кожи. Днемъ онъ сидѣлъ надъ своею ямкой и плелъ кошели, а самъ пѣлъ, все что-то пѣлъ, а ночью опять выползалъ и долго-долго бродилъ между большими каменьями, а потомъ взлѣзалъ на камень и дремалъ. Праша скоро узнала, что старый Авель человѣкъ не страшный, и перестала его бояться. А потомъ спросила его: что онъ поетъ?

Онъ отвѣчалъ:

— Сальми.

— А зачѣмъ сидишь наружѣ ночью?

— Лушаю.

— Что же ты слушаешь?

— Чехо усами услыхать нельзя.

«Должно-быть, онъ помѣшанный», — подумала Праша, а выходить изъ избушки и сидѣть наружѣ и ей понравилось.—«Сидишь въ тишинѣ и до того утихнешь, что вдругъ что-то слышишь: точно какъ-будто Апрѣль Ивановичъ *Пеленака* читаетъ».

— Авель! — говоритъ Праша: — я у васъ научилась сидѣть на дворѣ ночью.

— Хоросо... сити!

— А для чего вы, Авель, вокругъ камня ходите?

Авель не понялъ и замоталъ головою.

— Для чего вы на другую сторону все смотрите?

Авель понялъ, какъ хотѣлъ, и отвѣчалъ:

— И ты смотри на другую сторону!

И Прашѣ понравилось, что Авель говоритъ о небесномъ: какъ смотрѣть «на другую сторону жизни».

Ей стало пріятно смотрѣть, какъ чухонскій лохматый Авель старается услыхать слухомъ неслышное и заглянуть на сторону невидимую, и она стала выходить ночью и подолгу сидѣть съ Авелемъ здѣсь между камнями. Сурово, строго и свѣжо какъ въ воздухѣ, такъ и на душѣ. И ка-

питанская труба съ судна нѣтъ-нѣтъ да и раздастся разъ отъ разу зычнѣе.

Наконецъ, была даже Прашѣ наивысшая радость: отъ нея совсѣмъ отступилъ блѣднолицый страхъ смерти. Но жизнь иногда еще трогала.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Разъ Праша получила письмо; она отгадала, что это отъ Зинаиды Павловны, и спрятала его до свиданія со мною. Письма Зинаиды Павловны Праша понимала за небезопасное по своему содержанію, соблазнительное чтеніе, которое могло смущать неопытныя души. И то, которое находилось теперь въ ея рукахъ, было такое же: отцвѣтшая красавица начала его привѣтомъ «Пашѣ-Прашѣ-Пашенціи», а потомъ извѣщала, что, Богъ далъ, она овдовѣла, и теперь уже «по батюшкиному благословенію опредѣлилась въ монастырь», гдѣ начальницею та самая дама, у которой Праша «мужа отбила».

Праша поблѣднѣла и вздрогнула. Я хотѣлъ прочесть далѣе про себя, но она оправилась и просила читать вслухъ.

Зинаида описывала, какъ эта дама стала теперь «жизни высокой» и можетъ обо всемъ говорить по-христіански, и сынъ у нея грубіянъ, живетъ съ актерами, но она его простила и Прашу простила. Но тутъ Праша перебила и сказала:

— Ну, вотъ, и я ее простила.

— Это хорошо.

— Я ее давно простила. Она тогда мнѣ за три мѣсяца жалованья не отдала. Это бы намъ на хлѣбъ годилось, но я это-то ей и простила, но только не стоило бы намъ съ нею объ этомъ вспоминать нынче.

Кромѣ начальницы, Зинаида писала, что «есть у нихъ въ обители много разныхъ святынь, но много и искушеній», такъ что Зинаида Павловна «днемъ молится, а ночью иногда котомку шьетъ и бѣжать хочетъ; но какъ только ударяютъ къ заутренѣ, дьяволъ отъ нея отлетаетъ», а «скоро она уже приметъ ангельскій чинъ, и тогда ей уже нѣтъ и не будетъ возврата въ міръ земной, гдѣ все искушеніе». Но хотя сама Зинаида и спаслась, но она еще не спокойна за нее, Прашу, и по любви своей къ ней увѣщаетъ ее, чтобы она скорѣе одумалась и, отложивъ всѣ заботы, укры-

лась въ обитель. «Здѣсь станемъ жить съ тобою въ одной кельѣ и вмѣстѣ умолять Всевышняго за весь грѣшный родъ человѣческій».

— Ня! — воскликнула Праша и еще сильнѣе поблѣднѣла.

— Что̀ вы хотите сказать?

— Не читайте больше.

Но тутъ старушка Праша живо взяла изъ моей руки письмо красавицы, разорвала его на мельчайшія части и бросила ихъ въ топившуюся печку. Потомъ мы просидѣли нѣсколько минутъ тихо, и послѣ я ей сказалъ:

— Не надо сердиться.

— Я и не сержусь, — отвѣчала Праша: — а то она мнѣ совѣтуетъ замужъ, то къ монаху, то самой въ монахини. Какой безпокой! А мнѣ хорошо.

И она сама разсказала мнѣ, какъ она ходитъ въ темнотѣ между камнями и говоритъ съ Авелемъ или читаетъ одна «Отче нашъ». Теперь уже она вовсе не боится смерти и всегда чувствуетъ одну радость.

Авель ей натолковалъ:

— Ты нецего-та не пейса-та!.. Онъ-то тебя посоветъ-та!.. Дѣ тэбѣ нато-то, ты тамъ-то и будесъ!

— И знаете, — закончила Праша: — я такъ и чувствую, что я тамъ, гдѣ мнѣ надо.

Она ласково улыбалась и какъ бы ждала, чтобы я ей что-нибудь возразилъ, но я молчалъ.

Вскорѣ послѣ этого Праша и совсѣмъ «ушла въ другое мѣсто». Разъ утромъ нашли дверь ея избушки широко открытою, а тѣло хозяйки лежало на камнѣ, и на устахъ у нея было нѣсколько капель крови, съ которою жизнь улетала изъ ея разорвавшагося сердца.

Такъ кончила свой воспитательный курсъ на землѣ эта фефёла, которая мнѣ кажется довольно обыкновенною русскою женщиной, которая никого не погубила и себя усовершила въ земной жизни, но въ этомъ ей ничего не помогъ ни литераторъ, котораго *она любила*, ни простой человѣкъ, который *ее любилъ*. Но она была хороша для всѣхъ, ибо каждому могла подать сокровища своего благого сердца. Если бы писатель жилъ долго, я думаю, что онъ бы ею наскучилъ, и она окончила бы свою жизнь гораздо хуже.

ГОЛОСЪ ПРИРОДЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Извѣстный военный писатель генералъ Ростиславъ Андреевичъ Ѳаддеевъ, долго сопутствовавшій покойному фельдмаршалу Барятинскому, разсказывалъ мнѣ слѣдующій забавный случай.

Проѣзжая съ Кавказа въ Петербургъ, князь однажды почувствовалъ себя въ дорогѣ нездоровымъ и позвалъ доктора. Было это, если я не ошибаюсь, кажется, въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Докторъ осмотрѣлъ больного и нашелъ, что опаснаго въ его состояніи ничего нѣтъ, а что онъ просто утомился и ему необходимо отдохнуть одинъ день безъ дорожной качки и тряски въ экипажѣ.

Фельдмаршалъ послушался доктора и согласился остановиться въ городѣ: но станціонный домъ былъ здѣсь прескверный, а частнаго помѣщенія, по непредвидѣнности такого случая, приготовлено не было. — Явились неожиданныя хлопоты: куда помѣстить на сутки такого именитаго гостя.

Пошла суета да бѣганье, а нездоровый фельдмаршалъ тѣмъ временемъ помѣстился въ почтовой станціи и улегся на грязномъ диванѣ, который для него только чистою простынею покрыли. Между тѣмъ вѣсть объ этомъ событіи, разумѣется, скоро облетѣла весь городъ и всѣ военные побѣжали поскорѣе чиститься и нарядиться, а штатскіе—сапоги наваксили, виски припомадили и столпились противъ станціи на другомъ тротуарѣ. Стоятъ и фельдмаршала высматриваютъ, — не покажется ли въ окно?

Вдругъ, ни для кого неожиданно и негаданно, одинъ

человѣкъ всѣхъ сзади распихалъ, выскочилъ и побѣжалъ прямо на станцію, гдѣ фельдмаршалъ на простынѣ, на грязномъ диванѣ лежалъ, и началъ кричать:

— Я этого не могу, во мнѣ голосъ природы воздымается!

Посмотрѣли на него всѣ и подивилися: что̀ за нахалъ такой! Мѣстные обыватели всѣ этого человѣка знали, и знали, что санъ у него не великъ — такъ какъ онъ былъ не штатскій, не военный, а просто смотрителишка при какомъ-то мѣстномъ маленькомъ интендантскомъ или комиссаріатскомъ запасѣ, и грызъ вмѣстѣ съ крысами казенные сухари да подошвы, и такимъ манеромъ себѣ какъ разъ черезъ дорогу противъ станціи хорошенькій деревянный домикъ съ мезониномъ нагрызъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Прибѣжалъ этотъ смотритель на станцію и проситъ Ѳаддеева, чтобы непремѣнно о немъ доложить фельдмаршалу.

Ѳаддеевъ и всѣ другіе стали его отговаривать.

— Зачѣмъ вамъ,—это совсѣмъ не требуется и никакого пріема чиновъ тутъ не будетъ, — фельдмаршалъ здѣсь только для временнаго отдыха отъ своей усталости и, какъ отдохнетъ, опять уѣдетъ.

А интендантскій смотритель на своемъ стоитъ и еще больше воспламенился, — проситъ, чтобы непремѣнно о немъ князю доложили.

— Потому что я, говоритъ, — не славы ищу и не почестей, а въ томъ самомъ видѣ именно и предстою, какъ вами сказано: не по службѣ, а по усердію моей ему благодарности, такъ какъ я всѣмъ на свѣтѣ князю обязанъ и теперь во всемъ моемъ благоденствіи, голосомъ природы возбуждаемъ, желаю ему благодарно долгъ отдать.

Его спросили: — а въ чемъ вашъ долгъ природы заключается?

А онъ отвѣчаетъ:

— Таковъ мой долгъ благодарной природы, что князю здѣсь въ казенной неопрятности нехорошо отдыхать, а у меня какъ разъ отсюда визави домъ, свой домъ съ мезониномъ, и жена у меня изъ нѣмокъ, домъ нашъ содержится въ чистотѣ и опрятности, то у меня для князя и для васъ есть на мезонинѣ комнаты свѣтлыя, чистыя, вездѣ на всѣхъ окнахъ занавѣски бѣлыя съ кружевами и на чистыхъ по-

стеляхъ тонкое бѣлье полотняное. Я желаю съ большимъ радушіемъ принять у себя князя, какъ отца родного, потому что я всѣмъ въ жизни ему обязанъ и безъ того отсюда не пойду, чтобы ему не было доложено.

Такъ онъ настойчиво на этомъ стоялъ и не хотѣлъ уходить, что фельдмаршалъ изъ другой комнаты услыхалъ и спрашиваетъ:

— Какой это шумъ? Нельзя ли мнѣ доложить: о чемъ такой разговоръ слышно?

Тогда Ѳаддеевъ все доложилъ, а князь пожалъ плечами и говоритъ:

— Рѣшительно не помню, какой-такой это человѣкъ и чѣмъ онъ мнѣ обязанъ; а, впрочемъ, посмотрите его комнаты, которыя онъ предлагаетъ, и если онѣ лучше этой лачуги, то я приглашеніе его принимаю и за безпокойство ему заплачу. Узнать — сколько хочетъ?

Ѳаддеевъ пошелъ мезонинъ у интенданта осмотрѣлъ и докладываетъ:

— Помѣщеніе очень спокойное и чистота необыкновенная, а про плату хозяинъ и слышать не хочетъ.

— Какъ такъ, и отчего? — спросилъ фельдмаршалъ.

— Говоритъ, что онъ много вамъ обязанъ и голосъ природы его побуждаетъ за счастье выразить вамъ долгъ благодарности. А иначе, говоритъ, — если платить хотите, то я и дверей своихъ открыть не могу.

Князь Барятинскій засмѣялся и этого чиновника похвалилъ.

— Однако, я замѣчаю, говоритъ, — онъ молодецъ и съ характеромъ — это въ нашей сторонѣ стало рѣдко, и я такихъ людей люблю: вспомнить, чѣмъ онъ мнѣ обязанъ, я не могу, но къ нему перейду. Давайте вашу руку и идемъ отсюда.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Перешли улицу и... во дворъ; а у калитки уже фельдмаршала встрѣчаетъ самъ смотритель,—припомаженъ, приглаженъ, на всѣ пуговицы застегнутъ и съ лицомъ самымъ радостнымъ.

Князь какъ оглянулся вокругъ — видитъ все чисто, свѣтло сіяетъ, за палисадникомъ зелень веселая и розы въ цвѣту. Князь и самъ развеселился.

Спросилъ: — какъ хозяина зовутъ?

Тотъ отвѣчалъ, что въ родѣ Филиппъ Филипповъ Филипповъ.

Князь продолжаетъ съ нимъ разговоръ и говоритъ:

— Очень у тебя хорошо, Филиппъ Филиппычъ, — и мнѣ нравится; только одного я никакъ припомнить не могу: гдѣ и когда я тебя встрѣчалъ или видѣлъ, и какое я тебѣ могъ одолженіе сдѣлать?

А смотритель отвѣчаетъ:

— Ваша свѣтлость меня очень видѣли, а когда, — это если забыли, — то послѣ объяснится.

— Зачѣмъ же послѣ, когда я сейчасъ тебя хочу вспомнить.

Но смотритель не сказалъ.

— Прошу, говоритъ, — у вашей свѣтлости прощенія: если вы сами этого не вспомнили, то я сказать не смѣю, но голосъ природы вамъ скажетъ.

— Что за вздоръ! какой «голосъ природы», и отчего ты самъ сказать не смѣешь?

Смотритель отвѣчаетъ: «такъ, не смѣю», и глазами потупился.

А тѣмъ временемъ они пришли на мезонинъ, и здѣсь еще лучше чистота и порядокъ: полъ весь мыломъ вымытъ и хвощомъ натертъ такъ, что свѣтится, по серединѣ и вдоль всей чистенькой лѣстницы постланы бѣлыя дорожки, въ гостиной диванъ и на кругломъ передданномъ столѣ большой поливанный кувшинъ съ водою и въ немъ букетъ изъ розъ и фіалокъ, а дальше—спальная комната съ турецкимъ ковромъ надъ кроватью, и опять столикъ и графинъ съ чистой водой и стаканъ, и снова другой букетъ цвѣтовъ, а еще на особомъ столикѣ перо, и чернильница, и бумага съ конвертами, и сургучъ съ печатью.

Фельдмаршалъ сразу окинулъ все это глазомъ и очень ему понравилось.

— Видно, говоритъ, — что ты, Филиппъ Филиппычъ, человѣкъ полированный, знаешь, что какъ слѣдуетъ, и я тебя, дѣйствительно, какъ будто гдѣ-то видѣлъ, но не могу вспомнить.

А смотритель только улыбается и говоритъ:

— Не извольте безпокоиться: черезъ голосъ природы это все объясни

Барятинскій разсмѣялся:

— Ты, говоритъ,—братецъ, послѣ этого и самъ не Филиппъ Филипповичъ, а «голосъ природы»,—и очень этимъ человѣкомъ заинтересовался.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Легъ князь въ чистую постель — ноги и руки вытянулъ, и такъ хорошо ему стало, что онъ сразу же задремалъ: проснулся черезъ часъ въ прекрасномъ расположеніи, а передъ нимъ уже стоитъ прохладный шербетъ вишневый и этотъ самый хозяинъ проситъ его выкушать.

— Вы, говоритъ,—на лѣкарства медиковъ, ваша свѣтлость, не полагайтесь, а у насъ природа и вдыханіе атмосферы пользуютъ.

Князь весело ему отвѣчаетъ, что все это, говоритъ, очень хорошо, но я тебѣ долженъ признаться—я у тебя прекрасно спалъ, но, чортъ меня возьми, и во снѣ все думалъ: гдѣ же я тебя видѣлъ, или никогда не видалъ?

А тотъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, говоритъ,—вы изволили очень хорошо меня видѣть, но только совершенно въ другомъ видѣ природы и потому теперь не признаете.

Князь говоритъ:

— Хорошо, пусть такъ: но теперь здѣсь, кромѣ меня и тебя, никого нѣтъ, если же тамъ въ сосѣдней комнатѣ кто есть—то вышли всѣхъ ихъ вонъ, пусть на лѣстницѣ постоятъ, а ты мнѣ откровенно скажи безъ всякой секретности: кто ты такой былъ и въ чемъ твоя преступная тайна,—я могу тебѣ обѣщать выпросить прощеніе и обѣщаніе свое исполню, какъ есть я истинный князь Барятинскій.

Но чиновникъ даже улыбнулся и отвѣчалъ, что за нимъ ровно никакой провинной тайности нѣтъ и никогда не было, а онъ не смѣетъ только «сконфузить» князя за его непамятливость.

— Такъ и такъ, говоритъ,—я вашу свѣтлость за ваше добро постоянно помню и на всѣхъ молитвахъ поминаю; а нашъ государь и вся царская фамилія постоянно кого разъ видѣли и замѣтили—того ужъ цѣлый вѣкъ помнятъ. Потому дозвольте, говоритъ,—мнѣ вамъ словесно о себѣ ничего не вспоминать, а въ свое время я все это вамъ въ ясныхъ примѣтахъ голосомъ природы обнаружу—и тогда вы вспомните.

— А какое же ты къ этому средство имѣешь голосомъ природы все обнаруживать?

— Въ голосѣ природы, отвѣчаетъ,—всѣ средства есть.

Князь улыбнулся чудаку и говоритъ:

— Это твоя правда,—сказалъ князь:—забывать скверно, и нашъ государь и царская фамилія, дѣйствительно, удивительно какіе памятливые; но у меня память слабая. Не снимаю съ тебя воли, дѣлай какъ знаешь, только я желаю знать: когда же это ты будешь мнѣ свой голосъ природы обнаруживать, потому что я себя теперь въ твоемъ домѣ уже очень хорошо почувствовалъ и послѣ полуночи, холодкомъ, хочу выѣхать. А ты мнѣ долженъ сказать: чѣмъ тебя наградить за мой покой, который я у тебя имѣлъ,—потому что на это уже таковъ есть мой обычай.

Смотритель отвѣчаетъ:

— Я до полуночи успѣю вашей свѣтлости вполнѣ весь голосъ природы открыть, если только вы въ разсужденіи моей награды не откажете мнѣ то, что я составляю себѣ за драгоцѣннѣйшее.

— Хорошо,—отвѣчаетъ князь:—даю тебѣ свое слово, что все, о чемъ попросишь, я тебѣ сдѣлаю, но только не проси невозможнаго.

Смотритель отвѣчаетъ:

— Я невозможнаго просить не стану, а у меня такое желаніе больше всего на свѣтѣ, чтобы вы явили мнѣ протекцію, сошли ко мнѣ въ нижніе покои и сѣли съ нами за столъ и что-нибудь скушали, или даже хоть просто такъ посидѣли, потому что я нынче справляю мою серебряную свадьбу послѣ двадцати пяти лѣтъ, какъ я на Амаліи Ивановнѣ женился по вашему милосердію. А будетъ это къ вечеру въ одиннадцатомъ часу; въ полночь же, какъ вамъ угодно, вы можете благопристойно холодкомъ выѣхать.

Князь согласился и слово далъ, но только все-таки опять никакъ не могъ вспомнить: что это и откуда этотъ человѣкъ, и отчего онъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ женился на Амаліи Ивановнѣ по его милосердію?

— Я даже съ удовольствіемъ пойду на ужинъ къ этому чудаку,—сказалъ князь:—потому что онъ меня очень занимаетъ; да и по правдѣ сказать: мнѣ самому что-то помнится, не то насчетъ его, не то насчетъ Амаліи Ивановны, а что

именно такое — припомнить не могу. Подождемъ голоса природы!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Къ вечеру фельдмаршалъ совсѣмъ поправился и даже ходилъ гулять съ Ѳаддеевымъ,—городъ посмотрѣлъ и закатомъ солнца полюбовался, а потомъ, какъ возвратился домой въ десять часовъ, хозяинъ уже его ждетъ и къ столу проситъ.

Князь говоритъ:

— Очень радъ, сейчасъ приду.

Ѳаддеевъ пошутилъ, что это даже и кстати, потому что онъ послѣ прогулки почувствовалъ аппетитъ и очень хотѣлъ съѣсть, что̀ тамъ Амалія Ивановна наготовила.

Барятинскій опасался только того: не посадилъ бы его хозяинъ на первомъ мѣстѣ и не сталъ бы подавать много шампанскаго да потчивать. Но всѣ эти опасенія были совершенно напрасны: смотритель и за столомъ показалъ столько же пріятнаго такта, какъ и во всѣ предыдущіе часы, которые князь провелъ въ его домѣ.

Столъ былъ накрытъ щеголевато, но просто; въ зальцѣ, очень просторномъ, сервировка опрятная, но скромная, и зажжены два черные чугунные канделябра прекрасной французской работы, въ каждомъ по семи свѣчей. А вино стоитъ хорошихъ сортовъ, но все мѣстное,—но между ними толстопузенькія бутылочки съ ручными надписями.

Это — наливки и водицы разныхъ сортовъ и превосходнаго вкуса, и малиновыя, и вишневыя, и изъ крыжовника.

Сталъ смотритель гостей разсаживать, и тоже опять показалъ свою ловкость: не повелъ князя въ конецъ стола къ хозяйскому мѣсту, а усадилъ его гдѣ тотъ самъ хотѣлъ— между адъютантомъ князя и прехорошенькой дамочкой, чтобы было фельдмаршалу съ кѣмъ сказать и короткое слово, и любезностями къ пріятному полу заняться. Князь съ дамочкой сразу же очень разговорился: онъ интересовался, откуда она и гдѣ воспиталась и какое въ такомъ далекомъ уѣздномъ городѣ находитъ для себя развлеченіе?

Она ему на всѣ его вопросы отвѣчала очень смѣло и безъ всякаго жеманства, и открыла, что больше всего, будто, чтеніемъ книгъ занимается.

Князь спрашиваетъ: какія она книги читаетъ?

Она отвѣчаетъ: Поль-де-Кока романы.

Князь засмѣялся:

— Это, говоритъ,—веселый писатель, и спрашиваетъ:— Что же вы именно читали: какіе романы?

Она отвѣчаетъ:

— «Кондитеръ», «Мустанъ», «Сестра Анна» и прочіе.

— А своихъ русскихъ писателей не читаете?

— Нѣтъ, говоритъ,—не читаю.

— А почему такъ?

— У нихъ мало свѣтскаго.

— А вы любите свѣтское?

— Да.

— Почему же это такъ?

— Потому, что мы о своей жизни сами все знаемъ, а то интереснѣе.

И тутъ говоритъ, что у нея есть братъ, который сочиняетъ романъ изъ свѣтской жизни.

— Вотъ это любопытно!—сказалъ князь.—Нельзя ли хоть немножко видѣть, что онъ тамъ пишетъ?

— Можно,—отвѣчала дама, и на минуточку встала и принесла небольшую тетрадку, въ которой Барятинскій, взглянувъ только на первую страницу, и весь развеселился и подалъ ее Ѳаддееву, сказавши:

— Посмотрите, какъ бойко начато!

Ѳаддеевъ посмотрѣлъ на первыя строки свѣтскаго романа, и ему стало весело.

Романъ начинался словами: «Я, какъ свѣтскій человѣкъ, встаю въ двѣнадцать часовъ и утренняго чаю дома не пью, а ѣзжу по ресторанамъ».

— Чудесно?—спросилъ Барятинскій.

— Очень хорошо,—отвѣчалъ Ѳаддеевъ.

Въ это время всѣ развеселились, а хозяинъ всталъ, поднялъ вверхъ бокалъ съ шипучимъ цимлянскимъ и говоритъ:

— Ваша свѣтлость, прошу вашего позволенія, ко всеобщему и моему удовольствію, въ сей драгоцѣнный для меня день, дозволить мнѣ изъяснить: кто я такой и откуда и кому всѣмъ, что имѣю къ своему благоденствію, обязанъ. Но не могу я этого изложить въ хладномъ словѣ человѣческаго голоса, такъ какъ я ученъ на самыя мелкія деньги,

а разрѣшите мнѣ во всемъ законѣ моего естества при всѣхъ торжественно испустить гласъ природы!

Тутъ уже настало время самому фельдмаршалу сконфузиться, и онъ до того смѣшался, что нагнулся внизъ, будто хотѣлъ салфетку поднять, а самъ шепчетъ:

— Ей-Богу, не знаю, что̀ ему сказать: что̀ это онъ такое спрашиваетъ?

А дамочка, его сосѣдка, щебечетъ:

— Не бойтесь, разрѣшайте: ужъ Филиппъ Филипповичъ дурного не выдумаетъ.

Князь думаетъ: «Э, была—не была,—пусть испущаетъ голосъ!»

— Я такой же гость, говоритъ,—какъ и всѣ прочіе, а вы хозяинъ—дѣлайте, что̀ вы хотите.

— Благодарю всѣхъ и васъ,—отвѣчаетъ смотритель и, махнувъ головой Амаліи Ивановнѣ, говоритъ:—иди, жена, принеси что̀ ты сама знаешь собственными твоими руками.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Амалія Ивановна вышла и идетъ назадъ съ большою, ярко отполированною мѣдною валторною, и подала ее мужу; а онъ взялъ, приложилъ трубу къ устамъ и весь въ одно мгновенье перемѣнился. Только-что надулъ щеки и издалъ одинъ трескучій раскатъ, какъ фельдмаршалъ закричалъ:

— Узнаю, братъ, тебя, сейчасъ узнаю: ты егерскаго полка музыкантъ, котораго я за честность надъ плутомъ интендантомъ присматривать посылалъ.

— Точно такъ, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ хозяинъ.—Я вамъ этого напоминать и не хотѣлъ, а сама природа напомнила.

Князь обнялъ его и говоритъ:

— Выпьемте, господа, всѣ вдругъ тостъ за честнаго человѣка!

И изрядно-таки выпили, а фельдмаршалъ совсѣмъ выздоровѣлъ и уѣхалъ чрезвычайно какой веселый.

СИБИРСКІЯ КАРТИНКИ
XVIII-го ВѢКА.

Изъ дѣлъ сибирской старины.

РАЗСКАЗЪ.

«Наше историческое развитіе шло по-своему».
Н. Данилевскій.

Отъ автора.

Настоящему разсказу о дѣлахъ, происходившихъ въ Сибири въ XVIII вѣкѣ, необходимо предпослать нѣсколько строкъ вмѣсто предисловія.

Болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, въ первой книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1882 годъ на первомъ мѣстѣ было начато печатаніемъ изслѣдованіе Вакха Гурьева, подъ заглавіемъ: «Исповѣдный штрафъ въ Сибири въ теченіе прошлаго XVIII-го вѣка». Авторъ этого изслѣдованія, Вакхъ Гурьевъ, былъ православный священникъ и происходилъ изъ сибирскихъ уроженцевъ, близко знавъ дѣла этого обширнаго азіатскаго края, онъ сдѣлалъ себѣ въ литературѣ извѣстность нѣсколькими достойными вниманія изслѣдованіями о сибирской старинѣ. Изслѣдованіе Гурьева объ «исповѣдномъ штрафѣ» тоже обѣщало представить очень живой историческій и этнографическій интересъ; любопытство, возбужденное появленіемъ статьи въ московскомъ журналѣ, не было, однако, вполнѣ удовлетворено, потому что изъ всего изслѣдованія въ «Русскомъ Вѣстникѣ» напечатано только три главы, а остальное обѣщано впредь,

по продолженія не было. Не было продолженія этой статьи и ни въ какомъ другомъ изданіи, а въ законченномъ въ 1892 году трудѣ В. И. Межова: «Сибирская библіографія» (№ 6972), «Исповѣдный штрафъ» Вакха Гурьева прямо показанъ неоконченнымъ *).

Свѣдѣніе это надо считать наиобстоятельнѣйшимъ, для котораго излишни были бы повѣрки, но и онѣ были сдѣланы и принесли тѣ же самые результаты: большая исторія, описаніе коей было начато по документамъ и живымъ, устнымъ разсказамъ и повѣстямъ, остается въ зачаточномъ положеніи, безъ развитія и безъ конца, а потому и не приводитъ читателя ни къ какому опредѣлительному выводу и заключенію.

Была ли рукопись этого изслѣдованія доведена Вакхомъ Гурьевымъ до конца — неизвѣстно, равно какъ неизвѣстна и причина, по которой печатаніе «Исповѣднаго штрафа» было въ «Русскомъ Вѣстникѣ» прервано и не окончено. Можетъ-быть, это зависѣло отъ неблагопріятныхъ для литературной работы условій въ положеніи самого автора, который въ это время перемѣнилъ мѣсто и, перейдя на службу въ Царство Польское, умеръ въ Калишѣ 24 іюля 1890 г.

Случай даетъ теперь возможность изложить это дѣло во всей его полнотѣ и законченности, хотя и безъ тѣхъ частностей, которыми располагалъ Вакхъ Гурьевъ, знавшій Сибирь по личнымъ наблюденіямъ и пользовавшійся разсказами другихъ старожиловъ.

Случай же этотъ заключается въ слѣдующемъ. Въ С.-Петербургѣ жилъ и здѣсь же не такъ давно скончался извѣстный сибирскій золотопромышленникъ, генералъ-маіоръ Веніам. Ив. Асташевъ, съ которымъ я былъ знакомъ и отъ котораго подарены мнѣ нѣсколько копій съ дѣловыхъ бумагъ, касающихся сибирской жизни. Довольно долгое время бумаги эти лежали у меня неразобранными, а когда я сталъ ихъ просматривать лѣтомъ прошедшаго года, то увидалъ, что въ нихъ есть очень значительная доля того матеріала, который встрѣчается въ обработанномъ видѣ въ изслѣдованіи Вакха Гурьева объ «исповѣдномъ штрафѣ

*) «Сибирская Библіографія», Вл. Изм. Межова (Изданіе И. М. Сибирякова, Спб. 1892 г.), содержащая въ себѣ «Указатель книгъ и статей о Сибири».

XVIII-го вѣка», и что матеріалъ этотъ не ограничивается тѣмъ, что̀ попало уже въ начало изслѣдованія Гурьева, а идетъ дальше сплошною и неразрывною цѣпью событій до тѣхъ поръ, пока дѣло кончается въ тридцатыхъ годахъ истекающаго нынѣшняго столѣтія. Матеріалъ даетъ возможность закончить недоконченное изслѣдованіе объ «исповѣдномъ штрафѣ», который находчивостью сибирскихъ дѣятелей переходитъ въ другое дѣло—«о небытіи», потомъ въ дѣло «о скверноядствѣ», и наконецъ—«о простотѣ», въ которой все и «тонетъ въ тундрахъ Сибири».

Крайне заинтересованный этимъ оригинальнымъ дѣломъ, я рѣшился изложить его въ нижеслѣдующемъ разсказѣ, причемъ — дабы сохранить изложенію цѣльность — долженъ былъ вкратцѣ сказать опять и о томъ, что̀ уже разсказано въ трехъ главахъ повѣствованія В. Гурьева въ «Русскомъ Вѣстникѣ», съ тою, однако, разницею, что какъ я не знаю мѣстныхъ преданій о всей этой исторіи, то я ихъ и не касаюсь, а веду весь разсказъ гораздо кратче и у̀же, чѣмъ разсказъ Гурьева, пущенный въ первыхъ трехъ главахъ широко—до чрезвычайности.

Я держусь въ моемъ изложеніи дѣла однѣхъ бумагъ, и притомъ, — какъ я имѣю основаніе думать, — именно тѣхъ самыхъ бумагъ, которыми пользовался для своего начатаго и недоконченнаго труда Вакхъ Гурьевъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Среди явленій русской жизни въ Сибири чрезвычайно характернымъ и любопытнымъ представляется борьба свѣтскихъ и духовныхъ властей съ крещеными сибирскими инородцами и другими людьми, которые не понимали важности принятыхъ ими на себя обязанностей. Особенно много заботъ было о томъ, чтобы они не уклонялись отъ исповѣди.

Архивы сибирскихъ консисторій, духовныхъ правленій и губернскихъ и воеводскихъ канцелярій хранятъ до сихъ поръ множество дѣлъ «о небытіи», «о скверноядствѣ» и «о злоупотребленіи простотою», изъ которыхъ рачителемъ сибирской старины сдѣланы были нѣкоторыя выписки, приведенныя здѣсь нами въ порядокъ.

Дѣло, о которомъ будетъ рѣчь, сначала получило названіе «о небытіи», подъ которымъ и упоминалось въ бумагахъ. Началось оно при Петрѣ Великомъ и, какъ думаютъ

нѣкоторые, — по его мысли, а во всякомъ случаѣ по его указу 14-го февраля 1716 года (т.-е. за девять лѣтъ до его кончины). Въ указѣ томъ «великій государь велѣлъ всякаго чина людямъ у отцовъ духовныхъ повсегодно исповѣдываться, а ежели кто не исповѣдуется, на таковыхъ попамъ подавать росписи архіереямъ, а имъ тѣ росписи отсылать губернаторамъ, а губернаторамъ и лантратамъ класть на тѣхъ людей штрафъ, противъ дохода съ него втрое, а потомъ имъ ту исповѣдь исполнять. А которые прежде податей не платили и явятся виновными, тѣхъ обложить, примѣняясь къ тому же, а съ дѣвокъ и вдовъ противъ онаго вполы. Раскольниковъ же положить противъ настоящаго платежа».

Такимъ образомъ, денежный штрафъ за «небытіе» (т.-е. у исповѣди) былъ наложенъ этимъ указомъ одновременно какъ на раскольниковъ, такъ и на церковныхъ людей, которые въ очень большомъ количествѣ не являлись для исповѣди къ своимъ духовнымъ отцамъ.

Отсюда началось это дѣло; а далѣе сейчасъ мы будемъ видѣть, какъ этотъ источникъ потёкъ по азіатской окраинѣ, гдѣ рѣдкое и бѣдное кочевое населеніе живетъ въ обширномъ разсѣяніи и притомъ «пребываетъ въ состояніи природной простоты и совершенной дикости».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Наложеніе штрафа за неявку къ исповѣди сначала поручалось *свѣтскимъ властямъ*, «губернаторамъ и лантратамъ», а по скольку налагать на каждаго человѣка, неявившагося къ исповѣди — на это искали опредѣленія въ указѣ, гдѣ сказано, что надо «класть штрафъ противъ доходовъ съ него (отбѣгальщика) *втрое*». Лантраты поняли такъ, что раскольниковъ нужно «записать въ *двойной* окладъ (платимыхъ ими податей)», а церковныхъ, не явившихся къ исповѣди, слѣдуетъ оштрафовать *втрое*. И многіе такъ и сдѣлали, а чрезъ это вышло, что раскольники, заплатившіе двойной окладъ, «отводили исповѣдную повинность» дешевле, чѣмъ православные, которыхъ лантраты обложили штрафомъ «втрое противъ доходовъ съ нихъ». Православные, увидавъ изъ этого, что имъ гораздо выгоднѣе совсѣмъ «записаться по двойному окладу», объявили себя раскольниками. Они стали являться къ свѣтскимъ властямъ и про-

сили «записать ихъ въ двойной окладъ», а тѣ это исполняли, и расколъ возрасталъ въ своей численности.

Другіе же люди, которые не хотѣли зачислять себя въ раскольники, «по двойному окладу», стали обращаться къ «приходскимъ попамъ» съ подкупами, чтобы «попы показывали ихъ *бывшими*». Попы брали за это «посулы» и показывали небытейщиковъ «бывшими», и такимъ образомъ реестрація вмѣсто того, чтобы выяснить дѣло, повела къ усиленной лжи. А какъ «посулы» за фальшивыя отмѣтки небытейщиковъ «бывшими» брали одни попы и не дѣлились этими доходами съ причетниками, то среди сихъ послѣднихъ запылала всеобщая зависть противъ настоятелей и пошли на нихъ доносы.

Доносовъ было множество, а представители духовной власти ихъ не скрывали, а напротивъ, охотно направляли ихъ на видъ высшаго начальства, чтобы показать, что свѣтскіе чины не могутъ хорошо вести это дѣло и только портятъ духовенство, предоставляя ему возможность покрывать виновныхъ въ уклоненіи отъ исповѣди.

Изъ-за этого между свѣтскими чиновниками и приходскимъ духовенствомъ начались споры и «подвохи». Духовное вѣдомство, по убѣжденію, что свѣтскіе неподлежаще записали въ раскольничій окладъ не-раскольниковъ, «посылало *своихъ фискаловъ* для розыска, а свѣтскія власти, потакавшія раскольщикамъ, схватывали посланцевъ духовнаго вѣдомства и сажали ихъ скованныхъ въ тюрьму и держали подъ крѣпкимъ карауломъ и оному изслѣдованію о раскольникахъ и духовныхъ дѣлахъ чинили тѣмъ сущую остановку» *). Свѣтскія же власти въ отпоръ этимъ укоризнамъ со стороны лицъ духовныхъ вывели на видъ, что «многіе священники въ поданныхъ ими духовныхъ росписяхъ за 1716 и 1717 годы (самые первые послѣ указа) многихъ дѣтей своихъ духовныхъ неисповѣдавшихся написали исповѣдавшимися, *а дѣйствительно бывшихъ у исповѣди* по злобѣ своей на нихъ *записали небывшими*».

О злоупотребленіяхъ въ подобномъ родѣ завелось множество дѣлъ, шли безконечные допросы, сыски и очныя ставки, а между духовными и свѣтскими чиновниками поднялась такая ожесточенная распря, что высшее правитель-

*) Указъ св. Синода 29-го марта 1721 года.

ство увидало необходимость быстро и энергично вмѣшаться въ это дѣло и дать ему другое направленіе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Десятаго и семнадцатаго марта 1718 года послѣдовали высочайшіе указы, которыми (10 марта 1718) категорически опредѣлялось: «по сколько именно надлежитъ брать штрафа съ разнаго званія людей, отбѣгающихъ исповѣди». Назначено брать «съ разночинцевъ и посадскихъ въ первый годъ по одному рублю, во второй — по два, а въ третій—по три, а съ поселянъ въ первый разъ по десяти денегъ, во второй — по гривнѣ, а въ третій — по пяти алтынъ». А чтобы штрафъ за небытіе взыскивался безъ попустительства и безъ пререканій между особами свѣтскаго и духовнаго чина,—все это дѣло передавалось въ завѣдываніе лицъ одного духовнаго вѣдомства,—а прежнимъ взимателямъ штрафа изъ особъ свѣтскаго званія настоящими указами предоставлялось только наказаніе виновныхъ. Заниматься взысканіемъ было, разумѣется, гораздо прибыльнѣе, чѣмъ наказывать несостоятельныхъ плательщиковъ, и потому свѣтскія власти описанною перемѣною были недовольны и стали дѣлать духовенству помѣхи.

Духовенству же съ «набытіемъ правъ» по сбору штрафовъ за небытіе прибыло и «страхованія», и «страхованія» эти были не шуточныя. Въ указѣ читаемъ: «А буде о тѣхъ, кто у исповѣди не будетъ, а священникъ о томъ не донесетъ и за такую его манѝ (sic) взять на немъ штрафъ первое пять рублевъ, второй — десять, а третій— пятнадцать рублевъ. А ежели по тѣмъ (т.-е. и послѣ третьяго штрафа) явится въ такой же манѣ и за то изверженъ будетъ священства».

И еще это «страхованіе» было усилено тѣмъ, что повелѣно было «по изверженіи» священниковъ «взять ихъ имѣніе», а самихъ ихъ «отсылать для наказанія къ гражданскому суду и въ каторжную работу».

Извѣстясь о такихъ указахъ, особы духовнаго чина не сразу разобрали: «пришло ли къ нимъ торжество или горечь». Дѣло оштрафованія «небытейщиковъ» обѣщало, конечно, хорошія выгоды, но и «страхованія» со изверженіемъ и отъятіемъ, а наипаче съ преданіемъ въ руки свѣтскихъ приказныхъ наводило на духовныхъ ужасъ, который

тѣмъ легче понять, что «свѣтскіе» питали зло на духовенство за передачу въ ихъ руки самой выгодной части дѣла, и теперь приказные, по всѣмъ вѣроятіямъ, не дадутъ спуску тѣмъ изъ духовныхъ, которые попадутся въ ихъ руки.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Особы свѣтскаго чина и дѣйствительно начали держать себя гордо и не уступали духовенству ни одного шага безъ непріятностей. Даже въ самомъ началѣ приказные манкировали требованіемъ духовенства. Съ 1718 по 1721 годъ духовное вѣдомство даже не добилось еще, чтобы свѣтскіе сообщили ему списки небытейцевъ. Губернаторы, камерируы и лантраты относились столь небрежно къ требованіямъ представителей церковной власти, что часто вовсе не отвѣчали на бумаги архіереевъ и тѣ только «съ безнадежностью» доносили объ этомъ московскому приказу церковныхъ дѣлъ. Однообразія въ дѣйствіяхъ не было, а повсемѣстно дѣло шло гдѣ какъ попало: въ одномъ мѣстѣ «небытейщиковъ» штрафовали священники, въ другомъ—приказные, и тѣ и другіе по своему безсудили однихъ и мирволили другимъ, а взысканныя деньги «представляли по своей командѣ», или даже вовсе не представляли. Шла вообще полная безурядица, съ которою московскій церковный приказъ уже не могъ найти никакого толку, и тогда за дѣло это взялось новое высшее церковное учрежденіе — св. правительствующій синодъ.

Только-что учрежденный тогда синодъ тотчасъ же оцѣнилъ значеніе дѣла о «небытейщикахъ» и указами отъ 20-го и 21-го чиселъ марта 1721 года сообщилъ въ сенатъ «вѣденіе», а епархіальнымъ архіереямъ послалъ указы, «чтобы впредь собираемые съ раскольниковъ и съ небывшихъ у исповѣди штрафы, опричь онаго святѣйшаго правительств. синода, въ другія мѣста не отсылать и опредѣленному въ Москвѣ камериру тѣхъ штрафныхъ денегъ и объ нихъ вѣдомостей не отдавать *)».

Такимъ энергическимъ и твердымъ мѣропріятіемъ св. синода былъ положенъ конецъ нахальному непослушанію приказныхъ свѣтскаго званія, но зато возникли теперь недоразумѣнія въ самомъ московскомъ приказѣ церковныхъ дѣлъ,

*) Указы св. синода 20-го и 29-го марта 1721 года.

которыми въ это время управлялъ архимандритъ Златоустовскаго монастыря Антоній.

ЛАВА ПЯТАЯ.

Подъ пригрозою св. синода свѣтскіе приказные сдали въ духовныя правленія «свѣденія и отписки» о небытейщахъ, но дѣла эти были въ такомъ видѣ, что въ нихъ нельзя было доискаться толку.

Златоустовскому архимандриту Антонію поручено было разобрать и привести въ ясность всѣ безпорядочно сунутыя съ рукъ приказными бумаги, а когда онъ разобрался, то увидалъ, что сами правительственныя указанія о тѣхъ, кого надо штрафовать, до сихъ поръ еще не ясны. Такъ, наприм., архимандритъ недоумѣвалъ: «какой штрафъ наложить и требовать съ людей, которые не подходили ни къ купеческому, ни къ крестьянскому сословію, и изъ числа коихъ являлись *многіе сирые и убогіе*, именно: солдаты, драгуны, ямщики и жены ихъ, зеленщики, каменщики, ученики латинской и математической школы, оружейники, столяры, *сторожа церковные*, *звонари соборные*, приказные сторожа и *приставы*, люди боярскіе, сокольники и ихъ работники и работницы, шляпнаго и суконнаго дворовъ ученики и работники, *дому государеса нижніе чины и дворовые люди*, хлѣбники, калашники, блинники, харчевники, масленники, печатнаго двора батыйщики и тередорщики и работные люди, кожевенники, портные мастеры, сапожники, канатчики, свѣчники, плотники, швальчики, пивовары и богадѣленные нищіе мужеска и женска полу».

Внимательный златоустовскій архимандритъ основательнымъ изученіемъ дѣла обнаружилъ такое положеніе, которое еще не было въ виду правительства, но которое, однако, вполнѣ соотвѣтствовало живописанію Посошкова, въ его «изъявленіи очевидности лицемудрія», гдѣ онъ писалъ, что у насъ «аще подкрѣпленія (указами) не будетъ, то и впредь вси по прежнему въ церковь ходить не будутъ» *). Небытейщиковъ приходилось забирать и штрафовать не въ отдаленныхъ дебряхъ и пустыняхъ, а въ покровительствуемыхъ императоромъ новоучрежденныхъ школахъ, при собственномъ государевомъ дворѣ и, наконецъ, даже при са-

*) См. «Сочиненія Посошкова», стр. 10.

мыхъ приходскихъ церквахъ и соборахъ, гдѣ сторожа и звонари упрямо не хотѣли «отбывать исповѣдь», а въ то же время эти упрямцы были такъ «сиры и бѣдны», что въ штрафъ съ нихъ нечего было взять ни въ первый разъ, ни во второй, ни въ третій.

Архимандритъ, обнаруживъ такое удивительное состояніе въ церковномъ благоустройствѣ, не испрашивалъ въ виду этого новыхъ попечительныхъ мѣропріятій, которыя, можетъ-быть, теперь были бы умѣстны, а только представилъ вопросъ: «съ вышеозначенныхъ разночинцовъ скудныхъ и бѣдныхъ рублевый ли штрафъ или за скудость *по усмотрѣнію или обыску* умалять — поселенскій ли или противо купечества штрафъ имать?» Далѣе онъ спрашивалъ: «какъ поступать съ тѣми, которые въ податныхъ книгахъ написаны неисповѣдавшимися, а послѣ той переписи и поданія книгъ померли?» Или—«съ тѣми, кои временно проживали въ домахъ на квартирѣ или въ работникахъ и при переписке записаны въ этихъ домахъ, а когда наступило время взысканія съ нихъ штрафа, они въ тѣхъ домахъ уже не оказались». Архимандритъ Антоній спрашивалъ у св. синода разрѣшенія, съ кого въ таковыхъ случаяхъ взыскивать штрафъ: «съ хозяевъ ли тѣхъ домовъ, или велѣть имъ тѣхъ людей отыскивать».

Такихъ осмотрительныхъ и осторожныхъ людей, какъ глава московскаго приказа церковныхъ дѣлъ, архимандритъ Антоній, оказалось довольно много. Въ виду «страхованія» и «пригрозъ», послѣдовавшихъ изъ синода, исполнительныя лица духовнаго вѣдомства старались дѣйствовать какъ можно осмотрительнѣе и, не принимая на себя ничего, что̀ имъ могло казаться хотя мало-мальски сомнительнымъ, съ разныхъ сторонъ слали въ синодъ свои многочисленные вопросы и «ожидали на нихъ въ разъясненіе указовъ».

Въ синодѣ скоро образовалось огромное скопленіе бумагъ этого рода, изъ которыхъ каждая требовала «наставленій, указаній и точныхъ и явныхъ опредѣленій». Синодъ былъ обремененъ этими бумагами и по многимъ изъ нихъ сносился съ сенатомъ, а сенатъ требовалъ свѣдѣній отъ губернаторовъ,—синодъ дѣлалъ замѣчанія архіереямъ, а архіереи—своимъ подначальнымъ администраторамъ, и все это при медлительности тогдашнихъ сношеній и при умышленномъ «препирательствѣ» и «отпискахъ» со стороны пред-

ставителей разныхъ вѣдомствъ страшно увеличивало громадность дѣлъ, заведенныхъ о «небытіи», изъ котораго въ результатѣ не выходило *ничего*!

Но здѣсь, въ Европейской Россіи, съ розысками «небытейщиковъ» все-таки не встрѣчалось такихъ достойныхъ памяти затрудненій, какія обнаружились въ Сибири, гдѣ разстоянія огромны, полу-кочевое народонаселеніе рѣдко и дико, а духовенство было въ тогдашнее время совершенно необразованно и имѣло за себя такихъ «крѣпкихъ» представителей, какъ Арсеній Мацѣевичъ, Павелъ Конюшкевичъ и другіе, любившіе постоять за свою власть. Тутъ нашлись настоящіе борцы для борьбы съ «свѣтскими властителями», и раченія ихъ достойны долгой памяти въ исторіи нашего духовнаго просвѣщенія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Въ Сибирь вопросъ о сыскѣ людей, не бывающихъ у исповѣди, пришелъ не сразу, но зато здѣсь онъ получилъ серьезную постановку. Первые «строжайшіе указы» о сыскѣ виновныхъ въ небытіи и о взысканіи съ нихъ штрафа пришли при митрополитѣ сибирскомъ Филоѳеѣ Лещинскомъ, который былъ настроенія аскетическаго и шумныхъ дѣлъ мірского характера не любилъ *), и потому, несмотря на всю строгость указовъ, повелѣвавшихъ немедленно начать безконечное дѣло «о небытіи», онъ не обратилъ на эти указы никакого вниманія. Или онъ былъ добръ и не хотѣлъ тѣснить людей, или, хорошо зная условія жизни сибирскихъ дикарей и полудикарей, онъ понималъ, что тамъ требуемое дѣло сдѣлать нельзя, а что отъ возни съ нимъ придетъ только порча на тѣхъ, кто начнетъ съ нимъ справляться. Дѣло тронулось только послѣ того, какъ Филоѳей отошелъ, въ 1721 году, на покой и на мѣсто его былъ сдѣланъ сибирскимъ митрополитомъ черниговскій архіерей Антоній Стаховскій. Съ этихъ поръ дѣло «о небытейщахъ» получаетъ движеніе и все возвышается строгая о немъ тре-

*) Сибирскій митрополитъ Филоѳей Лещинскій правилъ митрополіею *будучи въ схимѣ*. Онъ былъ на митрополіи съ 1702 года, и въ 1711 году принялъ въ тюменьскомъ монастырѣ схиму съ именемъ Ѳеодора; но по указу въ 1715 году опять былъ назначенъ къ управленію каѳедрою, и какъ разъ попалъ подъ нетерпѣливыя настоянія о взысканіяхъ за «небытіе». Отошелъ на покой въ 1721 г. и почилъ 1727 г.

бовательность, а съ тѣмъ вмѣстѣ разыгрывается и полнѣйшая невозможность выполнить надъ небытейщиками все то, что требовалось. Новый сибирскій іерархъ *) распорядился, чтобы сибирскіе священники въ концѣ церковныхъ богослуженій по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ «читали бы *всѣ прежде состоявшіеся* высочайшіе указы о хожденіи къ церквамъ и *о бытіи напаче* (курсивъ подлин.) у исповѣди», но на этой почвѣ дѣло не шло, и новый іерархъ (третій послѣ полученія указовъ «о небытіи») **) Варлаамъ Петровъ (другъ губернатора), черезъ пятнадцать лѣтъ повелѣлъ сибирскому духовенству смотрѣть на «взысканіе штрафа за небытіе» какъ на «самонужнѣйшее *государственное дѣло*» ***). И съ этихъ поръ въ нисходящихъ и восходящихъ бумагахъ по духовному вѣдомству въ Сибири начинаютъ писать объ «исповѣдной повинности» и объ «исповѣдныхъ недоимкахъ».

Дѣло стало трактоваться не какъ религіозное, а какъ *государственная повинность*, которую духовенство должно собирать и доставлять казнѣ. «А напаче не запускать недоимокъ».

Интересы высшаго и правящаго духовенства въ дѣлѣ этомъ расходились съ интересомъ приходскаго духовенства, которое представляло тутъ изъ себя инстанцію исполнительную, функціи которой на мѣстахъ «скитанія небытейщиковъ» были, однако, очень затруднительны. Для архіереевъ и ихъ консисторій было интересно, чтобы «оклады» за «небытіе» достигали цифръ какъ можно болѣе значительныхъ, а приходскіе іереи, которымъ надо было ѣздить да «сыскивать», встрѣчались съ такими практическими трудностями, которыя преодолѣвать было очень трудно, и поэтому священникамъ хотѣлось, чтобы «сыску» было какъ можно менѣе. Поэтому священники находили для себя удобнѣе и выгоднѣе не умножать числа «небытейщевъ», но чтобы это не сходило «небытейщамъ» съ рукъ даромъ,—съ нихъ брали «поминки», которыми и откупались отъ требовательности консисторскихъ приказныхъ, и такимъ образомъ

*) Митрополитъ сибирскій Антоній Стаховскій съ 1721 года. † 7-го марта 1740 г. (изъ малороссіянъ). (См. указъ его отъ 29-го апрѣля 1737 года.

**) Варлаамъ Петровъ (умер. 1768, † 1802), архіепископъ тобольскій.

***) 10-го іюля 1786 г. (Дѣл. арх. томск. дух. консист.).

завели по Сибири въ огромныхъ размѣрахъ правильно организованное «попустительство».

Объ этомъ узнали архіереи, и противъ поповъ призваны были дѣйствовать мѣстные агенты духовной администраціи и такъ-называемые «закащики» *), «десятильники» и «члены духовныхъ правленій», которые всѣ должны были наблюдать, чтобы «сыскъ виновныхъ въ небытіи производился неослабно, какъ самонужнѣйшее государственное дѣло», и чтобы приходское духовенство не мирволило небытейцамъ.

Но когда епископы пригрозили «закащикамъ» — эти послѣдніе напугались и въ огражденіе себя отъ отвѣтственности стали увѣрять, что «самонужнѣйшаго дѣла» въ Сибири совсѣмъ невозможно исполнить, и на этотъ счетъ были представлены объясненія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Закащики объясняли, что многимъ крещенымъ людямъ въ Сибири «невозможно отбыть исповѣдную повинность, потому что вблизи ихъ жительства на весьма далекое разстояніе нѣтъ вовсе церквей, а нѣкоторыя церкви хотя постройками и окончены, но еще не освящены и не снабжены утварью, а при другихъ, находящихся въ зѣло бѣдственномъ состояніи, издавна нѣтъ священниковъ, а гдѣ есть и священники, то у тѣхъ въ говѣйной порѣ не бываетъ ладану и вина, и совершать евхаристію не на чемъ и невозможно». «А люди хотя и окрещены, но остались въ первобытной дикости, и кочуютъ и скитаются въ мѣстахъ недоступныхъ **).

Донесенія «закащиковъ» были, конечно, не голословныя, а подкрѣплялись точными указаніями, которыхъ невозможно да и нѣтъ никакой нужды воспроизводить здѣсь во всей подробности, но для образца можно отмѣтить, что въ самой тобольской епархіи, которою управлялъ еп. Варлаамъ (Петровъ), сдѣлавшій штрафъ за небытіе «государственнымъ дѣломъ», прихожане «цѣлыхъ многолюдныхъ селеній и деревень оставались безъ исповѣди въ теченіе 1758, 1759, 1760 и другихъ годовъ *единственно за неосвященіемъ цер-*

---

*) Закащиками въ Сибири называли благочинныхъ.

**) См. дѣла и духовныя росписи за обозначенные годы, хранимыя въ архивѣ, помѣщающемся въ колокольнѣ томскаго Алексѣевскаго монастыря.

квей». А сколь эти села и деревни были многолюдны—открывается изъ подробныхъ росписей *), изъ коихъ видно, напримѣръ, что въ слободѣ Бѣлоярской, въ томскомъ и барнаульскомъ заказахъ не исповѣдывались 2 тыс. человѣкъ, въ берскомъ острогѣ — 3.155 человѣкъ, въ селѣ Тальменскомъ -1.645 чел., въ селѣ Легостаевскомъ—1.306 чел., въ селѣ Чингисскомъ—1.300, въ селѣ Кособоковскомъ—1.805, въ с. Космалинскомъ—1.874, а всего въ этой одной мѣстности тобольской епархіи 13.170 человѣкъ, и хотя всѣ они «не отбыли исповѣдной повинности *единственно* за неосвященіемъ церквей», и стало-быть отнюдь не по уклончивости, а безъ всякой съ ихъ стороны вины, но, тѣмъ не менѣе, «всѣ эти 13.170 человѣкъ *подверглись штрафу за небытіе* **). И въ такомъ положеніи были застигнуты жители многихъ мѣстностей сибирскаго края, и вездѣ съ нихъ точно такъ же взыскивали штрафы и *повторяли* эти взысканія во второй разъ и въ третій, и напрасно штрафуемые хотя «не видали своей вины», но «свыклись и обошлись съ положеніемъ, пріемля оное какъ бы за переводъ натуральной повинности въ денежную».

Если бы кому-нибудь похотѣлось избавить себя отъ платежа денегъ и отбыть исповѣдную повинность натурою, то ему для этого оставалось одно средство: ѣхать въ городъ или въ такое село чужого прихода, гдѣ все церковное благочиніе было въ порядкѣ, т. е. гдѣ былъ освященный храмъ, и при немъ священникъ и причтъ, церковная утварь, ладанъ и вино, и тутъ надо было стать постоемъ на постояломъ дворѣ и ходить къ службамъ церковнымъ, а потомъ отъисповѣдываться и взять въ томъ отписку для предъявленія своему заказщику; но это было сопряжено съ такими большими хлопотами и съ такою затратою времени и денегъ, что не представляло крестьянину никакихъ выгодъ, а, напротивъ, большіе убытки въ сравненіи съ уплатою штрафа.

Притомъ же еще и нельзя было разсчитывать, что если поѣдешь исповѣдаться въ отдаленный чужой приходъ, то все это тамъ и отбудешь. Это не всегда удавалось. Изъ дѣлъ видно, что люди, пытавшіеся запастись исповѣдными

*) При тѣхъ же дѣлахъ подъ колокольнею.

**) Дѣло въ архивѣ колокольни томскаго монастыря.

отписками отъ священниковъ чужихъ селъ. «ѣздили въ эти отдаленные приходы напрасно, ибо когда они пріѣзжали туда во время великаго поста, то не заставали тамъ поповъ при своей должности, поелику они были въ то время вытребованы въ заказы и содержались тамъ для объясненій въ теченіе нѣсколькихъ недѣль».

Вызовы же священниковъ въ заказы, какъ видно изъ тѣхъ же дѣлъ, даже «нарочито совпадали со днями постовъ» и были обыкновенно «послѣдствіемъ доносовъ, посылаемыхъ въ заказы отъ дьяконовъ и причетниковъ, съ очевиднымъ расчетомъ сдѣлать зло священнику, оторвавъ его отъ прихода въ говѣйные дни, когда люди отбываютъ исповѣдную повинность».

Слѣдовательно, сибирякамъ платить штрафъ за небытіе было удобнѣе и выгоднѣе, чѣмъ исполнять требу, и это получило развитіе, а начальство начало смотрѣть на это не только снисходительно, но даже и благосклонно, какъ на оборотъ весьма небезвыгодный для государства.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

При такомъ взглядѣ народились и умерли три поколѣнія, и приростъ небытейщиковъ былъ, конечно, огромнымъ. Такъ, напримѣръ, по духовнымъ росписямъ барнаульскаго заказа за 1758 годъ, въ слободѣ Малышевской всѣхъ жителей считалось 3.191, а когда стали вмѣсто исповѣди брать деньги, то вдругъ, черезъ четыре только года, тамъ объявилось уже 6.949 душъ (увеличилось на 3.758), въ с. Чингисскомъ было 1.307, а въ 1762 г. стало уже 3.901 (болѣе на 2.594). Въ Змѣиногорскомъ рудникѣ въ 1758 г. было всего 715 чел., а въ 1762 показано уже 2.294 (болѣе на 1.579) и т. д.

Естественнымъ образомъ такой приростъ населенія въ четыре года, конечно, былъ невозможенъ; но такъ какъ онъ фактически былъ налицо, то его остается объяснить тѣмъ, что при денежной повинности явились тѣ люди, которые ранѣе, при требованіи отъ нихъ натуральной исповѣди, укрывались.

Такимъ образомъ, какъ финансовое мѣропріятіе, обложеніе «небытія» денежнымъ штрафомъ въ самомъ дѣлѣ принесло пользу. Надо только было умѣть собирать съ этихъ людей доходы, отъ платежа которыхъ они не отбѣ-

гали, но сборы, однако, производились неаккуратно и правительство стало обезпокоиваться огромною недоимкою. Въ дѣлахъ есть указъ тобольской духовной консисторіи, отъ 10-го іюля 1786 года, изъ котораго видно, что «въ одномъ заказѣ черезъ пять лѣтъ небывшихъ накоплено 75.102 души, съ коихъ и запущено сбору 100.000 рублей». А какъ священники и закащики не имѣли средствъ какъ «донять» небытейцевъ, то дѣло опять стало клониться къ тому, чтобы раздѣлить операцію между агентами свѣтскаго и духовнаго чина, такъ что духовное вѣдомство должно было «доставлять своевременно самыя вѣрныя свѣдѣнія о числѣ небывшихъ у исповѣди, а свѣтскія власти—распоряжаться наложеніемъ и взысканіемъ штрафа».

Съ этимъ распоряженіемъ ни одинъ энергическій дѣятель въ духовной средѣ сначала не хотѣлъ помириться: духовнымъ вовсе не интересно было исполнять подготовительныя работы для «приказныхъ» и предавать имъ живыхъ людей, которые умѣли цѣнить оказываемыя имъ благодѣянія и выгоды, но практика показала, что духовенство не теряло своего значенія для мірянъ, такъ какъ отъ нихъ зависѣло: выдать небытейца или покрыть его небытіе.

Услѣдить за тѣмъ, что̀ станутъ дѣлать теперь въ Сибири съ небытейцами, было невозможно; а чтобы понять эту невозможность, припомнимъ себѣ на̀-скоро и вкратцѣ: что̀ такое представляло въ тѣ годы церковное благоустройство въ Сибири и какого духа она имѣла тогда іерарховъ и свѣтскихъ сановниковъ, бывшихъ съ тѣми іерархами въ ладахъ или въ контрахъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Въ началѣ XVIII вѣка, когда начался сыскъ небывающихъ у исповѣди людей, въ Сибири была одна епархія, которая именовалась (до 1768 года) «Сибирскою и Тобольскою». Пространство, занимаемое этою епархіею, было такъ велико, что одному архіерею, какъ бы онъ ни былъ энергиченъ, хорошо править ею было невозможно. Область этой епархіи обнимала собою все пространство отъ Уральскаго хребта до Берингова пролива и отъ Ледовитаго океана до сѣверной границы Китая и степей, гдѣ кочуютъ киргизы. Вдоль епархія простиралась на десять тысячъ

верстъ, а поперекъ—болѣе чѣмъ на три съ половиною тысячи. И на всемъ этомъ страшномъ пространствѣ архіерей долженъ былъ все окинуть своимъ административнымъ взглядомъ и все въ церковномъ управленіи упорядочить, и «небытейщиковъ сыскать», и обложить ихъ «за небытіе» штрафомъ, и даже произвести самое взысканіе.

Трудность этого управленія увеличивалась еще тѣмъ, что число крещеныхъ людей, подлежащихъ архіерейскому попеченію на всемъ огромномъ пространствѣ Сибири, было не велико, и они не сидѣли на землѣ всплошь къ одному мѣсту, а разметались по обширной странѣ враздробь, гдѣ кому казалось сподручнѣе и выгоднѣе. По ревизіи 1709 года въ Сибири насчитано, кромѣ инородцевъ, немного болѣе 230.000 душъ *), и эти христіане жили по городамъ и селеніямъ, а въ Сибири и города, и селенія разметаны другъ отъ друга на большія разстоянія, начиная отъ 200 и доходя до 500 верстъ и даже болѣе. Пути сообщенія, соединявшіе эти удаленные одинъ отъ другого пункты заселенія, ужасны и понынѣ **). Тогда они были «непроѣздными дорогами» въ настоящемъ, а не фигуральномъ смыслѣ этого слова: а притомъ и эти отчаянныя дороги пролегали главнымъ образомъ по теченію огромныхъ сибирскихъ рѣкъ: Оби, Иртыша, Енисея и Лены; а вдаль отъ береговъ этихъ рѣкъ и такихъ дорогъ не было.

Церквей на всю Сибирь было тогда числомъ 160, и изъ нихъ *половина* приходилась на городъ Тобольскъ и на селенія, ближайшія къ этому городу, въ которомъ жилъ іерархъ Сибири. Здѣсь онъ и могъ видѣть на извѣстное разстояніе вокругъ своего каѳедральнаго города нѣкоторое церковное благоустройство. Другая же половина всего числа сибирскихъ церквей (составлявшая число около 80-ти) приходилась на всю остальную Сибирь, съ ея разстояніемъ около 10 т. верстъ въ длину и болѣе 3 т. в. въ ширину,—т.-е. онѣ были разбросаны отъ Оби до Амура, и значительнѣйшее число ихъ опять и здѣсь приходилось на города, а въ селеніяхъ церкви были такъ рѣдки, что приходы, къ нимъ приписанные, тянулись отъ 200 до 500 верстъ ***).

---

*) См. Историческое обозрѣніе Сибири . Словцова, стр. 323.

**) См. письма Антона Чехова.

***) Журналъ Мин. Народн. Просвѣщ. 1851 г., ч. [illegible] стр. 49.

Отсюда ясно, что церковному причту «сыскать» всѣхъ своихъ прихожанъ и объѣхать ихъ во благовремѣніи съ требами было *невозможно!* Церкви же въ сибирскихъ селеніяхъ того времени всѣ были деревянныя, холодныя и бѣдныя, нерѣдко безъ утвари, а иногда и безъ богослужебныхъ книгъ, а также въ нихъ не было ни ладану, ни краснаго вина, ни муки для просфоръ. А безъ этихъ вещей православной обѣдни служить нельзя и причащать людей нечѣмъ. Запасы всего нужнаго для служенія литургіи приходили сначала «въ каѳедру», т.-е. въ Тобольскъ, а отсюда уже неспѣшно развозились по непроѣзднымъ путямъ отдаленныхъ пунктовъ, достигая къ мѣстамъ назначенія очень нескоро. А потому нерѣдко бывало, что во многихъ церквахъ не служили по полугоду и болѣе, а иныя и вовсе стояли безъ служителей. Такъ, напр., томскаго округа въ селѣ Тутольскомъ храмъ оставался безъ священника съ 1779 года по 1801, т.-е. слишкомъ въ теченіе двадцати лѣтъ *), а въ чардатской волости того же округа священника не было съ 1725 г. по 1784, т.-е. въ продолженіе шестидесяти лѣтъ!!.. Здѣсь даже причетники перевелись, такъ что между здѣшними обывателями успѣли народиться и свѣковать люди, совсѣмъ не видавшіе лицъ духовнаго сана... **).

И это не было явленіемъ исключительнымъ: «закащики» и изъ другихъ мѣстъ доносили о такихъ же положеніяхъ, а въ 1801 году одинъ «закащикъ» рапортовалъ архіерею Варлааму, что «уѣздныя церкви почти всѣ находятся въ самомъ бѣдственномъ состояніи, а индѣ и вовсе службу божію оставляютъ».

Духовныя правленія представляли, что въ такомъ положеніи «дѣло о небытіи» нельзя справить такъ, какъ хочетъ начальство: по духовенству поблажки не дано: приходы, въ которыхъ не было священниковъ, приписали на бумагѣ къ сосѣднимъ храмамъ, имѣвшимъ священниковъ, и велѣли продолжать исправлять «небытейцевъ».

А приходы, «соединенные» такимъ образомъ на бумагѣ, въ натурѣ представляли цѣлыя области, «раскидывавшіяся на *нѣсколько сотъ верстъ*». Для образца можно указать,

*) Указъ тобольск. д. консист. 9-го ноября 1779 г. и журн. томск. дух. правл. на 12 генв. 1801 г.

**) Указъ тоб. д. консисторіи 11-го мая 1784 года.

что, напримѣръ, въ приходѣ Ирменской церкви томскаго округа деревня Крутихина отстояла отъ церкви на 105 верстъ въ одну сторону, а деревня Панкрушихина — 157 верстъ въ другую *).

О книжномъ наученіи или о духовномъ назиданіи прихожанъ, конечно, нечего было и думать: «Люди оставались въ первобытной дикости».

Священникъ села Зыряновскаго *въ теченіе 20 лѣтъ* завѣдывалъ приходомъ села Тутомскаго, до котораго отъ его храма было 180 верстъ, а до самой отдаленной деревни этого «соединеннаго прихода» было 300 верстъ.

Понятно, что жители селеній, находившихся въ такихъ отношеніяхъ къ своему приходу, были очень затруднены «исполненіемъ исповѣдной повинности» натурою и имъ было гораздо удобнѣе платить штрафъ за свое «небытіе», къ чему они и стремились.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Но и въ тѣхъ сибирскихъ селеніяхъ, въ приходѣ у которыхъ были налицо священники и облаченія, и богослужебныя книги съ ладаномъ, виномъ и мукой для просфоръ и воскомъ, положеніе поселянъ въ отношеніи къ «отбыванію требъ» было не лучше, чѣмъ то, какое выше описано. Такъ, напримѣръ, въ самомъ концѣ XVIII в. жители Мелецкаго острога жаловались архіерею, что «хотя они усердіе ко святой церкви имѣютъ и святыхъ таинъ причащаться желаютъ, но священникъ ихъ, Василій Хавовъ, мертвыхъ не погребаетъ, младенцевъ не креститъ, родильницамъ молитвъ не читаетъ и св. таинъ не пріобщаетъ, а когда жъ прибудетъ въ годъ однажды черезъ почты съ колокольцемъ, съ мертвыхъ тѣлъ за погребеніе беретъ *сполна деньгами* и случится *коньми,* а погребенія нѣтъ **)».

Изъ жалобы этой трудно понять: какъ при такомъ священникѣ жители обходились съ мертвыми, т.-е. сберегали ли они трупы до пріѣзда священника, или хоронили безъ него, а онъ по прибытіи своемъ только «бралъ за погребеніе сполна деньги», или «коньми», а самаго погребенія не дѣлъ и опять отъѣзжалъ съ почтою?

Исканіе лучшихъ людей, болѣе соотвѣтствующихъ испол-

*) Ук. тоб. консист., 1766 г.
**) Указъ тобольск. д. консист., 5-го мая 1785 г.

ненію священническихъ должностей, не представляло никакого успѣха. Священники въ Сибири были столь необразованны, что «отъ простого мужика-поселянина отличались только одною букварною грамотою». Большею частію они «только умѣли *читать* церковно-славянскую грамоту, и *умѣнье писать признавалось высшею степенью образованія*». (Обстоятельство это надлежитъ особенно замѣтить, такъ какъ «умѣнье священника писать» имѣетъ большое значеніе въ достовѣрности отмѣтокъ о «небытіи», до которыхъ сейчасъ дойдетъ дѣло). Когда въ концѣ XVIII в. въ г. Красноярскѣ основывалась школа, для которой потребовался законоучитель, то во всемъ составѣ духовенства этого города не оказалось ни одного священника, который могъ бы учить дѣтей священной исторіи и начаткамъ православнаго ученія вѣры. Тогда стали искать такого способнаго человѣка въ духовенствѣ «енисейскаго и другихъ округовъ», но результатъ былъ тотъ же. Тогда, нужды ради, «съ разрѣшенія духовнаго и свѣтскаго начальства учителемъ былъ опредѣленъ сосланный на заводы поселенецъ изъ россійскихъ діаконовъ, нѣкто Полянскій»... Это былъ какой-то отчаянный гуляка, которому «нужды ради» выпала доля положить начало русской школѣ въ краѣ, но порочныя привычки ссыльнаго дьякона были причиною, что «черезъ годъ онъ оказался совершенно неспособнымъ по неумѣренному винопитію», и тогда онъ отъ учительства былъ устраненъ, а на его мѣсто опредѣленъ способный человѣкъ, разысканный въ томскомъ заказѣ. Это былъ понамарь Сусловъ, котораго красноярское духовное правленіе аттестовало такъ: «онъ, Сусловъ, въ чтеніи исправенъ, и письмоумѣющъ, и ариѳметики первую часть нынѣ доучиваетъ въ твердости, — чему и священно-церковно-служительскихъ дѣтей обучать со временемъ можетъ» *). Изъ всѣхъ учителей того времени въ Сибири никакой другой не былъ такъ хорошо аттестованъ, какъ этотъ Сусловъ, а объ остальныхъ учителяхъ духовныхъ школъ тобольская духовная консисторія сдѣлала общій отзывъ, что «изъ нихъ не всѣ и писать умѣютъ, или умножать по ариѳметикѣ» **).

Такія трудности приходилось преодолѣвать сибирскимъ

*) Ук. тобольск. консист. 15-го іюля 1790 г., № 118, и донесеніе красноярск. дух. правленія 14-го іюня 1791 г.

**) Ук. тобольск. консист. 5-го апр. 1791 г.

архіереямъ съ обученіемъ нарождавшагося въ XVIII вѣкѣ поколѣнія молодыхъ духовныхъ, но еще труднѣе было сладить съ замѣчательною безнравственностью взрослыхъ, при содѣйствіи которыхъ надлежало немедленно привлечь къ церкви упорныхъ въ своихъ заблужденіяхъ раскольниковъ и содѣйствовать «самонужнѣйшему государственному дѣлу».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Митрополитъ сибирскій Павелъ Конюскевичъ *) прибылъ на каѳедру съ обязательствомъ энергически вести дѣло «о небытіи», и онъ имѣлъ уже передъ собою всю описанную нами старую практику этого дѣла, и могъ видѣть, что исполнить все то, что̀ отъ него требовалось, здѣсь не съ кѣмъ. И вмѣсто того, чтобы скрывать настоящее положеніе и проводить время въ «страхованіяхъ» да въ отпискахъ, онъ далъ дѣлу *новое*, довольно смѣлое направленіе: послѣ многихъ безплодныхъ усилій (съ 1758 года по 1764 г.) онъ разослалъ по Сибири слѣдующій любопытный «циркуляръ», который современники почитали за «наилучшее изображеніе состоянія сибирскаго духовенства». Въ этомъ митрополичьемъ циркулярѣ изображено слѣдующее:

«Понеже по производимымъ въ канцеляріи тобольской духовной консисторіи дѣламъ оказуется, что здѣшней тобольской епархіи разныхъ мѣстъ священно-церковно-служители *безмѣрно въ пьянственныхъ случаяхъ* и въ *противонеблагообразныхъ* и не приличныхъ званію своему поступкахъ, въ противность свв. отецъ правилъ и духовнаго регламента житіе свое препровождаютъ, и въ *ярыжствахъ* обращаются, и *валяются* и *спятъ по улицамъ пьяны*, и въ *воровствахъ*, и въ *ложныхъ* подзаводскими крестьянами, яко бы объ отказѣ ихъ отъ заводовъ, *указовъ объявленіяхъ* обличаются, — отчего *въ народѣ чинятъ не малое смущеніе и соблазнъ раскольникамъ*, изъ коихъ,—какъ по дѣламъ значитъ, хотя бы нѣкоторые отъ раскольническаго своего злопагубнаго заблужденія и обратиться желали, но что означенные священники *безмѣрно упиваются* и въ пьянствѣ своемъ многія чинятъ — между людьми и *въ церквахъ сквернословныя ругательства*

*) Павелъ Конюскевичъ, изъ малороссіянъ, хиротонисанъ 23-го мая 1758 г. изъ архимандритовъ Юрьева монастыря. Уволенъ въ 1768 г. изъ Сибири «по обѣщанію» въ Кіево-Печ. лавру, гдѣ и теперь тѣло его находится подъ правымъ придѣломъ «Великой церкви».

и драки, и тому подобныя безчинія, тѣмъ претыкаясь отъ того своего проклятаго раскола не отстаютъ, и въ томъ они, священники, отъ нихъ, раскольниковъ, не малое повреждeніе и укоризненное посмѣяніе на себя и *всему духовному сану поношеніе наводятъ*»...

Выводъ получался такой, что люди, которые должны были исправить мірянъ, сами «наводятъ всему духовному сану поношеніе»...

Митрополитъ Павелъ это сказалъ, и, по замѣчанію одного изъ нашихъ церковныхъ историковъ, «убоялся вести свой корабль съ *пьяными матросами*». Онъ сталъ просить синодъ отпустить его для поклоненія святынямъ Кіева, и отправился туда на богомолье въ 1764 году и тамъ и умеръ *).

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Понять «обѣщаніе» митроп. Павла весьма легко, такъ какъ переносить жизнь среди такихъ людей, какіе описаны въ приведенномъ циркулярѣ, было ужасно. А если такова была «соль», которою должна была земля осоляться, то что же представляла собою вся страна? Нравственное состояніе Сибири въ XVIII в. дѣйствительно представляетъ какой-то адъ! Всѣ ученые и путешественники, побывавшіе въ XVIII вѣкѣ въ Сибири (Мюллеръ, Фишеръ, Гмелинъ и др.), въ одномъ духѣ описывали въ сибирскихъ жителяхъ страшную и отвратительную безнравственность. Духовные іерархи должны были объ этомъ знать, да и не могли не знать, потому что свѣтскія власти имъ на это указывали. Генералъ-губернаторъ Кашкинъ «неоднократно вынужденъ былъ обращаться къ еп. Варлааму (Петрову), **) прося побудить сибирское духовенство къ принятію надлежащихъ духовныхъ мѣръ къ истребленію въ народѣ *жестокости* и дерзновенія ко вчиненію *звѣроподобнаго свирѣпства и скотоподражательнаго разврата*».

Но сибирскіе іерархи не имѣли средствъ подѣйствовать такъ, какъ просилъ ихъ генералъ-губернаторъ. Лучшимъ средствомъ въ тогдашнее время считалось «личное воздѣйствіе на пасомыхъ». Тогда думали, будто «велѣніе архі-

*) Тѣло Павла тобольскаго, лежащее во гробѣ подъ церковью Кіево-Печерской лавры, до недавняго времени можно было видѣть.

**) Ук. тоб. д. конс. 26-го іюля 1782 г. Варлаамъ Петровъ тогда былъ еще епископомъ. Въ архіеп. произвед. въ 1792 г.

ерейскаго сана» производило на народъ благотворнѣйшее вліяніе; но паства сибирскихъ архіереевъ жила въ такомъ разсѣяніи, что іерархамъ очень трудно было навѣстить всѣхъ своихъ «пасомыхъ» и почти совсѣмъ невозможно показать большинству изъ нихъ велѣніе архіерейскаго служенія. Притомъ же обстоятельства показали, что даже и результатъ полезности архіерейскихъ объѣздовъ сомнителенъ, ибо пока архіерей кочевалъ для нравственнаго оздоровленія своихъ пасомыхъ, которые отличались «жестокостью и звѣроподобнымъ свирѣпствомъ и скотоподобнымъ развратомъ», безъ него въ его каѳедральномъ управленіи начинались ужасающіе безпорядки. Онъ не помогалъ одному и губилъ другое. Такъ, напримѣръ, когда упоминаемый въ началѣ этого разсказа сибирскій митрополитъ Филоѳей (Лещинскій) *первый* изъ всѣхъ сибирскихъ іерарховъ тронулся изъ своего каѳедральнаго города въ объѣздъ своей епархіи, то онъ провелъ въ этомъ путешествіи кряду *два года* (1718 и 1719), и хотя онъ окрестилъ въ это время 40.000 инородцевъ, но зато, лично посмотрѣвъ на своихъ подчиненныхъ, пришелъ къ такимъ взглядамъ, что по возвращеніи въ Тобольскъ не сталъ исполнять указовъ о штрафованіи за «небытіе», а «отошелъ на покой» и вскорѣ умеръ (1727 г., мая 31-го). А въ то время, пока онъ былъ въ отлучкѣ и крестилъ 40.000 инородцевъ, у него въ управленіи старокрещенными людьми завелись такіе непорядки, что это пошло въ примѣръ и пословицу. «Духовенство укрѣпилось въ мысляхъ, что надъ нимъ нѣтъ начальства, а надъ его дѣйствіями нѣтъ контроля, и при невѣжествѣ своемъ развило въ себѣ духъ своеволія, непокорства, самаго грубаго и безчестнаго произвола: даже тѣ, кому была поручена часть архіерейской власти и попеченіе и надзоръ за другими — игумены, закащики, десятинники — явились по своему безстрашію архіерейскія воли ослушниками, огурниками (sic) и продерзателями». А главное — за это время накопилось огромное количество нерѣшенныхъ дѣлъ и очень большое число «ставленниковъ» и «просителей», которые два года ожидали возвращенія архіерея. А епархіальный судъ въ это время совершилъ рядъ такихъ чудесъ, что схимнику Филоѳею показалось «нелѣть и слышать».

Таковы были результаты долговременной отлучки архіерея «въ объѣздъ», а скорѣе совершить «объѣздъ» было не-

возможно, и вотъ то, что съ одной стороны представлялось желательнымъ и «благополезнымъ», то съ другихъ сторонъ оказывалось неудобнымъ и даже совершенно вреднымъ. Сорокъ тысячъ дикарей, не разумѣвшихъ языка крестителя, были окрещены, но зато среди паствы, составлявшей коренную основу епархіи, все само себя позабыло...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

«Свѣтскія власти» видѣли, какъ многостороннее дѣло проповѣди, назиданій и взысканій за небытіе и особенно судъ у «духовныхъ властей», что называется, «ни въ коробъ не лѣзетъ, ни изъ короба не идетъ», и иронически относились къ умѣнью духовныхъ дѣятелей вести эти дѣла.

Особенно сильный поводъ къ критикѣ подавали судебные приговоры духовныхъ властей, на которые свѣтскіе должностные люди указывали какъ на очевидные образчики неспособности судей.

Духовный судъ, въ самомъ дѣлѣ, постановлялъ приговоры невѣроятные. Былъ, напримѣръ, въ Сибири нѣкто мичманъ Хмѣлевскій и онъ жилъ въ связи съ «крестьянскою женкою Екатериною». По какому-то случаю это открылось и дошло до митрополита Сильвестра *), и тотъ опредѣлилъ мичману такую эпитимію: «въ праздничный день стоять ему среди церкви во время литургіи на колѣняхъ съ возженною свѣчею, а когда время выходу изъ церкви народу приспѣетъ, тогда положить его (мичмана) на прагъ въ трапезѣ ницъ и лежать (ему) потолѣ, пока черезъ его весь народъ изъ церкви пройдетъ, въ которое время просить ему проходящихъ черезъ него, да помолятся Господу Богу о отпущеніи грѣховъ его; а по исполненіи сего отослать въ воинскую команду для наказанія, чему достоинъ по воинскимъ артикуламъ. А женку *Екатерину, кромѣ такой же эпитиміи, на страхъ другимъ, наказать кошками»* **).

Другой случай: въ Сибирь слѣдовала изъ Россіи по этапу женщина Ефросинья Михайлова, которая до высылки ея была уже замужемъ за тремя мужьями. По дорогѣ она

*) Сильвестръ Гловатскій, митрополитъ сибирскій, изъ архимандритовъ свіяжскаго монастыря, 1749, іюля 6-го. Перевед. въ Суздаль 9-го окт. 1755 г.

**) Указъ тоб. д. консист. 3-го сент. 1752 г.

имѣла несчастіе понравиться отбывавшему вмѣстѣ съ нею путину ссыльному Захару Ѳедорову, но Захаръ Ѳедоровъ Ефросиньѣ не понравился и она не хотѣла отвѣчать его любовнымъ искательствамъ. Да притомъ же Ефросинья была богобоязлива и уважала церковный бракъ, а «прелюбодѣянія не хотѣла». Тогда ссыльный Захаръ обратился съ своею незадачею къ партіонному сержанту Логгинову, и тотъ за небольшую мзду уладилъ дѣло. Онъ, во-первыхъ, нѣсколько разъ «нещадно» билъ Ефросинью Михайлову «батожьемъ», чтобы она была сговорчивѣе, и когда та, изнурясь отъ жестокаго боя, стала подаваться и отпиралась уже только тѣмъ, что «боится блуднаго грѣха», то сержантъ сказалъ, что «за этимъ дѣло не станетъ», и, приведя партію въ село Абалацкое, близъ Тобольска, обвѣнчалъ ее «по принужденію *четвертымъ* бракомъ».

Нещадно избитая батожьемъ, Ефросинья покорилась «принужденію» и сдѣлалась женою ненавистнаго ей поселенца Ѳедорова, и пока шла въ партіи, она, подъ страхомъ батожья, исполняла для его желанія супружескія обязанности; но, придя на мѣсто поселенія—въ Колыванскую волость Томскаго округа, подала жалобу въ томское духовное правленіе, и въ той жалобѣ разъясняла всю свою нестерпимую обиду и доводила, что «какъ бракъ ея съ поселенцемъ Ѳедоровымъ есть *насильственный* и *четвертый* (для нея), а потому, стало-быть, очевидно незаконный, то онъ по существу своему совсѣмъ не есть бракъ, а прелюбодѣйная связь, и она этого прелюбодѣянія продолжать не допуститъ».

Духовное правленіе разлучило временно этихъ супруговъ и донесло о событіи тобольской духовной консисторіи, которая «съ докладу его преосвященству *) опредѣлила: женку Ефросинью Михайлову *оставить въ замужествѣ* при поселенцѣ Захарѣ Ѳедоровѣ, *впредь до разсмотрѣнія*, а о состояніи ея *взять отъ онаго мужа ея извѣстіе*» **)... Какъ должна была чувствовать себя эта несчастная женщина, опять насильно отданная консисторіею поселенцу на подер-

*) По книгѣ Юрія Толстого въ сибирской епархіи съ 1768 значится Варлаамъ Петровъ, а съ 1803 — Антоній Знаменскій. Варлаамъ — это тотъ, который постановилъ дѣло о «небытіи на степень самонужнѣйшаго и государственнаго».

**) Ук. тоб. дух. к. 3-го сент. 1752 г.

жаніе, да еще «съ докладу его преосвященству»!... И въ чемъ отъ этого поселенца «о состояніи ея» требовалось «извѣстіе» — изъ дѣла этого не видно; но что Ефросинья была призвана исполнять супружескія обязанности и въ четвертомъ бракѣ, обвѣнчанномъ подъ батогами, это закрѣплено самымъ документальнымъ образомъ.

И эта женщина жила и терпѣла!

Въ самомъ распорядкѣ съ духовенствомъ одна крайность переходила въ другую чрезвычайность: при митрополитѣ Варлаамѣ въ Амышевской крѣпости священникъ Сѣдачевъ былъ изобличенъ «въ пьянствѣ и шумствѣ, и въ дракахъ, и въ прочихъ чинимыхъ мірскими людями соблазнахъ». Митрополитъ Варлаамъ опредѣлилъ за все это «перевесть Сѣдачева въ Уртамскій острогъ, съ подпискою объ исправленіи (себя)» *). А митрополитъ Павелъ такимъ «исправленіямъ себя» не вѣрилъ, и когда при немъ былъ «обличенъ многажды въ пьянствѣ и дракахъ священникъ градо-тобольской Срѣтенской церкви Топорковъ», то навели о немъ справку, и оказалось, что онъ уже имѣлъ время и случай для «исправленія», ибо «не единожды битіемъ плетьми былъ наказанъ и для памяти въ работахъ содержанъ, но по ожесточенію своему во исправленіе не пришелъ, а еще въ горшая падалъ», и потому митроп. Павелъ (указъ 27-го апр. 1764 г.) опредѣлилъ: «дабы священникъ Топорковъ впредь никакихъ продерзостей чинить не могъ, отъ священнослуженія его удержать, а для лучшей ему памяти и страха Божія при собраніи всѣхъ священнослужителей градо-тобольскихъ *каждый изъ нихъ* по десяти ударовъ шелепомъ ему, Топоркову, *и себѣ въ наставленіе* отправилъ».

И священнослужители привлекались къ тому, чтобы бить собственноручно своихъ товарищей не въ этомъ только единственно случаѣ, а и въ другихъ таковыхъ же. Указомъ отъ 27-го апр. митрополитъ Павелъ разрѣшалъ и всѣмъ заканщикамъ (т.-е. благочиннымъ) поступать съ провинившимися точно такъ же, но только съ такимъ «разсмотрѣніемъ», что «гдѣ число священнослужителей», участвующихъ въ наказаніи собрата своего шелепами — «не велико, то тамъ (число ударовъ отъ каждаго) и пріумножить можно» **).

*) Ук. тоб. дух. к. 18-го ноября 1777 г., № 1011.

**) Ук. тоб. дух. к. 27-го апр. 1764 г.

Дѣло же о «небытіи» во все это время «волоклось» и взысканіе денежныхъ штрафовъ съ небытейщиковъ производилось съ такою неаккуратностью и медленностью, которыя, наконецъ, возбудили въ Петербургѣ негодованіе какъ разъ послѣ того, какъ 14-го апрѣля 1763 года былъ лишенъ сана и сосланъ въ Ревель митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Извѣстный своею добротою и религіозностью московскій сенаторъ И. В. Лопухинъ въ одномъ мѣстѣ своихъ интересныхъ записокъ говоритъ: «Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ», но ежели осмѣлиться сказать, то Онъ еще дивнѣе въ грѣшникахъ *). Это замѣчаніе получитъ себѣ не одно подтвержденіе въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ дальнѣйшее теченіе дѣла «о небытіи», которое развивалось давно и закончилось еще давнѣе.

«Фаворъ», которымъ духовенство пользовалось при Елизаветѣ Петровнѣ, прекратился съ воцареніемъ Екатерины II, и тогда же рѣзко перемѣнилась «долго сдерживаемая политика свѣтскихъ правителей».

Бывшій въ то время въ Сибири губернаторомъ Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, «пылкій грѣшникъ, пользовавшійся неограниченною властью», рѣзче всѣхъ обнаружилъ «нетерпѣливое самовластіе» и началъ усмирять распущенное сибирское духовенство. Для того, чтобы взяться за это, Денисъ Ивановичъ имѣлъ поводъ, поданный дѣломъ «о небытіи».

По веснѣ 1767 года онъ получилъ изъ Петербурга «выговоръ» за то, что штрафныя деньги «за небытіе» у исповѣди собираются неуспѣшно. Чичеринъ вникъ въ дѣло и пришелъ въ негодованіе на то, какъ безуспѣшно вело это дѣло духовенство, и сразу же «вынужденнымъ нашелся сдѣлать распоряженіе **), чтобы сельскіе *старосты* и *сотскіе* во время постовъ *сами вели подробные и обстоятельные списки о бывшихъ и небывшихъ у исповѣди и доносили бы въ канцелярію* ***) для того, чтобы по полученіи росписей духовныхъ можно было ихъ повѣрить».

---

*) См. *Русскій Архивъ*, 1881, № 1, стр. 32, «Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы дѣйств. тайн. совѣтн. сенатора И. В. Лопухина, сочин. имъ самимъ».

**) Указъ 11-го мая 1767 года.

***) Очевидно, «въ канцелярію губернатора».

Такое распоряженіе Чичерина было не только въ высшей степени безцеремонно и грубо, но оно даже и не основывалось ни на какомъ правѣ, такъ какъ дѣло о штрафованіи за «небытіе» лежало на отвѣтственности духовнаго вѣдомства. Арсеній Мацѣевичъ, вѣроятно, отвѣтилъ бы на эту дерзость еще большею дерзостью, но архіерей Варлаамъ (Петровъ) снесъ это.

Сельскіе старосты и сотскіе исполнили порученное имъ губернаторомъ церковное дѣло и представили составленные ими списки Чичерину; но тогда приходскіе священники, увидѣвши, что справа о небытіи ускользаетъ изъ ихъ рукъ, обнаружили свою дѣеспособность и сами тоже составили списки и прислали ихъ въ консисторію. Отъ этого избытка, однако, добра не вышло, а произошла только большая путаница, которую сначала приняли за случайность, а потомъ стали приписывать хитрому и дальнозоркому расчету духовныхъ, доставившихъ отъ себя списки небытейцамъ, кромѣ тѣхъ, которые составили старосты. Когда дошло до наложенія штрафовъ и привелось свѣрять списки, присланные сотскими къ губернатору, со списками, полученными въ консисторіяхъ отъ священниковъ, то оказалось, что между одними и другими огромная разница, которой согласить невозможно. Кто записанъ въ «небытіи» у сотскихъ и старостъ, тотъ отмѣченъ «бывшимъ» у священниковъ — и наоборотъ. Поднялась страшная кутерьма: Чичеринъ принималъ сторону своихъ подчиненныхъ, а архіерей отстаивалъ своихъ, и пока успѣли что-нибудь выяснить, Чичеринъ въ 1771 году получилъ уже «высочайшій выговоръ и страшно ожесточился» *).

Должностныя лица въ Сибири были этимъ очень удивлены, такъ какъ губернаторы до сихъ поръ никогда еще не подвергались отвѣтственности за дѣла церковнаго управленія, а Чичеринъ, «пользовавшійся неограниченною властію», былъ такъ сконфуженъ!.. Всѣ знали, что онъ самолюбивъ безмѣрно, и всѣ сразу сказали, что «Чичеринъ этого не стерпитъ».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Чичеринъ и дѣйствительно не стерпѣлъ, и началъ ожесточенную «войну съ попами»: онъ тотчасъ же самъ «вы-

*) Въ указѣ отъ 15-го сент. 1771 г. сказано, что высочайшій выговоръ послѣдовалъ въ томъ году, 24-го августа.

ѣхалъ въ губернію на ревизію» и самъ ревизовалъ «*почти въ каждомъ селѣ* церковные документы и *неисправныхъ священниковъ бралъ подъ стражу, сажалъ въ холодную*, а нѣкоторыхъ подъ карауломъ отсылалъ въ Тобольскъ, въ свою канцелярію, гдѣ ихъ заставлялъ составлять или исправлять невѣрно ими составленные документы». Но какъ ни энергиченъ былъ Чичеринъ, онъ, однако, немного успѣлъ въ своей «войнѣ съ попами», потому что обревизовать Сибирь такимъ образомъ, какъ онъ началъ, ему не удалось бы даже въ теченіе многихъ лѣтъ, а къ тому же и представители сибирскаго приходскаго духовенства сдѣлали для него успѣхъ ревизіи совсѣмъ невозможнымъ. Священники, слѣдя за маршрутомъ губернатора, устраивали Чичерину такую подготовку, что какъ только онъ наѣзжалъ на одно храмовое селеніе и начиналъ тамъ смотрѣть церковные документы, такъ объ этомъ быстро узнавали духовные сосѣднихъ приходовъ, и сейчасъ же всѣ батюшки «уѣзжали къ боли». Въ домахъ же поповскихъ оставались однѣ попадьи да дѣти, и можетъ-быть еще какой-нибудь безотвѣтный дьячокъ, который ничего не зналъ въ «небытейскихъ книгахъ». На разспросы же губернатора о попѣ—«отвѣчали, что попъ отъѣхалъ въ приходъ, а когда назадъ будетъ—невѣдомо. А послать за нимъ для сыску нельзя, потому что поѣхалъ онъ не въ одно мѣсто, а приходы пространствомъ безмѣрные, во всѣ стороны».

Губернатору оставалось развѣ самому садиться у попа и ждать его возвращенія.

Нетерпѣливый и гнѣвный Чичеринъ увидалъ себя одураченнымъ и возвратился въ Тобольскъ, «скрежеща зубами и искій кого поглотити».

Тѣ попы, которые не успѣли бѣжать «къ боли» и были забраны къ Чичерину въ канцелярію, за всѣхъ пострадали и отвѣтили. Чичеринъ съ ними не поцеремонился и сорвалъ на нихъ свой пылкій гнѣвъ; но какъ онъ былъ вспыльчивъ и непостояненъ, то ему надоѣло съ ними возиться и лучше показалось свалить опять все на руки епархіальнаго вѣдомства, которое тоже поступилось и не хотѣло болѣе контрировать съ губернаторомъ: теперь архіерей самъ просилъ Чичерина, чтобы полицейскіе агенты помогали духовнымъ.

Такимъ образомъ, архіерей и губернаторъ заключили

унію и взялись вести «государственное дѣло» строго: духовный ли, свѣтскій ли «агентъ» попадется въ винѣ—ни одному не давать поблажки.

Первый попался «нижне-тунгусскій попъ съ причтомъ»*).

Тобольская консисторія предписала туруханскому закащику (благочинному), «истребуя отъ тамошняго городничаго, или земскаго суда, двухъ нарочныхъ сыскать нижне-тунгусскаго погоста попа съ причтомъ въ духовное правленіе и тутъ ихъ, доколѣ они за 1789 годъ росписей не исправятъ, *держать безъ выпуску въ цѣпяхъ подъ карауломъ и денно-нощно ихъ къ тому принуждать*».

Однако, и это ни къ чему не повело: и тунгусскій попъ убѣжалъ, да и вообще попы «разбѣгались», а тѣ, которыхъ ловили и сажали на цѣпь, «сидѣли безъ выпуску», но проку отъ этого не выходило, потому что списковъ они составить не могли, ибо неисправность была уже слишкомъ долго запущена.

А какъ «сунодъ требовалъ списка *неотступно*», то несчастная консисторія вынуждена была сознаться, что она «ничего не можетъ сдѣлать, понеже духовныя правленія и священноцерковнослужители *по безстрашію ихъ* о государственномъ дѣлѣ не брегутъ».

Дойдя до откровеній о своей несостоятельности, консисторія уже не стѣснялась и выкладывала всю правду: въ іюлѣ 1786 года она доносила, что у нея совсѣмъ не на кого положиться, потому что и закащики, и члены духовныхъ правленій—всѣ «ослушники, огурники, супротивники и коварники». Вся соль осолилась! Утрата дисциплины и повиновенія была полная, но, однако, во многихъ случаяхъ трудно было и ждать исполнительности и повиновенія. Закащики выгребовали «поповъ» изъ-за сотенъ и даже изъ-за тысячъ верстъ, «для вчиненія рукоприкладствъ» и другихъ неважныхъ дѣлъ, безъ чего было можно обойтись, и «держали ихъ въ заказахъ долго, по нѣскольку недѣль и даже мѣсяцевъ, а отъ такихъ сыскиваній происходили для сельскихъ причтовъ великіе убытки въ переѣздахъ, поминкахъ и подаркахъ, а въ приходахъ остановка въ исполненіи духовныхъ требъ».

Тобольская консисторія поповъ не жалѣла и стала «про-

*) Указъ консисторіи 20 августа 1790 г.

сить губернаторовъ, чтобы они приказали городничимъ и исправникамъ давать сыщиковъ», которые должны «приводить неисправныхъ священниковъ въ духовныя правленія и держать тамъ подъ карауломъ до окончанія росписей»: но черезъ мѣсяцъ консисторія сдѣлала еще болѣе: она совсѣмъ уже передала «свою команду» мірскимъ командирамъ и «*съ позволенія губернаторовъ*» прямо сама отъ себя предписала всѣмъ исправникамъ и городничимъ «держать подъ стражею безвыпускно и самихъ закашниковъ (благочинныхъ) и всѣхъ членовъ духовныхъ правленій, поколѣ они всѣхъ росписей не исправятъ и не отошлютъ къ его преосвященству» *).

Такимъ образомъ, все тогдашнее непослушное «безстрашное» и «огурное» духовенство Сибири, выведя изъ терпѣнія свое начальство, было имъ предано во власть мірскихъ человѣковъ», т.-е. губернаторскихъ чиновниковъ, которые «со дня митрополита Арсенія точили на нихъ зубы, но только не смѣли на оныхъ въ дѣйствіяхъ покуситься», а теперь эти приказные получили право всѣхъ мало-мальски неаккуратныхъ священноцерковнослужителей «хватать яко неблагопокорныхъ», и лишить ихъ свободы, и держать безвыпускно... Чиновники постарались показать свое усердіе и такъ «хватали», что Сибирь во многихъ мѣстахъ осталась безъ требоисправителей, но «батюшка Денисъ Ивановичъ» объ этомъ не безпокоился и «истязалъ поповъ такъ, что даже кожа на нихъ трещала. А объ отвѣтѣ не унывалъ, мня яко въ потребный часъ вся покрыетъ своею орденскою мантіею».

Тутъ сибирскіе требоисправители, лишенные свободы и доходовъ, потеряли свое «огурство» и, «впавъ въ руцѣ Чичерина, явились благопослушны»: они написали списки.

Чичеринъ хвалился: «Я сказалъ, что я свое возьму, и вотъ я взялъ!» А выколенные имъ попы, отъѣзжая изъ его канцеляріи, говорили себѣ: «Похвальбошика! Ну, взялъ— такъ и взялъ, а подожди хвалиться-то!»

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Въ 1794 году росписи пришли и изъ всѣхъ сибирскихъ заказовъ, ибо «до всѣхъ дошло вѣденіе яко вси преданы Чичерину», и въ Тобольскѣ консисторскіе подьячіе сдѣлали

*) Ук. 17-го апр., № 1414.

изъ тѣхъ росписей «экстрактъ», который и былъ предста вленъ въ сунодъ *). Требованіе начальства этимъ было выполнено: вся «скала небытія» обозначилась на виду, и все оформлено и приведено въ надлежащій порядокъ, такъ что можно было составить смѣту: сколько придетъ дохода отъ небытія; но на мѣстахъ, при самомъ обложеніи денежною платою за «небытіе», начали вновь обнаруживаться невѣроятныя вещи, черезъ которыя опять должна была происходить несусвѣтимая путаница. При повѣркѣ на мѣстахъ оказалось, что «въ числѣ показанныхъ (по спискамъ) небывшими нерѣдко попадали *давно умершіе* или (находившіеся) по нѣскольку лѣтъ въ бѣгахъ, въ ссылкѣ или переселенные куда-нибудь въ Иркутскую или въ Якутскую области. Напротивъ, истые раскольники, записанные свѣтскими властями въ двойной окладъ, оказывались отмѣченными въ числѣ *бывшихъ* у исповѣди и притомъ за нѣсколько лѣтъ кряду»...

Отчего же и какъ могла произойти такая неисправность при всей наличности внѣшняго рачительства и порядка со стороны «тѣсно ущемленнаго Чичеринымъ духовенства», и что̀ еще можно было теперь измыслить: кому еще во второй разъ «предать» духовенство и какъ его «защемить», чтобы добиться отъ него точно обозначенной «скалы небытія»? И вотъ тутъ, въ эту-то пору, въ самой канцеляріи у Чичерина явилось убѣжденіе, что въ такомъ огромномъ и дикомъ краѣ, какъ Сибирь, рѣшительно нельзя услѣдить за всѣми, кто исповѣдуется, а кто не исповѣдуется, и что потому правильное обложеніе налогомъ за «небытіе» есть вещь невозможная. А то, чего сунодъ достигъ послѣ множества усиленныхъ и неотступныхъ требованій, была просто фикція, которую продѣлали надъ Чичеринымъ «преданные ему и имъ тѣсно ущемленные попы», и надъ другимъ начальствомъ «подьячіе духовныхъ правленій и консисторій», которые, будучи «нуждою и страхомъ гонимы и побуждаемы», всѣ писали въ спискахъ «что̀ попало».

Казалось бы, что такой велемощный сановникъ, какъ Денисъ Ив. Чичеринъ, увидавъ дѣло какъ есть, такъ и долженъ былъ донести о немъ въ Петербургъ, чтобы тамъ знали настоящее положеніе и не требовали того, что̀ невозможно исполнить,—но Чичеринъ этого не сдѣлалъ. Мо-

*) Ук. 24-го февр. 1794, № 234.

жетъ-быть, онъ не хотѣлъ понизить статью въ смѣтѣ ожидаемыхъ доходовъ, которую все-таки желали собрать, а можетъ-быть весь его большой будто бы характеръ выходилъ на кипяченіе и озорство, съ кѣмъ это было удобно, а для правдиваго представленія о дѣлахъ ввѣреннаго ему края духа у него недоставало...

Приходскіе же священники кромѣ того, что они не могли, но они и не умѣли составить вѣрныхъ отмѣтокъ «о небытіи» *). И они это поняли и увидали, что̀ имъ надо дѣлать. Такъ какъ не доставлять списковъ стало нельзя, — потому что за это «можно впасть въ руцѣ Чичерина», а если составить «списки сочиненные», то можно попасть въ руки подьячихъ, — то малописьменные попы исхитрились такъ, что стали поручать составленіе отмѣтокъ «о небытіи» самимъ же подьячимъ, служившимъ въ тѣхъ самыхъ духовныхъ правленіяхъ, куда надо было представлять списки, а на то, чтобы вознаградить этихъ подьячихъ за трудъ ихъ, завели со всѣхъ своихъ прихожанъ обоего пола новый «безобидный *сборъ за уволоку* отъ исповѣди по 5 копѣекъ съ души» **).

Устроивши такимъ манеромъ экономическую сторону дѣла, сибирскіе священники еще лучше устроили техническую сторону операціи: они захотѣли сдѣлать такъ, чтобы требовательное начальство получало для своего удовольствія списки о небытейцахъ, но чтобы списковъ этихъ въ приходахъ не писать, такъ какъ отъ этого только двойная работа: пусть кто эти списки ревизуетъ — тотъ самъ же ихъ и *сочиняетъ*. На этомъ священники уговорились съ консисторскими приказными и стали присылать этимъ подьячимъ «бѣлые листы съ своею подписью да хлопотныя деньги по количеству», и подьячіе брали деньги, а на бѣлыхъ листахъ писали въ списки что̀ знали, «по примѣру

---

*) Въ числѣ сибирскихъ священниковъ того времени было много малограмотныхъ, едва умѣвшихъ только читать церковное». Религіозная образованность ихъ была такая, что даже одинъ градскій священникъ» г. Кузнецка, по фамиліи Ломшаковъ, на вопросъ протоіерея Комарова: «какъ читается седьмая заповѣдь? — отвѣчалъ: «Помилуй мя, Боже», а на вопросъ: «сколько таинствъ и какая ихъ сущность?» далъ отвѣтъ: «таинствъ есть *десять*, а сущность ихъ непостижима» (Указ. тоб. дух. консист. 27-го апр. 1770 г.).

**) Дѣло томск. дух. консистор. въ «Колокольномъ Архивѣ» Алексѣевскаго монастыря.

прошлыхъ лѣтъ», и пригоняли текстъ списковъ «какъ прилично къ сдѣланнымъ заранѣе подписямъ», и, разумѣется, списки, составленные такимъ образомъ, подьячіе уже не браковали и не возвращали, а направляли дѣло выше, гдѣ оно веселило ожидавшихъ результатовъ, которые должны были «оправдать предначертанія». И пошло бы это, вѣроятно, на многія лѣта; но вмѣшался врагъ и все дѣло испортилъ: священники, собирая по пятаку за уволоку, не все отдавали подьячимъ и не хотѣли ничего удѣлять своимъ причетникамъ, которые разсердились и о всемъ донесли и на поповъ, и на приказныхъ. Неумѣренная жадность поповъ разрушила такую удобную организацію, и оба начальства— свѣтское и духовное — явились другъ передъ другомъ въ недостойномъ ихъ, смѣшномъ видѣ.

Но надо было, разумѣется, доказать, что списки небытейщикамъ сочиняютъ приказные, и за этимъ дѣло не стало: не только между причетниками, но даже и между приказными нашелся предатель: одинъ приказный обидѣлся, что попъ, съ которымъ они состояли въ компаніи, прислалъ ему мало денегъ. Подьячій навелъ справку: сколько попъ собралъ, и сравнивъ съ тѣмъ, сколько онъ ему доставилъ, увидалъ, что онъ удержалъ у себя львиную долю; и это приказному не понравилось и показалось обидно. А какъ и другіе подьячіе имѣли подозрѣніе на другихъ поповъ, что они передаютъ не все, что собираютъ «за уволоку», то мстивый подьячій рѣшился наказать всѣхъ поповъ за ихъ жадность и отправилъ въ консисторію, какъ будто бы по ошибкѣ... вмѣсто списковъ—одни пустые листы бумаги, съ поповскими подписями!...

Неопровержимая улика была налицо, и отъ этого людямъ стало не лучше, а еще хуже: теперь, когда консисторскіе подьячіе знали плутню правленскихъ и, посмотрѣвъ многія сохраняемыя росписи, увидали, что всѣ онѣ писаны одною рукою подьячаго,—консисторскіе потребовали себѣ части отъ правленскихъ, а тѣ отъ поповъ, а попы должны были увеличить сборъ съ мірянъ. И такъ дѣло опять уладилось.

Вмѣсто прежняго «повальнаго положенія», при которомъ «попъ собиралъ за уволоку по 5 к. съ души», теперь плата повысилась.

Все это теперь происходило явно, и священникъ непре-

мѣнно долженъ былъ дѣлать эти поборы, потому что иначе онъ своими списками никогда бы подьячимъ не угодилъ и его замучили бы «истязаніями».

Но и въ этомъ усовершенномъ порядкѣ опять обнаружились свои недостатки, которымъ начальство не нашлось какъ помочь, а оборотистое сибирское духовенство опять само изъ нихъ выбилось.

Когда старыми сборами «за уволоку» пришлось дѣлиться съ большимъ числомъ участниковъ, тогда приходскіе священники ввели еще одинъ поборъ «за скверноядство».

Это статья очень любопытная, но она требуетъ отступленія и объясненій.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Еще въ началѣ XVII столѣтія казаки, «простираясь къ сѣвернымъ предѣламъ Сибири, подбивали подъ власть свою вогуловъ, остяковъ, тунгусовъ, юроковъ, якутовъ и другихъ народцевъ, кочевавшихъ въ своихъ сѣверныхъ предѣлахъ Сибири». Когда оканчивалось покореніе или «подбитіе», тотчасъ же начинались заботы о введеніи новыхъ порядковъ: «о сборѣ ясака и о просвѣщеніи свѣтомъ истинной вѣры».

Для этого казаки узнавали пункты, гдѣ «народцы» въ извѣстные сроки сходятся другъ съ дружкою, чтобы обмѣняться добычею своихъ лововъ и иныхъ промысловъ. Тутъ казаки сейчасъ же и завели «постройки», которыя назвались «острожками», или «острогами», или «крѣпостями», а впослѣдствіи «городами».

Такимъ образомъ возникъ Березовъ, Обдорскъ, Сургутъ, Нарымъ, Туруханскъ, Якутскъ и другіе нынѣшніе города. Первоначальное заведеніе здѣшнихъ городовъ обыкновенно шло такъ: сначала строили первую избу для воеводы, вторую для попа и третью, общую, для «служилыхъ людей», а насупротивъ ихъ—ссыпной амбаръ для хлѣба, погребъ для пороху и церковь. Церковь была «та же изба, только съ крестомъ на крышѣ».

Заводили осѣдлости на такихъ мѣстахъ, гдѣ кочевники имѣли обычай сходиться для мѣны; тутъ ихъ разсчитывали «осѣтить и обрать съ нихъ ясакъ». Придумано было хорошо, и казаки, указавъ заводчикамъ, какъ собирать ясакъ,

указали и слѣдовавшимъ за ними священно-церковнослужителямъ средства, какъ «просвѣщать язычниковъ святою вѣрою и чѣмъ отъ нихъ кормиться». «Просвѣщать же язычниковъ»—это было цѣлью прибытія духовныхъ въ сибирскую глушь, а «кормиться» отъ своей паствы имъ было необходимо, такъ какъ отъ казны имъ на все прожитье было «пожаловано въ годъ на попа по 28 руб., а на причетника по 18 рублей на ассигнацію» (=8 р. и 5 руб. 30 к.). «Паства», которую только-что накрестили, вся состояла изъ кочевниковъ, которыхъ цѣлый годъ не увидишь—только разъ въ годъ, въ обычное время они сближаются къ извѣстнымъ мѣстностямъ для взаимнаго торговаго размѣна, и тутъ-то надо около нихъ сдѣлать все, что̀ нужно, т.-е. и «осѣтить, обрать ясакъ и научить святой вѣрѣ». Когда воеводы со своими служилыми людьми хлопочутъ собирать съ народовъ ясакъ въ казну, тутъ же и священнику одно только время научить язычниковъ христіанству и исполнить для нихъ заднимъ числомъ всѣ церковныя требы для живыхъ и мертвыхъ, и получить съ нихъ за это требоисправленіе побольше шкуръ въ свою пользу.

Въ церкви, или какъ сами казаки называли ихъ—«въ церквицѣ»—въ теченіе года бывали только воевода да его служилые люди, а «ясашныхъ» прихожанъ никогда не бывало. Молились ли они, и какъ и кому молились въ теченіе всего года—объ этомъ священникъ не могъ знать, и церкви, и попа они боялись; но зато, когда они сходились, чтобы отдать ясакъ воеводѣ, казаки «имали ихъ и загоняли на требы къ попу», и «народцы» одинаково считали «ясакомъ» какъ то, что̀ они платили воеводскимъ служилымъ людямъ, такъ и то, что̀ платили попу. Такъ они и говорили, что должны платить «два ясака: одинъ воеводѣ, а другой попу» *). Оба ясака взимались съ большимъ произволомъ: служилые люди «донимали» съ дикарей вдвое и болѣе противъ положеннаго, угрожая за недодачу лишеніемъ драгоцѣнной всякому свободы, а духовенство «правило свой ясакъ по количеству», т.-е. по числу душъ, которое дикари сами показывали въ своихъ семействахъ «съ удивительною простотою». Попъ спрашивалъ дикаря: «кто въ семьѣ народился, и кои померли, и кои жить поима-

*) См. «Сибирскій лѣтописецъ» о ясакѣ.

лись на-ново какъ мужъ съ женою», а дикарь, достаточно уже умудренный опытомъ, что ему отъ этихъ разспросовъ выйдетъ вредъ, все-таки всегда давалъ откровенный и справедливый отвѣтъ «съ врожденною простотою». По его же показаніямъ попъ его и «облагалъ, *какъ повелось* по правиламъ: за крещеніе новорожденнаго дитя 10 либо 15 бѣлокъ, за «очищеніе» (?) 5 бѣлокъ, за женитву— 2 соболя или 5 песцовъ». Иногда надъ дикарями заднимъ числомъ исполняли какіе-нибудь обряды, но большею частію дѣло ограничивалось только сборомъ ясака, а наличностью производилась только одна исповѣдь,—при чемъ за разрѣшеніе грѣховъ всей семьи расплачивался съ попомъ старшій въ родѣ, и тутъ приходилось торговаться. Съ обыкновеннаго грѣшника брали отъ пяти до десяти бѣлокъ, но съ такого, у котораго было больше, священникъ требовалъ и ясакъ побольше, а въ общей сложности для отца семейства или главы рода это составляло расчетъ, противъ котораго онъ спорилъ. Исповѣдный ясакъ иногда доходилъ до двухсотъ бѣлокъ на семейство, и дикари этимъ очень тяготились, но «по простотѣ своей» своихъ грѣховъ все-таки не скрывали, а только спѣшили скорѣе «очиститься и бѣжать». Обыкновенно они «убѣгали» тотчасъ же послѣ исповѣди и не дожидались причастія, о важности котораго не имѣли понятія.

Сибирскіе священники распоряжались наложеніемъ ясака по всей своей волѣ. Свѣтскія власти въ это не вмѣшивались, за исключеніемъ нѣсколькихъ лѣтъ «бироновщины», когда «духовнаго чина людямъ началось отъ свѣтскихъ командировъ и еретиковъ притѣсненіе и туга», но они «черезъ это время отстоялись и скоро достигли лучшаго вѣка Елизаветы». Однакоже, какъ и въ Елизаветино время, духовнымъ большого жалованья не дали, то духовные прибавили къ ясаку «*подать за скверноядство*».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Что значитъ «скверноядство»? Это то, если человѣкъ ѣстъ что-нибудь «скверное», т.-е. «непоказанное ему для употребленія въ пищу». Скверное это не у всѣхъ одно и то же: въ старой Руси сквернымъ почиталась телятина и теперь многими почитается за «скверно»—угорь, налимъ, минога, раки и устрицы, мясо козы, зайца, голубя и чере-

пахи и т. д. Въ Сибири на огромныхъ пространствахъ, гдѣ кочуютъ «народцы», нѣтъ ни посѣвовъ, ни убойнаго скота, имѣющаго раздвоенныя копыта и отрыгающаго жвачку, а потому кочевники употребляютъ въ пищу все, что̀ можно съѣсть, и между прочимъ мяса «животныхъ, не показанныхъ» по требнику, а именно: «медвѣжью говядину, соболей и бѣлокъ».

Дикари ѣли эту пищу всегда, съ тѣхъ поръ какъ живутъ, и пока они не были окрещены Иннокентіемъ Кульчицкимъ, имъ и не представлялось, что это «скверно». Впрочемъ, и св. Иннокентій, зная мѣстныя условія жизни, взысканій за эту «скверность» не налагалъ. Но теперь настала пора извлечь изъ этого выгоду.

Сибирскіе духовные положили очищать «скверноядущихъ» дикарей особою молитвою, а за прочтеніе ея наложили «новый ясакъ» съ таксаціею: 1) за яденіе медвѣжьей говядины—одна цѣна, 2) за яденіе лисьяго и собольяго мяса—другая, и 3) за бѣлокъ и иныхъ меньшихъ звѣрковъ—третья.

За все это пошли сборы очень прибыльные, но и хлопотливые, такъ какъ надо было «слѣдить за скверноядцами и настигать ихъ», и тутъ ихъ «обкладывать и очищать молитвою», чтобы они потомъ вновь начинали «скверно ѣсть» на̀-ново *).

Духовные отъѣзжали въ поля для «настиганія и сбора», при чемъ полевали не всегда тихо, и случалось, что народцы на нихъ плакались, и свѣтскія власти пробовали защищать «народцы»; но тутъ въ сибирскомъ краѣ получилъ могучее значеніе Арсеній Мацѣевичъ, который имѣлъ «не-

*) По требнику, какой нынѣ находится въ употребленіи, нѣтъ раздѣленія разныхъ видовъ «скверноядства». Молитва о скверноядныхъ читается такъ: «Владыка Господи Боже нашъ, иже въ вышнихъ живый и на смиренныя призираяй: приклони ухо Твое и услыши насъ, молящихся Тебѣ, и подаждь прощеніе Твоему рабу, имя рекъ, скверно-ядшему, и вкушшему мясъ или каковыхъ-любо (sic) брашенъ нечистыхъ, ихъ же снѣли отреклъ еси въ законѣ святѣмъ Твоемъ, сихъ же неволю причастившагося прости и сподоби его неосужденно причаститься страшныхъ таинствъ честнаго тѣла же и крове Христа Твоего, яко да избавится прочее всякаго нечистаго воспріятія и дѣянія, яко напитаваяся божественными Твоими таинствы и наслаждаяся святыя Твоя и тайныя трапезы и безсмертныхъ таинствъ и сохраняемый съ нами во св. Твоей церкви восхвалитъ и прославитъ имя Твое вышнее во вся дни живота своего» (Требникъ, гл. 52).

побѣдимую дерзость» и стоялъ горой за духовныхъ *). Онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Сибирь, когда Биронъ и «еретики» были уже «свержены», и могъ знать Сибирь превосходно, такъ какъ въ 1734 году онъ находился въ экспедиціи, посланной для открытія морского пути въ Камчатку, и пробылъ въ Сибири до 1736 года, когда «по секретному дѣлу» былъ привезенъ изъ Пустозерска въ адмиралтействъ-коллегію, «но признанъ невиннымъ». Онъ былъ угрюмъ и дерзокъ отъ природы; питалъ нерасположеніе къ «свѣтскимъ властямъ» и всегда готовъ былъ дать имъ себя почувствовать. А потому, когда онъ достигъ, въ 1741 г., сана сибирскаго митрополита, онъ тотчасъ же издалъ «циркуляръ» **), «чтобы священно-церковнослужители отнюдь не смѣли обращаться въ свѣтскіе суды помимо своего епископа, подъ опасеніемъ низверженія по 11 правилу Антіохійскаго собора», а черезъ четыре мѣсяца совсѣмъ освободилъ духовенство отъ подчиненія свѣтскимъ властямъ и «узаконилъ непослушаніе онымъ». Въ іюлѣ 1742 года митрополитъ Арсеній «повелѣлъ, чтобы никто изъ духовныхъ лицъ безъ позволенія своей духовной команды никакихъ отъ свѣтской команды присылаемыхъ указовъ *не слушали*, и ежели кто отъ свѣтскихъ командировъ безъ сношенія съ духовною командою *дерзнетъ* кого изъ духовныхъ лицъ насильно къ суду своему привлекать, или *въ свидѣтельствѣ какомъ спрашивать*, или указы какіе безъ сношенія съ духовною командою духовнымъ лицамъ отъ себя посылать, то таковымъ присылать обстоятельные письменные протесты въ скорости».

Сибирское духовенство тогдашняго времени, и безъ того дерзкое и непокорное, увидало въ этомъ циркулярѣ Арсенія «законъ непокорности свѣтскимъ властямъ» и, «опираясь на него, упорно отказывалось отъ всякихъ сношеній съ свѣтскими судами и администраторами». Духъ же, возобладавшій тогда въ правительствѣ, заставлялъ администратора «признать мнимую законодательную силу указа митрополита Арсенія».

При такихъ обстоятельствахъ, какія бы жалобы ни доходили отъ обывателей до «свѣтскихъ командировъ» на

*) Изъ синодальныхъ іеромонаховъ, хирот. 26-го марта 1741 г. во еписк. сибирскаго и тобольскаго; 1742. мая 13. митроп. ростовскій.

**) 28-го февр. 1742 г.

«нестерпимые поборы» со стороны духовенства,—командиры эти никакой защиты «претерпѣвающимъ» оказать не могли.

Арсеній, однако, здѣсь пробылъ не долго: заведя порядки въ Сибири, онъ былъ отозванъ на ростовскую каѳедру, а на мѣсто его стали другіе: Антоній Нарожницкій (1742—1748), а потомъ Селиверстъ Гловатскій (1749—1755). Это были люди не такіе крутые, какъ Мацѣевичъ, но «законъ Арсенія стоялъ въ своей силѣ» и духовенство постоянно оказывало «непокорность» свѣтскимъ правителямъ. Бывали въ этомъ родѣ случаи, которымъ даже трудно вѣрить.

Въ 1751 году (при Селиверстѣ Гловатскомъ) проживавшій въ г. Томскѣ коллежскій асессоръ Костюринъ убилъ принадлежавшую ему крѣпостную дѣвку, а потомъ велѣлъ ее одѣть и «положить подъ святые» и позвать священника, чтобы отправить по ней панихиду. Пришелъ священникъ «градо-богоявленской церкви съ причетомъ», и когда стали пѣть панихиду, то «*причетъ* усмотрѣлъ на покойницѣ боевые знаки и тотчасъ же, по выходѣ изъ дома Костюрина, подалъ о томъ вѣденіе въ воеводскую канцелярію». Воеводская канцелярія сразу же, «немедленно» послала своихъ полицейскихъ или, по-тогдашнему, «дѣтей боярскихъ», чтобы тѣ освидѣтельствовали тѣло усопшей, и по этому осмотру оказалось, что «причетъ» не ошибся: «на тѣлѣ умершей были найдены боевые знаки, которые и были признаны *смертельными*».

Воеводская канцелярія тотчасъ же начала слѣдствіе, но «по силѣ указа митрополита Арсенія, отъ 22 іюля 1742 г.», не сочла себя въ правѣ отобрать формальное показаніе отъ «причета». Надо было испросить на это разрѣшеніе у «закащика» (благочиннаго), а «закащикъ былъ въ отлучкѣ по своему заказу и скораго возвращенія онаго нечаятельно». Томская воеводская канцелярія, 28 ноября 1751 года, донесла о своемъ затрудненіи въ губернскую канцелярію, а та, 8 апрѣля 1752 г. (черезъ пять мѣсяцевъ послѣ убійства), «заглушала» это донесеніе, а 19 августа (черезъ девять мѣсяцевъ) сообщила тобольской духовной консисторіи, которая «свѣтскимъ командирамъ» людей своей команды спрашивать не дала, а ровно черезъ годъ послѣ убійства, въ ноябрѣ 1752 года, послала въ Томскъ указъ своему «закащику», и этимъ указомъ *) «съ резолюціи ми-

*) Указъ тоб. д. консист. 22-го ноября 1752 г.

трополита Селиверста» предписано закащику «самому отобрать нужныя по этому дѣлу показанія отъ причта градобогоявленской церкви и доставить оныя не въ томскую воеводскую канцелярію», которая ожидала этихъ свѣдѣній, а «на архипастырское благоусмотрѣніе его преосвященства».

При такихъ проволочкахъ всѣ слѣды совершеннаго убійства, разумѣется, исчезли, и дѣло «предано волѣ Божіей», а въ новомъ указѣ м. Селиверста (отъ 22 ноября 1752 г.) сибирское духовенство получило еще «наикрѣпчайшее подкрѣпленіе неподчиненности своей, узаконенное м. Арсеніемъ въ указѣ 22 іюля 1742 года». Сибирское духовенство «подкрѣплялось» и заняло такую позицію, что общее правосудіе для него ничего не значило.

Такъ и продолжалось до 1762 года, когда Екатерина II назначила въ Сибирь губернаторомъ бригадира Чичерина, котораго одни съ любовью величали «батюшкой», а другіе съ ужасомъ называли «бѣшенымъ конемъ».

Тутъ пошло другое.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Денисъ Ивановичъ Чичеринъ былъ человѣкъ не злой и даже, можетъ-быть, добрый, но гордый, заносчивый и пылкій: спорить съ нимъ было не легко, да и духъ правительства въ это время перемѣнился и не давалъ болѣе преферанса «духовнымъ командирамъ надъ свѣтскими» *). Чичеринъ могъ остановить дерзость и находилъ въ этомъ свое удовольствіе; онъ пріѣхалъ въ Тобольскъ «съ превеликою пышностію», и засталъ здѣсь на митрополичьей каѳедрѣ Павла Конюскевича **).

О Чичеринѣ въ Сибири, разумѣется, знали, и чиновные люди ожидали его «съ притрепетомъ» и говорили, что онъ «ужасно себя покажетъ»; но духовные «не брегли, уповая

---

*) Денисъ Ив. Чичеринъ, капитанъ сем. полка; при восшествіи имп. Петра III отставленъ премьеръ-майоромъ, но недолго находился въ бездѣйствіи: имп. Екатерина II, переименовавъ его въ бригадиры, опредѣлила губернаторомъ въ Сибирь. Пользовался особеннымъ довѣріемъ монархини (Слов. достоп. люд. р. з., т. V).

**) Павелъ Конюскевичъ былъ митрополитомъ въ Тобольскѣ съ 1758 по 1768 г. Вмѣстѣ съ Чичеринымъ служилъ въ Тобольскѣ шесть лѣтъ (съ 1762 по 1768).

на законы Арсеніевы». Знатоки жизни обращали вниманіе на то, что Чичеринъ передъ этимъ былъ въ немилости и «долго находился въ бездѣйствіи», а между тѣмъ очень любилъ властвовать, и потому, какъ бы взалкавъ, теперь «скоро себя вознаградитъ за все терпѣніе». При этомъ увѣряли, будто онъ получилъ отъ монархини безмѣрныя полномочія и «воленъ на всѣхъ въ жизни и смерти». Разсказывали также чудеса о его великомъ богатствѣ и царственной щедрости: «кто ему угодитъ, онъ того въ дворяне произведетъ и золотомъ засыплетъ». А Денисъ Ивановичъ зналъ, что ему предшествуетъ такая выгодная молва, и сдѣлалъ такъ, что превзошелъ всѣ слухи, предшествовавшіе его прибытію въ Тобольскъ. Онъ поразилъ Сибирь своимъ вступленіемъ въ ея предѣлы. Одной прислуги съ нимъ пріѣхало полтораста человѣкъ, въ числѣ которыхъ были гайдуки, скороходы, конюхи и повара. Самъ онъ въѣхалъ въ богатѣйшей каретѣ, за которою слѣдовалъ «штатъ», состоявшій изъ лицъ военныхъ и гражданскихъ, и, вступивъ въ домъ, никого изъ духовныхъ особъ къ себѣ не позвалъ и самъ *къ митрополиту не поѣхалъ* и даже объявилъ, что «не желаетъ имѣть съ нимъ знакомства». Съ перваго же дня своего пріѣзда Чичеринъ сталъ приглашать къ своему столу «ежедневно не менѣе какъ по тридцати стороннихъ особъ изъ разныхъ сословій, а въ нарочитые дни и болѣе», но ни разу не позвалъ митрополита или кого-нибудь изъ духовенства. Въ обхожденіи со всѣми онъ тоже былъ простъ и обо всѣхъ участливо узнавалъ, кому какъ живется, но объ одномъ митрополитѣ ничего не хотѣлъ знать. Митрополитъ Павелъ почувствовалъ обиду отъ этого пренебреженія, но еще не сробѣлъ и надѣялся дать Чичерину урокъ и заставить его понять, что духовное величіе выше плотского: митрополитъ скрылъ обиду на сердцѣ своемъ, терпѣлъ до «торжественнаго именитаго дня Александра Невскаго» и въ тотъ день собрался служить съ великою пышностью, чтобы напомянуть людямъ и о своемъ величіи. Говорили, будто бы онъ намѣревался даже чѣмъ-то «уловить Чичерина въ несоблюденіи» и хотѣлъ произнесть ему обличеніе; но всѣ эти намѣренія митрополита остались невыполненными, а Чичеринъ страшно восторжествовалъ. Дѣло было въ томъ, что это разсчитанное столкновеніе произошло въ *орденскій день* того самаго

ордена, котораго Чичеринъ былъ кавалеромъ и «имѣлъ его одѣяніе». А потому, едва митрополитъ началъ свое торжественное служеніе, незамѣтно чѣмъ превосходящее обыкновенное архіерейское служеніе, какъ на площади Тобольска открылось никогда еще здѣсь невиданное и поразительное зрѣлище: это было шествіе, которое совершалъ самъ Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, «облеченный въ орденскую *мантію*» (которую простой народъ называлъ «мантиліей»). Онъ шествовалъ въ соборъ въ семъ величественномъ и никѣмъ до сей поры невиданномъ одѣяніи, сопутствуемый военными и гражданскими чиновниками въ расшитыхъ мундирахъ, а за ними все множество людей, которые успѣли собраться и слѣдовали за великолѣпнымъ выходомъ Чичерина. Въ городѣ всѣ побѣжали смотрѣть на губернатора, и смятеніе, сдѣлавшееся по этому случаю, проникло даже въ храмъ, гдѣ служилъ архіерей, и здѣсь, какъ заслышали, что по улицѣ идетъ губернаторъ «въ мантильѣ», всѣ выскочили изъ церкви и гурьбою повалили встрѣчать и сопровождать Чичерина въ мантіи... Митрополитъ остался въ храмѣ съ одними своими сослужащими, да и изъ тѣхъ нашлись легкомысленники, которые бросились къ окнамъ и всѣ позабыли, смотря на Чичерина, который казался имъ «совсѣмъ какъ карточный король». Зрѣлище это имѣло какое-то ошеломляющее вліяніе на тобольцевъ. Говорятъ, что когда «Чичеринъ въ мантиліи» и со свитою изъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ прошелъ уже весь путь отъ своего дома до собора и поднимался на всходы храма, то растерявшіеся звонари, не зная, какъ имъ поступать, подняли трезвонъ, а народъ вопрошалъ: «неужели еще Соломонъ болѣе сего былъ въ славѣ своей?» И въ храмѣ люди будто уже «ни пѣнія, ни молитвъ не слыхали, а единственно только великолѣпію вельможи дивились». По окончаніи же службы, когда Чичеринъ обратился къ выходу, «не удостоивъ говорить со владыкою», то всѣ люди опять и устремились за своимъ пестрымъ «карточнымъ королемъ» и не ожидали владыческаго благословенія. Такъ всѣхъ плѣнило и увлекало показанное Чичеринымъ великолѣпіе, передъ которымъ благочестіе города Тобольска не устояло, и люди обнаружили всю свою суетность!

«Народъ рукоплеща» проводилъ батюшку Діонисія Ивановича до его губернаторскаго дома или «дворца», и по

пути многіе «ловя лобызали его руки, кои онъ простиралъ имъ изъ мантіи» *). Потомъ же Чичеринъ «давалъ обѣдъ при громѣ музыки, орудій и неумолкаемой ружейной стрѣльбѣ».

Митрополитъ Павелъ увидалъ, что ему съ такимъ противникомъ не справиться: онъ болѣе на Чичерина и не пошелъ, а сталъ говорить о своемъ желаніи ѣхать въ Кіевъ на богомолье. Губернаторъ же забиралъ ретиво, и управленіе его многимъ нравилось; это было управленіе во вкусѣ Гарунъ-аль-Рашида: Чичеринъ вставалъ съ постели въ четыре часа утра и допускалъ къ себѣ всѣхъ просителей безъ доклада, и рѣшалъ самъ дѣла всякаго рода безъ исключенія. Такое судбище у насъ до сихъ поръ имѣетъ своихъ приверженцевъ. Чичеринъ выслушивалъ жалобщика и сейчасъ же посылалъ за отвѣтчикомъ, а иногда и прямо сразу опредѣлялъ: кто правъ, а кто виноватъ, и «правымъ оказывалъ скорѣе удовлетвореніе, а ябедниковъ наказывалъ въ то же время». Наказанія онъ часто производилъ «отечески», т. е. собственноручно или черезъ «ближайшую особу». Это тоже нравилось; говорили: «отца родного не надо какъ Діонисъ Иванычъ: поучитъ, а несчастнымъ не сдѣлаетъ». «Такъ поступалъ онъ и съ подчиненными своими, впадавшими въ проступки; но за гнѣвомъ немедленно слѣдовали милости, а если то было напрасно, то и извиненія». «Вспыльчивость и горячность его не долго продолжались», и когда гнѣвъ съ него сходилъ, онъ «старался оказывать каждому услуги» и слылъ за человѣка «добраго сердца». «Въ занятіяхъ былъ *неутомимъ*» и легко переходилъ отъ одного дѣла къ другому. Онъ не только былъ

*) Объ этой «мантіи» или «мантиліи», въ которой Чичеринъ сдѣлалъ «орденское шествіе», разсчитанное на то, чтобы импонировать тобольскому митрополиту Павлу Конюскевичу, упомянуто у Бантыша-Каменскаго; но указаніе, кажется, не обстоятельно и сбивчиво. Чичеринъ пріѣхалъ въ Сибирь въ 1762 г., а въ 1765 г. получилъ орденъ св. Анны, тогда еще голштинскій; орденъ же Александра Невскаго данъ ему 1785 г. Митрополитъ же Павелъ «спасовалъ» передъ Чичеринымъ и «уволился въ Кіевъ по обѣщанію въ 1768 году». Слѣдовательно, демонстративное «шествіе», въ видѣ короля, Чичеринъ могъ произвесть не ранѣе 1765 года и, вѣроятно, былъ притомъ въ «орденскомъ одѣяніи» или въ мантіи св. Анны, а не Александра Невскаго, красная бархатная мантія котораго на бѣломъ подбоѣ установлена только въ 1797 году императоромъ Павломъ, при «улучшеніи одѣянія» этого ордена. Чичеринъ тогда уже не жилъ († 1785 г.).

высшій правитель «обширнѣйшаго края», но не пренебрегалъ и низшими обязанностями полицеймейстера: вставалъ ночами, бралъ съ собою гусаровъ и вдругъ наѣзжалъ въ такія мѣста, гдѣ могли быть темныя сборища и безпорядки, и сейчасъ же самъ возстановлялъ здѣсь порядки... Даже самое увеселеніе собранныхъ имъ къ себѣ гостей не удаляло Чичерина отъ страсти къ быстрой расправѣ. «Если до него доходили какія-либо происшествія во время съѣздовъ (т. е. при гостяхъ), то онъ безъ малѣйшей перемѣны въ лицѣ переходилъ изъ гостиныхъ покоевъ въ канцелярію, допрашивалъ здѣсь прикосновенныхъ и виновныхъ наказывалъ, а потомъ возвращался къ дамамъ съ пріятностью, не объявляя никому о томъ, что̀ дѣлалъ». Только особенно близкія персоны знали, что̀ значитъ такое удаленіе. Получивъ во время бала извѣстіе о томъ, что у него показались пугачевскія шайки, Чичеринъ вышелъ изъ залы, оставивъ гостей веселиться, а «когда надлежало гостямъ разъѣзжаться, онъ роздалъ повеселѣвшимъ чиновникамъ запечатанные конверты и отдалъ приказъ выступить двумъ ротамъ, съ тѣмъ, чтобы врученныя бумаги были вскрыты не позже, какъ по прибытіи ихъ въ назначенныя мѣста». Отъ этого въ Тобольскѣ получился большой эффектъ; но тамъ, куда выступившіе пришли, ихъ встрѣтили неудачи, зависѣвшія отъ того, что скорое распоряженіе, послѣдовавшее подъ звуки бальной музыки, оказалось очень неудобнымъ при встрѣчахъ съ разбойниками. Впрочемъ, къ удовольствію Чичерина, посланные имъ «экспромту» войска хотя и пострадали и самыхъ важныхъ людей упустили, но все-таки изловили нѣсколько «бунтовщиковъ, вспомоществовавшихъ Пугачеву», и Чичеринъ сейчасъ же четверыхъ изъ нихъ повѣсилъ въ Тобольскѣ. Это почиталось достаточнымъ, въ смыслѣ благопріятнаго впечатлѣнія...

Чичеринъ видѣлъ, конечно, и всѣ дурныя стороны мѣстнаго церковнаго управленія и не прочь былъ сдѣлать что-нибудь лучшее: но, по его мнѣнію, ему «не съ кѣмъ было объ этомъ говорить»; митрополитъ Павелъ, котораго онъ засталъ въ Тобольскѣ, былъ ему неугоденъ, а митрополитъ тоже говорилъ, что «не желаетъ имати въ немъ тивуна или судью духовныхъ дѣлъ, по примѣру тивуна Маноилова, исправлявшаго чинъ церковной оправы» *). На этихъ ихъ

*) Упоминается въ Стоглавѣ, № 525.

«контрахъ» застрили и сборы за «небытіе», и безпрепятственно совершалось «доняманіе за скверноядство». Чтобы улучшить что-нибудь въ церковномъ управленіи, Чичерину казалось необходимымъ сбыть съ рукъ Павла и посадить на его мѣсто другого человѣка, болѣе съ нимъ согласнаго. Но Павелъ просился на богомолье, а пока все-таки не уступалъ и старался платить Чичерину око за око и зубъ за зубъ. Наконецъ, онъ до того разсердилъ Чичерина, что тотъ (какъ повѣствуетъ «Тобольскій Лѣтописецъ») «во время гулянья на масляницѣ приказалъ своимъ прислужникамъ нарядиться въ монашеское платье и въ такомъ видѣ заѣзжать въ городскіе кабаки и развратные дома; а митрополитъ въ свою очередь, въ отплату Чичерину, приказалъ (sic) въ одной градской церкви на картинѣ страшнаго суда изобразить на первомъ планѣ Чичерина, котораго тянутъ крюкомъ за животъ въ пекло рогатые бѣсы» *).

Чичеринъ этого будто не устыдился, а только смѣялся надъ этимъ. Онъ ужъ такъ «усилился», что сталъ «давать около Тобольска чиновникамъ заимки и производить ихъ въ сибирскіе дворяне», и митрополитъ, видя его усиліе, опять началъ проситься у Сунода въ Кіевъ на богомолье, гдѣ и умеръ, а на его мѣсто въ Сибирь былъ назначенъ Варлаамъ (Петровъ), «братъ славнаго новгородскаго митрополита, съ которымъ Чичеринъ находился въ дружескихъ связяхъ» **).

Варлаамъ дѣлалъ все угодное губернатору: онъ назвалъ «сборъ за небытіе» «самонужнѣйшимъ государственнымъ дѣломъ» и не мѣшалъ Чичерину «быть тивуномъ» на самомъ дѣлѣ: при немъ Денисъ Ивановичъ ѣздилъ ревизовать духовенство и забралъ къ себѣ нѣсколько поповъ въ канцелярію, куда имѣлъ обычай заходить иногда по-домашнему въ бешметѣ и съ арапникомъ въ рукѣ.

Однако, все это сокрушило только тѣхъ, которые попались «тивуну», а остальные продолжали всѣ свои безчинства и «гонялись за очищеніемъ скверноядства». Съ этой послѣдней заботой здѣсь дошли до такого изступленія, что въ постоянныхъ охотахъ «попы даже дни позабыли», что̀ и послужило этому дѣлу *какъ бы* къ закончанію.

---

*) Выписано изъ «Тобольск. Лѣтописца».

**) Слов. дост. люд., т. V, стр. 279.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Въ 1780 году Чичеринъ, произведенный въ чинъ генералъ-поручика, оставилъ Сибирь. Духовенство пріободрилось и повело дѣло по старинѣ, въ духѣ «Арсеніевой независимости». «Народцы» терпѣли въ молчаніи. Надъ Европой пронеслись величайшія событія, именуемыя французскою революціею: въ Москвѣ побывали двенадцать языкъ; облеченные довѣріемъ государя, сенаторы Лопухинъ и Неелединскій, увидавъ расправу съ молоканами въ Харьковѣ, дѣлали представленія въ духѣ терпимости, и всѣмъ было извѣстно желаніе императора «воздержать начальниковъ въ предѣлахъ ихъ власти» («Р. Арх.», стр. 194), а въ сибирскихъ гундрахъ съ крещеными «народцами» дѣлали все, что хотѣли, и это необузданное безчинство дошло до того, что наконецъ сами просвѣтители потеряли память и разучились различать дни въ недѣлѣ.

Въ 1819 году поѣхалъ по Сибири какой-то «именитый путешественникъ». Прибывъ на рѣку Тазъ, онъ пожелалъ присутствовать при богослуженіи въ тамошней церкви, «въ чемъ, однако, не могъ получить себѣ удовлетворенія» *). Почему именно богомольный путешественникъ «не получилъ удовлетворенія»—изъ матеріаловъ, дошедшихъ ко мнѣ отъ генерала Асташева, не видно: видно одно, что «сіе было въ *четвертокъ*, но мѣстный священникъ доказывалъ путешественнику, что *день тотъ былъ пятокъ*, и такимъ образомъ (выходитъ, что) *вмѣсто воскреснаго дня священникъ отправлялъ службу въ субботу*, а воскресный день оставлялъ безъ литургій».

Путешественникъ написалъ объ этомъ въ Петербургъ князю Александру Николаевичу Голицыну. Князь Голицынъ тогда имѣлъ обширную власть: онъ былъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія **), а сверхъ того ***) управлялъ еще министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и именовался главноначальствующимъ надъ почтовымъ департаментомъ. Онъ могъ сдѣлать очень много и вообще «эту эпоху дѣятельной жизни своей ознаменовалъ подви-

*) Предложеніе министра духовн. дѣлъ, получ. архіеп. тобольскимъ Амвросіемъ Кулембетомъ 16-го апрѣля 1820 г.

**) Съ 16-го ноября 1817 г.

***) Въ 1819 г.

гами, достойными перейти въ потомство» *). Его уже называли: «другъ царя и человѣчества» **), и онъ дѣйствительно нерѣдко успѣвалъ быть «доступенъ голосу обидимыхъ несправедливостью» и «не любилъ нетерпимости, а уважалъ чистое христіанское благочестіе».

Письмо, написанное путешественникомъ съ Таза, пришло къ князю Голицыну одновременно съ «извѣстіемъ изъ Туруханска, что священники тамошняго края заражены корыстолюбіемъ и сильно притѣсняютъ ясашныхъ инородцевъ».

Оба извѣстія, кажется, послѣдовали изъ одного и того же источника, т. е. отъ путешественника, который увидалъ безпорядки и злоупотребленія сибирскаго духовенства и находилъ себя въ благопріятныхъ условіяхъ для того, чтобы обратить на это непосредственное вниманіе «высокомощнаго друга человѣчества» ***).

Голицынъ немедленно же далъ ходъ этому дѣлу, направя его «по вѣдомству духовныхъ дѣлъ». Архіепископъ тобольскій Амвросій (1-й) Келембетъ ****), 16-го апрѣля 1820 г., получилъ отъ князя Голицына «строжайшее предписаніе произвесть немедленное и самострожайшее слѣдствіе», какъ о священникахъ, «сильно притѣсняющихъ ясашныхъ инородцевъ», такъ и о тазовскомъ священникѣ, который помѣшалъ дни.

Дѣла эти, показавшіяся Голицыну за что-то необычайное, въ Тобольскѣ никого не удивили: здѣсь всѣ знали, что ясакъ собирается съ дикарей духовными искони и постоянно и всегда въ произвольномъ размѣрѣ: священники же, странствуя въ отдаленныхъ мѣстахъ, «путаютъ дни», а потому за это даже нельзя было строго и взыски-

---

*) Слов. достопамяти. людей, т. I, стр. 418.

**) Ibidem.

***) Такой образъ дѣйствій тогда не считался за дерзкое вмѣшательство [illegible] неприглашаннаго самозванства, и всѣ знали, что откровенныя мнѣнія сенатора Лопухина о русской набожности были приняты государемъ какъ умное и правдивое слово, а Лопухинъ смотрѣлъ такъ, что «хотя у насъ въ школахъ и на каѳедрахъ твердятъ: «люби Бога, люби ближняго», но не воспитываютъ той натуры, коей любовь свойственна: а это все равно какъ бы разслабленнаго больного, не вылѣчивъ и не [illegible] оставивъ хромъ» (Р. Арх., 84 г., стр. 17).

****) Гл. т. б., съ 1816 по 1822 г. (указъ 24-го дек. 1822 г.). С. Пр. Т. [illegible].

вать, такъ какъ у священниковъ «часовъ численныхъ не было и въ разъѣздахъ ихъ дни у нихъ нерѣдко приходили въ забвеніе».

Архіепископъ Амвросій доставилъ объясненіе, что «на притѣсненія ясашныхъ священниками» жалобы дѣйствительно иногда бывали, но что дѣла эти были несерьезны и «или прекращались сами собою, за давностію времени, или оканчивались взаимнымъ примиреніемъ: а если дикари могли представить несомнѣнныя доказательства, что ихъ «обираютъ», тогда причту «былъ выговоръ».

Князю Голицыну, однако, разсказали, что въ Сибири всѣ изслѣдованія о разорительныхъ поборахъ духовенства производитъ обыкновенно «одинъ сосѣдній священникъ надъ другимъ таковымъ же», и потому они другъ друга покрываютъ и лгутъ, и на ихъ изслѣдованія полагаться нельзя. Голицынъ поблагодарилъ за указаніе и принялъ противъ сибирской поповской взаимщины такія мѣры, которыя, по мнѣнію этого высокопоставленнаго вельможи, должны были положить конецъ злоупотребленію слѣдователей, а вмѣсто того сдѣлали невозможнымъ даже самое начало слѣдствія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія назначилъ слѣдствіе надъ «тазовскимъ забвенникомъ» и надъ притѣснителями дикихъ скверноядцевъ, предписавъ, чтобы слѣдствіе это производилось «съ прикомандированіемъ депутата со свѣтской стороны». Депутатъ съ свѣтской стороны еще могъ быть допущенъ по уголовному дѣлу, въ которомъ вмѣшаны міряне и клирики, но по дѣлу чисто церковному, каково есть по своему существу недоразумѣніе между прихожанами и духовникомъ,—депутатъ съ свѣтской стороны представлялся лицомъ неумѣстнымъ, излишнимъ и крайне нежелательнымъ. А потому въ Тобольскѣ думали, что архіерей Амвросій Келембетъ «не подчинится» и не допуститъ свѣтскаго депутата къ слѣдствію между прихожанами и ихъ духовникомъ, но Амвросій не только подчинился, а даже засуетился и заспѣшилъ. Онъ призвалъ къ себѣ секретаря консисторіи и «повелѣлъ ему въ два дня сдѣлать все, какъ указано». Тобольская консисторія разсудила, что ужъ если спѣшить, такъ спѣшить, и дѣйстви-

тельно въ два дня провела все: докладъ, журналъ, особый протоколъ и исполненіе, — и все въ томъ духѣ, какъ угодно было «другу людей». По предложенію или предписанію, полученному тобольскимъ архіереемъ только 16-го апрѣля, 19-го апрѣля уже былъ посланъ «самонужнѣйшій указъ» консисторіи въ туруханское духовное правленіе «о самонастрожайшемъ производствѣ слѣдствія, по пунктамъ, указаннымъ въ *предписаніи* министра».

Указъ этотъ скакалъ до Туруханска два мѣсяца — и зато, какъ только духовное правленіе его распечатало, такъ сейчасъ же отнеслось въ тамошній земскій судъ о «самонемедленнѣйшемъ командированіи депутата».

Тутъ Голицынское строгое предписаніе и стерли въ порошокъ.

Весь личный составъ туруханскаго земскаго суда состоялъ въ эту пору *изъ одного секретаря*, который самъ себя командировать не могъ. Исправникъ же и дворянскій засѣдатель (въ Туруханскѣ!!) были «въ отлучкахъ по обширному краю, и судъ не могъ дать свѣдѣній: гдѣ они въ данное время находятся».

Ихъ ждали до октября мѣсяца, а въ это время духовное правленіе, чтобы показать свою дѣятельность, «еженедѣльно писало въ земскій судъ повторенія о командированіи депутата, а секретарь земскаго суда тоже еженедѣльно отвѣчалъ, что командировать некого, ибо всѣ члены въ расходѣ».

Наконецъ, секретарю земскаго суда надоѣло, что духовное правленіе такъ щеголяетъ своею исполнительностью и настояніями, и онъ, перейдя изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, самъ «запросилъ правленіе: на какія средства долженъ отправиться депутатъ по обширному краю», такъ какъ Сперанскій сдѣлалъ распоряженіе, чтобы и «чиновники даромъ не ѣздили, а тоже платили бы прогоны».

Правленіе не нашлось, что отвѣчать, и сдѣлало представленіе въ консисторію, а консисторія отнеслась въ губернское правленіе, а губернское правленіе потребовало справокъ отъ туруханскаго земскаго суда (вѣроятно, о разстояніяхъ), и *прошелъ годъ*, а слѣдователи изъ Туруханска еще не выѣхали и справы о «небытіи» и о «скверноядствѣ» все шли по-старому, своимъ удивительнымъ порядкомъ.

Но вотъ въ декабрѣ 1820 года въ Туруханскъ возвра-

тился изъ долгаго объѣзда исправникъ Воскобойниковъ. и ему сейчасъ же объяснили. что онъ опять долженъ немедленно ѣхать по важному дѣлу. указанному министромъ.

Воскобойниковъ не сталъ ждать разрѣшенія вопроса о прогонахъ и готовъ былъ сейчасъ выѣхать, но въ это самое время пріѣхалъ засѣдатель Монголевъ и сообщилъ, что «ясачные по рѣкамъ Тазу и Туруханy всѣ разъѣхались по своимъ промысламъ и собрать ихъ для слѣдствія теперь нельзя».

Надо было ждать весны 1821 года. Дождались. Депутатъ былъ готовъ и долженъ былъ выѣхать вмѣстѣ съ слѣдователемъ. а слѣдователемъ былъ назначенъ второй членъ туруханскаго духовнаго правленія священникъ Александръ Верещагинъ.—родной братъ того «тазовскаго забвенника», который «перебилъ дни» и надъ которымъ надо было производить строжайшее слѣдствіе. Каково бы ни вышло это слѣдствіе. производимое братомъ надъ братомъ. но и оно, однако. не состоялось. потому что священникъ Александръ Верещагинъ передъ выѣздомъ изъ Туруханска умеръ. Во всемъ городѣ теперь оставался только одинъ священникъ, протоіерей Куртуковъ. но онъ не могъ командировать самого себя. да и не могъ оставить городъ безъ требоисправителя.

Все какъ будто издѣвалось надъ «другомъ людей».

Когда донесли объ этомъ, весною 1820 года, консисторіи, она уже не приняла дѣла съ прежнею горячностью и сама протянула съ отвѣтомъ до осени, а осенью послала въ Туруханскъ такое предписаніе. которое удивило «всѣхъ, какъ духовныхъ, такъ же и свѣтскихъ». А именно: тобольская духовная консисторія. какъ будто на смѣхъ надъ предписаніемъ министра. назначила слѣдователемъ «содержавшагося въ туруханскомъ монастырѣ штрафного попа Чемесова». который былъ присланъ въ туруханскій монастырь изъ Томска «за безмѣрное пьянство и буйство и за неудобьописуемые поступки».

Назначеніе это такъ смутило туруханскаго исправника Воскобойникова. что онъ отмѣнилъ свое намѣреніе—самому ѣхать депутатомъ съ свѣтской стороны. и послалъ къ Чемесову вмѣсто себя смотрителя поселенцевъ Данилова.

Но пока и эти неавантажные слѣдователи собрались вы-

ѣзжать, кочевники ихъ не стали дожидаться и разсѣялись по своимъ промысламъ.

Опять начинаются ожиданія до весны 1822 года, и на этотъ разъ «штрафной попъ» Чемесовъ выѣхалъ «для вчатія дѣла» и, выѣхавши, сдѣлалъ для начала кое-что такъ хорошо, какъ нельзя отъ него было и надѣяться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Прежде всего Чемесовъ принялся за «тазовскаго забвенника», какъ за лицо, допустившее «анекдотъ», оскорбившій особу именитаго путешественника.

Забвенникъ повинился, что онъ, дѣйствительно, «помѣшался въ счетѣ дней», и что случилось это, вѣроятно, въ ноябрѣ или въ декабрѣ, когда въ ихъ мѣстахъ солнце почти не показывается и весь край освѣщается одними сѣверными сіяніями, а потому не разберешь иногда: когда надо ложиться и когда вставать, и въ это темное время не съ нимъ однимъ бываетъ, что днями ошибаются и путаются.

— «Въ этомъ каюсь».

Слѣдователь донесъ какъ дѣло было, а самъ отправился «сыскивать», какъ обижаютъ «небытейщиковъ и скверноядцевъ»; и опять, кажется, имѣлъ намѣреніе показать правду, — по крайней мѣрѣ то, о чемъ донесъ Чемесовъ, было не противъ обидимыхъ, а *за нихъ*, и противъ обидчиковъ: но тутъ бѣдный Чемесовъ спутался и встрѣтилъ множество препятствій для окончанія слѣдствія.

Между тѣмъ открытія Чемесова все-таки драгоцѣнны: онъ отыскалъ такихъ небытейцевъ, которымъ нельзя было и явиться «бытейцами», такъ какъ это были люди, которые совсѣмъ не считали себя христіанами. Они откровенно и прямо говорили, что не знаютъ, отчего ихъ называютъ крещеными, и что они никогда не бывали у исповѣди, да и родители ихъ и дѣды тоже никогда не бывали, а платить штрафъ за небытіе они согласны, потому что пусть это такъ идетъ, какъ издавна повелось, лишь бы ихъ «не гоняли», но отчего такъ повелось — они тоже не знаютъ. Объ обидахъ, какія потерпѣли «скверноядцы», дознавать было очень трудно, такъ какъ со времени заявленія объ этомъ путешественникомъ уже прошло два года, въ теченіе которыхъ кочевники не разъ перемѣнились мѣстами, а тѣ, которые не измѣнили мѣстъ, все-таки не искали случая сви-

дѣться съ слѣдователемъ, а напротивъ, «удалялись за рѣки». Чемесовъ, однако, все-таки кое-кого изъ этихъ людишекъ настигъ и дознаръ отъ нихъ, что поборы за скверноядство были большіе и никогда не кончались. Приходы ясашные были велики, - верстъ на тысячу и даже на полторы [1]), и прихожане тутъ осѣдло не живутъ, но Чемесовъ кое-кого достигалъ, и въ Имбацкомъ приходѣ узналъ, что дѣйствительно ихній священникъ, по фамиліи Кайдаловъ, «наложилъ на нихъ ясакъ *за скверноядство*» и бралъ за прочтеніе разрѣшительной молитвы отъ скверноядѣнія за каждаго человѣка въ большой семьѣ по 20 бѣлокъ, а въ маломъ семействѣ по 30 бѣлокъ съ души, и что платежъ этотъ очень тягостенъ, такъ какъ «скверно ѣсть» дикарямъ приходится постоянно и постоянно же надо за это платить духовенству, а «хорошей ѣды» достать негдѣ. Кромѣ того, Чемесовъ разслѣдовалъ, что ясашные Имбацкаго прихода платили священнику Кайдалову по 20 бѣлокъ въ годъ за скверноядство, да по 30 бѣлокъ за житье съ невѣнчанною женою, и по 20 бѣлокъ «за дѣтеныша», а кто «отбѣгалъ» отъ этого ясака, съ тѣхъ Кайдаловъ «донималъ еще дороже: такъ, напримѣръ, остяки Сѣрковъ и Тайковъ не являлись два года очищаться отъ скверноядѣнія», и Кайдаловъ, прослѣдивъ это, требовалъ съ нихъ по два соболя, а когда они не признавались на исповѣди, то онъ тутъ же въ церкви таскалъ ихъ за волосы и ругалъ всячески, а какъ Сѣрковъ еще не зналъ наизусть молитвъ, то Кайдаловъ заперъ его въ холодной церкви и морилъ тамъ въ холодѣ двое сутокъ голодомъ, но тотъ все-таки молитвы не выучилъ, а «подалъ ему двухъ соболей». Съ остяка Ивана Ортюгина, который питался однею медвѣжьей говядиной, священникъ «взялъ ясака за молитву два соболя да тридцать бѣлокъ». И такихъ случаевъ, гдѣ священникъ Кайдаловъ ясно уличался въ злоупотребленіяхъ указаннаго рода, Чемесовъ ввелъ въ дѣло «больше сотни».

Тогда увидали, что на смѣхъ назначенный въ слѣдователи «штрафной попъ» и пропойца Чемесовъ ведетъ дѣло какъ энергическій и справедливый человѣкъ, и попъ Чемесовъ исчезаетъ и о немъ больше не упоминается, а небезуспѣшно начатое имъ дѣло тянулось многіе годы и до-

[1]) Напримѣръ, тазовскій приходъ — 900 верстъ, хантайскій — 1.200, и мангазейскій — 1.350 верстъ.

шедши опять до тобольской консисторіи, получило себѣ тамъ очень умиротворяющее заглавіе, а именно, его наименовали здѣсь: «Туруханское дѣло *о злоупотребленіи природною простотою жителей*».

Болѣе удачнаго тона для смягченія некрасивой сущности этого дѣла, кажется, трудно было придумать; но, однако, священникъ Кайдаловъ и этимъ еще остался недоволенъ и когда ему дали «вопросные пункты»,—между прочимъ, не употреблялъ ли онъ во зло простоту мѣстныхъ природныхъ жителей?—то онъ обидѣлся и отвѣчалъ: «я никакой простоты въ ясашныхъ не знаю, и даже никогда не подозрѣвалъ, что они просты».

Такіе наглые отвѣты Кайдаловъ давалъ въ 1824 году, зная, что князь А. Н. Голицынъ уже охладѣлъ къ письму именитаго путешественника и не слѣдилъ за этимъ грубымъ дѣломъ, такъ какъ вниманіемъ его послѣ пользовались иныя дѣла, на которыя «смотрѣла Европа»: въ 1820 г. «въ Одессѣ и Кишиневѣ появилось до десяти тысячъ греческихъ выходцевъ, удалившихся изъ Константинополя, и многіе изъ сихъ несчастныхъ единовѣрцевъ нашихъ были ввержены въ нищету». Голицынъ старался «на нихъ обратить вниманіе императора Александра I-го и исходатайствовалъ позволеніе открыть въ ихъ пользу подписку, которою и собралъ 900.000 рублей», а потомъ сейчасъ же «приступилъ къ сбору для хіосцевъ и критянъ, и умѣлъ и на этотъ предметъ собрать до 750.000», а въ 1821 г., когда Кайдаловъ нахальничалъ, давая отвѣты, Голицынъ былъ уже уволенъ отъ званія министра духовныхъ дѣлъ, и опасаться его было нечего. Такъ это дѣло и протянули; а затѣмъ наступилъ 1825 годъ, — годъ кончины императора Александра I-го и другихъ, послѣдовавшихъ за тѣмъ, событій, и мѣнявшихъ духъ и направленіе въ управленіи всѣми дѣлами.

Это же повліяло и на судьбу всѣхъ дѣлъ о «небытіи» и о «скверноядствѣ», соединенныхъ въ одно дѣло, получившее общее заглавіе: «о туруханской простотѣ».

Но и теперь это дѣло еще не сразу забросили (что̀ было бы лучше), а пошли «смѣшить имъ людей», и стали «разъискивать и вызывать въ туруханское духовное правленіе къ слѣдствію тунгусовъ и остяковъ, кочевавшихъ въ Сургутскомъ и Обдорскомъ краѣ, около Обской губы, т.-е. слиш-

комъ за двѣ тысячи верстъ». А тѣ «кочевали въ мѣстахъ недоступныхъ за тундрами, зимой уже отходили промышлять звѣря, такъ что и найти ихъ было невозможно». *Нѣсколько лѣтъ* еще ѣздили за ними отъ Оби до Лены, чтобы собрать этихъ прихожанъ, и убѣдились, что «невозможно не только собрать ихъ, но нельзя получить свѣденій: гдѣ ихъ искать». Тогда ужъ не было ни побужденій, ни выгодъ — что-нибудь придумывать еще, а настало время бросить дѣло, которое лучше было бы и не начинать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Послѣдній актъ величайшей подьяческой продерзости и смѣлости заключался въ томъ, что когда «бумажное дѣлопроизводство» «о злоупотребленіи простотою» сдѣлалось «чрезмѣрно велико» и его неудобно стало ни возить съ собою, ни пересылать по почтѣ, тогда нашли нужнымъ посадить за это дѣло подьячихъ, чтобы они составили изъ него «экстрактъ».

Подьячіе въ туруханскомъ духовномъ правленіи были «лядащіе», малотолковитые, и «въ сочиненіи не искусные», а притомъ «были подавлены тяжкими обстоятельствами при самоничтожнѣйшемъ жалованіи». Они жили «даяніями» и «вымоганіями», которыя могли собирать съ дѣлъ, по которымъ былъ налицо живой проситель, а по необъятному дѣлу «о злоупотребленіи простотою» некому было ни ходить, ни приносить поминки, и потому оно подьячихъ не интересовало. Но и кромѣ того они не могли бы разобраться въ этомъ дѣлѣ при его страшномъ объемѣ и при той путаницѣ, которой оно было преисполнено; однако, они все-таки «экстрактъ» сдѣлали, и притомъ очень замѣчательный; а когда туруханское духовное правленіе захотѣло проредактировать это произведеніе, то оказалось, что въ немъ нельзя ничего понять!.. Довольно бы, кажется, но нѣтъ! — духовное правленіе послало отношеніе въ туруханскій земскій судъ, прося его *«выслать* въ оное правленіе *всѣхъ* прикосновенныхъ къ дѣлу, для подтвержденія ихъ первоначальныхъ показаній и для *рукоприкладства подъ экстрактомъ»*.

Такъ какъ это происходило уже въ тридцатыхъ годахъ нынѣ уже истекающаго XIX-го столѣтія, то тутъ только этому дѣлу «о злоупотребленіи простотою» наступилъ ко-

нецъ; туруханскій земскій судъ, увидавъ, что отъ него требуютъ нѣчто чудовищное,—чтобы онъ собралъ и «выслалъ въ Туруханскъ всѣхъ дикарей, кочующихъ по сѣверной Сибири отъ Чукотскаго носа до Урала», то онъ и призналъ за самое лучшее -ничего не дѣлать.

Такимъ образомъ, только черезъ такое благоразумное отношеніе къ этому дѣлу оно и получило конецъ — слишкомъ послѣ столѣтняго производства. Можетъ-быть, что акта о зачисленіи его конченнымъ и о сдачѣ въ архивъ и до сихъ поръ нѣтъ, но, тѣмъ не менѣе, съ тридцатыхъ годовъ истекающаго столѣтія о дѣлѣ этомъ больше нигдѣ не упоминается, и оно теперь не имѣетъ уже никакого значенія для канцелярій, а представляетъ собою только цѣнный матеріалъ лишь для бытовой исторіи Сибири прошедшаго вѣка.

ВДОХНОВЕННЫЕ БРОДЯГИ.

(УДАЛЕЦКІЯ «СКАСКИ»).

«Величіе народа въ томъ,
Что носитъ въ сердцѣ онъ своемъ».
А. Майковъ.

И ложные слухи въ народѣ показываютъ стремленіе этого народа къ извѣстной цѣли».
Еписк. *Порфирій Успенскій.* (См. «Книга бытія моего», т. I, стр. 357).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

«Скасками» назывались въ Россіи сообщенія, которыя «бывалые» люди, по возвращеніи изъ своихъ удалыхъ прогулокъ, подавали своимъ милостивцамъ или правителямъ, а иногда и самимъ государямъ. Въ «скаскахъ» удальцы обыкновенно повѣствовали о своихъ странствіяхъ и приключеніяхъ, объ удали въ бояхъ и о страданіяхъ въ плѣну у чужеземцевъ, которые всегда старались нашихъ удальцовъ отклонить отъ любви къ родинѣ и привлечь богатыми дарами въ свое подданство; но только наши люди обыкновенно оставались непоколебимо вѣрны своему царю и отечеству и всѣ соблазны чужихъ людей отвергали и постыждали, а потомъ этимъ вдохновенно хвастались. Болѣе или менѣе интересное сочетаніе былей съ небылицами въ этомъ родѣ составляетъ главное содержаніе всѣхъ «скасокъ», а характерныя черты ихъ бродяжныхъ героевъ — это отвага, терпѣнье и вѣрность. За эти добродѣтели скасочники просили себѣ награды, и «скаска» затѣмъ и подавалась. «Скаскамъ», которыя сочиняли о себѣ вдохновенные бродяги, у насъ легко вѣрили, ихъ читали замѣсто путешествій,

и онѣ доставляли удовольствіе высокимъ лицамъ, которыя не читали ничего лучшаго, а составители «скасокъ» получали черезъ это славу отъ соотчичей и награды за удальство отъ правителей и государей.

Разумѣется, до полныхъ результатовъ въ этомъ родѣ достигали не всѣ «скаски», а только такія, которыя были сложены особенно хорошо, то есть любопытно и «лестно» въ патріотическомъ смыслѣ. Такимъ милостивцы давали «высшій ходъ» и сочиненія эти доходили до царскихъ палатъ и теремовъ, откуда вдохновеннымъ сочинителямъ исходило «царское жалованье». И кромѣ того, послѣ къ нимъ уже никто не смѣлъ вязаться съ требованіемъ отвѣта, за «шатательство» и за какія бы то ни было старыя неисправности, такъ какъ «кого царь пожаловалъ, того и Богъ простилъ».

При императорѣ Петрѣ I, съ измѣненіемъ, происшедшимъ въ пониманіи русскихъ людей, «скаски» вдохновенныхъ бродягъ потеряли свое значеніе въ обществѣ: невѣжественные люди ими еще интересовались, но петровскіе грамотеи, ознакомившіеся съ лучшими произведеніями, перестали интересоваться «бродяжными баснями». А главное, дѣловитый царь не любилъ потворствовать глупостямъ, и «скасочниковъ» прямо стали называть неучтиво «бродягами» и бить батогами.

Такая суровость не давала вдохновенію бродягъ простора, и «скаски» ихъ было перевелись или оставались только въ сферѣ преданій, жившихъ въ «мѣстахъ заключенія». Это была устная, «острожная словесность», но нынче вспомнили и о «скаскахъ» и дали недавно русскому обществу любопытный и будто бы послѣдній образчикъ такого произведенія, которое очень понравилось самой сильной современной русской газетѣ, которая указала на это, какъ на прекрасную и достойную вниманія вещь. Но на самомъ дѣлѣ «скаски» въ добросовѣстной литературѣ не могутъ получить похвалы, а должны получить прежде всего *разъясненіе* ихъ достоинствъ.

Настоящій очеркъ долженъ быть опытомъ въ этомъ родѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ истекающемъ 1894 году, въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Россіи» напечатаны двѣ челобитныя со

«скасками», поданныя въ 1643 г. царю Михаилу Ѳеодоровичу турскими полонениками», калужскимъ стрѣльцомъ Иваномъ Семеновымъ Мошкинымъ и московскимъ посадскимъ человѣкомъ Якимомъ Васильевичемъ Быковымъ.

Редакція большой и самой вліятельной теперь петербургской газеты заинтересовалась этимъ документомъ и воспроизвела «скаску» съ полнымъ довѣріемъ ко всему, что̀ тамъ сказано. Она прямо назвала «скаску» Мошкина и Быкова «достовѣрнымъ источникомъ, который обстоятельно рисуетъ бытъ чужихъ странъ и предпріимчивость, безкорыстіе и патріотизмъ русскихъ людей».

Думается, что если бы газета знала, какими людьми и съ какими цѣлями составлялись такія «челобитныя со скасками», то она навѣрно предпочла бы просто перепечатать «скаску», какъ любопытный образчикъ этого рода письменности, и не стала бы завѣрять «достовѣрность этого источника», явная лживость котораго до того очевидна, что, несмотря на давность событій и отдаленность мѣста описанныхъ происшествій, а также на полное отсутствіе провѣрочныхъ свѣдѣній—лживость «скаски» все-таки легко доказать изъ нея же самой, что мы сейчасъ же и попробуемъ сдѣлать.

Главнымъ сюжетомъ «скаски», приведенной въ «Чтеніи Общества Исторіи и Древностей», служитъ отважный побѣгъ нѣкоего Мошкина, вмѣстѣ съ 280 русскихъ «полонениковъ», томившихся болѣе семи лѣтъ на турецкой каторгѣ. Побѣгъ былъ устроенъ изъ Царьграда по заранѣе обдуманному плану съ судна «каторги», которое принадлежало Апты-пашѣ Марьеву.

На суднѣ, по словамъ Мошкина, было «250» турокъ и «280» русскихъ невольниковъ,—значитъ, почти на каждаго русскаго невольника приходилось по одному турку. Пропорція ужасная для устройства побѣга, но тѣмъ занимательнѣе: какъ это сдѣлается.

Мошкинъ подъ Азовомъ укралъ у турокъ сорокъ фунтовъ пороху и спряталъ ихъ у себя на «каторгѣ», гдѣ ихъ содержали такъ слабо и довѣрчиво, что они никому не попались съ своей кражей. Мошкинъ рѣшился взорвать «каторгу» въ морѣ и, когда произойдетъ взрывъ, уйти съ судна со всѣми своими товарищами, 280 русскими полонениками. Съ этою цѣлью одинъ разъ ночью Мошкинъ пробрался въ

капитанскую каюту, захвативъ съ собою весь украденный пудъ пороха, и заложилъ весь этотъ зарядъ цѣликомъ около того мѣста, гдѣ спалъ Апты-паша, и подстроилъ подъ порохъ горящую головню; порохъ вспыхнулъ и произошелъ взрывъ, и «двадцать турокъ побросало въ море»; но и самъ Мошкинъ «обгорѣлъ по поясъ». Паша, однако, остался невредимъ, такъ какъ онъ спалъ на «упокойномъ мѣстѣ», и, проснувшись, поднялъ тревогу. Мошкинъ «учалъ ему говорить спорно», а потомъ бросился на пашу и прокололъ ему «брюхо». Началась схватка, послѣ которой 210 турокъ были побиты, а 40 живыхъ закованы въ желѣзо, а изъ русскихъ 20 ранены и 1 убитъ *). Самъ Мошкинъ былъ раненъ стрѣлой въ голову, правую руку и саблею—въ голову и брюхо. Послѣ побѣды русскіе подъ предводительствомъ Мошкина «пошли на суднѣ». Идучи Средиземнымъ моремъ, они побывали въ «7 земляхъ» и въ Россію вернулись черезъ Римъ, Венецію, Вѣну и Варшаву. Они приставали и высаживались во многихъ городахъ и вездѣ обращали на себя вниманіе и зависть иностранцевъ: вездѣ «королевскіе ближніе люди перезывали ихъ въ свои земли на службу и многіе гроши давали». Такія богатыя дѣлали имъ предложенія, какихъ, они знали, что въ родной землѣ имъ ожидать себѣ невозможно, но они все не соблазнялись и плыли, и, заболтавшись по морю, попали въ испанскій городъ Мессину, гдѣ испанскій генералъ увидалъ Мошкина и сталъ предлагать ему «по 20 р. въ мѣсяцъ», а всѣмъ прочимъ «давалъ гроши и платья, и жалованья». Но Мошкинъ и всѣ другіе русскіе люди не польстились на выгодныя предложенія чужихъ правительствъ и «не подумали остаться въ Европѣ».

Воздержались они отъ этого соблазна, «помня Бога, православную вѣру, свою русскую природу и государеву милость».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Испанскій генералъ и прочіе вельможи, увидавъ, что русскіе люди такъ вѣрны, что не приняли сдѣланныхъ имъ выгодныхъ предложеній, разсердились на нихъ и пере-

*) Турокъ было всего 250 человѣкъ. Изъ нихъ сброшено въ море 20, побито 210 и осталось 40 человѣкъ, что составляетъ всего 270 человѣкъ. Значитъ, послѣ катастрофы на двадцать человѣкъ стало больше. Газета даже и этого не замѣтила.

мѣнили съ ними обхожденіе, и вмѣсто прежнихъ ласкъ и соблазновъ начали ихъ донимать утѣсненіемъ и скорбями. Начали они это съ того, что, по приказанію своего воеводы, «отняли каторгу (судно), со всѣми животы» (т. е. имуществомъ), а также отняли у нихъ и сорокъ человѣкъ турокъ, которыхъ освободившіеся русскіе сами содержали теперь у себя въ плѣну и надѣялись пригащить ихъ взаперти къ себѣ «ко дворамъ» или продать гдѣ-нибудь въ неволю, а при опасности, конечно, не затруднились бы сбросить и за бортъ. Но испанцы досмотрѣли, что̀ везли на суднѣ, и все это дѣло разстроили: они не только отобрали турокъ и выпустили ихъ на свободу, но еще изъ самихъ русскихъ взяли семь человѣкъ подъ арестъ, вѣроятно для того, чтобы узнать, что̀ они за люди и по какому праву держали у себя запертыми на «каторгѣ» турецкихъ людей. Въ «скаскѣ» ничего не говорится о причинѣ, для чего ихъ придержали, но видно, что произошло что-то серьезное, послѣ чего русскіе пошли отъ испанцевъ «наги, босы и голодны». И такое бѣдствіе они терпѣли до самаго Рима. Въ Римѣ одинъ изъ товарищей Мошкина, воронежскій крестьянинъ Григорій Карѣевъ, заболѣлъ и лежалъ при смерти 2 мѣсяца. А болѣзнь ему приключилась отъ ранъ, полученныхъ на «каторгѣ» (т. е. при стычкѣ съ турками); въ Римѣ и «копье (т. е. наконечникъ стрѣлы) вынули у него изъ раны у папы римскаго». «У папы они пріимали сакраментъ». (Противъ этого мѣста въ скаскѣ думный дьякъ Иванъ Гавреневъ сдѣлалъ помѣту: «отослать ихъ подначало къ патріарху для исправленія»). Изъ Рима удальцы пошли на Венецію, Вѣну и Варшаву (sic) и вездѣ «разговаривали съ цезарями» и «всѣ имъ были рады» и всѣ ихъ звали къ себѣ на службу, но Мошкинъ и его товарищи чужимъ цезарямъ служить не захотѣли.

Итакъ, во всѣхъ тяжелыхъ и соблазнительныхъ положеніяхъ своего плѣна, Мошкинъ показалъ себя человѣкомъ мужественнымъ, неподкупнымъ и беззавѣтно преданнымъ православной вѣрѣ и русскому царю. Такимъ онъ, нимало не обинуясь, выставляетъ себя самъ въ челобитной со скаскою, и такъ же представляютъ его личность современные комментаторы челобитной; но я опять говорю, что человѣкъ, сохраняющій въ себѣ здравый смыслъ, не можетъ принять все разсказанное въ этой «скаскѣ».

Обратимъ вниманіе на явныя очевидности, которыя кидаются въ глаза и говорятъ, что въ «скаскѣ» Мошкина есть много неправды, послѣ чего трудно вѣрить и остальному.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

1) Возможно ли, чтобы судно, при взрывѣ на немъ цѣлаго пуда пороха, встряхнулось такъ, что нѣкоторыхъ неподходящихъ людей скинуло въ воду, а затѣмъ всѣ свои люди уцѣлѣли и самое судно сейчасъ же было годно для дальнѣйшаго плаванія?

Намъ думается, что это невозможно и что невозможность эта очевидна.

2) Вѣроятно ли, что Мошкинъ, опаленный огнемъ до пояса, сейчасъ же могъ еще «спорно» разговаривать и, вставши, биться на сабляхъ и проколоть брюхо совершенно здоровому пашѣ?

По-нашему это невѣроятно.

3) Отчего изъ 250 человѣкъ турокъ, которые плыли на суднѣ, послѣ взрыва насчитывается 270 турокъ? (20 сброшено въ море, 210 убито русскими и 40 осталось у нихъ, итого 270)?

Если это ошибка, то не странно ли, что она не замѣчена ни дьякомъ Гавреневымъ, ни Московскимъ Обществомъ Истор. и Древн., ни редакціею газеты, которая нашла весь этотъ разсказъ «достовѣрнымъ и обстоятельнымъ»?

4) Какъ могло быть, что Мошкинъ, раненый въ голову и въ животъ, сейчасъ же могъ принять команду судномъ и повелъ его далѣе?

5) Какъ могло случиться, что крестьянинъ Григорій Карѣевъ, получившій тяжелыя раны при взрывѣ судна, продолжалъ длинное путешествіе морями и сушей и удальцы изъ-за него нигдѣ не останавливались, а когда они уже много спустя плыли изъ Испаніи, послѣ того, какъ у нихъ тамъ отобрали полоненныхъ турокъ, то этотъ Григорій Карѣевъ сталъ болѣть отъ ранъ, полученныхъ въ началѣ ихъ одиссеи; а когда они пришли въ Римъ, то Карѣевъ у нихъ такъ разболѣлся, что они дальше не могли плыть и простояли тутъ ради Карѣева цѣлые два мѣсяца, и тогда только «вынули изъ него копье»? Неужто имъ не проще было помѣстить больного въ госпиталь, а самимъ идти далѣе, а не харчиться въ чужомъ мѣстѣ, да еще вдоба-

вокъ въ католической столицѣ, гдѣ ихъ могла настичь и дѣйствительно настигла напасть духовная. Пока одинъ больной исцѣлялся тѣломъ, всѣ ожидавшіе его выздоровленія захирѣли духомъ и «приняли католицкій сакраментъ»?

Что довело этихъ православныхъ людей до такого поступка? Или они не знали постановленія, что лучше умереть безъ всякаго «сакрамента», чѣмъ принять его изъ руки инославной, или не влекла ли ихъ къ этому надежда на папу, что онъ заступится за нихъ, если они будутъ католики, и повелитъ испанцамъ возвратить имъ отобранныхъ у нихъ мусульманскихъ невольниковъ?

Вообще, какой интересъ могли имѣть иностранцы въ томъ, чтобы имъ заманивать къ себѣ: простыхъ, ничему не наученныхъ и ни въ чемъ не искусныхъ русскихъ людей, когда по свѣдѣніямъ, бывшимъ уже тогда въ Россіи, «въ чужихъ земляхъ было весьма многолюдно, а хлѣба не обильно». Что могли отнимать у невольниковъ испанцы? Неужто кому-нибудь нужны были ихъ невольничьи лохмотья?

Нѣтъ! Все это не могло быть такъ, какъ писано въ скаскѣ, а не проще ли думать, что сами русскіе пришли въ Римъ о чемъ-то стараться, и, усердно стараючись, «приняли и римскій сакраментъ», но ошиблись въ соображеніяхъ и это имъ не помогло въ томъ, чего они добивались. Тогда они увидали свою ошибку и разореніе, и поняли, что они въ чужихъ краяхъ никому не надобны. Это сознаніе, безъ сомнѣнія, и привело ихъ на родину, гдѣ Мошкинъ вдохновился и, приложивъ къ былямъ безъ счета небылицъ, сочинилъ свою «скаску» и подалъ ее царю съ просьбою: «пожалуй меня, холопа своего, съ моими товарищи, за наши службишки и за полонское нужное терпѣніе своимъ жалованьемъ, чѣмъ тебѣ объ насъ Богъ извѣститъ...»

Такъ это дѣлалось въ 1643 году, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, и тогда, судя по помѣтѣ дьяка Гавренева, вся эта несуразная «скаска» была принята за серьезное дѣло. По крайней мѣрѣ ей повѣрили въ томъ, что Мошкинъ говорилъ о сакраментѣ, и за это его наказали. Затѣмъ, черезъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, редакція современной русской газеты любуется этимъ документомъ и, нимало не стѣсняясь помѣщенными въ ней нелѣпостями, называетъ всю эту чепуху «достовѣрнымъ источникомъ, обстоятельно

рисующимъ бытъ чужихъ странъ и предпріимчивость, безкорыстіе и патріотизмъ русскихъ людей». Тысячи читателей газеты не замѣчаютъ, какую имъ предлагаютъ глупость, и многіе изъ нихъ вѣрятъ, что «скаски» составляли справедливые и отважные патріоты, которымъ надо вѣрить и имъ подражать.

Но, можетъ-быть, указанное стремленіе газеты внушить обществу невѣрное понятіе объ одномъ изъ видовъ нашей «письменности» происходитъ отъ того, что редакція, воспроизведшая «скаску» Мошкина, не знаетъ, что есть «скаска», точно такого же «сложенія», сочиненная сто лѣтъ позже, именно въ 1794 году, и достопримѣчательная тѣмъ, что она получила *народную* оцѣнку, а сочинитель ея признанъ *бродягою*.

Пусть посмотрятъ, какъ это разбираетъ *народъ*.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Въ послѣдней четверти восемнадцатаго столѣтія проживалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ мѣщанинъ Василій Баранщиковъ. Онъ былъ человѣкъ маленькій, но предпріимчивый, и трудиться не любилъ, а желалъ разбогатѣть какъ-нибудь сразу. На несчастье это Баранщикову не удавалось: онъ запутался въ долги разнымъ частнымъ людямъ и накопилъ на себѣ недоимку въ общественныхъ платежахъ. Дѣло было худо, но Баранщиковъ не сробѣлъ и съ веселымъ духомъ переписался изъ мѣщанъ въ купцы, чтобы ему болѣе вѣрили; набралъ у людей въ долгъ кожевеннаго товара, выправилъ въ январѣ 1780 года изъ нижегородскаго городового магистрата паспортъ и уѣхалъ на ярмарку, которая собирается на второй недѣлѣ великаго поста въ Ростовѣ. Съ этой ярмарки почтенный Баранщиковъ домой уже не вернулся и оставилъ тамъ на власть Божію и на людское попеченіе свою купеческую жену и дѣтей безъ всякаго пропитанія. И купецъ, и товаръ—все пропало безслѣдно и въ теченіе цѣлыхъ семи лѣтъ не было объ этомъ удальцѣ никакихъ слуховъ, какъ вдругъ на восьмой годъ «нужа пригнала его къ лужѣ» и онъ появился въ Россіи, представляясь различнымъ вельможамъ и всѣхъ ихъ прекрасно обманывалъ, пока попался своимъ общественнымъ людямъ, которые сейчасъ же разобрали дѣла Баранщикова въ тонкость и «Лазарю», котораго онъ распѣвалъ, не повѣрили,

а потянули его къ расправѣ. Тогда Баранщиковъ обратился къ старинному средству «снискать себѣ счастье въ особину» и составилъ о своемъ бродяжествѣ скаску съ тѣмъ, чтобы поднесли ее особамъ и царицѣ въ видѣ печатанной книжки подъ заглавіемъ: «Несчастныя приключенія Василія Баранщикова, мѣщанина Нижняго-Новгорода, въ трехъ частяхъ свѣта: въ Америкѣ, Азіи и Европѣ съ 1780 по 1787 годъ». (С.-Петербургъ, 1787 г.).

Изъ этой рѣдкой нынче книжки, представляющей экземпляръ «скаски» екатерининскаго вѣка, мы возьмемъ только самое существенное, что̀ повѣствовалъ о себѣ Баранщиковъ. Онъ продалъ будто весь «свой товаръ» въ Ростовѣ и выручилъ за него денегъ 175 рублей. Изъ этихъ денегъ онъ хотѣлъ заплатить что̀ слѣдовало за товаръ тѣмъ, кто оказалъ ему довѣріе, но деньги у него сейчасъ же украли ростовскіе мошенники. Баранщиковъ остался безъ всякихъ средствъ, такъ что ему не на что было и лошадей покормить. Тогда онъ, «не желая сидѣть безъ дѣла, продалъ въ Ростовѣ за 40 рублей двухъ своихъ лошадей и отправился попытать счастья въ Петербургъ».

По прибытіи въ Петербургъ, онъ нанялся матросомъ на корабль генерала Михаила Савича Бороздина и коллежскаго совѣтника Василія Петровича Головцына съ платою по 10 рублей въ мѣсяцъ и въ половинѣ сентября вышелъ въ море. Корабль былъ нагруженъ мачтовымъ лѣсомъ, а курсъ они держали «изъ Кронштадта въ Бордо и Гавръ-де-Грасъ». Однако, на этомъ кораблѣ Баранщиковъ дошелъ только до Копенгагена, гдѣ онъ опять сдѣлался жертвою злоумышленниковъ. И отсюда справки о немъ уже стали невозможными, а приходилось вѣрить ему во всемъ на слово. «Скаска» же Баранщикова становится съ этого шага все болѣе интересною и менѣе вѣроятною.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Случилось такъ, что когда корабль Бороздина и Головцына пришелъ въ Копенгагенъ, то Баранщиковъ «былъ спущенъ на берегъ, для покупки нужныхъ припасовъ, и зашелъ въ питейный домъ, *какъ свойственно русскому человѣку, выпить пива*». Тутъ онъ встрѣтилъ датчанъ, которые показались ему очень привѣтливыми и чрезвычайно ему понравились. «Не понимая ихъ языка, по виду ихъ

благорасположеніе, онъ знаками показалъ имъ, что ему надо спѣшить на корабль». А датчане тогда «сейчасъ же догадались, что онъ русскій, и указали ему на водку и пиво».

Баранщиковъ, «какъ свойственно русскому человѣку», не устоялъ противъ водки и пива, и обязанности свои отложилъ, воспользовался приглашеніемъ и началъ съ датчанами пить. «Черезъ полчаса ихъ пріятная компанія увеличилась и къ нимъ присоединился какой-то «нарядный плутъ». Этотъ внесъ оживленіе въ бесѣду тѣмъ, что сталъ объясняться по-русски въ такомъ родѣ: «здравствуй, братъ! здорово ли ты живешь? откуда и куда плывете?» Себя же этотъ «нарядный плутъ» назвалъ русскимъ изъ Риги, пріѣхавшимъ на галіотѣ рижскаго купца Венедикта Ивановича Хватова, и плутъ угощалъ компанію водкою и пивомъ. Пили усердно всѣ четверо, а «нарядный плутъ» во все время выхвалялъ датчанъ, какіе они хорошіе люди, и какое у нихъ славное житье, а потомъ сталъ склонять Баранщикова, чтобы онъ пошелъ на датскій корабль ночевать. Баранщиковъ никакъ не могъ придумать: для чего это датчанамъ хочется, и онъ сначала ни за что на это не соглашался, но потомъ, «совершенно обласканный внимательными чужестранцами и особенно полагаясь на слова своего земляка, согласился».

И вотъ Баранщиковъ не сопротивляется соблазну и прямо изъ питейнаго дома идетъ съ датчанами на пристань, а здѣсь садятся на лодку и переправляются на датскій корабль. Такъ онъ избѣжалъ объясненій съ лицомъ, которое послало его за покупками, но зато сразу же былъ удивленъ очень непріятною перемѣною въ обращеніи своихъ датскихъ друзей: они «тотчасъ свели гостя въ интрюмъ и приковали за ногу къ стѣнѣ корабля». Тутъ Баранщиковъ смекнулъ, что онъ обманутъ, и сталъ просить датчанъ «угрозами и ласкою» отпустить его на русскій корабль. Но датчане уже не обращали никакого вниманія на его просьбы, а только прислали къ нему того «наряднаго плута», который въ кабачкѣ выдавалъ себя за русскаго, а теперь успокоивалъ и «улещалъ» Баранщикова обѣщаніемъ, что его скоро раскуютъ и свезутъ въ Америку, гдѣ «житье доброе и много алмазовъ и яхонтовъ». Онъ, «какъ свойственно русскому человѣку», глупости повѣрилъ и пересталъ хныкать, а датчане, за то, что онъ утихъ, принесли французской водки и

пуншу, накормили Баранщикова кашею и напоили водкой и пуншемъ, и онъ пришелъ въ такое расположеніе, что опять «добровольно захотѣлъ остаться на кораблѣ». Кромѣ Баранщикова, тутъ точно въ такомъ же положеніи оказались еще и другія лица не русской національности, а именно, одинъ шведъ и пятеро нѣмцевъ, и всѣ они были заманены на судно и здѣсь удержаны и закованы.

Утѣшительное обѣщаніе «наряднаго плута Матіаса», что ихъ раскуютъ, исполнилось вѣрно. Какъ только датскій корабль миновалъ брантъ-вахты Гелсинъ-Нордъ и Гелсинъ-Боръ, Баранщикова и съ нимъ одного шведа и пятерыхъ нѣмцевъ датчане сейчасъ же расковали и велѣли всѣмъ имъ «одѣть матросское платье», и «приставили ихъ къ матросскому дѣлу», которое они и исполняли въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, до прибытія въ іюнѣ 1781 г. въ Америку, на богатый островъ св. Ѳомы. На островѣ же св. Ѳомы началось другое: Баранщикова здѣсь высадили, но сейчасъ же «поверстали въ солдаты» и привели къ присягѣ. Такъ какъ онъ былъ вѣренъ православію и чухонскаго Евангелія поцѣловать не могъ, то вмѣсто евангелія онъ цѣловалъ корабельный флагъ Христіана VII съ изображеніемъ Креста Господня. Потомъ ему положили солдатское жалованье, «по 12 штиверовъ въ сутки, т. е. 24 коп., да по фунту печенаго хлѣба изъ банана» и дали ему тутъ новое имя «Мишель Николаевъ»—такъ какъ «слово *Василій* начальники не могли понять».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Солдатъ изъ Баранщикова вышелъ никуда не годный, и штиверы и бананный хлѣбъ отслуживалъ онъ плохо. Онъ «былъ непонятенъ въ ученіи ружьемъ и не могъ пріобыкнуть къ нѣмецкому языку». Датчане, много съ нимъ побившись, нашли болѣе выгоднымъ исключить его изъ строя и промѣнять на двухъ негровъ. Такъ и сдѣлали. По промѣну, Баранщиковъ достался испанскому генералу съ острова Порторико, куда его и отправили. Въ Порторико Баранщикова привели въ присутственное мѣсто и «заклеймили на лѣвой рукѣ». Клеймъ на немъ выставили нѣсколько и всѣ очень характерныя. На лѣвой рукѣ Баранщикова были воспроизведены нижеслѣдующія изображенія: «1) Святая Дѣва Марія, держащая въ правой рукѣ розу, а въ лѣвой тюль-

панъ; 2) корабль съ опущеннымъ якоремъ на канатѣ въ воду; 3) сіяющее солнце; 4) сѣверная звѣзда; 5) полумѣсяцъ; 6) четыре маленькія сѣверныя звѣзды; 7) на кисти той же лѣвой руки былъ изображенъ осьмиугольникъ, а еще ниже 8) «1783 годъ», и еще ниже 9) буквы «М. Н.», т.-е. Мишель Николаевъ (стр. 16 и 17).

Испанскій генералъ, вымѣнявшій себѣ Баранщикова за двухъ негровъ, опредѣлилъ его къ себѣ на кухню и поручилъ ему: рубить дрова, чистить кастрюли и котлы, носить воду и исправлять всякія другія кухонныя работы.

Обязанности кухоннаго мужика показались Баранщикову гораздо больше по душѣ, чѣмъ безпокойная солдатская служба, и притомъ Баранщиковъ былъ у генерала «доволенъ пищею» и обхожденіемъ, и онъ началъ стараться, чтобы не попасть куда-нибудь хуже, и скоро выучился «понимать по-испански», и могъ уже говорить съ генеральшею, которая была очень добра и жалостлива, и вотъ ей стало жалко Баранщикова, что онъ оторванъ отъ семейства и живетъ въ неволѣ, и она черезъ полтора года упросила мужа отпустить Баранщикова на свободу.

Испанскій генералъ выдалъ ему печатный испанскій паспортъ съ наименованіемъ его: «Московитинъ Мишель Николаевъ», наградилъ его десятью песодорами (около 13 рублей) и отпустилъ на волю.

Баранщиковъ сейчасъ же сталъ заботиться, какъ ему возвратиться на родину, и для этого нанялся матросомъ на итальянскій корабль, который долженъ былъ вскорѣ отойти въ Генуа; но въ морѣ судно подверглось роковой случайности, которая еще болѣе отягчила участь Баранщикова.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Итальянскій корабль, шедшій въ Генуа, въ январѣ 1784 года былъ захваченъ въ плѣнъ «тунизскими разбойниками или мисирскими турками, живущими въ Африкѣ». Баранщиковъ сдѣлался рабомъ разбойниковъ, которые безъ всякихъ разговоровъ «обрѣзали его въ магометанскую вѣру». Было или нѣтъ на это собственное согласіе Баранщикова, онъ умалчиваетъ, но извѣстно, что магометане никакого человѣка безъ согласія его не обрѣзываютъ. Омусульманивъ Баранщикова, дали ему имя Исламъ, а потомъ стали его клеймить наново, и клеймили его «солнцемъ» на правой

рукѣ и отдали корабельному капитану Магомету. Магометъ его полюбилъ и отвезъ его въ Виѳлеемъ и тамъ «сдѣлалъ своимъ *кафишенкомъ*», т.-е. заставилъ его варить кофе. Баранщиковъ жилъ у Магомета годъ и восемь мѣсяцевъ, и житье ему было не худое, но онъ очень наскучилъ своею должностью кофишенка, потому что ему каждый день приходилось варить кофе разъ до пятнадцати. Это ему очень надоѣло. Кромѣ приготовленія кофе, Баранщиковъ имѣлъ только одно развлеченіе: онъ развеселялъ и смѣшилъ четырехъ Магометовыхъ женъ, которымъ тоже было довольно скучно. Баранщиковъ развлекалъ ихъ «скасками» о перенесенныхъ имъ несчастіяхъ и о своей русской женѣ и о дѣтяхъ, оставленныхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Турецкія дамы очень всѣмъ интересовались и стали съ Баранщиковымъ «откровенны и жалостливы», а онъ, «примѣтя ихъ слабость», придумывалъ какъ бы еще усерднѣе ихъ утѣшать, и затѣялъ показывать имъ смѣшное и по ихъ пониманію «чудное», т.-е. сверхъестественное дѣло, котораго никто, кромѣ русскаго человѣка, сдѣлать не могъ бы.

Это касалось невѣроятности аппетита и еще болѣе невѣроятной силы и крѣпости желудка.

Однажды, «во небытность Магомета» дома, Баранщиковъ, оставшійся одинъ при четырехъ турецкихъ дамахъ, «насыпалъ цѣлый глиняный» горшокъ сарацинскимъ пшеномъ и, сваривъ изъ этого кашу, положилъ въ нее тюленьяго жиру, отчего «каша разопрѣла и горшокъ треснулъ». Смотрѣвшія на все это турецкія дамы ужаснулись, что̀ это такое состряпано и куда оно годно теперь, послѣ порчи каши отвратительнымъ тюленьимъ жиромъ. Тогда Баранщиковъ, видя ихъ смѣшной ужасъ и непонятливость, сказалъ имъ: «вотъ посмотрите, сударыни, какъ я по-россійски стану кушать кашу!» И онъ преблагополучно съѣлъ весь горшокъ и всталъ будто голоденъ.

Турецкія дамы глазамъ своимъ не хотѣли вѣрить, что «Московъ все это съѣлъ», и какъ только мужъ ихъ возвратился, онѣ всѣ къ нему подлетѣли и наперерывъ другъ передъ дружкою спѣшили разсказать о кашѣ съ тюленьимъ жиромъ, отъ которой горшокъ лопнулъ, а брюхо Баранщикова осталось въ цѣлости.

Магометъ не повѣрилъ женамъ, будто человѣкъ можетъ съѣсть такое количество каши съ тюленьимъ жиромъ и,

призвавъ Баранщикова, сталъ его допрашивать по турецки: «Ислямъ Баша! нероды чокъ Екмель?» то-есть: «какъ ты кашу ѣлъ? Если горшокъ треснулъ—отчего твое брюхо не треснуло?» А Баранщиковъ весело отвѣчалъ нашѣ: «что это не важно, а что онъ еще два горшка съѣстъ». Магометъ совсѣмъ изумился и сказалъ: «Ну, россіяне! Вотъ такъ народъ! Не даромъ они сожгли въ Чесмѣ турецкій флотъ, разбили корабли и умертвили храбрыхъ турецкихъ витязей! Но скажи пожалуйста—отчего вы такіе сильные?» На такое любопытство Магомета, Баранщиковъ отвѣчалъ «хорошую ложь» (sic). Онъ сказалъ такъ:

«— Наши солдаты презираютъ смерть: у насъ есть трава, растущая въ болотахъ, и когда нашъ янычаръ (т.-е. солдатъ) идетъ на войну, лишь бы только ее укусилъ, то не подумайте, чтобы одинъ человѣкъ не напустилъ на двѣсти вашихъ турокъ, т.-е. ики Юсъ Адамъ (sic). Такъ и я такой же, меня не подумай удержать: я тебѣ служу годъ и два мѣсяца, а ты, Магометъ, долженъ, по повелѣнію великаго нашего пророка Магомета, черезъ семь лѣтъ отпустить меня на свободу и дать мнѣ награжденіе и тогда я куда хочу туда и пойду» (стр. 21—23).

«Совѣсть Магомета изобличила» и онъ сдѣлалъ Баранщикова «на нѣкоторое время счастливымъ». Содержалъ его въ родѣ домашняго артиста и началъ часто приглашать къ себѣ гостей, заставляя Баранщикова приготовлять и ѣсть при нихъ разопрѣлую кашу съ тюленьимъ жиромъ, а потомъ разсказывать при всѣхъ «хорошую ложь», т.-е. хвастать про ту траву, растущую въ болотахъ, вкусивши которой, русскіе становятся неодолимо мощны. Гости съ постояннымъ удивленіемъ смотрѣли на обжорство Баранщикова, а потомъ, когда слушали его хвастовство, то качали головами и давали ему «понемножечку денегъ». Баранщиковъ же думалъ, что теперь онъ ужъ сталъ настоящая «душа общества» и не ждалъ конца этому пріятному положенію.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Дурацкія представленія, которыя давалъ Баранщиковъ, разумѣется, скоро наскучили, и публика не съѣзжалась больше смотрѣть на его обжорство. Баранщиковъ лишился артистическаго фавора и опять «почувствовалъ печаль о

своемъ отечествѣ и о христіанской вѣрѣ, о женѣ и о троихъ дѣтяхъ». Тогда онъ рѣшился воспользоваться тѣмъ, что его никто не стерегъ, и онъ убѣжалъ отъ своего господина, но какъ онъ ранѣе не разузналъ дорогу въ Россію, то не зналъ куда идти, и его опять поймали и привели къ Магомету, а Магометъ велѣлъ «бить его по пятамъ палками шамшитоваго дерева до болѣзни».

Послѣ такого наказанія Баранщиковъ долго провалялся, а когда поправился, то сейчасъ же принялся искать средствъ такъ убѣжать, чтобы его уже не поймали и не били. Баранщиковъ пошелъ на корабельную пристань и сталъ тамъ толкаться между корабельщиками, отыскивая «добродѣтельнаго» человѣка христіанской вѣры, который бы его выручилъ изъ плѣна. Судьба ему поблагопріятствовала, и онъ нашелъ грека Христофора и попросился на его корабль. Христофоръ согласился его взять, но предварительно «учинилъ ему увѣщаніе». Онъ сказалъ: «какъ ты живешь у богатаго господина, то смотри, ты ничего изъ его дому не украдь» (стр. 25).

Баранщиковъ далъ слово, что красть не будетъ.

Въ условленный день Баранщиковъ явился на корабль Христофора, и они отправились въ Константинополь. По пути они заходили въ Яффу, Венецію, Микулу и Смирну.

Изъ Яффы Баранщиковъ съ Христофоромъ и двадцатью христіанами ходили въ Іерусалимъ на поклоненіе святынямъ.

Грекъ Христофоръ, придя въ Іерусалимъ, свелъ Баранщикова къ греческимъ священникамъ и разсказалъ имъ о его злополучной участи и о невольномъ (будто бы) магометанствѣ. Іерусалимскіе, греческіе священники отнеслись къ магометанству Баранщикова очень снисходительно, такъ какъ въ ихъ народѣ, при совмѣстномъ житьѣ съ турками, переходы въ магометанство и назадъ бываютъ не рѣдко. Греческіе духовные сейчасъ же разрѣшили Баранщикова и, въ знакъ освобожденія его отъ магометанской вѣры, «приказали сторожу заклеймить его на правой рукѣ образомъ распятія Господня. Клеймо это большое, устроено все изъ иголъ, усаженныхъ въ крѣпкой доскѣ желѣзной, натертой порохомъ» (sic). Баранщикову было очень больно, когда его этимъ заштемпелевали, но зато теперь онъ сталъ опять православный христіанинъ, каковъ былъ ранѣе до плѣненія его разбойниками.

Въ Венеціи Баранщиковъ предъявлялъ свой старый испанскій паспортъ и получилъ отъ мѣстнаго управленія другой печатный паспортъ съ изображеніемъ на ономъ почивающаго въ Венеціи святого апостола и евангелиста Марка.

Въ Микулѣ Баранщиковъ ходилъ къ россійскому консулу изъ славанцевъ Контжуану, который отнесся къ нему очень участливо и велѣлъ ему явиться въ Царьградѣ къ русскому министру Якову Ивановичу Булгакову *).

Когда корабль пришелъ въ *Константинополь*, Христофоръ поблагодарилъ Баранщикова за службу и, снабдивъ его греческой одеждой, разстался съ нимъ, но денегъ ему не далъ ни копейки, и Баранщиковъ всю свою надежду теперь возложилъ на русскаго министра Булгакова.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

На другой же день Баранщиковъ пошелъ въ Перу, гдѣ жилъ россійскій министръ. Самого Булгакова Баранщиковъ не видалъ, потому что, по случаю моровой язвы, свирѣпствовавшей въ Царьградѣ, Булгаковъ выѣхалъ изъ города на мызу. Тогда Баранщиковъ обратился къ домоправителю Булгакова и «изъяснилъ ему всѣ свои обстоятельства». Но «г. домоправитель не подвигнулся примѣромъ добродушнаго грека Христофора»—и мало далъ вѣры разсказамъ Баранщикова и на паспорты его не обратилъ вниманія, а «приказалъ, чтобы онъ никогда въ домъ императорскаго министра не ходилъ, претя отдачею, буди пріидетъ, подъ турецкую стражу, сказавъ при томъ съ негодованіемъ: какъ бы то ни было, что ты магометанскій законъ самовольно или принужденно принялъ, нужды нѣтъ вступаться его превосходительству, *много васъ такихъ бродягъ*, вы всѣ сказываете, что нуждою отурчали» (стр. 36 и 37).

И вотъ Баранщикову при русскихъ стало хуже, чѣмъ у чужаковъ, и пришлось ему добывать себѣ пропитаніе поденной работой на корабельной пристани. Плата была изрядная: по два левка въ день, т.-е. по 1 р. 20 к., но жить было дорого, и денегъ едва хватало. Въ свободное отъ работы время Баранщиковъ не разъ ходилъ въ бѣдномъ греческомъ платьѣ въ россійскій гостиный дворъ и искалъ по-

*) Як. Ив. Булгаковъ былъ назначенъ русскимъ министромъ въ Константинополь въ 1781 г., и занималъ эту должность семь лѣтъ.

кровительства у пріѣзжавшихъ туда русскихъ купцовъ. Но всѣ русскіе купцы были тоже народъ тертый и, какъ Булгаковскій домоправитель, совсѣмъ не вѣрили «скаскамъ» Баранщикова и помощи ему не оказали. Въ этомъ горестномъ положеніи, оставленный неимовѣрными русскими, Баранщиковъ обратился опять къ легковѣрнымъ туркамъ и среди ихъ случайно встрѣтилъ близъ гостинаго россійскаго двора двухъ, съ которыми сошелся и опять надолго отвлекся отъ осуществленія своего страстнаго стремленія возвратиться на родину и соединиться съ любимою семьею и съ истинною святою, православною вѣрою.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Новые знакомые, которыхъ Баранщиковъ встрѣтилъ у гостинаго двора, «весьма изрядно» говорили по-русски и называли себя сапожниками изъ Арзамаса. Одинъ изъ нихъ, по имени Гусманъ, пригласилъ Баранщикова къ себѣ на домъ, «обѣщая счастіе». Баранщиковъ пошелъ и сразу же убѣдился, что опять попалъ къ магометанину. Гусманъ имѣлъ трехъ женъ и увѣщевалъ Баранщикова позабыть про свое отечество и принять магометанство. А когда Баранщиковъ «изъ простодушія» и въ предотвращеніе какой-либо бѣды, открылся, что онъ давно уже магометанинъ и хорошо знаетъ весь законъ Магомета, то Гусманъ пригрозилъ ему и сказалъ: «для чего же ты, будучи въ Магометовомъ законѣ, носишь одежду греческую? Ты знаешь ли, что за сіе смерть опредѣлена?» Баранщиковъ испугался, «палъ ему въ ноги и просилъ пощады». Гусманъ оказался человѣкъ не злой, вмѣсто того, чтобы вызвать противъ Баранщикова свирѣпое турецкое звѣрство за то, что онъ перекидывается то въ христіанскую вѣру, то въ магометанскую, выдумалъ очень благочестивую штуку. Гусманъ наказалъ Баранщикову скрыть, что онъ уже потурченъ, съ тѣмъ, чтобы еще одинъ разъ произвести надъ нимъ возсоединеніе къ магометанству,—за что тамъ набожные магометане подавали новосоединеннымъ пособія и награды. Баранщиковъ видѣлъ, что Гусманъ хочетъ сдѣлать изъ него прибыльную статью, и ему не сопротивлялся. А Гусманъ тотчасъ же побѣжалъ къ имаму, «т.-е. попу» и купилъ у него за 20 левковъ такую записку: «Россіянинъ Василій пришедъ въ Стамбулъ, т.-е. Царьградъ, добровольно при-

нялъ Магометовъ законъ, наученъ молитвамъ и нареченъ именемъ Исляма». При этомъ имамъ Ибрагимъ выучилъ Баранщикова одной Магометовой молитвѣ (42 и 43 стр.).

Гусманъ же строго наказалъ Баранщикову, чтобы онъ дѣлалъ видъ, будто ничего не знаетъ по-турецки, кромѣ одной той молитвы, которой его научилъ имамъ. Такъ Баранщиковъ и началъ выдавать себя за новопріявшаго Магометанскій законъ, а Гусманъ началъ этимъ аферировать.

Этотъ магометанскій пройдоха прежде всего повелъ Баранщикова къ великому визирю, который за принятіе Магометовой вѣры повелѣлъ выдать Баранщикову сто левковъ и опредѣлилъ его въ янычары съ жалованіемъ по 15 паръ (22½ коп.) въ сутки. Отъ визиря оба плута пошли по другимъ турецкимъ господамъ и богатымъ купцамъ, которыхъ Гусманъ зналъ, какъ людей благочестивыхъ и неравнодушныхъ къ вѣрѣ. Всѣхъ ихъ они надули. Гусманъ имъ разсказывалъ, какъ Баранщиковъ проклялъ свою прежнюю вѣру и посвятился магометанству, и теперь его надо поддержать, чтобы онъ могъ жить не боясь своихъ прежнихъ христіанскихъ единовѣрцевъ, а турки-купцы и знатныя особы всѣ повѣрили этимъ разсказамъ и давали имъ деньги. «Такимъ притворствомъ святости и посредствомъ хожденія въ мечети насбирали они черезъ одну недѣлю 400 левковъ (240 руб.)»: Сумма для двухъ негодяевъ очень хорошая, но съ раздѣломъ ея вышла непріятность. Баранщиковъ разсчитывалъ всѣ эти деньги взять на молитвы себѣ, такъ какъ онѣ были подарены мусульманами для поддержанія его благочестія, но Гусманъ захотѣлъ получить себѣ долю изъ сбора за то, что водилъ Баранщикова къ благодѣтелямъ, а какъ Баранщиковъ не видѣлъ надобности съ нимъ дѣлиться, то у нихъ изъ-за этого произошла непріятность, и Гусманъ прибѣгъ къ угрозѣ, что онъ разскажетъ о притворствѣ Баранщикова и «добьется для него смертной казни». Тутъ Баранщиковъ увидалъ, что дѣло опасно, и, чтобы развязаться съ дурнымъ товарищемъ, далъ Гусману половину (200 левковъ) изъ того, что они собрали, и Гусманъ этимъ удовольствовался.

Поправивъ свои денежныя обстоятельства, Баранщиковъ опять надолго успокоился насчетъ православія и своего семейства и не спѣшилъ возвращеніемъ на родину, а слу-

жилъ янычаромъ и жилъ въ казармахъ «подъ командой чиновника, по ихъ названію югъ-баши». Ему опять было очень не худо: онъ получалъ полное содержаніе, жалованье и табакъ и, прижившись, задумалъ жениться по-турецки, потому-что «не обшить, не обмыть его было некому». И вотъ, чтобы получить себѣ швачку и прачку, Баранщиковъ обратился за помощью опять къ тому же Гусману, съ которымъ они было поссорились за деньги, собранныя ихъ совмѣстнымъ плутовствомъ. И они сейчасъ же опять сошлись на новое хорошее дѣло.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Гусманъ не только укрѣпилъ Баранщикова въ намѣреніи жениться, но сейчасъ же нашелъ ему и невѣсту: онъ посовѣтовалъ ему взять себѣ въ жены восемнадцатилѣтнюю Ахмедуду, сестру одной изъ трехъ женъ самого Гусмана. Баранщикову было все равно: «кто бы ни была, лишь бы баба», и онъ сразу же согласился жениться на молоденькой Ахмедудѣ—и переселился изъ казармъ въ домъ Гусманова и своего тестя, по имени Магомета. Свадьба его съ Ахмедудою была совершена «по ихъ обрядамъ въ мечети» и положено условіе: въ случаѣ жена будетъ не люба, «заплатить 50 левковъ (30 р.) пени и отпустить ее». Съ полученною такимъ образомъ молодою женою Баранщиковъ жилъ болѣе восьми мѣсяцевъ и жить ему было хорошо. Турки очень довѣрчивы и тесть Баранщикова, Магометъ, такъ его поставилъ, что Баранщиковъ былъ въ его домѣ полнымъ господиномъ и распоряжался всѣмъ хозяйствомъ. Тесть былъ имъ доволенъ и «хвалилъ всѣмъ почтеніе, отдаваемое всякій день зятемъ Исламомъ».

Но Ахмедудѣ онъ сталъ непріятенъ, и она начала сомнѣваться въ томъ, что онъ истинно держится мусульманской вѣры, «замѣчая въ немъ *неумовеніе*» (48 и 49 стр.), что для нея, какъ для мусульманки, было невыносимо. Черезъ это Ахмедуда стала къ нему не только неласкова, а потомъ даже сдѣлалась «свирѣпая».

Но если Баранщиковъ утратилъ расположеніе у молодой Ахмедуды, то «имамъ (попъ)» сталъ его убѣждать, чтобы онъ взялъ себѣ еще одну жену, кромѣ чистюли Ахмедуды. Однако, «всемогущій Богъ устроилъ жизнь его инако».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Однажды, стоя на часахъ, Баранщиковъ увидалъ голову преступника, выставленную напоказъ и въ поученіе всему народу. Это Баранщикова возмутило. Въ другой разъ онъ встрѣтилъ на улицѣ одного хлѣбника, у котораго недоставало на рукѣ трехъ пальцевъ; Баранщиковъ спросилъ: отчего это у него недостаетъ пальцевъ, а тотъ отвѣчаетъ, что пальцы у него отрѣзаны за обмѣриваніе и обвѣшиваніе покупателей. Баранщиковъ опять ужаснулся, какъ турецкія власти строго за всѣмъ смотрятъ, и узналъ, что полиція даже нерѣдко подсылаетъ такихъ разузнавщиковъ, которые все подсматриваютъ и подслушиваютъ: какъ мусульманинъ ведетъ себя въ людяхъ и дома, и нѣтъ ли въ комъ чего беззаконнаго и утаеннаго, и если что-либо таковое окажется, то тогда тому нѣтъ пощады. И за несоблюденіе себя съ женщиной тоже могутъ наказать очень строго. Баранщикову это показалось ужасно недостойно и придирчиво, и онъ вспомнилъ, какое отвращеніе внушилъ къ себѣ молодой женѣ своей Ахмедудѣ, и опять затосковалъ о родинѣ и сейчасъ же ощутилъ непреодолимое желаніе вернуться въ Россію (53—54 стр.).

Баранщиковъ такъ струсилъ, что не сталъ отлагать своего намѣренія нисколько, а немедленно пошелъ въ Галату и разыскалъ тамъ русскаго казеннаго курьера, пріѣхавшаго изъ Петербурга съ бумагами къ послу. Баранщиковъ разспросилъ у курьера, какъ и черезъ какіе города надо ѣхать до россійской границы. Другого источника онъ для этой справки не придумалъ. Время же тогда приближалось къ магометанскому Рамазану, и Баранщиковъ, какъ турецкій солдатъ, долженъ былъ идти на смотръ къ великому визирю и получить жалованье.

Тесть его, довѣрчивый и добрый старикъ Магометъ, заботясь о немъ, какъ о родномъ сынѣ, принялся его наряжать, и прибралъ зятя очень щеголевато: онъ далъ ему богатый шелковый кушакъ, перетканный золотомъ, кинжалъ, оправленный жемчугомъ, красными и зелеными яхонтами, и два пистолета съ золотою насѣчкою (58 стр.).

Баранщиковъ позволилъ, чтобы добрый старикъ все это на него надѣлъ, а самъ захватилъ съ собою два паспорта и запряталъ ихъ подъ платье. Тесть и жена замѣтили это

и полюбопытствовали, что̀ это за листы, а Баранщиковъ солгалъ имъ, что «это русскія деньги, которыя онъ хочетъ размѣнять». Потомъ онъ явился къ визирю и получилъ отъ него похвалу и 60 левковъ (36 р.) жалованья; а къ тестю и къ женѣ назадъ уже не вернулся.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Вмѣсто того, чтобы возвратиться домой, Баранщиковъ пошелъ со смотра въ Галату къ знакомому греку Спиридону, у котораго переодѣлся въ бѣдный греческій костюмъ, и оставилъ Спиридону турецкую чалму, красные сапоги, кушакъ, кинжалъ и два пистолета. Очевидно, что этому греку онъ всѣ тестевы вещи продалъ, а деньгамъ нашелъ употребленіе, «какъ свойственно русскому человѣку», и затѣмъ, 29 іюня 1785 года, онъ отправился въ свое отечество, «презирая всѣ мученія, даже и самую смерть, если случится, что пойманъ будетъ».

Черезъ пять недѣль, а именно четвертаго августа, Баранщиковъ былъ уже на Дунаѣ и встрѣтилъ тутъ запорожскихъ казаковъ. Они его привѣтили, и онъ проживалъ у нихъ нѣкоторое время, въ разныхъ домахъ, «у кого дни два, три и четыре».

Запорожцы оставляли его у себя совсѣмъ, но Баранщиковъ не захотѣлъ якшаться съ такими буйными и непокорными передъ властью людьми, а наоборотъ, онъ еще имъ внушалъ, чтобы они покорились и вернулись въ Россію. Но огрубѣвшіе казаки его не послушались и отвѣчали: «что мы тамъ (въ Россіи) позабыли? Поди туда ты, если хочешь, а мы не хотимъ, да и ты пойдешь, добра не найдешь» (62 стр.).

Разумѣется, запорожцы не сбили Баранщикова и не уклонили его отъ предначертаннаго имъ себѣ пути: онъ ушелъ отъ нихъ и, питаясь подаяніемъ, прошелъ черезъ Молдавію и черезъ Польшу и пришелъ наконецъ въ Васильковскій форпостъ. Здѣсь съ него русскіе сейчасъ же сняли допросъ, а паспорты отобрали и отослали его въ кіевское намѣстническое правленіе.

Изъ кіевскаго намѣстничества Баранщиковъ получилъ указъ, чтобы явиться въ Нижнемъ-Новгородѣ властямъ, причемъ правитель кіевскаго намѣстничества генералъ-поручикъ и кавалеръ Ширковъ отнесся къ Баранщикову

очень милостиво, пожаловалъ ему пять рублей на дорогу, а два паспорта отправилъ по почтѣ въ нижегородское намѣстническое правленіе. Баранщиковъ же пошелъ черезъ города Нѣжинъ, Глуховъ, Сѣвскъ, Орелъ, Бѣлевъ, Калугу, Москву, Владиміръ и Муромъ и вездѣ разсказывалъ свою «скаску» и находилъ охотниковъ ее слушать, послѣ чего его кое-какъ вознаграждали за его злостраданія.

Наконецъ, 23 февраля 1786 г. Баранщиковъ, послѣ семи лѣтъ отсутствія, вступилъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ положеніе его представляло большія осложненія, такъ какъ Баранщикову дѣло шло не только о томъ, чтобы здѣсь водвориться, но чтобы ему сбросили съ костей всѣ его долги... Да, онъ хотѣлъ, чтобы съ него не взыскивали ни старыхъ долговъ, ни податныхъ недоимокъ, ни денегъ за кожевенный товаръ, который онъ взялъ въ долгъ и не привезъ за него изъ Ростова никакой выручки.

Надо было сдѣлать такъ, чтобы все это ему было «прощено», и онъ на это надѣялся, и въ этомъ-то случаѣ ему и должна была сослужить службу та «скаска», которую онъ о себѣ разскажетъ. Но мы увидимъ, какъ это различно дѣйствовало на тѣхъ, кто можетъ прощать, и на тѣхъ, которымъ надо платить за прощенника.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Нищенствовавшая семь лѣтъ въ Нижнемъ жена Баранщикова не узнала своего мужа, такъ какъ онъ былъ «бритый и въ странномъ платьѣ». Онъ долженъ былъ разсказать своей Пенелопѣ бывшія съ нимъ приключенія, на первый случай, можетъ-быть, умолчавъ только объ Ахмедудѣ. Тогда жена повѣрила, что это ея пропадавшій мужъ, и «обрадовалась». Домъ и все хозяйство Баранщиковъ нашелъ въ полномъ разореніи и узналъ, что семья его уже давно нищенствуетъ, чего какъ будто онъ не ожидалъ, покинувъ ихъ безъ всего и на произволъ судьбы. Но всего хуже было то, что Баранщиковъ многимъ здѣсь долженъ, и что нижегородцамъ не заговоришь зубы, какъ онъ заговаривалъ ихъ довѣрчивымъ туркамъ, а иногда и грекамъ. Баранщиковъ сообразилъ, что самое надежное, на что онъ теперь можетъ разсчитывать — это найти благоволеніе у начальство и самое лучшее имѣть на своей сторонѣ высшаго администратора въ краѣ.

Генералъ-губернаторомъ въ Нижнемъ о ту пору былъ генералъ-поручикъ Иванъ Михайловичъ Ребиндеръ, который слылъ за человѣка очень добраго, но очень недалекаго. Баранщиковъ сейчасъ же ему явился и обошелъ его не хуже, чѣмъ турецкаго пашу.

Ребиндеръ, выслушавъ скаску Баранщикова о его странствованіяхъ и несчастныхъ приключеніяхъ, не разобралъ, сколько тутъ лжи и сколько непохвальныхъ поступковъ есть въ правдѣ, и пожаловалъ проходимцу 15 рублей да сказалъ ему: «я тебѣ во всемъ помощникомъ буду, но не знаю, какъ гражданское общество въ разсужденіи за шесть лѣтъ податей службы и тягости съ тобой поступить; ты прочитай новаго городового положенія статью 7, я городовому магистрату приказать платить за тебя не могу» (66 и 67 стр.).

Это Баранщикову не понравилось: онъ былъ того мнѣнія, что генералъ-губернаторъ можетъ всѣмъ и все приказать, и именно того только и хотѣлъ, чтобы подати за него заплатили міромъ, а частные долги простили ему. Съ «закономъ же положеній гражданскаго общества» онъ не хотѣлъ и справляться. Разъ, что генералъ-губернаторъ толкуетъ свои права такъ ограниченно, Баранщикову нечего копаться въ законахъ, а лучше прямо искать сочувствія и снисхожденія у гражданъ Нижняго-Новгорода, которые его знали и помнили, и платили за него его недоимки.

Но граждане совсѣмъ «не вняли голосу человѣколюбія» и, несмотря на то, что Баранщиковъ показалъ имъ себя всего испещреннаго разными штемпелями и клеймами, а потомъ, стоя передъ членами магистрата, вдругъ залопоталъ на какомъ-то никому непонятномъ языкѣ, они объявили его *бродягою* и предъявили къ нему отъ общества платежныя требованія. Нижегородцы насчитали на него за шесть лѣтъ бродяжничества 120 рублей гильдейныхъ, а какъ Баранщиковъ денегъ этихъ заплатить не хотѣлъ, то они его посадили въ тюрьму.

Добродушный Ребиндеръ оказалъ-было въ защиту Баранщикова какое-то давленіе и бродягу за общественную недоимку изъ-подъ ареста выпустили, но сейчасъ же на него были предъявлены отъ частныхъ лицъ счеты и векселя болѣе чѣмъ на 230 рублей, и Баранщикова, по требованію этихъ кредиторовъ, опять посадили подъ стражу.

Тутъ онъ увидалъ разницу между невѣрными турками и своими единовѣрными нижегородцами и сразу понялъ, что ему отъ этихъ не отвертѣться; сразу же, въ удовлетвореніе его долговъ кредиторамъ, былъ проданъ съ торговъ его домъ, который былъ такъ ничтоженъ, что пошелъ всего за 45 рублей. Послѣ этого Баранщиковъ былъ на время выпущенъ изъ тюрьмы, но теперь семья его лишилась даже пріюта, котораго у нея не отнимали, пока отецъ странствовалъ, ѣлъ кашу, служилъ въ янычарахъ и, опротивѣвъ одной женѣ, подумывалъ взять себѣ еще одну, новую.

Но и этого мало: Баранщиковъ надѣялся, что теперь, когда домъ его уже продали, самъ онъ, какъ ничего болѣе не имѣющій и вполнѣ несостоятельный должникъ, останется на свободѣ. Тогда онъ опять куда-нибудь сойдетъ и что-нибудь для себя промыслитъ; но и это вышло не такъ: къ ужасу Баранщикова, нижегородцы измыслили для него страшное дѣло. Такъ какъ Баранщиковъ былъ еще не старъ и притомъ здоровъ, то магистратъ разсудилъ, что ему не для чего болтаться безъ дѣла, и постановилъ— «взять Баранщикова и за неуплату остальныхъ 305 рублей (185 долговыхъ и 120 гильдейныхъ) отослать его въ казенную работу на соляныя варницы въ г. Балахну по 24 рубля на годъ» (68 стр.).

Вотъ когда Баранщиковъ вспомянулъ предсказаніе, которое ему дѣлали зарубежные запорожцы, которыхъ онъ хотѣлъ исправить, звалъ возвратиться въ Россію, а они ему отвѣчали: «иди ты самъ, а когда и пойдешь, то добра не найдешь...» Вотъ оно все это теперь и сбывалося!.. Что еще могло быть хуже, какъ попасть изъ кофишенковъ да въ соляныя варницы съ отработкою по двадцать четыре рубля въ годъ! За триста пять рублей ему тамъ пришлось бы провести лѣтъ семь...

Отъ этого онъ непремѣнно хотѣлъ увернуться, а какъ генералъ-губернаторъ наблюдаетъ законы и не требуетъ своею властью ихъ нарушенія, то Баранщиковъ въ крайнемъ отчаяніи обратился къ вѣрѣ и къ ея представителямъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Баранщиковъ бросился искать помощи у нижегородскаго духовенства, которое, по его мнѣнію, могло его защитить

и даже обязано было задержать его высылку въ Балахну, потому что его слѣдовало еще исправить, какъ потурченнаго. Онъ хотѣлъ говѣть и исповѣдаться во всемъ на духу и получить прощеніе въ своихъ грѣхахъ; но русское духовенство совсѣмъ не было такъ великодушно, какъ греческое, которое вразъ исправило его въ Іерусалимѣ и причитемпелевало. Нижегородскіе священники или были неопытны въ этой практикѣ, или же держали сторону общества, и совсѣмъ не захотѣли принимать Баранщикова на исповѣдь, потому что онъ былъ обрѣзанъ и жилъ съ женою въ магометанскомъ законѣ. Но все-таки по этому поводу возникъ вопросъ, а пока объ этомъ разсуждали, отправка Баранщикова въ Балахну, на соляныя варницы, замедлилась, а ему это и было нужно.

Священники отослали его къ нижегородскому архіерею, который выслушалъ его милостиво, но вопроса о причащеніи его не рѣшилъ и, въ свою очередь, препроводилъ Баранщикова къ митрополиту новгородскому и с.-петербургскому Гавріилу.

Вотъ это Баранщикову и было нужно: онъ того и хотѣлъ, чтобы попасть въ столицу, гдѣ онъ надѣялся найти жалостливыхъ покровителей, черезъ которыхъ можетъ довести свое дѣло до самой Екатерины. Повели нашего странника въ Петербургъ и представили его тамъ Гавріилу.

Митрополитъ Гавріилъ (Петровъ) былъ мужъ «острый и резонабельный». Такъ по крайней мѣрѣ аттестовала его Екатерина II, посвятившая ему книжку о Велизаріи съ такими словами, что онъ «добродѣтелью съ Велизаріемъ сходенъ». Митрополитъ, сходный съ Велизаріемъ, дѣйствовалъ въ духѣ времени, и безъ затрудненія разрѣшилъ сомнѣніе нижегородскаго духовенства: онъ велѣлъ Баранщикова въ Петербургѣ отъисповѣдывать и причастить. Такимъ образомъ Баранщиковъ, возсоединенный уже съ православіемъ благодатію священниковъ греческихъ, теперь былъ закрѣпленъ въ этомъ русскою благодатію и получилъ въ этомъ доказательство, удостовѣрявшее, что въ столицѣ самыя высшія особы свѣтскаго и духовнаго чина приняли его сторону и отнеслись къ нему совсѣмъ не такъ, какъ нижегородская сѣрость.

Въ удостовѣреніе означенныхъ счастливыхъ событій, Ба-

ранщиковъ выправилъ себѣ изъ с.-петербургской духовной консисторіи «билетъ» и, подъ защитою этого документа, вернулся обратно въ Нижній. Теперь онъ былъ уже не «отурченокъ», а чистый православный христіанинъ и притомъ человѣкъ извѣстный многимъ вельможамъ Екатерины. Послѣ этого можно было надѣяться, что нижегородцы уже не посмѣютъ теперь выбирать съ него свои долги и не погонятъ его въ Балахну на варницы, но нижегородцы ничѣмъ этимъ не прельстились: они продолжали видѣть въ Баранщиковѣ «бродягу», за котораго другіе рабочіе люди должны платить подати, да еще терпѣть его мошенническіе обманы, и потому они остались непреклонными и опять приступили съ своими требованіями, чтобы послать его въ Балахну на варницы. Баранщиковъ этого никакъ не ожидалъ и очень удивился, какъ простые купцы и мѣщане смѣютъ умышлять надъ нимъ этакую грубость! Теперь онъ уже не робѣлъ, какъ было до представленія его митрополиту, а писалъ въ негодующемъ тонѣ: «Какъ! Это то самое общество, которое, по призыву Минина-Сухорукова, готово было заложить женъ и дѣтей и охотно ввѣрило Минину свои имѣнія, чтобы онъ съ Пожарскимъ «очистилъ Москву отъ поляковъ»? (72 стр.). И вотъ это оно-то самое общество, «не слѣдуя ни примѣру благотворительнаго купца Кузьмы Сухорукова, ни указу Ея Императорскаго Величества о банкрутахъ и проторговавшихся купцахъ», безпокоитъ его, Баранщикова, который «остается по претерпѣніи злоключеній и несчастій въ Америкѣ, Азіи и Европѣ, и въ своемъ отечествѣ» (72 стр.).

Ну, такъ онъ имъ себя покажетъ!

Баранщиковъ составилъ о себѣ «скаску» и отпечаталъ ее въ Петербургѣ книжкою, изъ которой мы и взяли большинство поданныхъ имъ о себѣ свѣдѣній. Книжка вышла въ 1787 году, и изданіе ея сдѣлано для тогдашняго времени очень опрятное и должно было стоить значительныхъ денегъ. Слѣдовательно, у Баранщикова были какіе-то состоятельные друзья, которые помогали ему издать его глупую и лживую «скаску», вмѣсто того, чтобы заплатить его долги тѣмъ людямъ, которыхъ онъ разорилъ своимъ безпутствомъ.

Знатныя лица и самый пошлый проныра и плутъ, пропитемпелеванный всякими знаками во свидѣтельство его измѣнъ

вѣрѣ, объединяются въ одномъ дѣйствѣ, лишь бы создать положеніе «наперекоръ положенію закона гражданскаго»...

Это говоритъ много.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Литературная выходка Баранщикова до сей поры не обратила на себя вниманія историческихъ обозрѣвателей нашей письменности, а она этого стòитъ, ибо это едва ли не первый опытъ «импонировать» обществу посредствомъ печати. Въ то же время это есть и первый опытъ шантажа книгою. Во всякомъ случаѣ, скаска Баранщикова представляетъ собою очень характерное явленіе, которое показываетъ, какъ русское общество выросло за сто лѣтъ со времени скаски, поданной Мошкинымъ царю Михаилу, а въ симпатіяхъ къ бродягамъ и въ недружелюбіи къ «положеніямъ закона гражданскаго» не измѣнилось. По существу и по цѣлямъ составленія, обѣ показанныя скаски совершенно одинаковы: та же манера бѣдниться, канючить и выставлять на видъ свою удаль, хвалить вѣрность, благочестіе и свои страданія. Даже необдуманность и неискусство въ сочиненіи, и согласованіе очевидной лжи съ такою дѣйствительностью, которой бы надо стыдиться и промолчать о ней хоть изъ скромности, — все одно и то же, какъ въ «скаскѣ», поданной Мошкинымъ въ 1643 году, такъ и въ «скаскѣ» Баранщикова, *напечатанной* въ 1787 году. Баранщиковъ точно такъ же лжетъ о томъ, какъ онъ неумышленно съѣхалъ въ Ростовъ съ чужимъ товаромъ и попалъ ненарокомъ на датскій корабль въ Кронштадтѣ, а потомъ не знаетъ для чего самъ себя клеймилъ то христіанскими символами, то мусульманскими, и наконецъ сдѣлался кофишенкомъ у турка и занималъ общество своимъ обжорствомъ, а потомъ плутовалъ, обиралъ турокъ и обокралъ тестя и ушелъ, и паки воспріялъ свою вѣру, и тѣмъ спасся, и долговъ не заплатилъ, и не попалъ на варницы...

Нравственное достоинство обоихъ этихъ памятниковъ бродяжной письменности одинаково, но изученія «быта чужихъ странъ» у Баранщикова уже больше, чѣмъ у Мошкина, и манера описаній у Баранщикова художественнѣе и вѣроподобнѣе. У Мошкина нѣтъ ни одной такой безстыжей, но яркой подробности, какъ поѣданіе каши съ тюленьимъ жиромъ или негодованіе молодой Ахмедуды на мужнино

неряшество. Тутъ свои и чужіе люди являются въ положеніяхъ очень живыхъ и удобныхъ для сравненія, чего нѣтъ въ скаскѣ Мошкина, но кромѣ того скаска Баранщикова гораздо опредѣлительнѣе скаски Мошкина показываетъ, къ какимъ занятіямъ иностранцы употребляли у себя тѣхъ русскихъ людей, которые къ нимъ приставали. Мошкинъ только хвалился, что его манили, но онъ еще не зналъ, къ чему бы его съ товарищами приставили, а Баранщиковъ уже испыталъ все это на дѣлѣ и убѣдился, что русскими помыкали, и они даже у турокъ употреблялись только на самыя простыя услуги. Даже и въ азіатскомъ Виѳлеемѣ Баранщиковъ не могъ показать ничего умнѣе, какъ только ѣлъ страшное количество каши съ ворванью... Очевидно, что и Мошкину съ товарищами выпало бы что-нибудь не лучше этого, но онъ, какъ человѣкъ необразованный, почиталъ себя за что-то очень рѣдкостное и драгоцѣнное, или же онъ прямо хвасталъ въ надеждѣ, что слушатели его скаски еще невѣжественнѣе, чѣмъ онъ самъ, и не сумѣютъ его хвастни отличить отъ истины. На этомъ его холопью душу можно понять и простить, но какъ быть съ газетою, которая распространяла и нахваливала эту надутую и вредную ложь въ концѣ XIX вѣка?.. Газета не могла же не знать, что люди, писавшіе скаски, всегда хвастали, и что трудолюбивые люди въ народѣ обыкновенно понимали ихъ, *какъ бродягъ*, и ихъ *бродяжнымъ скаскамъ* не вѣрили, чему и служитъ живымъ доказательствомъ отношеніе нижегородскихъ гражданъ къ «скаскѣ», поданной въ 1793 году мѣщаниномъ Баранщиковымъ. Газета, безъ сомнѣнія, могла найти надобность въ воспроизведеніи «скаски» Мошкина, какъ *любопытнаго* документа, но для чего же она стала увѣрять читателей въ томъ, что эта скаска представляетъ «достовѣрный источникъ» и что такіе неосновательные лгуны и хвастуны должны, будто бы, представлять собою «предпріимчивость, безкорыстіе и патріотизмъ русскихъ людей»?..

Пусть сохранитъ Господь всякую страну отъ такихъ патріотовъ и... отъ такой печати, которая ихъ хвалитъ!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Вмѣсто того, чтобы увѣрять общество въ столь явномъ и очевидномъ вздорѣ и такими увѣреніями портить понятіе

людей о безкорыстіи и патріотизмѣ, вліятельная газета поступила бы гораздо лучше, если бы, при большомъ изобиліи ея средствъ, она произвела сравненія «скаски» 1643 года съ «скаскою» 1793 года, которая сдѣлалась извѣстною раньше мошкинской скаски. Въ этомъ сравненіи газета, безъ сомнѣнія, могла бы указать своимъ многочисленнымъ читателямъ интересное сходство, и еще болѣе интересную разницу въ подходахъ къ тому, какъ получить «жалованье чѣмъ Господь извѣститъ». И всѣ бы видѣли, какъ наивенъ былъ Мошкинъ, который составлялъ свою «скаску» въ 1643 году только съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать непосредственно на жалобливость царя Михаила, и какъ дальше мѣтилъ и шире захватывалъ уже Баранщиковъ, жившій столѣтіемъ позже; дрянной человѣкъ задумалъ взять себѣ въ помогу печать и, издавъ книгу, обмануть ею все русское общество и особенно властныхъ людей, которые находили удовольствіе помочь ему идти *«наперекоръ положенія закона гражданскаго»*.

Такимъ раскрытіемъ правды понятія читателей были бы направлены къ тому, чтобы уважать лучшее, а не худшее,—именно трудолюбіе земледѣльцевъ, а не попрошайничество бродягъ, которые указывали примѣръ другимъ, какъ уклоняться отъ исполненія общественныхъ обязанностей, взваливая ихъ на скромныхъ и трудолюбивыхъ людей, не освобождаемыхъ отъ исполненія всѣхъ «положеній закона гражданскаго». А такіе люди стоятъ самаго теплаго участія, которое просвѣщенная и честная печать должна и привлекать къ нимъ.

А что потворства проискамъ проходимцевъ со стороны печати не только увеличиваютъ наглость и дерзость людей этого сорта, но даже прямо накликаютъ ихъ въ страну на ея стыдъ и несчастіе—мы это покажемъ изъ наступающаго третьяго очерка, герой котораго протрубилъ о себѣ скаску черезъ лейбъ-газету, и тѣмъ пріуготовилъ себѣ успѣхъ, какого не могъ бы ожидать никакой иной штукарь, не заручившійся союзничествомъ съ газетчикомъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Появленіе Ашинова и вся его блестящая и быстрая карьера въ Россіи съ трескучимъ финаломъ въ Обокѣ есть

дѣло вчерашняго дня, но, тѣмъ не менѣе, все это, однако, настоящая «скаска».

Несмотря на то, что Баранщиковъ появился сто лѣтъ послѣ Мошкина, а Ашиновъ сто лѣтъ послѣ Баранщикова, они всѣ трое, по духу и доблестямъ, люди одного и того же сорта, но въ похожденіяхъ каждаго изъ нихъ духъ времени отражается по-своему и заставляетъ ихъ избирать иные пріемы къ тому, какъ добывать «пессадоры» и «питиверы» въ чужихъ краяхъ, а потомъ у себя дома просить «милостивое жалованье за службишку». Мошкинъ, Баранщиковъ и Ашиновъ всѣ не любятъ «положеній закона гражданскаго» и идутъ къ своимъ цѣлямъ обходами, при чемъ, однако, слѣдятъ за практикуемыми въ данное время пріемами, и сами способны выбирать, что подходитъ по времени. Мошкинъ въ 1643 году едва голосъ поднималъ и канючилъ: «пожалуй меня холопа съ товарищи» и дьякъ Гавреневъ распоряжался надъ нимъ «рукою властною». Пока дѣло дошло до того, чѣмъ этого «холопа помилуютъ», Гавреневъ уже «помѣтилъ» наказать его за то, что принялъ отъ папы сакраментъ. Баранщиковъ, появившійся въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, въ литературный вѣкъ Екатерины II, уже начинаетъ прямо съ генералъ-губернаторовъ и доходитъ до митрополита, а свое «гражданское общество» и мѣстное приходское духовенство онъ отстраняетъ и постыждаетъ, и обо всемъ этомъ подаетъ уже не писаную «скаску», которой «вся дорога отъ печи и до порога», а онъ *выпускаетъ печатную книгу* и въ ней шантажируетъ своихъ общественныхъ нижегородскихъ людей, которые, надокучивъ за него платить, сказали ему: «много васъ такихъ бродягъ!» Этотъ уже не боится, что его дьякъ «помѣтитъ» къ отвѣту за «сакраментъ». Несмотря на то, что Баранщиковъ сдѣлалъ гораздо бо́льшую вину, чѣмъ принятіе католическаго сакрамента, ибо онъ не только разъ, но нѣсколько разъ принималъ изъ-за выгодъ магометанскую вѣру, собиралъ себѣ за это по дворамъ «ризки» и потомъ женился на турчанкѣ Ахмедудѣ и хотѣлъ взять еще другую жену, но все это не помѣшало Баранщикову поставить себя во мнѣніи властныхъ особъ въ Петербургѣ такъ, что «нижегородскіе попы и граждане ничего ему не смѣли сдѣлать». Но этого еще мало: Баранщиковъ не только отвергъ

обязанность платить свои долги и подати, онъ направилъ въ укоръ нижегородцевъ такой шантажный рожонъ: «Какъ!.. Это то самое общество, которое, по призыву Минина-Сухорукова, готово было заложить женъ и дѣтей и охотно ввѣрило Минину всѣ имѣнія, чтобы онъ очистилъ съ Пожарскимъ Москву отъ поляковъ» (стр. 72). Издавъ съ чьей-то помощью дрянную книжонку въ Петербургѣ, бродяга Баранщиковъ уже издѣвается надъ обществомъ, озабоченнымъ «исполненіемъ положеній закона гражданскаго», и выводя себя на одну линію съ Мининымъ, набрасываетъ на общественныхъ людей обвиненіе въ патріотической измѣнѣ...

Попы и мѣщане должны были смириться и стерпѣть наглости этого выжиги.

Просіявшій же въ концѣ XIX вѣка Ашиновъ уже и знать не хотѣлъ о такой средѣ, какъ попы или мѣщане, а онъ прямо протянулъ откуда-то свою куцапую, бородавчатую руку Каткову и пошелъ фертомъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Въ одинъ достопамятный день редакторъ Катковъ, находившійся въ оппозиціи ко всѣмъ «положеніямъ закона гражданскаго», за которыя стоялъ ранѣе, возвѣстилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что въ какомъ-то царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, совокупилась рать, состоящая изъ «вольныхъ казаковъ», и разные державцы, а особенно Англія, манятъ ихъ къ себѣ на службу, но атаманъ новообрѣтенныхъ вольныхъ казаковъ, тоже «вольный казакъ Николай Ивановичъ Ашиновъ», къ счастью для насъ, очень любитъ Россію, и онъ удерживаетъ своихъ товарищей, чтобы они не шли служить никому, кромѣ насъ, за что, конечно, имъ нужно дать жалованье. Катковъ сразу же почувствовалъ къ этому атаману симпатію и довѣріе, рекомендовалъ Россіи этимъ не манкировать, а воспользоваться названнымъ кавалеромъ, такъ какъ онъ можетъ оказать службу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ русскимъ самимъ появляться неудобно.

Первое катковское заявленіе объ этомъ было встрѣчено съ удивленіемъ и недовѣріемъ: въ Петербургѣ думали, что «злой московскій старикъ» что-то юродствуетъ. Люди говорили: «На кой намъ прахъ еще нужна какая-то шайка

бродячей сволочи!» Но Катковъ продолжалъ свою «лейбъ-агитацію» и печаталъ въ своей «лейбъ-газетѣ» то подлинныя письма сносившагося съ нимъ Ашинова, то сообщенія о томъ, что̀ могутъ сдѣлать въ пользу Россіи вооруженные товарищи этого атамана, укрывавшіеся въ это время гдѣ-то не въ нашемъ государствѣ въ камышахъ и заводяхъ. «Вольные казаки» не знали: идти ли имъ за насъ, или «за англичанку», которая будто бы уже дала имъ заказъ, что̀ имъ надо для нея сдѣлать, и прислала человѣка заплатить имъ деньги за ихъ службишку. Тогда самые простые люди, имѣющіе понятіе объ устройствѣ европейскихъ государствъ и о бытѣ народа, сочли все это за совершенно пустую и глупую выдумку и знали, что ничего такого быть не можетъ, но Катковъ все свое твердилъ, что вольные казаки могутъ уйти у насъ изъ рукъ; что они уже и деньги отъ англичанкинаго посла взяли, но что все-таки ихъ еще можно остановить и направить къ тому, чтобы они пошли и подбили кого-то не подъ англичанку, а подъ насъ.

Это становилось смѣшно и никто не могъ понять: какую надобность можетъ имѣть «англичанка» въ томъ, чтобы разыскивать и нанимать къ себѣ на службу подобную шушеру,—не понимали и кого еще намъ надо подъ себя подбить? Но тогда Катковъ разсерчалъ и объявилъ, что относиться къ Ашинову съ недостаткомъ довѣрія есть измѣна!

Стало даже неудобно и разузнавать: кто онъ такой въ самомъ дѣлѣ и откуда взялся?

Но вдругъ тамъ же, въ Москвѣ, нашелся безстрашный человѣкъ и сталъ спорить съ Катковымъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Отважный московскій гражданинъ былъ другой газетный редакторъ, Алексѣй Алексѣевичъ Гатцукъ, издававшій «Крестный календарь» и своего имени иллюстрированную газету. У Гатцука были въ разныхъ городахъ корреспонденты, и одинъ изъ нихъ зналъ объ Ашиновѣ и сообщилъ въ «Газету Гатцука», что Николай Ивановъ Ашиновъ вовсе не «вольный казакъ», каковаго нѣтъ и названія, а что онъ пензенскій мѣщанинъ, учился въ тамошней гимназіи и исключенъ оттуда изъ младшихъ классовъ за нехорошіе поступки. Потомъ онъ бродилъ и съякшался съ какими-то темными побродягами и скитался съ

ними гдѣ попало, находясь всегда въ сторонѣ отъ спокойныхъ людей, исполняющихъ положенія гражданскаго закона. Гатцукъ съ радостью напечаталъ это извѣстіе, чтобы «открыть обществу глаза» и не допустить его до глупости носиться съ человѣкомъ, который вовсе не то, за кого онъ себя выдаетъ и кѣмъ онъ *быть не можетъ*, такъ какъ никакихъ «вольныхъ казаковъ» въ Россіи нѣтъ. Но несмотря на точность свѣдѣній Гатцука, которыя ничего не стоило провѣрить въ каждую минуту, и не стѣсняясь тѣмъ, что «вольныхъ казаковъ» въ самомъ дѣлѣ нигдѣ нѣтъ, очевидная ложь, выдуманная какимъ-то выжигою, при поддержкѣ Каткова, стала за истину и заставила людей довольно почтенныхъ играть передъ цѣлымъ свѣтомъ унизительныя и жалкія роли.

Говорили: «—Да!.. чортъ возьми!.. Оно кажется... что-то того... Что-то не чисто пахнетъ, но вѣдь если подумать... Если вспомнить, кто былъ Ермакъ... такъ и надо потерпѣть...

«—Ну да,—возражали имъ:—но вѣдь Ермакъ «поклонился Сибирью», а этотъ чѣмъ же будетъ кланяться?»

«— А вотъ у него ужъ что-то есть!..»

И вдругъ называли Египетъ и Индію.

И что же! «Все повинулось суетѣ», «мудрые объюродѣша» и «за ослушаніе истины вѣрили лжи» (2 Ѳс. II, 11—12).

И не прошла еще вся эта болтовня, какъ явился персонально самъ Ашиновъ и сразу пошелъ изъ двора во дворъ, съ рукъ на руки, находя вездѣ «преданность и уваженіе и уваженіе и преданность». А про Гатцука Катковъ напечаталъ, что «въ Москвѣ были большіе жары, и съ Ал. Ал. Гатцукомъ что-то сдѣлалось». Этого было довольно, да, пожалуй, можно было обойтись и безъ этого... А Ашиновъ въ это время уже ходилъ по Петербургу и «разбирался» тутъ съ привезенными имъ заморскими птицами, черномазымъ мальчикомъ и неизвѣстною дѣвицею, въ званіи «принцессы» и дочери дружественнаго царя Менелика, которая по пути уже изрядно подучилась по-русски... Ее привѣчали дамы, а Ашиновъ самъ былъ вездѣ нарасхватъ: его всѣ желали видѣть и нѣкоторые редакторы сами за нимъ слѣдовали, а ихъ газеты провозвѣщали о вечерахъ и собраніяхъ, которые Ашиновъ удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ. Коренастый, вихрястый, рыжій, съ бѣгающими глазами, онъ ходилъ въ казачьемъ уборѣ и появлялся въ собраніяхъ въ

сопровожденіи такихъ извѣстныхъ лицъ, какъ, напримѣръ, Аристовъ, редакторъ Комаровъ, священникъ Наумовичъ, г. Редедя и одинъ, а иногда даже два поэта, изъ которыхъ одинъ, старикъ Розенгеймъ, обкуривалъ его мариландскою папироскою, а другой нарочито искательный мелодикъ втягивалъ въ себя даже собственныя черевы *). Гдѣ сопровождаемый свитою, гдѣ одинъ, Ашиновъ показывался у людей съ большимъ вѣсомъ, и день-ото-дня все смѣлѣе претендовалъ на предоставленіе ему еще бо́льшей представительности. И какъ это ему нужно было очень скоро, то онъ торопилъ своихъ покровителей, попугивая ихъ, что промедленіе опасно, такъ какъ оно можетъ вывесть изъ терпѣнія его товарищей, которымъ уже принадоѣло сидѣть въ камышахъ и они могутъ кликнуть «айда», и тогда всѣ наши выгоды предоставятъ «англичанкѣ». Такой несчастный оборотъ могъ случиться ежеминутно (и зачѣмъ онъ не случился!), а Ашиновъ становился нетерпѣливъ и очень дерзокъ. Какъ человѣкъ совсѣмъ невоспитанный и наглый, онъ не стѣснялся бранить кого попало, а иногда смѣло врывался въ дома нѣкоторыхъ сановниковъ, хваталъ ихъ за руки и даже кричалъ угрозы. Генералъ Грессеръ не могъ слышать имени этого претендента, но терпѣлъ его, считая его за своего рода «табу», котораго нельзя призвать къ порядку. А тотъ пользовался этимъ съ безуміемъ настоящаго дикаря и довелъ свою азартность до того, что началъ метаться на своихъ, какъ на чужихъ, и даже на мертвыхъ. Въ семъ послѣднемъ родѣ, напримѣръ, извѣстенъ былъ такой случай, что когда въ одномъ домѣ были вмѣстѣ Ашиновъ и Розенгеймъ, и судьбѣ было угодно, чтобы генералъ Розенгеймъ тутъ же внезапно умеръ, то онъ упалъ со стула прямо къ ногамъ Ашинова, а этотъ вспрыгнулъ съ своего мѣста и, щелкнувъ покойника рукой, вскричалъ:

«— Эхъ, ты! Нашелъ гдѣ умирать, дурашка!..»

И Петербургъ все это слушалъ и смотрѣлъ и... даже ужъ не удивлялся...

*) Въ разсказахъ Ашинова было не мало темъ для поэзіи въ оссіановскомъ родѣ: такъ, я помню, какъ онъ однажды разсказывалъ объ англичанинѣ, который имъ будто привезъ деньги отъ англичанки и требовалъ, чтобы они ѣхали *съ нимъ*, а они деньги приняли, а поѣхали *въ свою сторону*, а англичанина повезли *за собою* и на остановкахъ его драли, пока онъ не стерпѣлъ болѣе и они его тамъ и закопали.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

То, что здѣсь изложено, — это не только «фактъ», какъ любятъ заключать свои сообщенія газетные репортеры, но это «даже настоящее событіе», какъ говоритъ одинъ изъ замѣчательныхъ петербургскихъ ораторовъ. Ашиновъ достигъ самаго полнаго преобладанія надъ всѣми «исполнителями положеній закона гражданскаго» потому, что его вывелъ въ свѣтъ редакторъ, не уважавшій «гражданскихъ постановленій». Такой соучастникъ такъ важенъ, что Ашиновъ началъ свою карьеру съ того, о чемъ Мошкинъ (XVII в.) не смѣлъ бы и думать, а Баранщиковъ (въ XVIII в.) дошелъ только въ концѣ своихъ подвиговъ, и то въ слабой степени. Ашиновъ прямо сразу пошелъ на разореніе «положеній закона гражданскаго», потому что онъ былъ хорошо освѣдомленъ о томъ, кто въ періодической печати столь ненавидитъ законность, что не погнушается идти противъ нея заодно съ кѣмъ попало... И когда эти два дѣятеля соединили свои имена и свою ярость — вышло то, что унизительный инцидентъ Ашинова никакими клещами не можетъ быть отодранъ отъ исторической фигуры Каткова...

Если соотвѣтственные элементы будутъ въ наличности и въ XX вѣкѣ, то возможно, что явленіе повторится, и тотъ вѣкъ тоже выставитъ своего продолжателя Мошкину, Баранщикову и Ашинову, но вдохновенный таковскимъ духомъ молодецъ въ двадцатомъ вѣкѣ долженъ имѣть бо̀льшій успѣхъ, а именно — онъ долженъ начать съ того, чѣмъ кончилъ Ашиновъ, когда сталъ въ гордой позѣ надъ тѣломъ послѣдняго славянофильскаго поэта, лежавшаго у его ногъ въ генеральской униформѣ.

Печать же должна показать, насколько «скасочники» стоятъ ниже людей, «исполняющихъ положенія гражданскаго порядка», такъ какъ только святой трудъ этихъ людей даетъ средства на всѣ дѣйствительныя нужды страны, а также и на удовлетвореніе многихъ ненужностей.

СОШЕСТВІЕ ВО АДЪ.

(АПОКРИФИЧЕСКОЕ СКАЗАНІЕ).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Искусство сберегло намъ полное представленіе о томъ, что̀, *по свидѣтельству очевидцевъ*, назадъ тому 1860 лѣтъ происходило въ минувшую ночь въ раю и въ преисподней.

Памятникъ, который передаетъ это, есть икона «Воскресенія съ сошествіемъ», древняго, греческаго типа, точно воспроизводимая русскимъ «Строгановскимъ подлинникомъ», о которой лѣтомъ 1893 года писали друзья наши французы, обсуждая изображеніе со стороны «фантазіи художника». Эта икона совсѣмъ не похожа на «живописную» икону, «полагаемую» сегодня на аналои господствующей церкви. На новой иконѣ изображенъ гробъ, какого не знали въ Іудеѣ въ Христово время, — Христосъ представленъ взлетающимъ на воздухъ, съ знаменемъ въ рукѣ, а внизу два спящіе воина. Иногда прибавляется еще ангелъ, отваливающій «крышу» гроба, тогда какъ, держась синоптика, надо бы изображать, что ангелъ отваливаетъ «камень у двери гроба». Въ новой иконѣ нѣтъ никакой археологической вѣрности и никакого указанія на событія, сопровождавшія воскресеніе Христа на небѣ, на землѣ и въ преисподней.

Сюжетъ «полной» иконы очень интересенъ и много говоритъ воображенію: въ немъ мы наглядно видимъ, какъ представляли себѣ событія христіане раннихъ вѣковъ, имѣвшіе о воскресныхъ «дѣяніяхъ» много такихъ свѣдѣній, какихъ мы не имѣемъ и принять ихъ не желаемъ или не можемъ, потому что основательность ихъ не достовѣрна. Однако, по этимъ-то именно представленіямъ и сочиненъ рисунокъ иконъ «Воскресенія съ сошествіемъ во адъ», который и внесенъ въ «Подлинникъ» (установленный образецъ). Только одному невниманію русскихъ къ уясненію своихъ памятниковъ слѣдуетъ приписать то, что многіе до

сихъ поръ видятъ въ «полной» иконѣ «Воскресенія съ сошествіемъ» «*фантазію*». Древній иконописецъ или изографъ не смѣлъ фантазировать, а онъ рабски воспроизводилъ только то, что установлено «Подлинникомъ». Что же такое могъ принимать въ соображеніе первый сочинитель рисунка? Вотъ тутъ и является огромное значеніе апокрифа, безъ котораго совсѣмъ нельзя понять (и никто не понимаетъ), откуда и на какомъ основаніи на многочтимую воскресную икону древне-греческаго типа нанесены такія «дѣянія» въ аду и въ раю, для которыхъ въ каноническихъ книгахъ нѣтъ указанія.

Прежде всего скажемъ вкратцѣ, что̀ представляется на почитаемой «полной иконѣ съ сошествіемъ».

Здѣсь не три лица (Христосъ и два спящіе воина), а тутъ всего изображено около ста тридцати лицъ, и всѣ эти лица въ «дѣяніяхъ», т.-е. они изображены дѣйствующими, при чемъ «дѣянія» идутъ сразу «въ трехъ планахъ»: а) посерединѣ—на землѣ, б) наверху—въ раю и в) внизу—въ преисподней у Сатаны. Христосъ «во единомъ часѣ» является во всѣхъ трехъ планахъ: онъ на землѣ воскресаетъ, во адѣ *) казнитъ Сатану и Смерть и въ раю—вводитъ «содержавшихся связанными отъ Адама». Чтобы понять изображеніе, надо начинать смотрѣть его съ средняго плана, гдѣ Христосъ воскресъ и стоитъ весь «облистанный» лучами сіянія. Подъ ногами его уже упавшія крестъ-на-крестъ «врата адовы». Они сорвались съ петель отъ «сокрушенныхъ вере́й» (притолокъ) и съ грохотомъ летятъ внизъ въ зіяющую бездну. Преисподняя вся раскрыта и обнажена. Христосъ подаетъ руку Адаму, за которымъ слѣдуетъ Ева, а за ними весь «ликъ праотцевъ». Праотцы идутъ вереницею въ три оборота, и вереница не оканчивается, а теряется за «полями» изображенія. Въ «разверстомъ» аду уже нѣтъ людей, которые содержались здѣсь цѣлые вѣка въ великомъ множествѣ: всѣ они теперь выведены Христомъ на волю; а на всемъ видимомъ пространствѣ ада, начиная отъ открытаго входа, идетъ сраженіе и расправа надъ Сатаною, надъ Княземъ Тьмы, надъ Смертію и «аггелами Сатаны». Ангелы поражаютъ ихъ копьями,

*) *Адъ* пишется со строчной буквы, гдѣ этимъ словомъ обозначается преисподняя, какъ мѣсто мученія, и съ прописной, гдѣ Адъ трактуется какъ лицо. Такъ же и смерть—какъ умираніе, и Смерть—какъ лицо.

а самого Князя Тьмы заковываютъ молотами въ цѣпи. Движеніе огромное и живое. Христосъ тутъ же во второй разъ. Фигура Ада такъ велика, что отъ нея видна только одна большая голова—вся красная. Сатана—тоже красный, дородствомъ помельче и зато онъ виденъ по поясъ. При немъ неотлученъ Іуда съ его кошелькомъ, въ которомъ тридцать сребренниковъ. Смерть въ «зеленомъ тѣлѣ», Князь Тьмы—синій. У всѣхъ у нихъ волосы дыбомъ отъ страха, который производитъ «блистаніе божества». Въ третьемъ мѣстѣ Христосъ съ «благоразумнымъ разбойникомъ Рахомъ», — даетъ ему красный крестъ и посылаетъ его въ рай. Это происходитъ между раемъ и адомъ. Рай наверху,— «въ огражденіи»—тамъ «древеса» и опять весь «ликъ» праведныхъ, уже вошедшихъ и привѣтствуемыхъ Ильею и Енохомъ, которые до сихъ поръ жили въ раю только вдвоемъ. Послѣднимъ входитъ Іоаннъ Предтеча «въ шерсти», — у дверей «огненный серафимъ» хочетъ ударить «благоразумнаго разбойника», но тотъ ему показываетъ данный Христомъ красный крестъ, и серафимъ оставляетъ Раха у дверей, пока разберутся и станетъ видно, имѣетъ ли онъ право здѣсь оставаться. Представляется вопросъ: откуда все это взято? А взято все это ни больше, ни меньше какъ съ показанія «очевидцевъ», которые самолично были въ аду въ ту ночь, когда туда приходилъ воскресшій Христосъ...

Этого, конечно, нѣтъ въ каноническихъ книгахъ, и вѣрить этому ни для кого не обязательно, но все-таки это живетъ въ народѣ и сохраняется въ иконописи, и потому это интересно.

Начать надо съ того — «какъ старѣйшина жидовская» производили пристрастные допросы надъ своими же евреями, разсказывавшими, что они видѣли Христа послѣ Его смерти.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

«Видѣся же сотникъ еже Іисусъ предаде духъ, прослави Бога, глагола: «во истину человѣкъ сей праведенъ бѣ». И вси пришедшіе на позоръ сей видяще бываемое, бьюще перси своя, возвращахуся во Іерусалимъ. Воинъ же Логгинъ, пріемъ коніе, удари въ ребра Іисуса, и абіе изыде кровь и вода. (Въ каноническихъ евангеліяхъ сказано просто, что «сотникъ ударилъ», но не сказано, что этотъ сотникъ былъ Логгинъ). Тогда сотникъ, пришелъ къ Пилату, возвѣсти ему вся. И оскорбѣ Пилатъ зѣло, и призвавъ Іудеи,

вопроси ихъ. еда зрѣша знаменія, яже въ солнцѣ. и иная бывшая о Іисусѣ умершемъ? (А что: видѣли ли вы знаменія на солнцѣ и другія, которыя явились при смерти Іисуса?). Они же. слышавъ сіе, рекоша: яже омрачися солнце днесь, якоже и иногда (т.-е. Что же такое? Солнце затмилось такъ. какъ это и въ другое время бывало).

«И се Іосифъ, иже отъ Аримаѳея, сый потаенъ ученикъ Іисусовъ. пріиди къ Игемону. моли его, да повелитъ сняти со креста тѣло Іисусово. И повелѣ Игемонъ ему. Пріяста же тѣло Іисусово и обвиста его ризами и ароматы. положиста Іисуса. и привалише камень *надъ* (sic) двери гроба».

«Іудеи же слышавше, яко Іосифъ съ Никодимомъ испросиста тѣло Іисусово, помышляху какъ убити я (ихъ) и (съ ними) дванадесятихъ (апостоловъ). такожде и другихъ иже свидѣтельствоваху о Іисусѣ предъ Пилатомъ. Вси бо тогда быша вкупѣ, послѣди же скрышася страха ради Іудейска. Единъ Никодимъ токмо ста предъ Іудеи, зане князь бѣ въ нихъ. (Былъ человѣкъ съ вѣсомъ и положеніемъ и могъ ихъ не бояться). Сей рече имъ: чесо ради пріидосте паки въ сонмище нынѣ? Они же рѣша ему: ты же что пришелъ и како вшелъ еси сѣмо причастникъ бо сый Іисусовъ и въ части Его будеши во вѣки. (А ты самъ для чего пришелъ? Да ты еще какъ смѣлъ и войти сюда—ты вѣдь Его сообщникъ! Тебѣ и самому будетъ то самое, что и ему досталось)».

Никодимъ представленъ человѣкомъ горячимъ. простымъ и рѣшительнымъ. «И отвѣщавъ Никодимъ. рече: «ей! буди ми тако». (Т.-е. Что же за важность! Я и не боюсь: пусть будетъ, какъ вы говорите).

«По сихъ же пріиде Іосифъ (этотъ рисуется другого характера). онъ рече: «учители, чесо ради оскорбистеся на мя. яко испросихъ тѣло Іисусово, и погребохъ въ новомъ своемъ гробѣ. и камень возложихъ нань. Мужіе Израильстіи, не добро дѣло сотвористе о праведницѣ семъ. но распясте того,—неповинна суща. И не раскаетеся еще о грѣхѣ своемъ, но и въ ребра прободосте его?»

Но вся эта ласковость и увѣтливость не помогла Іосифу... «Слышавъ сіе Іудеи яша Іосифа и затворися въ темницу. (Объ этомъ въ канонич. книгахъ нѣтъ никакого упоминанія). Заутра же глаголаху ему: виждь яко днесь злыя пріидутъ на тя. смерти же не имаши вкусити нынѣ. зане суббота настоитъ: по сей же (т.-е. послѣ шабаша) умер-

твимъ тебя и тѣло твое звѣремъ предадимъ. Отвѣщавъ Іосифъ, глагола имъ: Той, Его же вы распясте на крестѣ, силенъ есть изъяти мя отъ рукъ вашихъ. Не бо, яко же Пилатъ буду вамъ. Той бо и безъ обрѣзанія плотскаго, но во обрѣзаніи сердца своего, очистися отъ грѣха, умыся прямо солнцу (передъ солнцемъ), глаголя: чистъ есмь отъ крови праведника сего, вы узрите.» (Это объясненіе умыванія рукъ *передъ солнцемъ*, чтобы оно было свидѣтелемъ непричастности къ дѣлу, очень интересно, и достойно замѣчанія, что о немъ нигдѣ не упоминается съ такимъ истолкованіемъ).

«Слышавше же Іудеи словеса сія, исполнишася ярости зѣло и емше его, всадиша въ темницу, и затворивше утвердиша печатьми и стражу поставиша. На утрій же князи и старцы людстіи собрашеся въ сонмище, совѣтъ сотвориша, яко да лестію убіютъ Іосифа. И шедше, отверзоша темницу и не обрѣтоша Іосифа тамо, печатемъ же цѣлымъ и дверемъ затвореннымъ сущимъ. И уже къ тому не смѣяху на иныхъ возложити рукъ, бояхубося». (Боялись, чтобы такого чуда еще впередъ не повторялось).

Чудо это предшествовало первому извѣстію, которое принесли сторожа, приставленные къ пещерѣ, гдѣ было положено тѣло Іисусово. Но сейчасъ вслѣдъ за симъ приходитъ и это извѣстіе, изложенное опять значительно иначе, чѣмъ въ нашихъ книгахъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

«Еще же сѣдящимъ имъ на сонмищи и судящимъ о Іосифѣ, се воини пріидоша отъ кустодіи, и глаголюще: яко стрегущимъ намъ гробъ, абіе *громъ бысть великъ*, и се ангелъ Господень сниде съ небесе и отвали камень отъ дверей гроба, и сѣде на немъ, бяше лице его яко же молнія и отъ страха его быхомъ яко мертви, и *слышахомъ сю глаголюща женамъ*, яже пріидоша помазати тѣло Іисусово и стояху у гроба. (По этому описанію выходитъ, что когда прибѣжали жены, сторожа все еще спали, или дремали въ полуснѣ за пещеркою). Глагола имъ ангелъ: не ужасайтеся, Іисуса ищете Назарянина распятаго: нѣсть здѣ, но возста. Пріидите и видите мѣсто, идѣ же лежаша Господь и шедше рците ученикомъ Его и Петрови, отвергшемуся Его, да не въ горшую печаль пріидетъ, зане сей Петръ, внегда отрещися ему отъ Него, плакавъ горько, *не нитой не пій вамъ*

доселѣ. Слышавъ же Петръ возрадовася зѣло, тече ко гробу и Іоаннъ съ нимъ. Іоаннъ же тече скорѣе (бѣжалъ рѣзвѣе) Петра. Пришедъ же и Петръ ко гробу и приникъ видѣ ризѣ едины лежаща и сударь».

Какъ только извѣстіе это дошло до іудейскихъ старшинъ, тѣ сейчасъ же распорядились узнать: что это были за женщины, съ которыми, по словамъ сторожей, разговаривалъ ангелъ?

«Рѣша же Іудее: кто суть жены, имъ же глаголаше ангелъ? отвѣща же воины, рѣша, не вѣмы. Глаголаху Іудее, чесо ради не ясте ихъ?» (Для чего вы ихъ не схватили!?)

Сторожа отвѣчаютъ старѣйшинамъ очень рѣзко: «толико знаменіе видѣвше о человѣцѣ семъ, еще ли не увѣровасте Ему? И паки слышахомъ яже о Іосифѣ, яко и того затвористе въ темницѣ и двери утвердисте утвержденіемъ крѣпцѣ, и се не обрѣтосте его въ темницѣ, дайте намъ Іосифа, и дамы вамъ Іисуса». Синедріонъ какъ бы оробѣлъ передъ сторожами и начинаетъ съ ними переторговываться.

«Глагола Іудее: дадите вы первѣе Іисуса намъ. Воины же отвѣщаша, глаголя: ни, но вамъ достоитъ первѣе дати намъ Іосифа, днесь бо истязуете ны о Іисусѣ недовѣдомѣмъ, сами же не вѣсте, како Іосифъ изведе изъ темницы: убо и мы не вѣмы, како Іисусъ воскресе, изыде изъ гроба и невидимъ бысть, такожде и жены невидимы быша: дайте убо Іосифа и дамы вамъ Іисуса».

Старѣйшины не могли сказать—какъ у нихъ ушелъ изъ-подъ печати Іосифъ, и они начинаютъ лгать сторожамъ: «Глаголаху Іудее, яко отъиде Іосифъ во свояси, во градъ Аримаѳейскій». Отвѣщаху же воины, глагола: яко и Іисусъ, возставъ, отъиде въ Галилею, яко же ангелъ, отваливый камень отъ двери гроба, глагола женамъ».

«Тогда Іудее, слышавше сія (т.-е., услыхавъ, что упомянута снова Галилея), убояхуся зѣло и глаголаху: аще услышано будетъ слово сіе о Іисусѣ, яко возста отъ мертвыхъ, во всемъ мірѣ вси людіе имутъ вѣру Ему и увѣруютъ въ Онъ, и будемъ посрамлены отъ всѣхъ и поношеніе будетъ на насъ отъ сыновъ израилевыхъ во вѣки. И совѣтъ сотворше, собраша сребренники довольны, даша воиномъ и заповѣдаша имъ съ клятвою никому же рещи, яко воскресе Господь, но токмо глаголите: яко намъ, спящимъ, пріидоша ученики Іисусовы и украдоша тѣло Его. *И еще услышано будетъ сіе у Пилата, яко изъ пріяте*

отъ насъ, мы умолимъ его и васъ безпечальны сотворимъ. Они же вземше сребренники отъ Іудей, рекоша, яко же наущени быша отъ нихъ».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Но едва замолкаютъ сторожа, какъ появляются новые безпокойные разсказчики о новомъ чудѣ, если не больше, то во всякомъ случаѣ никакъ не меньше удивительномъ.

«*Священникъ* нѣкій именемъ *Финеесъ* и *Адда учитель*, и *Исаія Левитъ*, пріидоша отъ Галилеи во Іерусалимъ и повѣдоша архіереомъ и старцемъ и Левитомъ, яко *видѣша Іисуса на горѣ, нарицаемой Елеонъ*, и съ нимъ единадесятихъ ученикъ Его, и учаше ихъ». «По сихъ же отступи Іисусъ отъ нихъ, благослови я и вознесся на небо. И се юноши два, свѣтомъ страшнымъ одѣяна, стали предъ народомъ, глаголюще: мужіе Галилейстіи, что стоите зряще на небо: имже образомъ видѣсте Его грядуща на небо, такожде паки пріидетъ судити міру».

Такимъ будто образомъ дошла въ Іерусалимъ первая вѣсть о вознесеніи, принесенная тремя поименованными еврейскими людьми, священникомъ Финеесомъ, учителемъ Аддою и Левитомъ Исаіею.

Сложилось цѣлое сказаніе, имѣющее начало и конецъ согласный съ началомъ! Іудеи встревожились и сейчасъ же принялись дѣйствовать съ усиленною энергіею. Надо скорѣе сбить или подкупить Адду, Финееса и Исаію Левита, чтобы они отреклись отъ своего разсказа.

«Тогда глаголаху архіерей и старцы: заклинаемъ вы Богомъ живымъ рцыте: аще во истину тако бысть, якоже глаголете? Они же рѣша: живъ Господь Богъ,—яко же видѣхомъ, тако и возвѣстихомъ вамъ. Тогда архіереи и старцы, вземше писанія, закляша ни кому же возвѣстить сего и давше сребренники, повелѣша изыти ихъ даже до Виѳлеема, въ Галилею (?). И отъидоша кійждо во свояси».

Имъ дали денегъ, пригрозили никому не разсказывать и выслали всѣхъ порознь изъ столицы.

Такъ сбыли съ рукъ эту вторую серію очевидцевъ: но стало безпокойно, что если ужъ священникъ, и левитъ, и учитель разносятъ вредныя синагогѣ вѣсти, да еще присягаютъ, что это правда, и всѣмъ имъ надо «давать сребренники довольны», то до чего же это можетъ дойти? Тратамъ и конца не будетъ!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

«Тогда совѣтъ сотвориша, архіереи Анна и Каіафа, утѣшающе ихъ, и глаголаша: что скорбите, сія вся глаголы лжа суть. Ученицы бо Его купиша отъ воинъ тѣло Его и наустиша я рещи: яко ангелъ съ небеси сниде и отвали камень отъ дверей гроба: и сотвориша тако».

«Но Никодимъ, ста посредѣ и рече имъ: право ли глаголете, николи слышаста людей сихъ, пришедшихъ отъ Галилеи и не помниста ли, еже они возвѣстиша намъ? азъ же повѣмъ вамъ, яко праведніи мужіе тіи и возвѣстиша, еже видѣша о Іисусѣ, яко сущу Ему на горѣ Елеонстѣй со ученики своими, *вознесся на небо. Точію не вѣмы, тако ли, яко же и о Исаіи пишется? яко съ плотію взятъ бысть на небо, или духомъ взятся* Іисусъ и отнесенъ на гору тѣмъ же убо подобаетъ намъ послати и поискати о Немъ по всей странѣ».

«Тогда послаша мужей отъ среды своея, и возвратшеся тіи глаголюще: яко нигдѣ же обрѣтохомъ Іисуса; бывшимъ намъ во Аримаѳеи, обрѣтохомъ Іосифа. Іудеи же, слышавше сія, возрадовахуся радостію велію».

Не разыскавъ Христа, о Которомъ говорили чудо, они обрадовались, что могли отыскать Іосифа, освобожденіе котораго изъ темницы молва также представляла чудеснымъ. Теперь представлялась возможность вызвать его въ Іерусалимъ и лично отъ него узнать, какъ онъ ушелъ изъ-подъ камня и печати? Старѣйшины надѣялись, что онъ разъяснитъ это какъ-нибудь просто, и тогда опроверженіемъ одного чудеснаго слуха ослабится вѣроподобность и того, что сказываютъ объ Іисусѣ.

Надо только было вызвать Іосифа въ Іерусалимъ, но пойдетъ ли онъ сюда изъ Аримаѳеи, гдѣ онъ безопасенъ?

Старѣйшины обращаются къ политическимъ пріемамъ, которые очень характерны.

«Іудеи посланіе написаша (къ Іосифу) съ моленіемъ великимъ—глаголюще: миръ ти и дому твоему: согрѣшихомъ предъ Богомъ и предъ тобою, честнѣйшій Іосифе. Злѣ бо въ темницу всадихъ тя. И нынѣ молимтися: потщися и пріиди паки во Іерусалимъ. Се бо раскаяхомся о тебѣ» «Потомъ избравше отъ среды своея седмь мужей честнѣйшихъ, ихъ же и самъ Іосифъ любляше, послаша ихъ, гла-

голюще: идите днесь ко Іосифу, и аще пріемлетъ отъ васъ писаніе наше, вѣдите, яко паки пріидетъ сѣмо, аще ли же ни, вѣдите, яко озлобихъ на ны и уже не ктому возвратится во градъ нашъ. Вы же цѣловавше его возвратитеся съ миромъ, и благословивше отпустиша я въ путь ихъ». «Послы пріидоша ко Іосифу, поклонишася ему и рѣша: миръ ти и всему дому твоему буди во вѣки. И отвѣща Іосифъ, рече: вамъ миръ, пришедшимъ издалеча, и всѣмъ людемъ Израилевымъ».

«Вземшу же посланіе Іосифу и прочетшу е. облобыза написанное и благослови Бога, рече: благословенъ Господь Богъ мой, иже посла ангела Своего и покры мя крылами благости своея».

«Тогда уготова Іосифъ трапезу и ядоша, и пиша, и почиша даже до утра. Возставшимъ же имъ повелѣ Іосифъ уготовати въ путь осла и всѣдъ на не, отъиде въ путь свой въ Іерусалимъ. И бысть, егда вхождаше во Іерусалимъ, изыдоша іудеи во срѣтеніе его—глаголюще: миръ тебѣ господине Іосифе, Іосифъ же, цѣловавъ ихъ, рече имъ: буди и вамъ миръ». Тогда Іосифа «закляли на книгѣ закона» говорить правду: какъ онъ ушелъ изъ-подъ замка и печати.

«Глагола Іосифъ: мужіе братіе! вѣдомо вамъ буди, яко въ день той, внегда затвористе мя, пребыхъ тамо чрезъ всю нощь и день субботный, даже до другія нощи. О полунощи же (въ часъ воскресенія Христа), стоящи ми на молитвѣ, се верхъ темницы, въ ней же бѣхъ, взятся отъ мѣста своего, и отъятся отъ четырехъ углъ и видѣхъ свѣтъ предъ очима моима, и пристрашенъ быхъ азъ, и падохъ на землю, и воззрѣвъ, видѣхъ предъ собою стоящa мужа, и той взятъ мя за руку и постави на нозѣ моя, и изведе изъ темницы. Тогда облобызавъ мя, рече: не бойся Іосифе и возведи очи твоя и виждь, кто есть глаголяй съ тобою. И пристрашенъ быхъ азъ, мняще духъ видѣти, и рѣхъ ему: кто еси Господи; Илія ли, или единъ отъ пророкъ? И отвѣщя ми глаголя: нѣсмь Илія, ни пророкъ, но Іисусъ есмь Христосъ; Его же испросилъ еси у Пилата на погребеніе».

Такимъ образомъ надежды старшинъ услыхать отъ Іосифа опроверженіе тревожныхъ для нихъ слуховъ были разрушены и вмѣсто опроверженія они получили новое свидѣтельство отъ уважаемаго человѣка, что и онъ самъ видѣлъ Іисуса воскресшаго.

Для іудеевъ дѣло принимало самый отчаянный оборотъ, потому что Іосифа Аримаѳейскаго подкупить было невозможно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

«Никодимъ и архіереи, и старцы», услыхавъ то, что сказалъ имъ Іосифъ, такъ испугались, что попадали ницъ, «и быша яко мертвіи, и не ядоша, не пиша даже до вечера». Первый поднялся Никодимъ, и «глаголя имъ: возстаните на нозѣ ваша, помолимся и вкусите отъ брашенъ и укрѣпитеся, яко суббота заутра есть». Старцы «возсташа и возмоша ясти», а перебывъ шабашъ, придумали вызвать изъ Галилеи тѣхъ трехъ человѣкъ, которые говорили, что они Христа видѣли, но, однако, позволили себя подкупить «взявше довольны сребренники». Разсадили ихъ порознь и стали сбивать на переспросахъ, а потомъ начали сводить вмѣстѣ на-очи.

«Они же исповѣдаша истину, яко же и первѣе свидѣтельствоваху о немъ».

Анна и Каіафа не хотятъ и слышать, но встаетъ Іосифъ и дѣлаетъ посылку на новыхъ лицъ, которыя со Христомъ ожили и встали изъ своихъ могилъ и *теперь живутъ снова*. Эти были уже въ аду и тамъ все видѣли.

«Внемлите, еже реку вамъ! говоритъ Іосифъ Аримаѳейскій: вѣсте Симеона, иже срѣте въ церкви и пріятъ Іисуса на руку свою, младенца суща. Сей имѣяше два сына, иже умроста уже (они уже умерли, а между тѣмъ), и видѣхомъ ихъ вси. Тецыте убо нынѣ и видите яко гробы его отворена суть, зане воскресоша (они уже ушли изъ гробовъ, и теперь) во Аримаѳеи суть въ молитвѣ и молчаніи пребывающе. Идемъ убо къ нима молящіе (и упросимъ ихъ), да пріидутъ сѣмо, и вопросимъ ихъ съ клятвою возвѣстите намъ, како воскресоста?» Іудее же, слышавше сія, возрадовашася зѣло и шедше Анна и Каіафа, Никодимъ, Іосифъ и Гамаліилъ ко гробу его (къ фамильной гробницѣ Симеона) и не обрѣтоша (не нашли тѣхъ двухъ его покойныхъ сыновей). Идоша же во Аримаѳей и обрѣтоша я колѣнопреклоненна молящася, и объемше и цѣловавше, ведоша въ Іерусалимъ въ Церковь. Затворина же двери, пріемши скрижали Господни, возложиша на ня, и заклявше Господомъ Богомъ Адонаи и Богомъ Израилевымъ (подвели подъ присягу) и рѣша: рцыте нынѣ: зане вѣруете, яко

Іисусъ воскреси вы отъ мертвыхъ, возвѣстите убо намъ: еже видѣста и како воскресоста? Каріинъ же и Лектій (сыны Симеоновы), слышавше сія, трепетна быста, и воздохнувъ и воззрѣвъ на небо, вообразиста персты своими знаменіе креста, на языку своего рекоста: дадите хартію нама и напишемъ еже вѣма. Они же даша има и возсѣдъ писаста».

Отсюда начинается разсказъ о происшествіяхъ во адѣ, списанный Каріиномъ и Лектіемъ, которые сами въ то время были въ аду и все сами, своими глазами видѣли, и своими ушами слышали, и оба собственными руками едно и то же слово въ слово на хартіи написали.

Вотъ это любопытное сказаніе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

«Сѣдящимъ намъ всѣмъ со отцы нашими въ преисподняхъ ада, во тмѣ кромѣшной, се внезапу свѣтъ, яко свѣтъ солнца и лучъ, яко лучъ огня облиста ны. Адамъ, отецъ земнородныхъ, и патріархи, и праотцы, трепетни быша, и рекоша: се лучъ отъ источника свѣта вѣчнаго. Всѣхъ прежде понялъ явленіе пророкъ Исаія. Онъ воскликнулъ: «сей есть свѣтъ Отца и Сына Божія, якоже предрекохъ, сый на земли въ животѣ моемъ».

Всѣ засуетились.

Приходитъ Сумеонъ и сказалъ «боящимся»: «прославимъ Іисуса Христа, Сына Божія, его же азъ пріяхъ младенца суща, на руку мою». Едва Сумеонъ кончилъ, — выходитъ «мужъ во образѣ пустынножителя, и вси сущіи въ преисподняхъ (бросились къ нему и) вопросиша его глаголюще: рцы намъ, кто еси ты?» Пустынножитель отвѣчалъ: «азъ есмь гласъ вопіющаго въ пустынѣ—Іоаннъ Креститель и пророкъ Вышняго. Азъ видѣхъ Іисуса грядуща ко мнѣ и рекохъ о немъ Духомъ Святымъ: се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра, тѣмъ же и нынѣ предтекохъ Ему и снидохъ возвѣстити вамъ, яко въ славѣ Сынъ Божій снидетъ съ высоты своея сѣмо».

Тотчасъ началось въ аду чрезвычайное оживленіе, всѣ спѣшили сообщать дошедшую до нихъ радостную новость другъ другу, и стали посылать одинъ другого далѣе по всѣмъ областямъ ада. Такъ радостная вѣсть быстро дошла до самого Адама и тотъ сейчасъ «призва Сиѳа сына своего и глаголя ему: шедъ возвѣсти сыномъ твоимъ патріархомъ

и пророкомъ вся, яже слышалъ еси отъ архангела (sic), всегда болящу ми, послахъ тя ко вратомъ рая испросити помазаніе на главу мою». Сиѳъ пошелъ исполнять волю отца, и «приступи къ патріархомъ и пророкомъ и глагола имъ: азъ есмь Сиѳъ. Егда молихся у вратъ Рая (просилъ отцу лѣкарства), се ангелъ Господень явися мнѣ, глаголя: Сиѳе, да не пролѣши нынѣ слезъ предъ Господемъ, не дастся бо тебѣ елей милосердія, во еже помазати главу отца твоего, въ болѣзни суща: нѣсть бо возможно сіе, послѣди же имѣетъ быти, внегда скончаются лѣта пять тысячъ и пять сотъ. Тогда возлюбленный Сынъ Божій пріидетъ на землю возвести Адама и воскресити съ нимъ тѣлеса умершихъ».

Тутъ всѣ святые, дожидавшіеся въ аду, обрадовались и, ободрившись духомъ, стали уже наступать на Князя Тьмы и гнать его вонъ изъ ада, чтобы Христу было не скверно сюда спуститься въ его присутствіи.

Сатана, однако, не выходилъ. Пророкъ и царь Давидъ поддержалъ общее движеніе толпившихся въ адѣ, возгласивъ: «не предрекохъ ли въ животѣ моемъ, яко изведе я изъ тьмы и сѣни смертныя, и врата мѣдная сокруши и вереи желѣзныя сломи». Но Сатана и царя Давида не слушался,—тогда отозвался пророкъ Исаія, глаголя: «и азъ предрекохъ въ животѣ моемъ: воскреснутъ мертвыи, возстанутъ сущіи во гробѣхъ, и вси земнородніи возрадуются!» Но Сатана и Исаію пророка не послушался.

Тогда въ аду сдѣлалось всеобщее движеніе и противъ Князя Тьмы раздался голосъ изъ иныхъ сферъ, откуда Князь Тьмы и самъ сообразить не можетъ.

«Се услышанъ бысть гласъ шуменъ—яко гласъ грома, глаголющъ: возмите врата князя ваша и возмитеся врата вѣчныя, се бо входитъ Царь славы». Сатана впрочемъ и тутъ все-таки еще продолжалъ упорствовать и обратился къ хитрости. «Князь адскій слышавъ сія, и творяй себѣ не разумѣти слышаннаго (притворился будто не понимаетъ) и рече: Кто есть сей царь славы?»—Давидъ отвѣща ему:—«Господь силенъ въ брани, той есть Царь Славы. Се Онъ пріиде съ высоты святыя своея: услышати воздыханіе окованныхъ и разрѣшити сыны умерщвленныхъ! Отверзай убо врата и внидетъ Царь Славы!»

Услыхавъ это, всѣ святые, патріархи и пророки еще бо-

лѣе обрадовались и заплескали въ восторгѣ ладошами. Шумъ радости и ликованія сдѣлался такъ великъ, что его услыхалъ самъ «Сатана—глава смерти», пришелъ самъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Сатана сталъ говорить съ ласкою: «Се азъ готовъ есмь пріяти Іисуса Назарянина иже непщева себѣ на земли Сыномъ Божіимъ быти». Онъ мнѣ не опасенъ. Онъ боялся смерти и говорилъ: «прискорбна есть душа моя даже до смерти». Правда, что онъ дѣлалъ мнѣ много непріятностей (сотвори пакости мнози) тѣмъ, что исцѣлялъ тѣхъ, кого я поражалъ недугами, и воскресилъ много мертвыхъ, но все это еще не страшно. Выходитъ, что Сатана не понималъ Іисуса Христа и судилъ о немъ не высоко, почитая его за смертнаго, и притомъ еще за такого, который боялся смерти и говорилъ: «прискорбна есть душа моя». Но Князь Тьмы хоть и меньше значитъ въ аду, чѣмъ Сатана, однако онъ оказался благоразумнѣе и осторожнѣе.

«Князь же ада отвѣща Сатанѣ, глаголя: како можетъ сей такову власть имѣти; аще бо человѣкъ простъ былъ? вси бо владыцы міра сего подъ державою моею суть, ихъ же поработилъ ми еси силою твоею; сей же во истину силенъ есть и не токмо за человѣчество, но и за Божество, и никто власти его противостати не можетъ. Еда же и рече сей, яко убояся смерти, не ими вѣры ему (если онъ и сказалъ, что боится смерти — то ты ему не вѣрь), злѣ-бо будетъ намъ отселѣ (худо намъ будетъ)».

Сатана же остался легкомысленникомъ, и «слышавъ сіе, отвѣща: — Онъ не можетъ противостать намъ.—я уже его искусилъ, возмутивъ противъ него ревностію и гнѣвомъ народъ Іудейскій, и Смерть прикоснулась къ нему. Не бойтесь,—я его приведу къ вамъ покорнаго».

Князь Тьмы опять сдерживаетъ пылкость Сатаны.

«Глагола Князь Тьмы: не сей ли, иже Лазаря воздвиже четверодневна, его же азъ держахъ мертва? заклинаю тя силою нашею, да не приведеши его сѣмо: яко се Богъ-Вседержитель есть, и можетъ творити вся яко же хощетъ».

А пока они между собою это переговорили, «се абіе слышанъ гласъ бысть, яко гласъ грома и бури: возмите врата князи ваши, се бо входитъ Царь славы».

Испуганный Князь Тьмы закричалъ Сатанѣ: «бѣжи ско-

рѣй и удались отъ жилищъ адовыхъ, а если ты силенъ, то сразись съ нимъ!»

Но увидавъ, что Сатана все храбрится и хочетъ самъ ввести Христа въ адъ, Князь Тьмы разсердился «и изгна Сатану отъ жилищъ своихъ и глагола клевретомъ своимъ: заключите (заприте скорѣе) врата мѣдная и противостаните». И только-что Князь Тьмы успѣлъ сдѣлать это распоряженіе, какъ «Господь въ велелѣпіи Божества и во образѣ человѣчестѣмъ вниде и осія тьму вѣчную и узы нерѣшимыя расторже».

«Тогда Смерть со клевреты своими объята бысть ужасомъ и возопи: побѣждени есьмы тобою, яко смятеніе вселилъ еси въ насъ!»

«Тогда Господь славы поверже смерть къ ногу своею, и Князя адова обезсили, и возведъ отца земнородныхъ къ свѣту». Что собственно и изображается по «подлиннику» на иконѣ «Воскресенія съ сошествіемъ».

Обезсиленный Князь Тьмы не сопротивлялся, но «началъ укоряти Сатану: о сатано! Что восхотѣлъ еси распяти Царя славы! Не вѣси ли нынѣ, яко безуменъ еси! (узналъ ли теперь, что ты глупъ)».

Ссора и перекоръ у Князя Тьмы съ Сатаною вышли на виду у всѣхъ, и самого Іисуса Христа, который въ это время отозвался съ словомъ къ Князю Тьмы.

«Глагола Вельзевулу: отнынѣ да будетъ Сатана во власти твоей во вѣкъ, и поработаетъ ти во Адама мѣсто и сыновъ его, иже кровію моею оправдишася».

Этимъ Спаситель кончаетъ съ Сатаною и обращается къ настрадавшимся въ аду праотцамъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

«Простеръ Іисусъ десницу Свою, глаголя: пріидите ко Мнѣ вси святіи, созданныя по образу Моему, иже осуждени бывше преступленіемъ заповѣди, еже о древѣ — оживитеся нынѣ древомъ креста Моего. Князь-бо міра сего осужденъ есть и смерть попрана».

«Тогда вси святіи собрашася подъ-руку Всевышняго: «Господь же держа десницу Адама, глагола ему: миръ ти и чадомъ твоимъ».—Этотъ и послѣдующіе эпизоды изображаются на истовыхъ иконахъ «Воскресенія съ сошествіемъ».

«И припаде Адамъ къ колѣнома Господа Іисуса Христа,

моли Его со слезами, глаголя: вознесу тя Господи, яко подъялъ мя еси и возвелъ еси отъ Ада».

«Такожде и вси святіи, припадше къ ногу Іисусову, Господь же простре десницу, сотвори знаменіе креста надъ Адамомъ и надъ родомъ его и вземъ за руку Адама, изведе отъ ада и вси святіи съ нимъ». Это и есть тотъ ходъ въ нѣсколько разъ оборoченною вереницею, которая занимаетъ средній планъ иконы.

«Царь и пророкъ Давидъ» какъ только тронулись, запѣлъ: «Воспойте Господеви пѣснь нову». Святые отвѣчали антифонами: «Слава сія будетъ всѣмъ преподобнымъ Его». «По семъ же пророкъ Аввакумъ возопи: «исшелъ еси во спасеніи людей твоихъ, спасти помазанныя твоя». Святые на отвѣтъ Аввакуму запѣли: «Благословенъ грядый во имя Господне». Итакъ: «вси святіи и пророцы» прослѣдовали изъ ада въ рай съ пѣніемъ «хвалу воздающе и идоша во слѣдъ Господа».

«Держай Господь руку Адама, введе его Архангелу Михаилу и вси идоша съ нимъ, и со славою введени быша въ рай».

Но и въ раю начинается то же недоумѣніе: тамъ тогда было всего только два обитателя. Енохъ и Илія, и они удивились, что это за огромное нашествіе и кто его ведетъ. «Два старца стаста предъ ними (пришельцами изъ ада) и вопросиша ихъ святіи: кто еста, не бо бѣста съ нами во адѣ. Единъ же отъ нихъ отвѣщавъ: азъ есмь Енохъ, а сей Илія Оезвитянинъ».

«Егда же Енохъ и Илія глаголаста сія, пріиде мужъ нѣкій странен, носяй крестъ на рамѣ своей, и святіи вопросиша его: Кто сей? зракъ разбойника имый, и чесо ради носиши крестъ на рамѣ своей?»

«Онъ же отвѣща: во истину разбойникъ есмь, много бо зла сотворихъ на земли, и со Іисусомъ распятъ бѣхъ, и даде ми крестъ свой—глагола: иди, и аще ангелъ, иже при вратѣхъ рая, воспретитъ ти входъ, яви ему крестъ и рцы: яко Іисусъ Христосъ, днесь распятый, прислалъ мя къ тебѣ».

Этотъ «ст. Рахъ разбойникъ» или по неправильному обозначенію титла «Страхъ разбойникъ», или «Благоразумный разбойникъ» (котораго видимъ на картинѣ Ге) и у самыхъ воротъ рая дожидается съ крестомъ на ладони.

«Скончавшу же разбойнику глаголы сія, вси патріарси

и пророци возопиша гласомъ веліимъ: Боже Вседержителю! устрой убо ему милость Твою въ раи, и постави его въ животѣ вѣчнемъ».

Этимъ оканчивается рукописаніе на хартіяхъ, на которыхъ писали сыновья Сумеона, бывшіе очевидцами событій въ аду. Рукопись, которую они дали еврейскимъ архіереямъ, заключалась слѣдующимъ заявленіемъ:

«Сія убо суть священная и божественная таинства, яже мы, Каріинъ и Лектій и вси сущіи тамо видѣхомъ; прочее же возбрани намъ возвѣщати (прочаго же что еще видѣли, мы открыть не можемъ), якоже яви намъ архангелъ Михаилъ, повелѣвый намо идти съ братіею нашею во Іерусалимъ». Егда же скончаа кійждо писати сія, вдаде Каріи писанное Аннѣ, Каіафѣ и Гамаліи, Лектій же Никодиму и Іосифу, и внезапу преобразистася предъ ними, и бѣста бѣла яко снѣгъ, и невидима бѣста. Писаніе же обою равно бѣ, и *неразличествова ни въ единомъ словеси.* Тогда весь сонмъ Іудейскій, видѣвъ сіе, дивися, и глагола другъ ко другу: во истину Сынъ Божій есть, сотворивый сія. И изыдоша отъ сонмища, плачуще и біяще перси своя, и отъидоша во свояси. Іосифъ же и Никодимъ возвѣстиста Игемону вся бывшая и написа сія Пилатъ и положи въ кивотѣ».

Вотъ почему на нѣкоторыхъ старыхъ лубочныхъ изображеніяхъ «суда» вмѣстѣ съ «старѣйшинами іудейскими» сидитъ Пилатъ въ епанчѣ, въ узкихъ штанцахъ въ обтяжку и въ шляпѣ съ перомъ въ родѣ атаманской. Тамъ же обозначается какой-то сундучокъ, въ которомъ повидимому нѣтъ никакого смысла, если не знать, что онъ спрятанъ въ «кивотѣ».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

«Вниде Пилатъ въ церковь и собравъ архіереи и книжники, повелѣ заключить двери и глагола: увидѣвъ, яко имаше книгохранительницу церковную, сего ради заклинаю вы Богомъ отецъ вашихъ, не сокройте правды отъ мене, рцыте ми, еда-ли въ писаніи обрѣтаете, яко Іисусъ, его же распясте, Сынъ Божій бѣ? Тогда повелѣста Анна и Каіафа изыти изъ церкве всѣмъ, и заключивше двери, рекоста Пилату: егда распяхомъ Іисуса, не вѣдѣхомъ его Сына Божія быти, мняще яко волхвованіи знаменія творяше. Таже по смерти его поискахомъ о еже содѣла; и обрѣтохомъ свидѣтелей мнозѣхъ отъ колѣна нашего, иже видѣша его жива

по страданіи и смерти; и сами видѣхомъ двою свидѣтелю, ихъ же воскреси Іисусъ отъ мертвыхъ. Тіи бо возвѣстиша намъ дивная чудеса, яко сотвори Іисусъ во адѣ; обычай же имамы на всяко лѣто искати отъ писаній свидѣтельства Божія, и обрѣтохомъ въ первой книзѣ толкованій, яко глагола архангелъ третьему сыну Адама, яко по пяти тысящахъ и пятистахъ лѣтѣхъ, имать пріити съ небесе взлюбленный сынъ Божій Христосъ; и разумѣхомъ, яко той есть Богъ Израилевъ».

Такимъ образомъ даже и для помѣщенія Пилата сидящимъ въ собраніи съ архіереями и старѣйшинами іудейскими есть письменное основаніе, къ которому первые компановщики иконы «суда» и «сошествія», конечно, отнеслись съ полнымъ довѣріемъ и критиковать его не могли, да, вѣроятно, и не желали.

Сюжетъ этотъ какъ вошелъ въ иконописный «подлинникъ», такъ и сталъ воспроизводиться, и почитался до церковной реформы за «правильное». Послѣ реформы, когда старое стали почитать за неправильное, новые «фрязьскіе мастера» начали писать икону «Воскресенья» иначе.

Апокрифъ же этотъ, изъ котораго сдѣланы выписки, объясняющія кажущуюся произвольность фантазіи русскихъ иконописцевъ, весьма многимъ изъ простолюдиновъ извѣстенъ, и вотъ что я, напримѣръ, помню о распространеніи его во время всеобщаго безграмотства среди самыхъ темныхъ, крѣпостныхъ крестьянъ въ орловской губерніи.

Въ селѣ Добрыни, гдѣ я проводилъ дѣтство, былъ діаконъ на дьячковской вакансіи. Онъ получилъ свое скромное мѣсто въ приданое за женою, бывшею дочерью уніатскаго попа или распопа, по имени Фока. Отецъ Фока былъ «изъ непокорныхъ уніатовъ». Впрочемъ, всѣ данныя для исторіи Фоки у насъ ограничивались тѣмъ, что онъ «съ митрополитомъ Сѣмашкой былъ въ школѣ товарищъ и вмѣстѣ съ нимъ на православіе подписался, но не захотѣлъ «долгихъ косъ носить», и такъ заспорилъ, что сказалъ: «я тебя переживу». Сѣмашко же будто отвѣчалъ Фокѣ: «а я тебя на высылъ представлю» Каждый и началъ доказывать другъ другу то, чѣмъ грозился. Сѣмашко удалилъ Фоку съ мѣста и «представилъ на высылъ», а Фока пошелъ его «переживать». Высылъ Фокѣ вышелъ изъ виленской губерніи въ

орловскую, гдѣ о ту пору былъ архіерей изъ южныхъ уроженцевъ,—нерасположенный къ Антонію Сѣмашкѣ. Это стеченіе обстоятельствъ послужило въ пользу Фокѣ: архіерей узналъ о бѣдственномъ положеніи голодавшаго «недовѣрка» и «предоставилъ одной изъ его дочерей дьяческую вакансію въ селѣ». Но этимъ еще владыка орловскій не окончилъ свою укоризну Сѣмашкѣ, а взялъ да и произвелъ Фокина зятя изъ дьячковъ въ дьяконы. Самъ же Фока какъ-то совсѣмъ отпалъ духовнаго чина, ходилъ въ «сурутѣ» и обучалъ латинскому языку и другимъ наукамъ дѣтей у нашего предводителя, а потомъ оставался у него «вольнымъ секретаремъ». Что касается духовныхъ правъ отца Фоки, то никто не зналъ, какъ на этотъ счетъ располагать о немъ. Приходскіе батюшки не отчисляли Фоку ни къ приказнымъ, ни къ благороднымъ, но въ отличіе отъ себя называли его «распопомъ», а мужики, слышавшіе, что онъ «уніатъ»—безъ дурной мысли именовали его «тунеядомъ».

У Фоки была изрядная библіотека, въ которой находилось много книгъ почаевской и гродненской славянскихъ типографій и нѣсколько рукописей, — извлеченій и переводовъ, сдѣланныхъ самимъ отцомъ Фокою.

Когда Фока умеръ и библіотека его перешла къ его зятю діакону на дьяческой вакансіи,—тотъ устроилъ литературное сокровище Фоки сообразно своему усмотрѣнію, и только одну рукопись оставилъ себѣ «для душевной пользы», а польза заключалась въ томъ, что въ пасхальную ночь, когда дворяне, ихъ дѣти, дворовые люди и мужики, боясь ночной темноты и распутицы, прибывали изъ деревень къ церкви съ вечера и въ ожиданіи заутрени размѣщались по домамъ на поповкѣ,—тогда каждый годъ въ ригѣ у діакона составлялось прелюбопытное чтеніе, за удовольствіе слушать которое всякій «слухачъ» долженъ былъ дать три копейки на свѣчку.

Тутъ мы и получали о предстоящемъ часѣ воскресенія Христова такія любопытныя свѣдѣнія, какихъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не получишь. И вотъ зато теперь намъ странно и смѣшно слышать, что чужестранцы толкуютъ, будто самая любимая икона русскаго народа «пишется по фантазіи художника», а бывшіе въ ту пору въ Парижѣ писатели наши не нашлись это поправить. Пусть, однакоже, хоть далѣе не думаютъ такъ ошибочно наши просвѣщенные люди, которымъ не пришлось раньше узнать объ этомъ.

Оглавленіе

XXI ТОМА.

стр.

Разсказы кстати:

Дама и фёфела 3
Голосъ природы. 47
Сибирскія картинки XVIII-го вѣка. (Изъ дѣлъ сибирской старины). 56
Вдохновенные бродяги. (Удалецкія «скаски») 111
Сошествіе во адъ. (Апокрифическое сказаніе) 146

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

Рисунокъ утвержд. Правительствомъ.

Переплетная „НИВЫ", СПБ.